

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WIDENER LIBRARY

HX PHBH Y

vslw 4180.604

HARVARD COLLEGE LIBRARY

BOUGHT WITH THE INCOME
OF A FUND LEFT BY
GEORGE RAPALL NOYES

Вострава

А. Алферовъ и А. Грузинекій.

УССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ХVIII ВѢКА.

ХРЕСТОМАТІЯ.

Изд. фирмы „Сотрудникъ Школъ“.
Москва. 1907.

VSlav 4180. 604

✓ ✓

1800

Типографія Г. Лиснера и Д. Совко.
Водяжнева, Ерестоводвн. пер., д. Лиснера.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стран.</i>
Русскія Вѣдомости 1703 г.	1
Юности честное зеркало.....	5
Приклады, како пишутся комплименты.....	14
Записки И. И. Неплюева.....	16
Путешествіе П. А. Толстаго.....	19
Поѣздка гр. А. Матвѣева въ Парижъ.....	32
Гисторія о російск. матросѣ Василии.....	39
Сципіо Африканъ. Комедія.....	51
Комедія о донѣ Янѣ и донѣ Педрѣ.....	58
Записки кн. Н. Б. Долгорукой.....	65
А. Д. Кантемиръ.....	77
В. К. Тредьяковскій.....	93
М. В. Ломоносовъ.....	99
А. П. Сумароковъ.....	121
Записки маіора Данилова.....	151
Записки А. Т. Болотова.....	158
Императрица Екатерина II.....	170
Журналы.....	199
А. О. Аблесимовъ.....	239
А. Н. Радищевъ.....	254
М. М. Херасковъ.....	274
Д. И. Фонъ-Визинъ.....	283
И. А. Крыловъ.....	325
Г. Р. Державинъ.....	368
Н. М. Карамзинъ.....	407

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задача историко-литературной хрестоматіи — дать въ руки учащихъ такое дополненіе къ учебнику, которое вводило бы ихъ документально „въ языкъ и образъ мыслей того времени“ и давало матеріаль для самостоятельныхъ письменныхъ и устныхъ работъ. При этомъ всякая хрестоматія, уже какъ хрестоматія, страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что не даетъ возможности полностью обозрѣть дѣятельность писателей, представленныхъ въ ней. Всѣ хрестоматіи оправдываютъ свое существованіе только невозможностью для каждаго учащагося (въ школѣ или самостоятельно), познакомиться съ писателями какой-либо эпохи въ полномъ ихъ объемѣ, но въ то же время и потребностью и необходимостью имѣть передъ собою подлинный текстъ писателя, а не изложеніе его въ учебникѣ.

Составители настоящей книги держались того взгляда, что такой, присущій всѣмъ хрестоматіямъ, недостатокъ можетъ быть уменьшенъ, если писатели представлены возможно менѣе дробно. Лучше, думалось намъ, дать меньшее число писателей, но ввести въ нихъ возможно цѣльно, при условіи выбора наиболѣе характерныхъ для вѣка явленій.

Трудную задачу исключенія какого-либо писателя изъ нашей книги облегчало нѣсколько то обстоятельство, что нѣкоторые изъ нихъ по самому характеру своихъ сочиненій гораздо цѣлесообразнѣе могутъ быть представлены въ учебникѣ и въ то же время трудно поддаются дробленію. Таковы, на примѣръ, трактаты на экономическія, политическія и другія

темы, представляющіе органически связанное развитіе мысли, нелегко передаваемое отдѣльными выборками. Сочиненія Посошкова, Татищева, Ѳ. Прокоповича и С. Яворскаго на этомъ основаніи не представлены въ предлагаемой хрестоматіи,

Другія литературныя произведенія не взяты потому, что составители считаютъ необходимымъ знакомство съ ними въ цѣломъ: по объему такія произведенія слишкомъ обширны для хрестоматіи, а между тѣмъ они изданы отдѣльно и могутъ быть приобрѣтены учащимися за нѣсколько копеекъ. Имѣемъ прежде всего здѣсь въ виду „Недоросля“ и „Бригадира“. Точно также басенъ Крылова не дано нами вовсе на томъ основаніи, что это — произведенія, характеризующія творчество Крылова уже въ XIX в.; притомъ басни существуютъ также въ общедоступныхъ дешевыхъ изданіяхъ.

Основная задача хрестоматіи — провести передъ глазами учащихся какъ развитіе общественныхъ теченій и отраженія ихъ въ литературѣ XVIII вѣка, такъ постепенное развитіе художественныхъ литературныхъ формъ, по дорогѣ характеризуюя, возможно полно, самихъ писателей. Петровская эпоха обрисована первою русскою правительственною газетою, ярко показывающею преобразовательную дѣятельность Петра Великаго. „Юности честное зеркало“, „Приклады, како пишутся комплименты“ и „Путешествія за границу“ даютъ почувствовать нравы тогдашняго русскаго общества, а также и то, какъ воспринимали сравненіе жизни западной Европы съ русской дѣйствительностью нѣкоторые изъ образованнѣйшихъ людей того времени. Петровскій театръ даетъ поясненіе о томъ, какъ выполнялась задача преобразователя нагляднымъ путемъ проводить западную культуру въ русское общество. Со вкусомъ самого общества можно познаться по одной изъ любимыхъ повѣстей, не только петровскаго, но и позднѣйшаго времени: *О матростъ Василии*. Сочиненія Кантемира и записки кн. Долгорукой даютъ представленіе о реакціи, наступившей послѣ смерти Петра Великаго, и знакомятъ съ двумя крупными и привлекательными личностями этого времени.

Дальнѣйшими образцами сочиненій XVIII вѣка, вмѣстѣ съ сочиненіями Екатерины II, представлено возрожденіе преобразовательныхъ стремленій въ правительствѣ и то, какъ переживались эти стремленія въ самомъ обществѣ. Поэтому здѣсь даны прежде всего идеалы, рисовавшіеся передъ самой императрицей и наиболѣе мыслящими людьми ея времени (Новиковъ, Радищевъ). „Путешествіе“ Радищева, долго считавшееся запретной и опасной книгой, теперь возстановлено въ своемъ истинномъ значеніи документа, больше всего историческаго. Мы даемъ изъ него рядъ выдержекъ, такъ какъ трудно найти другой памятникъ, на которомъ такъ легко и ясно можно показать наиболѣе серьезное и полное отраженіе просвѣтительныхъ идей эпохи. Кромѣ того мы хотѣли показать, какъ относилась къ новымъ стремленіямъ обычная русская среда не только въ невѣжественной своей части, изображенной въ сатирической литературѣ, но и въ меньшинствѣ болѣе высокаго уровня (Болотовъ).

Въ этомъ отдѣлѣ даны образцы и того народнаго направленія, которое уже въ XVIII вѣкѣ вступаетъ въ борьбу съ слѣпымъ увлеченіемъ западными формами жизни, съ напыщенною условностью ложно-классицизма, съ жеманною аристократичностью столичныхъ вкусовъ.

Характеризуя вмѣстѣ съ тѣмъ выбранными образцами основныя литературныя направленія эпохи, составители дѣлаютъ попытку представить болѣе полно эволюцію поэтическихъ формъ въ XVIII вѣкѣ (напр. лирики), чтобы для изучающаго выяснилось, что совершенныя поэтическія формы нашихъ классиковъ подготовлены были въ предшествующій вѣкъ. Эта эволюція слишкомъ слабо намѣчается въ освященныхъ традиціей выборкахъ изъ поэтовъ XVIII вѣка; въ учебникахъ и хрестоматіяхъ обычно одинъ Державинъ, и то въ одахъ, составлялъ переходъ къ Батюшкову, Жуковскому и Пушкину. Въ предлагаемой книгѣ съ вышеуказанной цѣлью во-1-хъ, Тредьяковскій, Ломоносовъ, Сумароковъ и Державинъ представлены болѣе разнообразно со стороны своихъ поэтическихъ формъ, а во-2-хъ, данъ лирической матеріаль изъ журналовъ (сонеты, элегіи, пѣсни, эпи-

граммы); все это должно показать, что связи XVIII и XIX вв. въ области поэзіи обнимають собой болѣе широкій кругъ явленій, чѣмъ представляется обычно. Той же цѣли служатъ выдержки изъ „Бахаріаны“ Хераскова, писавшейся на рубежѣ двухъ столѣтій.

Карамзинъ представленъ въ хрестоматіи не только сочиненіями XVIII, но и XIX вѣка, и это потому, что онъ, какъ писатель, гораздо болѣе замыкаетъ восемнадцатое столѣтіе, чѣмъ открываетъ девятнадцатый вѣкъ. Подстрочныя примѣчанія къ его сочиненіямъ объясняютъ подробнѣе эту точку зрѣнія.

Вводныя статьи и примѣчанія говорятъ объ условіяхъ появленія приведенныхъ въ хрестоматіи сочиненій, даютъ руководящія указанія, фактическія справки и, по возможности, воздерживаются отъ критическаго разбора самихъ сочиненій, предоставляя эту сторону дѣла или учащимся, или преподавателю и учебнику.

Вопросы, которые могли бы углубить чтеніе приводимыхъ сочиненій и нѣсколько руководить самымъ способомъ ихъ изученія, составители помѣстили въ отдѣльной небольшой книжкѣ („Сборникъ вопросовъ по исторіи русской литературы“ А.Алферовъ и Грузинскій). Вопросы эти вмѣстѣ съ тѣмъ могли бы дать рядъ темъ для письменныхъ работъ, связанныхъ съ русской литературой.

Въ текстахъ сохранена орфографія XVIII вѣка.

А. Алферовъ и А. Грузинскій.

Августъ.
1907 г.

1. Русскія Вѣдомости 1703 г.

Точное заглавіе газеты: „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ, и въ иныхъ окрестныхъ странахъ. Начаты въ лѣто отъ Христа 1703-е, отъ генваря, а окончены декабремъ сего же года“.

До появленія первой русской газеты, въ XVII вѣкѣ свѣдѣнія объ европейскихъ событіяхъ составлялись по иностраннымъ газетамъ въ посольскомъ приказѣ и въ рукописномъ видѣ подносились царю. Свѣдѣнія эти предназначались только для царя и его приближенныхъ и назывались „Курантами“. 1701-мъ годомъ закончилось составленіе „Курантовъ“.

Однимъ изъ серьезныхъ показателей успѣховъ русской культуры въ XVIII вѣкѣ служить появленіе первой газеты, которая, умѣло и безпристрастно руководимая (какъ предполагаютъ, редакторомъ ея былъ графъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ), очевидно удовлетворяла уже назрѣвшей потребности. Первые „Русскія Вѣдомости“ печатались въ количествѣ 1000 экземпляровъ; интересъ читателей къ нимъ былъ такъ великъ, что въ рукописныхъ сборникахъ XVIII вѣка можно найти переписанными статьи изъ первой русской газеты.

Первый печатный листъ „Русскихъ Вѣдомостей“ вышелъ 2 января 1703 года. Петръ Великій принималъ интересы этого изданія близко къ сердцу, и самъ отмѣчалъ въ иностранныхъ газетахъ, что нужно было перевести для „Русскихъ Вѣдомостей“, а иногда самъ держалъ корректуру выходящихъ номеровъ.

Вѣдомости печатались въ Москвѣ. Полное ихъ изданіе состоитъ изъ 39 номеровъ. Выходили онѣ въ неопредѣленные сроки по мѣрѣ накопленія матеріала. Сначала печатались церковными, разными по очертанію шрифтами. Въ 1710 году явился номеръ, напечатанный весь гражданскимъ шрифтомъ: и съ этихъ поръ шрифтъ колеблется: одни номера печатаются церковнымъ, другіе — гражданскимъ. Церковный шрифтъ долѣе всего (до 1717 г.) удержался для реляцій о военныхъ дѣйствіяхъ. 11 мая 1711 года появился въ Петербургѣ первый листъ Петербургскихъ Вѣдомостей. Съ этихъ поръ номера вѣдомостей выходили то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. Въ 1727 году изданіе первоначальныхъ вѣдомостей прекратилось и редація ихъ поступила въ завѣдываніе Академіи наукъ. Изданіе особыхъ вѣдомостей въ Москвѣ возобновилось не ранѣе 26 апрѣля 1756 года.

Содержаніе первыхъ Русскихъ Вѣдомостей представляетъ большой историческій интересъ; въ нихъ много фактическихъ свѣдѣній, не утратившихъ своего значенія до сихъ поръ, въ нихъ ясно выражены правительственный взглядъ на политическія событія, въ цѣломъ онѣ ярко отражаютъ Петровское время.

Въ 1855 году, въ годъ столѣтія Московскаго университета Императорская Публичная Библіотека вновь издала, по двумъ сохраняющимся въ ней и составляющимъ величайшую библиографическую рѣдкость экземплярамъ, первыя Русскія Вѣдомости и посвятила изданіе Московскому университету. Изъ предисловія къ этому изданію взяты вышеизложенныя справки. Текстъ вѣдомостей ниже напечатанъ по этому же изданію. Недавно онѣ были переизданы Московской Синодальной типографіей.

Свѣдѣнія о Херсонѣ

1. На Москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ гоубиць и мартировъ вылито 400. Тѣ пушки ядромъ — по 24, по 18 и по 12 фунтовъ. Гоубицы бомбомъ пудовые и полупудовые. Мартиры бомбомъ девяти, трехъ и дву пудовые и меньше. И еще много формъ готовыхъ великихъ, и среднихъ къ литью пушекъ, гоубиць, и мартировъ. А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ, которая приготовлена къ новому литью, болше 40.000 пудъ лежить.

Повелѣніемъ его величества московскіе школы умножаются, и 45 человекъ слушаютъ філософію, и уже діалектику окончили.

Въ математической штурманской школѣ болше 300 человекъ учатся, и добръ науку приѣмлютъ.

На Москвѣ ноября съ 24 числа, по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человекъ.

Изъ Персиды пишутъ: Индейскій царь послалъ въ дарахъ великому Государю нашему слона, и иныхъ вещей не мало. Изъ града Шемахи отпущенъ онъ въ Астрахань сухимъ путемъ.

Изъ Казани пишутъ: на рѣкѣ Соку нашли много нефти и мѣдной руды, изъ той руды мѣдь выплавили изрядну, отъ чего чаютъ немалую быть прибыль московскому государству.

Изъ Сибири пишутъ: Въ китайскомъ государствѣ езуитовъ велми не стали любить за ихъ лукавство, а иные изъ нихъ и смертію казнены.

Изъ Олонца пишутъ: города Олонца погъ Иванъ Окуловъ собравъ охотниковъ пѣшихъ съ тысячу человекъ, ходилъ за рубежъ въ свѣйскую границу, и разбилъ свѣйскіе ругозенскую, и гиппонскую, и сумерскую, и керисурскую за-

ставы, а на тѣхъ заставахъ шведовъ побилъ многое число, и взялъ рейтарское знамя, барабаны, и шпагъ, фюзей, и лошадей довольно, а что взялъ запасовъ и пожитковъ онъ похъ, и тѣмъ удовольствовалъ солдатъ своихъ. А достальные пожитки, и хлѣбные запасы, коихъ немогъ забрать, все пожегъ, и соловскую мызу сожегъ, и около соловской многіе мызы и деревни дворовъ съ тысячу пожегъ же. А на вышеписанныхъ заставахъ, по скаскѣ языковъ, которыхъ взялъ, конницы швейцкой убито 50 человекъ, пѣхоты 40 человекъ; ушло ихъ конницы 50, пѣхоты 100 человекъ, а изъ попова войска толко ранено салдатъ два человекъ.

Изъ Лвова пишутъ: Декабря въ 14 день. Силы казацкіе подъ полковникомъ Самусемъ ежедневно умножаются, выруба въ Немировѣ коменданта, съ своими ратными людьми городъ овладѣли, и уже намѣренъ есть Бѣлую Церковь добывать, и чають, что и тѣмъ городкомъ овладѣть, какъ Палей съ нимъ соединится съ своими войски, и уже сказываютъ, что соединился, и будетъ ихъ всего войска 12.000 человекъ. Литовской польной гетманъ ѣдетъ къ своему войску подъ литовскую Брестъ, войско шведское по скаскѣ секретаря Орухо частію въ Казимерѣ, частію въ Сандомирѣ стоитъ, и сказываютъ, что чрезъ Полшу въ прусскую землю пойдетъ. Подѣздъ нашъ вновь отъ шведовъ собранныхъ волоховъ болшую часть снесли, и нѣсколко въ ихъ платьѣ въ полскомъ обозѣ повѣсили.

Изъ Ніенавоингерманландской земли октября въ 16 день. Мы здѣсь живемъ въ бѣдномъ постановленіи, понеже Москва въ здѣшней землѣ зѣло не добро поступаетъ, и для того многіе люди отъ страха отселѣ Выйбуркъ ¹⁾ и въ фінляндскую землю уходятъ, взявъ лучшіе пожитки съ собою. Крѣпость Орѣшекъ высокая, кругомъ глубокою водою объята, въ 40 верстахъ отселѣ, крѣпко отъ московскихъ войскъ осажена и уже болши 4000 выстрѣловъ изъ пушекъ вдругъ по 20 выстрѣловъ было, и уже болши 1500 бомбъ выброшено, но по се время невеликой убытокъ учинили, а еще много трудовъ имѣти будутъ, покамѣсть ту крѣпость овладеють.

Изъ Нарвы, октября въ 13 день. Сентября въ 27 день московскіе войска 10.000 человекъ на сей сторонѣ рѣки Невы при Нотенбурхѣ между русскимъ и ингерманландскимъ

¹⁾ Въ Выборгъ.

рубежи пришли, и стали тамо, и учили шанцы дѣлать, за 500 шаговъ отъ крѣпости на сей сторонѣ рѣки. Войско наше съ генераломъ Кроніортомъ стоитъ на той сторонѣ рѣки между Нотенбурхомъ, и не всю имѣетъ пѣхоту, и конницу, и пушечной снарядъ, и возбраняетъ русскимъ войскимъ переправы на Невѣ рѣкѣ, которые наудачу туда пройдутъ ли. Намѣрены крѣпости Нотенбурху пушками досажать, но что вся изъ камени построена и войска добрые въ ней во осадѣ суть, и вновь 400 человекъ въ ту введено, и тако нынѣ нѣчего опасатись.

Изъ Амстердама ноября въ 10 день. Отъ Архангельскаго города пишутъ, сентября въ 20 день, что какъ его Царское величество войска свои въ различныхъ корабляхъ на Бѣлое море запровадилъ, оттолѣ далѣе пошелъ, и корабли паки назадъ къ Архангельскому городу прислалъ, и обрѣтаются тамо 15.000 человекъ салдатъ, и на новой крѣпости, на Двинкѣ нареченной, ежеденно 600 человекъ работаютъ.

На Москвѣ 1703 г. генваря въ 2 день.

2. Пишутъ изъ завоеванна крѣпости Канцовъ, нынѣ преименованна Шлотбургъ, маіа въ 15 день. Господинъ капитанъ бомбардирской, по приказу фельтъ-маршалка ходилъ на устьѣ морское съ немногими людьми въ тридцети лоткахъ, и нашелъ тамъ девять кораблей неприятельскихъ съ людьми и всякимъ запасомъ, и по нарочитомъ бою, за божію помощію взяли у неприятеля два фрегата со всѣмъ запасомъ, и людей, кои въ нихъ были, побили, а остальныхъ взяли въ полонъ.

Изъ Лондона пишутъ, понеже король французской повелѣваетъ всѣмъ своимъ подданнымъ принимать римскую вѣру, и которые тому противятся, тѣхъ принуждаетъ съ великимъ мученіемъ, а которые въ его землѣ города и уѣзды многіе держали реформатскую вѣру, и тѣ желаютъ всѣ пожитки и дома оставя выѣхать въ иную страну, но ихъ не выпускаютъ: сего ради многіе противъ того королевскаго указа востали и мучителемъ противилися, и къ тѣмъ королева аглинская посылаетъ десять тысячъ человекъ войска на вспоможеніе съ воинскими снаряды, и припасы, и есть ли съ тѣми соединятся, то не малое смятеніе, и противность во французской землѣ воздвигнуть.

3. Изъ Риги августа въ 24 день. Его царское величество, по взятіи Шлотбурга въ одной милѣ оттуды ближе къ восточному морю, на островѣ новую и зѣло угодную крѣпость

построить велѣлъ, въ ней же есть шесть бастіоновъ, гдѣ работали дватцать тысящъ человекъ подкопщиковъ, и тое крѣпость на свое государское имянованіе, прозваніемъ Питербургомъ, обновити указалъ.

4. Нынѣшняго ноемврія въ 11 день. Его царское пресвѣтлое величество по разныхъ на сухомъ пути и на морѣ побѣдахъ надъ шведы, и по взятіи крѣпостей Шлотъбурга, Ямъбурга и Капорья, возвратился къ Москвѣ, и въ пришествіи его царскаго величества великій былъ на Москвѣ триумфъ, и устроены были трои врата триумфальные со многимъ украшеніемъ.

5. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ пришелъ къ Санктпитебурху каравль галанской съ товары, съ питьями и съ солью, на которомъ былъ шиперъ, и нѣсколко матросовъ, и тотъ каравль по повелѣнію господина губернатора принятъ по обыкновенію, и за приходъ подарено вышепомянутому шиперу за столомъ въ дому его, губернаторскомъ, пять сотъ золотыхъ, а матросамъ, кои съ нимъ были, по тридцети ефимковъ коемуждо, и при томъ сказано ему во обнадеживаніе другимъ, есть ли потомъ другой коравль туда придетъ, и тому, кто на томъ каравлѣ, дано будетъ триста золотыхъ, такожде есть ли и третій каравль придетъ, дано будетъ сто пятьдесятъ золотыхъ, и съ тѣмъ тотъ вышепомянутой каравль, отъ Санктпитебурха отпущенъ въ надлежащій ему путь со удовольствованіемъ, а товары всѣ, которые на томъ каравлѣ были, кушлены повольною цѣною.

Изъ Амстердама ноября въ 19 день. Шиперъ, Янъ Гилбрандъ, которой въ 12 дней отъ Шлотбурга во Гданескъ пришелъ, возвѣстилъ, что его царское величество ему, яко первому пришедшему по взятіи той крѣпости пять сотъ золотыхъ пожаловалъ, второму имущу пріити триста, а третьему сто пятьдесятъ золотыхъ.

---

2. Юности честное зеркало.

Полное заглавіе книги (по 4-му изд.): Юности честное зеркало или показаніе къ житейскому обхожденію собранное отъ разныхъ авторовъ повелѣніемъ Его Императорскаго Величества Государя Петра Великаго блаженныя и вѣчнодостойныя памяти и нынѣ четвертымъ тисненіемъ напечатанное въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. 1745.

Эта книга соединяет букварь съ правилами обхожденія въ обществѣ, или, по словамъ самого руководства: „изображеніе древнихъ и новыхъ письменъ славенскихъ, печатныхъ и рукописныхъ; сложи двописьменніи и триписьменніи, нравоученія отъ Священнаго Писанія по алфавиту избранныя: числа церковныя (т.-е. славянскими буквами), ариметическія (т.-е. арабскія цифры) и римскія; зеркало житейскаго обхожденія“.

Отчасти самое названіе „зерцало“, отчасти и содержаніе этой книги указываютъ, что составители ея, дѣйствуя по приказу Петра, руководствовались ходячими тогдашними иностранными сочиненіями въ родѣ „Spiegel für der Bildung“, Der Goldnespiegel. Но при этомъ замѣтно, что они не могли отстать и отъ своихъ коренныхъ старыхъ взглядовъ.

Книга эта, составленная по царскому повелѣнію въ началѣ XVIII в. и переиздававшаяся въ послѣдующія царствованія Академіей Наукъ, очевидно, долгое время вызвала къ себѣ интересъ и уваженіе. Историкъ Татищевъ въ своей духовной пишетъ: „Малая букварь, или юности честное зеркало, за лучшее нравоученіе служить можетъ“.

Для историка русской культуры и въ частности литературы „Юности честное зеркало“ представляетъ высокій интересъ, какъ живая картина нравовъ: составители, переводя и выписывая иностранныя правила житейскаго обхожденія, не могли отдѣлаться и отъ своихъ прежнихъ понятій, и въ то же время желая, согласно волѣ Императора, облагородить на европейскій ладъ русскую жизнь, своими запретительными правилами обрисовали, какъ нельзя живѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности русскій человѣкъ того времени, появляясь въ обществѣ.

Обрисовывая наше русское общество XVIII в., „Юности честное зеркало“ даетъ почувствовать, какъ много труда, борьбы и времени нужно было, чтобы эта среда могла стать дѣйствительно культурной, а не только по названію, и можно понять замѣчаніе одного изъ иностранныхъ наблюдателей русской жизни — Вебера, когда онъ говоритъ, что русскіе „отбросили прибрѣтенные въ чужихъ краяхъ обычаи, и показывали только несносное чванство, потому что усвоили внѣшній лоскъ (а душевныя способности остались невоздѣланными), живутъ такъ, какъ жили въ старину“.

1. Впервыхъ наипаче всего должны дѣти отца и мать въ великой чести содержать. И когда отъ родителей что имъ приказано бываетъ, всегда шляпу въ рукахъ держать, а предъ ними не вздѣвать, и возлѣ ихъ не садитися, и прежде оныхъ не засѣдаты, при нихъ во овно всѣмъ тѣломъ не выглядывать, но все потаеннымъ образомъ съ великимъ почтеніемъ, не съ ними врьдъ, но немного уступя позади оныхъ въ сторонѣ стоять, подобно яко пажъ нѣкоторый или слуга. Въ домѣ ничего своимъ именемъ не повелѣвать, но именемъ отца или матери; отъ челядинцевъ проситель-

иногда
иногда
иногда
нымъ образомъ требовать, развѣ что у кого особливые слуги, которые самому ему подвержены бывають, для того, что обычно служители и челядинцы не двумъ господамъ и госпожамъ, но токмо одному господину охотно служатъ. А окромѣ того, часто происходятъ ссоры и великіе между ими бывають отъ того мятежи въ домѣ, такъ что сами не опознають, что кому дѣлать надлежить.

2. Дѣти не имѣють безъ именнаго приказу родительскаго никого бранить или поносительными словами порекать. А ежели то надобно, и оное они должны учинить вѣжливо и учтиво.

3. У родителей рѣчей перебивать не надлежить, и ниже прекословить, и другихъ ихъ сверстниковъ въ рѣчи не впадать, но ожидать, пока они выговорятъ. Часто одного дѣла не повторять; на столъ, на скамью, или на что иное не опираться и не быть подобнымъ деревенскому мужику, который на солнцѣ валется, но стоять должны прямо.

4. Безъ спросу не говорить, а когда и говорить имъ случится, то должны они благопріятно, а не крикомъ, ниже съ сердца или съ задору говорить, не якобы сумасброды. Но все, что имъ говорить, имѣеть быть правда истинная, не прибавляя и не убавляя ничего. Нужду свою благообразно въ пріятныхъ и учтивыхъ словахъ предлагать, подобно якобы имъ съ какимъ иностраннымъ высокимъ лицомъ говорить случилось, дабы они въ томъ тако и обыкли.

6. Когда родители или кто другіе ихъ спросятъ (позовутъ), то должны они къ нимъ отозваться и отвѣчать тотчасъ, какъ голосъ послышать. И потомъ сказать: „что изволите, государь батюшка?“ или: „сударыня матушка“ или: „что мнѣ прикажете, государь?“ а не такъ: „что, чего, што, какъ ты говоришь, чего хочешь?“ И не дерзостно отвѣщать: „да, такъ“ и ниже вдругъ наотказъ молвить: „нѣтъ“; но сказать: „такъ, мой государь, слышу, государь, учиню такъ, какъ вы, государь, приказали“. А не смѣхомъ дѣлать, якобы ихъ презирая и не слушая ихъ повелѣнія и словъ; но исправно примѣчать все, что имъ говорено бываетъ, а многожды назадъ не бѣгать и прежняго паки вдругорядъ не спрашивать.

8. Съ духовными должны дѣти благочинно, постоянно, учтиво и вѣжливо говорить, а глупости никакой не предъявлять; но о духовныхъ вещахъ и о чинѣ ихъ или духовные вопросы предлагать.

9. Никто себя самъ много не хвали и не уничижай (не стыди) и не срамоти, и ниже, дѣла своего возвеличивая,

иногда
иногда
иногда
иногда

иногда
иногда
иногда
иногда

расширяй болѣ, нежели какъ оное въ подлинномъ дѣйствѣ состоитъ, и никогда роду своего и призванія безъ нужды не возвышай, ибо такъ чинять люди всегда такіе, которые не вдавнѣ токмо прославились. А особливо въ той землѣ, гдѣ кто знакомъ, весьма не надлежитъ того дѣлать, но ожидать, пока со стороны другіе похвалятъ.

10. Съ своими или съ посторонними служители гораздо не сообщайся. Но ежели оные прилежны, такихъ слугъ люби, а не во всемъ имъ вѣрь, для того, что они грубы и невѣжи (неразсудливы) будучи, не знаютъ держать мѣры, но хотятъ при случаѣ выше своего господина вознестись, а отшедши прочь на весь свѣтъ разглашаютъ, что имъ повѣрено было. Того ради смотри прилежно, когда что хочешь о другихъ говорить, опасайся, чтобъ при томъ слугъ и служанокъ не было. А именъ не упоминай, но обиняками говори, чтобъ дознаться было не можно, потому что такіе люди много приложить и прибавить искусны.

11. Всегда недруговъ заочно, когда они не слышать, хвали, а въ присутствіи ихъ почитай и въ нуждѣ имъ служи, также и о умершихъ никакого зла не говори.

12. Всегда время пробавляй въ дѣлахъ благочестныхъ, а празденъ и безъ дѣла отнюдь не бывай, ибо отъ того случается, что нѣкоторые живутъ лѣнливо, не бодро, а разумъ ихъ затмится и иступится, потомъ изъ того добра никакого ожидать можно, кромѣ дряхлаго тѣла и червоточкины, которое съ лѣности тучно бываетъ.

13. Младый отрокъ долженъ быть бодръ, трудолюбивъ, прилеженъ и безпоконенъ, подобно какъ въ часахъ маятникъ, для того что бодрый господинъ ободряетъ и слугъ, подобно яко бодрый и рѣзвый конь учиняетъ сѣдока прилежна и осторожна; потому можно отчасти, смотря на прилежность и бодрость или радѣніе слугъ, признать, како правленіе котораго господина состоитъ и содержится, ибо не напрасно пословица говорится: каковъ игумень, такова и братія.

Како младый отрокъ долженъ поступать, когда онъ въ бесѣдѣ съ другими сидитъ.

Когда прилучится тебѣ съ другими за столомъ сидѣть, то содержи себя въ порядкѣ по сему правилу:

Впервыхъ, обрѣжь себѣ ногти, да не явятся, якобы оныя бархатомъ обшиты. Умой руки и сяди благочинно, сяди прямо и не хватай первый въ блюдо, не жри какъ свинія и не дуй въ ушное, чтобы вездѣ брызгало, не сопи егда яси.

Первый не пій, будь воздерженъ и бѣгай пьянства; пій и яждь, сколько тебѣ потребно, въ блюдѣ будь послѣдній. Когда что тебѣ предложить, то возьми часть изъ того, прочее отдай другому и возблаговари его. Руки твои да не лежатъ долго на талеркѣ, ногами вездѣ не мотай, когда тебѣ пить, не утирай (рта) губъ рукою, но полотенцемъ и не пей, пока еще пищи не проглотилъ. Не облизывай перстовъ и не грызи костей, но обрѣжь ножемъ. Зубовъ ножемъ не чисти, но зубочисткою, и одною рукою прикрой ротъ, когда зубы чистишь; хлѣба приложь къ грудямъ не рѣжь, ѣшь, что предъ тобою лежитъ, а индѣ не хватай. Ежели передъ кого положить хочешь, не прймай перстами, какъ нѣкоторые народы нынѣ обыкли, надъ ѣствою не чавкай, какъ свинія, а головы не чеши; не проглотя куска, не говори, ибо такъ дѣлаютъ крестьяне. Часто чихать, сморкать и кашлять непригоже. Когда яси яйцо, отрѣжь напередъ хлѣба и смотри, чтобъ притомъ не вытекло, и яждь скоро. Личной скорлупы не разбивай, и пока яси яйцо, не пій, между тѣмъ не замарай скатерти, и не облизывай перстовъ, около своей талерки не дѣлай забора изъ костей, корокъ, хлѣба и прочаго. Когда престанешь ясти, возблаговари Бога, умой руки и лицо и выполощи ротъ.

15. Имѣеть отрокъ наипаче всѣхъ человѣкъ прилѣжать, какъ бы себя могъ учинить благочестна и добродѣтельна, ибо не славная его фамилія, и не высокой родъ приводитъ его въ шляхетство, но благочестныя и достохвальныя его поступки. Понеже благочестіе есть похвала юности, и щастіе благополучное, и красота въ старости; того ради оный имѣеть по правдѣ тому подражать. То бо есть истинное избавленіе отъ убожества, и прямая подпора и постоянный столпъ богатству.

18. Младый шляхтичъ, или дворянинъ, ежели въ эксерциціи (въ обученіи) своей совершенъ, а наипаче въ языкахъ, въ конной ѣздѣ, танцованіи, въ шпажной битвѣ и можетъ доброй разговоръ учинить, ктомуужъ красноглаголивъ и въ книгахъ наученъ, оный можетъ съ такими досуги, прямымъ придворнымъ человѣкомъ быть.

19. Прямый придворный человѣкъ имѣеть быть смѣль, отваженъ и не робокъ, а съ Государемъ какимъ говорить съ великимъ почтеніемъ. И возможетъ о своемъ дѣлѣ самъ предъявлять, и доносить, и на другихъ не имѣеть надѣяться. Ибо гдѣ можно такого найти, который бы могъ кому такъ

не бѣситъ
и не
и не

вѣренъ быть, какъ самъ себѣ. Кто при дворѣ стыдливъ бываетъ, оный съ порожними руками отъ двора отходить. Ибо когда кто господину вѣрно служить, то надобно ему вѣрная и надежная награда. А кто ища милости служить, того токмо милосердіемъ награждаютъ. Понеже никто ради какой милости долженъ кому служить, кромѣ Бога. А Государю какову ради чести и прибыли, и для временной милости.

20. Умный придворный человекъ намѣренія своего и воли никому не объявляетъ, дабы не упредилъ его другой, который иногда къ тому же охоту имѣеть.

22. Отрокъ долженъ быть весьма учтивъ и вѣжливъ, какъ въ словахъ, такъ и въ дѣлахъ: на руку не дерзокъ и не драчливъ, также имѣеть оной стрѣтившаго на три шага не дошедъ, и шляпу пріятнымъ образомъ снявъ, а не мимо прошедши, назадъ оглядываясь, поздравлять. Ибо вѣжливо быть на словахъ, а шляпу держать въ рукахъ неубыточно, а похвалы достойно, и лучше, когда про кого говорятъ: онъ есть вѣжливъ, смиренный Кавалеръ и молодецъ, нежели когда скажутъ про котораго: онъ есть спѣсивый болванъ.

23. Отрокъ имѣеть быть трезвъ и воздерженъ, и въ чужія дѣла немѣшаться и не вступать, и ничего, что ему не касается, не всчинать, и поводу къ тому не давать, но съ учтивостью уступать. Развѣ что когда чести его кто коснется, или порекать учнетъ, то въ такомъ случаѣ уступки не бываетъ, но по нуждѣ премѣненіе закону дается.

27. Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы тѣмъ навыкнуть могли: а особливо когда имъ что тайное говорить случится, чтобъ слуги и служанки дознаться не могли, и чтобъ можно ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать: ибо каждый купецъ товаръ свой похваляя продаетъ какъ можетъ.

29. Младые отроки не должны носомъ храпѣть, и глазами моргать, и ниже шею и плеча, яко бы изъ повадки трясти, и руками не шалить, не хватать, или подобное неистовство не чинить, дабы отъ издѣвки не учинилось въ правду повадки и обычая, ибо такія принятія повадки младаго отрока весьма безобразятъ, и остыжаютъ такъ, что потомъ въ домѣхъ, ихъ пересмѣхая тѣмъ дражнятъ.

34. Немалая отроку есть краса, когда онъ смиренъ, а не самъ на великую честь позывается, но ожидаетъ пока его танцовать, или къ столу итти съ другими пригласятъ; ибо говорится: смиреніе молодцу ожереліе.

38. Каждый осторожный и высокоумный Кавалеръ имѣеть прилежно подражать, чтобъ не озлобить друга своего вымышленными ложными и льстивыми поступки: ибо ежели другой то признаеть, тогда оной за недруга себѣ его почтеть, и никогда ему вѣрить не будетъ, но отбѣгая его, за лукаваго человѣка разглашать будетъ.

43. Всѣ, которые что кому обѣщаютъ, имѣють прилѣжно трудиться, чтобъ какъ возможно безъ отлагательства оное исполнить, хотя въ томъ и убытокъ себѣ понестъ, или прежде обѣщанія должно напередъ довольно размыслить. Ибо такого человѣка немного почитаютъ, которой слово свое премѣняетъ, понеже пословица гласить: не молвя слова крѣпись, а давъ слово держись. А особливо должны шляхетные сіе хранить, оныхъ бо постоянство имѣеть быть безмѣрно и непремѣнно, а не имѣеть глупой оной пословицы слѣдовать, что говорится: обѣщать, то дворянски, а слово держать, то крестьянски. Но вѣдай себѣ, что и такая есть пословица. Со лжи люди не мрутъ, а впредь вѣры неймутъ. И конечно крестьянина лутче почтутъ, нежели дворянина, которой шляхетскаго своего слова и обѣщанія не исполняетъ и не сохраняетъ: отъ чего и нынѣ случается, что охотнѣе мужику, нежели дворянину вѣрятъ.

50. Когда кто своихъ домашнихъ въ страсть содержитъ, оному благочинно и услужно бываетъ, а слуга можетъ отъ него научиться, и другіе его равестники за разумнаго его почитать будутъ. Ибо раби по своему праву невѣжливи, упрямы, безстыдливи и горди бываютъ: того ради надобно ихъ смирать, покорять и унижать.

54. Непристойно на свадьбѣ въ сапогахъ и острогахъ быть, и тако танцовать: для того, что тѣмъ одежду деруть у женскаго полу, и великій звонъ причиняютъ острогами, къ томужъ мужъ не такъ поспѣшенъ въ сапогахъ, нежели безъ сапоговъ.

55. Также когда въ бесѣдѣ или въ компаніи случится въ кругу стоять: или сидя при столѣ, или между собою разговаривая, или съ кѣмъ танцуя, не надлежитъ никому неприличнымъ образомъ въ кругѣ плевать, но на сторону. А ежели въ каморѣ, гдѣ много людей, то прійми харкотины въ платокъ, и такъ невѣжливымъ образомъ въ каморѣ, или въ церкви не мечи на полъ, чтобы другимъ отъ того не згадить, или отбиди для того къ сторонѣ (или за окошко выброси), дабы никто не видалъ, и подотри ногами такъ чисто, какъ можно.

58. И сія есть немалая гнусность, когда кто часто сморкаетъ, якобы въ трубу трубить, или громко чхаеть, будто кричить и тѣмъ въ прибытіи другихъ людей, или въ церквѣ дѣтей малыхъ пужаетъ и устрашаетъ.

59. Еще же зѣло непристойно, когда кто платкомъ или перстомъ въ носу чистить, якобы мазъ какую мазать, а особливо при другихъ честныхъ людехъ.

63. Млады шляхтичъ или отрокъ всегда долженъ быть охочъ къ наученію всякаго добра, и что ему прилично быть можетъ, и не имѣеть дожидаться, пока кто его о томъ попросить, или потребуеть, или чтобъ за нимъ для того въ домъ прибѣгали. А наипаче платить возмездіе служащимъ, ибо въ томъ есть великій грѣхъ и порокъ, когда кто у кого кровію заслуженную, и трудомъ выработанную мзду наемничу удержитъ.

Дѣвическія чести и добродѣтелей вѣнецъ.

Состоящій въ послѣдующихъ двадесяти добродѣтеляхъ. А имянно: Охота и любовь къ слову и службѣ Божіей, истинное познаніе Бога, страхъ Божій, смиреніе, призываніе Бога, благодареніе, исповѣданіе вѣры, почитаніе родителемъ, трудолюбіе, благочиніе, привѣтливость, милосердіе, чистота тѣлесная, стыдливость, воздержаніе, цѣломудріе, бережливость, щедрота, правосердіе и молчаливость и прочая.

1. Первая добродѣтель, которая благодѣтельной и благочестной дѣвицѣ прилична и пригожа, есть охота и любовь къ слову Божію и правой вѣрѣ, охотно ходить въ церквѣ, и въ школы, учиться читать и писать, и молиться прилежно, слушать словеса Божія, оныя размышлять, и примѣчать охотно. Къ исповѣди и святому причастію ходить, катихизисъ просто, и со истолкованіемъ, съ нѣкоторыми псалмами, и притчи святаго писанія наизусть умѣть и прочая.

11. Здѣ приступимъ по чину къ добродѣтели привѣтливости, ей же и другія подобныя добродѣтели касаются. А имянно: кротость, терпѣніе, пріятство, нисхожденіе, услужливость, съ благочестными доброе имѣть содружество, никого нарочно, или съ умыслу не избивать, ко всякому быть услужливу, ближняго сожалѣть, терпѣть, ласкову и единомудушну быть, а не себя представлять весьма, и паче другихъ непорочна.

Въ повседневной бесѣдѣ пріятливо и тихо обходиться, съ чужимъ говорить учтиво, отвѣщать ласково, другихъ охотно слушать, и всякое доброжелательство показывать въ поступкахъ, словахъ и дѣлахъ, которыя добродѣтели выше всѣхъ мѣрь украшаютъ дѣвицу.

18. Осмая на десять добродѣтель дѣвическая, есть благотвореніе, благодареніе и щедрота, когда человекъ изъ собственнаго своего нищимъ удѣляетъ, и онымъ служить изъ природной (или натуральной) должности, когда гдѣ потребно явится, такъ, чтобъ въ томъ не было скупости или проторжливости имѣнія.

20. Нынѣ приступимъ къ двадесятой и послѣдней добродѣтели дѣвической, а имянно къ молчаливости. Природа устроила намъ только одинъ ротъ, или уста, а уши дала два: тѣмъ показуя, что охотнѣе надлежитъ слушать, нежели говорить, сему и древніе дѣтей своихъ обучали. Когда прійдешь въ чужій домъ, то буди слѣпа, глуха и нѣма, которое тебѣ можетъ въ молчаливость причтено быть.

Дѣвическое цѣломудріе.

Потупляетъ стыдливая дѣвица очи свои яко Ревекка, егда узрѣ еще изъ далеча Іакова грядуща, яко въ книгахъ первыхъ Моисея въ главѣ 24 пишетъ, что она закрывала тогда лице свое: и каждая стыдливая дѣвица закрываетъ окна сердца своего. Ибо сердце всегда прелестно очамъ послѣдуетъ. Того ради блюди, дабы дѣвическій стыдъ пристойную красоту, очи въ землю потупляя являлъ. Также и ты, когда на тебя человекъ взираетъ, покраснѣвъ очи свои не возвышай, но зракъ свой въ землю ниспущай.

Украшеніе дѣвицъ, и молодыхъ невѣстъ, также и замужнихъ есть достохвальная фарба, или цвѣтъ, и о семъ Диогенъ пишетъ: что украшеніе есть признакъ къ благочестію. И Назіанзинъ увѣщаетъ, что единъ токмо цвѣтъ въ дѣвицахъ пріятенъ, то-есть краснѣніе, которое отъ стыдливости происходитъ...

Разсуждается въ человекѣ отъ стыда въ лицѣ бываемая краска за добрый признакъ, того ради и Терентій повѣствуетъ: кто отъ стыда покраснѣетъ, тотъ нужды не имѣетъ. Иныяжъ безумныя поблѣднѣютъ, которое однако не всегда зло бываетъ, но краснота есть пріятнѣе и похвальнѣе.

Дѣвическое смиреніе.

Между другими добродѣтелями, которыя честную даму или дѣвицу украшаютъ, и отъ нихъ требуются, есть смиреніе начальнѣйшая и главнѣйшая добродѣтель, которая весьма

много въ себѣ содержать. И того недовольно, что токмо въ простомъ одѣяніи ходить, и главу наклонять, и наружными поступками смиренно себе являть, сладкія слова испущать, сего еще гораздо не довольно, но имѣть сердце чело-вѣческое Бога знать, любить и бояться. Потомъ должно свои собственные слабости, немощи и несовершенство признавать. И того для предъ Богомъ себя смирать, и ближняго своего больша себя почитать, никого не уничижать, себя ни для какого дарованія не возвышать...

А. К. М.

3. Приклады, како пишутся комплименты разные.

Полное заглавіе этого переведеннаго при Петрѣ письмовника такое: „Приклады, како пишутся комплименты разные на нѣмецкомъ языкѣ, т.-е. писанія отъ потентатовъ къ потентатамъ поздравительныя и сожалѣтельныя и иныя; такожде между сродниковъ и пріятелей“ 1708 г. Это одна изъ первыхъ книгъ, напечатанныхъ новымъ „гражданскимъ“ шрифтомъ. Въмѣстѣ съ „Юности честнымъ зеркаломъ“ книга характерна для стремленія Петра вводить европейскіе обычаи и формы жизни и въ домашній обиходъ и въ частныя сношенія русскихъ людей. Образчикъ былъ взятъ не очень удачный; большая официальность и надутость тона писемъ, пригодная развѣ только въ сношеніяхъ съ „потентатами“ (вельможами), производятъ странное впечатлѣніе въ семейной и пріятельской перепискѣ, еще усиленное тяжелымъ переводомъ (напр., „чадская должность“ вмѣсто „сыновій долгъ“). Но если книга менѣе могла вліять на развитіе непринужденнаго, интимнаго языка, чѣмъ на формы официально-вѣжливыхъ или дѣловыхъ сношеній, все же она была полезна. Допетровская Русь въ интимной перепискѣ знала только простой, грубоватый тонъ, привычныя, уничижительныя формы: князь Юрій Ромодановскій писалъ князю В. В. Голицыну, что „онъ Юшка ему челомъ бьетъ“; кн. Голицына кончала письмо къ мужу словами: „Женишка твоя, Дунька, много челомъ бьетъ до лица земнаго“. Официальная же вѣжливость древнерусская подчасъ соединяла съ этимъ уничиженіемъ необыкновенныя книжныя хитросплетенія. Вотъ начало такого письма. „Преукрашенну въ разумѣ и разсудительну во всѣхъ благихъ дѣлѣхъ, наученному добродѣтелемъ и любви, свѣтлomu, яко сапфиру и честному камени и сосуду злату, исполненному драгого бисера, источнику неисчерпаемому, сладчайшей медоточной струѣ. Да о семъ престанемъ, да не много глаголю. Вскормленъ великимъ твоимъ жалованіемъ, землю лицемъ попирая, падъ челомъ бью“. Сравнительно съ этимъ, языкъ „Прикладовъ“ при всей натянутости своей, несомнѣнно, отражалъ болѣе культурныя формы общенія.

никакого прилежанія не оставлю мои науки съ Божіею помощію, сице продолжати, дабы о мнѣ положенное доброе упованіе, могло исполниться и дабы я моего представленнаго намѣренія достигнуть могъ. Впрочемъ предаю васъ, господина отца, и весь нашъ домъ Божіему защищенію, и пребываю во всю жизнь свою моего высокопочтеннаго господина отца — послушный сынъ: N. N.

4. Записки И. И. Неплюева.

И. И. Неплюевъ (1693—1773 г.) былъ однимъ изъ тѣхъ русскихъ людей, которые, пройдя трудную учебную и служебную школу при Петрѣ, сохранили на всю жизнь искреннюю привязанность къ его личности и глубокое уваженіе къ его преобразовательной работѣ.

Уже женатымъ, Неплюевъ, на основаніи указа о недоросляхъ, былъ взятъ въ математическую школу учиться, затѣмъ переведенъ въ Петербургскую морскую академію и наконецъ, посланъ за границу учиться морскому дѣлу. Нѣсколько лѣтъ провель онъ во Франціи, Венеціи и Испаніи, въ Кадиксѣ изучалъ артиллерію въ военной академіи. Вернувшись въ 1720 году въ Россію, онъ сдавалъ экзаменъ въ присутствіи Петра (разсказъ объ этомъ помѣщенъ ниже). Петръ оцѣнилъ его способности и усердіе и сдѣлалъ его посланникомъ (резидентомъ) въ Константинополь. Неплюевъ пережилъ цѣлый рядъ царствованій вплоть до Екатерины II, при которой умеръ, проведя послѣдніе 10 лѣтъ жизни въ деревнѣ. Онъ былъ за это время главнымъ командиромъ Малороссіи и долго управлялъ всѣмъ Оренбургскимъ краемъ, для устройства котораго много сдѣлалъ. Простой и честный по натурѣ, Неплюевъ сохранилъ навсегда завѣты дѣловой, рабочей Петровской эпохи; забвеніе многихъ Петровскихъ начинаній въ періодъ 1725—1762 гг. его огорчало, и вообще съ новыми порядками и нравами онъ чувствовалъ себя неспособнымъ сжиться. Выходя въ отставку въ началѣ царствованія Екатерины II, онъ, на просьбу Императрицы рекомендовать ей кого-нибудь на свое мѣсто, отвѣчалъ чистосердечно: „Нѣтъ, Осударыня, мы Петра Великаго ученики; проведены имъ сквозь огонь и воду; инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя и инако мыслятъ; я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться“.

1. Возвращеніе изъ-за границы и ожиданіе экзамена. Прибыли въ Санктпетербургъ 22-го числа. Расстояние отъ Риги 202 версты, отъ Дерпта до Нарвы 141, отъ Нарвы 165, всего 510 верстъ. Во весь вышеписанный вояжъ издержалъ я собственныхъ 400 рублей, да государевыхъ 600 рублей. Каждый изъ насъ по пріѣздѣ въ Петербургъ пристали

у нашихъ родственниковъ, а я у капитана гвардіи Семена Марковича Спицына.

На завтра собравшись вся наша компанія ко мнѣ на квартиру, пошли явиться генералу-адмиралу (Апраксину), а потомъ ко всѣмъ флагманамъ, находящимся въ Петербургѣ, и ко всѣмъ присутствующимъ въ адмиралтейской коллегіи. Всѣ насъ приняли весьма ласково, особливо Григорій Петровичъ Чернышевъ, который о вояжѣ и службѣ нашей внѣ государства подробно и милостиво спрашивалъ и обнадежилъ насъ своимъ предствательствомъ у его величества, подавъ намъ, какъ отецъ, совѣтъ, чтобы просили генерала-адмирала быть представленны къ государю, и когда его величество изъ насъ съ кѣмъ говорить изволить, то чтобъ мы по истинѣ и безъ робости сказали, кто что знаетъ, и сколько кто преуспѣлъ въ наукахъ. За такую его милость мы всѣ, какъ неимущіе никакого покровительства, а по нашему отлученію отъ отечества не токмо отъ равныхъ намъ возненавидѣны, но и отъ свойственниковъ нашихъ при первомъ случаѣ насмѣшкою и ругательствомъ по европейскому обычаю, въ насъ примѣчанному, осмѣянные, благодарили Григорія Петровича со слезами. Флагманъ Зміевичъ, человекъ въ морской наукѣ весьма искусный, любопытствовалъ у каждаго изъ насъ о нашемъ въ навигаціи знаніи, и сколько примѣтитъ можно, Кайсарова и моими отвѣтами былъ довольнѣе.

На завтра пошли мы въ адмиралтейскую коллегію и ожидали прибытія генераль-адмирала, который, пріѣхавъ и насъ увидя, сказалъ, что онъ объ насъ доложить, и когда приказано будетъ, чтобъ явились въ коллегію, а нынѣ бѣ шли по домамъ.

26-го числа была асамблея на почтовомъ дворѣ, на которой генераль-адмиралъ государю объ насъ докладывалъ, и отъ него получили повелѣніе, чтобъ намъ быть представленнымъ завтра въ адмиралтейской коллегіи, почему мы и получили отъ коллегіи приказъ явиться въ 5 часовъ въ коллегію. Не знаю, какъ мои товарищи оное приняли, а я всю ночь не спалъ, готовился какъ на страшный судъ.

2. Экзаменъ передъ Петромъ и первая служба. 30 іюня присланъ къ намъ отъ коллегіи приказъ явиться 1 іюля на экзаменъ. Мы, собравшись у коллегіи, дожидались повелѣнія. Въ 8 часовъ государь пріѣхалъ въ одноколѣтѣ и, мимо идучи, сказалъ намъ: „Здорово, ребята“. Потомъ, черезъ нѣкоторое время впустили насъ въ ассамблею, и

генераль-адмираль приказаль Зміевичу напредь распрашивать порознь, что кто знаетъ о навигаціи. Потомъ, какъ дошла и моя очередь (а я былъ, по условію между нами, изъ послѣднихъ), то государь изволилъ подойти ко мнѣ и, не давъ Зміевичу дѣлать задачи, спросилъ: „Всеу ли ты научился, для чего былъ посланъ?“ На что я отвѣтствовалъ: „Все милостивѣйшій государь, прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, что всеу научился, а болѣе почитаю себя предъ вами рабомъ недостойнымъ, и того ради прошу, какъ предъ Богомъ, вашея ко мнѣ щедроты“. При сказываніи сихъ словъ я сталъ на колѣни, а государь, обративъ руку праву ладонью, далъ поцѣловать и при томъ изволилъ молвить: „Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли; а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотя бъ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству“. Я, стоя на колѣняхъ, взялъ самъ его руку и цѣловалъ оную многократно, а онъ мнѣ сказалъ: „Встань, братецъ, и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ; но не робѣй; буде что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи“. И оборотясь къ Зміевичу, приказаль разспросить меня; а какъ я давалъ отвѣты, то онъ изволилъ сказать Зміевичу: „Разспрашивай о высшихъ знаніяхъ“. И по окончаніи у всѣхъ распросовъ, тутъ же пожаловалъ меня въ поручики въ морскіе галернаго флота и другого — Кайсарова, а и другихъ также пожаловалъ, но ниже чинами. Чрезъ малое потомъ время указаль государь опредѣлить меня, Неплюева, смотрителемъ и командиромъ надъ строящимися морскими судами, по каковому случаю видѣлъ я государя почти ежедневно, и всякій разъ благоволилъ со мною разговаривать о всякихъ вещахъ и случаяхъ. И отъ флагмановъ Григорія Петровича Чернышева, къ которому я во всякое свободное время хаживалъ, и отъ Зміевича слыхалъ, что: „Государь-де тобою, господинъ поручикъ, является доволенъ и изволитъ говорить, что въ этомъ маломъ путь будетъ“. Они же мнѣ подавали совѣты, чтобъ я прилежалъ къ своему дѣлу и былъ бы исправенъ. „То-де его величество тебя не оставитъ; только будь проворенъ и говори правду и ничего не солги, хотя бы что и худо было; онъ-де больше разсердится, буде что солжешь“. Ихъ слова и въ правду явились. Однажды я пришелъ на работу, а государь уже прежде пріѣхалъ. Я испужался презѣльно и хотѣлъ бѣжать домой большимъ сказаться, но вспомнувъ тотъ отеческій моего

благодѣтеля совѣтъ, бѣжать раздумалъ, а пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ государь находился; онъ, увидѣвъ меня, сказалъ: „Я уже, мой другъ, здѣсь!“ А я ему отвѣчалъ: „Виновать, государь, вчера былъ въ гостяхъ и долго засидѣлся и оттого опоздалъ“. Онъ, взявъ меня за плечо, пожалъ, а я вздрогнулъ, думалъ, что прогнѣвался: „Спасибо, малый, что говоришь правду: Богъ простить. Кто бабѣ не внуку!“

3. Впечатлѣніе отъ смерти Петра. 1725 году въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ я*) плачевное извѣстіе, что отецъ отечества, Петръ, императоръ I-й, отъиде сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу слезами, какъ по должности о моемъ государѣ, такъ и по многимъ его ко мнѣ милостямъ, и ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ; да иначе бы и мнѣ и грѣшно было: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣеть, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ; а мнѣ собственно, сверхъ вышеписаннаго, былъ государь и отецъ милосердый; да вчинить Господь душу его, многотрудившагося о пользѣ общей, съ праведными.

Handwritten notes:
П. А. Толстой
1725 г.

5. Путешествіе етольника П. А. Толетого.

Стольникъ Петръ Андреевичъ Толстой выѣхалъ изъ Москвы 26 февраля 1697 года и вернулся 27 января 1699 года.

Онъ былъ посланъ за границу Петромъ Великимъ вмѣстѣ съ 37 другими знатными боярами для изученія воинскаго и морскаго дѣла: въ царской инструкціи рекомендовалось, по возможности, участвовать въ морскомъ бою.

„Въ то время“, по сообщенію гр. Д. А. Толстого, „Толстому было 52 года (онъ родился въ 1645 году), онъ былъ уже отцомъ и дѣдомъ, и готовность его начать въ эти годы изучать новыя спеціальныя науки, къ которымъ притомъ онъ не имѣлъ особой склонности, показываетъ замѣчательную силу воли. Явно онъ былъ проникнутъ сознаниемъ необходимости предстоявшихъ преобразованій и готовился тѣмъ или инымъ способомъ принять въ нихъ участіе, Хотя онъ исполнилъ добросовѣстно данную ему инструкцію и выучился морскому дѣлу, какъ было приказано, но посвятилъ преимущественно свое время на ознакомленіе съ мѣстностями: онъ объѣхалъ всю Италію, изучилъ ее внимательно и вполне овладѣлъ италіанскимъ языкомъ, на которомъ впоследствии говорилъ и писалъ“...

*) Въ Константинополь.

„Не сдѣлался морякомъ П. А. Толстой; но изъ него вышелъ искусный дипломатъ, ознакомленный съ европейскою цивилизаціею, къ чему послужило ему продолжавшееся почти два года его путешествіе. Черезъ три года по возвращеніи въ Россію онъ назначенъ былъ посломъ въ Константинополь и, занимая этотъ постъ въ теченіе 12 лѣтъ, оказалъ существенныя услуги политикѣ своего Императора во время войны Петра Великаго съ Карломъ XII, но поплатился за то долгимъ сидѣніемъ въ глубокой земляной темницѣ Семибашеннаго замка“.

Стольникъ Петръ Толстой былъ однимъ изъ наиболѣе развитыхъ людей Петровскаго времени, и заграничныя его впечатлѣнія могутъ служить надежнымъ показателемъ, какъ воспринималась тогда представителями лучшаго русскаго общества западная культура. П. Толстой жадными глазами и съ большимъ уваженіемъ смотритъ за границей монастыри, храмы, святыни и по точности и искренности ихъ описанія онъ напоминаетъ Даниіла паломника. Онъ вноситъ въ свой дневникъ и другія разнообразныя впечатлѣнія, записываетъ то, что поражало его сравнительно съ жизнью Московской Руси: въ этомъ отношеніи характерно, напр., его удивленіе передъ уличнымъ освѣщеніемъ, о возможности котораго онъ не подозревалъ, его удивленіе передъ чистотой, малымъ количествомъ пьяныхъ, свободнымъ появленіемъ въ обществѣ женщинъ, его безсиліе передать впечатлѣніе отъ картинъ, его увлеченіе фонтанами, о которыхъ онъ пишетъ очень много, и разными диковинками.

Во всемъ описаніи притомъ замѣтно, что оно составлено человекомъ живымъ и здраваго ума.

Рукопись дневника П. Толстого подъ заглавіемъ: „Путешествіе стольника Петра Толстого по Европѣ въ силу царскаго указа отъ 7205 года января 11-го дня, т.-е. 1697 года по Р. Х. На 161 полулистахъ“ находится въ библиотекѣ Казанскаго университета. Напечатано путешествіе въ „Русск. Арх.“ 1888 г. № 2—8.

Вѣна. 1. Описаніе города. Потомъ былъ я въ домѣ царскомъ. Тотъ домъ зѣло великій, сдѣланъ четырехуголенъ, строеніе все каменное вокругъ того дома, палаты многія зѣло высокія въ шесть житій вверхъ на томъ царскомъ дворѣ поставлены. По сторонамъ 14 фонарей сдѣланы, въ тѣхъ фонаряхъ по вся ночи горять свѣчи; также въ Вѣнѣ у всѣхъ жителей дома поставлено на улицахъ по фонарю, въ которомъ по вся ночи горитъ масло, и отъ фонарей въ Вѣнѣ по вся ночи бываетъ по улицамъ и переулкамъ великая свѣтлость. У самой городской стѣны тотъ помянутый царскій домъ сдѣланъ, и какъ предъ сего были подъ Вѣною Турки и стояли таково близко отъ царскаго дома, что изъ пищалей въ царскій домъ стрѣлять имъ было мощно, и палаты царскія въ то время отъ Турецкой пушечной стрѣльбы были разбиты до половины; а гдѣ

ихъ проклятыхъ бусурманъ были подкопы, въ тѣхъ мѣстахъ вырвано стѣны городской и всякаго каменнаго строенія сажень по 300 въ длину, а нынѣ всѣ тѣ разбитыя и вырванныя мѣста задѣланы. Подлѣ того цесарскаго дома сдѣланъ домъ цесарскій же конюшенный каменнаго строенія великаго, построены древнею модою. Въ Вѣнѣ изъ домовъ сенаторскихъ славный домъ маршалкова зятя, который называется Индетенбрехтъ. Тотъ домъ построенъ зѣло изрядно дивною архитектурою по пропорціи и работа изрядная.

*онъ изрядно
построенъ
и конюшенный
онъ не великаго
ничего подоб*

2. Церковная процессія. Передъ тѣмъ кардиналомъ шель одинъ человекъ съ колоколомъ и въ тотъ колоколъ звонилъ для того, чтобъ народъ, стоящій по улицамъ, предъ сакраментомъ падалъ на колѣни. За помянненнымъ кардиналомъ шель меньшей цесарскій сынъ, за нимъ шель большой цесарскій сынъ, король Венгерскій Іосифъ. Тѣ цесарскія дѣти оба несли свѣчи зажженыя великія. За ними шель самъ цесарь съ золотою свѣчею; по обѣ стороны цесаря шли ближніе его люди, графы, а подъ руки цесаря никто не вель. Одинъ человекъ изъ сродниковъ цесарскихъ шель по правую сторону, имѣя на себѣ чѣпъ золотую, а подлѣ цесарскихъ дѣтей шли дядьки жъ. Позади цесаря шла цесарева, по лѣвую руку вель ее маршалокъ, надъ нею несли балдахинъ изрядный; за цесаревою шла цесарская сестра, о которой выше упоминалось; за нею шла цесарская большая дочь, а потомъ шли двѣ цесарскія меньшія дочери. Сестру цесарскую и цесаревенъ всѣхъ трехъ вели подъ лѣвыя руки сенаторы старые лѣтами, честныя особы, и несли надъ ними надо всѣми сенаторскія дѣти балдахины круглыя, и позади ихъ подола одежду ихъ несли за ними робятки — недоросли. За цесаревнами шли дѣвицы, сенаторскія дочери и жены сенаторскія жъ, а всякая сама надъ собою несла балдахины круглыя, изрядныя и въ рукахъ у всякой четки. И, обшедъ съ тою процессією городъ, пришли къ столпу рѣзному, о которомъ въ сей книгѣ выше упоминалось, который поставленъ на площади. У того столпа отправляли духовную литію. Тутъ былъ цесарю посланъ коверъ, и на томъ коврѣ поставлены кресла, и передъ креслами поставлена была скамья и покрыта алтабасомъ. И пришедъ къ тому мѣсту, цесарь со всѣмъ своимъ домомъ стоялъ на колѣняхъ, а вокругъ помянненнаго столпа стояла пѣхота, 4 роты въ изрядномъ платьѣ съ ружьемъ. Начальные люди

той пѣхоты всѣ въ золотныхъ кафтанахъ съ запонами алмазными. А отъ того столпа паки пришли къ тому жъ помя-ненному великому соборному св. архидіакону Стефана костелу и обошли тотъ костель вокругъ, а хожденіе имѣють Римляне на правую сторону. И какъ кардиналъ вошелъ въ тотъ великій костель, и въ то время въ томъ костелѣ заиграла вся музыка на троиохъ органахъ и на скрипичахъ, на фіолгалбахъ¹⁾, на арфахъ, на штормахъ, на цитрахъ, на флейтахъ, на трубахъ, на литаврахъ, на сиповкахъ, на барабанахъ и на иныхъ многихъ инструментахъ разныхъ мусикійскихъ, и такой былъ шумъ, что невозможно было слышать человѣческаго голоса.

Венеція. Близко того костела (Соборъ Св. Марка) у самыхъ алтарей построень домъ Венецкаго князя, котораго Венеціане называютъ своимъ языкомъ принципомъ. Тотъ домъ сдѣланъ изряднымъ мастерствомъ, весь каменный, и рѣзбы въ томъ домѣ по палатамъ многія каменные итальянской предивной работы и около того дому также рѣзбы изрядныя многія жъ. Построены палаты на томъ дворѣ, и вмѣсто ограды въ тѣхъ палатахъ построены разные приказы для управленія всякихъ дѣлъ. На тотъ княжескій дворъ сдѣланы ворота каменные великія подъ палаты съ площади, которая площадь называется Пяцасанмарка²⁾ въ тѣхъ воротахъ сидятъ многіе писари, подобные московскимъ площаднымъ подъячимъ, которые пишутъ челобитныя и иныя всякія нужды, кому что будетъ потребно. Товаровъ на пищу, то-есть хлѣба и харчу всякаго, мясъ, рыбъ и живности всякой въ Венеціи множество, только при московскомъ³⁾ все дорого, а паче всего премногое множество всякихъ фруктовъ и травъ, которые употребляются въ пищу и зѣло дешевы, и во весь годъ въ лѣтѣ и зимѣ фрукты, то-есть гроздье и травы, не переводятся; также и цвѣты во весь годъ бываютъ, и много цвѣтовъ продають всякихъ для того, что Венеціанки жены и дѣвицы употребляютъ цвѣты въ уборы около своихъ головъ и около платьевъ.

Падуя. 1. Органъ. Въ той же церкви (Костель Муч. Юстины) есть у алтаря на лѣвой сторонѣ въ стѣнѣ высоко на хорахъ органы, которыхъ подобныхъ, сказываютъ, нигдѣ не обрѣтается, и для меня на тѣхъ органахъ во время быт-

¹⁾ Viola gamba — виолончель.

²⁾ Piazza San Marco — площадь св. Марка.

³⁾ Въ сравненіи съ Московскими цѣнами.

ности моей въ той церкви играли; въ тѣхъ органахъ удивительно, что пребезмѣрно громогласны и кажется такъ отъ голосовъ тѣхъ органовъ, якобы всей церкви потрясатися. На тѣхъ органахъ сдѣлана звѣзда золоченая, которая во время игранія на тѣхъ органахъ блескаетъ, преходя по трубамъ тѣхъ органовъ: потомъ въ тѣхъ органахъ свищеть подобно птицѣ канарейкѣ или соловью; потомъ въ тѣхъ органахъ, когда отопретъ всѣ голоса и трубы, тогда не останется ни одинъ инструментъ ото всей музыки, который бы въ тѣхъ органахъ не отзывался играніемъ: вначалѣ органы, цимбалы, скрипицы, басы, штурмы, арфы, флейты, вилюгамбы, цитры, трубы, литавры и иные всякіе мусикійскіе инструменты; когда запретъ многіе голоса, тогда на тѣхъ органахъ будутъ отзываться трубы, властно¹⁾ какъ трубятъ трубачи на двойныхъ на переключкахъ, якобы одни изъ далека, а другіе изъ близка; и инныя многія штуки есть въ тѣхъ органахъ,

которыхъ нынѣ для умедленія описывать подробно оставляю.

2. Академія дохтурская. Въ Падвѣ есть академія дохтурская великая, въ которой бываетъ студентовъ по 1000 человекъ и больше. Приѣзжаютъ въ ту академію для дохтурскихъ наукъ изъ разныхъ государствъ честные люди, и бываетъ та академія заперта Юня съ первыхъ чиселъ по Сентябрю, и въ тѣ мѣсяцы въ той академіи науки и дѣйства никакого не бываетъ. Обыкновенность тамъ о студентахъ имѣютъ такую: который студентъ науку свою дохтурскую скончить, того студента инспекторъ его повиненъ взять за руку и водить его въ Падвѣ по всѣмъ улицамъ, а передъ ними идутъ многіе люди и кричатъ „вивать“; а отъ того студента, скончившаго дохтурскую науку, устроены на то одинъ человекъ, который передъ нимъ идетъ и мечетъ деньги народу, которые тому студенту кричатъ „вивать“. Тѣ деньги народъ подбираетъ и кричитъ „вивать, вивать“, а все то чинится казною того студента, который скончилъ свою науку, и потомъ того студента инспекторъ его со Езувитами въ костелѣ коронуетъ. Въ то время въ томъ костелѣ, гдѣ студента коронуютъ, народъ быть не повиненъ, только одни Езувиты или иные законники²⁾ и инспекторъ его, то-есть мастеръ. И короновавъ его, дадутъ ему изъ той академіи отъ мастера его листъ

¹⁾ Польское слово: совершенно, вполне.

²⁾ Монахи.

о мастерствѣ его и по обыкновенію, какъ надлежитъ, изъ той академіи его съ честью отпустить. Есть въ Падвѣ академія, гдѣ учать лошадей; тамъ сдѣланы палаты великія, и при тѣхъ палатахъ сдѣлана конюшня, а передъ палатами и передъ конюшнею есть площадь, на которой лошадей учать... Будучи въ Падвѣ, иноземцу пріѣзжему человѣку потребно жить остерегательно и въ ночи поздно ходить одному изъ дома въ домъ не надобно, для того, что въ Падвѣ отъ студентовъ бываетъ пріѣзжимъ обида, а временемъ и убивство; однакожь съ оружіемъ ходять и поздно, кому есть какая потреба.

Prato nella
via Venezia
confronto

Венеція. (На возвратномъ пути.) 1. Нравы. Венеціане люди умные, политичные, и ученыхъ людей зѣло много; однакожь нравы имѣютъ видомъ не ласковые, а къ пріѣзжимъ иностранцамъ зѣло пріемны. Между собою не любятъ веселиться и въ дома другъ къ другу на обѣды и на вечера не съѣзжаются, и народъ самый трезвый; никакого человѣка, нигдѣ отнюдь никогда пьянаго не увидишь; а питей всякихъ, винъ виноградныхъ разныхъ множество изрядныхъ, также розолиновъ и водокъ анисовыхъ изрядныхъ изъ винограднаго вина сытенныхъ много, только мало ихъ употребляютъ, а больше употребляютъ въ питьяхъ лимонадовъ, симады, кафы, чеулаты и иныхъ тому жъ подобныхъ, съ которыхъ человѣку пьяну быть невозможно.

2. Площадь св. Марка. Въ Венеціи близъ костела св. Марка съ двухъ сторонъ великія площади, вымощены кирпичемъ изрядно. Также вся Венеція имѣетъ въ себѣ улицы и переулки, всѣ мощены кирпичемъ, тому зѣло дивно, что отъ дождей и отъ морскихъ водъ тотъ кирпичъ не размокнетъ...

На тѣхъ же площадяхъ бываетъ часто поученіе народу: приходятъ законники изъ монастырей и сказываютъ казанія на кафедрѣ, которая кафедра на той площади всегда стоитъ высокая. На той же площади по вся дни поутру и въ вечеру сходятся Венеціане шляхта и честные люди и ходять по той площади, гуляють и о всякихъ дѣлахъ другъ другу говорятъ; и раздѣлена та площадь, которая близко моря, на три части: подлѣ княжескаго двора, тутъ ходять шляхта и честные люди Венеціане поутру, для того что палаты дому князя Венецкаго отъ востоку солнца ту площадь застѣняютъ, а противъ того на другой сторонѣ, подлѣ палатъ прокураторскихъ, тутъ ходять тѣжь Венеціане честные люди въ вечеру,

для того что при захожденіи солнца прокураторскія палаты ту площадь застѣняютъ; а между тѣхъ двухъ частей той площади серединою ходятъ всѣ невозбранно всякихъ народовъ люди. А на тѣхъ вышепомянутыхъ шляхетскихъ площадяхъ никакому пріѣзжему, ни Венеціанину нешляхетской породы ходить не велѣно, только развѣ кому нужда пройтить черезъ тѣ части площади, не возбраняется; а ходить по тѣмъ частямъ площади въ то время, когда по нимъ шляхта ходитъ гуляя, никому невозможно. На средней части той площади сидятъ астрологи мужеска и женска полу на подмосткахъ высоко въ креслахъ съ жестяными долгими трубами и, кто похочетъ чего вѣдать отъ тѣхъ астрологовъ, тѣ имъ дають не по сколько денегъ, и астрологи черезъ тѣ трубы шепчуть приходящимъ въ ухо. На той же площади многія бывають по вся дни забавы: куклы выпускають, собаки ученыя пляшутъ, также обезьяны пляшутъ, а иные люди бандерами, т.-е. знаменами играютъ, и иные блюдами мѣдными играютъ на одной палкѣ зѣло взрядно и штучно: высоко мечетъ то блюдо палкою вверхъ, и сверху паки упадетъ то блюдо на ту же палку, и иные люди огонь вѣдаютъ, иные люди камня немалые глотають и инныя всякія многія штуки дѣлають для забавы народу и за то берутъ себѣ деньги отъ тѣхъ, которые ихъ смотрять. На тѣхъ же площадяхъ во время ярманки дѣлають многія лавки деревянныя и въ нихъ торгують; въ то время въ тѣхъ лавкахъ премногое множество бываетъ всякихъ предивныхъ и богатыхъ товаровъ. Въ то же время по тѣмъ лавкамъ по вся дни гуляють Венеціане честные люди и жены и дѣвицы въ предивныхъ уборахъ, также и форестеры, т.-е. пріѣзжіе всякіе люди, между тѣхъ лавокъ, убрався хорошо, ходятъ и гуляють и кому что потребно купятъ въ ту ярманку и во время каравану (карнавала). На той же площади при морѣ бывають построены анбары великіе и сараи; въ тѣхъ анбарахъ танцуютъ люди на веревкахъ мужеска полу и женска преудивительно, также и дѣвицы. Въ другихъ анбарахъ дѣлають комедіи куклами власно какъ живыми людьми...

3. Оперные спектакли. Въ Венеціи бывають оперы и комедіи предивныя, которыхъ въ совершенство описать никто не можетъ, и нигдѣ на всемъ свѣтѣ такихъ предивныхъ оперовъ и комедій нѣтъ и не бываетъ. Въ бытность мою въ Венеціи были оперы въ пяти мѣстахъ. Тѣ палаты, въ которыхъ тѣ оперы бывають, великія, округлыя, и назы-

ваютъ ихъ Итальяне театрумъ. Въ тѣхъ палатахъ подѣланы чуланы многіе въ пять рядовъ вверхъ, и бываетъ въ одномъ театрумѣ чулановъ 200, а въ иномъ 300 и больше, а всѣ чуланы подѣланы изнутри того театрума предивными работами золочеными, иные оклеиваны толстою чеканною бумагою, такъ что невозможно познать, чтобъ не сницарская¹⁾ была работа дивная, и вызолочено все въ томъ театрумѣ, полъ сдѣланъ мало накось, чтобъ однимъ изъ-за другихъ было видно, которые въ тѣ стулы для смотрѣнія оперовъ садятся; и за тѣ стулы и скамьи даютъ платы, а кто хочетъ сидѣть въ особомъ чуланѣ, тотъ повиненъ дать за чуланъ большую плату, а за пропускъ въ тотъ театрумъ особая со всѣхъ равная плата, и съ единой стороны къ тому театруму бываетъ придѣлана великая зѣло длинная палата, въ которой чинится опера. Въ той палатѣ бывають временныя перспективы дивныя, и людей бываетъ въ одномъ оперѣ въ нарядѣ мужеска и женска полу человекъ по 100 и по 150 и больше. Наряды на нихъ бывають изрядные золотные и серебряные и каменью бываетъ въ тѣхъ уборахъ много: хрусталей и варенниковъ, а на иныхъ бывають и алмазы и зерна бурмицкія; и играютъ на тѣхъ операхъ во образъ древнихъ гисторій, кто которую гисторію излюбитъ, такъ въ своемъ театрумѣ и сдѣлаеть; и музыка въ тѣхъ операхъ бываетъ предивная съ разными инструментами человекъ по 50 и больше, которые въ тѣхъ операхъ играютъ, и ставится одна опера на годъ до 30000 и по 40000 дукатовъ Венецкой монеты, а во всякомъ дукатѣ московскихъ по 15 алтынъ. Комедіи въ Венеціи бывають хуже оперовъ, однакоже зѣло забавны, и начинаются тѣ оперы въ Венеціи Ноября съ первыхъ чиселъ и мало поигравъ престають, потомъ паки начинаютъ во время карнавала Ноября въ послѣднихъ числахъ или Декабря въ первыхъ и бывають до самаго Великаго поста во вся вечера кромѣ Воскресенія и Пятницы. А начинаютъ въ тѣхъ операхъ играть въ первомъ часу ночи, а кончаютъ въ 5-мъ и 6-мъ часу ночи, а въ день никогда не играютъ. И приходитъ въ тѣ оперы множество людей въ машкарахъ, по-славянски въ харяхъ, чтобъ никто никого не познавалъ, кто въ тѣхъ операхъ бываетъ, для того что многіе ходятъ съ женами, также и пріѣзжіе иноземцы ходятъ съ дѣвцами; и для того надѣвають мушчины и женщины машкары и платье странное,

¹⁾ Рѣзная.

чтобъ другъ друга не познавали. Такъ и все время карнавала ходятъ всѣ въ машкарахъ мужчины, жены и дѣвицы, и гуляютъ всѣ невозбранно, кто гдѣ захочетъ, и никто никого не узнаетъ. И такъ всегда въ Венеціи увеселяются и не хотятъ быть никогда безъ увеселенія, въ которыхъ своихъ веселостяхъ и грѣшатъ много.

Также въ то время по многимъ мѣстамъ на площадяхъ бываетъ музыка и танцуютъ по-итальянски, а танцы итальянскіе не зѣло стройны: скачутъ одинъ противъ другого вокругъ, а за руки не берутъ другъ друга. Также многіе забавляются, травятъ меделянскими собаками великихъ быковъ и инья всякія потѣхи чинятъ и по морю ѣздятъ въ гундалахъ и баркахъ съ музыкою и всегда веселятся и ни въ чемъ другъ друга не зазираютъ и ни отъ кого ни въ чемъ никакого страху никто не имѣетъ: всякій дѣлаетъ по своей волѣ, кто что захочетъ. Та вольность въ Венеціи и всегда бываетъ, и живутъ Венеціане всегда во всякомъ покоѣ, безъ страху и безъ обиды и безъ тягостныхъ податей.

4. Школы. Школы есть въ Венеціи изрядныя, въ которыхъ учатся до философіи и до теологіи. Такая жъ есть школа въ Венеціи и у Греческой церкви, которую держитъ Греческій митрополитъ на своей платѣ, и учатъ Греки греческихъ студентовъ на Греческомъ и на Латинскомъ и на Итальянскомъ языкѣ до философіи и до теологіи. И когда въ какой школѣ студентъ придетъ въ совершенство науки своей, тогда ихъ коронуютъ, свидѣтельствовавъ сице: въ одной палатѣ или въ церкви на серединѣ поставятъ кресла, въ которыхъ тотъ помянутый студентъ сядетъ, и подлѣ его по лѣвую сторону сядетъ въ другихъ креслахъ мастеръ его, а отъ него по обѣ стороны по кресламъ сядутъ законники и попы ученые люди, также и всѣ, которые въ то время тамъ прилучатся быть; и всѣмъ въ то время тамъ бывшимъ раздадутъ печатные листы или тетради, которыя называются комплексіи, т.-е. та диспутъ, ^{диспутъ} о чемъ того студента будутъ испытывать и свидѣтельствовать, вся въ тѣхъ листахъ напечатана; и потомъ тотъ студентъ всѣмъ тамъ бывшимъ проговоритъ изрядную рачею о своемъ испытаніи и начнетъ говорить о своей наукѣ, а съ нимъ сидящіе ученые люди начнутъ о томъ диспутовать чинно по одному человѣку, и бываетъ у него диспута съ тремя человѣками, а больше трехъ человѣкъ другіе съ нимъ не диспутуютъ, а учитель его въ тѣхъ диспутахъ обороняетъ и самъ за него съ

тѣми посторонними диспутуетъ, и такъ сконча диспуту, тому студенту поздравляютъ и привѣтствуютъ его всѣ ученые любовно.

Неаполь. 1. Везувій. Не доѣзжая Неаполя за двѣ мили Итальянскихъ на лѣвой сторонѣ есть гора зѣло высока, которая непрестанно отъ сотворенія свѣта горитъ, и въ день отъ той горы великій курится дымъ, а ночью бываетъ видѣть и огонь; и такъ, сказываютъ, всегда безпрестанно горитъ и не угасаетъ никогда ни на малое время. Приѣхавъ въ Неаполь, стоялъ я въ остаріи, которая называется Алля Колюмба Доро, т.-е. подъ золотымъ голубемъ.

2. Судъ. Потомъ пришелъ я къ той палатѣ, гдѣ сидятъ 12 человекъ судей за великими государственными дѣлами. Между тѣми судьями одинъ сидитъ на мѣстѣ короля Гишпанскаго и называется капо, т.-е. голова надо всѣми. И какъ я въ ту палату вошелъ, и тотъ начальній судья и всѣ судьи противъ меня встали и отдали мнѣ поклонъ, съ великою учтивостью привѣтствовали меня и, показавъ всѣ вещи, которыя иноземцу надлежитъ видѣть, такъ же съ честью меня отпустили и послали со мною одного человекъ, велѣли меня проводить, который шелъ изъ той палаты передо мною, очищая дорогу во многолюдствѣ, и съ такою учтивостью меня проводилъ въ верхнія палаты, гдѣ я видѣлъ государства Неаполитанскаго старыя книги и письма устроены по шкафамъ изрядно съ подписями; тѣхъ старинныхъ писемъ зѣло много. Изъ тѣхъ верхнихъ палатъ сошелъ въ нижнія палаты, гдѣ слушалъ Неаполитанскаго суда, какъ судились два человекъ передъ судьями: говорятъ чинно съ великою учтивостью, а не съ крикомъ, и подъячій слова ихъ записывалъ подобно тому, какъ и на Москвѣ.

3. Иезуитская школа. Въ томъ домѣ всегда бываетъ учениковъ по 100 человекъ, а временемъ и больше и меньше, Неаполитанскихъ жителей честныхъ людей дѣти, а недворянской породы въ томъ домѣ никого нѣтъ и не принимаютъ. Въ томъ домѣ учатся прежде грамотѣ словесной и писать и по-латыни и инымъ разнымъ наукамъ. Тутъ же учатся биться на шпадахъ по-гишпански со штылетами и безъ штылетовъ; тутъ же учатся играть бандерою, т.-е. знаменемъ; тутъ же учатся танцовать разныхъ танцевъ, тутъ же учатся ѣздить на лошадяхъ, тутъ же учатся скакать на лошади, не вступая въ стрѣмя, изрядными штуками, и всѣмъ тѣмъ наукамъ учатся ученики по вся дни кромѣ Недѣли и праздниковъ. И если

отдасть кто въ тотъ домъ сына своего для наукъ, тотъ повиненъ за него платить Езувитамъ, которые тотъ домъ держать, по 9-ти шкудовъ въ мѣсяцъ. За тою платою того студента въ томъ домѣ будутъ кормить и поить, какая пища надлежитъ честнымъ людямъ, и постеля ему въ томъ домѣ будетъ изрядная, и учить его будутъ всѣмъ вышеписаннымъ наукамъ за тою же платою; а студенты въ томъ домѣ живутъ въ разныхъ палатахъ; которые лѣтъ по 10 и меньше — тѣ живутъ въ нижнихъ палатахъ, которые лѣтъ по 13 или 14, — тѣ живутъ надъ ними въ особыхъ палатахъ; которые лѣтъ по 20 — въ особыхъ же палатахъ. И такъ тѣ студенты разобраны на 6 статей. Какъ я въ томъ домѣ пришелъ въ ту палату, въ которой учатся биться на шпадахъ и знаменемъ играть, и танцовать, и черезъ лошадь скакать, въ той палатѣ для меня велѣли учителя студентамъ своимъ биться на шпадахъ и знаменемъ играть, и танцовать разные танцы, и скакать черезъ лошадь, которая стоитъ въ тѣхъ палатахъ сдѣлана изъ дерева, и на ней сдѣлано сѣдло подобно нѣмецкому сѣдлу. Та лошадь сдѣлана въ мѣру лошади нѣмецкой немалой. И тѣ студенты зѣло меня удивили, какъ бились на шпадахъ и знаменемъ играли, и танцовали зѣло малолѣтніе ребята лѣтъ по 10 или по 12, а въ наукахъ своихъ зѣло искусны, а паче удивленія достойно, какъ въ той палатѣ 4 человекъ изрядныхъ молодцовъ и честныхъ отцовъ дѣти скакали черезъ деревянную вышепомянутую лошадь, какими дивными штуками и какою легкостью, того описать подлинно невозможно. Потомъ я въ томъ домѣ ходилъ по тѣмъ палатамъ, въ которыхъ тѣ студенты живутъ; въ тѣхъ палатахъ поставлены имъ всякому человекъу особая кровать и постели изрядныя, всѣ покрыты зелеными сукнами, и у всякой кровати особая завѣса зеленая жъ. Въ тѣхъ же палатахъ поставлены длинныя столы, на которыхъ тѣ студенты играютъ для забавы мячами. Потомъ пришелъ въ ту палату, въ которой тѣ всѣ вышеупомянутые студенты ѣдятъ; въ той палатѣ поставлены столы многіе, на которыхъ посланы скатерти изрядныя бѣлыя и тарелки, и ножи съ вилками и ложки — все чистое изрядное, также полотенца бѣлыя всегда. И какъ я изъ тѣхъ палатъ сошелъ на дворъ, и на дворѣ вышеписанные студенты, которые того дни скончили лекціи, играютъ великими мячами по обыкности Итальянской. И какъ я съ того двора пошелъ, и меня Езувиты и студенты съ почтеніемъ и съ любовью проводили.

Толстой управляетъ кораблемъ на пути въ Мальту. И такъ мы того дни до ночи и три часа ночи шли на греблѣ, а въ 4-мъ часу ночи припалъ намъ вѣтръ недобрый великій, однакожь къ Мальту способный, и мы на филогѣ своей, поднявъ два паруса, побѣжали. А въ той ночи зѣло было пасмурно, и звѣздъ видѣть было невозможно, и которую звѣзду потребно было намъ видѣть, ту звѣзду заслонило тучею, и видѣть намъ ее было невозможно; а патронъ, т.-е. начальникъ филогѣ нашей, во мракѣ ночью съ праваго пути мало побился, что я видѣвъ довольно съ нимъ говорилъ въ противность и мнилъ то, что онъ то дѣлаеть съ лукавства и хочетъ меня завезть въ Барбарію, т.-е. въ Арапы. Потомъ тотъ патронъ позналъ самъ, что не такъ ѣдетъ, какъ надлежитъ ѣхать къ Мальту, и просилъ меня о томъ, чтобъ я путь филоги своей управлялъ. И за помощію Божіею управился нашъ путь къ Мальту добро, и во всю ночь бѣжали мы на двухъ парусахъ, до самаго свѣту, и на первомъ часу Іюля 19-го числа увидѣли передъ собою Мальтійскій островъ. За что меня патронъ филоги нашей зѣло благодарилъ, что управился путь нашъ прямо къ Мальту. Въ томъ же часѣ, не доѣзжая до Мальту за десять или больше миль Итальянскихъ, съѣхались мы съ турецкимъ великимъ кораблемъ и увидѣли его отъ себя въ дальнемъ разстояніи и не познали: чаяли, что тартана христіанская изъ Мальту идетъ. А турки съ того корабля, увидѣвъ нашу филогу, поворотили парусы къ намъ, а вѣтръ былъ имъ на насъ мало способный; и какъ тотъ корабль набѣжалъ на насъ близко, и мы, увидѣвъ, что то корабль, а не тартана, и суть непріятельскій, почали мы подаватися къ Мальту; а тотъ корабль почаль за нами правиться и угонять насъ, и гнался за нами три часа съ лишкомъ, перенимая намъ дорогу къ Мальту. И мы, видѣвъ, что тотъ корабль насъ угоняетъ и къ Мальту мы отъ него уже идтить не можемъ, вскорѣ на филогѣ своей парусы переверотили подъ вѣтеръ, и почали маринеры грестъ веслами и попли тому кораблю въ противность, умысля то, чтобъ намъ тотъ корабль проплыть вскорѣ за вѣтеръ. И такъ, при помощи Божіей, встрѣчу того корабля ѣхавъ, проминули его зѣло въ близости. И какъ увидѣли Турки, что филога наша пришла противъ ихъ корабля въ мѣру душечной стрѣльбы, начали стрѣлять изъ пушекъ, а потомъ, какъ еще болѣе поравнялись мы съ кораблемъ ихъ, и они стрѣляли изъ мелкаго ружья по насъ; однакожь Господь Богъ насъ пощадилъ: ни-

кого не убили и не ранили. И какъ увидѣли Турки, что мы корабль ихъ проминули за вѣтеръ и не могутъ они намъ ничего учинить, паче жъ пригнались за нами въ Турино, близко самага Мальту и, опасшись, чтобъ отъ Мальту не было на нихъ какихъ людей, скоро отъ насъ поворотились и побѣжали въ море; а мы, невидимою силою Божіею свободясь отъ тѣхъ псовъ бусурманъ, пріѣхали въ Мальтъ въ добромъ здоровѣ.

Феррара. Памятникъ папѣ*). Есть въ Ферарѣ палаты великія и зѣло высокія; въ томъ же городѣ есть одна площадь великая, около той площади вокругъ поставлены столбы низкіе каменные, столбъ отъ столба сажени по три, и по тѣмъ столбамъ по верхамъ подѣланы пробои желѣзные толстые, и въ тѣ пробои проняты чѣпи желѣзныя нетонкія, и вся та площадь тѣми чѣпями отъ столба до столба обвѣшена, чтобъ невозможно было никому по той площади въ каретѣ или въ телѣгѣ или верхомъ проѣхать. И растеть на той площади трава великая, а посреди той площади поставленъ одинъ великій столбъ каменный бѣлый, зѣло высокъ и толстъ, изъ одного камени высѣченъ, круглый, изрядною рѣзною работою сдѣланъ; на верху того столба сдѣланы изъ того жъ камени кресла изрядныя, и въ тѣхъ креслахъ посажена персона папы Римскаго, высѣченная изъ камени предивною работою; и* кругомъ того столба поставлены также низкіе столбы каменные жъ, по которымъ также подѣланы пробои и повѣшены чѣпи желѣзныя, чтобъ никто близко того столба пройти не могъ, а сдѣлано то все для почтенія персоны папиной.

Письмо Головина. Октября въ 25-й день. Прислать ко мнѣ съ Москвы письмо бояринъ Оедоръ Алексѣевичъ Головинъ, а въ немъ пишетъ: „Государь мой Петръ Андреевичъ, здравіе твое да сохранить Господь во вѣки, чего я истинно желаю; а о себѣ тебѣ, мой государь, извѣствую, что за помощію Божіею живъ на Москвѣ, Сентября въ 29-й день. Еще милости твоей извѣстно чиню, что указано всѣмъ стольникамъ, которые познали науку, быти къ Москвѣ изъ Венеціи и изъ Амстердама и, если воля твоя будетъ, изволь ѣхать безъ опасности. Ѳедька Головинъ. Съ Москвы, Сентября въ 29-й день“.

---

*) Папой, во время путешествія Толстого, былъ Иннокентій XII.

6. Поѣздка графа А. А. Матвѣва въ Парижъ (1705 г.).

Ближній окольничій и намѣстникъ ярославскій, Андрей Артамоновичъ Матвѣвъ, сынъ боярина Артамона Сергѣевича, знаменитаго „западника“, выросъ въ очень просвѣщенной семьѣ и получилъ выдающееся для своего времени образование; онъ зналъ иностранные языки, говорилъ по латыни; европейцы отмѣчали его образованность. Матвѣвъ былъ полномочнымъ русскимъ посломъ при Голландскихъ Статахъ (1699—1712 г.) и при австрійскомъ дворѣ (1712—1715 г.). Въ 1715 году возведенъ въ графское достоинство. 5-го сентября 1705 года онъ былъ посланъ Петромъ I въ Парижъ инкогнито для заключенія съ Франціей торговаго договора, впрочемъ, не состоявшагося.

А. А. Матвѣвъ былъ въ Парижѣ въ царствованіе Людовика XIV, въ то время, когда все, что было родовитаго, блестящаго и богатаго, было стянуто въ столицу Франціи. Жизнь этого общества поразила Матвѣва настолько, что затмила его впечатлѣніе отъ бѣдности самой страны, по дорогѣ имъ внесенное въ дневникъ. Безправія французскаго общества, произвола и несправедливости въ управленіи, которые такъ рѣзко бросились въ глаза позднѣе Фонъ Визину, Матвѣвъ не только не замѣчаетъ, но даже усиленно восхваляетъ свободу и законность французскаго строя. Это, конечно, объясняется не только различіемъ двухъ путешественниковъ, но и разницей требованій и понятій, далеко ушедшихъ впередъ къ концу 18 вѣка сравнительно съ его началомъ.

Онъ съ увлеченіемъ рассказываетъ о жизни большого парижскаго свѣта, объ изящной любезности этого общества, о той свободѣ, которой пользуется женщина во Франціи, о привѣтливости и изяществѣ ея обращенія, объ отсутствіи мѣстничества, о мягкости воспитанія дѣтей; онъ пораженъ образованностью парижанъ и въ то же время съ удовольствіемъ отмѣчаетъ тѣ внѣшнія отличія, которыя присвоены французской знати.

(Наблюдая увлеченіе Матвѣва, невольно сопоставляешь его съ словами мемуариста XVIII в. Болотова: „Всѣ, не только знатные и богатые, но и самаго посредственнаго состоянія люди восхотѣли ѣсть на серебрѣ, и всѣ затѣвали дѣлать себѣ серебряные столовые сервизы“. Или слова историка кн. Щербатова: „Вкусъ умножился, подражаніе роскошнѣйшимъ народамъ возросло, и человекъ дѣлался почтенъ по мѣрѣ великолѣпности своего житія“.)

Впечатлѣнія Матвѣва даютъ ясно понять, отъ чего вьружилась голова у нашихъ послѣдующихъ путешественниковъ въ Парижѣ, отъ чего въ XVIII вѣкѣ русское высшее общество такъ увлечено было внѣшнимъ подражаніемъ европейскому великолѣпію. У Матвѣва еще замѣтно удивленіе человека до-Петровской Руси, привыкшаго жить расчетливо и уважать бережливость и пораженнаго возможностью бросать цѣлыя богатства на невиданное имъ великолѣпіе.

Его описаніе своей аудіенціи у короля Людовика XIV рисуетъ довольно живо и самого короля, и передъ нимъ русскаго дипломата того времени.

Гентъ. Въ томъ же городѣ, на большомъ рынку, который называется новой торгъ, на великомъ пирамиду, или столбѣ, довольно величины стоитъ подобіе Карола V, цесаря римскаго, въ коронѣ и съ скипетромъ, съ его изваяно лица (какъ слышится), мѣдное, вызолочено на красно.

Тотъ цесарь родился, по описанію историковъ достовѣрныхъ, въ семь же городѣ и крещенъ въ катедральной или соборной великой церквѣ 1500 году февраля 25 дня. Онъ родился на принцевомъ гофѣ въ малой самой каморѣ, которая до нынѣ невредима стоитъ, украшена изрядными рѣчьми всѣхъ въ его цесарскую жизнь славныхъ бывшихъ побѣдъ и дѣлъ. Въ той же каморѣ написано подь камнемъ латинскими литерами, что въ день св. Матвея въ малой же каморѣ рожденъ Кароль пятый.

Въ томъ же городѣ 600 улицъ и 50 площадей торговыхъ. Здѣсь бискупъ правительствуетъ надъ катедральнымъ костеломъ. Тотъ костелъ имѣетъ премножество въ себѣ алтарей и древнихъ живописныхъ иконъ неоцѣннаго художества и подь первыми алтарями преславной работы въ мѣру челоувѣческую изваянныя страсти Спасителя, снятіе Его со креста и положеніе во гробъ. Въ костелѣ бискуповъ гробы, надъ которыми подобія ихъ изъ бѣлаго мрамора изваяны весьма хитрымъ художествомъ, каковы они въ жизни своей обрѣтались.

Посоль былъ въ кляшторѣ монахинь закона св. Елизаветы, которыхъ въ той обители до 900 обрѣтается. Носятъ покрывала бѣлыя и ходятъ въ черномъ платьѣ. Во время вечерни они съ органами пѣли, и сладости голосовъ ихъ описать невозможно. Правило имѣютъ не тяжкое и могутъ выходить безъ удержанія свободно замужъ, если не похотятъ въ томъ законѣ больше быть.

Отъ французскаго города Меле по пути по обѣимъ сторонамъ селы великія и жилыя, и въ нихъ вездѣ костелы и каменные старинныя, но поселянство въ тѣхъ селахъ, отъ поборовъ королевскихъ изнуренное, въ конечной пребываетъ скудости, лошади, и ослы, и скоть гораздо мелокъ...

Парижъ. Аудіенція у короля. Въ 28 день посоль обослался изъ Парижа въ Фонтенебло, чрезъ дворянина Ивана Зотова, тогда въ Парижѣ обрѣтавшася, королевскаго величества французскаго съ стацкимъ министромъ, секретаремъ королевскимъ чужестранныхъ дѣлъ, съ господиномъ съ маркизомъ де Торціемъ, требуя прилежно королевскаго дозволенія

и указа, когда на приѣздъ и гдѣ у его высокоупомянутаго величества быть г. послу. Тотъ министръ по обсылкѣ его посольской учинилъ отповѣдь черезъ дворянина Зотова, что король, его государь, во время своего бытія въ Фонтенебло не забавляется въ дѣлахъ звычайныхъ, развѣ въ самыхъ нужныхъ совѣтахъ войны или своего государства; къ тому же за нѣкоторую его большею болѣзнью времени не достаетъ.

И этотъ пріятный совѣтъ имѣеть г. посоль за нѣкоторый видъ королевской воли, хотя онъ (т.-е. французскій министръ) и собою говоритъ, что его превосходительству не есть случай нынѣ пріѣхать въ Фонтенебло...

По возвращеніи королевскомъ изъ Фонтенебло до Версалии и, по обсылкѣ посольской вновь съ маркизомъ де Торціемъ, назначена ему, послу, яко инкогнито присланному, отъ короля аудіенція приватная сего октября въ 25 день въ Версалии. По назначенію тому прибылъ посоль изъ Парижа въ Версалию и введенъ былъ отъ вышешоименованнаго стацкаго секретарія къ королю въ самой его королевской внутренней кабинетъ, гдѣ его величество, кромѣ принцевъ высокихъ и посла, никому приватныхъ аудіенцій по тотъ часъ не даывалъ и гдѣ всегда отъ него, короля, тайные совѣты отправляются. То введеніе послу было отъ него стацкаго секретарія безъ всякихъ публичныхъ церемоній, для того, что онъ, посоль, присланъ былъ къ королю инкогнито.

Въ кабинетѣ его королевское величество стоялъ при столѣ у окна, въ кафтанѣ французскомъ суконномъ темно-лимоннаго цвѣту, шитомъ мѣстами золотомъ, безъ шляпы. Вшедши и учиня его величеству посоль по чину европейскому три обыкновенные поклона въ поясъ, отправлялъ послѣдующую рѣчь, въ которое время король стоялъ (въ черновой рукописи рѣчи не записано). По отправленіи посольской рѣчи Его Царскаго Величества грамоту присланную выслушавъ, посоль ему, королю, подалъ.

Онъ съ великою склонностью той рѣчи выслушавъ, не только почтенно, но зѣло пріятельски къ себѣ присланную грамоту у посла самъ изъ его рукъ принялъ съ прямымъ дружескимъ видомъ. Потомъ его королевское величество изволило само ему, послу, говорить, что отъ Его Царскаго Величества та къ нему его, посла, посылка зѣло есть угодна и что онъ все учинить къ царской угодности такъ, что въ его возможности будетъ. Также и о особѣ посольской особливо сказалъ король себя быть весьма удовольствованна.

При той аудіенці, во время рѣчей королевскихъ, титла достойная Его Царскаго Величества съ высокимъ почтеніемъ всегда упоминалась и въ отвѣтахъ маркиза де Торція. Также этотъ министръ при самой бытности королевской въ ту аудіенцію послу давалъ въ своихъ и отъ короля въ словахъ почтеніе превосходительства, какъ то посломъ публичнымъ отдается, безъ всякой разности, хотя онъ, посоль, присланъ тогда инкогнито.

Король есть великаго роста, дебелости изрядной и умѣренной, глазъ остроту и въ словахъ зѣло ласковъ, учтивъ и пріятель; говоритъ громко и склонности много (зачеркнуто потомъ: „великой ко всѣмъ“). Имѣлъ тогда 67 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, однако гораздо еще бодрого состоянія въ здравіи своемъ находится. Великое воздержаніе въ явствахъ и питіи имѣеть и всегда для осторожностей состоянія своего на вся мѣсяцы принимаетъ лекарства; также и для обученія плоти повседневно ѣздитъ на свои охоты и забавы въ ближайшія селы.

Онъ, король, приписуетъ себѣ именованіе Людовика великаго за свои счастливыя дѣла, преславныя побѣды и чрезвычайныя благополучія въ дѣлахъ при правленіи монархіею, какъ въ его королевствѣ, такъ и по всей Европѣ...

Парижское общество. Никоторое государство, какъ Франція, не имѣеть такого многаго числа и изрядства въ Европѣ каретъ и убору богатаго на лошадяхъ и работою и внутреннею и внѣшнею, богато учрежденною въ каретахъ. Не только высокія особы, или шляхтество, но и купечество богатое употребляютъ кареты и если со фіаками или извозчиками наемными ихъ изчислять, то можетъ число состоять изъ 25.000 каретъ.

Принцы и дюки Франціи высокихъ фамилій имѣють въ домѣхъ своихъ балдахины и, кромѣ ихъ, того употреблятъ никто не можетъ. Уборства велелепность въ домѣхъ великихъ и посредственныхъ высокошляхетныхъ особъ и у самаго парижскаго купечества — многоцѣнные тапеты (tapis) или живописныя подобія тканыхъ ковровъ, великихъ мѣръ въ три аршина зеркала многоцѣнные, живописныя картины дивныхъ художествъ, шкафы, шкатулы, часы и паникадилы изъ самаго точенаго свѣтлаго хрустала... превосходятъ всѣ страны европейскія. И всякой уборъ къ потребѣ лучшей челоуѣчества имѣють преславной, а наипаче любятъ хинскія (chinoiserie) вещи и персидскія, и... извоанныя мѣдныя подобія челоуѣческія, какъ бы живыя видятся...

Чистота столовъ и уборства, порядокъ въ ѣствахъ, вкусъ сладостей ихъ и богатство сервизовъ, или посуды серебряной... не примѣнна ни которымъ народамъ. Повары, по искусству въ стряпаньѣ ѣствъ всякихъ, имѣютъ превосходительство изъ всей Европы и ихъ всегда всѣ народы тщательно употребляютъ у себя въ свою службу. Множество столовыхъ имѣютъ уборовъ, большихъ серебряныхъ тарелокъ или блюдовъ, и не только изъ высшихъ особъ всегда держать тамъ серебряный сервизъ, но и купечество знатное парижское повсемременно ѣдятъ на серебрѣ.

Въ томъ государствѣ лучшее всѣхъ основаніе есть, что не властвуетъ тамъ зависть: къ тому же король самъ веселится о томъ состояніи честныхъ своихъ подданныхъ, и никто изъ вельможъ ни малѣйшей причины, ни способа не имѣетъ даже послѣдному въ томъ королевствѣ учинить какова озлобленія или нанести обиду. Всякой изъ вельможъ смотрѣть себя долженъ и свою отправлять должность, не вступая до того, въ чемъ надлежитъ державѣ королевской. Ни король, кромѣ общихъ податей, хотя самодержавный государь, никакихъ насилуваній не можетъ, особливо же ни съ кого взять ничего, развѣ по самой винѣ свидѣтельствованной противъ его особы въ погрѣшеніи смертномъ, по истинѣ разсужденной отъ парламента; тогда уже по праву народному, не указомъ королевскимъ, конфискаціи, или описи, пожитки его (виновнаго) подлежатъ будутъ. Принцы же и вельможи ни малой причины до народа не имѣютъ и въ народныя дѣла не вмѣшиваются и отъ того никакую тѣсноту собою чинить николи никому не могутъ. Къ сему же всѣ вельможи дачами отъ короля самого довольствованы годовыми. Смертный законъ имѣютъ о взяткахъ народныхъ и о нападкахъ на него.

О обученіи вельможескихъ дѣтей. Всей Франціи высокихъ фамилій дѣти, отъ самыхъ юностныхъ ногтей, имѣютъ воспитаніе зѣло изрядное, поученіе въ разныхъ языкахъ и во всѣхъ свободныхъ наукахъ, особливо же въ математикѣ, географіи, геометріи, ариѳметикѣ, въ воинскихъ обученіяхъ и конной ѣздѣ, на что имѣютъ учрежденныя въ Парижѣ великія академіи, и потомъ въ танцахъ и пѣніи и разныхъ музыкахъ.

Особливо же женской полъ высокородныхъ фамилій — изрядствомъ голосовъ, и игрою музыкъ на всякихъ разныхъ инструментахъ, и открытостью любительныхъ своихъ и добронравныхъ поступковъ, особливо же ко иностраннымъ, — превосходитъ всѣ европейскіе народы.

По истинѣ съ несказаннымъ удивленіемъ достойно упоминать, что ни едина особа и мужеска и женска пола изъ благородныхъ фамилій французскихъ найтися не можетъ, которая бы вышеобъявленныхъ обученій по своему честному воспитанію не обучена была. Больше же всего тотъ порядокъ въ семь народѣ хваленъ есть, что дѣти ихъ никакой косности, ни ожесточенія отъ своихъ родителей, ни отъ учителей не имѣютъ, но отъ добраго и остраго наказанія словеснаго, паче, нежели отъ побоевъ, въ прямой волѣ и смѣлости воспитываются, и безъ всякой трудности вышеобъявленнымъ своимъ обучаются наукамъ.

Ни самой женской полъ во Франціи никакого зазору отнюдь не имѣть во всѣхъ честныхъ обращать поведеніяхъ съ мужескимъ поломъ, какъ бы самые мужи, со всякимъ сладкимъ и челоуѣколюбнымъ приѣмствомъ и учтивостію. Особенно же высокихъ фамилій дамы между собою повседневно сѣзжаются и, имѣя музыки, сами на нихъ играютъ беззазорно и поютъ, куда свободно, не токмо особъ чинныхъ изъ господъ французовъ, но и изъ иностранныхъ свободно есть приѣздъ съ ними веселиться, что онѣ за честь еще и за увеселеніе вмѣняютъ.

Въ то же время, какъ вышеупомянутый посоль былъ, въ обычай вошло поведеніе, что самые принцы и принцессы королевской крови, именно его королевская высокость дюкъ де Орлеанъ, и мадамъ принцесса дю Мейнъ и иные, оперу и комедію сами въ своихъ особахъ отправляли въ своихъ дворѣхъ при собраніи только своихъ ближнихъ и при надворныхъ людѣхъ своего дома.

Также и высокихъ фамилій господа и госпожи въ домѣхъ своихъ, дѣлая театры, тоже чинили для обученія лучшаго и беззазорнаго себѣ пѣнія, музыки и танцевъ, особливо же для изряднаго изрѣченія языка французскаго, имѣя при себѣ молодыхъ мужеска и женска полу дѣтей, изъ чего они благовременный и полезный случай себѣ получаютъ по всякому искусству своему изъ такой изрядной свободы.

У всѣхъ принцессъ крови королевской, а именно: у мадамъ принцессъ де Конде, де Конти, дю Мейнъ дюшессы, и потомъ у иныхъ принцессъ и дюшессъ: де Бульонъ, де Люксенбургъ, де Шатильонъ и у прочихъ мадамъ маршалъ Франціи бывають собранія (какъ по французски называются ассанбле), въ которыя честнымъ изъ значительныхъ, какъ изъ французовъ, такъ и изъ иностранныхъ, особамъ входить

не возбранено, безъ всякаго расположенія въ мѣстѣхъ, гдѣ и самыя послы („и принцы“ приписано съ боку) и прочіе министры чужестранные николи не встерегаются мѣсть и всѣ въ одномъ обществѣ обращаются: ни встрѣчь, ни проводовъ тамъ никому не бываетъ.

Въ тѣ собранія бываетъ музыка и танцы и игры въ карты, которыя у дамъ французскихъ зѣло любятъ и въ обычай вошли непрерывно. Особенно же изъ нихъ вельми убыточная, коя называется базетъ, лацкенетъ, фанфароонъ (phagaon?) и инныя, хотя уже многожды публичнымъ королевскимъ указомъ были тѣ игры заказаны, однако же въ домѣхъ министровъ иностранныхъ бываютъ, которыя за ихъ характерами (т.-е. по должности) королю запретить имъ нельзя, для того туда всѣ дамы и господа съѣзжаются.

Если же кто не играетъ въ карты, то свободенъ есть въ то время съ кѣмъ ни есть и разговаривать безъ всякаго подозрѣнія.

Особливо же такія баловъ забавы, бываютъ и съ музыкою и съ танцами отправляются въ Парижѣ и во всей Франціи во время карнавала, который зачинается отъ февраля съ первыхъ числъ и продолжается до 5 или 16 числа. Тогда тѣ балы двоякіе имѣють себѣ вида: одни въ особахъ своихъ дозволяется входить въ тѣ дома, а другіе съ машкарами, въ которыхъ подъ машкарами высокіе принцы и послы, за люди скрывся, безъ объявленія своего имени и особъ могутъ ходить, танцовать и уѣзжать. Тѣ балы во время карнавалу по многимъ домамъ въ Парижѣ отправляются, какъ у вельможъ французскихъ, такъ и у министровъ чужестранныхъ, и на одинъ день по 30 и по 40 баловъ по домамъ бываетъ съ великими учрежденіями и въ одеждахъ уборныхъ и пребогатыхъ разиныхъ модъ, особливо же въ богатствѣ многоцѣнныхъ клейнотовъ у дамъ и мадмузель (написанное прежде слово „дѣвицъ“ зачеркнуто) благоурожденныхъ фамилій.

Во время отправленія баловъ тѣхъ иждивеніе великое бываетъ въ свѣчахъ восковыхъ, бѣлаго воску, потому что въ паникадилахъ, которыхъ особенно заваживають въ Парижѣ изъ многоцѣннаго точенаго хрусталя, употребляютъ и вездѣ по палатамъ въ шандалахъ премного ставятъ для всякой свѣтлости. При тѣхъ балѣхъ потчивають разными конфекты, фрукты и винами, около всѣхъ круговъ, едѣ кто сидитъ, на великихъ серебряныхъ мисахъ. Тѣ балы бываютъ отъ 5 и до 6 часовъ пополночи.

7. Гисторія о россійскомъ матросѣ Василии.

„Гисторія о россійскомъ матросѣ Василии Кориотскомъ и о прекрасной королевиѣ Иракліи Флоренскія земли“ представляетъ одну изъ тѣхъ рукописныхъ повѣстей, которыя были любимымъ чтеніемъ для средняго русскаго читателя XVIII вѣка. Это обыкновенно — переводные рыцарскіе романы или „романы приключеній“; какъ извѣстно, они появляются на Руси еще до Петра и нѣкоторые изъ нихъ пользуются уже тогда извѣстностью (Бова, Петръ Златыя ключи, Францъ Венеціанъ). Петровская эпоха не убила этой литературы, напротивъ, она разростается въ XVIII в.: къ прежнимъ переводамъ присоединяется множество новыхъ, появляются оригинальныя попытки или передѣлки въ томъ же духѣ, „гисторіи“ переходятъ изъ верхнихъ круговъ общества въ средній служилый классъ, къ купцамъ, посадскимъ людямъ и подъячимъ. Даже способы распространения этихъ книгъ остаются прежніе: онѣ переписываются и продаются на рынкахъ. Эта рукописная литература (она далеко не ограничивалась одними повѣстями) составляетъ связь допетровской Руси съ XVIII вѣкомъ: въ то время, какъ официальная литература, придворная или академическая, усвоивала новыя европейскія формы, большинство читателей питалось своей рукописной, въ которой было больше связи съ прежними вкусами и интересами. Кантемиръ пророчитъ своимъ стихамъ, что они будутъ, забытые, „гнушно лежать, въ одинъ свертокъ свиты, иль съ Бовою иль съ Ершомъ“; Сумароковъ съ ироніей говоритъ, что трудно ждать развитія литературы, когда публика склонна прямо послѣ складовъ браться за Бову и за Петра Златыя ключи. Наконецъ, Чулковъ въ своемъ журналѣ, „И то и сѣо“ 1769 г. пишетъ, что одинъ знакомый его подъячій кормился перепиской разныхъ исторій, которыя продаются на рынкахъ, какъ напр. „Бову Королевича, Петра Златыхъ ключей, Еруслана Лазаревича, о Францѣ Венеціанинѣ, о Геріонѣ, о Евдонѣ и Берѣ, о Арсасѣ и Размѣрѣ, о Россійскомъ дворянинѣ Александрѣ, о Фролѣ Скобѣевѣ, о Борбосѣ разбойникѣ и прочія весьма полезныя исторіи. И сказывалъ онъ мнѣ, что уже сорокъ разъ переписалъ исторію Бовы Королевича, ибо на оную бываетъ больше походу, нежели на другія такія драматическія сочиненія“. Въ этомъ перечнѣ ходячихъ повѣстей приблизительно половина старыхъ, извѣстныхъ съ XVII в.*)

Въ этой литературѣ было свое движеніе и развитіе; она слѣдовала за ходомъ жизни и отражала на себѣ смѣну событій и вкусовъ. Примѣръ тому даетъ данная здѣсь „Гисторія о россійскомъ матросѣ Василии“.

*) Общее число такихъ повѣстей, обращавшихся въ XVIII в. въ рукописяхъ, превышаетъ сотню, а мы еще не знаемъ ихъ всѣхъ. Замѣтимъ, что странное названіе этихъ повѣстей драматическими не лишено смысла: многія изъ нихъ, оказывается, передѣлывались въ „комедіи“ или „дѣйства“. Такъ есть извѣстіе, что актеръ Ѳ. Г. Волковъ обратилъ въ драму повѣсть о Евдонѣ и Берѣ (она же „о разбойникѣ Борбосѣ“), была въ драматической формѣ повѣсть „о Колеандрѣ царевичѣ Греческомъ“; недавно найдено „дѣйство“ о Петрѣ Златыя ключи (Изв. Акад. Наукъ т. X, кн. I и т. XI, кн. IV).

Она не можетъ считаться вполне самостоятельнымъ русскимъ произведеніемъ; въ основѣ ея лежитъ переводная повѣсть „О гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ и гишпанской королеви Елеонорѣ“, но многія подробности, повидимому, созданы самостоятельно, на русской почвѣ.

Въ этой исторіи повсюду чувствуется Петровская эпоха: Петербургъ, Кронштадтъ, Голландія, Флоренція, избраніе матроса въ герои, отправка молодыхъ людей учиться за границу, пушечная пальба при вѣздѣ корабля въ гавань, переводъ денегъ изъ Голландіи „чрезъ вексель“, самое названіе Россіи — „Россійской Европией“ (нѣчто въ родѣ Европейской Россіи) — все это прямо отражаетъ и интересы Петровскаго времени и усиленіе западнаго вліянія.

Основная идея повѣсти кореннымъ образомъ отличается отъ возрѣвнѣй допетровской Руси. Если XVII вѣкъ горячо защищалъ мысль, что только подъ родительскимъ кровомъ и подъ родительскимъ руководствомъ человекъ можетъ быть благополученъ, а въ повѣсти „Горе-Злочастіе“ показали, какъ злая судьба будетъ преслѣдовать смѣльчака, который отважится, взявъ родительское благословеніе, жить своимъ умомъ-разумомъ, то повѣсть о Василии Коріотскомъ заключаетъ въ себѣ побѣду новыхъ вѣяній: XVIII вѣкъ даетъ намъ въ подобномъ же случаѣ повѣсть не о горѣ, а полномъ счастьѣ. Это уже побѣда новыхъ вѣяній; освобожденіе личности въ XVIII вѣкѣ. (Если XVII вѣкъ и выводилъ иногда удачликовъ на свой собственный страхъ, то это были сомнительныя личности, ловкіе проходимцы — въ родѣ Фрола Скобѣева: интересъ повѣсти заключался въ продѣлкахъ плута.) Въ исторіи о Василии Коріотскомъ выведенъ уже даровитый, предприимчивый, честный и толковый человекъ, который, взявъ благословеніе отъ своего очень почтеннаго родителя-дворянина, отважно пускается искать счастья даже за предѣлы Россіи — ему все удается: онъ становится знатнымъ, богатымъ, ближайшимъ другомъ генераловъ, „цесарей“ и королей — и даже въ концѣ концовъ самъ дѣлается королемъ Флоренской земли.

Хотя разбойники съ атаманомъ и эсауломъ представлены еще на старинный ладъ, но разбой уже чуждъ Василию, онъ его тяготитъ.

Въ повѣсти есть и любимые старинные русскіе мотивы; „родительское благословеніе“ для героя еще не утратило своего допетровскаго значенія, и для полученія благословенія отъ отца онъ неудержимо стремится изъ Голландіи на родину. Въ повѣсти есть характерный, повторяющійся въ сказкахъ и былинахъ мотивъ: Василий во всѣ трудныя минуты жизни засыпаетъ „крѣпкимъ сномъ“.

Наивность въ разработкѣ интриги и психологіи дѣйствующихъ лицъ и элементы будущаго сентиментализма въ родѣ пѣнія Василямъ арии съ аккомпаниментомъ арфы, даютъ понять, какимъ большимъ шагомъ впередъ въ этихъ отношеніяхъ были впоследствии напр., повѣсть Карамзина; эта примитивность художественныхъ приемовъ исторіи о Василии Коріотскомъ и ея близость къ сказкамъ въ нѣкоторыхъ эпизодахъ заслуживаетъ вниманія, какъ одна изъ первыхъ ступеней въ развитіи нашей повѣсти.

Въ Россійскихъ Европіяхъ нѣкоторый живяше дворянинъ, имяше имя ему Іоаннь, по малой фамиліи Коріотской. Имѣлъ у себя сына Василя, лицомъ зѣло прекрасна. А оной дворянинъ (въ) великую скудость приде и не имѣяше у себя пищи. Во едино же время оной его сынъ рече отцу своему: „Государь мой батюшко! Прошу у тебе родительскаго благословленія, изволь мене отпустить въ службу, — то мнѣ будетъ въ службѣ даваться жалованья, отъ котораго и вамъ буду присылать на нужду и на прокормленія“. Выслушавъ же отецъ его и даде ему благословленіе, отпусти отъ себя. Василій же, взявъ отъ отца своего благословленіе, приде въ Санктпетербурхъ и записался въ морской флотъ въ матросы. И отослали его на корабль по опредѣленію; на кораблѣ призываше (его) по обыкновенію матросскому зѣло неместно и прочихъ всѣхъ матросовъ; въ наукахъ пребываше и (у) всѣхъ персонъ знатныхъ въ услуженіи полюбился, котораго всѣ любили и жаловали безъ мѣры. И слава о немъ велика прошла за его науку и услугу, понеже онъ зналъ въ наукахъ матросскихъ велми остро, по морямъ, гдѣ острова и пучины морскія и мели, и быстрины, и вѣтры, и небесныя планеты, и воздуха. И за ту науку на корабляхъ старшимъ пребывалъ и отъ всѣхъ старшихъ матросовъ въ великой славѣ прославлялся.

Во едино же время указали маршировать и добирать младшихъ матросовъ за моря въ Галандію для наукъ арихметическихъ и разныхъ языковъ; токмо онаго Василя въ старшіе не командировали съ младшими матросами, но оставленъ бысть въ Кранштатѣ; но токмо онъ по желанію своему просился, чтобъ его съ командированными матросами послать за моря въ Галандію для лучшаго познанія наукъ. По его прошенію былъ командированъ съ прочими матросами, отпущенъ за моря въ Галандію съ младшими матросами. По отбытіи изъ Кранштата, по нѣкоторыхъ дняхъ прошедшихъ, прибыли въ Галандію матросы на корабляхъ, и съ ними Василей Коріотской. Въ Галандіи учинили имъ квартиры и поставлены были всѣ младшіе матросы по домамъ купецкимъ, а ему Василю, за его услуги и за старшинство — къ знатному и богатому гостю въ домъ поставили равно (со) Штатами. И оной матросъ Василей у гостя стоялъ велми смирно и слушалъ его во всемъ. И оной галандскій гость усмотрѣлъ его въ послушаніи и въ наукахъ зѣло остра и зѣло возлюбилъ и послалъ его на своихъ корабляхъ съ товарами въ Англію,

которому лучше всѣхъ своихъ прикащиковъ сталъ вѣрить и во всемъ ему приказывалъ и деньги и товары ему вручилъ.

И какъ въ Англію съ кораблями пришли, то товары по обычаю купецкому объявля всѣ и продавалъ, и принадлежащихъ въ Галандію товаровъ на корабль (взялъ) и поѣхалъ обратно,— въ которой онъ Василей послалъ великой прибитокъ гостю галандскому присовокупилъ такожъ и накупи всякія воспріялъ, и знатенъ былъ въ Англіи и Галандіи. Ко отцу своему въ Россію чрезъ вексель послалъ четыре тысячи ефимковъ златыхъ двурублевыхъ, которые отецъ его и получилъ, и писалъ къ нему, чтобы онъ къ нему пріѣхалъ повидаться ко отцу своему и благословленіе принять.

Затѣмъ Василій со слезами просить гостя отпустить его въ Россію взять благословеніе отъ отца, который „въ великой находится древности“. Гость уговариваетъ Василія сначала свезти его товары во Францію; Василій ѣдетъ во Францію, съ прибылью продаетъ товаръ, привозитъ вырученное гостю, и снова настаиваетъ на своемъ рѣшеніи ѣхать къ отцу въ Россію. Гость, опечаленный, отпускаетъ его на трехъ корабляхъ съ богатыми подарками. Василій предусмотрительно зашиваетъ въ свой кафтанъ 1000 червонцевъ. По дорогѣ, во время бури, корабль, на которомъ ѣхалъ Василій, „волнами разбитъ и люди всѣ потопша“.

Токмо Божіею помощію одинаго Василея на доскѣ корабельной прибило къ нѣкоему великому острову. И отъ великаго ужеса павъ на землю яко мертвъ; а какъ волны утишились, два корабля, видѣвши, что корабль, на которомъ былъ Василей, разбитъ былъ весь, и чайли, и что и Василей утопша въ волнахъ морскихъ, возвратишася назадъ въ Галандію и повѣдаша гостю о приключившемся несчастіи. Слышавъ же гость велми нача плакати и тужить не о корабляхъ и не о товарѣ, но о Василіи Коріотскомъ.

И какъ онъ Василей отъ великаго ужеса, лежа на островѣ, очнулся и взыде на островъ, и веліе благодареніе воздавъ Богу, что его Богъ вынесъ на сухое мѣсто живаго: „Слава Тебѣ, Господи Боже, Небесный Царю и Человѣколюбче, яко не остави мя грѣшнаго за грѣхи моя погубити, въ водахъ морскихъ погрызнутися!“

Потомъ стоящу ему на островѣ, много мысляще и осматривающе сѣмо и овамо, въ которыя страны принесло и какой островъ; токмо хотя и много время по морямъ ходилъ, а такого острова не видалъ, понеже на ономъ островѣ великой непроходимой лѣсъ и великія трясины и болота, что отъ моря никуды и проходу нѣтъ; а уже ему ѣсть зѣло хо-

тѣлось, и хотя у него червонцы были зашиты въ клиньяхъ въ кафтанѣ, токмо негдѣ и не у кого было (купить), и помощи ему въ нихъ никакой не было. И ходя по берегу на многія часы, усмотрѣлъ какъ бы ему куда пройтись къ жилищу и ходя нашель малинкую тропку въ лѣсъ, яко хожденіе человѣческое, а не звѣрское. И о томъ размышлялъ, какая та стежка: ежели пойдти, то зайдти невѣдомо куда; и потомъ размышлялъ на долгъ часъ, и положась на волю Божію, пошелъ тою стежкою въ темный лѣсъ тридцать верстъ къ великому буераку. Видѣ великой, огромной дворъ, поприща на три, весь кругомъ стоящимъ тыномъ огороженъ. И подошелъ ко двору близко къ воротамъ,— тѣ ворота крѣпко заперты; и хотѣлъ посмотрѣть на дворъ, токмо скважины не нашель, и страхомъ обдержимъ и убоялся. Помышлялъ потомъ, что конечно зашелъ къ разбойникамъ, и думалъ, какъ сказаться: ежели добрымъ человѣкомъ, то убьютъ; ежели сказаться разбойникомъ, то въ разбояхъ не бывалъ. А въ томъ дворѣ великой шумъ и крикъ, и въ разныя игры играютъ. И вздумалъ сказаться разбойникомъ, и нача у ворота крѣпко толкаться; то оныя услышали, въ скорости ворота отворяли и спроша (ли) его: что за человѣкъ и откуда. Видѣвъ же Василей, что разбойники и множество ихъ народа стояще и играюще въ разныя игры и музыки пьяныхъ, то отвѣтствовалъ имъ Василей: „Азь есмь сего острова разбойникъ, единъ разбивалъ плавающихъ по морю“.

И оныя разбойники взяша и приведоша его ко атаману. Атаманъ же, видѣвъ его молодца удалого и остра умомъ и зрачна, лицомъ прекрасна и осанкою добра зѣло, нача его вопрошати: „чего ради пришелъ къ намъ?“ Василей же рече, яко: „Единому мнѣ жити скушно, и слышавъ васъ въ семь островѣ живущихъ и весело играющихъ, того ради къ вамъ придохъ и прошу, чтобъ вы меня въ товарищи приняли“. И атаманъ принявъ его и опредѣлилъ къ разбойникамъ въ товарищи.

На другое утро разбойники потребовали, чтобы Василій ѣхалъ съ ними на разбой. Но онъ упросилъ ихъ отпустить его одного, ушелъ на морской берегъ, чтобы найти куда-нибудь путь отъ разбойниковъ. Не находя пути, онъ долго бродилъ по берегу, плакалъ, молился Богу и, наконецъ, „въ томъ размысленіи и великой печали уснулъ крѣпкимъ сномъ на берегу моря“. Проснувшись утромъ, онъ вспомнилъ про зашитыя въ кафтанѣ деньги, и часть ихъ снесъ разбойникамъ въ видѣ добычи. Разбойники подивились и остались довольны. Это повторилось еще два раза.

Во едино же время соидошася вси разбойники и начаша думать о російскомъ матросѣ, чтобъ его поставить во атаманъ, понеже видѣвъ его молодца удалаго и остра умомъ. И придоша вси ко атаману къ старому и начаша ему говорить: „Господинъ нашъ атаманъ, изволь свое старшинство сдать новопріемному нашему товарищу, понеже твое управленіе къ намъ худо; изволь съ нами быть въ рядовыхъ, и которая наша казна, извольте съ рукъ сдать“. Тогда атаманъ имъ отвѣщаль: „братцы молодцы, буди по волѣ вашей“. И вси единогласно російскому матросу Василею рѣша: „Буди намъ ты атаманъ, изволь нашу казну всю принять и нами повелѣвать“. Тогда отвѣща имъ Василей: „Братцы молодцы, пожалуйста оставте меня отъ такого дѣла, понеже я атаманомъ не бывалъ; радъ бы съ вами въ товарищахъ быть, а атаманскаго управленія не знаю“. И нача предъ ними горько плакати, разбойники же, его зѣло видя плачущаго, вси яко звѣри единогласно російскому матросу Василю рѣша: „Буди ты намъ атаманъ, изволь нашу казну всю принять и нами повелѣвать“. Отвѣща къ нимъ Василей: „Братцы молодцы, пожалуйста оставте мене отъ такого дѣла, понеже я атаманомъ не бывалъ, радъ бы съ вами въ товарищахъ быть; атаманскаго управленія не знаю“.

И нача предъ ними горько плакати; разбойники же, видѣвше его зѣло плачуща, вси яко люты звѣри единогласно закричали: „Ежели ты атаманомъ быть не желаешь, то сего часу мы тебе изрубимъ въ пирожныя части“. Видѣвъ же Василей зѣло убояшася, чтобъ отъ нихъ не быть и вправду убиту, глаголя имъ: „Буди по воли вашей; токмо прошу васъ: будите во всемъ меня послушны“. Тогда вси единогласно рѣша: „Господинъ нашъ атаманъ, во всемъ слушать будемъ“. И старой атаманъ отдаде ему ключи и поведе его по погребамъ. Видѣвъ же Василей казны многое множество, злата и серебра и драгихъ каменіевъ, и всякихъ драгихъ парчей, яко умомъ человѣческимъ не возможно описать всѣ суммы; и оную всю сумму принялъ, и ключи Василю отдали и стали его поздравлять: „Здравствуй, нашъ господинъ атаманъ, на многія лѣта!“ И нача пити и веселитися про его здравіе и во всякія игры играть. Потомъ рѣша ему: „Господинъ атаманъ, изволь съ нами идти до нѣкотораго чулана“. И какъ къ тому чулану придоша и ключи ему даша отъ него, точію рѣша ему: „Господинъ атаманъ, изволь ключи принять, а безъ насъ во оной чуланъ не ходить;

а ежели безъ насъ станешь ходить, а свѣдаемъ, то тебѣ живу не быть“. Видѣвъ же Василей оной чуланъ устроенъ зѣло изрядными красками и златомъ украшенъ, и окны сдѣланы въ верху онаго чулана, и рече имъ: „Братцы молодцы, извольте вѣрить, что безъ васъ ходить не буду и въ томъ даю свой поролъ“.

И въ то время прибѣжалъ отъ моря есаулъ, и разбойники сказали ему, что „у насъ атаманъ новой“. И онъ, подошедъ къ нему, отдалъ поклонъ и сталъ его поздравлять и говорить ему: „Господинъ атаманъ, изволь сего часу отправлять всѣхъ молодцовъ на добычу, понеже по морю четыре корабля купецкіи изъ Ландона плывутъ“.

Тогда новый атаманъ Василей крикнулъ великимъ гласомъ: „Молодцы удалые, во фронтъ!“ И вси разбойники — единымъ окомъ мгнуть — всѣ во фронтъ стали, и Василей нарочно предъ ними, якобы что знаетъ волшебное, взявъ два замка болшіи, привезалъ къ ногамъ своимъ и около всѣхъ разбойниковъ обѣжалъ, заговаривая имъ оружія, нога объ ногу замками постукалъ и, обшедъ ихъ, поклонился и выставилъ бочку вина, всѣмъ по ковшу поднесъ. Тогда вси разбойники между собою рѣша: „Хорошъ, братцы, нашъ атаманъ новой, лучше стараго; мы сами видимъ и знаемъ, что замками крѣпко заговаривается, и для бодрости по чарки вина поднесъ; а старой атаманъ былъ дуракъ; какъ и былъ въ атаманыхъ, заговоромъ не зналъ и во отпускахъ намъ никогда вина пить не давалъ“. И весма во отпускѣ имъ полюбился. И поѣхали на добычу въ смѣлости и въ надеждѣ его заговору замками страсти никакой не возымѣли.

И какъ спусти ихъ на добычу, думалъ самъ: что у нихъ въ чуланѣ имѣется, понеже всю сумму сдали, а въ этотъ чуланъ ходить не велѣли, хотя ключъ у него. И на долгъ часъ размыслилъ и осмѣлился отпереть чуланъ и дверь отворить, и видѣ дѣвицу зѣло прекрасну въ златомъ одѣяніи королевскомъ одѣту, яко той красоты во всемъ свѣтѣ сказать не возможно. И какъ увидѣ Василей, паде отъ ея лѣпоты на землю, яко Лодвигъ королевичъ рахлинскій, токмо не такъ, какъ Лодвигъ себя отягчилъ любовію сильною и въ болѣзнь впаде. Сей Василей, вставъ на колѣнки, рече: „Государыня, прекрасная дѣвица, королева, ты роду какого, и како сими разбойниками взята“. И отвѣща дѣвица: „Изволь, милостивый государь, слушать, я тебѣ донесу. Азъ есмь роду королевскаго, а имя мое Ираклія; токмо едина была у отца своего

дочь; и уже тому два года, пришли моремъ въ наша государства изъ Европіи кораблями російскіи купцы, а я въ то время гуляла съ дѣвицами, въ шлюпкахъ и смотрѣла російскихъ товаровъ и всякихъ диковинокъ. И какъ мы на шлюпкахъ отъ кораблей поплыли, то оныя разбойники набѣжали въ буерахъ и всѣхъ гребцовъ у насъ побили и дѣвицъ въ море побросали, мене одну въ сей островъ уведоша, и держать по сіе время, — что между ими великая распря: тотъ хочетъ взять себѣ, а другой не даетъ; и за тѣмъ споромъ хотятъ меня изрубить. И я предъ ними горко плакати“. . И стала его вопрошати: „Молю тя, мой государь, ваша фамилія како, куда зайде изъ котораго государства, понеже я у нихъ разбойниковъ до сего часу васъ не видала, и вижу васъ, что не ихъ команды, но признаю васъ быть нѣкотораго кавалера“.

Василій все болѣе внушаетъ довѣріе разбойникамъ, разбой ихъ при Василии становятся все счастливѣе, а онъ высматриваетъ тѣмъ временемъ путь къ бѣгству и тайкомъ нанимаетъ рыбаковъ увезти его на лодкахъ съ острова. Для исполненія замысла, онъ отсылаетъ разбойниковъ однажды ночью на разбой, а самъ съ Иракліей, запасшись казной и драгоценностями, уѣзжаетъ на рыбацкихъ лодкахъ. Разбойники узнають о бѣгствѣ атамана и пускаются въ погоню. Но у рыбацкихъ лодокъ есть паруса, а у разбойничьихъ „буеровъ“ только весла, и Василій съ Иракліей спасены. Щедро расплатившись съ рыбаками, Василій нанимаетъ „почтовое судно“ и моремъ пріѣзжаетъ въ Цесарію (Австрію). „И пріѣхали въ Цесарію благополучно, и за наемъ по договору деньги заплатилъ“.

Приплыша же къ Цесарію, нанель нѣкоторый министерской домъ зѣло украшенъ, за который платилъ на каждой мѣсяцъ по пятидесять червонцевъ, и въ томъ домѣ стоялъ и съ королевною въ великой славѣ. И нанель себѣ въ лакеи пятьдесятъ человекъ, которымъ подѣлалъ ливреи, велми съ богатымъ уборомъ, что при дворѣ цесарскомъ такихъ ливрей нѣтъ чистотою; а королевнѣ нанель дѣвицъ самыхъ лѣпообразныхъ тридцать, которыхъ зѣло украсивъ. Случися нѣкоторый праздникъ, то російской матросъ, убравшись въ драгоценное платье, — великія лучи отъ него сіяють, — также приказалъ и людемъ убраться, а корету приказалъ заложить златокованную и коней добрыхъ, съ богатымъ конскимъ уборомъ, яко во всей Цесаріи таковаго сбора нѣтъ не у кого, и поѣхалъ къ церкви, въ которой будетъ цесарь самъ, и сталь въ церкви у праваго крылоса.

Потомъ пріѣхалъ и цесарь къ церкви, и вшедъ въ церковь и увидѣвъ Василея въ богатомъ убранствѣ и чая каковъ пріѣзжай царевичъ или король, тотъ часъ призвалъ къ себѣ каморгера, которому спросить приказалъ его: что за человекъ. И онъ каморгеръ съ почтеніемъ приступилъ къ російскому матросу и по обычаю нача его спрашивать: что за человекъ, и котораго государства. „Матросъ, а фамилія моя небольшая — Василей Ивановъ сынъ Коріотской, а сюда привела меня нѣкоторая нужда быть“, — которой выслушалъ каморгеръ и цесарю объявилъ. И какъ отслушалъ церковное пѣніе, то цесарь просилъ къ себѣ російскаго матроса. И обѣщаль быть, его величеству поклонъ отдать. И цесарь поѣхалъ во дворецъ свой, а Василей остался въ церкви для нѣкоторой своей Богу должности.

Потомъ поѣхалъ къ цесарю во дворецъ; пріѣхалъ и принять былъ отъ цесаря съ великою славою, подобно яко нѣкоего царевича. И какъ вошли внутрь царскихъ палатъ, въ палату убранную, въ которой былъ поставленъ столъ со всѣмъ убранствомъ и кушаньемъ, потомъ цесарь сталъ російскаго матроса сажать за столъ кушать, Василей же нача съ почтеніемъ отговариваться: „Пожалуй, государь великій царь, меня недостойнаго остави, понеже я вашъ рабъ, и недостойно мнѣ съ вашею персоною сидѣть, а достойно мнѣ предъ вашимъ величествомъ стоять“. Тогда цесарь рече: „Почто напрасно отговариваешься! Понеже я вижу васъ достойна разума, то васъ жалую своимъ сердцемъ искреннимъ; хотя бы мой которой и подданной рабъ, а я его жалую, велю садиться съ собою, и тотъ меня слушаетъ; а ты, пріѣзжай ко мнѣ гость, изволте садиться“. Тогда російскій матросъ, поклонясь, рече: „Буди воля вашего величества“. И сѣлъ за столъ съ цесаремъ кушать.

Василій рассказываетъ цесарю, какъ онъ спасъ Ираклію, и выслушавъ его, цесарь говоритъ: „И я васъ, мой государь Василей Ивановичъ, имѣть буду вмѣсто брата родного“. Василію и Ираклію отводится особый дворецъ, назначаются пажи, каморгеры, а королевнѣ „дѣвицы фрелины“.

Въ ожиданіи свадьбы, которая отложена до свиданія съ родителями Иракліи, жизнь въ ихъ дворцѣ идетъ полно, весело, щедро, а королевна Ираклія, которая „велики была горазда играть на арфіи“, выучиваетъ этому искусству и Василія.

Наконецъ, пріѣзжаетъ изъ Флоренціи „адмиралъ“, чтобы отвезти Ираклію къ родителямъ. Василій не соглашается отпустить Ираклію, и требуетъ, „чтобы самъ Флоренскій король, а ея родитель“

пріѣхалъ за дочерью въ Цесарію. Тогда адмиралъ приглашаетъ Василія и Ираклію къ себѣ въ гости на свой корабль.

Василій съ королевой, и въ сопровожденіи своей свиты, пріѣзжаютъ на корабль адмирала.

И отъ цесаря Василей съ королевой, съ генералы и министры и множество драбантовъ какъ къ адмиралу на корабли поѣхали, и какъ на пристань пріѣхали, тогда адмиралъ съ великою радостію встрѣтилъ, и принявъ Василія и королеву, пошли въ корабль. А королева въ черномъ платьѣ была и въ великой печали. И какъ въ корабль пришли, тогда адмиралъ нача всякими напитками поити жестоко всѣхъ генераловъ и министровъ и пажей и драбантовъ; великіе бочки вина выставилъ и во всякія игры играть приказалъ. А какъ всѣ пьяни стали, тогда адмиралъ, вышедъ изъ корабля, и велѣлъ своимъ офицерамъ и солдатамъ, чтобъ цесарскихъ генераловъ и министровъ съ кораблей бросать и драбантовъ бить и подымать парусы, чтобъ изъ Цесаріи уйтить. И оныи его офицеры приказъ приняли и начаша всѣхъ съ кораблей въ море бросать и въ цесарскія суда пьяныхъ метать. И поднявши парусы, побѣжали къ Россійской Европіи. И оныи адмиралъ вшедъ въ корабль, нача Василія Коріотскаго бить по щекамъ и за власы терзать и рече адмиралъ: „Тебѣ ли, каналья непотребный, бестія, сею прекрасною королевою Иракліею владѣть“. И бивши его, едва жива оставилъ и велѣлъ своимъ офицерамъ, навязавши едро пушечное, бросить въ морскую глубину. Тогда офицеры, взявъ Василея изъ корабля и помня прежнюю его къ себѣ милость, взявъ положили въ малую лодку и спустили на море, шляпу его съ едромъ пушечнымъ съ корабля бросили и сказали адмиралу, что бросили, и онъ въ глубину морскую съ едромъ уйде, только шляпа его наверху плаваесть. Королева же, видя сіе приключившееся надъ ними несчастіе, паде, обмерла отъ великой ужести, пала на землю. Адмиралъ же, приступивъ королеви и поднявъ, дулъ въ уши и чилъ на перси ея воду, дондеже могла прійтить въ чувство; и какъ пріиде въ память, нача горко плакати. Тогда адмиралъ, выневъ изъ ноженъ свою шпагу и съ пристрастіемъ рече: „Ежели станешь плакать, сейчасъ главу твою отсѣку“. И приведе ее къ присягѣ, что отцу ея и матери о томъ своемъ несчастіи не сказывать, а сказала бы, яко съ Цесаріи боемъ взялъ. И она страху ради дала присягу, что по волѣ его сдѣлать, и отъ той печали пріиде въ великую болѣзнь.

Цесарь, узнавъ о поступкѣ адмирала, посылаетъ во Флоренцію войска подъ начальствомъ „своего генерала и кавалера Флегонта“, съ требованіемъ казни адмирала и съ угрозой въ противномъ случаѣ разорить Флоренское царство. Между тѣмъ Василій спасается на одинъ островъ, благодарить Бога за спасеніе и „съ той печали на томъ островѣ“ засыпаетъ крѣпкимъ сномъ. Его будитъ старецъ рыболовъ, и, тронутый судьбой Василя, отвозитъ его въ три дня на своемъ суднѣ во Флоренское государство. Здѣсь Василій нанимается въ услуженіе къ одной старухѣ и, никому неизвѣстный, рубить для нея дрова, носить воду, и оплетаетъ плетнемъ ея хижину.

Только черезъ три мѣсяца поспѣваютъ корабли адмирала во Флоренцію. Король и королева радуются встрѣчѣ съ дочерью, но поражены ея печальнымъ видомъ, а адмиралъ рассказываетъ имъ, что онъ „королеву взялъ приступомъ“ отъ разбойниковъ. По обѣщанію короля Ираклія должна выйти замужъ за адмирала. Уже все готово къ свадьбѣ, и адмиралъ ждетъ невѣсту въ „киркѣ“.

И король прииде къ королевнѣ Иракліи и рече: „Возлюбленная моя дщерь, прекрасная королевна Ираклія! Изволь убираться, время къ законному браку“. Слышавъ же королевна отъ отца своего, горко стала плакати и паде на ноги его и рече: „Милостивый мой государь батюшко, прошу вашей государской и родительской милости, пожалуй не отдавай меня въ жену сему адмиралу“. „Чтобъ тебя не отдать, я не хочу пороль свой оставить; изволь убираться и ѣхать до киркѣ“. И видѣвъ королевна, что уже никакъ у отца не отговориться, залилась слезами и воздохнувши рече: „На что мнѣ убираться, когда у меня одинаго нѣтъ: ежели бъ у меня едино было, то бы я веселилась“. Слышавъ же отецъ ея и мать начаша дивитися и ее вопрошати: „Повѣждь намъ, милѣйшая наша дщерь, прекрасная королевна Ираклія“. Королевна же въ великой своей печали не отвѣща и поиде во уготованну полату и вышла и пала въ корету въ черномъ платѣ. И поѣхали къ киркѣ, и какъ стали подъѣзжать близъ той богадѣлни, идѣже россійскій матросъ, Василей, взявъ гарфу, нача жалобную играть и пѣть арию:

„Ахъ, дражайшая, всего свѣта милѣйшая, какъ ты пре-
бываешь,
А своего милѣйшаго друга въ свѣтѣ жива зрѣти не чаешь!
Вспомани, драгая, како возмогъ тебя отъ морскихъ раз-
бойническихъ рукъ свободити,
А сея злы губители повелѣ во глубину морскую меня
утопити!“

Ахъ прекрасный цвѣтъ, изъ очей моихъ нынче угасяешь,
Меня одинаго въ сей печали во гробъ вселяешь.
Или ты прежнюю любовь забываешь,
А сему злomu губителю супругою быть желаешь.
Точію сей мой пороль объявляю
И моей дражайшей воспѣваю:
Аще и во отечествѣ своемъ у матери пребыти,
Прошу вѣрныя моя къ вамъ услуги не забыти!“

Слышавъ же королева играюща на арфѣ и поюща къ ней арію тотчасъ повелѣ коретѣ стати и разумѣла, что ея вѣрный другъ Василей живъ, повелѣ спросити: кто играетъ. Пажъ прииде и повѣда, яко нѣкій ковалеръ играетъ. Королева же изъ кореты тотчасъ сама встала и желала видѣть, кто играетъ. И какъ увидѣла, что милый ея другъ Василей Ивановичъ, и пришедъ ухвати его, нача горко плакати и во уста цѣловати. И взяла его за руку и посадила въ корету и повелѣ поворотити и ѣхать во дворецъ. Видѣвъ же сіе министры, и начаша зѣло дивитися, что такое несчастіе, всѣмъ превеликое подивленіе. И какъ приѣхали во дворецъ, тогда королева Василея взяла за руку, (повела) російскаго матроса Василея ко отцу своему и матери и рече: „Государь мой батюшко и государыня матушка, чего не чаяла до смерти своей видѣть, сіе воочію мою нынѣ явилось!“ И нача имъ подробно о всемъ предъявлять, како онъ ее избавилъ отъ разбойниковъ, и какъ самъ въ Цесаріи былъ названъ отъ цесаря братомъ роднымъ, и какъ ее адмиралъ увезъ изъ Цесаріи и его били, въ море повелѣ бросити, и цесарскихъ министровъ и драбантовъ били, — „за которое извольте ожидать отъ цесаря вскорѣ силы за продерзость онаго нашего адмирала“. Слышавъ то, король и королева и приидоша въ великой ужесъ; и вси ковалеры стали говорить, чтобъ Флоренцы быть неразореной. Тотъ часъ посла каморгера къ киркѣ и велѣлъ арестовать адмирала; каморгеръ арестовалъ. Королева же тогда просія красотою, яко солнце не одѣянное; черное сняла и въ драгоцѣнное платье убралась и бысть въ великомъ веселіи.

Черезъ три дня прибываютъ войска цесаря подъ начальствомъ Флегонта, который и выражаетъ радость, что Василій живъ. Передъ войсками цесаря съ адмирала „съ живого снимаютъ кожу“, чтобы цесарь получилъ удовлетвореніе. и торжественно празднуется свадьба Василія Ивановича и королевы Иракліи. „И вѣнчались въ

той киркѣ, на которомъ ихъ законномъ бракѣ былъ генераль цесарской Флегонтъ и всѣ генералы и министры Флоренскіе“.

Флегонтъ, щедро награжденный Василиемъ, вернулся къ цесарю и передалъ ему „присланный листъ“, который удостовѣрилъ его о всѣхъ этихъ событіяхъ. Василий спустя нѣсколько времени ѣздилъ благодарить цесаря и „поживе въ великой славѣ и послѣ короля Флоренскаго былъ королемъ Флоренскимъ; и поживе многія лѣта и съ прекрасною королевною Ираклею и потомъ скончался“.

8. Сципіо Африканъ, вождь римскій и погубленіе Софонизбы, королевы Нумидійскія. Комедія.

Эта пьеса представляетъ характерный примѣръ передѣлокъ нѣмецкой драмы для Петровскаго театра. Это не что иное, какъ сценическое приспособленіе трагедіи нѣмецкаго писателя Лознштейна „Софонизба“ (1666 г.). „Софонизбу Гервинусъ считаетъ наиболее поэтической, наиболее удачною изъ всѣхъ его трагедій, но при этомъ замѣчаетъ, что ее можно сравнивать развѣ только съ самыми слабыми трагедіями Корнеля—до такой степени дѣйствіе загроможено всевозможными препятствіями, и характеръ самой Софонизбы, этой любимой героини всѣхъ тогдашнихъ трагиковъ, лишена всякой опредѣленности и полна самыхъ странныхъ противорѣчій... Зато, именно тѣ недостатки, которые видитъ въ „Софонизбѣ“ новѣйшая критика—быстрая смѣна дѣйствія, постоянные переходы отъ одного положенія къ другому, противоположному, различные внѣшніе эффекты—могутъ быть, сдѣлали эту трагедію особенно удобною для приспособленія къ русской сценѣ... Въ русскомъ переводѣ, который, какъ можно видѣть по его языку, сдѣланъ буквально съ нѣмецкаго, общій характеръ рѣчи Лознштейна значительно упростился. Метафоры большею частью устранены; миеологическіе намеки и сравненія, на которые былъ въ особенности щедръ нѣмецкій писатель, замѣнены простыми выраженіями; изысканная напыщенность уступила мѣсто тривіальности... Изъ 27 дѣйствующихъ лицъ оставлено только 10, при чемъ иногда нѣсколько ролей соединено въ одну. Зато въ нашей пьесѣ прибавлено одно дѣйствующее лицо, котораго нѣтъ и не могло быть у Лознштейна. Это шутъ, являющійся здѣсь въ видѣ „издѣвочнаго слуги“—Эрсилъ. Многія сцены сочинены спеціально для этой шутовской персоны и не имѣютъ никакой связи съ общимъ ходомъ дѣйствія: но есть и такія сцены, въ которыхъ Эрсилъ необходимъ, потому что на него перенесены слова и дѣйствія разныхъ второстепенныхъ лицъ трагедіи... Далѣе въ пьесу вставлены коротенькія аріи, въ чемъ, конечно, нужно видѣть вліяніе модныхъ въ то время въ Германіи оперъ“... (П. О. Морозовъ. Исторія русск. театра до пол. XVIII ст.)

Содержаніе трагедіи. — Дѣйствіе происходитъ въ Африкѣ. Подъ стѣнами нумидійскаго города Царты расположенъ лагерь римлянъ, осаждающихъ этотъ городъ. Они уже взяли въ плѣнъ нуми-

дѣйскаго царя Сифакса, а его жена Софонизба съ его сыновьями Иербой и Верминой находится въ осажденномъ городѣ. Въ первой сценѣ шутъ Эрсиль издѣвается надъ плѣннымъ, закованнымъ въ кандалы, чернокожимъ нумидійскимъ царемъ, Сифаксомъ. Затѣмъ Сципіонъ приказываетъ заключить Сифакса въ тюрьму и начинать штурмъ Цирты. Масинисса (нумидіецъ измѣнникъ), любящій Софонизбу, желаетъ убить Сифакса, чтобы затѣмъ овладѣть Софонизбой, и предлагаетъ Сципіону отмѣнить штурмъ и взять крѣпость другимъ способомъ: пригрозить Софонизбѣ смертью Сифакса, и тѣмъ заставить ее сдать городъ.

Слѣдующее дѣйствіе уже въ Циртѣ. Софонизба въ отчаяніи молить боговъ смилостивиться надъ ней. Чтобы ихъ умилосердить она готова принести въ жертву одного изъ своихъ сыновей. Каждый изъ ея сыновей самоотверженно предлагаетъ себя въ жертву, чтобы спасти отца и городъ, и, когда все уже готово для жертвоприношенія, вдругъ появляется на сценѣ Сифаксъ, убѣжавшій изъ плѣна. Тогда въ благодарность богамъ жрецъ закалываетъ двухъ римскихъ плѣнниковъ, вмѣсто сыновей Сифакса, и при этомъ поетъ „арію“:

1.

Прекрасное солнце!
Кротко насъ призри
И незаколенныхъ,
Но паче поспѣши
Къ нашей молитвѣ,
Прекрасное солнце!

2.

Блѣдни лунны лучи!
Помогайте насъ.
И не дайте пасти
Подъ римскую власть,
И отъ римска ига,
Блѣдни лунны лучи,
Помогайте насъ!

Между тѣмъ римляне берутъ приступомъ Цирту. Сифаксъ опять заключенъ въ тюрьму и готовъ съ отчаяніемъ заколоться кинжаломъ, но какъ разъ въ эту минуту, въ темницу къ нему входитъ Софонизба, переодѣтая воиномъ. Она пришла спасти мужа. Сифаксъ ее узнаетъ, соглашается надѣть на себя ея воинское одѣяніе, и бѣжитъ изъ темницы, оставляя Софонизбу, вмѣсто себя. Черезъ нѣсколько времени въ темницу входитъ Масинисса съ тѣмъ, чтобы убить Сифакса, и вдругъ въ плѣникѣ узнаетъ Софонизбу. Тогда онъ бросаетъ оружіе, признается Софонизбѣ въ любви, а Софонизба, противъ всякихъ ожиданій, соглашается стать его женой. Является Эрсиль и уходитъ вмѣстѣ съ Софонизбой, а оставшійся Масинисса поетъ арію:

1.

Мореей! закрой мои очи
И даждь мнѣ долго спати,
Печаль забывати,
Дай мнѣ сладкіи сны.
Мореей! закрой мои очи!

2.

Мореей! усниай меня,
Трудной душѣ дай уснути
И вовсе покой имѣти.
(Усинаетъ.)

Сципіонъ убѣждаетъ Масиниссу разстаться съ Софонизбой и отдать ее въ руки римлянъ, но Масинисса не можетъ предать ее римскимъ палачамъ и рѣшается самъ окончить ея жизнь: онъ посы-

ласть ей кубокъ съ ядомъ. Сципионъ провозглашаетъ его царемъ покореннаго Сифаксова государства:

Сципио. Масиниза! Римъ всегда союзникамъ почитаетъ и черезъ меня Сифаксова государство тебѣ вручается: принимай корону и скиптръ, и ты впредь Римляномъ вѣрнымъ пріателемъ быти утрудись.

В си. Да Римъ, и Сципио, и Масиниза вивать!

СЦИПИО АФРИКАНЪ, ВОЖДЬ РИМСКІЙ И ПОГУБЛЕНІЕ СОФОНИЗБЫ, КОРОЛЕВЫ НУМИДІЙСКІЯ. КОМЕДІЯ.

Дѣйствующія:

Римляне:

Сципио африканскій, римскій полководецъ.
Лелій, его возлюбленникъ.
Эрсиль, издѣвочный слуга.
Офицеры римскіе.
Солдаты римскіе.

Аравы:

Масиниза, изгнанный король.
Сифаксъ, нумидійскій король.
Софонизба, его супруга.
Вермина } два сына Софо-
Иерба } низбы.
Мисипса } князья.
Гимильо }
Богудесъ, солнечный и лунный священникъ стать арапскихъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Сѣнь 1.

Сифаксъ въ желѣзахъ.

СИФАКСЪ.

Заклучи, Полифеме, око твое, о страже кругу земному! и претвори свѣтлый полдень въ черное затменіе, дабы самое приключеніе не увидѣло свое немилосердіе, еже свое при-страшное сослание (часто паденіе) надъ мною содѣваетъ. А вы, неправдивые боги! чего ради вамъ смертные олтари зиждутъ, вамъ честь и услуженіе воздають? И вы не меньше того ничего своей жестокости не убавляете, однако и... Вы, правдивые боги! простите бѣснованіе бѣснующаго: имѣте бо вы правду и волю насъ казати.

Сѣнь 2.

Эрсиль, Сифаксъ.

ЭРСИЛЬ.

Тако, тако! Права и воля наказаша тя, человѣче, чернаго діавола племя. Теперь токмо то узналъ. Кто тебѣ велѣлъ

твоимъ чернымъ свинячьимъ рыломъ бѣлую, подобіемъ алабастру, Софонизбу лобзати? Потерпи мало; вскорѣ увѣдаешь, что мой господинъ впредь съ тобой зачнетъ! Рци мнѣ ты, черный чернивный купецъ: какъ тебѣ показываются изрядныя зарученія? О како избранно ему онѣ пристали, такому черному господину! Имѣютъ бо такой же цвѣтъ и, чаю, единъ твоихъ черныхъ золотарей ихъ коваль.

СИФАКСЪ.

Доколѣ, о небо, на меня пушкаешь, яко уродливый меня поносить?

ЭРСИЛЬ.

Что говоришь? Меня уродливымъ называешь? То есть превеликое безчестіе и противъ моего высокороднаго титла и герба! Не знаешь ты, черной трубочистъ, что въ нынѣшнихъ дняхъ учинилось, когда своимъ храбрымъ мечемъ со всѣмъ нарядомъ въ высокой рыцарской чинъ поставленъ? И впредь то не учини: я бо ти покажу грамоты своего благородства.

(Оказываетъ ему всякія юродивыя письма; на то Сципіо со многими людьми пришелъ.)

ДѢЙСТВІЕ 4.

СѢНЬ 1.

Сифаксъ (въ заключеніи).

СИФАКСЪ.

Еще вамъ, о боги, недовольно, что я государство свое потерялъ, и сверхъ того нумидійская вѣнчаная глава въ семь темномъ заключеніи погибаетъ? Вы, смертные! научитесь отъ меня: иже васъ на скиптра тростномъ жезлѣ утвердится, тогда часто бываетъ, иже днесъ въ желѣзахъ, вчерась Крезусъ былъ. Не Сифаксъ ли звѣзда былъ въ Африкѣ? А нынѣ угашенна свѣча. Не азъ ли былъ корона въ землѣ? а нынѣ рабъ есмь и еще окованъ невольникъ. Чего ради, Сифаксъ, уготовился! Единое токмо проколѣніе тебя отъ всея бѣды свободить. Прииди, хладное желѣзо!

(Самъ ся хочетъ проколоть.)

СЪНЬ 2.

Софонизба, Сифаксъ.

СОФОНИЗБА.

Перестань, Сифаксъ!

СИФАКСЪ.

Какъ, и мнѣ умереть запрещаютъ?

СОФОНИЗБА.

Не бѣсися и свирѣпствуй противъ самого себя.

СИФАКСЪ.

О какъ бы я цвѣтъ юности моей смерти приносилъ, такъ я въ животѣ моемъ многимъ досаднымъ перемѣненіемъ не подданъ былъ.

СОФОНИЗБА.

Иже въ злополучіи нетерпѣливъ и предъ тяжкими громовыми ударами отчаянный, никогда бѣды уйти можетъ.

СИФАКСЪ.

Мнѣ ли еще больше въ поношеніи и вседневно въ новой печали жити?

СОФОНИЗБА.

Солнце, еже подъ темными громовыми облаками ухоронится, по бывшему ненастію свѣтлѣ паки приходитъ.

СИФАКСЪ.

Упованія моего солнце (сіяніе) такъ глубоко въ пропасти зашло, что невозможно паки восходить.

СОФОНИЗБА.

А какъ тебѣ радости твоей солнце изнова просвѣтило, не хотѣлъ ли ты того ради веселымъ быть?

СИФАКСЪ.

Отъ кого мнѣ радости моей сіянія ждать?

СОФОНИЗБА.

Отъ меня.

СИФАКСЪ.

О лживый свѣтъ! Отдай мнѣ ножъ мой и не сотвори, чтобъ я отъ моего желаннаго покоя помѣшкался.

СОФОНИЗБА.

Увы! не знаетъ ли Сифаксъ больше свою возлюбленную Софонизбу?

СИФАКСЪ.

О вы, боги!

СОФОНИЗБА.

Да солнце твое лучами своими просвѣтитъ сію темную тюрьму!

СИФАКСЪ.

Какъ? Призракъ ли меня наругаетъ или дремлю блестящими очми?

СОФОНИЗБА.

Никакъ, княже мой. Попеченіе спасенія моего¹⁾ приводитъ меня въ сію темницу.

СИФАКСЪ.

Приходитъ ли Софонизбы духъ въ сію темную пещеру?

СОФОНИЗБА.

Никакъ, азъ сама есть и иду тебя свободить.

СИФАКСЪ.

Ахъ! Софонизбы гласъ слышу и мужа вижу. Какъ ты ли, сердце мое, римскимъ солдатомъ сталъ?

СОФОНИЗБА.

Любовь по подобію хамелеона звѣря всѣхъ цвѣтовъ принимаетъ.

СИФАКСЪ.

А какая мнѣ польза будетъ отъ твоихъ моего ради бѣдъ?

СОФОНИЗБА

Не замедли, потому стражи тебя прилежно стерегутъ.

СИФАКСЪ.

Какъ меня хочешь свободить и сама себя симъ проклятымъ змѣемъ предаешь?

СОФОНИЗБА.

Вскорѣ убѣжи, и я себѣ уже знаю способно убѣженіе.

¹⁾ Вѣроятно, надо читать: *моею*.

СИФАКСЪ.

«А» кто мнѣ оковы отомкнетъ?

СОФОНИЗБА.

У Софонизбы уже ключъ есть.

СИФАКСЪ.

Могутъ ли чувства моя сію вѣрность испытати? Нѣтъ! Нѣтъ, Софонизба! Наипаче хочу, чтобъ палачики многія тысячи мечей на меня повострили. Лучше хотѣлъ, чтобъ меня огнемъ и всякимъ мученіемъ уморили; лучше хотѣлъ больше муки, неже Регулусъ¹⁾ терпѣть, нежели моею свободою тебя въ заключеніе привести.

СОФОНИЗБА.

Сокровище мое не можетъ перемѣниться.

СИФАКСЪ.

А я лучше умрети хотѣлъ.

СОФОНИЗБА.

Ахъ, сердце мое! Меня въ оковахъ заключи, тѣмъ ты свобоженъ будешь.

СИФАКСЪ.

Ахъ! что душу мою утѣсняетъ и какая печаль сердце мое оскорбляетъ твоимъ намѣреніемъ!

СОФОНИЗБА.

Пойди безъ страха, никто тебя спросить, куда пойдешь: понеже ты знаешь по римски говорить, можешь безопасно уйти.

СИФАКСЪ.

Дабы небо вѣрности твоей благодареніе воздало! И къ тому тебя въ послѣдней разъ лобжу.

(Отзидеть.)

---

¹⁾ Римскій полководецъ, умершій въ плѣну изъ за вѣрности родня и своему слову.

9. Комедія о Донъ-Янъ и Донъ-Педръ.

Старинная испанская легенда о Донъ-Жуанъ впервые, какъ предполагають, получила литературную обработку въ пьесѣ испанскаго монаха-поэта Тирсо-де-Молина и была напечатана въ 1630 г. въ „Сборникъ избранныхъ сочиненій Лопе-де-Веги и другихъ авторовъ“. Испанская легенда привлекла къ себѣ общее вниманіе, стала одной изъ любимѣйшихъ темъ странствующихъ импровизаторовъ-актеровъ, поэтовъ и привлекла къ себѣ и научныхъ изслѣдователей.

Частью (на сценѣ импровизаторовъ) это были шутовскія передѣлки приключеній главнаго героя и его комическаго слуги (котораго называютъ то Бригелла, то Каталионъ, то Филиппинъ, то Лепорелло) вмѣстѣ съ страшной развязкой ужина въ присутствіи „Каменнаго гостя“, но главное теченіе въ разработкѣ легенды о Донъ-Жуанъ было иное: у лучшихъ импровизаторовъ и болѣе вдумчивыхъ поэтовъ обработка легенды выражаетъ стремленіе осмыслить одну изъ загадочныхъ сторонъ человѣческой природы.

Изъ безнравственнаго красавца, которому доступны одни грубыя наслажденія, Донъ-Жуанъ постепенно превращается въ упорнаго мечтателя, бесплодно ищущаго идеальнаго женскаго образа, неудовлетвореннаго складомъ человѣческой жизни, религіознаго, политическаго и соціальнаго протестанта, который гибнетъ не раскаянный.

Легенда о Донъ-Жуанъ, все болѣе углубляясь и принимая то видъ пьесы, то поэмы, обошла всю Европу; Италія придала ей комическій характеръ, Франція, Англія, Германія, Швеція, Данія, Россія (въ лицѣ Пушкина и гр. А. Толстого) углубляли образъ испанскаго героя.

Во Франціи образъ Донъ-Жуана особенно привлекъ къ себѣ вниманіе и не разъ обрабатывался. Въ центрѣ этихъ переработокъ стоитъ Мольеръ: онъ внесъ много свѣжаго и своеобразнаго въ пониманіе типа Донъ-Жуана. Онъ отрекся отъ морально-религіозной точки зрѣнія, осуждающей дѣйствія испанскаго героя, онъ отказался отъ легкаго комическаго жанра, которымъ хотѣли смягчить картину итальянцы, онъ оставилъ также испанскій колоритъ пьесы и перенесъ ее во французскіе нравы. Въ своей пьесѣ *Festin de Pięte*, Мольеръ далъ серіозную общественную сатиру, поставивъ безнаказанное самоуправство героя въ связь съ исключительнымъ положеніемъ французскаго барства (Алексѣй Веселовскій).

Сохранившійся отрывокъ изъ комедіи о Донъ-Янъ и Донъ-Педръ, которая входила въ репертуаръ Петровскаго театра, представляетъ переводъ нѣмецкой передѣлки трагикомедіи, написанной парижскимъ актеромъ де-Виллье и представленной, вѣроятно, въ 1659 году въ Парижѣ. „Съ переходомъ на бродячую нѣмецкую сцену „Донъ-Жуанъ“, конечно, явился въ новой обстановкѣ, испытавъ на себѣ тѣ приемы, какіе примѣнялись руководителями этой сцены ко всѣмъ пьесамъ, попадавшимъ имъ въ руки: сущность его осталась та же, но нравоучительныя разсужденія, точно такъ же, какъ и сцены, замедлявшія ходъ дѣйствія, были откинута, а комическій элементъ усиленъ.

Филипинъ побратался съ нѣмецкимъ Гансвурстомъ и сначала многое у него перенялъ, а потомъ и совсѣмъ уступилъ ему свое мѣсто... Изъ восьми сценъ де-Виллье для русскаго театра сдѣлано шесть; изъ длинныхъ разговоровъ взято лишь самое существенное; въ особенности сильному сокращенію подверглась сцена похищенія Донъ-Жуаномъ невѣсты крестьянки; изъ нравоучительныхъ увѣщаній „каменнаго гостя“ уцѣлѣло лишь очень небольшое...

Заключительныя слова Филипина у де-Виллье совершенно иныя, чѣмъ въ русской передѣлкѣ; въ русской пьесѣ это шутовская рѣчь къ самому себѣ, у де Виллье — нравоученіе:

N'imites pas Don-Juan, nous vous en prions tous,
Car voicy, sans mentir un beau miroir pour vous.

(П. О. Морозовъ. Исторія русск. театра).

(Мы всѣ васъ просимъ не подражать Донъ-Жуану, такъ какъ, говоря правду, здѣсь для васъ прекрасное зеркало.)

Дошедшій до насъ текстъ комедіи приводится здѣсь съ самыми незначительными сокращеніями.

ДѢЙСТВО 5.

Сѣнь 1.

Донъ-Янъ, Филипинъ.

донъ-янъ.

Готово ль кушанье?

Филипинъ.

Все ужъ на столѣ стоять.

донъ-янъ.

Мужикъ принесъ ли ренское изъ города?

Филипинъ.

Принесъ.

донъ-янъ.

Чаешь ли, Филипине, духу тому быти?

Филипинъ.

Не сумняюся, онъ бо общалъ.

донъ-янъ.

И я ево дождуся. А тебѣ, Филипине, за столомъ служить.

Филипинъ.

Я радъ то чинить...

ДОНЪ-ЯНЪ.
Что хочешь?

ӨИЛИПИНЪ.
Радъ бы я...

ДОНЪ-ЯНЪ.
Чего хочешь?

ӨИЛИПИНЪ.

Хочетца мнѣ, чтобъ я жирной кусокъ съѣлъ, покажѣсть духъ не бывальъ.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Ты не стыдливой звѣрь! Какъ тебѣ прежде гостя ѣсть, а гость еще не бывальъ?

ӨИЛИПИНЪ.

Для чего не ѣсть? Когда бо прїѣдетъ гость твой, то минеть наша ѣда, и лутче я прежде смертію умру, неже послѣ гостя твоего что ѣсть.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Или у тебя такая великая охота къ ѣжѣ?...

ӨИЛИПИНЪ.

Такая охота, что я бѣ тебя съ кожею и съ волосами съѣлъ.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Поди жъ ѣсть и оставь гостю часть, чѣмъ ево накормить.

ӨИЛИПИНЪ.

Довольно и искусно учиню, что я ничего не оставлю.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Я посмотрю, какъ станешь ѣсть. Сказывай мнѣ, Өилипинъ: каковъ господинъ твой нынѣ до тебя?

ӨИЛИПИНЪ.

Лутче ево на свѣтѣ нѣтъ.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Если бы я въ страху былъ, что бы ты сдѣлалъ?

ӨИЛИПИНЪ.

И самъ того не вѣдаю, что бѣ сдѣлать.

донъ-янь.

Что-бъ ты сотворилъ?

өилипинъ.

Я бы за тебя умеръ, только бы живъ остался.

(Духъ донъ-Педро стучитца.)

донъ-янь.

Өилипинъ! Нѣкто стучится.

өилипинъ.

Я никого не слышу.

(Въ другой разъ стучитца.)

донъ-янь.

Возми свѣчу и отвори двери.

өилипинъ.

Господине! Поди самъ, я отъ страха ходить не умѣю.

донъ-янь.

Ты прямая боязливая кошка, я самъ пойду и двери отворю.

Сѣнь 2.

Духъ Доно-Педро.

донъ-янь.

Здравствуй и пріятно пришествіе твое, Доно-Педро!

донъ-педро.

Видиши, Донъ-Янь, что я по обѣщанію къ тебѣ въ гости пришелъ: не опасайся меня, я тебѣ никакова зла не учиню.

донъ-янь.

Не боялся я тебя въ животъ твоёмъ, наипаче тебя мертваго бояться не стану. Өилипине! дай стулья.

өилипинъ

Тотчасъ, господине!

донъ-янь.

Садись, Донъ-Педро, и кушай то, что я вскорѣ могъ добыть.

доно-педро.

Не требую земного подчиванья, но токмо сюда пришелъ посмотреть, хочешь ли ты отъ своихъ хульныхъ и пороч-

ныхъ дѣлъ отстать? Не довольно ли, небесную милость принявъ, узнать, или ты достоинъ еси въ пучину адову вверженъ быти. Сего ради берегися — давно уже время.

донъ-янъ.

Если хочешь наказывать, то пойдѣ къ твоему гробу: мы здѣсь сошлись веселитися. Слушай, Филиппине, дай рюмку ренского!

Филиппинъ.

Господине! готова есть.

донъ-янъ.

Добре наполнена есть.

Филиппинъ.

Мнѣ не черезъ мѣру наполнена. (*Выьетъ и паки нальетъ.*)

донъ-янъ.

То мало есть.

Филиппинъ.

И мнѣ мало. (*Паки выьетъ, изнова налилъ.*)

донъ-янъ.

Теперь въ пору.

Филиппинъ.

И мнѣ въ пору.

донъ-янъ.

Донъ-Педро! до тебя пью: про здоровье дочери твоей!..

донъ-педро.

Увы!

Филиппинъ.

О господине! Какимъ страшнымъ лицомъ онъ на тебя глядитъ!

донъ-янъ.

Будетъ много ничего, токмо вздыхать умѣешь, и ты пропади отсель!

Филиппинъ.

Правду говоришь, господине! Пусть къ хрѣну пойдеть: тѣ малыя крохи и безъ него съѣдимъ.

донъ-педро.

Несчастливѣйшій всѣхъ рабовъ, понеже ты слѣпъ по стопамъ господина твоего идеши...

Филиппинъ.

Любимая скотина! часто я господину своему говорилъ, но не хочеть меня слушать.

Донъ-Янъ.

Буди весель, Донъ-Педро, яко азъ.

Донъ-Педро.

Понеже ты смѣлъ былъ меня въ гости звать, то и я тебя зову у моей могилы. Надѣюся, что придешь?

Донъ-Янъ.

Не отлучуся, но въ которое время?

Донъ-Педро.

Въ сію полночь, на моемъ гробу.

Донъ-Янъ.

Добро, конечно, буду. Филиппинъ! собери все. Уготовлюся къ Донъ-Педру въ гости итти.

Сѣнь 5.

Донъ-Янъ и Филиппинъ.

Донъ-Янъ.

Филиппине! Время приходитъ духу того посѣтить.

Филиппинъ.

Прости, мой господине: не имѣю туда охоты.

Донъ-Янъ.

Добро, добро, я тебѣ охоту сдѣлаю. Еще у тебя спрашиваю: идешь ли со мною?

Филиппинъ.

Господине! лутче желаю отъ тебя отпущкъ.

Донъ-Янъ.

Дамъ тебѣ отпущкъ. *(Вынимаетъ шапку.)*

Филиппинъ.

Постой, стой! Радъ съ тобою итти. Увы, мнѣ бѣдному! До чего я пришель!

ДОНЪ-ЯНЪ.

Поди и стучися. (*Задняя завѣса открывается и гробъ Донъ-Педро является.*)

СѢНЬ 6.

Донъ-Педро, Донъ-Янъ и Филипинъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Не стучайся, я уже здѣсь готовъ тебя принять. Садися.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Сяду, но чѣмъ будешь меня подчивать?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Доставай¹⁾, что я изготовилъ такова пріятнаго гостя подчивать?

ДОНЪ-ЯНЪ.

Что за ѣства можетъ быть? Что вы мертвыхъ духовъ подчиваете, а намъ человѣкомъ негодны.

ДОНЪ-ПЕДРО.

И для того они не изготовлены, дабы желудокъ наполнить, но токмо будто зеркало тебѣ показать адскихъ вѣчныхъ мукъ. Сего ради покайся ты, окаянный человѣче: небо устало на злодѣйство твое дале смотрѣть.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Отставъ такія рѣчи. Не спрашиваю я ни неба, ни ада, ни діавола, ни матери его! Я пойду паки своимъ путемъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Добро! Когда тебѣ никакое ученіе не угодно, и ты прими мзду, которая тебѣ изготовлена. (*Оба низходятъ.*)

ФИЛИПИНЪ.

То было изрядное путешествіе! Знатно, невидимо пойдуть на доброе мѣсто. Добро мнѣ, что я тако освободился. Лутче мнѣ женитца и со всѣми людьми въ дружбѣ пожить...

---

1) Дознавай?

10. Записки кн. Н. Б. Долгорукой.

Записки Натальи Борисовны Долгорукой (дочери известного сподвижника Петра, фельдмаршала Б. П. Шереметева) представляют в высшей степени ценный литературный и культурно-исторический материал. В них раскрывается привлекательный образ русской женщины XVIII века. Необыкновенная душевная чистота и искренность, общий высокий нравственный строй души и редкое мужество жизни, все это при большой скромности — вот что ставит Долгорукую в ряд лучших русских женщин. Немногие женщины наши могут стать наряду с ней: в конце XVI в. ее напоминает Юлианія Лазаревская¹⁾, в XIX в. невольно проводишь параллель между ней и известными женами декабристов или даже известной М. А. Мойеръ, племянницей Жуковского²⁾.

Судьба Н. Б. Долгорукой была такова. Знатная, богатая, росшая в любви и холѣ, живая и веселая по натурѣ, она рано должна была серьезно думать о себѣ, оставшись круглой сиротой с 14-ти лѣтъ. Едва ей минуло 16 лѣтъ, она была обручена с молодым кн. Ив. Ал. Долгорукимъ, котораго сильно полюбила. Долгорукие тогда (1729 г.) были в полной силѣ при 14-лѣтнемъ императорѣ Петрѣ II, только что помолвленномъ с сестрой Ив. Долгорукова. Все предвѣщало счастье молодой Шереметевой. Смерть Петра II в январѣ 1730 г. отъ оспы обрушилась тяжелой бѣдой на Долгорукихъ, ясно увидавшихъ сразу неизбежную свою гибель. Кат. Бор. не захотѣла покинуть жениха в несчастьи и при сильномъ противодействіи своей родни настояла на свадьбѣ. Черезъ три дня послѣ брака всѣ Долгорукие были сосланы в глухую Сибирь, в гор. Березовъ. Несчастной Н. Б. суждено было пережить тамъ новое горе: черезъ нѣсколько лѣтъ ея мужъ по доносу былъ внезапно увезенъ изъ Березова и казненъ в Новгородѣ. Вдовѣ его с двумя мальчиками позволено было вернуться изъ Сибири. Она воспитала и отдала в службу старшаго, а с младшимъ, который родился какъ разъ во время увоза отца изъ Березова и страдалъ неизлѣчимой нервной болѣзнью, Н. Б. уѣхала в 1758 г. в Киевъ, гдѣ и постриглась в монастырѣ с именемъ Нектаріи. Она умерла в 1771 г., похоронивъ больного сына и принявъ схиму. „Записки“ писаны были ею за четыре года до смерти. Далекая отъ интригъ и политическихъ дѣлъ, Н. Б., повидимому, не со всеми Долгорукими была близка, но мужа своего — невольную причину всѣхъ ея несчастій — она глубоко любила и всю жизнь высоко его ставила. Онъ былъ, дѣйствительно, добрый, хотя очень безхарактерный человекъ; вліяніе родни, вѣ которой было много грубыхъ интригановъ, сказывалось на немъ дурно: при кончинѣ Петра II онъ былъ заставленъ отцомъ подписать подложное завѣщаніе отъ имени императора. Долгорукие не рѣшились тогда дать ходъ бумагамъ, и дѣло

¹⁾ См. первый томъ нашей Хрестоматіи.

²⁾ См. ея письма в „Уткинскомъ Сборникѣ“ и статью о ней П. Сакулина в „Иzv. Акад. Наукъ“. Т. XII, кн. 1. 1907 г.

оставалось втайнѣ, но Ив. Долгорукій самъ выдалъ все, обезумѣвъ отъ пытокъ при послѣднемъ слѣдствіи, которое велось совсѣмъ не по этому дѣлу. Н. В., повидимому, объ этомъ такъ и не узнала, и образъ мужа остался свѣтлымъ въ ея чистой душѣ.

1. Жизнь послѣ смерти матери. Сговоръ и счастье. Я осталась послѣ милостивой своей матери четырнадцати лѣтъ; это первая бѣда меня встрѣтила. Сколько я ни плакала, только еще все недоставало, кажется, противъ любви ея ко мнѣ. Однако ни слезами, ни рыданіемъ не воротила. Осталась я сиротою съ большимъ братомъ, который уже сталъ своему дому господинъ. Вотъ уже совсѣмъ моя жизнь перемѣнилась. Можно ли всѣ тѣ горести описать, которыя со мной случились? Надобно молчать. Хотя я льстилась впредь быть счастливой, однако очень часто источники изъ глазъ лились. Молодость лѣтъ нѣсколько помогала терпѣть во ожиданіи вѣдущаго счастья; думала еще: будетъ и мое время, повеселюсь на свѣтѣ; а того не знала, что Вышняя власть грозитъ мнѣ бѣдами и что въ будущее надежда обманчива бываетъ.

И такъ, я послѣ матери своей всѣхъ канпаній лишилась; пришло на меня высокоуміе, вздумала я себя сохранять отъ излишняго гулянья, чтобъ мнѣ чего не понести, какого поноснаго слова: тогда очень наблюдали честь. И такъ, я сама себя заключила; и правда, что въ тогдашнее время не такое было обхожденіе въ свѣтѣ: очень примѣчали поступки знатныхъ или молодыхъ дѣвушекъ; тогда не можно было такъ мѣкаться, какъ въ нонѣшній вѣкъ. Я такъ вамъ пишу, будто я съ вами говорю, и для того вамъ отъ начала жизнь свою веду. Вы увидите, что я и въ самой молодости весело не жила и никогда сердце мое большого удовольствія не чувствовало. Я свою молодость плѣнила разумомъ, удерживала на время свои желанія въ разсужденіи томъ, что еще будетъ время къ моему удовольствію; заранѣ пріучала себя къ скукѣ. И такъ я жила послѣ матери своей два года; дни мои проходили безутѣшны. Тогда обыкновенно всегда, гдѣ слышать невѣсту богатую, тутъ и женихи льстятся; пришло и мое время, чтобъ начать ту благополучную жизнь, на которую я льстилась. Я очень была счастлива женихами: однако то оставляю, а буду вамъ то писать, что въ дѣло произошло. Правда, что начало было очень велико; думала, я первая счастливица въ свѣтѣ, потому что первая персона въ нашемъ государствѣ былъ мой женихъ. При всѣхъ природныхъ до-

стоинствахъ имѣлъ знатныя чины при дворѣ и въ гвардіи; я признаюсь вамъ въ томъ, что я почитала за великое благополучіе, видя его къ себѣ благосклонна. Напротивъ того, и я ему отвѣтствовала, любила его очень, хотя я никакого знакомства прежде не имѣла, нежели онъ мнѣ женихомъ сталъ; но истинная и чистосердечная его любовь ко мнѣ на то склонила. Правда, что сперва это очень громко было; всѣ кричали: ахъ, какъ она счастлива! Моимъ ушамъ не противно было это эхо слышать; а не знала, что это счастье мною поиграетъ: показало мнѣ только, чтобъ я узнала, какъ люди живутъ въ счастіи, которыхъ Богъ благословить. Однако, я тогда ничего не разумѣла, молодость лѣтъ не допускала ни о чемъ предбудущемъ разсуждать; а радовалась тѣмъ, видя себя въ такомъ благополучіи цвѣтущею. Казалось, ни въ чемъ нѣтъ недостатку; милый человекъ въ глазахъ, въ разсужденіи томъ, что этотъ союзъ любви будетъ до смерти неразрывный, а притомъ природныя чести, богатство, отъ всѣхъ людей почтеніе: всякой ищетъ милости, рекомендуется подъ мою протекцію; подумайте, будучи дѣвкѣ въ пятнадцать лѣтъ такъ обрадованной! Я не иное что воображала, какъ вся сфера небесная для меня перемѣнилась.

*Анна
внѣшн.*

Между тѣмъ начались у насъ приуготовленія къ сговору нашему. Правду могу сказать, рѣдко кому случилось видѣть такое знатное собраніе: вся императорская фамилія была на нашемъ сговорѣ, всѣ чужестранные министры, наши всѣ знатные господа, весь генералитетъ, однимъ словомъ сказать, столько было гостей, сколько домъ нашъ могъ помѣстить обоихъ персонъ; не было ни одной комнаты, гдѣ бы не полно было людей. Обрученіе наше было въ залѣ, духовными персонами, одинъ архіерей, и два архимандрита. Послѣ обрученія всѣ его сродники меня дарили очень богатыми дарами, брилліантовыми серьгами, часами, табакерками и готовальнями ¹⁾ и всякою галантереєю; мои бѣ руки не могли бѣ всего забрать, когда бѣ мнѣ не помогали принимать. Наши перстни были, которыми обручались, его — въ двѣнадцать тысячъ, а мой — въ шесть тысячъ. Напротивъ и мой братъ жениха моего дарилъ: шесть пудовъ серебра, старинныя великія кубки и фляши золоченыя. Казалось мнѣ тогда, по моему молодому умію, что это все прочно и на цѣлой мой вѣкъ будетъ; а того не знала, что въ здѣшнемъ свѣтѣ ничего нѣтъ проч-

¹⁾ Теперь это слово означаетъ футляръ съ инструментами для черченія; тутъ надо разумѣть драгоцѣнный швейный или туалетный приборъ.

наго, а все на часъ. Сговоръ мой былъ въ семь часовъ пополудни; это была уже ночь, и для того принуждены были смоляныя бочки зажечь для свѣту, что бѣ видно было разѣзжаться гостямъ; тѣснота превеликая отъ каретъ была; отъ того великаго огня видно было, сказываютъ, что около ограды дому нашего столько было народа, что вся улица заперлась, и кричалъ простой народъ: „Слава Богу! отца нашего дочь идетъ замужъ за великаго человѣка, возставитъ родъ свой и возведетъ братьевъ своихъ на степень отцову!“ Надѣюсь, вы довольно извѣстны, что отецъ мой былъ первой фельдмаршалъ и что очень былъ любимъ народомъ, и до-днесъ его помнятъ. О прочихъ всѣхъ сговорныхъ церемоніяхъ или веселіяхъ умолчу, нынѣшнее мое состояніе и званіе запрещаетъ; однимъ словомъ сказать: все, что можете вздумать, ничего упущено не было. Это мое благополучіе и веселіе долголь продолжалось? Не болѣе, какъ отъ декабря 24 дня по 18 генваря день.

Вотъ моя обманчивая надежда кончилась; со мною такъ случилось, какъ съ сыномъ царя Давида Нафаномъ: лизнулъ медку, и пришло было умереть. Такъ и со мною случилось: за двадцать шесть дней благополучныхъ, или сказать радостныхъ, сорокъ лѣтъ по сей день стражду; за каждый день по два года придетъ безъ малаго, еще шесть дней надобно вычестъ; да кто можетъ знать предбудущее? Можетъ быть, и дополнятся, когда продолжится сострадательная жизнь моя.

2. Смерть Петра II. Перемѣна судьбы. Теперь надобно уже иную матерію зачать. Умъ колеблется, когда приведу на память, что послѣ всѣхъ этихъ веселій меня постигло, которыя мнѣ казались навѣки нерушимы будутъ. Знать, что не было мнѣ тогда друга, кто бѣ меня научилъ, чтобъ по этой скользкой дорогѣ опаснѣе ходила. Боже мой! какая буря грозная возсталла! со всего свѣту бѣды совокупились! Господи, дай силъ изъяснить мои бѣды, чтобъ я могла ихъ описать для знанія желающихъ и для утѣшенія печальнымъ, чтобъ, помня меня, утѣшались. И я была человѣкъ, вся дни живота своего проводила въ бѣдахъ, и все опробовала: гоненія, странствія, нищету, разлученіе съ милымъ, все, что кто можетъ вздумать. Я не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, но о милости Божіей похваюсь, что Онъ мнѣ далъ столько силы, что я перенесла, и по сіе время несу; невозможно бы человѣку смертному такіе удары понести, когда бы не свыше сила Господня подкрѣпляла. Возьмите въ разсужденіе мое воспитаніе и нынѣшнее мое состояніе.

Вотъ начало моей бѣды, чего я никогда не ожидала! Государь нашъ окончилъ животъ свой; паче чаянiя моего, чего я никогда не ожидала, сдѣлалась коронная переменна. Знать, такъ было Богу угодно, чтобъ народъ за грѣхи наказать: отняли милостиваго государя и великой былъ плачь въ народѣ. Всѣ сродники мои съѣзжаются, жалѣють, плачутъ обо мнѣ, какъ мнѣ эту напасть объявить; а я обыкновенно долго спала, часу до девятаго; однако, какъ скоро проснулась, вижу у всѣхъ глаза заплаканы; какъ они ни стереглись, только видно было. Хотя я и знала, что государь боленъ и очень боленъ, однако я великую въ томъ надежду имѣла на Бога, что Онъ не оставитъ сирыхъ; однако знать мы тому достойны были. По необходимости принуждены были мнѣ объявить. Какъ скоро эта вѣдомость дошла до ушей моихъ, что уже тогда со мной было, — не помню; а какъ опомнилась, — только и твердила: ахъ! пропала! пропала! Не слышно было иного ничего отъ меня, что „пропала“! Какъ кто ни старался меня утѣшить, только не можно было плачь мой пресѣчь, ни уговорить. Я довольно знала обыкновенiе своего государства, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ: чего было и мнѣ ожидать? Правда, что я не такъ много дурно думала, какъ со мною сдѣлалось: потому, хотя мой женихъ и любимъ государемъ и знатные чины имѣлъ, и ввѣрены ему были всякія дѣла государственныя, но подкрѣпляли меня нѣсколько честные его поступки. Знавъ его невинность, что онъ никакимъ непристойнымъ дѣламъ не косенъ былъ, мнѣ казалось, что не можно безъ суда человѣка обвинить и подвергнуть гнѣву, или отнять честь или имѣнiе; однако, послѣ уже узнала, что при несчастливомъ случаѣ и правда не помогаетъ. И такъ я плакала безутѣшно. Свойственники, сыскавъ средства, чѣмъ бы меня утѣшить, стали меня (уговаривать), что я еще человѣкъ молодой, а такъ себя безразсудно сокрушаю; можно этому жениху отказать, когда ему будетъ худо; будутъ другіе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины будутъ имѣть; а въ то время правда, что (одинъ) женихъ очень хотѣлъ меня взять, только я на то не склонна была, а сродникамъ моимъ всѣмъ хотѣлось за того жениха меня выдать. Это предложенiе такъ мнѣ тяжело было, что ничего на то не могла имъ отвѣтствовать. Войдите въ разсужденiе: какое это мнѣ утѣшенiе и честна ли эта совѣсть? Когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостію за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ,

Утѣшенiе

отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе, когда сердце одному отдавъ, жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра — другого; въ нонѣшній вѣкъ такая мода, а я доказывала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ; и теперь скажу самую правду, что будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безумія Богу. Онъ тому свидѣтель: все, любя его сносила; сколько можно мнѣ было, еще и его подкрѣпляла. Мои сродники имѣли другое сужденіе; такой мнѣ совѣтъ давали, или, можетъ быть, меня жалѣли. Къ вечеру пріѣхалъ мой женихъ ко мнѣ, жалуясь на свое несчастіе; при томъ рассказывалъ объ смерти, жалости достойной, какъ государь скончался, что все въ памяти былъ, и съ нимъ прощался. И такъ говоря, плакали оба, и присягали другъ другу, что насъ ничто не разлучитъ, кромѣ смерти; я готова была съ нимъ хотя всѣ земныя пропасти пройти. И такъ, часъ отъ часу пошло хуже. Куда дѣвались искатели и друзья? Всѣ спрятались, и ближніе отдалече меня стапа, всѣ меня оставили въ угодность новымъ фаворитамъ; всѣ стали уже меня бояться, чтобъ я въ стрѣчу съ кѣмъ не попалась, всѣмъ подозрительна. Лучше бъ тому человѣку не родиться на свѣтѣ, кому на время быть велику, а послѣ придти въ несчастіе: всѣ стануть презирать, никто говорить не хочетъ!

Печальная свадьба совершилась 9 апрѣля 1830 года. Черезъ три дня всѣмъ Долгорукимъ былъ объявленъ указъ ѣхать въ свои дальнія деревни. Разыгралась обычная исторія жестокыхъ опаль и ссылокъ того времени: точно также три года назадъ Долгорукіе расправились съ Меншиковымъ. Въ 90 верстахъ отъ Москвы Долгорукихъ нагналъ второй указъ, лишавшій ихъ чиновъ и орденъ. Наконецъ, когда они заѣхали отдохнуть въ свою Касимовскую деревню, туда явился гвардейскій офицеръ съ командой и объявилъ имъ окончательную ссылку въ далекую Сибирь, въ тотъ же Березовъ, гдѣ годъ тому назадъ умеръ Меншиковъ. Дальнѣйшій рассказъ Н. Б. Долгорукой описываетъ отъѣздъ изъ деревни.

3. Ссылка въ Березовъ. Дорога водою. Вотъ уже къ вечеру велятъ намъ въ кареты садиться и ѣхать. Я уже опомнилась и стала просить, чтобъ меня отпустили на квартиру собраться; офицеръ дозволилъ. Какъ я пошла, и два солдата за мною; я не помню, какъ меня мой мужъ довелъ до сарая того, гдѣ мы стояли. Хотѣла я съ нимъ

поговорить, и свѣдать, что съ нами дѣлается; а солдатъ тутъ, ни пяди отъ насъ не отстаеетъ; подумайте, какое жалостное состояніе! И такъ я ничего не знаю, что далѣе съ нами будетъ. Мои домашніе собрались; я уже ничего не знаю. Они сѣли въ карету и поѣхали; рада я тому, что я одна съ нимъ, можно мнѣ говорить. А солдаты всѣ за нами поѣхали. Тутъ уже онъ мнѣ сказалъ: офицеръ объявилъ, что велѣно насъ подъ жестокимъ карауломъ везти въ дальніе города, а куда — не велѣно сказывать. Однако, свекоръ мой умилостивилъ офицера и привелъ его на жалость: онъ сказалъ, что насъ везутъ въ островъ ¹⁾, который состоитъ отъ столицы четыре тысячи верстъ и больше, и тамъ насъ подъ жестокимъ карауломъ содержать, къ намъ никого не допускать, ни насъ никуда кромѣ церкви, переписки ни съ кѣмъ не имѣть, бумаги и чернилъ намъ не давать. Подумайте, каковы мнѣ эти вѣсти; первое — лишилась дому своего и всѣхъ родныхъ своихъ оставила, я же не буду и слышать объ нихъ, какъ они будутъ жить безъ меня; братъ меньшій мнѣ былъ, который меня очень любилъ; сестры маленькія остались. О, Боже мой, какая это тоска пришла! Жалость, сродство, кровь вся закипѣла отъ несносности. Думаю я, уже никого не увижу своихъ, буду жить въ странствіи; кто мнѣ поможетъ въ напастяхъ моихъ, когда они не будутъ и вѣдать обо мнѣ, гдѣ я; когда я ни съ кѣмъ не буду корреспонденціи имѣть, или переписки; хотя я какую нужду ни буду терпѣть, руки помощи никто мнѣ не подастъ; а можетъ быть, имъ тамъ скажутъ, что я уже умерла, что меня и на свѣтѣ нѣтъ; они только поплачутъ, и скажутъ: лучше ей умереть, а не цѣлый вѣкъ мучиться! Съ этими мыслями ослабѣли всѣ мои чувства, онѣмѣли, а послѣ полились слезы.

Мужъ мой испужался и жалѣлъ послѣ, что мнѣ сказалъ правду; боялся, чтобъ я не умерла. Истинная его ко мнѣ любовь принудила (меня) духъ свой стѣснить и утаивать эту тоску, и перестать плакать; и должна была его еще подкрѣплять, чтобъ онъ себя не сокрушилъ: онъ всего свѣту дороже былъ. Вотъ любовь до чего довела! Все оставила: и честь, и богатство, и сродниковъ, и стражду съ нимъ, и скитаюсь; этому причина — всенепорочная любовь, которой я не постыжусь ни передъ Богомъ, ни передъ цѣлымъ свѣтомъ, потому что онъ одинъ въ сердцѣ моемъ былъ; мнѣ казалось, что онъ

¹⁾ Городъ Березовъ, дѣйствительно, стоитъ на островѣ, образуемомъ рѣками Сосвою и Вогулкою.

для меня родился и я для него, и намъ другъ безъ друга жить нельзя. И по сей часъ въ одномъ разсужденіи, и не тужу, что мой вѣкъ пропалъ; но благодарю Бога моего, что Онъ мнѣ далъ знать такого человѣка, который того стоилъ, чтобъ мнѣ за любовь жизнью своею заплатить, цѣлый вѣкъ странствовать и великія бѣды сносить, могу сказать, безпримѣрныя бѣды. Послѣ услышите, ежели слабость моего здоровья допустить всѣ мои бѣды описать.

И такъ, насъ довели до города¹⁾. Я вся расплакана; свекоръ мой очень испужался, видя меня въ такомъ состояніи; однако говорить было нельзя, потому что офицеръ самъ тутъ съ нами и унтеръ-офицеръ; поставили насъ уже вмѣстѣ, а не на разныхъ квартирахъ, и у дверей поставили часовыхъ, примкнуты штыки. Тутъ мы жили съ недѣлю, покамѣстъ изготовили судно, на чемъ насъ везти водою. Для меня все это ужасно было; должно было молчаніемъ покрывать. Моя воспитательница, которой я отъ матери своей препоручена была, не хотѣла меня оставить, со мною и въ деревню поѣхала; думала она, что тамъ злое время проживемъ, однако не такъ сдѣлалось, какъ мы думали, принуждена меня покинуть. Она — человѣкъ чужестранный, не могла эти суровости понести; однако сколько можно ей было, эти дни старалась, ходила на то безчастное судно, на которомъ насъ повезутъ; все тамъ прибирала, стѣны обивала, чтобы сырость сквозь не прошла, чтобъ я не простудилась; павильонъ поставила, чуланчикъ загородила, гдѣ намъ имѣть свое пребываніе, и все то оплакивала.

Пришелъ тотъ горестный день, какъ намъ надобно ѣхать; людей намъ дали для услугъ 10 человѣкъ, а женщинъ на каждую персону по человѣку, всѣхъ пять человѣкъ. Я хотѣла свою дѣвку взять съ собою, однако золовки мои отговорили; для себя включили въ то число свою, а мнѣ дали дѣвку, которая была помощницей у прачекъ, ничего сдѣлать не умѣла, какъ только платье мыть, принуждена я имъ въ томъ была согласиться. Дѣвка моя плачетъ, не хочетъ отъ меня отстать, я уже ее просила, чтобъ она мнѣ больше не скучала; пускай такъ будетъ, какъ судьба опредѣлила. И такъ, я хорошо собралась; ниже рабы своей не имѣла, денегъ ни полушки; сколько имѣла при себѣ она моя воспитательница денегъ, мнѣ отдала, сумма не очень велика была — шестьдесятъ ру-

¹⁾ Т.-е. до Касимова.

блевъ; съ тѣмъ я и поѣхала. Я не помню, пѣшкомъ ли мы шли до судна, или ѣхали; недалеко рѣка была отъ дому нашего; пришло мнѣ тутъ разставаться съ своими, потому что дозволено было имъ насъ проводить. Вошла я во свой каютъ; увидѣла, какъ онъ прибранъ: сколько можно было — помогала¹⁾ моему бѣдному состоянію. Пришло мнѣ вдругъ ее благодарить за ея ко мнѣ любовь и воспитаніе, тутъ же и прощаться, что я уже ее въ послѣдній разъ вижу; ухватились мы другъ другу за шею, и такъ руки мои замерли, и я не помню, какъ меня съ нею растащили. Опомнилась я въ каютѣ, или въ чуланѣ: лежу на постелѣ, и мужъ мой надо мной стоитъ и за руку держитъ, нюхать спиртъ даетъ. Я вскочила съ постели, бѣгу вверхъ, думаю, еще хотя разъ увижу — ниже мѣста того знать: далеко уплыли. Тогда я потеряла перло жемчужное, которое было у меня на рукѣ, знать я его въ воду опустила, когда я съ своими прощалась; да мнѣ уже и не жаль было. не до него: жизнь тратится. Такъ я и осталась одна, всѣхъ лишилась для одного человѣка. И такъ мыплы всю ту ночь.

На другой день сдѣлался великій вѣтеръ, буря на рѣкѣ, громъ, молнія; гораздо звончѣе на водѣ, нежели на землѣ; а я съ природы грому боюсь. Судно вертеть съ боку-на-бокъ: какъ громъ грянетъ, то и попадаютъ люди. Золовка меньшая очень боялась — та плачетъ и кричитъ. Я думала, свѣту преставленіе! Принуждены были къ берегу пристать. И такъ всю ночь въ страхѣ безъ сна препроводили. Какъ скоро разсвѣло, погода утихла, мы поплыли въ путь свой. Когда погода тихая, я тогда сижу подъ окошкомъ въ своемъ чуланѣ; когда плачу, когда платки мою — вода очень близка; а иногда куплю осетра, и на веревку его; онъ со мною рядомъ плыветъ, чтобъ не я одна невольница была и осетръ со мною. А когда погода станетъ вѣтромъ судно шатать, тогда у меня станетъ голова болѣть и тошниться; тогда выведутъ меня на верхъ на палубу, и положить на вѣтру; и я до тѣхъ поръ безъ чувствъ лежу, покажѣсть погода утихнетъ, и покроютъ меня шубой: на водѣ вѣтры очень пронизательны. Иногда и онъ для компаніи подлѣ меня сидитъ. Когда пройдетъ погода, отдохну, только ѣсть ничего не могла, все тошнилось.

4. Остальная часть пути. Приѣздъ въ Березовъ. Доѣхали мы до города²⁾, гдѣ надобно намъ выгру-

¹⁾ Т.-е. воспитательница.

²⁾ Соликамскъ.

жаться на берегъ и ѣхать сухимъ путемъ; я была и рада, думала такихъ страховъ не буду видѣть; послѣ узнала, что мнѣ нигдѣ лучшаго нѣтъ; не на то меня судьба опредѣлила, чтобъ покоиться! Какая же это дорога? Триста верстъ должно было переѣхать горами, верстъ по пяти на горы и съ горы также, онѣ же какъ усыпаны дикимъ камнемъ; а дорожка такая узкая, въ одну лошадь только впряжено, что называется гусемъ, потому что по обѣ стороны рвы, ежели въ двѣ лошади впрячь, то одна другую въ ровъ спихнетъ; оныя же рвы лѣсомъ обросли. Не можно описать, какой они вышины; какъ взѣдешь на самый верхъ горы и посмотришь по сторонамъ — неизмѣримая глубина; только видны однѣ вершины лѣсу, все сосна да дубъ; отъ роду такого высокаго и толстаго лѣсу не видала. Это каменная дорога; я думала, что у меня сердце оторветъ; сто разъ я просилась: дайте отдохнуть! Никто не имѣетъ жалости; а спѣшать какъ можно наши командиры, чтобъ домой возвратиться, а надобно ѣхать по цѣлому дню, съ утра до ночи, потому что жилья нѣтъ, а черезъ сорокъ верстъ поставлены маленькіе домики для пристанища проѣзжавшимъ и для корму лошадямъ.

Сколько мы въ этой дорогѣ были недѣль — не упомню. Доѣхали до провинціального города того острова, гдѣ намъ опредѣлено жить. Сказали намъ, что путь до того острова водою, и тутъ будетъ перемѣна; офицеръ гвардейскій поѣдетъ возвратно, а насъ препоручать тутошняго гарнизона офицеру, съ командою 24 человекъ солдатъ. Жили мы тутъ недѣлю, покамѣстъ исправили судно, на которомъ намъ ѣхать, и сдавали насъ съ рукъ на руки, какъ арестантовъ. Это столько жалко было, что и каменное сердце умягчилось; плакалъ очень при разставаніи офицеръ и говорилъ: „теперь-то вы натерпитеcя всякаго горя; „эти люди необычайные; они съ вами будутъ поступать какъ съ подлыми. Никакого снисхожденія отъ нихъ не будетъ“. И такъ мы всѣ плакали, будто съ сродникомъ разставались. По крайней мѣрѣ привыкли къ нему; какъ ни худо было, да онъ насъ зналъ въ благополучіи, такъ нѣсколько совѣстно было ему сурово съ нами поступать. Какъ исправились съ судномъ, новой командиръ повелъ насъ на судно; процессія изрядная была, за нами толпа солдатъ идетъ съ ружьемъ, какъ за разбойниками. Я уже шла, внизъ глаза опустивъ, не оглядывалась, смотрѣльщикова премножество по той улицѣ, гдѣ насъ ведутъ. Пришли мы къ судну; я ужаснулась, какъ увидѣла,

великая разни́ца съ пре́жнимъ; отъ небреже́нiя дали самое негодное, худое; такъ по имени нашему и судно! Хотя бы на другой день пропасть; какъ мы тогда назывались арстанты, иного имени не было; — что уже въ свѣтѣ этого титула хуже? Такое намъ и почтенiе! Все судно—изъ пазовъ доски вышли, насквозь дыры свѣтятся; а хотя немножко вѣтеръ, такъ все судно станетъ скрипѣть; оно же черное, закоптѣлое; какъ работники раскладывали въ немъ огонь, такъ оно и осталось, самое негодное, никто бы въ немъ не поѣхалъ. Оно было отставное, опредѣлено на дрова, да какъ очень заторопили, не смѣли долго насъ держать, какое случилось, такое и дали; а можетъ быть и нарочно приказано было, чтобъ насъ утопить: однако, какъ не воля Божiя, доплыли до показаннаго мѣста живы.

Принуждены были новому командиру покоряться; всѣ способности искали, какъ бы его приласкать, не могли найти, да въ комъ и найти? Дай Богъ и горе терпѣть, да съ умнымъ человѣкомъ! Какой этотъ глупый офицеръ былъ: изъ крестьянъ да заслужилъ чинъ капитанскiй; онъ думалъ о себѣ, что онъ очень великiй человѣкъ, и, сколько можно, надобно насъ жестоко содержать, яко преступниковъ. Ему казалось подло съ нами и говорить; однако со всею своею спесью ходилъ къ намъ обѣдать. Изобразите это одно, сходственно ли съ умнымъ человѣкомъ, въ чемъ онъ хаживалъ: епанча солдатская на одну рубашку, да туфли на босу ногу и такъ съ нами сидитъ! Я была всѣхъ моложе и не воздержна; не могу терпѣть, чтобъ не смѣяться, видя такую смѣшную позитуру; онъ это видя, что я ему смѣюсь, или то удалось ему примѣтить, говорить, смѣясь: „теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы съ тобою сговорилъ!“ Какъ мнѣ ни горько было, только я старалась его больше ввести въ разговоръ; только больше онъ ничего мнѣ не сказалъ. Подумайте, кто намъ командиръ былъ и кому были препоручены? Чтобы онъ усмотрѣлъ, когда бъ мы что намѣрены были сдѣлать? Чего они боялись? Чтобы мы не ушли? Ему ли смотрѣть? Насъ не караулъ ихъ держалъ, а держала насъ невинность наша; думали, что со временемъ осмотрятся и возвратятъ насъ въ первое наше состоянiе. При томъ же мѣшало много, и фамилiя очень велика была. И такъ, мы съ этимъ глупымъ командиромъ плыли цѣлый мѣсяцъ до того города, гдѣ намъ жить.

Всего много было. великiе страхи, громы, молнiя, вѣтры

чрезвычайные! Съ такимъ трудомъ довели насъ въ маленькій городокъ, который сидитъ на острову; кругомъ вода, жители въ немъ самый подлый народъ, ѣдятъ рыбу сырую, ѣдятъ на собакахъ, носятъ олениа кожи: какъ съ него сдеруть не разрѣзавши брюха, такъ и надѣнуть, переднія ноги вмѣсто рукавовъ; избы кедровыя, окончины ледяныя, вмѣсто стекла; зимы 10 мѣсяцевъ или 8; морозы несносныя, ничего не родится, ни хлѣба, никакого фрукту, — ниже капусты. Лѣса непроходимыя да болоты, хлѣбъ привозятъ водою за тысячу верстъ. До такого мѣстечка доѣхали, что ни пить, ни ѣсть, ни носить нечего. Ничего не продаютъ, ниже калача; тогда я плакала, для чего меня рѣки не утопили или не залили! Не можно жить въ такомъ дурномъ мѣстѣ.

Не можно всего страданія моего описать, ни бѣдъ, сколько я ихъ перенесла. Что всего тошнѣе было — для кого пропала и всѣ эти напасти несла, и что въ свѣтѣ милѣе было, тѣмъ я не утѣшилась, а радость моя была съ горестью смѣшана всегда: былъ боленъ отъ несносныхъ бѣдъ, источники его глазъ не пересыхали, — жалость его сердце съѣдала, видѣвъ меня въ такомъ жалкомъ состояніи. Молитва его передъ Богомъ была неусыпная; постъ и воздержаніе не лицемѣрные; милостыня всегдашняя — не отходилъ отъ него просящій никогда тощъ; правило имѣлъ монашеское, безпрестанно въ церкви, всѣ посты пріобщался Святыхъ Таинъ, и всю свою печаль возверзилъ на Бога; злобы ни на кого не имѣлъ, никому зла не помнилъ и всю свою бѣдственную жизнь препроводилъ христіански и въ заповѣдяхъ Божіихъ; и ничего на свѣтѣ не просилъ у Бога, какъ только Царствія Небеснаго, въ чемъ и не сомнѣваюсь. Я не постыжусь описать его добродѣтели, потому что я не лгу. Не дай Богъ, что описать неправильно; я сама себя тѣмъ утѣшаю, когда вспомню всѣ его благородныя поступки, и счастливою себя считаю, что я его ради себя потеряла, безъ принужденія, изъ своей доброй воли. Я все въ немъ имѣла: и милостиваго мужа, и отца, и учителя; и старателя о счастіи моемъ. Онъ меня училъ Богу молиться, училъ меня къ бѣднымъ милостивою быть, принуждалъ милостыню давать, всегда книги читалъ, Святое Писаніе, чтобъ я знала Слово Божіе; всегда твердилъ о незлобіи, чтобъ никому зла не помнила.

11. А. Д. Кантемиръ.

Изъ девяти сатиръ Кантемира первыя пять были написаны въ 1729—1731 гт., когда автору было 21—22 года; онъ тогда же получили известное распространение въ спискахъ, судя по тому, что до насъ дошло порядочное количество такихъ списковъ XVIII вѣка. Уѣхавъ въ началѣ 1732 г. на долгую посольскую службу за границу, Кантемиръ написалъ еще три, а первыя пять передѣлалъ; за годъ до смерти, въ 1743 г., онъ послалъ всѣ ихъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими стихотвореніями Теофану Прокоповичу. Напечатаны были впервые эти восемь сатиръ въ 1762 г., 18 лѣтъ спустя послѣ смерти автора. Девятая сатира „Къ солнцу“ найдена была и напечатана значительно позднѣе (въ 1858 г.); судя по стиху, ее считаютъ написанной еще въ Россіи, т.-е. до 1732 г.*) Благодаря передѣлкѣ, мы имѣемъ первыя пять сатиръ въ двухъ редакціяхъ, которыя отличаются между собой и по тексту и по примѣчаніямъ: исправленный текстъ лучше по стиху, сжатѣе и рельефнѣе, но зато иногда блѣднѣе: вмѣстѣ съ угловатостью и грубоватыми чертами въ немъ сглажены нѣкоторые намеки на русскую действительность.)

Не касаясь оцѣнки литературнаго значенія и таланта Кантемира, о чемъ достаточно говорятъ учебники, дадимъ нѣкоторыя разъясненія касательно двухъ первыхъ сатиръ, помѣщенныхъ ниже (Первая дана полностью, вторая съ нѣкоторыми сокращеніями). Ясна общая связь съ Петровской эпохой Кантемировскихъ обличеній „хулящихъ ученіе“ или гордыхъ своей породой „злонравныхъ дворянъ“, но нельзя упускать изъ вида историческую обстановку момента, когда появились обѣ сатиры.

Это былъ 1729 годъ. За четыре года, прошедшіе со смерти Петра Великаго, многое успѣло измѣниться, и многимъ начинаніямъ Преобразователя угрожала опасность. Особенно это стало ясно съ 1727 г., когда на престолъ взшелъ 12-лѣтній сынъ царевича Алексѣя, Петръ II, котораго поддерживали старая родовитая знать (Голицыны, Долгорукіе) и недовольное Петровскими новизнами духовенство. Первые мечтали вершить всѣ государственныя дѣла, отгѣснивъ „худопородныхъ“, которымъ и личная воля Петра и демократическая, какъ тогда казалось, табель о рангахъ, нерѣдко открывали путь къ высшимъ должностямъ, въ оскорбленіе всѣхъ „мѣстническихъ“ привычекъ старины. Вторымъ не давали покоя церковныя реформы Петра, сильно урѣзавшія вліяніе духовенства; они мечтали о патріаршествѣ и рвались продолжать борьбу, начатую еще Стефаномъ Яворскимъ; Теофанъ Прокоповичъ былъ главнымъ камнемъ на ихъ дорогѣ. Воцареніе Петра II укрѣпило надежды тѣхъ и другихъ. Долгорукіе, свергнувъ Меньшикова, распоряжались въ Верховномъ Совѣтѣ, царь переехалъ жить въ Москву, готовился бракъ его съ Долгорукой. Положеніе Теофана въ синодѣ поколебалось; враги его, сторонники

*) Последнія разысканія (статья г. Глаголевой въ „Изв. Акад. Наукъ“ 1906 г., т. XI, кн. 1 и 2) даютъ нѣсколько новыхъ произведеній Кантемира, въ томъ числѣ десятую сатиру „Зоилу“.

старого, Теофилактъ Лопатинскій и ростовскій архіерей Георгій Дашковъ, усилились, пошли толки о возстановленіи патриаршества и одно время Дашковъ считалъ себя наканунѣ назначенія въ патриархи. Противъ Теофана возобновились усиленные обвиненія въ лютеранскихъ мнѣніяхъ; въ 1728. году добились напечатанія большого сочиненія покойнаго Стефана Яворскаго противъ лютеранства — „Камня вѣры“, — бывшаго до сихъ поръ подѣ запретомъ.

Въ эту пору реакціи Кантемиръ переживалъ трудный моментъ своей жизни. Сынъ владѣтельнаго молдавскаго князя, бывшій по завѣщанію отца подѣ личнымъ покровительствомъ Петра Великаго, умный, хорошо образованный юноша, всѣмъ сердцемъ отдавшійся наукѣ, горячо привязанный къ Петру и его реформѣ, онъ долженъ былъ быстро стать виднымъ сотрудникомъ царя. Смерть Петра застала его 17-лѣтнимъ поручикомъ, по рожденію знатнымъ, но чужимъ среди русскаго боярства, безъ семейныхъ связей. Притомъ и матеріальное положеніе его сложилось дурно: отецъ, умирая, поручилъ Петру отдать все имѣніе достойнѣйшему изъ сыновей, при чемъ указывалъ на Антиоха; послѣ Петра дѣло было рѣшено въ пользу его брата, женатаго на дочери сильнаго вельможи Голицына. Сблизившись по умственнымъ интересамъ и по сочувствію къ реформамъ съ Теофаномъ Прокоповичемъ, Кантемиръ вмѣстѣ съ нимъ тяжело переживалъ невеселое время послѣ смерти Петра. Въ 1729 г. онъ не выдержалъ и вылилъ свое настроеніе въ двухъ сатирахъ, написанныхъ одна вслѣдъ за другой.

При такихъ обстоятельствахъ понятенъ безнадежно-унылый тонъ первой сатиры, робость, рѣшеніе „въ тихомъ своемъ углу“ молчаливо таиться; понятна видная роль, отведенная здѣсь духовенству среди „хулящихъ ученіе“, какъ и личные намеки обѣихъ сатиръ на Дашкова. Понятенъ и выборъ темы для второй сатиры: претензіи родовитыхъ невѣждъ на первое мѣсто въ государствѣ и ихъ злоба противъ выдвинутыхъ реформой даровитыхъ дѣятелей изъ разныхъ слоевъ общества.

Кантемиръ не видалъ своихъ произведеній въ печати (хотя за годъ до смерти, въ 1743 г., онъ, очевидно, имѣлъ въ виду ихъ изданіе); французскій и нѣмецкій переводы были изданы ранѣе русскаго текста. Но въ рукописи его вещи несомнѣнно ходили по рукамъ довольно широко: послѣдняя изслѣдовательница, г-жа Глаголева пользовалась не менѣе, чѣмъ 30 списками ихъ того времени (самый поздній — 1761 г., за годъ до печатнаго изданія).

1. КЪ УМУ СВОЕМУ.

Предисловіе къ читателю.

(Изъ начальной редакціи сатиръ.)

Не столько обычаю, сколько нуждѣ послѣдую, предувѣщаніе сіе пишу. Потребно мнѣ быть показалоса, прежде нежели усмотришь стихи мои, предъявить тебѣ, съ какимъ намѣреніемъ они писаны. Ни зависть, ни злоба, (ни) хулить охота

принудила меня осмѣять осмѣющихся учениемъ; но излишество времени почти понудило къ тому. Итакъ все, что я тутъ написалъ, въ забаву писано; между тѣмъ хотя многие могутъ въ беззлобныхъ стихахъ моихъ сыскать свое состояніе и нравы изображенныя, вѣдали бѣ, что я никого партикулярно не представлялъ себѣ, когда писалъ характеры, въ сей сатирѣ содержащія, и слушая злонравіе—не примѣчалъ злонравнаго. Прочіе, кому стихи мои не нравны, того прошу, чтобъ ихъ не читалъ; а кто за нихъ меня хулить станетъ, то помниль бы, что дурной лицемъ николи зеркала не любитъ.

Уме, недозрѣлый плодъ недолгой науки!
 Покойся, не понуждай къ перу мой руки!

Не писавъ летящи дни вѣка проводи
 Можно, и славу достать, хоть творцемъ не слыти.
 Ведутъ къ ней нетрудны въ нашъ вѣкъ пути
 многи,

На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
 Всѣхъ неприятнѣе тотъ, что босы проклали
 Девять сестръ¹⁾. Многи на немъ силу потеряли
 Не дошедъ; нужно на немъ потѣтъ и томиться,
 И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,
 Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
 Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
 Палатъ, ни расцвѣченна мраморами саду;
 Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.
 Правда, въ нашемъ молодомъ монархѣ надежда
 Выходитъ Музамъ немала; со стыдомъ невѣжда
 Бѣжитъ его; Аполлинъ славы въ немъ защиту
 Своей не слабу почувъ: чтыща свою свиту
 Видѣлъ его самого, и во всемъ обильно
 Тщится множить жителей парнасскихъ онъ сильно.
 Но та бѣда, многіе въ царѣ похваляютъ
 За страхъ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.
 „Расколы и ереси науки суть дѣти,
 „Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
 „Приходить въ безбожіе, кто надъ книгой таеть.“ —
 Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и взды-
 хаеть.

И просить свята душа съ горькими слезами

¹⁾ Музы, представительницы наукъ и искусствъ.

Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
„Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ или слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, со страхомъ слушаая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библию честь стали;
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подаая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,¹⁾
Не прибѣшь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну
чаютъ,

Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали“¹⁾).

Силванъ другую вину наукамъ находить:

„Ученіе, говорить, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежь сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ мы живемъ нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должно ль о томъ тужить дворянину:
Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ то есть дѣло²⁾),
Знатнымъ полно подтверждать, иль отрицать смѣло.
Съ ума сошоль, кто души силу и предѣлы
Испытаеть; кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо онъ лѣпить горохъ въ стѣну.
Приростеть ли мнѣ съ того день къ жизни иль
въ ящикъ

Хотя грошъ? могу ль чрезъ то узнать, что при-
кащикъ,

Что дворецкій крадетъ въ годъ? Какъ прибавить
воду

Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннаго заводу?

(Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ
свойства;

Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;

¹⁾ Это—одна изъ пунктовъ программы Петра, вызывавшій сильное не-
удовольствіе противъ него въ духовенствѣ.

²⁾ Слово *подлый* въ XVIII в. означало: челоѣкъ низшаго сословія.

Можно знать различіе злата, сребра, мѣди;
Травъ, болѣзней знаніе — голы все то враки;
Глава ль болить? Тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всею въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Дать хочешь. Слабѣемъ ли — кровь тихо чрезъ мѣру
Течеть; если спѣшно — жарь въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводить,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входить.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,
Ни къ стати за однимъ ночь пятномъ не спать
цѣлу?

За любопытствомъ однимъ лишиться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы съ землею?
Въ часовникѣ можно честь на всякій день года
Число мѣсяца, и часъ солнечнаго восхода.
Землю въ четверти ¹⁾ дѣлить безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ, безъ алгебры счислимъ.
Силванъ одно знаніе слично людямъ хвалить,
Что учить множить доходъ и расходы малить;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не тол-
стѣеть,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать
смѣть.

Румяный, трюфли рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:
„Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ ли-
шуся?

Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны про-
водить;

И такъ она недолга, на что коротати,
Крушиться надъ книгою, и повреждать очи?
Не лучшели съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ божественный, много въ немъ провору;
Дружить людей, подаетъ поводъ къ разговору,

¹⁾ Старинная земельная мѣра (четь).

У. Дашковъ

И имъ же Θемись вѣски вѣрила златыя,¹⁾
 Мало любить, чуть не всё, истинну украсу.
 Епископомъ хочешь быть? уберися въ рясу,
 Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
 Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
 Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
 Ключу пышно повели везти предъ тобою,
 Въ каретѣ раздувшись, когда сердце съ гнѣву
 Трещить, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву.
 Долженъ архипастыремъ всякъ ты въ сихъ познати
 Знакахъ, благоговѣно отцемъ называти.²⁾

Что въ наукѣ? Что съ нея пользы церкви будетъ?
 Иной пиша проповѣдь, выпишь позабудетъ,
 Отъ чего доходамъ вредъ, а въ нихъ церкви права
 Лучшія основаны и вся церкви слава.

Хочешь ли судьею стать? Вздѣнь перукъ съ узлами,
 Брани того, кто просить съ пустыми руками,
 Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
 Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.

Если жъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
 Иль естественный законъ, иль народны права,
 Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околесну,
 Налагая на судей ту тягость несносну,

Что подъячимъ должно лѣзть на бумажны горы,
 А судѣ довольно знать крѣпить приговоры.

Къ намъ не дошло время то, въ коемъ председа
 Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
 Будучи способъ одна къ высшему восходу.

Златой вѣкъ до нашего не достигнулъ роду;
 Гордость, лѣнность, богатство, — мудрость одолѣло,
 Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.

Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходить,
 Судить за краснымъ сукномъ, смѣло полки водить.

Наука ободрана, въ доскутахъ обшита,
 Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,

Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
 Какъ страдавши на морѣ корабельной службы.

¹⁾ Судья.

²⁾ Примѣчаніе Кавтемира: характеръ епископа хотя съ неизвѣстнаго лица авторомъ описанъ, однако много сходства имѣеть съ Д*** (т.-е. Дашковымъ), который въ наружныхъ церемоніяхъ поставлялъ всю преосвященства должность, а существенную, которая есть душеспасительными поученіями и добродѣтели наставлялъ паство свое, презиралъ.

Всѣ кричать: никакой плодъ не виденъ съ науки;
 Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
 Коли кто карты мѣщать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
 Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
 Смыслить искусно прибрать въ своемъ платьѣ
 цвѣты,

Тому ужъ и въ самыя молодыя лѣты
 Всякая вышла степень — мзда уже не велика;
 Семи мудрецовъ себя достойнымъ мнить лика.
 Нѣтъ правды въ людяхъ, кричить безмозглый цер-
 ковникъ:

„Еще не епископъ я, а знаю часовникъ,
 „Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю,
 „Въ Златоустѣ не запиусь, хоть не разумѣю“.

Воинъ ропщеть, что своимъ полкомъ не владѣеть,
 Когда ужъ имя свое подписать умѣеть.

Писецъ тужить, за сукномъ что не сидитъ кра-
 снымъ,

Смысля дѣло набѣло списать письмомъ яснымъ.

Обидно себѣ быть мнить въ незнати старѣти,

Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти,

И двѣ тысячи дворовъ за собой считаетъ,

Хотя впрочемъ ни читать, ни писать не знаетъ.

Таковы слыша слова, и примѣры видя,

Молчи, уме, не скучай, въ незнати сидя,

Безстрашно того житье, хоть и тяжело мнится,

Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таясь.

Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,

Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая

Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую, — пользу наукъ

Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую:

2. НА ЗАВИСТЬ И ГОРДОСТЬ ДВОРЯНЪ ЗЛОПРАВНЫХЪ.

Предисловіе къ читателю.

(По начальной редакціи.)

Надѣюся, что между прочими читателями будутъ и такіе,
 которые лише прочтуть титулъ сатиры, возбунтуются на бѣд-
 наго сатирика „Чтоже?, скажутъ: ужъ враль сей мѣръ своихъ
 не знаетъ? Недовольно было того, что сначала хулилъ тѣхъ,
 которые до наукъ не охотники; теперъ еще безъ панцыря

наша жизнь — *русская* — 86 — *„Красношестопятый“* — *у Копей*

*еще, чтоб
срывать
отой
уездов
показ
узнать красн
три
моурусьво
мужика*

ихъ вопросъ, которымъ вѣдать желаютъ, кто меня судьбою поставилъ, отвѣтствую: что все, что я пишу — пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ. Не для того такую ревность въ себѣ показываю, якобы въ сожалѣніе я пришелъ, видя своего дворянства непорядочное житіе. Не буди того! Но предупредивъ злomu, то дѣлаю: столь бо гнусными и противными красками описавъ портретъ злонравнаго человека дворянина, всякій чаю, всѣми способами стараться станеть, чтобъ никое съ нимъ сходство не имѣлъ, отбѣгать всего того будетъ, что можетъ его подобна тому учинить. На послѣдокъ, желая изяснить мнѣніе мое о преимуществѣ благородства, предъявляю, что не только оно не презираю, но почитаю и хвалю, яко способъ преизрядный для побужденія къ добродѣтели: ибо мужества, благоразумія, ревности и вѣрности воздаяніемъ обыкло быть благородство. Рѣдко въ наши вѣки добродѣтель за внутреннюю ея самой красоту любятъ; коли добро дѣлаютъ — ждуть воздаянія, а когда не дѣлаютъ — боятся наказанія; для того имя благороднаго нужно и полезно, ибо такимъ (благородія именемъ) способомъ воздаяніе за добродѣтель продолжается отъ предковъ къ потомкамъ ихъ и отъ настоящихъ къ будущимъ вѣкамъ, и потому безпрестанно тою же дорогою тожъ себѣ проискивать и прочихъ ободраеть.

*писан
в поспуки
васъ м.
свѣтъ быль
вынужденію*

*у Копей
автом
сторф
въ м
те го
авте
во с
он
кент
убе*

ФИЛАРЕТЬ.

Что такъ смутень, дружокъ мой? Щеки внутри
опали,
Блѣдень, и глаза красны, какъ бы ночь не спали?
Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патриаршъ достати
Ища, конный свой заводъ раздарилъ не встати?¹⁾
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Плате носить, иль твоихъ слугъ целенать въ
злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, вина ль дорогова?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова;

*вмисли
убра
въ свои
сочет
вн
пересту*

¹⁾ Примѣчаніе Кантемира: „Извѣстно есть всѣмъ высокомыслие бывшаго архіепископа Р*** (т.-е. ростовскаго, Георгія Дашкова), который ничего такъ не желалъ, какъ быть главнымъ церкви российской, а для получения того чина много коней раздарилъ, которыхъ онъ имѣлъ изрядный заводъ; но по обыкновенію тѣхъ, которые высокаго ищутъ, того не доставъ, въ заточеніи жизнь проводить принужденъ былъ“ — Дашковъ въ 1731 г. былъ лишень сана и сосланъ въ монастырь.

Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ;
Ничто тебѣ не претить жить въ покоѣ многомъ.
Что жъ молчишь? Ужли твои уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь намъ другъ полезенъ въ

печали,

Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?

А, а! Дознаюсь я самъ, что тому причина:

Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Трифону лента дана, Туллій деревнями
Награжденъ; ты съ пышными презрѣнь именами.
Забыта крови твоей и слава и древность,
Предковъ къ общества добру многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ;

А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ полахъ соборныхъ.

ЕВГЕНІЙ.

Часть ты прямо отгадалъ. Хоть мнѣ не завидно,
Чувствую, сколь знатнымъ всѣмъ и стыдъ и обидно,
Что кто не всѣ еще стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, „сальныя“, крича, „ясно свѣчи
Горять!“; кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ на высокоу степень, вспрыгнувши, блистаетъ;
А благородство мое во мнѣ унываетъ
И не сильно принести мнѣ никакой польги.¹⁾
Знатны ужъ предки мои были въ царство Ольги.
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не
сидѣли,

Государства лучшими чинами владѣли.

Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу Родословную, записки приказны:

Съ прадѣдова прадѣда, чтобъ начать поближе,

Думнаго, намѣстника никто не былъ ниже;

Искусны въ миру, въ войнѣ разсудно и смѣло

Вершили ружьемъ, умомъ не одно тѣ дѣло.

Взгляни на пространныя стѣны нашей еалы,

Увидишь, какъ рвали строй, какъ ломали валы.

Въ судѣ чисты руки ихъ, помнишь челобитчикъ

Милость ихъ, и помнишь злу остуду обидчикъ.

¹⁾ Пользы. Кантемиръ указываетъ, что это—народная форма.

А батюшка ужъ всѣмъ верхъ; какъ его не стало,
Государство правое плечо съ нимъ отпало.
Когда, было, выѣдетъ, всякъ долой съ дороги,
И шапочку снявъ, ему головою въ ноги.
Всегда за нимъ выборна таскалася свита,
Что ни день, рано съ утра крестова¹⁾ набита
Тѣми, которыхъ теперъ народъ почитаетъ,
И отъ которыхъ нашъ братъ милость ожидаетъ.
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому кланялись съ полными руками!
И когда батюшка къ нимъ промолвить хотъ слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у инова
Потекли съ глазъ съ радости; иной не спокоенъ,
Всѣмъ наскучилъ, хвастая, что былъ онъ достоенъ
Съ временщикомъ говорить, и весь веселился
Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый явился.
Самъ ужъ суди, какъ легко мнѣ должно казаться,
Столь славны предки имѣвъ, забытымъ остаться,
Послѣднимъ видѣть себя, куда глазъ ни вскину?

ФИЛАРЕТЪ.

Слышалъ я важну твоей печали причину;
Позволь ужъ мнѣ мою мысль открыть и совѣты.
А вѣдай притомъ, что я лукавыхъ примѣты,
Лестъ, похлѣбство²⁾ не люблю: но сердце согласно
Съ языкомъ; что мыслить то, сей вымолвить ясно.
Благородство, будучи заслугъ мзда, я знаю,
Сколь важно, и много въ немъ пользы признаваю.
(Почестъ та къ добрымъ дѣламъ многихъ ободряетъ,
Когда награду въ себѣ вершенныхъ являетъ³⁾.)
Сыщешь въ людяхъ таковыхъ, которымъ не дивны
Куча золота, ни домъ огромный, ни льстивный
На пуху покой, ни жизнь, сколь бы ни прохладна;
Къ титламъ, къ славѣ до одной всяка душа жадна.)
Но тщетно имя оно⁴⁾ ничего собою
Не значить въ томъ, кто себѣ своею рукою
Не присвоить почестъ ту, добыту трудами
Предковъ своихъ. Грамота, плѣсню и червями

¹⁾ Крестовая палата, или образная, гдѣ цари и вельможи принимали по утрамъ доклады.

²⁾ Подслуживанье, потаканіе.

³⁾ Когда она—награда за свершенные дѣла.

⁴⁾ Это имя (т.-е. дворянство).

Изгрызена, знатныхъ насъ дѣтьми есть свидѣтель,
Благородными явить одна добродѣтель.
Презрѣвъ покой, снесъ ли ты самъ труды военны?
Разогналъ ли предъ собой враги уstraшенны?
Къ безопасности общества расширилъ ли власти
Нашей рубежъ? Судъ судя, забылъ ли ты страсти?
Облегчилъ ли тяжкія подати народу?
Приложилъ ли къ царскому что ни есть доходу?
Примѣромъ, словомъ твоимъ ободрены ль люди
Хоть мало очистить злыхъ нравовъ темны груди?
Иль, буде случай, младость въ то не допустила,
Есть ли показаться въ томъ впредь воля и сила?
Знаешь-ли чисто хранить и совѣсть и руки?
Бѣдныхъ жалки ли тебѣ слезы и докуки?
Не завистливъ, ласковъ, правъ, не гнѣвливъ, без-
злюбенъ,

Вѣришь ли, что всякъ тебѣ челоуѣкъ подобенъ?
Изрядно можешь сказать, что ты благороденъ,
Можешь счестся Ектору или Ахиллу сроденъ;
Іулій и Александръ, и всѣ мужи славны
Могутъ быть предки твои, лишь бы тебѣ нравны.
Ты самъ, праотцевъ твоихъ исчисляя славу,
Призналъ, что пала она и дѣламъ и нраву:¹⁾
Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, страхъ и
раны,

Инымъ въ морѣ недруги и валы попораны,
Иной правду вѣсилъ тихъ, бѣгая обиды;
Всѣхъ были различные достоинства виды.
Если бы ты имъ подражалъ, право бь могъ роптати,
Что за другими тебя и въ пару не знати.
Потричь на оселку²⁾, другъ, покажи въ чемъ славу
Крови собой, и твою жалобу быть праву³⁾.

Пѣль пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душою,
Грозно соплешь, пока дня пробѣгутъ двѣ доли.
Зѣвнулъ, растворилъ глаза, выспался до воли, —

¹⁾ Что она выпала на ихъ долю соотвѣтственно ихъ дѣламъ и нраву.

²⁾ На оселкѣ трутъ золото, чтобы испробовать его подлинность.

³⁾ Покажи на себѣ въ чемъ нибудь славу твоей крови и правоту твоей жалобы.

Тянешься ужъ часъ-другой, нѣжишься, сжидаѣ
Пойло, что плетъ Индія, или везутъ съ Китая.
Изъ постели къ зеркалу однимъ прыгнешь скокомъ;
Тамъ ужъ, въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину.
Часть надъ лоскимъ лбомъ торчатъ будутъ сановиты,
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
Свободно станеть играть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ, новой Нарцисъ, жадно
Плотаешь очми себя; нога жметъ ся складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ съ слуги валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится:
Избить полъ, и подъ башмакъ стѣрто много мѣлу.
Деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу¹⁾.
Не столько стало народъ римляновъ пристойно
Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и стройно
Спать кафтанъ по правиламъ щегольства и моды:
Пора, мѣсто, и твои разсмотрѣны годы,
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ, тебѣ
въ образѣ²⁾,
Нѣжду зеленъ въ городѣ не досажалъ глазу,
Чтобъ бархатъ не отягчалъ въ лѣтнюю пору тѣло,
Чтобъ тафта не хвастала среди зимы смѣло;
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,
Какъ искусные попы всякого дня звоны.
Долголѣтняго пути въ краяхъ чужестранныхъ,
Издивеній и трудовъ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнесъ. Ущербя пожитки,
Понялъ, что фалды должны тверды быть, не жидки,
Въ полъ-аршина глубоки и ситой³⁾ подшиты;
Согнувъ кафтанъ не были бъ станомъ всѣ покрыты;
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уста-
вить;
Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа прибавить;
Въ лѣто или осенью, въ зиму и весною
Какую парчу подбить пристойно какою,
Что приличнѣе нашить, серебро или злато, —

¹⁾ Кафтанъ, который цѣной равняется цѣлой деревнѣ.

²⁾ Досада, огорченіе.

³⁾ Накрахмаленная марля.

И Рексу лучше тебя знать ужь трудновато.
Въ обѣдѣ и на ужинѣ частенько двоится
Свѣча въ глазахъ; часто полъ подь тобой вертится,
И обжирство тебѣ въ ротъ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзей тебя окружаетъ,
И глoday до костей самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу, и въ тебѣ хвалить разумъ спѣлый.
Сладко щекотять тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздутымъ поднять пузыремъ, чаешь, что подь плечи
Не дойдеть тебѣ людей все прочее племя.
Оглянись, намѣстниковъ царскихъ чисто сѣмя:
Тотъ же полкъ, лишь съ глазъ твоихъ, тебѣ ужь
смѣется;

Скоро станеть и въ глаза; притворство минеться,
Какъ скоро сойдуть твоихъ пожитковъ остатки.
(Боюсь я усть, что въ лицо точать слова сладки.)
Ты самъ неотступно то время ускоряешь,
Изъ рукъ ты нестрыхъ пучки бумагъ¹⁾ не спускаешь,
И мечешь горстью твоихъ мозольми и потомъ
Предковъ скоплено добро! Деревня со скотомъ
Не первая ужь пошла въ бережную руку
Того, кто мало предь симъ кормилса отъ стугу
Молота по жаркому въ кузницѣ желѣзу...
Исправь себя, и тогда жди, дружокъ, награду;
По тѣхъ поръ забытымъ быть не считай въ досаду:
Пороки, кои теперь прикрываютъ тѣни
Стѣнъ твоихъ, укрыть нельзя на вышшей степени.
Чисть быть долженъ, кто туды, не поблѣднѣвъ,
всходитъ,

Куды зоркіе глаза весь народъ наводитъ...
Еще бь можно извинить, если знатный тужить,
Видя, что счастье во всемъ слѣпо тому служить,
Кого сколько темень родъ, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры, ни въ людяхъ пріятны:
Но когда противное видитъ въ челоуѣкѣ,
Веселиться долженъ ужь, что есть въ его вѣкѣ
Мужъ таковъ, кой добрыми родъ свой возвышаетъ
Дѣлами, и полезень всѣмъ быть начинаетъ.
Что жъ въ Дамонѣ, въ Трифонѣ и Туллиѣ гнусно,
Что, какъ награждаютъ ихъ, тебѣ на смерть грустно?

¹⁾ Карты.

Благонравны тѣ, умны, вѣрность ихъ не мала;
 Слава наша съ трудовъ ихъ нѣчто воспріяла.
 Правда, въ царство Ольгино предковъ ихъ не знали,
 Думнымъ и намѣстникомъ дѣды не бывали,
 И дворянства старостью считаться съ тобою
 Имъ нельзя; да что съ того? Они вѣдь собою
 Начинають знатный родъ, какъ твой родъ начали
 Твои предки, когда Русь греки крестить стали.
 И твой родъ не все таковъ былъ, какъ потомъ
 стался,
 Но первый съ предковъ твоихъ, что дворянинъ
 звался,
 Имѣлъ отца славою гораздо поуже,
 Какъ въ Трифонъ, Туллій былъ, или и поуже.
 Адамъ дворянъ не родиль, но одно съ двухъ чадо
 Его садъ копаль, другой пасъ блеюще стадо.
 Ной въ ковчегъ съ собою спасъ все себѣ равныхъ,
 Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ:
 Отъ нихъ мы всѣ сплошь пошли, одинъ поранѣе
 Оставя дудку, соху, другой допозднѣе.

*Анакреонъ
нашъ сатирикъ*

3. пѣсня.

(въ подражаніе Анакреону).

Пріятныя благодати!)
 Танцы вы водя подъ дровомъ,
 Двигайте ноги легонько,
 Велите играть тихонько,
 Или, далѣе отшедши,
 Пріятныя благодати,
 Танцы вы свои водите:
 Любимица моя близко
 Спocиваетъ тутъ подъ дровомъ.
 Взбудить ее берегитесь:
 Когда взглянуть тыя очи,
 Уже будутъ ничто ваши;
 Ужъ вамъ, красны благодати,¹
 Не похочется плясати.

*Историческое
описание въ
Синодальныхъ
книгахъ.*

*во влюбленіи
красивыя лица*

*Синодальные
книжки
Синод.*

¹) Анакреонъ обращается къ Харитамъ (граціямъ). Пѣсенка интересна по легкому языку и какъ очень удачная для того времени попытка передать греческое стихотвореніе бѣлымъ стихомъ.

12. В. К. Тредьяковскій.

Значеніе В. К. Тредьяковскаго въ исторіи русской литературы было установлено далеко не сразу. Положительныя его достоинства: его знанія въ области словесныхъ наукъ, прекрасное знакомство съ нѣсколькими языками, польза переводческой дѣятельности, наконецъ, его главная заслуга — установленіе тоническаго стиха на основѣ народныхъ русскихъ пѣсенъ — все это еще при жизни Тредьяковскаго было непризнано и заслонено блестящей дѣятельностью его болѣе талантливыхъ современниковъ, Ломоносова и Сумарокова. Мелкость его личнаго характера и, какъ это ни странно, рядъ униженій, выпавшій на его долю въ тотъ грубый вѣкъ, окончательно содѣйствовали тому, что уже въ 18 вѣкѣ имя этого полезнаго труженика стало синонимомъ презрительной бездарности, а его сочиненія предметомъ насмѣшки. Лишь съ половины прошлаго столѣтія обратили вниманіе, что у Тредьяковскаго было солидное литературное образованіе и въ сочиненіяхъ его есть рядъ здравыхъ мыслей и вѣрныхъ теоретическихъ взглядовъ на языкъ и литературу. Одного не могла открыть въ его литературной дѣятельности внимательная и доброжелательная критика — изящнаго вкуса и поэтическаго таланта.

Она признала однако его задачу — создать изящный поэтическій русскій стихъ и языкъ — настолько трудной для того времени, что это не удалось въ сколько-нибудь полной мѣрѣ никому изъ его современниковъ. Стихи Тредьяковскаго иногда не хуже Ломоносовскихъ и Сумароковскихъ, хотя сказать правду, чаще уступаютъ имъ. Во всякомъ случаѣ они имѣютъ въ исторіи нашей поэзіи извѣстное значеніе, какъ первый лепетъ новой русской музыки. Тредьяковскій воспиталъ свой литературный вкусъ на французской поэзіи; съ тѣхъ поръ какъ онъ юношей пожилъ въ Парижѣ и его восхитило „красное мѣсто, драгій берегъ Сенскій“, онъ на всю жизнь поставилъ себѣ за образецъ торжественную пышность ложно классической оды и поэмы — съ одной стороны — и галантность французской лирики — съ другой. Сложными формами мелкой лирики — мадригала, триолета, сонета и т. п. — онъ владѣлъ, пожалуй, лучше, чѣмъ кто-либо въ его время, а такихъ гладкихъ и звучныхъ французскихъ стиховъ, какіе писалъ онъ, конечно, тогда не могъ сочинить никто. Но Тредьяковскому было не по силамъ пролагать новые пути, что было тогда необходимо; будь къ его услугамъ готовый, обработанный языкъ, онъ сталъ бы замѣтнымъ второстепеннымъ писателемъ. Его несчастіе въ томъ, что всѣ его склонности и вкусы лежали именно въ области литературной формы, для которой ему было такъ мало отпущено таланта; а содержаніе, идейная сторона поэзіи всегда составляла самую слабую его сторону. Онъ не имѣлъ того горячаго, нервнаго отношенія къ живой дѣйствительности, которое даетъ иногда извѣстную силу сатирѣ Сумарокова и нѣкоторую живость движенію чувствъ въ его драмахъ, еще менѣе способенъ былъ онъ подняться на высоту патріотическаго и общественнаго одушевленія, какимъ дышала нерѣдко

серіозная лира Ломоносова. Тредьяковскому нечѣмъ было возмѣстить неловкую, грубоватую форму своихъ произведеній, и онъ не могъ имѣть успѣха, но его старательное исканіе формы и вѣчныя заботы о ней не должны быть забыты, потому что тогда эти вопросы формы были насущной потребностью нашей молодой литературы. Здѣсь даны образцы разнообразныхъ стихотвореній Тредьяковского, отъ почти совершенныхъ силлабическихъ (первыя два) до правильныхъ тоническихъ.

1. Пѣсенка, которую я сочинилъ еще будучи въ Московскихъ школахъ на мой выѣздъ въ чужія края.

Весна катить, зима валить, и ужь листикъ съ дровомъ шумить.
Весна катить,
Зиму валить,
И ужь листикъ съ дровомъ шумить.
Поютъ птички
Со синички,
Хвостомъ машутъ и лисички.

* * *

Взрты броды,
Цвѣтутъ грозды,
Кличеть щегликъ, свищутъ дрозды;
Льются воды,
И погоды;
Да вѣть знатны намъ походы.

* * *

Конать рвется,
Якаръ бьется,
Знать, корабликъ понесется.
Нужь, плынь спѣшно,
Не помѣшно,
Плыви смѣло, то успѣшно.

* * *

Ахъ! широки
И глубоки
Воды морски, разбьютъ боки!
Вось заставятъ,
Не оставятъ
Добры вѣтры и приставятъ¹⁾.

1) Смысль послѣднихъ трехъ строкъ повидимому таковъ: высказавъ страхъ свой передъ ожидающимъ его морскимъ путешествіемъ, онъ выражаетъ надежду, что авось (=вось) на выручку явятся попутные вѣтры, которые благополучно и „приставятъ“ его къ пристани.

2. Описание грозы, бывшія въ Гагѣ.

Съ одной страны громъ,
Съ другой страны громъ,
Смутно въ воздухъ!
Ужасно въ ухъ!
Набѣгли тучи,
Воду несучи,
Небо закрыли,
Въ страхъ помутили:

Мит

*Соборъ...
...
...
...
...
...*

* * *

Молніи сверкають,
Страхомъ поражаютъ,
Трескъ въ лѣсу съ Перуна,
И темнѣеть луна,
Вихри бѣгутъ съ прахомъ,
Полоса рветъ махомъ,
Страшно режутъ воды
Отъ той непогоды.

* * *

Ночь наступила,
День измѣнила,
Сердце упало:
Все зло настало!
Пролилъ дождь въ крышки,
Трясутся вышки,
Сыплются грады,
Бьютъ вертограды.

* * *

Всѣ животны рыщутъ,
Покоя не сыщутъ,
Бьютъ себя въ груди
Виноваты люди,
Бояся напасти,
И чтобъ не пропасти.
Руки воздѣваютъ,
На небо глашаютъ.

* * *

О, солнце красно!
Стань опять ясно,
Разжени тучи,
Слезы горячи,

Столкай перемѣну
Отсель за Вѣну,
Дхнутъ бы зефіромъ
Съ тишайшимъ миромъ!

* * *

А вы, Аквилоны,
Будьте какъ и оны;
Лютость отложите,
Только прохладите.
Побѣги, вся злоба,
До вѣчнаго гроба:
Дни намъ надо красны,
Пріятны и ясны¹⁾.

3. Нѣсколько штукъ, сочиненныхъ строфами
о разныхъ матеріяхъ.

ВЕШНЕЕ ТЕПЛО (ода).

Весна румяная предстала!
Возникла юность на поляхъ;
Весна тьму зимню облистала,
Красуйся все, что на земляхъ:
Ужъ по хребтамъ холмисты горы
Предъ наши представляютъ взоры
Не бѣлый, съ сыри²⁾ падшій снѣгъ,
Но зелень изъ среды прозябшу,
А соковъ нову силу взявшу;
Раскованъ ледъ на быстрый бѣгъ.
Се ластовица щебетлива
Соглядуема всѣми есть;
О, птичка свойства особлива!
Ты о веснѣ даешь намъ вѣсть,
Какъ вокругъ жилищъ паря поспѣшно,
Ту воспѣваешь толь утѣшно;

¹⁾ Это — одна изъ тѣхъ пьесъ, по поводу которыхъ Тредьяковскій писалъ въ своемъ трактатѣ о стихотворствѣ, что вернувшись изъ заграницы, онъ „по молодости и по французскому духу началъ себя производить въ обществѣ нѣкоторыми стишками“. „Но, — добавляетъ онъ — по сочиненіи чегонибудь на какую свою пѣсу (= пьесу) ни посмотрю, вижу, что она не состоитъ стихами, выключая риму, но точно странными нѣкакими прозаическими строчками. На послѣдокъ выразумѣлъ сему быть отъ того, что въ нихъ не было никакова, по равнымъ разстояніямъ измѣреннаго, слоговъ количества“... Таковъ былъ первый толчокъ къ теоріи тоническаго стиха.

²⁾ Сырь = небо, воздухъ.

Мы, домъ слѣпляюще себѣ,
 Изъ крупинъ, не въ единъ слой, глинки,
 И пролагающе былинки,
 Въ восторгѣ зримъ, дивясь тебѣ.

*Груди твои
 Какъ мушкетеры
 Сошлись воедино
 Изъ пороховъ
 Какъ мессажеры
 Преславно вдали
 Обширно и т.*

ИДИЛИЯ.

НИССА.

На травкѣ Тирсѣ одинъ въ лачушкѣ
 Тогда лежалъ,
 Какъ разсуждалъ
 О Ниссѣ тамъ пастушкѣ:
 „Ея въ селѣ
 У насъ краснае,
 И на землѣ
 Нѣтъ, чай, умняе“;
 Въ себѣ сказалъ.
 „Ей въ славу буду на гудочкѣ
 За тѣмъ играть,
 И прибирать
 Въ двойной слова хвалѣ строчкѣ:
 Чтобъ ею здѣсь
 Мнѣ отдавался
 Лѣсочикъ весь;
 Черезъ то бѣ казался
 Ея жѣ взывать.
 Поставлю имя по обѣту
 Въ разныхъ цвѣтахъ
 На всѣхъ древахъ,
 Которыхъ краше нѣту:
 Пускай на нихъ
 То всѣ читаютъ
 Въ гульбищахъ сихъ
 И ту желаютъ
 Имѣть въ глазахъ.
 Пушечку лехче та летаетъ,
 Танцуетъ въ ладъ;
 Всякъ видѣть радъ
 Ту видя лишь узнаетъ:
 Ужъ дива нѣтъ

*Сказаніе
 о пастушкѣ
 и о красавицѣ
 и о хорошихъ
 цвѣтахъ
 и о гудочкѣ*

*Груди твои
 Какъ мушкетеры
 Сошлись воедино
 Изъ пороховъ
 Какъ мессажеры
 Преславно вдали
 Обширно и т.*

Ни въ соловейкѣ,
Когда поеть,
Въ своей семейкѣ,
Намъ Нисса складъ.

4. ТЕЛЕМАХИДА ¹⁾.

Книга первая.

Перечень. Телемахъ, препровождаемый Палладою, подь образомъ Менторовымъ, пристаесть по разбитіи корабля своего къ острову богини Калупсы, печалившіяся еще объ отшествіи Одиссеевъ; богиня воспріемлетъ его благосклонно, разгорается страстію къ нему, принося ему безсмертіе, и вопрошаесть того объ его приключеніяхъ. Онъ доноситъ ей повѣствованіемъ о путешествіи своемъ въ островъ Цулонъ и въ Лакедемонъ; о разбіеніи корабля своего при берегахъ Сикелійскихъ; о бѣдствіи, что едва не закланъ въ жертву тѣнямъ Анхісіевымъ; о помощи, какову Менторъ и онъ подали Аkestію во время нашествія варварскаго; и о благодарности сего Царя за ихъ услугу дарованіемъ имъ Турійскаго судна на возвращеніе въ страну природну.

Древня размѣра Стихомъ пою Отцелюбнаго сына,
Кой, отъ природныхъ береговъ поплывъ и странствуя долго,
Былъ провождаемъ вездѣ Палладою ²⁾ Ментора въ видѣ.
Многожъ коль ни-страдалъ отъ гнѣвныя онъ Афродиты ³⁾,
За любострастныхъ сея утѣхъ презоръ съ омерзѣньми;
Но прикровенна Премудрость съ нимъ отъ всѣхъ бѣдъ
избавляла,

И возвратившуся въ домъ даровала Рождшаго видѣть.
Странно ль, быть Добродѣтели такъ увѣнчанной успѣхомъ?
Муса! повѣждь и вину, и конецъ путешествій Сыновскихъ,
Купно, въ премѣнѣ царствъ и людей, приключенія разны;
Рцы, коль безъ кротости юноша пыщъ ⁴⁾, безъ скромности
дерзокъ;

¹⁾ Нравоучительная повѣсть Фенелона о приключеніяхъ Одиссеева сына Телемаха въ поискахъ за отцомъ пользовалась во всей Европѣ большою извѣстностью до начала XIX вѣка. Тредьяковскій задумалъ переложить ее съ французской прозы на русскіе стихи. Выборъ самаго произведенія, а также рѣшеніе переложить его именно на гекзаметръ — все это дѣлаетъ честь вкусу и литературному чутью переводчика; но, конечно, его таланта не хвалили на то, чтобы создать легкій и свободный русскій гекзаметръ. И не мудрено: это не удалось и Гнѣдичу, уже въ XIX вѣкѣ.

²⁾ Минерва. (Всѣ примѣчанія къ отрывку изъ Телемахида принадлежатъ Тредьяковскому.)

³⁾ Венера.

⁴⁾ Причина.

⁵⁾ Дутикъ.

Безъ направленій стремглавъ, чуждъ искусства безъ на-
выковъ дѣльныхъ;
Внѣ постоянства превратень¹⁾, и твердости внѣ легкомы-
слень;
Коль есть медленъ ко Благу, творить Зло, Игру тшу,
пристрастенъ;
Чаять всего отъ себя, но безъ помощи рѣяться²⁾ въ бездны.
Всежъ и сіе, и то, украси Примышленій убранствомъ.
А воскриляя сама, утверди парить за-Омиромъ;
Слогъ Одуссіа³⁾ веди Стопой въ Фенелоновъ слогъ.
Я не сравниться хочу прославленнымъ столь Стихопѣв-
цамъ;
Слуху Россійскому тѣнь подобія токмо представлю;
Да громогласныхъ въ Насъ изощрю достигать совершенства.

13. М. В. Ломоносовъ.

Литературное значеніе Ломоносова создано было прежде всего его поэтической дѣятельностью. Хотя онъ не былъ поэтомъ по призванію и въ силѣ художественнаго творчества уступалъ, напр., Державину, но его литературное первенство признавалось почти безспорно очень долгое время: въ 30-хъ годахъ XIX вѣка профессоръ Московскаго университета Мерзляковъ съ кафедрой еще восторгался его поэзіей. Пушкинъ одинъ изъ первыхъ, а затѣмъ Бѣлинскій, ограничили права Ломоносова на поэтическую славу довольно скромными предѣлами и указали другую, гораздо болѣе важную сторону его значенія — созданіе литературнаго языка. Позднѣйшее изученіе Ломоносова въ главномъ и существенномъ подтвердило взгляды Пушкина и Бѣлинскаго. Ломоносовъ не былъ рожденъ поэтомъ. Его оды писаны по ложноклассическимъ образцамъ и правиламъ, часто холодны и риторичны, привычный шаблонъ слышится въ нихъ гораздо чаще, чѣмъ искренній голосъ сердца и вдохновенія. Тѣмъ не менѣе его лирика имѣетъ большое значеніе, и вкусъ нѣсколькихъ поколѣній, восхищавшихся ею, не былъ ложнымъ. Русская поэзія въ стихахъ Ломоносова впервые нашла стройные звуки для выраженія многихъ серьезныхъ и важныхъ настроеній; ясный, мужественный языкъ, звучный и сильный стихъ соединялись здѣсь нерѣдко съ благородными, возвышенными чувствами, касавшимися религіи, природы, науки, просвѣщенія, общаго блага; иногда

1) Вертушка.

2) Порываться.

3) Оморова піяма объ Улуссѣ.

сюда присоединялось и обаяніе искренняго воодушевленія. Наконецъ, Ломоносовъ писалъ не одни торжественныя оды; забавная шутка, эпиграмма и сатира съ общественнымъ значеніемъ, простая, легко и непринужденно рассказанная басня, переводы анакреонтическихъ стихотвореній — во всѣхъ этихъ пробахъ и образчикахъ разнообразныхъ поэтическихъ формъ русскій языкъ подъ перомъ Ломоносова впервые показалъ такую гибкость, свободу и легкость, которыя надолго должны были стать примѣромъ и образцомъ для подражанія.

Помѣщенный ниже выборъ стихотвореній Ломоносова имѣетъ цѣлью показать именно разнообразіе его поэтической дѣятельности и богатство его рѣчи; эти свойства остаются незамѣченными, если ограничить знакомство съ Ломоносовымъ его торжественными одами.

Помимо этой литературной стороны предложенный выборъ даетъ возможность познакомиться съ особенностями личности Ломоносова и съ его воззрѣніями. Последней цѣли служатъ также выдержки изъ писемъ. Наконецъ, помѣщенная главная часть разсужденія „О пользѣ книгъ церковныхъ“ раскрываетъ теоретическія основы главнаго дѣла Ломоносова — преобразованія литетурнаго языка.

Другая, не менѣе важная заслуга „отца русской литературы“ — установленіе въ русскомъ обществѣ высокаго авторитета европейскаго просвѣщенія и работа надъ приложеніемъ этого просвѣщенія къ нуждамъ русской жизни, однимъ словомъ, общественно-просвѣтительная сторона дѣятельности Ломоносова, за которую Пушкинъ назвалъ его „первымъ русскимъ университетомъ“, не подлежитъ здѣсь подробному выясненію, но извѣстный матеріалъ и для нея можетъ представить данный ниже выборъ.

1. НА ТУЕСОКЪ¹⁾.

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетѣвши сѣли,
Въ радости загѣли.
Едва стали ясти,
Попали въ напасти,
Увязли бо ноги;
Ахъ, плачутъ убоги:
Меду полизали,
А сами пропали.

---

¹⁾ Эти стихи написаны Ломоносовымъ еще въ школѣ. Туесь, туесокъ — берестовый буракъ, общеупотребительная на сѣверѣ Россіи посуда для воды, молока и т. п. Ломоносовъ далъ здѣсь живую картинку съ натуры: къ туеску съ медомъ прилетѣли мухи и жужжать, стараясь освободиться.

2. ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ, ПРИ СЛУЧАѢ ВЕЛИКАГО СЪВЕРНАГО СІЯНІЯ.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна, звѣздъ полна; —
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мыслями утомленъ.

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ,
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы божества.
Тамъ равна сила естества.

Но гдѣ-жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря¹⁾;
Не солнце-ль ставить тамъ свой тронъ?
Не льдисты-ль мещуть огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!

О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ!
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ —
Скажите, что насъ такъ мятеть?

Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разить?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождать пожаръ?

¹⁾ Сѣверное сіяніе.

Тамъ спорить жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верхи горятъ,
Иль въ морѣ дуть престаль зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ эфиръ.

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите-жь, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите-жь, коль великъ Творецъ!

3. ОДА ВОСЬМАЯ.

На день восшествія на престолъ Императрицы
Елисаветы Петровны (1747 г.).

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сель, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Держаютъ въ море за тобою,
Ты сыпlesh щедрою рукою
Свое богатство по земли.
Великое свѣтило міру,
Блестая съ вѣчной высоты,
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ,
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ той всего превыше,
Душа ея зефира тиге,
И зракъ прекраснѣе рая.
Когда на тронъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ,
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;

Тебя, пріявь, облобызала,
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я россювъ счастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.

4 Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархия, сей кроткій гласъ:

О, коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!

Когда ты крестъ несла рукою
И на престоль взвела съ собою
Добротъ твоихъ прекрасный ликъ!

6 Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія твоихъ похвалъ.

Твои щедроты ободряють
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляють,
Какъ въ понть пловца способный вѣтръ
Черезъ яры волны порываеть:

Онъ берегъ съ весельемъ оставляетъ,
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.

6 Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.

Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай, вселенна:
Се хочетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.

4 Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка:

Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію варварствомъ погранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на російскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣплена
И зданіями окруженна
Сомнѣнная¹⁾ Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?

Тогда божественны науки
Черезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки,
Къ сему Монарху, говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ російскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

Но, ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачъ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ²⁾ рыданій нашихъ слухъ,
Верхи Парнасски возстали,
И музы воплемъ проводжали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.

Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался путь;
И токмо, шествуя, желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,

¹⁾ Недоумѣвающая.
²⁾ Вявь.

Приемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, еслибъ жизнь ея продлилась,
Давно бѣ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!

12) Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнасъ?
О, коль согласно тамъ бряцаетъ
Приятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики;
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство музъ усугубляетъ
И къ счастью отверзаетъ дверь.

13) Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

14) Сія¹⁾ тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ,
Пространная твоя держава,
О, какъ тебя благодарить!
Возри на горы превысоки,
Возри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтеть.

15) Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія,
Но требуетъ къ тому Россія

¹⁾ Другая слава, не военная, а мирная.

Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.

Сіе¹⁾ злату очистить жилу,

Почувствуютъ и камни силу

Тобой возставленныхъ наукъ.

Хотя всегдашними снѣгами

Покрыта сѣверна страна,

Гдѣ мерзлыми борей крылами

Твои взвѣваетъ знамена;

Но Богъ межъ льдистыми горами

Великъ своими чудесами:

Тамъ Лена чистой быстриной,

Какъ Нилъ, народы напоетъ,

И бреги наконецъ теряетъ,

Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертнымъ неизвѣстны

Творить натура чудеса,

Гдѣ густостью животнымъ тѣсны

Стоять глубокіе лѣса,

Гдѣ въ роскоши прохладныхъ сѣней

На паствѣ скачущихъ еленей

Ловящихъ крикъ не разгонялъ;

Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;

Сѣкирнымъ земледѣлецъ стучомъ

Поющихъ птицъ не устрошалъ.

Широкое открыто поле,

Гдѣ музамъ путь свой простирать!

Твоей великодушной волѣ

Что можемъ за сіе воздать?

Мы даръ твой до небесъ прославимъ

И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,

Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ

Въ зеленыхъ берегахъ крутится,

Желая паки возвратиться

Въ твою державу отъ Манжуръ.

Се мрачной вѣчности запону²⁾

Надежда отверзаетъ намъ!

Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,

Премудрость тамо зиждетъ храмъ;

¹⁾ Искусство.

²⁾ Завѣсу. — Въ этомъ мѣстѣ оды передъ нами вскрываются завѣтныя надежды Ломоносова. Онъ мечталъ о морскихъ экспедиціяхъ въ Великій Океанъ, объ открытіяхъ и русскихъ колоніяхъ въ Полинезіи.

Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажная стезя бѣлѣетъ
На востокъ плывущихъ кораблей:
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Сказать о щедрости твоей.

20 Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкъ подобенъ океанъ;
Небесной синевою одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаюсь въ рощахъ ароматныхъ
И плаваю въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строга я зимы.

21 И се Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски копьемъ¹⁾,
Сребро и золото истекаетъ
Во всемъ наслѣдїи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеска дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.

22 VI О, вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветь отъ странъ чужихъ!
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ, ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

23 Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;

¹⁾ Рифейски верхи — Уральскія горы. Рѣчь идетъ о разработкѣ горныхъ богатствъ; вскрываетъ ихъ Минерва (Афина), какъ богиня мудрости, знанія.

Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ;
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.
Тебѣ, о милости источникъ,
О, Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ тебя возстать войною.
Тебя Зиждитель сохранить
Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну
И жизнь твою благословенну
Съ числомъ щедротъ твоихъ сравнить.

разговоръ и шепотъ

4. КЪ ПАХОМЮ.

Обличительный характеръ.

Пахомій говорить, что для святаго слова
Риторика ничто; лишь совѣсть будь готова.
Ты будешь казнодѣй¹⁾, лишь только стань попомъ
И стыдъ весь отложи. Однако врешь, Пахомъ.
На что риторику совѣмъ пренебрегаешь?
Ее лишь ты одну, и то худенько знаешь.
Василій, Златоустъ, церковные столпы,
Учились долѣе, чѣмъ нынѣшни попы,
Гомера, Пиндара, Демосоеена читали
И проповѣдь свою ихъ штилемъ предлагали,
Натуру, общую всѣмъ прочимъ тварямъ мать,
Небесъ, земли, морей старались испытать,
Дабы Творца чрезъ то по мѣрѣ силъ постигнуть
И важностью вещей сердца людски подвигнуть;
Не ставили за стыдъ изъ басенъ выбирать,
Чтобъ къ праведнымъ дѣламъ возможно преклонять.
Ты словомъ Божиимъ незнанье закрываешь
И больше тѣхъ мужей у насъ быть уповаешь;
Ты думаешь, Пахомъ, что ты ужъ Златоустъ!
Но мы увѣрены о томъ, что мозгъ твой пустъ.

¹⁾ Проповѣдникъ.

Намъ слово Божіе чувствительно, любезно
И лишь во рту твоёмъ безсильно, бесполезно.
Нравоученіемъ преславный Телемакъ¹⁾
Стократъ полезнѣ твоихъ нескладныхъ вракъ.

5. КУЗНЕЧИКЪ²⁾.

(Изъ Анакреона.)

Кузнечикъ дорогой, сколь много ты блаженъ,
Сколь больше предъ людьми ты счастьемъ одаренъ!
Препровождаешь жизнь межъ мягкой травою,
И наслаждаешься медвяною росой.
Хотя у многихъ ты въ глазахъ презрѣнна тварь,
Но въ самой истинѣ ты передъ нами царь;
Ты Ангель во плоти, иль лучше — ты безплотенъ!
Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ,
Что видишь, все твое; вездѣ въ своемъ дому,
Не просишь ни о чемъ, не долженъ никому.

6. О ДВИЖЕНІИ ЗЕМЛИ.

Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру
И спорили весьма между собой въ жару.
Одинъ твердилъ: земля вертятся вокругъ солнца хо-
дить,
Другой, что солнце всѣ съ собой планеты водить.
Одиль Коперникъ былъ, другой былъ Птоломей.
Тутъ поварь споръ рѣшилъ усмѣшкой своей.
Хозяинъ спрашивалъ: ты звѣздъ теченье знаешь?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣнья рассуждаешь?
Онъ далъ такой отвѣтъ: что въ томъ Коперникъ
правъ,
Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ:
Кто видѣлъ простака изъ поваровъ такого,
Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркого?

¹⁾ Т.-в. „Телемакъ“, соч. Фенелона.

²⁾ Примѣчаніе Ломоносова: „Стихи сочиненные на дорогѣ въ Петергофъ, когда сочинитель въ 1761 году ѣхалъ просить о подписаніи привилегіи для Академіи, бывъ много разъ прежде за тѣмъ же“.

7. ОТРЫВКИ ИЗЪ „ГИМНА БОРОДЪ“.

Не роскошной я Венера,
Не уродливой Химера
Въ гимнахъ жертву воздаю:
Я похвальну пѣснь пою
Волосамъ отъ всѣхъ почтеннымъ,
По груди распространеннымъ,
Что подъ старость нашихъ лѣтъ
Уважають нашъ совѣтъ.

О, сколько въ свѣтѣ ты блаженна,
Борода — глазамъ замѣна!
Люди обще говорятъ
И по правдѣ то твердятъ:
Дураки, ввали, пролазы
Были бы безъ ней безглазы:
Имъ въ глаза плевалъ бы всякъ;
Ею цѣль и здравъ ихъ зракъ.

Борода въ казну доходы¹⁾
Умножаетъ по вся годы:
Керженцамъ²⁾ любезный братъ
Съ радостью двойной окладъ
Въ сборъ за оную приносить
И съ поклономъ низкимъ просить
Въ вѣчный пропустить покой
Безголовыхъ съ бородой.

Если кто невзраченъ тѣломъ,
Или въ разумѣ незрѣломъ,
Или въ скудости рожденъ,
Либо чиномъ не почтенъ, —
Будеть взраченъ и разсуденъ,
Знатенъ чиномъ и не скуденъ
Для великой бороды.
Таковы ея плоды!

¹⁾ Раскольники должны были платить пошлину на право ношенія бороды.

²⁾ Такъ Ломоносовъ называетъ раскольниковъ, потому что ими былъ наполненъ весь край по рѣкѣ Керженцу (притокъ Волги въ Нижегородской губ.).

О, прикраса золотая,
О, прикраса дорогая,
Мать дородства и умовъ,
Мать достатка и чиновъ,
Корень дѣйствій невозможныхъ,
О, завѣса мнѣній ложныхъ!
Чѣмъ могу тебя почтить,
Чѣмъ заслуги заплатить?

Черезъ многіе расчесы
Заплету тебя я въ косы,
И всю хитрость покажу,
По всѣмъ модамъ наряжу;
Черезъ разныя затѣи
Завивать хочу тупеи.
Дайте ленты, кошельки
И крупичатой муки!

Ахъ, куда съ добромъ дѣваться?
Всѣ уборы не вмѣстятся:
Для ихъ многого числа
Борода не доросла.
Я крестьянамъ подражаю
И какъ пашню удобряю!
Борода, теперь прости,
Въ жирной влажности расти!

8. БАСНЯ.

Лишь только дневный шумъ замолкъ,
Надѣлъ пастушье платье волкъ
И взялъ пастушій посохъ въ лапу,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ,
На уши вдѣлъ широку шляпу,
И крался тихо сквозь лѣсокъ
На ужинъ для добычи къ стаду.
Увидѣлъ тамъ, что жучка спитъ,
Обнявъ пастушку, Фирсъ храпитъ,
И овцы всѣ лежали сряду.
Онъ могъ изъ нихъ любую взять,
Но, не довольствуясь уборомъ,

Хотѣль прикрасить разговоромъ
И именемъ овецъ назвать.
Однако чуть лишь пасть разинуль,
Раздался въ роцѣ волчій вой,
Пастухъ свой сладкій сонъ покинулъ,
И жучка бросился съ нимъ въ бой:
Одинъ дубиной гостя встрѣтилъ,
Другой за горло ухватилъ.
Тутъ поздно бѣдный волкъ примѣтилъ,
Что черезчуръ перемудрилъ,
Въ полахъ и въ рукавахъ связался.
И волчьимъ голосомъ сказался,
Но Фирсъ не долго размышлялъ,
Уборъ съ него и кожу снялъ.
Я притчу всю короткимъ толкомъ
Могу вамъ, господа, сказать:
Кто въ свѣтъ семъ родился волкомъ,
Тому лисицей не бывать.

9. ИЗЪ АНАКРЕОНА.

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди для покою
Сомкнули ужъ глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидонъ,
Пріятный перервался
Въ началѣ самомъ сонъ.
„Кто такъ стучится смѣло?“
Со гнѣвомъ я вскричалъ;
„Согрѣй обмерзло тѣло,
Сквозь дверь онъ отвѣчалъ.
„Чего ты устранился?
„Я мальчикъ, чуть дышу,
„Я ночью заблудился,
„Обмокъ и весь дрожу“.
Тогда мнѣ жалко стало,
Я свѣчку засвѣтилъ,
Не медлиши ни мало,
Къ себѣ его пустилъ.

Увидѣль, что крылами
Онъ машеть за спиной,
Колчанъ набить стрѣлами,
Лукъ стянуть тетивой.
Жалѣя о несчастьѣ,
Огонь я разложилъ,
И при такомъ ненастьѣ
Къ камину посадилъ.
Я теплыми руками
Холодны руки мялъ,
Я крылья и съ кудрями
До суха выжималъ.
Онъ чуть лишь ободрился,
„Каковъ-то, молвилъ, лукъ?
„Въ дождѣ чать повредился;“
И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ.
Тутъ грудь мою пронзила
Преострая стрѣла
И сильно уязвила,
Какъ злобная пчела.
Онъ громко разсмѣялся
И тотчасъ заплясалъ:
„Чего ты испугался?“
Съ насмѣшкою сказалъ:
„Мой лукъ еще годится,
„Онъ цѣль и съ тетивой;
„Ты жъ будешь вѣкъ крушиться
„Отнынѣ, хозяинъ мой.“

10. О ПОЛЬЗѢ КНИГЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ВЪ РОССІЙ- СКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Въ древнія времена, когда славянскій народъ не зналъ употребленія письменно изображать свои мысли, которыя тогда были тѣсно ограничены, для невѣдѣнія многихъ вещей и дѣйствій, ученымъ народамъ извѣстныхъ, тогда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій и выраженій разума, какъ нынѣ читаемъ. Сіе богатство больше всего приобрѣтено купно съ греческимъ христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ греческаго языка на славянскій для славословія Божія. Отмѣнная кра-

сота, изобиліе, важность и сила эллинскаго слова сколь высоко почитается, о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосееновъ и другихъ въ эллинскомъ языкѣ героевъ, витѣйствовали великіе христіанскія церкви учителя и творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими богословскими догматами и пареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣть можно вникнувшимъ въ книги церковныя на славянскомъ языкѣ, сколь много мы отъ перевода Ветхаго и Новаго завѣта, поученій Отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскиновыхъ и другихъ творцевъ каноновъ видимъ въ славянскомъ языкѣ греческаго изобилія, и отсюда умножаемъ довольство російскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію греческихъ красоть посредствомъ славянскаго сродно. Правда, что многія мѣста оныхъ переводовъ не довольно вразумительны, однако польза наша весьма велика. При семъ хотя нельзя прекословить, что сначала переводившіе съ греческаго языка книги на славянскій не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять въ переводъ свойствъ греческихъ, славянскому языку странныхъ, однако оныя чрезъ долготу времени слуху славянскому перестали быть противны, но вошли въ обычай. И такъ, что предкамъ нашимъ казалось невразумительно, то намъ нынѣ стало пріятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравненіемъ російскаго языка съ другими ему сродными. Поляки, преклонясь издавна въ католицкую вѣру, отправляютъ службу, по своему обряду, на латинскомъ языкѣ, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскія, по большей части отъ худыхъ авторовъ, и потому ни изъ Греціи, ни отъ Рима не могли снискать подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языкѣ отъ греческаго пріобрѣтены. Нѣмецкій языкъ по то время былъ убогъ, простъ и безсиленъ, пока въ служеніи употреблялся языкъ латинскій. Но какъ нѣмецкій народъ сталъ священныя книги читать и службу слушать на своемъ языкѣ, тогда богатство умножилось и произошли искусные писатели. Напротивъ того въ католицкихъ областяхъ, гдѣ только одну латынь, и то варварскую, въ служеніи употребляютъ, подобнаго успѣха въ чистотѣ нѣмецкаго языка не находимъ.

Какъ матеріи, которыя словомъ человѣческимъ изображаются, различествуютъ по мѣрѣ разной своей важности, такъ

и російскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣеть разныя степени: высокій, посредственный и низкій. Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченій російскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ славянъ и нынѣ у россіянъ обще употребительны, на примѣръ: Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю. Ко второму принадлежать, кои хотя обще употребляются мало, а особенно въ разговорахъ, однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, на примѣръ: отверзаю, Господень, насажденный, зываю. Неупотребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: обаваю, рясны, овогда, свѣнѣ и симъ подобныя. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ славянскаго языка, то есть въ церковныхъ книгахъ, на примѣръ: говорю, ручей, который, пока, лишь. Выключаются отсюда презрѣныя слова, которыхъ ни въ какомъ стилѣ употребить непристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ.

Отъ разсудительнаго употребленія и разбору сихъ трехъ родовъ реченій рождаются три стили, высокій, посредственный и низкій. Первый составляется изъ реченій славяно-россійскихъ, то есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ славянскихъ, россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ. Симъ стилемъ составляться должны греческія поэмы, оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которымъ они отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ стилемъ преимуществуетъ російскій языкъ передъ многими нынѣшними европейскими, пользуясь языкомъ славянскимъ изъ книгъ церковныхъ.

Средній стиль состоятъ долженъ изъ реченій больше въ російскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія славянскія, въ высокомъ стилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностью, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость. И словомъ, въ семъ стилѣ должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тѣмъ теряется, когда реченіе славянское положено будетъ подлѣ російскаго простонароднаго. Симъ стилемъ писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ и перваго рода стиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжностяхъ должно

отъ того удаляться. Стихотворныя дружескія письма, сатиры, эклоги и элегіи сего штиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.

Низкій штиль принимаетъ реченія третьяго рода, то есть, которыхъ нѣтъ въ славянскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ славянскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться, по пристойности матерій, каковы суть комедіи, увеселительныя эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до нарочнаго наставленія о чистотѣ російскаго штиля.

11. ПИСЬМА КЪ И. И. ШУВАЛОВУ.

I¹).

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Милостивое вашего превосходительства меня письмомъ напоминовеніе увѣряетъ къ великой моей радости о непремѣнномъ вашемъ ко мнѣ снисхожденію, которое я чрезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями почитаю. Высочайшая щедрота несравненныя монархини нашей, которую я вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Не примите, ваше превосходительство, мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спасскихъ школахъ²), имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непродолимую силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ, никого дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти чужіе расхитить. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше,

¹) Писано по поводу опасеній Шувалова, что Л — въ, получивъ отъ Императрицы по ходатайству Шувалова имѣніе, станетъ меньше заниматься науками. Оно прекрасно выражаетъ врожденную любовь къ знанію, которую не могли заглушить никакія препятствія.

²) Законоспасское училище въ Москвѣ.

какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться! Послѣ того вскорѣ взять я въ Санктпетербургъ и посланъ за море и жалованье получилъ противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвратило, но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣль имѣютъ. Я всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство въ томъ быть обнадежену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрять не должны, и помнили-бъ, что музы... кого хотять, того и любятъ. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученый человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, который жилъ съ собаками въ бочкѣ и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости, а съ другой стороны Невтона, богатаго лорда Боиля¹⁾, который всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Вольфа²⁾, который лекціями и подарками нажилъ больше пяти сотъ тысячъ и сверхъ того баронство; Слоана³⁾, въ Англии, который послѣ себя такую бібліотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. По приказанію вашему все исполнить не премину, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребывая вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга Михаилъ Ломоносовъ. Изъ Санктпетербурга. Мая 10 дня 1753 года.

II.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Полученное вчерашняго числа отъ 24 мая письмо вашего превосходитель-

¹⁾ Англійскій физикъ.

²⁾ Философъ, у котораго Л—въ учился въ Марбургѣ.

³⁾ Ирландскій медикъ.

ства, въ которомъ я чувствую непремѣнный знакъ особой вашей ко мнѣ милости, премного меня обрадовало, особливо тѣмъ, что вы объявить изволили свое удостовѣреніе о томъ, что я наукъ никогда не оставлю. Въ разсужденіи другихъ не имѣю я никакого особливаго удивленія за тѣмъ, что они имѣютъ примѣры въ нѣкоторыхъ людяхъ, которые только лишь себѣ путь къ счастью ученіемъ отворили, въ тотъ часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ мало или и ничего не спрашиваютъ, и не какъ ваше превосходительство въ разсужденіи меня дѣлъ требуете, довольствуются только однимъ ихъ именемъ. Въ помянутыхъ, оставившихъ въ своемъ счастьи ученіе, людяхъ весьма ясно видѣть можно, что они только одно почти знаютъ, что въ малолѣтствѣ изъ подъ лозы выучились, а будучи въ своей власти, почти никакого знанія больше не присвокупили. Я напротивъ (позвольте, милостивый государь, не ради тщеславія, но ради моего оправданія объявить истину), имѣючи отца хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушелъ въ Спасскія школы. Нынѣ, имѣя къ тому по высочайшей ея императорскаго величества милости совершенное довольство, вашимъ отеческимъ предстательствомъ, и трудовъ моихъ одобреніе ваше и другихъ знателей и любителей наукъ, и почти общее въ нихъ удовольствіе, и наконецъ уже не дѣтское несовершеннаго возраста разсужденіе, могу ли я нынѣ въ моемъ мужествѣ дать себя посрамить передъ моимъ дѣтствомъ? Однако перестаю сими представленіями утруждать вашу терпѣливость, вѣдая ваши справедливыя мнѣнія. И ради того доношу вашему превосходительству о томъ, что похвальная ваша къ наукамъ охота требуетъ. Во первыхъ, что до электрической силы надлежитъ, то изысканы здѣсь два особливые опыта весьма недавно, одинъ господиномъ Рихманомъ чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ: первый, что Мусенбровкъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ знатное разстояніе около цѣлой версты, чему описаніе и рисунокъ при семъ

сообщаю. Второе примѣтилъ я у своей громовой машины, 25 числа сего апрѣля, что безъ грома и молніи, чтобы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась; а въ 28 число того же мѣсяца, при прохожденіи дождеваго облака безъ всякаго чувствительнаго грома и молніи происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ, издалека слышнымъ; что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею объ электрической силѣ весьма согласно, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оный актъ буду я отправлять съ господиномъ профессоромъ Рихманомъ: онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу отъ оной происходящую, къ чему уже я приуготовляюся. Что же надлежитъ до второй части руководства къ краснорѣчію, то она уже нарочито далече и въ концѣ октября мѣсяца уповаю изъ печати выдетъ, объ ускореніи которой всячески просить и стараться буду, а письменнаго не присылаю, за тѣмъ, что ваше превосходительство требовать изволите по листу печатныхъ. О первомъ томѣ Россійской Исторіи по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобы онъ къ новому году письменный изготовился. Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертациі, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъясненіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось. Впрочемъ удостоверяясь многократно, сколь охотно слушаете ваше превосходительство разговоры о наукахъ, весьма жадно ожидаю радостнаго и пріятнаго съ вами свиданія, чтобы вы новыми моими стараніями удовольствіе имѣли, которыхъ всѣхъ въ отдаленіи сообщить не можно. Въ домѣ вашего превосходительства обѣщанныхъ оптическихъ вещей еще долго устроить не уповаю, за тѣмъ, что еще нѣтъ ни половъ, ни потолоковъ, ни лѣстницъ и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опасностію. Электрическіе шарикі по вашему желанію пришлю вамъ не умедливъ, какъ возможно. Я могу увѣрить ваше превосходительство, что въ мастеровыхъ людяхъ здѣсь великая скудость, такъ что для дѣланія себѣ электрической машины не токмо гдѣ индѣ, но и съ вашего двора столяра за деньги не могъ до-

стать. И для того по сіе время вмѣсто земной машины служить мнѣ иногда облака, къ которымъ я съ кровли шесть выставилъ. Какіе вашему превосходительству инструменты потребны, о томъ прошу дать мнѣ позволеніе представить въ канцелярію академическую именемъ вашимъ, для приказанія мастерамъ за тѣмъ, что всѣ по шабашамъ долго протянутъ дѣла. Заклучая сіе, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю всепокорнѣйшій и вѣрный слуга Михайло Ломоносовъ. Изъ Санктпетербурга мая 31 дня 1753 года.

III.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Никто въ жизни меня больше не избидѣлъ, какъ ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть, какое нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! то есть, сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгають и вы сами не рады. Свяжись съ тѣмъ человѣкомъ, который ничего другаго не говорить, какъ только всѣхъ бранить, себя хвалить, и бѣдное свое риѣмичество выше всего человѣческаго знанія ставить. Тауберга и Миллера¹⁾ для того только бранить, что не печатають его сочиненій, а не ради общей пользы. Я забываю всѣ его озлобленія и мстить не хочу никакимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца. Только дружитья и обходится съ нимъ никакимъ образомъ не могу, испытавъ чрезъ многіе случаи и зная, каково въ крапиву садиться. Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я вамъ послушаніе, только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ. И ежели, несмотря на мое усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на помощь Всевышняго, который мнѣ былъ въ жизнь защитникъ и никогда не оставилъ, когда я пролилъ передъ Нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю. И только у Господа прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знаться. Буде онъ человѣкъ знающій

¹⁾ Таубертъ — совѣтникъ академической канцеляріи, Миллеръ — академикъ. Ломоносовъ съ ними всегда враждовалъ.

и искусный, пускай дѣлаетъ пользу отечеству; я по моему таланту также готовъ стараться. А съ такимъ человѣкомъ обхожденія имѣть не могу и не хочу, который всѣ прочія знанія позорить, которыхъ и духу не смыслить. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякія страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ. Господинъ Сумароковъ, привязавшись ко мнѣ на часъ, столько всякаго вздору наговорилъ, что на весь мой вѣкъ станеть, я радъ, что его Богъ отъ меня унесъ. По разнымъ наукамъ у меня столько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ компаній; жена и дочь моя привыкли сидѣть дома и не желаютъ съ комедіянтами обхожденія. Я пустой болтовни и самохвальства не люблю слышать. И по сіе время ужились мы въ единодушїи. Теперь по вашему миротворству должны мы вступить въ новую дурную атмосферу. Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россїи, ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти, постарайтесь о скоромъ исполненїи справедливыхъ для пользы отечества прошеній, а о примиренїи меня съ Сумароковымъ, какъ о мелочномъ дѣлѣ, позабудьте. Ожидая отъ васъ справедливаго отвѣта, съ древнимъ высокопочитаніемъ пребываю вашего высокопревосходительства униженный и покорный слуга

Михайло Ломоносовъ.

1761 года января 19 дня.

14. А. П. Сумароковъ.

Александръ Петровичъ Сумароковъ, происходившій отъ знатныхъ предковъ, служившихъ еще при царѣ Алексѣ Михайловичѣ, получилъ отъ своихъ современниковъ прозваніе „русскаго Расина“, „сѣвернаго Лафонтена“, „отца россійскаго театра“, какъ любили въ подражательный вѣкъ называть въ Россїи писателей. Н. И. Новиковъ въ „Опытѣ словаря о россійскихъ писателяхъ“ (1772) говоритъ о немъ: „Различныхъ родовъ стихотворными и прозаическими сочиненіями прибрѣлъ онъ себѣ великую и безсмертную славу не только отъ россіянъ, но и отъ чужестранныхъ академій и славнѣйшихъ европейскихъ писателей. .. Впрочемъ всѣ его сочиненія любителями россійскаго стихотворства весьма почитаются“. Такіе отзывы выдающихся современниковъ показываютъ, что А. П. Су-

мароковъ въ Екатерининскій вѣкъ производилъ на читателей дѣйствительно большое впечатлѣніе живостью и разнообразіемъ своихъ сочиненій. Такіе отзывы въ то же время показываютъ, что требованія къ литературѣ въ XVIII вѣкѣ еще не были значительны, что и естественно для тогдашняго состоянія литературнаго вкуса. А. П. Сумароковъ, живой по характеру, увлекался ложно-классической трагедіей, много подражалъ французамъ, и наиболѣе удачно писалъ въ области сатиры. Сумароковъ не былъ поэтомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова: онъ былъ замѣчательнымъ и чрезвычайно плодовитымъ стихотворцемъ. Какъ и большая часть нашихъ писателей XVIII вѣка, онъ не получилъ правильнаго образованія, и своими знаніями главнымъ образомъ обязанъ самостоятельному чтенію. Аттестатъ, полученный имъ изъ Шляхетскаго корпуса, такъ опредѣляетъ подготовку, съ которой Сумароковъ вступалъ въ жизнь: „Въ геометріи обучилъ тригонометрію: экспликуеть и переводить съ нѣмецкаго на французскій языкъ; въ исторіи универсальной окончилъ Россію и Польшу; въ географіи атласъ Гибнеровъ обучилъ; сочиняеть нѣмецкія письма и ораціи, мораль Вольфскую до III главы; второй части слушалъ; нѣмецъ начало въ итальянскомъ языкѣ“. Сатира Сумарокова направлена на тѣ же явленія, какъ и вообще журнальная сатира того времени: вѣнское подражаніе западу, крѣпостное право, хищничество чиновниковъ, ложное воспитаніе. Любимая его тема въ трагедіяхъ, это избитая тема борьбы долга со страстью; трагедіи его проникнуты благородствомъ настроенія, что соответствуетъ дѣйствительнымъ чертамъ его характера. „Самолюбивый, вспыльчивый и, вмѣстѣ, добрый, великодушный, Сумароковъ любилъ славу, гонялся за похвалою, принималъ къ сердцу малѣйшее противорѣчіе. Зато выскочить, при видѣ встрѣчнаго бѣдняка изъ кареты, сорвать съ себя кафтанъ, отдать его бѣдняку и возвратиться домой въ плащѣ своего лакея—для Сумарокова ничего не значило“ (Хмыровъ).

ХОРЕВЪ.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

И ИЙ — князь Россійскій.	ВЕЛЬКАРЬ — наперсникъ Хоревовъ.
ХОРЕВЪ — братъ и наслѣдникъ его.	А СТРАДА — мамка Оснелдына.
ЗАВЛОХЪ — бывший князь Кіева града.	Два стража.
ОСНЕЛЬДА — дочь Завлохова.	Три воина.
СТАЛВЕРХЪ — первый бояринъ Кіева.	Плѣнникъ.

Дѣйствіе въ Кіевѣ, въ княжескомъ домѣ.

Трагедія Хоревъ напечатана въ 1-й разъ въ 1747 году при Академіи наукъ. Эта трагедія нравилась всему грамотному люду и неустанно ходила по рукамъ. Обаяніе, произведенное Хоревомъ, было

такъ полно, что кадеты Сухопутнаго Шляхетнаго корпуса, гдѣ существовалъ кружокъ любителей литературы, попробовали разыграть трагедію Сумарокова въ 1749 г. и пригласили самого Сумарокова посмотрѣть на свою игру. Онъ былъ изумленъ прекрасною игрою кадетовъ, сообщилъ свое впечатлѣніе гр. А. Г. Разумовскому, который доложилъ объ этомъ императрицѣ Елизаветѣ. Государыня пригласила кадетовъ во дворецъ, велѣла отпустить имъ изъ царской кладовой бархату, парчи, камки на костюмы, собственноручно убрала въ коронныя брилліанты Оснельду, роль которой исполнялъ кадетъ Свистуновъ. — „8 января 1750 года Хоревъ былъ сыгранъ въ комнатахъ государыни съ блистательнымъ успѣхомъ, къ восторгу автора, лично участвовавшаго въ представленіи и обласканнаго императрицею“ (Хмыровъ). Нѣсколько времени спустя въ Москвѣ, которая въ то время стала интересоваться мѣщанскою драмой, Сумарокову пришлось съ горечью видѣть, что пьеса его уже не пользуется успѣхомъ.

Трагедія „Хоревъ“ типична, какъ ложноклассическая трагедія: выдержанная высота настроенія всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, соблюденіе знаменитыхъ трехъ единствъ, краснорѣчивые монологи, условная идеализація далекой старины, составляютъ ея главные черты. Въ изображеніи властителя Кіева — Кія пьеса отзывается на вопросъ о характерѣ просвѣщеннаго монарха, который интересовалъ XVIII вѣкъ.

Содержаніе трагедіи слѣдующее. Дѣйствіе происходитъ въ первые годы русской исторіи. Подъ стѣнами Кіева, которымъ править Кій, собрались войска прежняго властителя этого города, Завлоха. Завлохъ пришелъ съ своими войсками возвратить себѣ не только, городъ, давно уже отнятый у него Кіемъ, но и свою дочь Оснельду, которая тогда была взята Кіемъ въ плѣнъ, будучи еще ребенкомъ а теперь уже взрослая дѣвушка и живетъ плѣнницей у Кія. Противъ Завлоха Кій посылаетъ своего младшаго брата, талантливаго полководца Хорева. Благородный Хоревъ стремится въ бой, но положеніе его трагическое; онъ и Оснельда любятъ другъ друга и теперь ему приходится итти противъ ея отца. Въ трагедіи много трогательныхъ объясненій Хорева съ Оснельдой. Они прощаются и Хоревъ отправляется въ сраженіе. Положеніе Хорева даетъ поводъ въ клеветѣ на него. Боярину Сталверху удается поселить въ душѣ Кія сомнѣніе въ томъ, что Хоревъ честно исполняетъ свой долгъ, и оклеветать Оснельду. Кій мучается своими подозрѣніями и необходимою карать людей, которыхъ любитъ. Тѣмъ не менѣе Оснельду по его приказанію заключаютъ въ тюрьму и заставляютъ выпить ядъ. Между тѣмъ Хоревъ, побѣдоносно исполнивъ свой долгъ, взявъ Завлоха въ плѣнъ, возвращается съ надеждой на бракъ съ Оснельдой. Кій, узнавъ объ этомъ, приходитъ въ отчаяніе. Хоревъ закалывается. Сталверхъ, мучимый совѣстью, бросается въ Днѣпръ.

Основа трагедіи — борьба чувства долга со страстью — очень типична для ложноклассической пьесы. Она есть и въ Сидѣ Корнеля и въ другихъ подобныхъ драмахъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе 3-е.

Оснельда и Хоревъ.

ХОРЕВЪ.

Готовься къ радостямъ, княжна, въ сей день желанный,
Ужъ часъ приближился, тобой толь часто званный.
Уже открылся путь тебѣ изъ здѣшнихъ стѣнъ,
Ступай и покидай мѣста сіи и плѣнъ;
Родитель твой въ сей день тебя къ себѣ желаетъ,
А Кій, мой братъ, на то уже соизволяетъ.
Внимай изъ устъ моихъ желаемый отъѣздъ;
Но, отлучаяся изъ сихъ противныхъ мѣстъ,
Которыя тебя въ неволѣ содержали,
Когда дни счастливы Завлоха пробѣжали,
Хотя единою утробой я рождень
Со княземъ, коимъ твой родитель побѣжденъ,
Не ставь меня врагомъ; мной, сколько можно было,
Несчастіе тебя подъ стражею щадило;
Я тщился оное вседневно облегчать...
Ты плачешь; но къ чему такъ сердце отягчать?
Или вспомнила ты Кіеву досаду?
Но я противнаго не подавалъ и взгляду.

ОСНЕЛЬДА.

Я плачу, что тебѣ бессильна отслужить;
Но вѣрь мнѣ, вѣрь, мой князь, гдѣ я ни буду жить,
Я милостей твоихъ во вѣки не забуду,
И съ ними вспоминать тебя по гробъ мой буду,
О, солнце, кое здѣсь въ послѣдній разъ я зрю!
О, солнце! ты то зришь, отъ сердца ль говорю!
Въ томъ ты свидѣтель будь, что имя милосердо,
Доколѣ я жива, пребудетъ очень твердо.

ХОРЕВЪ.

Въ послѣднія уже любезный слыша гласъ,
И видя предъ собой тебя въ послѣдній разъ,
Прошу тебя, скажи, скажи, княжна драгая,
Мои усердія въ умѣ располагая,
Возмогъ ли сердце я твое когда тронуть?
И чувствовала ли твоя хоть мало грудь
Тобой въ моей крови произведенный пламень?

Но можно ль воспалить огнемъ любовнымъ камень?
Я многажды тебѣ горячность открываль,
Которою меня твой сильно взоръ терзалъ:
Открытіе сіе мя паче тяготило,
Что слово на него ни разу не польстило;
Но кая красота мнѣ язву подала,
И во отчаянномъ умѣ моемъ жила.
Я чаялъ, я рожденъ къ единой только брани,
Противниковъ карать и налагати дани;
Но богъ любви тобой ту ярость умягчилъ,
Твой взоръ меня вздыхать во славѣ научилъ;
Когда твои глаза надежду мнѣ давали,
А безпристрастныя слова мнѣ сердце рвали,
Я слабости своей стыдился и стоналъ
И въ горести моей что дѣлати не зналъ!
Противъ тебя, противъ себя вооружался,
И пламень мой тобой вседневно умножался.
Я тщился много разъ, дабы тебя забыть,
И мнилъся иногда уже свободенъ быть;
Но вспомнивъ, я опять то чувствовалъ, что страстенъ.
Сей гордый духъ тебѣ сталъ вѣчно быть подвластенъ.

ОСНЕЛЬДА.

Ахъ! князь, къ чему ужъ то, что я тебѣ мила?
Къ чему тебѣ желать, чтобъ я склонна была?
Не мучь меня, не мучь, не извлекай слезъ рѣки;
Ужъ больше не видать тебѣ меня во вѣки.
Когда тебѣ судьба претитъ меня любить,
Старайся ты меня изъ мысли истребить.

.....

КОРЕВЪ.

Чего желается, и что намъ столь пріятно,
То кажется всегда намъ быть невѣроятно,
И зрится какъ во снѣ; но о престрашный сонъ!
Какое множество въ семь счастья препонъ!
Пріятные часы! вы щедры мнѣ и люты:
Какими я могу назвать сіи минуты?
Несчастливыми почестъ? мнѣ много счастья въ нихъ.
За счастливы принять? что злѣй минутъ мнѣ сихъ!
Оснельда, если бракъ любви не разрушаетъ,
И должность пламени въ крови не угашаетъ,

Почто творити намъ другъ другу стонъ?
И что препятствуетъ взойти тебѣ на тронъ,
Который ждетъ меня?... Ты мнѣ не отвѣчаешь;
Иль скипетръ и въ моихъ рукахъ противнымъ чаешь?

ОСНЕЛЬДА.

Престань себѣ, мой князь, надеждою сей льстить,
И ахъ! престань, престань мой разумъ симъ мутить.
Судьба меня съ тобой на вѣки раздѣлила,
И тщетно насъ любовь съ тобой соединила.
Какъ буду я имѣть въ одрѣ моемъ того,
Чей съ трона братъ отца низвергнулъ моего,
И трупы братіевъ моихъ влачили безстыдно,
Взирая на престоль Завлоховъ звѣровидно:
Гражданъ безъ жалости казнилъ и разорилъ,
И кровью нашею весь городъ обагрилъ!
Оснельду въ пеленахъ невольницей оставилъ.
Перунъ! почто меня отъ смерти ты избавилъ,
А жизнь оставя, далъ ты чувствовати честь?
Или, чтобъ было мнѣ труднѣе иго несть!
Мнѣ бь лучше умереть, какъ жити во неволѣ
И зрѣти хищника на отческомъ престолѣ.

ХОРЕВЪ.

Сея ли рѣчи я изъ устъ любезныхъ ждалъ!
Завлоха я еще, еще не побѣждалъ;
Но можетъ быть... Увы! Ты плачь усугубляешь.

ОСНЕЛЬДА.

Какія ты слова со мной употребляешь?
Довольствуйся моею ты слабостью, и рви
Во мнѣ печальный духъ, жестокой, въ сей любви;
Оставь невольницей Оснельду въ жизни слезной,
Терзай меня, дерись съ отцемъ своей любезной:
Оружье я сама противъ себя дала;
Но вспомни ты, того ль я, чья тебя, ждала.
Твоя рука еще Оснельду не губила;
Такъ сдѣлай, чтобъ она Хорева не любила.
Разрушь враждой любовь, будь счастливъ, побѣждай,
Взносись моею бѣдой; лишь только разсуждай:
Противъ кого ты, князь, ко брани гнѣвъ сугубишь?
Идешь противъ тоя, которую ты любишь!

Х О Р Е В Ъ .

А если твой отецъ позволить на сіе?...
Скончаешь ли, княжна, мученіе мое?

О С Н Е Л Ъ Д А .

Какую область ты имѣешь надо мною!
Я злобъ не чувствую, мнѣ сказанныхъ тобою.

Х О Р Е В Ъ .

Всесильны небеса! подайте помощь намъ,
Оставьте духъ во мнѣ и свѣтъ моимъ очамъ!
Завлоховъ будетъ родъ тобой опять возставленъ,
И твой поносный плѣнъ моимъ вѣнцемъ прославленъ.
А Кій препятствовать не будетъ намъ ни въ чемъ:
И брань окончится любовью, не мечомъ.

О С Н Е Л Ъ Д А .

Изъ нашихъ подданныхъ, стѣнящихъ здѣсь во градѣ,
Пошли съ сей вѣстію къ Завлоховой досадѣ,
Чтобъ вѣдалъ онъ, хоть я преступницей даюсь,
Что я въ моей любви враговъ его таюсь,
И только лишь съ тобой единымъ согласилась.
О небо! Что за мысль въ мой слабый умъ вселилась!

Х О Р Е В Ъ .

Поди, дражайшая, и грамоту готовь,
Пиши къ родителю, что вложить въ умъ любовь.
Изобрази отцу, стоящу въ ратномъ полѣ,
Что кровь его опять здѣсь будетъ на престолѣ,
И плѣнники своихъ покинуть тягость узъ,
Когда совокушитъ желанный насъ союзъ!
Посоль тебѣ въ сей часъ любезная предстанеть.
Увы, когда моя надежда мя обманеть!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе 1-е.

Кій и Сталверхъ.

Сталверхъ пытается поселить въ душѣ Кія сомнѣніе въ вѣрности Хорева. Явленіе заканчивается слѣдующимъ монологомъ Кія.

К І Й .

Сталверхъ! ты вѣренъ мнѣ; но дѣло таково
Восходитъ выше силъ понятія моего.

Кому на свѣтѣ семъ вдругъ вѣрити возможно?
А днесъ надъ братомъ мнѣ судьбою быти должно.
Хочу равно и ложь, и истинну внимать,
И слѣпо никого не буду осуждать.
Мягусь и лютаго злодѣя видя въ горѣ.
Князь — кормщикъ корабля, власть княжеская — море,
Гдѣ вѣтры, камни, мель препятствуютъ судамъ,
Желающимъ пристать къ покойнымъ берегамъ.
Но часто кажутся и облаки горами,
Летая вдаль по небу надъ водами,
Которыхъ кормщику не должно обѣгать;
Но горы ль то иль нѣтъ — искусствомъ разбирать.
Хоть всѣ бъ вѣщали мнѣ: тамъ горы, мели тамо,
Когда не вижу самъ, плыву безъ страха прямо.

Явленіе 2-е.

Кій и Хоревъ.

КІЙ.

Примай оружіе, се долгъ тебя зоветъ,
И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ,
Котора много разъ вѣнцы тебѣ сплетала,
Когда твоя рука въ народы смерть метала.
Вели въ трубы гласить, и на враговъ возстань,
Кинь въ вѣтры знамена и исходи на брань.
Ступай и побѣди и возвратися славно,
Какъ съ Скиѣскія войны подъ лаврами недавно.

ХОРЕВЪ.

Наукъ бранной ты Хорева самъ училъ,
Я имя славное тобою получилъ.
И ты пять лѣтъ мнѣ самъ свидѣтель былъ вседневно,
Страшился ль я когда враговъ во время гнѣвно?
Какъ сталъ ты немощень, я твой намѣстникъ сталъ,
И воинствомъ уже я самъ повелѣвалъ.
Въ трудахъ, и подвигахъ возросъ и укрѣпился,
И безпокойствовать безскупно научился.
Но сколько войновъ смерть алчна пожрала?
Возбудить ли вдовамъ супруговъ ихъ хвала,
Что въ мужествѣ своемъ съ мечьми въ рукахъ заснули,
И трупы ихъ въ крови противничей тонули?
Колико въ снѣдъ звѣрямъ отцевъ, супруговъ, чадъ,

Повержено мечемъ? колико душъ взялъ адъ?
Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приносить,
Помремъ; но жертвы сей она тенерь не просить.
Когда народъ спасти не можно безъ нея,
Мы въ пропасть снидемъ всѣ, и первый снизу я:
Но нынѣ страха нѣтъ народу и коронѣ;
А мечъ дается намъ лишь только къ оборонѣ.

к и й.

Когда Завлохъ дерзнулъ сей городъ осадить,
Такъ должно воинство ко брани учредить.

Х О Р Е В Ъ.

Онъ дочери своей одной отъ насъ желаетъ,
А прочее намъ все безбранно оставляетъ.
Ты самъ предъ симъ часомъ людей своихъ падишь:
Что сталося, что вдругъ ты мысли премѣнилъ?

к и й.

Нѣтъ, князь, нейти на брань не ту вину имѣешь,
Что ты о воинствѣ печешься и жалѣешь;
Твою я вижу мысль, и что въ умѣ твоємъ,
О чемъ ты сѣтуешь въ смятеніи своемъ:
Ты хочешь, чтобъ княжна свободу воспріяла.

Х О Р Е В Ъ.

Хотя бы и того душа моя желала,
Чтобъ намъ во тишинѣ, а ей по волѣ жить;
Желаньемъ симъ тебя могу ли прогнѣвить?
Щедрота похвалы въ побѣдахъ умножаетъ,
И челоуѣчество въ душахъ изображаетъ.
Или подобиться во бранныхъ дѣйствахъ намъ
Въ пустыняхъ ужасно воюющимъ звѣрямъ,
Которы никакой пощады не имѣютъ?
Не ихъ примѣры намъ во браняхъ быть долѣютъ.
Довольно въ варварствѣ мы кровь свою пьемъ,
Когда по должности другъ друга мы биемъ,
И защищеніе съ отмщеніемъ мѣшаемъ.
Подъ видомъ мужества мы звѣрство возвышаемъ.
Какое имя ты, лезть груба, злу дала?
Убийство и грабежъ геройствомъ назвала!

КІЙ.

Но если мщениа Оснелда не забудеть,
И ежели супругъ ея таковъ мнѣ будетъ,
Какъ прежде былъ Хоревъ трепещущимъ ордамъ,
Текущимъ отъ него по блатамъ и водамъ?

ХОРЕВЪ.

Привыкшіе давно народы побѣждати
Не могутъ надъ собой побѣды ожидать.
А ты, о государь! Не жди моихъ измѣнъ;
Въ сей часъ, въ сей злѣйшій часъ, иду изъ градскихъ стѣнъ,
И ежели рука не дрогнетъ среди бою,
Я буду подъ стѣной съ Завлоховой главою.

Явленіе 3-е.

Кій одинъ.

Нельзя повѣрити, чтобъ онъ измѣнникъ былъ,
И чтобы милости родительски забылъ;
Противу честности всегда любовь безмочна:
Хорова душа чиста, непорочна.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Явленіе 1-е.

Кій одинъ.

О, бремя тяжкое порфиры и короны!
Законодавцу всѣхъ трудней его законы.
Во всей подсолнечной гремитъ монарша страсть,
И превращается въ тиранство строга власть;
А милость винному, преступнику прощенье
Не рѣдко и царю и всѣмъ въ отягощенье.
Но мѣры правоты всегда лильзя найти,
По коей къ общему блаженству мочь идти?
Потребно множество монарху проицанья,
Коль хочеть онъ носить вѣнецъ безъ порицанья;
И если хочеть онъ во славу быти твердъ,
Быть долженъ праведенъ, и строгъ, и милосердъ.
Уподоблятися правителямъ природы,
Какъ должны подражать ему его народы.
Но коей радости въ побѣдѣ нынѣ жду?
Почто въ желанный гробъ толь медленно иду?

Явленіе послѣднее.

Кій, Хоревъ, Завлохъ и другіе.

Вошедшій воинъ объявляетъ, что Сталверхъ, мучимый совѣстью, утопился въ Днѣпрѣ.

Хоревъ узнаетъ о смерти Оспельды и предается отчаянію. Завлохъ, показывая на Хорева, говоритъ, обращаясь къ своей умершей дочери: „Внемли, какъ сей тобой герой великій стонетъ“. Пьеса заканчивается слѣдующей сценой.

КІЙ.

Карай мя, я твое сокровище похитилъ.

ХОРЕВЪ.

Пускай сей кровію тебя твой гнѣвъ насытилъ,
Который толь тебя на мя ожесточилъ.

Но если ты о мнѣ когда-нибудь рачилъ,
Такъ сдѣлай только то, о чемъ напоминаю.

Сіе прошеніе исполнишь ты, я знаю:

Отдай Завлоху мечъ, свободу возврати,

И воинство все съ нимъ изъ града испусти.

(Кій отдаетъ Завлоху мечъ, а Хоревъ говоритъ Завлоху.)

А ты, несчастный князь! возьми съ собой то тѣло,
Съ которымъ сердце быть мое на вѣкъ хотѣло,
И плачемъ омочивъ лишенное души,
Предай его землѣ; надъ гробомъ напиши:
Дѣвица, коей прахъ въ семъ мѣстѣ почиваетъ,
И въ адѣ со своимъ Хоревомъ пребываетъ,
Котораго она любила въ жизни сей;
Хоревъ, ея липась (заколелся), послѣдовалъ за ней.

ОПЕКУНЪ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи.

Комедіи Сумарокова менѣе удачны, чѣмъ его трагедіи. По отзыву Дмитревскаго (переведенному на нѣмецкій языкъ въ *Извѣстіяхъ о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ*, изд. въ Лейпцигѣ въ 1768 г.) „не смотря на множество разбросанныхъ въ нихъ шутокъ, на многія дѣія черты, онѣ, по общему составу своему, не имѣютъ на сценѣ достаточной занимательности“. Къ этому отзыву можно

было бы добавить, что эти пьесы Сумарокова очень мало захватывали русскую жизнь; въ его комедіяхъ, которыя должны были бы рисовать русскій бытъ, этотъ бытъ отражался мало, и наоборотъ, нарисованные не съ натуры герои говорили не очень естественныя рѣчи, и бывало, что для вступленія въ бракъ, подобно Молиеровскимъ героямъ, отправлялись къ нотаріусу, а не подъ вѣнецъ. Это — герои, придуманные для того, чтобы обличать общественные пороки. Иногда впрочемъ, оригиналами для нихъ служили и дѣйствительно существовавшія лица. Въ комедіи „Опекунь“, напримѣръ, Чужехватъ, по признанію самого Сумарокова, нарисованъ съ его зятя, который узналъ себя въ сатирѣ и впослѣдствіи мстилъ Сумарокову.

Опекунь — по имени Чужехватъ, злой, недобросовѣстный и невѣжественный старикъ дворянинъ, хочетъ выдать свою воспитанницу Сострату за какого-нибудь богатаго простака, чтобы воспользоваться его имуществомъ. Самъ онъ хочетъ жениться на своей 17-лѣтней служанкѣ Нисѣ. Между тѣмъ Сострата любитъ дворянина Валерія, который любитъ ее съ своей стороны и ищетъ ея руки. Слуга Чужехвата — Пасквинъ (настоящее имя котораго Валеріанъ) и Ниса любятъ другъ друга. Постепенно выясняется, что Пасквинъ и Валерій — родные братья-близнецы, что, слѣдовательно, Пасквинъ (Валеріанъ) дворянскаго происхожденія, и что его дворянскія права были отняты у него мошенническими продѣлками Чужехвата. Открытіе это дѣлаетъ возможнымъ бракъ Нисы и Пасквины, такъ какъ Ниса то же дворянка. Въ концѣ-концовъ всѣ препятствія къ счастью добродѣтельныхъ дворянъ уничтожены, а Чужехватъ изобличенъ и взятъ подъ карауль.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Чужехватъ.

ЧУЖЕХВАТЪ.

Мерзкія, негодныя, плюгавыя, скаредныя! долго ли мнѣ васъ учить? Я думаю, что мнѣ отъ васъ до гробовой доски покою не будетъ!

СОСТРАТА.

Что такое сдѣлалось?

ЧУЖЕХВАТЪ.

У Пасквины крестъ украли, а онъ жалуется, да изъ дому вонъ хочетъ.

СОСТРАТА.

Кража та, сударь, обыкновенное здѣсь ремесло, и, кажется, можно уже привыкнуть къ этому дѣлшнихъ людей бездѣльству и поменьше гнѣваться.

ЧУЖЕХВАТЬ.

Не о томъ дѣло, что они крадутъ; пускай бы крали, не касаяся господскому и не у своихъ, такъ бы въ домѣ по маленьку прибавлялось; а у своего украсти, такъ это изъ кармана въ карманъ перекаладывать, да шумъ дѣлать, а мнѣ безпокойство. Пускай бы крали: кто безъ грѣха и кто бабѣ не внукъ. А хотя бы по слабости что и у своихъ товарищей тихонько взять, да надобно концы хоронити, чтобы не подумали, что свой взялъ. Тому то я ихъ учу; да дурака хотя вѣкъ учи, такъ не научишь. А объ этомъ говорю ли я, что бѣ не крали. Вѣдь они не на каторгѣ; для чего у нихъ волю отнимать? Кража не великая вина, потому что она страсть общая слабости человѣческой. Мошна дѣло первое на свѣтѣ; пуста мошна, пуста и голова. Давать ради Христа спасительнѣе, нежели просить ради Христа. Честь да честь! Какая честь, коли нечего ѣсть? До чести ли тогда, когда брюхо пусто? Пуста мошна, пусто и брюхо.

*Пусто мошна? а что? К. Сумароковъ
Король Шамуръ*

*спредели
безъ ирава
у тирокити
Самилъ
дуракъ
черезъ
ного
жестокости
мнѣ ка
мнѣ*

СОСТРАТА.

Изрядное нравоученіе.

ЧУЖЕХВАТЬ.

Конечно, изрядное. Такъ лучше по твоему поступать нравоученію? Намнясь видѣлъ я, какъ честный то по вашему и безчестный, а по моему разумный и безумный, принимался. Безчестный-ать по вашему пріѣхаль, такъ ему стулъ, да еще въ хорошенькомъ домѣ: все ли въ добромъ здоровьи? Какова твоя хозяйшпка? дѣтки? Что такъ запаль? Ни къ намъ не жалуешь, ни къ себѣ не зовешь? А всѣ вѣдаютъ то, что онъ чужимъ и неправильнымъ разжился. А честного-то человѣка дѣтки пришли милостыни просить, которыхъ отецъ ѣздилъ до Китайчетава царства и былъ въ Камчатномъ государствѣ, и объ этомъ государствѣ написалъ повѣсть; однако сказку то его читаютъ, а дѣтки-то его ходятъ по міру; а у дочекъ-то его крашенинныя бостроки, да и тѣ въ заплацахъ; даромъ то, что отецъ ихъ во Камчатномъ былъ государствѣ, и для того то, что онѣ въ крашенинномъ таскаются платьѣ, называютъ ихъ крашенинкиными¹⁾.

*тоже
сесть
мнѣ*

¹⁾ Намекъ на положеніе дѣтей профессора Крашенинникова, который первый совершилъ ученое путешествіе въ Камчатку и составилъ ея описаніе. Онъ умеръ, разстроивъ здоровье учеными трудами; его заслуги были забыты и семья осталась въ нуждѣ. Намекъ Сумарокова не прошелъ даромъ; о сиротахъ было доложено Государынь, и они получили обезпеченіе.

СОСТРАТА.

А ежели бы это дошло до двора, такъ, можетъ быть, что такихъ людей дѣти по міру таскаться и перестали.

ЧУЖЕХВАТЬ.

А когда у кого что свое есть, такъ ему нѣтъ нужды, знаетъ ли о немъ дворъ, или нѣтъ. Щей горшокъ, да самъ большой; а горшокъ-ать равно варить, хотя купленный, хотя краденый. *(Оборотясь къ Нисѣ.)* Такъ-то, Нисанька! да что ты задумалась?

НИСА.

Я о тебѣ, сударь, думаю.

ЧУЖЕХВАТЬ.

Что такое?

НИСА.

Я, сударь, не смѣю этого выговорить.

ЧУЖЕХВАТЬ.

Говори, ничего; брань на вороту не висить.

НИСА.

Ванюшине
срѣдѣ
плутую.
Мнѣ думается, что ты разбойникъ, и что тебѣ быть повѣшену.

ЧУЖЕХВАТЬ.

Туда и дорога; а что пожито сладко, такъ то мое, по присловицѣ: что взято, то свято; а эта присловица законная и въ приказахъ наблюдалася не нарушимо, развѣ нынѣ по новому уложенію отставится.

НИСА.

А душа то куда? Во адъ?

ЧУЖЕХВАТЬ.

на что раньше мучить себя; и тогда спастись можно,
когда петлю накидывать стануть. Да въ томъ я, полно, и винень ли, что плутую? Потому что безъ воли Божіей ничего не дѣлается, и не спадетъ со главы человѣческой волосъ безъ воли Божіей; такъ я плутую по волѣ Божіей, по присловицѣ: что ежели бы не Богъ, такъ бы кто мнѣ помогъ.

СОСТРАТА.

Богъ плутамъ не помогаетъ и далъ человѣку волю избирати доброе и худое, за одно обѣщая воздаяніе, а за другое грозя наказаніемъ. А кто противу совѣсти своей святой не повинуется истинѣ, такъ тотъ суетно уповаешь на милость Божескую.

. . . . .

ЯВЛЕНІЕ XVII.

НИСА.

Я тебѣ, Валеріанъ, даю мою руку, а съ сею рукою даю тебѣ и сердце мое. Говорю, что тебѣ до смерти вѣрна буду и не клянуся; бездѣльника и клятва къ добродѣтели не пригвождаетъ, а добраго человѣка къ ней и едино слово пригвождаетъ; этотъ не раздражаетъ и человѣчества, а тотъ и Божество раздражаетъ; этотъ и человѣка ко утверженію добраго своего намѣренія въ поруки не призываетъ, вѣдая, что ему и безъ порукъ вѣрять, а та мерзкая гадина и ко прикрытію своего обмана съ небеси всемогущаго Бога въ поруки призываетъ дерзаетъ.

ПАСКВИНЪ.

И я, слѣдуя примѣру твоему, не клянуся тебѣ, Ниса; однако и безъ клятвы вѣрность мою къ тебѣ сохраню до гроба. Нѣтъ ничего болѣе Бога на небеси, и болѣе правосудія на земли, а злодѣи ничѣмъ не поражаютъ толико добродѣтели, какъ именованъ Божіимъ и видомъ правосудія; хотя всѣ законы, и Божескіе, и человѣческіе, противъ единыхъ бездѣльниковъ уставлены. О, человѣки, человѣки! Какое вы въ добродѣтели предъ скотами имѣете преимущество? Я лучше буду жить съ лютыми звѣрями, въ темныхъ и непроходныхъ лѣсахъ, нежели съ лютыми человѣками въ великолѣпнѣйшихъ чертогахъ. А съ тобою, любезная моя Ниса, готовъ я жить на всякомъ мѣстѣ; вездѣ мнѣ рай, гдѣ ты со мною.

НИСА.

Мнѣ и хижина та, гдѣ ты со мною будешь, царскимъ домомъ казаться станетъ.

явленіе XVIII.

Чужехвать, Ниса и Пасквинъ.

ЧУЖЕХВАТЬ.

Что, Нисанька, одумалася ли ты?

НИСА.

Въ чемъ, сударь?

ЧУЖЕХВАТЬ.

А въ томъ то, сударыня, чтобы тебѣ выйти за меня замужъ.

НИСА.

Я, сударь, вамъ это уже сказала, что я за васъ неиду.

ЧУЖЕХВАТЬ.

Такъ ты червонцевъ то себѣ не воображала: какой у нихъ видъ, какое сіяніе и какая въ нихъ притягательная сила?

НИСА.

Нѣтъ, сударь.

ЧУЖЕХВАТЬ.

Ни имперіаловъ?

НИСА.

Я, сударь, и въ бѣдности моей, этой подлости не имѣю, чтобы мнѣ утѣшаться воображеніемъ денегъ.

ЧУЖЕХВАТЬ.

О Великій и Всемогущій Боже! Какъ ты слышишь такіа душепугубныя рѣчи и терпишь такое беззаконіе? удивляюся твоему долготерпѣнію.

ПАСКВИНЪ.

И я, сударь, что Богъ ей такое великое терпитъ беззаконіе.

ЧУЖЕХВАТЬ.

Какъ ее громъ не поразить, или земля не пожретъ! И иконы святыхъ, прославленныя многими чудесами, золота и серебра не уничтожаютъ.

НИСА.

Я, сударь, не икона, и чудесами не прославлена, и золота и серебра вашего мнѣ не надобно, а кажется мнѣ, что хотя и хорошо, кто отъ усердія святыхъ и по справедливости нами почитаемыя иконы золотомъ и серебромъ украшаетъ, а особливо тѣ, которыя показываютъ Божіей премудрости знаменія, сотворшаго премудростію своею небо и землю, однако еще лучше пригвоздить сердце свое къ Богу, нежели кусокъ золота или серебра къ иконѣ его.

*Кажется
серебро
и золото
пробавить
идею*

ЧУЖЕХВАТЬ.

Серебро то и золото, Нисанька, къ иконѣ приложить можно, хотя и не то на умѣ, а сердце то къ Богу, когда не то въ мысли, не приложишь; а я, за кельей, между нами молвить, къ Богу то никакого усердія не имѣю, и въ этомъ вамъ, какъ добрый человекъ и православный христіанинъ, чистосердечно признаваюсь. А тебя, рублевичекъ мой, червончикъ мой, имперьяльчикъ мой, возьму я за себя и силою: лучше отнять волю у человекъ и спасти его, нежели оставить ему ее на погибель; а молодымъ людямъ воли давать никогда не надобно, потому что они не знаютъ еще, что имъ полезно и что вредно.

*Нисанька
Рубль
Червончикъ
Имперьяльчикъ*

НИСА.

Нѣтъ, сударь, силою, вы на мнѣ жениться не можете.

ПАСКВИНЪ.

Этого, сударь, не водится.

ЧУЖЕХВАТЬ.

А тебѣ, дружокъ, до этого дѣла нѣтъ! Я уже давно примѣтилъ то, что ты за нею волочишься; такъ ступай со двора долой, ступай, ступай! и чтобы духа твоего здѣсь не было! вонъ, вонъ изъ двора, вонъ, негодной! . . . . .

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Чужехвать, Валерій, Валеріанъ, Сострата, Ниса, Палемонъ, секретарь и два солдата.

СЕКРЕТАРЬ.

По рѣшенію Государственной Коллегіи Правосудія, по утверженію Правительствующаго Сената и по Высочайшему

повелѣнію, учреждено ваше имѣніе описать, и то, которое вамъ собственно принадлежитъ, отдать Валерьяну, учинить расчетъ собственно по опекунству, также и тѣ деньги, которыя вами подарены покойному графу Откупщику, взыскати съ его наслѣдниковъ, со всѣми по указамъ интересами, а васъ отсель взяти подъ карауль, ради учиненія надлежащія вамъ по законамъ казни, для отмщенія истинѣ и для отвращенія страхомъ отъ нетерпимаго, въ честномъ и благоденственномъ обществѣ, злодѣянія.

Много-внѣшняя развѣтка; или не выкажетъ изъ описаній и характера Чужевата

ЧУЖЕХВАТЬ.

Да это дѣло еще не совсѣмъ окончено!

СЕКРЕТАРЬ.

Совсѣмъ окончено.

ЧУЖЕХВАТЬ.

Я ни однажды не пытанъ, а надлежало меня трижды пытать, и ежели бы я трехъ пытокъ не вытерпѣлъ, тогда бы должно было обвинить меня.

СЕКРЕТАРЬ.

Изволь идти.

ЧУЖЕХВАТЬ.

Благодарные изъѣзжающіе: не худѣютъ.

Морозъ меня по кожѣ подираетъ: пришло преставленіе свѣта: гибну! гибну! горю! тону! помогите! умираю! ввергаюся во адъ! мучуся! стражду! стражду!

СЕКРЕТАРЬ. (Солдатамъ.)

Возьмите его.

ЧУЖЕХВАТЬ.

Будьте вы, злодѣи мои, прокляты и въ семь вѣкѣ и въ будущемъ!

(Секретарь отходитъ и Чужевата выводятъ.)

ВАЛЕРІЙ.

Исчезаетъ

Исчезни беззаконіе и процвѣтай добродѣтель! А ты, любовь, дражайшая утѣха въ жизни человѣческой, вкоренившаяся въ сердца наши и увеселяющая насъ прекрасными своими цвѣтами, дай намъ вкусити сладкіе плоды свои!

И. и П.

сатирический характер. изображения умелыя
крайне резко и ясно характеризуют.

— 139 —

ПѢСНЯ XXVIII¹⁾.

Сокрылись тѣ часы, какъ ты меня искала, 6-январь.
И вся моя тобой утѣха отнята: бѣ
Я вижу, что ты мнѣ невѣрна нынѣ стала,
Противъ меня совсѣмъ ты стала ужъ не та.
Мой стонъ и грусти люты
Вообрази себѣ,
И вспомни тѣ минуты,
Какъ былъ я милъ тебѣ.

Взгляни на тѣ мѣста, гдѣ ты со мной видалась,
Всѣ нѣжности они на память приведуть.
Гдѣ радости мои! Гдѣ страсть твоя дѣвалась?
Прошли и въ вѣкъ ко мнѣ обратно не придуть.

Настала жизнь другая;
Но ждалъ ли я такой!
Пропала жизнь драгая,
Надежда и покой.

БАСНИ.

„Сумароковъ былъ самымъ плодовитымъ нашимъ баснописцемъ. Басни его дѣлятся на шесть книгъ и всѣхъ басенъ у него 378. Такое количество удивляетъ насъ, но не надобно забывать, что въ это число входятъ довольно стихотвореній, не имѣющихъ ничего общаго съ баснею, ни по формѣ, ни по содержанию. Это энциклопедія легкой насмѣшки, а иногда и тяжелой сатиры. (Буличъ.) Казалось бы, что при такомъ количествѣ басенъ Сумароковъ долженъ былъ бы занять видное мѣсто между нашими баснописцами, но, по справедливости, онъ не занялъ и не можетъ занять такого положенія: среди огромнаго количества его басенъ очень не легко найти такія, которыя были бы написаны со вкусомъ. Въ большинствѣ и особенно его оригинальныя басни тяжелы, не глубоки и грубы по формѣ. Собраніе своихъ басенъ Сумароковъ посвятилъ наслѣднику престола, Великому князю Павлу Петровичу.

Одна изъ приводимыхъ ниже его басенъ принадлежитъ ему самому и касается подъячихъ, — любимая Сумароковымъ тема; другая переведена изъ Лафонтена и изъ нѣкоторыхъ ея выраженій не трудно замѣтить, что Крыловъ внимательно читалъ своихъ предшественниковъ.

¹⁾ Это — одна изъ тѣхъ „любимыхъ“ пѣсенокъ, которыя создали Сумарокову первую извѣстность и тогда производили въ обществѣ сильное впечатлѣніе (См. объ этомъ у Волотова). Онѣ важны, какъ ступень въ развитіи стиха и стиля русской лирики.

1. ВОРОНА и ЛИСИЦА.

И птицы держатся людскова ремесла:
Ворона сыру кусъ когда-то унесла,
И на дубъ сѣла:

Сѣла,

Да только лишь еще ни крошечки не ѣла.
Увидѣла лиса во рту у ней кусокъ,
И думаетъ она, а дамъ воронѣ сокъ.
Хотя туда не вспряну,
Кусочикъ этотъ я достану,
Дубъ сколько ни высокъ.
Здорово, говорить лисица,
Дружокъ, воронушка, названая сестрица;
Прекрасная ты птица;
Какія ноженьки, какой носокъ,
И можно то сказать, тебѣ безъ лицемѣрья,
Что паче всѣхъ ты мѣрь, мой свѣтикъ, хороша;
И попугай ничто передъ тобой, душа;
Прекрасные сто кратъ твои павлиньихъ перья:
Нелестны похвалы пріятно намъ терпѣть:
О естли бы еще умѣла ты и пѣть,
Такъ не былобъ тебѣ подобной птицы въ мірѣ!
Ворона горлушко разинула поширѣ,
Чтобъ быти соловьемъ,
А сыру, думаетъ, и послѣ я поѣмъ,
Въ сію минуту мнѣ здѣсь дѣло не о пирѣ.
Разинула уста,
И дождалась поста:
Чуть видить лишь конецъ лисицына хвоста.
Хотѣла пѣть, не пѣла;
Хотѣла ѣсть, не ѣла:
Причина та тому, что сыру больше нѣтъ:
Сыръ выпалъ изъ роту лисицѣ на обѣдѣ.

2. ДВѢ ДОЧЕРИ ПОДЪЯЧИХЪ.

Подъячій былъ, и былъ онъ добрый человекъ,
Чего не слыхано во вѣкъ:

Умъ рѣзвой

Имѣлъ,

Мужикъ былъ трезвой,

*иногда, чтобы не
читатель, чтобы не*

*добрый
настроений
взгляд на
взгляд
выражений*

И сверхъ тово еще писать умѣль.
Читатель этому конечно не повѣритъ,
И скажетъ обо мнѣ: онъ нынѣ лицемѣритъ;
А мой читателю отвѣтъ:
Я правду доношу, хоть вѣрь, хоть нѣтъ:
Что Хамово то племя,
И что крапивно сѣмя,
И что не возлетятъ ихъ души къ небесамъ,
И что наперсники подъячія бѣсамъ,
Я все то знаю самъ.
Въ убожествѣ подъячева вѣкъ минулъ;
Хотя подъячій сей работаль день и ночь:
По смерти онъ покинулъ

*Какая же
Человѣкъ
Фурш*

Дочь,

И могъ надежно тѣмъ при смерти онъ ласкаться,
Что будетъ дочь ево въ вѣкъ по міру таскаться.
Другой подъячій былъ, и взятки бралъ:
Былъ пьяница, дуракъ и грамотѣ не зналъ.
Покинулъ дочь и тѣму богатства онъ при смерти.
Взяла богатства дочь, а душу взяли черти.
Та дѣвка по міру таскается съ сумой,
А эта чванится въ каретѣ.

*Кортежъ
взглядъ*

*дѣвчонка
и т. д.
и т. д.*

О Боже, Боже мой,

Какая честности худая мзда на свѣтѣ!

*и т. д.
и т. д.*

Пити мзда

неправильно

ХОРЪ КЪ ПРЕВРАТНОМУ СВѢТУ.

Сатирическая пѣсня „Хоръ къ превратному свѣту“ написана Сумароковымъ для торжественнаго уличнаго маскарада, устраивавшагося Ѳ. Г. Волковымъ въ 1763 году въ Москвѣ, въ коронацію Императрицы Екатерины II. Этотъ „хоръ“ заключаетъ въ себѣ вѣдую сатиру на многіе значительные пороки русскаго общества и темныя общественныя явленія.

и т. д.

Прилетѣла на берегъ синица,
Изъ за полночна моря,
Изъ за холодна океана:
Спрашивали гостейку пріѣзжу,
За моремъ какія обряды.
Гостыя пріѣзжа отвѣчала:
Все тамъ превратно на свѣтѣ.
За моремъ Сократы добронравны,

*и т. д.
и т. д.*

Каковыхъ и здѣсь мы видаемъ,
Никогда не суетвѣрять,
Не ханжать, не лицемѣрять.

Воеводы за моремъ правдивы.

Дьякъ тамъ цуками не ѣздить,

Дьячихи алмазовъ не носятъ,

Дьячата гостинцовъ не просятъ:

За носъ тамъ судей писцы не водятъ.

Сахаръ подьячій покупаетъ.

За моремъ подьячія честны;

За моремъ писать они умѣютъ,

За моремъ въ подрядахъ не крадутъ;

Откушы за моремъ не въ модѣ,

Чтобы не стонало Государство.

Завтремъ тамъ истца не питаютъ.

За моремъ почетныя люди

Шеи назадъ не загибаютъ,

Люди отъ нихъ не погибаютъ.

Въ землю денегъ за моремъ не прячутъ.

Со крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ,

Деревень на карты тамъ не ставятъ;

За моремъ людьми не торгуютъ.

За моремъ старухи не брезгливы,

Чотокъ они хотя не носятъ,

Добрыхъ людей не злословятъ.

За моремъ противно указу,

Росту заказнова не емлютъ.

За моремъ пошпины не крадутъ.

Въ церкви за моремъ кокетки

Бредить, колобродить не ѣздятъ.

За моремъ бездѣльникъ не входитъ

Въ дома, гдѣ добрыя люди.

За моремъ людей не смучаютъ,

Сору изъ избы не выносятъ.

За моремъ ума не пропиваютъ;

Сильныя безсильныхъ тамъ не даютъ;

Предъ большихъ бояръ лампадъ не ставятъ.

Всѣ дворянски дѣти тамъ во школахъ:

Ихъ отцы и сами учились.

Учатся за моремъ и дѣвки;

За моремъ тово не болтаютъ:

Дѣвущкѣ де разума не надо,

*Большая жизнь
Дьякъ - но
вотачишество
вотачишество и
неграмотность въ
России.*

*Въ России не
вотачишество
Кланъ
Въ России берутъ
подачи съ крестьянъ
сметливостю*

Въ крѣпости

вотачишество

*вотачишество
вотачишество
вотачишество
вотачишество*

сметно.

Надобно ей личико да юбка,
 Надобны румяны да бѣлилы.
 Тамъ языкъ отцовскій не въ презрѣньи;
 Только въ презрѣньи тѣ невѣжи,
 Кои свой языкъ уничтожаютъ,
 Кои, долго странствуя по свѣту,
 Чужестраннымъ воздухомъ не къ стати,
 Головы пустыя набивая,
 Пузыри надутые вывозятъ.
 Вздору тамъ Ораторы не мѣлуютъ;
 Стихотворцы вирши не кропаютъ;
 Мысли у писателей тамъ ясны,
 Рѣчи у слагателей согласны:
 За моремъ невѣжа не пишетъ,
 Критика злобой не дышетъ.
 Ябѣды за моремъ не знаютъ,
 Лутче тамъ достоинство наука,
 Лутче приказнова кряка.
 Хитрости свободны тамъ почтеннай,
 Нежели дьячьи закрѣпы,
 Нежели выписки и справки,
 Нежели не внятныя экстракты.
 Тамъ купецъ — купецъ, а не обманщикъ.
 Гордости за моремъ не терпятъ,
 Лести за моремъ не слышно,
 Подлости за моремъ не видно.

**ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРАГЕДІИ ДИМИТРІЙ САМО-
 ЗВАНЕЦЪ.**

Примѣчаніе. Слово Публика, какъ нѣгдѣ и г. Вольтеръ изъясняется, не знаменуетъ цѣлаго общества, но часть малую онаго, т.-е. людей знающихъ и вкусъ имущихъ. Есть ли бы я писалъ о вкусѣ Дисертацию, я бы сказалъ то, что такое вкусъ, и изъяснилъ бы оно; но здѣсь дѣло не о томъ. Въ Парижѣ, какъ извѣстно, невѣждѣ не мало, какъ и вездѣ, ибо все-ленная по большей части ими наполненна. Слово Чернь принадлежитъ низкому народу, а не слово Подлой народъ; ибо подлой народъ суть каторжники и протчія презрѣнная твари, а не ремесленники и земледѣльцы. У насъ сіе имя всѣмъ тѣмъ дается, которыя не дворяня. Дворянинъ! великая важность! Разумный священникъ и проповѣдникъ Величества

Самодовольствіе
 изобличающъ
 пороки и не
 заботится о
 судопостыженности
 Кашлеміръ
 заботится о
 судопостыженности
 Кашлеміръ въ
 смирности
 не извѣствуетъ, но
 Сумароковъ не въ
 смирности, и
 порокъ
 кувкавъ
 бичеца.

Мораль
 Критика
 Вирши
 Стихотворцы
 Гордости
 Лести
 Подлости

Банка-
 фактура и
 ЛНА

Божіяго, или кратко Богословъ, Естествословъ, Астрономъ, Риторъ, Живописецъ, Скульпторъ, Архитекторъ и проч. по сему глупому положенію члены черни. О несносная дворянская гордость, достойная презрѣнія и поруганія! Истинная чернь суть невѣжды, хотя бы они и великія чины имѣли, богатство Крезовъ и влекли бы свой родъ отъ Зевса и Юноны, которыхъ никогда не бывало, отъ сына Филиппова, побѣдителя или паче разорителя вселенныя, отъ Іюлія Цесаря, утвердившаго славу римскую, или паче разрушившаго оную. Слово Публика и тамо, гдѣ гораздо много ученыхъ людей, не значить ничево. Людовикъ XIV далъ Парнасу златой вѣкъ во своемъ отечествѣ, но по смерти ево вкусъ мало-по-малу сталъ исчезать. Не исчезъ еще, ибо видимъ мы онаго остатки въ г. Вольтерѣ и во другихъ французскихъ писателяхъ. Трагедіи и Комедіи во Франціи пишутъ, но не видно еще ни Вольтера, ни Молиера. Ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій: ввелся тамъ, но тамъ не исторгнуты сѣмена вкуса Расинова и Молиерова: а у насъ по Театру почти еще и начала нѣтъ; такъ такой скаредный вкусъ, а особливо вѣку Великія Екатерины не принадлежитъ. А дабы не впустить онаго, писалъ я о такихъ Драмахъ къ г. Вольтеру: но они въ сіе краткое время вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургъ: нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе, какъ скаредно ни переведена Евгенія, и какъ нагло Актриса подъ именемъ Евгеніи Бакханту ни изображала; а сіе рукоплесканіе Переводчикъ оныя Драмы, какой-то подъячій, до небесъ возноситъ, соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судіею Парнаса и утвердителемъ вкуса московской публики!.. Конечно, скоро преставленіе свѣта будетъ. Но неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ: и неужели вкусъ жителей московскихъ сходнае со вкусомъ сево подъячева! Подъячему соплетать похвалы вкуса Княжичей и Господичей московскихъ толь маловмѣстно, коль непристойно лагѣю, хотя и придворному мои пѣсни безъ моей воли портить, печатать и продавать, или противъ воли еще пребывающаго въ жизни автора портить ево Драмы, и за порчу собирать себѣ деньги, или сѣзжавшимся видѣть Семиру сидѣть возлѣ самага оркестра и грызть орѣхи и думать, что когда за входъ заплачены деньги въ позорище, можно въ Партерѣ въ кулачки биться, а въ Ложахъ рассказывать исторіи своей недѣли громогласно и грызть орѣхи; можно и дома грызть орѣхи:

(Вопросъ о дѣлѣ)
 мысли и у
 Каваліра:
 вѣнчикъ славы
 обидѣла
 слонѣвъ бѣгъ
 черню 1711.
 иль неслѣшны

*Сирмагохъ,
 какъ имено-
 классикъ,
 ие любилъ
 все же. комеди,
 содержаніе
 котораго толь
 инаго, ие было
 драмой вет:
 бартоу страфъ?
 ие балетъ*

а публиковать газеты весьма малонужныя можно и внѣ Театра; ибо таковыя газетчики къ тому довольно времени имѣютъ. Многія въ Москвѣ зрители и зрительницы не для того на позорищи ѣздятъ, дабы имъ слышать ненужныя имъ газеты: а грызеніе орѣховъ не приноситъ удовольствія, ни зрителямъ разумнымъ, ни актерамъ, ни трудившемуся во удовольствіе Публики автору: ево служба награжденія, а не наказанія достойна. Вы, путешественники, бывшія въ Парижѣ и въ Лондонѣ, скажите! грызутъ ли тамъ во время представленія Драмы орѣхи; и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, сѣкутъ ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ, ко тревогѣ всего партера, ложъ и театра. Но какъ-то ни есть, я жалѣю, что я не имѣю копій съ посланнаго г. Вольтеру письма, бывъ тогда въ крайней разстройкѣ и крайне боленъ, когда князь Козловскій, отъѣзжавшій къ г. Вольтеру, по письмо ко мнѣ заѣхалъ: я отдалъ мой подлинникъ, ниже ево набѣло переписавъ; однако отвѣтное письмо сего отличнаго автора и слѣдственно отличнаго и знатока нѣсколько моихъ вопросовъ заключаетъ, а особливо что до скаредной слезной комедіи касается. А ежели ни г. Вольтеру, ни мнѣ кто въ этомъ повѣрить не хочетъ, такъ я похвалю и такой вкусъ, когда щи съ сахаромъ кушать будутъ, чай пить съ солью, кофе съ чеснокомъ, и съ молебномъ совокупятъ панафиду. Между Талии и Мельпомены различіе таково, каково между дня и ночи, между жара и стужи, и какое между разумными зрителями Драмы и между безумными. Не по количеству голосовъ, но по качеству утверждается достоинство вещи: а качество имѣетъ основаніе на истиннѣ.

*составлено
Вольтеромъ*

Достойной похвалы невѣжи не умалять:

А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ."

Далѣе напечатанъ подлинный отвѣтъ Вольтера на письмо Сумарокова. Изъ него приводится въ переводѣ все существенное.

„Я отвѣчу на всѣ ваши вопросы, въ которыхъ ясно видны ваши взгляды. Я горжусь тѣмъ, что мои мнѣнія сходятся съ вашими. Да, я считаю Расина безспорно лучшимъ нашимъ трагическимъ писателемъ; онъ одинъ говоритъ и сердцу и разуму, одинъ дѣйствительно возвышенъ безъ всякой надутости; онъ внесъ въ рѣчь неизвѣстное дотогѣ очарованіе. Единственно онъ изображалъ трагическую сторону любви; до него лишь въ одномъ „Сидѣ“ у Корнеля эта страсть передана прекрасно, но Сидъ не принадлежитъ Кор-

*Вольтеръ
отвѣтилъ
что Расинъ
лучше*

нелю¹⁾), а почти во всѣхъ остальныхъ его пьесахъ любовь смѣшна или бессмысленна...

Вполнѣ подписываюсь подъ вашими словами о Мольерѣ и о слезной комедіи, которая къ стыду французской націи заняла мѣсто истиннаго комическаго жанра доведеннаго до совершенства неподражаемымъ Мольеромъ. Послѣ Реньяра, который родился съ настоящимъ комическимъ дарованіемъ и одинъ близокъ къ Мольеру, у насъ появляются только уроды. Писатели, неспособные создать простой шутки, задумали писать комедіи просто для наживы. У нихъ нѣтъ достаточно творческой силы, чтобы создать трагедію, ни веселости, чтобы написать комедію; они не въ силахъ изобразить простаго лакея. И вотъ они даютъ трагическія приключенія подъ именемъ буржуазной жизни. Говорятъ, что въ этихъ пьесахъ есть извѣстный интересъ и онѣ довольно нравятся, когда хорошо исполнены; можетъ быть; я никогда не могъ ихъ читать; но увѣряютъ, что это актеры создаютъ нѣкоторую иллюзію. Эти пьесы-ублюдки — ни трагедіи, ни комедіи; разъ нѣтъ лошадей, съ удовольствіемъ можно ѣхать и на мулахъ.

Я уже двадцать лѣтъ не былъ въ Парижѣ. Мнѣ передавали, что тамъ теперь больше не ставятъ комедій Мольера. Я думаю, это потому, что всѣ знаютъ ихъ наизусть и почти всякое выраженіе въ нихъ стало пословицей. Впрочемъ, въ нихъ есть длинноты, сюжеты часто слабы, а развязки рѣдко удачны; Мольеръ ставилъ себѣ задачей просто рисовать съ натуры и, безспорно, онъ былъ величайшимъ ея живописцемъ.

Вотъ, милостивый государь, мои основные взгляды, которые вы желали знать“.

Предисловіе заканчивается новымъ обращеніемъ къ „Евгенію“.

Разсмотрѣніе содержанія „Евгенія“.

Содержаніе сей слезной комедіи есть слѣдующее. Молодой, худовоспитанный и нечистосердечный графъ внѣ Лондона распалился красотой дочери нѣкаго небогатаго дворянина и велѣлъ своему слугѣ себя съ нею обвинять. Онъ возвратился въ Лондонъ и, помолвивъ жениться на какой-то знатной дѣвицѣ, собирается ко дню сочетанія. Первая его супруга пріѣхала въ его домъ; свѣдала, что сожитель ея

¹⁾ Очевидно, намекъ на заимствованіе, сдѣланное Корнелемъ для Сиды у испанца Де Кастро.

сказки
характеръ
слезы юсти
и мнѣ
сторона не
корреспондент
удачные
сравненіе

съ другою бракомъ сочетается; бѣгаетъ, растрепавъ волосы. Она плачетъ, отецъ сердится; въ домѣ иной плачетъ, иной хохочетъ. Наконецъ сожитель ея, сей повѣса и обманщикъ, достойный висѣлицы за поруганіе религіи и дворянской дочери, которую онъ плутовски обманулъ, обманываетъ другую невѣсту, знатную дѣвицу; входитъ изъ бездѣльства въ бездѣльство: отказываетъ невѣстѣ и вдругъ, перемѣнивъ свою систему опять, женится вторично на первой своей женѣ. Но кто за такого гнуснаго человѣка поручится, что онъ на завтра еще на комъ-нибудь не женится, ежели правительство и духовенство его не истребятъ. Сей мерзкій повѣса не слабости и заблужденію подверженъ, но безсовѣстности и злодѣянію¹⁾. *Идея новая — обща всемъ народамъ.*

ПИСЬМА КЪ И. И. ШУВАЛОВУ.

Переписка Сумарокова съ И. И. Шуваловымъ даетъ яркое представление о самомъ Сумароковѣ, какъ человѣкѣ впечатлительномъ, не очень образованномъ и исполненномъ живого интереса къ русскому театру, очень раздражительномъ и нерѣдко мелочномъ. Въѣсто съ этимъ въ этихъ письмахъ прекрасно вырисовывается неопредѣленность положенія русскаго театра въ тѣ времена.

¹⁾ Предисловіе Сумарокова и переписка его съ Вольтеромъ вызваны были большимъ успѣхомъ на Московской сценѣ комедіи Бомарше „Евгенія“, представленной въ первый разъ 18 мая 1770 года. „Евгенія“ была переведена итѣмъ Н. Пушкиновымъ, служившимъ при графѣ К. П. Разумовскомъ (постому Сумароковъ и называетъ переводчика для большей пренебрежительности подъячимъ). Сумароковъ, вѣрный строгимъ правиламъ ложноклассической теоріи, не признавалъ новаго, нарождавшагося вида драматическихъ произведеній и кромѣ того былъ лично задѣтъ малымъ успѣхомъ своихъ трагедій въ Москвѣ; также какъ и интригами противъ него въ московской театральной сферѣ. Все это ясно видно въ предисловіи, и въ изложеніи имъ содержанія неприятной ему комедіи. Пристрастный, насмѣшливый пересказъ Сумарокова, разумѣется, не можетъ дать правильнаго понятія о „Евгеніи“ Бомарше. Эта комедія дѣйствительно гораздо слабѣе его „Севильскаго Цирюльника“ и „Женитьбы Фигаро“, но она сыграла въ свое время извѣстную роль въ развитіи современной европейской драмы. Иавѣстное важное участіе въ этомъ процессѣ „слезныхъ комедій“ или „мѣщанскихъ драмъ“; „Евгенія“ — типичный образецъ такихъ произведеній. Кромѣ сентиментальнаго, мелодраматическаго элемента въ ней есть уже намекъ на столь важную послѣ у Бомарше тему о социальномъ неравенствѣ: молодой аристократъ, племянникъ министра, обманувъ бѣдную дѣвушку паробѣй на брачную церемонію, бросаетъ ее, но потомъ, тронутый ея благородствомъ, раскаивается и возвращается къ ней. Пьеса получила широкую извѣстность въ предѣлахъ Франціи; ее играли въ переработанномъ видѣ въ Англии, въ Германіи она была пять разъ переведена въ 18 в. и ставилась на сценѣ еще въ началѣ 19 в., заслуживъ между прочимъ одобреніе Гете.

Рѣзкости Сумарокова вызвали дальнѣйшія интриги противъ него въ Москвѣ, онъ обратился съ запальчивымъ письмомъ къ Императрицѣ Екатеринѣ, прося защиты своихъ правъ. Она просила его успокоиться и дала понять, что ей пріятнѣе видѣть представленіе страстей въ его драмахъ, нежели въ письмахъ.

Хотя русский театр и был учрежденъ, но для него не было дано спеціальнаго помѣщенія. Сумароковъ могъ пользоваться для русскихъ представлений сценой или французскаго или итальянскаго театра, въ тѣ дни, когда эта сцена была свободна. Въ то время, какъ на французскій театръ отпускалось 25.000 р. въ годъ и сверхъ того дворъ снабжалъ его музыкантами, декораціями и свѣчами, на содержаніе русскаго театра отпускалось 5000 р. въ годъ. Музыкантовъ Сумарокову нерѣдко не отпускали и наканунѣ представленія его увѣдомляли, что музыканты устали, такъ какъ играли въ маскарадѣ. Артисты труппы Сумарокова жили на Васильевскомъ островѣ, а оба театра французскій и итальянскій находились въ придворныхъ помѣщеніяхъ, по сю сторону Невы и, когда не было почему-либо переѣзда черезъ Неву, русскія представленія не могли состояться. Театръ Сумарокова находился въ вѣдѣніи иностранца, гофмаршала графа Сиверса, которому интересы русскаго театра не были близки, и Сумарокову приходилось чаще имѣть дѣло съ однимъ изъ его помощниковъ: эти отношенія были рядомъ ожесточенныхъ столкновений. Въ письмахъ Сумарокова сквозить, очень ясно, заброшенность русскаго театра и бѣдственное его матеріальное положеніе. Очень естественно, что такія условія общественной и литературной дѣятельности Сумарокова доставляли ему много страданія. Эти условія рисуютъ также очень ярко положеніе русскаго писателя въ XVIII вѣкѣ.

I.

Милостивый Государь!

Я неоднократно дерзалъ утруждать ваше превосходительство о повелѣніи, чтобы на французскомъ театрѣ моимъ актерамъ было позволено играть въ тѣ дни, въ которыя отъ Серини¹⁾ не представляются драммы, и по необходимости или паче въ разсужденіи вашей ко мнѣ отъѣнной милости еще васъ утрудить дерзаю. Лѣто настаетъ, а деньги въ театральной казнѣ исчезаютъ, а я тысячами препятствій не только въ представленіяхъ лишень всего одобренія, но къ лютѣйшимъ моимъ воображеніямъ и чувствію въ моихъ хлопотныхъ и всѣмъ бесполезныхъ обстоятельствахъ лишень всѣхъ поетическихъ мыслей и не могу ничево зачать къ удовольствію двора и публики.

Никто не можетъ требовать, чтобы русский театр основался, ежели толикія трудности не пресѣкнутся, которыя не только отъемлютъ у меня поетическія чувствія, но все мое здоровье и разумъ, что еще я и больше всѣхъ на свѣтѣ почитаю благополучій. Удивительно ли будетъ, ваше превос-

¹⁾ Серини, т.-е. Сереньи — директоръ французскаго театра.

ходительство, что я отъ моихъ горѣстей сопьюсь, когда люди и отъ радостей спиваются? Я опасаясь ваше превосходительство много утруждать и когда говорю съ вами, всегда берегу чтобы вамъ не наскучить и не здѣлаться противнымъ, а обстоятельства русскаго театра весьма всему свѣту могутъ показаться удивительны.

письмо Суриков

Кто можетъ повѣрить въ Парижѣ, когда я нѣкоторымъ образомъ не дѣлаю безчестія моему отечеству, симъ самымъ мучусь, имѣя еще милостивца, любителя наукъ и художествъ. Сколько я васъ люблю, тому свидѣтель весь свѣтъ, а на совѣсть свою я посылаюсь не могу; ибо льстецы и бездѣльники ее себѣ во лжесвидѣтельство употребляютъ. Карневаль до послѣднихъ дней масленицы прошелъ безъ представленія отъ русскаго театра, за неимѣніемъ платы.

Май настаетъ, время къ удовольствію ^{на волю} воздушныхъ приятностей увеселенія, а я вмѣсто сочиненій и представлений страдаю и все, что ни есть на свѣтъ, теряю, здоровье, умъ, веселости, надежду, славу; но можно ли мнѣ изъяснить мое бѣдное отъ драматическаго стихотворства состояніе! Вы можете мнѣ отвѣтствовать: страдай и что хочешь дѣлай. Однако я отъ васъ сего отвѣта не ожидаю, и измѣряю ваши милости моимъ къ вамъ усердіемъ, съ которымъ ожидая милостиваго предстательства о театрѣ и о людяхъ къ тому потребныхъ, есмь и буду до смерти моей, не яко іуда, но яко честной человѣкъ.

27 апр. 757.
С.-Пб.

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій и нижайшій слуга
Александръ Сумароковъ.

П.

Милостивый Государь!

Три представленія не только не окупилися, но еще и убытокъ театру принесли, свѣчь сальныхъ не позволяютъ имѣть, ни плошекъ, а восковой иллюминаціи на малый зборъ содержать никакъ нельзя, я доносить съ прописаніемъ, да и въ короткое время силъ моихъ исправлять всѣ потребности недостаетъ, все надобно заблаговременно исправлять, да и посылать мнѣ, милостивый Государь, некаво, не имѣя кромѣ двухъ кописовъ никакихъ театральныхъ служителей. — Я затрудненій напрасныхъ не имѣю притчины дѣлать и что

доношу, о томъ утверждая мою честностью говорю, что то истинна. Я бы все исправилъ ежели бы была возможность, а севодни послѣ обѣда зачавъ до завтра я не знаю какъ передѣлать—ежели я виноватъ и отъ меня происходятъ затрудненія такъ я признаваю себя неспособнымъ и отдаю на разсмотрѣніе всего свѣта такое ли это дѣло поезія и театръ, чтобы исправленіе могло быть въ такое короткое время.—Я вижу что всѣ мои милостивый Государь предложенія не пріемлются и тянуть сколько можно.

— Я доношу что мнѣ восковой иллюминаціи имѣть нельзя и когда буду пропустивъ время подъ самой конецъ зачинать исправленіе то не можетъ быть порядку а что Симоновъ поѣхалъ спустя лѣто въ лѣсъ по малину и не зачалъ исполнять того, что ему приказано заблаговременно его милостивый Государь не моя вина. Подумайте милостивый Государь сколько теперъ еще дѣла:

- Нанимать музыкантовъ.
- Покупать и разливать приказать воскъ.
- Дѣлать публикаціи по всѣмъ командамъ.
- Дѣлать репетиціи и протч.
- Посылать къ Рамб. по статистовъ.
- Посылать къ машинисту.
- Дѣлать распорядокъ о пропускѣ.
- Посылать по карауль.

А людей только два копейста, они копейсты, они рассыльщики, они портіеры.

Я наконецъ доношу, что три представленія уже некупились, денегъ нѣтъ, занимать негдѣ, своихъ у меня нѣтъ, жалованья за неимѣніемъ денегъ и по волѣ Ломоносова не даютъ, моихъ денегъ издержанныхъ г. Чулковъ семь лѣтъ не даетъ¹⁾, въ Академію съ меня нехристіанскою выкладкою за работы трагедій правятъ²⁾. Богъ моей молитвы за грѣхи мои не пріемлетъ и къ кому я не адресуюсь всѣ говорятъ что де русскій театръ партикулярной, ежели партикулярной

¹⁾ Дѣло идетъ о 400 рубльяхъ собственныхъ денегъ, истраченныхъ Сумароковымъ на театральныя представленія. Уплата по его счетамъ была произведена по настоянію Шувалова.

²⁾ Въ Академической типографіи печатались драматическія сочиненія Сумарокова и его журналъ „Трудолюбивая Пчела“. Сумароковъ, повидимому, предполагалъ, что за его труды по театру и литературѣ Академія должна была печатать его сочиненія на льготныхъ условіяхъ, и жалуется на высокія цѣны ея счетовъ. Деньги по этимъ счетамъ вычитались изъ театральнаго жалованья Сумарокова.

поворачивать
каждый вечеръ
Симоновъ
Мило Мень
Молодые
ушло -
управлять
Театръ.

Сумароковъ,
и Шуваловъ,
и Симоновъ,
и Мило Мень,
и Молодые.

такъ лутче ничего не представлять, мнѣ въ етомъ милости-
вый Государь нужды нѣтъ никакой и лутче всего разрушить
театръ, а меня отпустить куда-нибудь на воеводство или по-
садить въ какую коллегію, я грабить родъ человѣческой на-
учиться легко могу, а профессоровъ этой науки довольно,
ибо ни одинъ еще не... лутче быть подъячимъ нежели стихо-
творцемъ.

20 Маія 758.

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
А. С.

15. Записки артиллеріи маіора Михаила Василь- евича Данилова, написанныя имъ въ 1771 году.

Приводимъ выдержки изъ предисловія къ изданію записокъ маіора
Данилова г. П. Строевымъ.

„Михаилъ Васильевичъ Даниловъ родился около 1722 года, скон-
чался послѣ 1790 года. Изъ сочиненій его напечатаны:

„Начальное знаніе теоріи и практики въ артиллеріи, М. 1762,
in. 4°“; „Ясное показаніе, какъ готовить фейерверки и разныя
иллюминаціи, М. 1779, in. 4°“; „Письма къ пріятелю о полезныхъ
и любопытства достойныхъ матеріяхъ, М. 1783, in. 8°“; „Письмо
о совѣсти, М. 1804, in. 12°“. Всѣ сіи книги нынѣ довольно рѣдки.

По случаю достались мнѣ его записки, въ видѣ родословія Да-
ниловыхъ, написанныя имъ въ 1771 году и пополненныя послѣ.

Простодушный разсказъ автора о своей жизни, картины обще-
житія, нравовъ и службы дворянъ, во времена Императрицъ Анны
и Елисаветы, милые анекдоты: все это любопытно и не совсѣмъ
безполезно для исторіи. Нельзя не пожалѣть, что сіи записки не
въ большемъ объемѣ и, кажется, безъ конца. Рукопись принадле-
жала самому автору, но очень дурного почерка, едва ли не дѣт-
скаго: я посправилъ ее, не касаясь слишкомъ слога и выраженій,
даже орфографіи, какъ неотъемлемой собственности автора и его
вѣка“.

1. Въ 1735 году опубликовано было указомъ, дабы всѣ не-
доросли дворянскіе дѣти явились въ герольдію, при Сенатѣ,
на смотръ; а по разсматриванію Сената, по желанію каждаго
недоросля, отсылали записываться въ школы или въ службу,
куда кто пожелаетъ: тогда и братъ мой Василій въ 736 г.
записался въ артиллерійскую школу.

Оная школа была еще учреждена вновь, на полковомъ
артиллерійскомъ дворѣ, и было въ оную прислано изъ Ге-
рольдїи дворянскихъ дѣтей, бѣдныхъ и знатныхъ по желанію,

семь сотъ человекъ; а какъ въ новой школѣ не было ни порядка, ни учрежденія, ни смотрѣнія, то черезъ четыре года разошлось оное большое собраніе, безъ позволенія школьнаго начальства, по разнымъ мѣстамъ, въ настоящую службу, куда кто хотѣлъ, записались; а осталась только нѣкоторая часть дворянскихъ дѣтей, кои прилежали охотно и хотѣли учиться. Но великой тогда недостатокъ въ оной школѣ состоялъ въ учителяхъ. Сначала вступленія учениковъ, было для показанія одной ариѳметики, изъ пушкарскихъ дѣтей два подмастерья; потомъ опредѣлили, по пословицѣ волка овецъ пасти, штыкъ юнкора Алабушева.

Алабушевъ тогда содержался въ смертномъ убійствѣ третій разъ подъ арестомъ: былъ человекъ хотя нѣсколько знающій, разбиралъ Магницкаго печатной ариѳметикъ и часть геометрическихъ фигуръ показывалъ ученикамъ, почему и выдавалъ себя въ тогдѣшнее время ученымъ человекомъ, однако, былъ вздорный и весьма неприличный быть учителемъ благородному юношеству, гдѣ учитель долженъ своимъ добрымъ нравомъ, поведеніемъ и хорошими поступками, во всемъ учениі образцомъ быть; а онъ рѣдкой день приходилъ въ школу непьяный. Видно, что тогда былъ великій недостатокъ ученыхъ людей въ артиллеріи, когда принуждены были взять и опредѣлить въ школу учителемъ колодника и смертоубійцу. На послѣдокъ для поправленія въ школѣ порядка, еще опредѣленъ былъ, сверхъ штыкъ — юнкера Алабушева, капитанъ Гринковъ, у котораго не было лѣвой руки по локоть: человекъ былъ какъ прилежный, такъ и копотливый, и былъ великій заика, однако завелъ въ школѣ порядокъ лучше Алабушева. Онъ вперялъ въ учениковъ охоту учиться, съ обѣщаніемъ чести, и довелъ до того, что его стараніемъ нѣсколько человекъ изъ учениковъ пожалованы были въ Артиллерію сержантами и ундеръ-офицерами¹⁾; изъ нихъ нынѣ есть при Артиллеріи полковники и генералы.

2. Зять мой Астафьевъ, получа большое наслѣдство, не прилежно сталъ уже въ полку служить; а какъ въ тогдѣшнее время отставки отъ службы не было, или трудно ее получить было, то онъ нашель милостивца въ полковомъ секретарѣ, который его отпускалъ въ годовые отпуска за малые деревенскіе гостинцы. Секретарь доволенъ былъ, когда за паспортъ получить душекъ двѣнадцать мужеска пола съ же-

¹⁾ Въ тогдѣшнее время жаловали въ чины по наукамъ, а не ученаго записывали въ рядовые канонеры.

нами и съ дѣтьми, съ обязательствомъ таковымъ, когда зять мой Астафьевъ на срокъ оныхъ подаренныхъ крестьянъ не вывезетъ, куда назначено было, тогда неустойка награждалась прибавкою къ двѣнадцати душамъ. Чтобъ не потерять дружбы, таковымъ полезнымъ отъ секретаря отпускомъ зять мой пользовался каждый годъ по договору. Случалось мнѣ и то видѣть самому, при самомъ уже въ отпускъ отъѣздѣ изъ полку, не оставлять у него писари полковые и ротные постели и подушекъ, хотя онъ даже сидѣлъ въ кибиткѣ и то вытаскивали и дѣлили по себѣ, какъ завоеванную добычу. Странное видѣніе было сихъ безстыдныхъ подлецовъ. Полковой писарь гораздо былъ совѣстнѣ секретаря своего: онъ бралъ только по одному человѣку за паспортъ.

3. Былъ я любимый сынъ у моего отца; отъ роду моего лѣтъ семи, или болѣе, отдали меня въ томъ же селѣ Харинѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, понамарю Филипу, прозваніемъ Брудастому, учиться. Понамарь былъ роста малаго, широкъ въ плечахъ, борода большая, круглая покрывала грудь его, голова съ густыми волосами равнялась съ плечьями его и казалось, что у него шеи не было; у него въ то же время учились два брата, мнѣ двоюродные, Елисей и Борисъ. Учитель нашъ Брудастой жилъ только одинъ съ своею женою, весьма въ малой избушкѣ: приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и, безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажетъ „аминь“, не смѣлъ.

Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и по днесь, по той можетъ быть причинѣ, что часто меня сѣкли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить, весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а, сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна, и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока въ вечеру и половины прочитатъ не могъ, за что послѣдняя резолюція меня, какъ непонятнаго „сѣчь“. Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе. Брудастаго жена во время нашего ученія, понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотя бъ и не то, что учимъ. Отраднѣ

намъ было отъ скучнаго сидѣнья, когда учитель нашъ находился въ полѣ на работѣ. По возвращеніи Брудастаго отвѣчалъ я во всемъ урокѣ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и памятно: изъ сего нынѣ заключаю, что принужденное дѣтямъ ученіе грамотѣ бесполезно, потому что отъ тѣлеснаго труда изнемогають душевныя силы и приходятъ въ облѣненіе и унылость; явственнѣе можно усмотрѣть сію правду, принудить только робенка играть сверхъ его воли, тогда ему та игра и игрушки отъ скуки омерзѣють и тою игрою мало будетъ уже играть, или вовсе возненавидитъ. Въ подобіе сего обрѣтается: разныхъ руководѣль мастера обременяють своихъ учениковъ не по силѣ лѣтъ ихъ, изъ коихъ нѣкоторыя, не возмогши снести такой налогаемой на нихъ тягости ученія, обращаются въ бѣгство, кроются по разнымъ мѣстамъ, вымышляютъ бездѣльные обманы, наконецъ отъ воображенія страха, что будутъ ихъ наказывать за побѣгъ жестоко, приходятъ въ отчаянье и дѣлаются бездѣльниками навѣкъ. Вотъ какой плодъ происходитъ отъ такихъ безпутныхъ и ни къ чему годныхъ учителей, каковъ былъ мой Брудастой; вымышлялъ иногда и я, отъ таковаго скучнаго сидѣнія, напрасно показывать какія ни есть за собою затѣйныя приключенія и болѣзни, коихъ отнюдь во мнѣ не бывало.

Въ одинъ день, когда учитель нашъ былъ въ полѣ съ женою своею на работѣ, братъ мой двоюродный Елисей (меня и Бориса своего брата постарѣе и ко всякимъ шалостямъ поотважнѣе), увидя, что на дворѣ Брудастаго никого кромѣ насъ троихъ нѣтъ, поймалъ учителява любимаго кота сѣраго, связалъ ему заднія ноги, и повѣсилъ въ сараѣ, въ которомъ мы учились, на веревкѣ за заднія ноги, сѣвъ кота лозою и что приговаривалъ не упомню; только то помню, что мы, на его шутки глядя, съ Борисомъ, сидя со страху, чтобъ не засталъ Брудастой, дрожали. И въ тотъ часъ, якобы на избавленіе своего кота, явился во дворъ свой нечаянно нашъ учитель: Елисей отъ сего явленія оробѣлъ, не успѣлъ кота съ пытки освободить, кинулся безъ памяти на скамейку за книгу свою учиться, потупя глаза въ книгу и духъ свой притаилъ, не могъ дышать свободно. Брудастой, увидя кота висящаго на веревкѣ, отъ досады и жалости остолбенѣлъ; потомъ пришелъ въ такое бѣшенство, что ухватилъ метлу, связанную изъ хворосту, случившуюся въ сараѣ, зачалъ стегать разъ за разомъ безъ разбора по Елисею и по

книгѣ, и оною метлою отрывая подымалъ вверхъ листы изъ книги, которые по всему сараю летали. Брудастой былъ въ великомъ сердцѣ, какъ бѣшенный, стегая Елисея, тою же метлою доставалъ нѣсколько страждущаго, по близости на веревкѣ повѣшеннаго кота, который чаятельно усмирить звѣрскій тогдашній гнѣвъ его своимъ мяуканьемъ и тѣмъ сохранилъ остатки листовъ въ книгѣ. Мы, отъ сей драки, съ Борисомъ кромѣ страха ничего не претерпѣли отъ Брудастаго; а Елисею, достовѣрно сказать можно, что не меньше книги досталось, которая великую отъ метлы претерпѣла въ листахъ утрату.

Выучилъ я у Брудастаго азбуку, отецъ мой отвезъ меня близъ города Тулы къ живущей вдовѣ, Матренѣ Петровнѣ, которая въ замужествѣ прежде была за нашимъ свойственникомъ Афанасьемъ Денисовичемъ Даниловымъ. Матрена Петровна имѣла при себѣ племянника роднаго и своему имѣнію наслѣдника, Епишкова, по той причинѣ просила отца моего, дабы меня привезъ къ ней, какъ грамотѣ учиться, такъ и племяннику ея дѣлать компанію; а какъ вдова своего племянника много любила и нѣжила, потому не было намъ никогда принужденія учиться, однако я въ таковой будучи волѣ и непринужденномъ ученіи, безъ малѣйшаго наказанія, скоро окончилъ словесное ученіе, которое состояло только изъ двухъ книгъ, Часослова и Псалтыри. Вдова была великая богомольщица, рѣдкой день проходилъ, чтобъ у ней въ домѣ не отправлялась служба, когда съ попомъ, а иногда слуга отправлялъ одинъ оную должность: я употребленъ былъ въ таковой службѣ къ чтенію, а какъ у вдовы любимый ея племянникъ еще читать не разумѣлъ, то отъ великой на меня зависти и досады, приходя къ столу, при которомъ я читалъ псалмы, своими сапогами толкалъ по моимъ ногамъ до такой боли, что я до слезъ доходилъ. Вдова хотя и увидитъ такія шалости своего племянника, однако болѣе ничего не скажетъ ему, и то протяжно, какъ нехотя: „Полно тебѣ шутить, Ванюшка“, и будто не видитъ она, что отъ Иванушкиной шутки у меня изъ глазъ слезы текутъ. Она грамотѣ не знала, только всякой день, разогнувъ большую книгу на столѣ, акаеистъ Богородицѣ всѣмъ вслухъ громко читала. Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниною, только, признаюсь, сколько времени у ней я не жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хотя одинъ день безъ драки: какъ скоро она приметъ свои щи любимыя за столомъ ку-

шать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положить на полъ и стануть съчь батожемъ немилосердно, и потуда съкутъ и кухарка кричить, пока не перестанеть вдова щи кушать; это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно, для хорошаго аппетита. Вдова была такъ собою дородна, что ширина ея тѣла немного уступала высотѣ ея роста. Въ одно время гуляли мы съ племянникомъ ея и третій былъ съ нами молодой слуга, который насъ училъ грамотѣ и самъ учился; племянникъ ея и наслѣдникъ завелъ насъ къ яблони, стоявшей за дворами, которая не огорожена была ничѣмъ, началъ обивать яблоки, не спросясь своей тетушки. Донесено было сіе преступленіе теткѣ его, что племянникъ около яблони забавляется, обивая яблоки; она приказала всѣхъ насъ троихъ привести передъ себя на нелицемерный судъ и, въ страхъ племяннику, приказала съ великимъ гнѣвомъ поднять немедленно невиннаго слугу и учителя нашего на козелъ, и съкли его очень долгое время немилостиво, причитая: „не обивай яблокъ съ яблони“. Потомъ и до меня дошла очередь, приказала вдова поднять и меня на козелъ, и было мнѣ удара три подарено въ спину, хотя я, какъ и учитель нашъ, яблокъ отнюдь не обивали. Племянникъ оробѣлъ и мнилъ, не дойдетъ ли и до него по порядку очередь къ наказанію, однако страхъ его былъ тщетный; только вдова изволила сдѣлать ему выговоръ въ таковой силѣ, „что дурно де, не пригоже, сударь, такъ дѣлать и яблоки обивать безъ спросу моего“, а послѣ поцѣловавъ его сказала: „чаятельно ты, Иванушка, давеча испугался, какъ съкли твоихъ товарищей, не бойся, голубчикъ, я тебя никогда съчь не стану“. Отецъ мой прѣхавъ къ своей свойственницѣ вдовѣ, поблагодарилъ ее за мое содержаніе и взялъ меня въ домъ свой.

Далѣе авторъ продолжаетъ разсказъ о пребываніи своемъ въ артиллерійской школѣ. Онъ жилъ тогда у какихъ то Вишняковыхъ.

4. Живши нѣсколько времени у Вишняковой, выучилъ сына ея ариеметики. Сестра родная Вишняковой была въ заму-жествѣ за Секеринимъ, который записанъ былъ въ нашей же школѣ ученикомъ; прилежно просила она меня перейти жить къ ней, дабы вмѣстѣ ѣздить съ мужемъ ея въ школу. Я за полезное принялъ отъ нее сіе предложеніе, перешелъ къ Секериной: намѣреніе ея было, чтобъ и мужъ ея, также какъ и племянникъ, отъ меня нѣсколько занялъ ученія; но

не удалось ей сего произвести по ея желанію въ дѣйство, ибо мужъ ея Секеринъ великій былъ шалунъ, ничего учить не хотѣлъ, переписался изъ школы въ армейскіе полки и тѣмъ отбылъ отъ ученія.

Братъ мой Егоръ пріѣхалъ въ Москву изъ Петербурга, для взятія полковыхъ письменныхъ дѣлъ отъ перваго Московскаго полка, въ которомъ тогда еще служилъ сержантомъ; онъ выпросилъ меня изъ Московской въ Петербургскую школу, куда я съ нимъ отправился и пріѣхалъ въ Петербургъ. Братъ мой Василій выпущенъ былъ съ прочими изъ школы сержантомъ, а какъ по выпускѣ ихъ было много въ школѣ ваканцій, то стараньемъ брата моего Василья опредѣленъ я прямо въ первый классъ въ чертежную школу. Въ оной тогда было три класса, въ каждомъ положено по десяти учениковъ изъ дворянъ и офицерскихъ дѣтей, жалованье было опредѣлено въ третьемъ классѣ по двѣнадцати, во второмъ по осмнадцати, въ первомъ по двадцати четыре рубли, въ годъ; да въ той же школѣ было на казенномъ содержаніи, изъ пушкарскихъ дѣтей, которые въ школѣ и жили, шестьдесятъ человѣкъ. Изъ чертежныхъ учениковъ выпускали въ артиллерійскую службу, изъ коихъ нынѣ въ генераль-поручикахъ и генераль-маіорахъ, а нѣкоторые и кавалеры, есть, а изъ пушкарскихъ дѣтей выпускали въ мастеровые, въ писари полковые и канцелярскіе. Надъ оною школою былъ директоромъ капитанъ Гинтеръ, человѣкъ прилежный, тихій и въ тогдашнее время первый знаніемъ своимъ, который всю артиллерію привелъ въ хорошую препорцію. Я по своей охотѣ, сверхъ школьнаго учителя, сыскавъ хорошихъ себѣ постороннихъ мастеровъ, хаживалъ къ нимъ учиться рисовать; писалъ я также нѣсколько живописи, разныя картины, ландшафты и портреты изъ масляныхъ красокъ; въ школу прихаживали многіе офицеры смотрѣть моихъ рисунковъ, а отъ похвалы оныхъ зрителей умножалась во мнѣ прилежность и охота къ рисованью. Директоръ нашъ Гинтеръ безподобенъ былъ Алабушеву, отъменно меня отъ другихъ учениковъ хвалилъ за рисованье.

5. Судьбина оставшаго отъ серпа воспы¹⁾ моего пасынка: ему было имя Николай, а при моей женитьбѣ отъ роду только

¹⁾ То-есть, уцѣлѣвшаго отъ оспы.

три года; я его принялъ воспитывать на свои руки не для тщеславія, но по собственному моему произволению и по жалости, что онъ къ своему воспитанію не имѣлъ попечителя роднаго своего отца. Началь его при себѣ грамотѣ учить не такъ, какъ меня училъ пономарь Филиппъ Брудастой, который только мучилъ однимъ всегдашнимъ прилежнымъ сидѣньемъ, а не ученіемъ: я училъ своего пасынка не доводя его никогда до малѣйшей скуки въ ученіи, пускалъ его часто гулять и приучалъ самого по своей волѣ садиться за ученіе, безъ всякаго позова и принужденія. Когда онъ пришелъ возрастомъ за десять лѣтъ, тогда обучилъ я его ариметикѣ и рисовать, къ чему онъ великую имѣлъ охоту и понятіе; отдавали мы его потомъ въ пансіонъ и въ университетъ обучаться французскому языку, математикѣ и прочимъ наукамъ, вездѣ онъ прилежно обучался и съ великою похвалою ото всѣхъ учителей; особливо ко мнѣ имѣлъ онъ любовь, почтеніе и ласку, болѣе нежели къ его родной матери, которая его безпримѣрно любила. Когда ему отъ роду было 15 лѣтъ, онъ тогда былъ въ артиллеріи сержантомъ, къ службѣ онъ былъ превеликій охотникъ и по своимъ лѣтамъ казался неусыпнымъ, онъ игралъ очень хорошо на скрипкѣ, былъ нравомъ тихъ и молчаливъ, пофранцузски хотя зналъ говорить и переводить на Русское, только не имѣлъ склонности разговаривать на ономъ языкѣ. Съ возрастомъ его и наше утѣшеніе умножалось всечасно, мы не могли на его поступки глядя налюбоваться, а паче мать, которая хотя отъ него и не видала большой ласки (вѣроятно, мамки молодья ему въ уши нашептали, что еслибъ матушка тебя любила, не пошла бъ для тебя замужъ), однакожъ безпримѣрно его любила и не могла на него наглядѣться.

---

16. Записки А. Т. Болотова.

Андрей Тимофеевичъ Болотовъ (1738—1833 г.) былъ очень плодовитымъ писателемъ XVIII вѣка; онъ издавалъ два солидныхъ сельскохозяйственныхъ журнала: „Сельскій Житель“ и „Экономическій Магазинъ“, оставилъ цѣлый рядъ сочиненій по сельскому хозяйству и садоводству, писалъ нравственно-философскія разсужденія, переводилъ нѣмецкіе романы. Всего болѣе онъ извѣстенъ своими „Записками“ въ 29-ти частяхъ; этотъ огромный трудъ подробно описываетъ служебную и хозяйственную дѣятельность автора

на протяжении всей второй половины XVIII в. и содержит обильнейший материал для истории быта и нравов средней руки дворян того времени. Тонъ „Записокъ“—правдивый и откровенный иногда до наивности. Самъ Болотовъ представляет интересную личность: сынъ небогатаго полковника, служившаго все время въ Прибалтійскомъ краѣ и привыкшаго жить среди нѣмцевъ, нашъ мемуаристъ пошелъ по слѣдамъ отца: онъ прекрасно зналъ нѣмецкій языкъ и долго жилъ въ Кенигсбергѣ. Образованіемъ онъ обязанъ былъ главнымъ образомъ самому себѣ и въ его свѣдѣніяхъ было мало системы и глубины, но онъ недурно зналъ математику и естественныя науки, имѣлъ склонность къ философіи и одержимъ былъ великою страстью къ чтенію. Но сильнѣе всего была у него любовь къ сельскому хозяйству и къ природѣ; 24-хъ лѣтъ отъ роду онъ уже вышелъ въ отставку и 70 слишкомъ лѣтъ прожилъ въ деревнѣ, соединяя агрономическіе опыты съ литературными занятіями. Болотовъ не былъ человѣкомъ большой силы ума и дарованій; значительно отличаясь отъ большинства провинціальнаго дворянства умственными интересами и извѣстной культурностью, онъ въ то же время вовсе не былъ передовымъ членомъ своей эпохи; въ его привычкахъ и понятіяхъ навсегда осталась добрая доля старины и патриархальности: все оживленіе общества, всѣ новыя теченія Екатерининскаго времени прошли въ значительной степени мимо тульского дворянина, съ 1762 года прочно сѣвшаго на землю. Да онъ, и оставшись въ Петербургѣ, не могъ бы примкнуть къ передовымъ воззрѣніямъ по всему складу своей натуры, спокойной, уравновѣшенной, охотно ограничивавшейся узкимъ кругомъ хозяйственной дѣятельности и привычными умственными интересами невысокаго полета. Болотовъ интересенъ именно какъ представитель значительнаго въ концѣ 18 вѣка полуневѣжественнаго слоя дворянства, который охотно шелъ за своимъ временемъ въ культурныхъ привычкахъ, но въ глубинѣ души оставался мало сознательнъ, глухъ къ высшимъ интересамъ, узокъ и консервативенъ въ важнѣйшихъ общественныхъ вопросахъ, а потому такъ искренно и послушно отозвался на реакцію конца Екатерининской эпохи. На Болотовѣ прекрасно доказывается, что въ то время идейныя движенія шли настолько впереди общества, что глубоко проникнутыя ими могли люди лишь выдающихся дарованій или при исключительно счастливой обстановкѣ. Въ этомъ отношеніи важны помѣщенные здѣсь сужденія Болотова о Коммисіи Наказа и рассказъ о его отношеніяхъ къ Новикову, котораго онъ понималъ очень узко и вульгарно. Болотовы даютъ намъ истинную мѣрку Новиковыхъ и Радищевыхъ.

1. Деревенская жизнь дворянъ (1750 г.). Околотокъ нашъ былъ тогда такъ пустъ, что никого изъ хорошихъ и богатыхъ сосѣдей въ близости къ намъ и не было. Тогдашнія времена были не таковы, какъ нынѣшнія. Такого великаго множества дворянскихъ домовъ, повсюду съ живущими въ нихъ хозяевами, какъ нынѣ, тогда нигдѣ не было.

Все дворянство находилось тогда въ военной службѣ, и въ деревняхъ живали одни только престарѣлые старики, немощіе болѣе нести службу или за болѣзнями и дряхлостію, по какому-нибудь особливому случаю отставленные, и всѣхъ такихъ было не много. Въ другихъ домахъ живали также однѣ только старушки съ женами служащихъ въ войскѣ дворянъ, и вели также уединенную жизнь. Итакъ и знакомиться было не съ кѣмъ... |

Хоромы наши были превеликія, но обыкновеніе тогдашнихъ временъ приносило то съ собою, что состояли онѣ по большей части въ пустыхъ и нежилыхъ покояхъ. Напримѣръ, было въ нихъ двое превеликихъ сѣней, изъ которыхъ переднія такъ были велики, что я, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, сдѣлалъ изъ нихъ двѣ прекрасныя комнаты; а и заднія сѣни умѣстили-бъ въ себѣ также покойца два; но вмѣсто того были переднія совсѣмъ пусты, а въ заднихъ былъ только одинъ ходъ на верхъ, занимающій мѣсто цѣлой комнаты. Изъ сѣней сихъ былъ входъ въ переднюю, или по нынѣшнему, залу. Пространная комната сія была отъ начала построенія хоромъ холодная, и все украшеніе ея состояло въ образахъ простыхъ и въ кивотахъ, коими весь передній уголъ и цѣлая стѣна была наполнена, ибо обыкновенія чтобы комнаты подштукатуривать и обоями обивать не было тогда и въ завѣтѣ. Мебели же всѣ состояли въ лавкахъ кругомъ стѣнъ и въ длинномъ столѣ, поставленномъ въ переднемъ углу и ковромъ покрытомъ. Какъ окошки были небольшія, а стѣны и потолокъ отъ долговременности даже потемнѣлъ и сдѣлался кофейнаго цвѣта, а дубовый стычной полъ еще того былъ темнѣе, то царствовала въ сей комнатѣ суцая темнота, и въ ней никто и никогда не живалъ, а наполнялась она единожды въ годъ народомъ, то-есть въ святую недѣлю, когда съ образами приходили и въ ней молебень служивали. За сею слѣдовала другая угольная и самая та комната, которая была у матери моей и гостиною, и столовою, и спальною и жилою; три маленькихъ окна съ одной, и одно двойное съ другой стороны впускали въ нее свѣтъ, и превеликая складенная изъ узорчатыхъ разноцвѣтныхъ кафлей печь снабжала тепломъ оную.

Печь сія расположена была особымъ и такимъ образомъ, какъ въ людяхъ не водится: не скоро можно было найти и добраться, откуда она топилась; надлежало лѣзть напередъ за печь, а тамъ поворачивать направо и искать устья, ибо

оно сдѣлано было отъ стѣны и совсѣмъ въ темнотѣ. Тапливали ее обыкновенно дворовыя бабы поочередно и таскивали всякій день превеликія ноши хвороста и съ нимъ залѣзши къ устью, прятывались и завѣшивались тамъ, власно какъ въ конурѣ. Совсѣмъ тѣмъ печь сія была тепла и неугарна, да и самая комната довольно свѣтла и весела.

Что касается до украшеній сей важнѣйшей въ домѣ комнаты, то оныя состояли также только въ однихъ образахъ, разставленныхъ въ переднемъ углу. Внизу сдѣланъ былъ маленькій угольничекъ, и тутъ передъ кіотомъ со крестомъ, съ мощами, горѣла неугасимая лампада, а сверху сдѣлана была предлинная полка, а на ней наставленъ цѣлый рядъ образовъ разныхъ. Стѣны въ комнатѣ сей были также ничѣмъ не обиты; но стычной дубовый полъ отъ частаго мытья нѣсколько поблѣве. Что касается до потолка, то онъ былъ неровнымъ, но черезъ доску—одна ниже, а другая выше, и отъ долговременности весьма изрядно закоптѣвшимъ.

Что принадлежитъ до мѣбелей, то нынѣшнихъ софѣ, канаве, кресель, тамбуровъ, комодовъ, ломберныхъ и другихъ разноманерныхъ столиковъ и прочаго, тому подобнаго не было тогда еще въ обыкновеніи. Гладенькія и чистенькія лавочки кругомъ стѣнъ и много-много подюжинки старинныхъ стульевъ должны были отвѣтствовать вмѣсто всѣхъ кресель и канаве, а длинный дубовый столъ и какой-нибудь маленькій складной вмѣсто всѣхъ столиковъ. Итакъ въ переднемъ углу стоялъ вышеупомянутый длинный столъ, въ другомъ была матери моей кровать, въ третьемъ прежде-упоминаемая печь и подлѣ нея широкая скамья, а въ четвертомъ стоялъ на лавкахъ, трехъ денегъ нестоющій и такъ почернѣвшій шкафчикъ, что надлежало развѣ скоблить ножомъ, чтобъ узнать, что онъ былъ нѣкогда крашенъ красками. Вотъ изображеніе наилучшей и первѣйшей комнаты. Вправо и сбоку подлѣ нея находился другой теплый покой или прежде-упоминаемая комнатка. Она составляла вкупѣ и дѣвичью, и лакейскую и дѣтскую, и была самая та, въ которой я родился. Незадолго до моего пріѣзда перегороджена она была на-двое досками, и сія отгородка была тогда моей спальнею и комнатою.

Наконецъ кромѣ сихъ трехъ комнатъ было еще два покойца холодныхъ, чрезъ сѣни и въ сторону къ саду. Но оба они были не жилые, а служили кладовыми. Одинъ занятъ былъ мелочными съѣстными припасами, а другой сундуками и былъ темный.

Вотъ все расположеніе старинныхъ хоромъ нашихъ, въ которыхъ жилали наши предки, и въ коихъ я родился, женился и жилъ самъ потомъ нѣсколько лѣтъ, покуда отстроилъ себѣ новыя и лучшія.

2. Столичная жизнь. Дядя мой, будучи порядочный и степенный человекъ, жилъ, какъ говорится въ пословицѣ, ни шатко, ни валко, ни на сторону. Мотать онъ не моталъ, жилъ не слишкомъ роскошно, и въ домѣ у него все было хорошо и порядочно. Онъ имѣлъ у себя молодую тогда и вторую жену и маленькаго на рукахъ еще сына. Катерина Петровна—такъ звали его жену—была боярыня молодая и модная и великая щеголиха. Онъ любилъ ее чрезвычайно; однако она должна была во всемъ повиноваться его вогѣ и ничего лишняго не затѣвать. Нѣсколько человекъ отборныхъ друзей, живущихъ такимъ же образомъ, какъ онъ, составляли наиболѣе ихъ компанію и дѣлили съ ними свое время. Въ особенности же друженъ съ нимъ былъ тогдашней конногвардіи секретарь, Дмитрій Михайловичъ Буткевичъ. Поэлику и у сего офицера была также жена и притомъ такихъ же почти лѣтъ и свойствъ, какъ моя тетка, то обѣ сии дамы связаны были неразрывной любовью и ѣзжали очень часто другъ къ другу. Во время сихъ сѣздовъ препровождали онѣ время свое наиболѣе въ играніи въ карты, ибо тогда зло сіе начало входить уже въ обыкновеніе, равно какъ и вся свѣтская нынѣшняя жизнь уже получала свое основаніе и начало. Все, что хорошею жизнью нынѣ называется, тогда только-что заводилось, равно какъ входилъ въ народѣ и тонкій вкусъ во всемъ. Самая нѣжная любовь, толико подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получала первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ превеликую еще диковинку, и буде гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка была не спускаема¹⁾. Со всѣмъ тѣмъ, карточная игра не была еще въ такомъ ужасномъ употребленіи, какъ нынѣ, и не сиживали за картами и до обѣда и послѣ обѣда и во всю почти ночь не вставаючи. Нынѣшнихъ вистовъ тогда еще не было, а ломберъ и тресетъ были тогда наилучшія игры, да и въ тѣ игрывали только по вечерамъ. Въ прочее-жъ время управ-

¹⁾ См. образчикъ этихъ пѣсенокъ у Сумарокова (стр. 139).

нялись въ разныхъ и важныхъ разговорахъ. Въ сихъ разговорахъ обыкновеніе тогда было упражняться въ особенности за ужинами и за обѣдами. По цѣлому иногда часу и болѣе сидѣли они наѣвшись и ничего иного не дѣлая, кромѣ, что упражнясь въ разговорахъ.

3. Впечатлѣніе отъ Сумароковскаго „Хорева“. Въ благодарность за сіе, сдѣлалъ онъ ¹⁾ мнѣ еще одну и, по тогдашнему времени, весьма пріятную для меня услугу. Имѣлъ онъ у себя списокъ съ трагедіи „Хорева“. Сію трагедію онъ зналъ всю наизусть, и не знаю по какому случаю, умѣлъ такъ хорошо ее декламировать, какъ лучший актеръ. Таковыми декламированіями нѣкоторыхъ мѣстъ изъ оной увеселялъ онъ нерѣдко и зятя, и сестру мою, и меня. Мнѣ все сіе было въ диковину, и какъ я никогда еще театральныхъ представленій не видывалъ, то мнѣ сіе полюбилося такъ, что захотѣлось самому выучиться прокрививать стихи и такимъ же образомъ съ жестами дѣлать декламации. Я сталъ просить у него трагедію сію списать, но онъ такъ былъ учтивъ, что оную мнѣ подарилъ а сверхъ того узнавъ, для чего она мнѣ была надобна, поучилъ нѣсколько и декламированію, и всѣмъ тѣмъ удовольствовалъ меня чрезвычайно. Трагедія сія навела на меня множество хлопотъ, ибо какъ мнѣ она полюбилась до безконечности, то захотѣлось мнѣ ее такимъ же образомъ выучить наизусть для декламированія, и въ семь то тверженіи оной упражнялся я обыкновенно дорогою въ переѣздахъ моихъ изъ квартиры до сестры моей и оттуда обратно.

4. Маскарадъ „Торжествующая Минерва“ въ Москвѣ 1763 г. Я нашель тогда всю публику московскую, занимающуюся разговорами о имѣющемъ быть вскорѣ уличномъ маскарадѣ. Какъ зрѣлище сіе было совсѣмъ новое, необыкновенное и никогда, не только въ Россіи, но и нигдѣ небывалое, то всѣ дожидались того съ великою нетерпѣливостію. Новой нашей императрицѣ угодно было позабавить себя и всю московскую публику симъ необыкновеннымъ и сколько, съ одной стороны, великолѣпнымъ, столько, съ другой стороны, весьма замысловатымъ и крайне пріятнымъ и забавнымъ зрѣлищемъ. Маскарадъ сей имѣлъ собственною цѣлью своею осмѣяніе всѣхъ обыкновеннѣйшихъ между людьми пороковъ, а особливо издоимныхъ судей, игроковъ, мо-

¹⁾ Знакомый автора, унтеръ-офицеръ, любитель фокусовъ и театра.

касается вышней, высказанной
фразы, что говорить о
обертках
нельзя.

товъ, пьяницъ и распутныхъ и торжество надъ ними наукъ и добродѣтели: почему и названъ онъ былъ „торжествующею минервою“. И процессія была превеликая и предлинная: везены были многія и разнаго рода колесницы и повозки, отчасти на огромныхъ саяхъ, отчасти на колесахъ, съ сидящими на нихъ многими и разнымъ образомъ одѣтыми и что-нибудь особое представляющими людьми, и поющими приличныя и для каждаго предмета нарочно сочиненныя сатирическія пѣсни ¹⁾). Предъ каждою такою раскрашенною, распещренною, и раззолоченною повозкою, везомою множествомъ лошадей, шли особые хоры, гдѣ — разнаго рода музыкантовъ, гдѣ — разнообразно наряженныхъ людей, поющихъ громогласно другія веселыя и забавныя особаго рода стихотворенія; а индѣ шли огромныя исполины, а индѣ удивительныя карлы. И все сіе распоряджено было такъ хорошо, украшено такъ великолѣпно и богато и всѣ пѣсни и стихотворенія пѣты были такими пріятными голосами, что не иначе, какъ съ крайнимъ удовольствіемъ на все то смотрѣть было можно.

Какъ шествіе всей этой удивительной процессіи простиралось изъ Нѣмецкой слободы по многимъ большимъ улицамъ, то стеченіе народа, желавшаго сіе видѣть, было превеликое. Всѣ тѣ улицы, по которымъ имѣла она свое шествіе, напичканы были безчисленнымъ множествомъ людей всякаго рода; и не только всѣ окны домовъ наполнены были зрителями благородными, но и всѣ промежутки между оными установлены были многими тысячами людей, стоявшихъ на сдѣланныхъ нарочно для того подлѣ домовъ и заборовъ подмосткахъ. Словомъ, вся Москва обратилась и собралась на край оной, гдѣ простиралось сіе маскарадное шествіе. И всѣ такъ онымъ прельстились, что долгое время не могли сіе забавное зрѣлище позабыть; а пѣсни и голоса оныхъ такъ всѣмъ полюбились, что долгое время и нѣсколько лѣтъ сряду увеселялся ими народъ, заставляя вновь ихъ пѣть фабричныхъ, которые употреблены были въ помянутыя хоры и научены пѣснямъ онымъ.

5. Выборы въ Комиссію Наказа въ провинціи. Еще весною сего года находился я въ великомъ опасеніи о себѣ, чтобъ не выбранъ я былъ въ депутаты въ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія.

¹⁾ Къ числу такихъ пѣсней относится помѣщенный выше „Хоръ къ прерватному свѣту“ Сумарокова.

Важное сіе, громкое и славное дѣло основывалось въ сей годъ и императрица наша нарочно для сего пріѣзжала въ Москву.

Повелѣно было во всѣхъ уѣздахъ всего государства выбрать къ сему сочиненію новыхъ законовъ разумнѣйшихъ и способнѣйшихъ дворянъ депутатами и снабдить ихъ отъ всего дворянства инструкціями, а для порядочнѣйшего всего того производства выбрать напередъ дворянамъ въ каждомъ уѣздѣ себѣ предводителя. А по всему тому и опасался я, чтобъ каширскимъ господамъ дворянамъ не вздумалось въ помянутые депутаты выбрать меня, какъ способнѣйшаго къ тому и могущаго лучше всѣхъ другихъ исправить сію должность.

Мѣсто сіе, было хотя сопряженное съ честью и такое, въ которое многіе ужасно добивались, ласкаясь отчасти опредѣленнымъ жалованіемъ, а отчасти другими выгодами. Но мнѣ какъ-то не хотѣлось войти въ сіе дѣло. Я власно какъ предвидѣлъ, что изъ всего сего великаго предпріятія ничего не выйдетъ; что грома надѣлается много, людей оторвется отъ домовъ множество, денегъ на содержаніе ихъ истратится бездна, вранья, крика и вздора будетъ много, а дѣла отъ всего того не выйдетъ никакого и все кончится ничѣмъ; а потому и не хотѣлось мнѣ для сего разстаться съ милою своею и столь для меня блаженною деревенскою жизнію.

И дабы въ томъ лучше успѣть, то не хотѣлъ я даже и показать себя господамъ каширскимъ дворянамъ и умышленно на сѣздъ ихъ для сихъ выборовъ не поѣхалъ, а отозвался письменно, что мнѣ пріѣхать было не можно. И слѣдствіе оказало, что я поступилъ и благоразумно; ибо скоро услышали мы, что и самое начало сего великаго дѣла далеко не соотвѣтствовало премудрымъ намѣреніямъ нашей императрицы, и что и самые выборы начались производимы быть вездѣ по пристрастіямъ, что выбирали и назначили къ тому не тѣхъ, которыхъ бы выбрать къ тому надлежало и которые къ тому были способны и другихъ достойнѣе, а тѣхъ, которымъ самимъ опредѣлиться въ сіе мѣсто хотѣлось, не смотря ни мало, способны ли они къ тому были или не способны. Отчего собственно и вышелъ потомъ сущій и такой ералажъ, что принуждено было все сіе дѣло остановить и оставить до другого времени. И какъ у насъ выбраны были въ предводители г. Юшковъ, бывший нѣкогда въ Москвѣ губернаторомъ, а въ депутаты нѣкто г. Масловъ, то и остался я спокойнымъ и очень былъ радъ, что сія буря меня миновала.

727. 8. 1. 1.
См. 1. 1. 1. 1.

дѣло и
составлено
г. Масловъ

Масловъ
предлагаетъ
губерн. дерев.
мѣсяцъ
объездъ деревень

указъ
руководитъ

исполненъ
г. Масловъ
1790. 1. 1. 1.

6. Знакомство съ Н. И. Новиковымъ (1779 г.). На утрѣ, какъ въ четвертый день моего пребыванія въ Москвѣ, случившійся во второе число мѣсяца сентября, собрался я наконецъ съѣздить въ университетскую типографію, и день сей сдѣлался наидостопамятнѣйшимъ почти въ моей жизни, чрезъ основаніе въ оной перваго моего знакомства, а потомъ и самой дружбы, съ новымъ содержателемъ типографіи, извѣстнымъ и только славнымъ у насъ господиномъ Новиковымъ Николаемъ Ивановичемъ. Важной человѣкъ сей былъ до сего времени мнѣ совсѣмъ незнакомъ и я объ немъ до того даже и не слыхивалъ. Онъ же, напротивъ того, зналъ меня уже очень коротко, по всѣмъ моимъ экономическимъ и даже нравственнымъ сочиненіямъ, и имѣлъ обо мнѣ и о способностяхъ моихъ весьма выгодныя мысли; почему и неудивительно, что какъ скоро я, нашедъ его живущаго тутъ же въ домѣ, гдѣ находилась типографія, сказалъ ему о себѣ и о желаніи моемъ отыскать и получить экземпляры моей „Дѣтской философіи“, онъ принялъ меня съ отгѣнною ласкою и благопріятствомъ и не могъ довольно изъявить своей радости и удовольствія о томъ, что получилъ случай со мною познакомиться. Признаюсь, что таковая неожиданная и благопріятная встрѣча была и самому мнѣ весьма пріятна. Мы вступили съ нимъ тотчасъ въ разныя разговоры и какъ онъ былъ человѣкъ въ наукахъ и литературѣ не только весьма знающій, но и самъ за нѣсколько лѣтъ до того издавалъ нравственный и сатирическій журналъ, подъ именемъ „Живописца“, и можно было съ нимъ обо всемъ и обо всемъ говорить, то въ немногія минуты не только познакомились мы съ нимъ, какъ бы вѣкъ жили вмѣстѣ, но слѣпилась между нами и самая дружба, продолжающаяся даже и понынѣ.

7. Отношеніе автора къ воззрѣніямъ Новикова. И какъ мы съ нимъ гораздо уже познакомились, то и вздумалось ему испытать, не удастся ли ему и меня такимъ же образомъ втянуть въ свое сокровенное общество или шайку масоновъ, какъ учинилъ онъ то со многими уже другими, и съ тѣмъ безсомнѣнно намѣреніемъ, чтобы чрезъ то, какъ гранметру сей секты, сдѣлать и меня своимъ съ сей стороны подчиненнымъ и пріобрѣсть во мнѣ дарового работника и всѣмъ своимъ хотѣніямъ и повелѣніямъ безотговорочно исполнителя. И для того, заведя меня въ свой кабинетъ, началъ меня спрашивать, не принадлежу ли я къ какому-нибудь ордену? Поразился я удивленіемъ, сіе услышавъ, и

какъ по счастью былъ я о его масонствѣ и гранметрствѣ отъ г. Владыкина и нѣкоторыхъ другихъ извѣщенъ, то тотчасъ проникнулъ все его сокровенное намѣреніе и отнюдь не желая дать ему возложить на себя узду и осель, тотчасъ принялъ всѣ нужныя съ сей стороны предосторожности; и потому на вопросъ его тотчасъ ему отвѣтствовалъ, что нѣтъ, и что я никогда не былъ ни масономъ, ни другимъ какимъ сектистомъ. Не успѣлъ онъ сего услышать, какъ и началь- было подѣзжать ко мнѣ, по пословицѣ говоря, на полозкахъ и убаивать меня обыкновенными баснями и прельщать меня пышными выгодами ихъ братства, дружества, добродѣтелей и всего прочаго, и заговаривать, чтобъ я также вступилъ въ ихъ общество, съ увѣреніемъ, что я по качествамъ, знаніямъ и достоинствамъ своимъ могъ бы скоро получить между ими знаменитое достоинство.

Нѣсколько минутъ далъ я ему волю говорить и разгла- гольствовать, какъ онъ хотѣлъ, слушая со вниманіемъ все, что онъ ни говорить; но наконецъ ему сказалъ: Нѣтъ, ба- тюшка, Николай Ивановичъ! дружбу и пріязнь имѣть я съ вами готовъ, а что касается до предлагаемаго вами, такъ покорно прошу меня отъ того уволить. Все, что вы ни го- ворите въ похвалу вашему обществу, мнѣ давнымъ давно уже извѣстно, и вы не первые, а меня ужъ многіе и мно- гіе старались преклонить ко вступленію въ масонскій орденъ и въ другія секты и общества; но я далъ съ молодыхъ лѣтъ на себя зарокъ и самъ себя заклилъ, чтобъ отнюдь не всту- пать ни въ какой тайный орденъ и сокровенное общество! „Но для чего жъ?“ подхватилъ онъ. — А для того, что зная существенно, чѣмъ и въ чемъ обязуетъ насъ и одинъ нашъ христіанскій законъ, думаю, что намъ и тѣхъ должностей и обязанностей довольно, какими онъ насъ къ исполненію обя- зуетъ, и что нѣтъ никакой нужды обязывать себя какими- либо другими должностями, а намъ дай Богъ, чтобъ и тѣ только исполнить, которыми обязуетъ насъ христіанская вѣра! Нечего ему было на сіе говорить. Онъ упулся и замолчалъ, увидя, что во мнѣ наскочила коса его на камень; но со- бравшись опять съ духомъ, началь-было опять свои разгла- гольствованія и увѣренія, что орденъ ихъ ни мало не про- тивенъ христіанской вѣрѣ, и что я найду истинныхъ ему между ими почитателей, и прочее и прочее, но я, остано- вивъ его, опять сказалъ: „Знаю, батюшка, и слышалъ много разъ все сіе, но опять повторю, что какъ бы то не было, но меня

*Видно, что
христіанство
и масонство
не совмещаются.
Видно, что
христіанство
и масонство
не совмещаются.*

покорно прошу отъ того уволить и въ разсужденіи меня никакого счета не дѣлать. Скажу вамъ прямо, что я клятвы своей до сего времени держался и впредь всегда держаться буду, и потому всѣ ваши убѣжденія будутъ относительно до меня тщетны, и труды, употребленные къ тому, напрасны; а что касается до моего къ вамъ искренняго почтенія и дружбы, то я вамъ ее общаю и безъ того, и вы найдете во мнѣ человѣка, которымъ вы съ сей стороны будете довольны, и о томъ перестанемъ говорить“. Нечего ему было опять на сіе сказать и онъ, боясь, чтобъ меня не отогнать совсѣмъ прочь отъ себя и лстясь, можетъ быть, надеждою, что не удастся ли ему впредь какимъ-нибудь образомъ въ сѣти свои запутать, принужденъ былъ сказать: „Ну, такъ и быть! что мнѣ съ вами, такимъ упрямымъ, дѣлать? но по крайней мѣрѣ испрашиваю я отъ васъ продолженія начатаго вашего дружества и любви!“ — „О, что касается до этого, воскликнулъ я, то увѣряю васъ въ томъ чистосердечно, что вы будете много довольны и въ залогъ того вотъ вамъ моя рука!“ Сказавъ сіе и схватя его руку, ударилъ я по ней своею, а онъ въ соотвѣтствіе того обнялъ меня и поцѣловался со мною.

Симъ кончилась тогда у насъ сокровенная въ кабинетѣ его сцена, и мы вышли потомъ въ залъ къ собравшимся къ столу и дождавшимся насъ его подчиненнымъ, и сѣли обѣдать.

Послѣ обѣда, напившись кофею и поговоривъ еще кое о чемъ постороннемъ, поѣхалъ я отъ него на квартиру, и ѣдучи, вспоминая все бывшее до обѣда, самъ себѣ сказалъ: „Нѣтъ, нѣтъ, государь! Не на такого ты глушца и простачка попалъ, которой бы далъ себя ослѣпить твоими раздобарами и розказнями, и протянулъ бы тебѣ свою шею для возложенія на нее петли и узды, дабы тебѣ послѣ на немъ верхомъ ѣздить и неволею заставляли все дѣлать, что тебѣ угодно. Не бывать тому никогда и не раживаться, чтобъ далъ я тебѣ связать себѣ руки и ноги, а ежели хочешь, то изволь быть моимъ простымъ и обыкновеннымъ другомъ и обходиться со мною какъ себѣ съ равнымъ. Отъ этого мы не прочь, да и только всего!“

Симъ образомъ утвердившись въ своемъ намѣреніи, положилъ я имѣть впредь невозможнѣйшую отъ него съ сей стороны осторожность. Поутру въ слѣдующій за симъ день, заѣхалъ я по дорогѣ опять къ Новикову, который при семъ свиданіи сдѣлалъ мнѣ опять новое неожиданное предложеніе.

*прощай!
Басилова*

*Видно, что
не сбавилъ
никогда
ничего
и не жалею
никогда*

„Завожу я, говорилъ онъ мнѣ, въ разныхъ мѣстахъ государства или въ разныхъ городахъ книжную продажу, дабы чрезъ то по возможности поспѣшествовать нашей литературѣ; а какъ вы живете вблизи Тулы, то не возьмете ли вы на себя трудъ прискаты кого-нибудь изъ тамошнихъ жителей, кто бы взялъ на себя комиссію продавать тамъ мои книги. Я бы могъ ихъ къ нему пересылать чрезъ васъ, а онъ за труды свои могъ пользоваться отъ сей продажи десяткою процентами, а и вы могли бы тоже получать, если бы и у васъ въ Богородицѣ стали бѣ находиться охотники къ раскупанію оныхъ“. — „Очень хорошо! отвѣчалъ я: въ этомъ я готовъ постараться оказать мою услугу, и въ проѣздъ мой чрезъ Тулу поговорю о томъ кое-съ-кѣмъ изъ моихъ знакомыхъ, и увѣдомлю васъ, если дѣло сіе пойдетъ на ладъ“. Сიმъ онъ былъ очень и доволенъ, а и для меня было сіе не противно, и болѣе потому, что я при семъ случаѣ могъ бы пользоваться даромъ прочитываніемъ всѣхъ сихъ книгъ и не имѣлъ бы нужды въ покупаніи оныхъ.

*Б. павловскій
матеріал.
Введеніе.*

8. Арестъ и ссылка Новикова (1792 г.). Первое внешнее тепло началось у насъ не прежде 5 числа сего мѣсяца. Въ сей впервые выходили мы съ сыномъ моимъ прогуливаться въ сады наши, и оный достопамятенъ былъ и тѣмъ, что въ оный привезли къ намъ изъ Тулы первое извѣстіе о гоненіи, воздвигнутомъ въ Москвѣ на господъ Мартинистовъ, и что самый ихъ глава г. Новиковъ взятъ и куда-то сосланъ; а книги его и весь домъ опечатанъ. Сіе услышавши, поразился я сожалѣніемъ о семъ моемъ и всегда благопріятствовавшемъ мнѣ знакомцѣ и пріятелѣ, а вкупѣ и порадовался тому, что Богъ отвелъ и сохранилъ меня отъ того, что я не входилъ съ нимъ никогда ни въ какую тѣсную связь, а по носящимся о какой-то ихъ сестѣ сомнительствамъ, всегда имѣлъ къ нему недовѣрку и при всѣхъ случаяхъ отъ повѣреннаго съ нимъ обхожденія удалялся и бѣгалъ отъ него, какъ отъ огня.

*послѣдств.
судебн. разсуд.*

Нѣсколько далѣе Болотовъ, упоминая о судѣ надъ Новиковымъ, отзываясь о „господахъ Мартинистахъ“ еще болѣе грубо и невѣжественно и радуется, что открылись „всѣ ихъ замыслы“. Какіе — онъ не знаетъ, и не могъ знать, потому что ихъ не было; да онъ и не интересовался этимъ. Онъ вмѣстѣ съ Екатериной и съ большинствомъ общества говорилъ о масонахъ по слухамъ, и чуть чуть ли не считалъ Новикова и его друзей за компанію какихъ то подозрительныхъ и вредныхъ шарлатановъ.

17. Императрица Екатерина II.

Императрица Екатерина II — первая женщина въ Россіи съ широкимъ европейскимъ образованіемъ. Она съ дѣтства отличалась страстью къ чтенію книгъ и въ послѣдствіи съ увлеченіемъ отдавалась литературнымъ занятіямъ. Будучи уже императрицей, она утромъ отъ 7—9 часовъ, а иногда и вечеромъ въ библиотекѣ занималась литературой. Литературная дѣятельность для нея отчасти была удовлетвореніемъ прямого влеченія, отчасти средствомъ проводить въ общество идеи, которыя она считала полезными.

Въ 1769—1770 г. подъ ея руководствомъ издавался журналъ „Всякая всячина“, официальнымъ редакторомъ котораго былъ ея кабинетъ-секретарь Григ. Вас. Козицкій. По прекращеніи журнала императрица писала главнымъ образомъ комедіи и оперы. Въ 1782—1784 г. — педагогическія сочиненія. Въ 1783 г. она участвовала въ журналѣ „Собесѣдникъ Любителей Россійскаго слова“, редакторомъ котораго была кн. Е. Р. Дашкова. Здѣсь Екатерина II помѣстила нѣсколько сатирическихъ очерковъ подъ названіемъ „Были и небылицы“. Самымъ значительнымъ изданіемъ императрицы является „Наказъ“, получившій огромное литературное значеніе въ XVIII вѣкѣ.

Ниже помѣщены характерныя статьи „Наказа“, сцены изъ комедіи „О время“, сцены изъ комедіи „Федуль съ дѣтьми“ и одна статья изъ „Былей и небылицъ“.

Статьи изъ журнала „Всякая всячина“ отнесены нами въ главу „Русскіе журналы XVIII в.“, какъ опредѣляющія одно изъ направленій журналистики того времени, а тѣ статьи изъ „Былей и небылицъ“, въ которыхъ состоялся извѣстный обмѣнъ мнѣній между императрицей и Фонъ-Визиннымъ, отнесены къ главѣ „Фонъ Визинъ“, какъ неотъемлемыя отъ дѣятельности этого писателя.

НАКАЗЪ.

„Наказъ“ Императрицы Екатерины II представляетъ документъ первостепенной важности въ исторіи русской культуры. Всякій, изучающій исторію идей въ XVIII вѣкѣ въ Россіи, непременно остановится на этомъ произведеніи императрицы, въ основу котораго положены идеи просвѣтительной философіи. „Наказъ“ окружилъ ореоломъ славы Екатерину II не только въ Россіи, но во всей Западной Европѣ. Онъ былъ написанъ во время большого общественнаго возбужденія, когда повсюду въ Россіи выбирали депутатовъ для комиссіи 1767 г. и снабжали ихъ особыми мѣстными наказами, въ которыхъ провинція излагала свои нужды. „Наказъ“ императрицы во многихъ государственныхъ идеяхъ шелъ впереди общества и въ разрѣзъ съ желаніями депутатовъ, иногда слышкомъ сословными, иногда узко мѣстными. Это было искреннее обращеніе императрицы Екатерины II къ обществу, призывавшее его жить на новыхъ, гораздо болѣе культурныхъ и гуманныхъ началахъ. Въ XVIII вѣкѣ, въ основаніи русскихъ законовъ все еще лежало Уложеніе царя Алексѣя

Михайловича, съ безчисленными къ нему дополненіями, нерѣдко исключавшими другъ друга. Такое положеніе законовъ необходимо требовало пересмотра и приведенія ихъ въ систему, примѣнительно къ новымъ потребностямъ XVIII вѣка. Императрица на второй годъ своего царствованія (1764) стала готовить наказъ для заду-манной ею комиссіи по составленію новаго уложенія. „Два года“, говоритъ сама императрица, „я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, послѣдуя единственно уму и сердцу своему, съ ревностнымъ желаніемъ пользы, чести и счастья имперіи и чтобы довести до высшей степени благополучія живущихъ въ ней какъ всѣхъ вообще, такъ и каждого особенно“. Со словъ императрицы извѣстно также, что въ 1766 году она показала „Наказъ“, такъ чистосердечно составленный, нѣкоторымъ приближеннымъ къ ней лицамъ — Гр. Никитѣ Панину и гр. Орлову. Въ числѣ совѣтниковъ императрицы по вопросу о „Наказѣ“ былъ и А. П. Сумароковъ, но императрица осталась неудовлетворена мелочностью его критики: Сумароковъ, между прочимъ, былъ противъ освобожденія крестьянъ, опасаясь крестьянскаго возстанія. Составлена была также предварительная комиссія съ правомъ сократить проектъ „Наказа“, и примѣнить его къ русскимъ условіямъ. Въ этомъ измѣненномъ уже видѣ онъ и былъ напечатанъ при Сенатѣ и опубликованъ въ 1767 году. Въ 1768 году были напечатаны при Сенатѣ еще два дополненія, какъ сказано въ нихъ, къ „Большому наказу“. Эти дополненія прибавляютъ къ 526 статьямъ „Наказа“ еще 129. Теперь, въ только что вышедшемъ академическомъ изданіи „Наказа“ (подъ ред. Н. Д. Чечулина) данъ и первоначальный его текстъ, напечатанный съ рукописи, хранящейся въ Академіи Наукъ, съ надписью „Рукописный подлинникъ Наказа Ея Императорскаго Величества“.

Такъ какъ наибольшимъ измѣненіямъ подверглась XI глава „Наказа“, то ниже, въ примѣчаніяхъ, мы даемъ наиболѣе характерныя мѣста изъ первоначальнаго текста этой главы для сличенія съ текстомъ, появившимся въ печати въ 1767 году.)

Въ цѣломъ „Наказъ“ и въ первоначальномъ своемъ видѣ не самостоятельное произведеніе императрицы, чего она и не скрывала: изъ 526 параграфовъ „Большого Наказа“ заимствовано около 250 у Монтескьё („Духъ законовъ“) и около 100 у Беккари („О преступленіяхъ и наказаніяхъ“). Вмѣстѣ съ этимъ источникомъ „Наказа“ была и извѣстная „Энциклопедія“, сочиненія Кенэ и др. Сама императрица писала: „я на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескьё, не называя его. Надѣюсь, что если бы онъ съ того свѣта увидаль меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо 20 милліоновъ людей, которое изъ того послѣдуетъ“.

Надо имѣть въ виду, что, хотя „Наказъ“ и компилятивное произведеніе, значеніе его въ исторіи русской культуры этимъ не умаляется: онъ давалъ цѣлый рядъ чрезвычайно цѣнныхъ новыхъ тогда идей, будившихъ мысль и чувство русскаго общества.

Приводимыя ниже статьи „Наказа“ взяты изъ напечатаннаго въ типографіи Академіи Наукъ изданія 1770 года, гдѣ текстъ „На

каза“ уже данъ на четырехъ языкахъ: русскомъ, латинскомъ (въ переводѣ Г. Козицкаго), нѣмецкомъ и французскомъ. Первоначальный текстъ „Наказа“, помѣщенный у насъ въ примѣчаніяхъ, взятъ изъ упомянутого выше академическаго изданія 1907 года. Этотъ текстъ есть текстъ рукописи, хранящейся въ Правительствующемъ Сенатѣ и представляющей первоначальный переводъ съ французскаго подлинника „Наказа“, хранящагося въ Академіи Наукъ.)

Господи Боже мой! Вонми, и вразуми мя, да сотворю судъ людямъ Твоимъ по закону Святому Твоему судити въ правду.

НАКАЗЪ.

I.

Законъ христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлать другъ другу добро, сколько возможно.

Глава I.

6. Россія есть Европейская держава.

7. Доказательство сему слѣдующее. Перемены, которыя въ Россіи предпріалъ Петръ Великій, тѣмъ удобнѣ успѣхъ получили, что нравы, бывшіе въ то время, со всѣмъ не сходствовали со климатомъ, и принесены были къ намъ смѣшеніемъ разныхъ народовъ, и завоеваніями чуждыхъ областей. Петръ Первый, вводя нравы и обычаи Европейскіе въ Европейскомъ народѣ, нашель тогда такія удобства, какихъ онъ и самъ не ожидалъ.

Глава II).

8. Россійскаго государства владѣнія простираются на тридцать двѣ степени широты, и на сто шестьдесятъ пять степеней долготы по земному шару.

9. Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно со пространствомъ толь великаго государства.

10. Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ править. Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ при-

1) §§ 10, 12 взяты изъ Монтескье.

сылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностію мѣсть при-
чиняемое. *чтобы царь могъ рѣшить шире, чтобы рѣшилъ*

11. Всякое другое правленіе не только было бы Россіи *чтобы еще эффект*
вредно, но и въ конецъ разорительно.

12. Другая причина та, что лучше повиноваться законамъ
подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ.

13. Какой предлогъ самодержавнаго правленія? Не тотъ,
чтобы у людей отнять естественную ихъ вольность: но чтобы *задача*
дѣйствія ихъ направить къ получению самого большого ото *свободы*
всѣхъ добра. *успѣха*

Глава V¹⁾.

31. О состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ.

32. Великое благополучіе для человѣка быти въ такихъ
обстоятельствахъ, что когда страсти его вперяютъ въ него
мысли быти злымъ, онъ однако считаетъ себя за полезнѣе
не быти злымъ. *чтобы не считать себя за полезнѣе*

33. Надлежитъ чтобы законы, по елику возможно, предо-
храняли безопасность каждаго особо гражданина.

34. Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы
всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ.

35. Сіе равенство требуетъ хорошаго установленія, ко-
торое воспрещало бы богатымъ удручать меньше ихъ стя-
жаніе имѣющихъ; и обращать себя въ собственную пользу
чины и званія, порученныя имъ только, какъ правитель-
ствующимъ особамъ государства. *чтобы не воспрещало бы богатымъ удручать меньше ихъ стяжаніе имѣющихъ; и обращать себя въ собственную пользу*

36. Общественная или государственная вольность не
въ томъ состоитъ, чтобы дѣлать все, что кому угодно.

37. Въ государствѣ, то есть въ собраніи людей обще-
ствомъ живущихъ, гдѣ есть законы, вольность не можетъ
состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать
то, что каждому надлежитъ хотѣть, и чтобы не быть при-
нуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно.

38. Надобно въ умѣ себя точно и ясно представить: что
есть вольность? Вольность есть право все то дѣлать, что
законы дозволяютъ; и ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ
дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше воль-
ности не было: ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ
сію власть.

1) §§ 32—34, 36—38 вьзяты изъ Монтескье.

Какая вещь?
по закону
идеи
боятся, чтобы
они не на за
не на стра
воинств

39. Государственная вольность во гражданинѣ есть свойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственно наслаждается безопасностію; и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такому, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялися бы всѣ однихъ законовъ.

что такое
въ природе
проблема
необходимо
въ царств
чтобы создать
социальн
француз
милитаризм

57. Законоположеніе должно примѣнять къ народному умствованію. Мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, непринужденно, и слѣдуя природной нашей склонности. *т. е. что въ правитѣльствѣ (Дуло)*

58. Для введенія лучшихъ законовъ необходимо потребно, умы людскіе къ тому приуготовить. Но чтобъ сіе не служило отговоркою, что нельзя установить и самаго полезнѣйшаго дѣла. Ибо если умы къ тому еще не приуготованы; такъ примите на себя трудъ приуготовить оныя, и тѣмъ самымъ вы уже много сдѣлаете.

Глава IX¹⁾. О производствѣ суда вообще.

123. Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію; само человѣчество вошеетъ противъ оныя, и требуетъ, чтобъ она была вовсе уничтожена. Мы видимъ теперь народъ, гражданскими учрежденіями весьма прославившійся, который оную отмечаетъ, не чувствуя оттуда никакого худаго слѣдствія: чего ради она не нужна по своему естеству. Мы ниже сего пространнѣе о семъ изъяснимся.

Глава X²⁾. О обрядѣ криминальнаго суда.

206. Кто не объемлется ужасомъ, видя въ исторіи столько варварскихъ и бесполезныхъ мученій, высканныхъ и въ дѣйство произведенныхъ безъ малѣйшаго совѣсти зазора людьми, давшими себѣ имя премудрыхъ? Кто не чувствуетъ внутри содроганія чувствительнаго сердца при зрѣлищѣ тѣхъ тысячъ безщастныхъ людей, которые оныя претерпѣли и претерпѣваютъ, многожды обвиненные во преступленіяхъ сбыться трудныхъ или немогущихъ, часто соплетенныхъ отъ незнанія, а иногда отъ суевѣрія? Кто можетъ, говорю

¹⁾ § 123 взятъ изъ Монтескье.

²⁾ §§ 206, 210, 240, 241, 243—248 взяты у Беккарія; самая ссылка на императрицу Елисавету Петровну также заимствована у Беккарія.

Я, смотрѣть на растерзаніе сихъ людей, съ великими приготовлениями отправляемое людьми же, ихъ собратію? Страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютейшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣвались беззаконія самыя безчеловѣчныя.

210. Опыты свидѣтельствуютъ, что частое употребленіе казней никогда людей не сдѣлало лучшими: чего для если Я докажу, что въ обыкновенномъ состояніи общества смерть гражданина ни полезна, ни нужна, то Я преодолѣю востающихъ противу челоуѣчества. Я здѣсь говорю: въ обыкновенномъ общества состояніи: ибо смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ быть потребна, сирѣчь: когда онъ лишенъ будучи вольности, имѣть еще способъ и силу, могущую возмутить народное спокойство. Случай сей не можетъ нигдѣ имѣть мѣста, кромѣ когда народъ теряетъ, или возвращаетъ свою вольность, или во время безначалія, когда самыя беспорядки заступаютъ мѣсто законовъ. А при спокойномъ царствованіи законовъ, и подѣ образомъ правленія, соединенными всего народа желаніями утвержденнымъ, въ государствѣ противу внѣшнихъ неприятелей защищенномъ, и внутри поддерживаемомъ крѣпкими подпорами, то есть силою своею и вкоренившимся мгніемъ во гражданахъ, гдѣ вся власть въ рукахъ Самодержца, въ такомъ государствѣ не можетъ въ томъ быть никакой нужды, чтобъ отнимать жизнь у гражданина. Двадцать лѣтъ государстванія Императрицы Елисаветы Петровны подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшій, нежели самыя блистательныя завоеванія.

240. Гораздо лучше предупреждать преступленія, нежели наказывать.

241. Предупреждать преступленія есть намѣреніе и конецъ хорошаго законоположничества, которое не что иное есть, какъ искусство приводить людей къ самому совершенному благу, или оставлять между ними, если всего искоренить нельзя, самое малѣйшее зло.

243. Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте чтобъ законы меньше благодѣтельствовали разнымъ между гражданами чинамъ, нежели всякому особо гражданину.

244. Сдѣлайте, чтобъ люди боялися законовъ, и никого бы кромѣ ихъ не боялися.

245. Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми.

246. Книга добрыхъ законовъ не что иное есть, какъ недопущеніе до вреднаго своевольства причинати зло себѣ подобнымъ.

247. Еще можно предупредить преступленіе награжденіемъ добродѣтели.

248. На конецъ самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія.

Глава XI.

250. Гражданское общество, такъ какъ и всякая вещь, требуетъ извѣстнаго порядка; надлежитъ тутъ быть однимъ, которые правятъ и повелѣваютъ, а другимъ, которые повинуются.

251. И сіе есть начало всякаго рода покорности; сія бываетъ больше или меньше облегчительна, смотря на состояніе служащихъ.

252. И такъ когда законъ естественный повелѣваетъ намъ по силѣ нашей, о благополучіи всѣхъ людей пешися, то обязаны МЫ состояніе и сихъ подвластныхъ облегчати, сколько здоровое разсужденіе дозволяетъ.

253. Слѣдовательно и избѣгати случаевъ, чтобъ не приводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной; однако и та едва не весьма ли рѣдко бываетъ¹⁾.

254. Какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе рабства отвращали, а съ другой стороны предостерегали бы опасности, могущія оттуду произойти²⁾.

¹⁾ Въ первоначальномъ текстѣ слѣдуетъ: „Два рода службы, одна существенная, другая личная, т.-е. крестьянство и холопство.

1) Существенная соединяетъ крестьянъ неразлучно съ участкомъ земли имъ данной. Такіе рабы были у Германцевъ по описанію Тацита. Они служили въ должностяхъ при домахъ господскихъ, давали господину своему извѣстное количество хлѣба, скота, домашняго рукодѣлія и проч. и дагѣ имъ подданство не простираюся. Такая служба и теперь введена въ Венгеріи, въ Ческой землѣ и во многихъ мѣстахъ Нижней Германіи.

2) Собственная служба или холопство сопряжено съ услуженіемъ въ домѣ и принадлежить больше къ лицу или къ особѣ.

Великое злоупотребленіе есть, когда холопство въ одно время и личное и существенное. Такими были рабы (ялоты) у Лакедемонянъ: на нихъ налагали всѣ труды въ домѣ господскаго и въ домѣ всякимъ нападкама они были подвержены.

³⁾ Въ первоначальномъ текстѣ слѣдуетъ: „Правительство должно стараться о

255. Несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены установляти жестокіе законы¹⁾.

256. Петръ Первый узаконилъ въ 1722 году, чтобы беззаконныя и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотреніемъ опекуновъ.

По первой статьи сего указа чинится исполненіе; а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, не извѣстно²⁾.

259. У Ассирянъ строго наказывали того, кто съ рабомъ поступалъ свирѣпо.

260. Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ³⁾.

261. Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества⁴⁾.

томъ, чтобы крѣпостной имѣлъ пищу и одежду; и сіе надлежитъ учредить закономъ.

Законы должны и о томъ имѣть попеченіе, чтобы они въ болѣзняхъ и въ старости ихъ не были оставлены. Клавдій, Цесарь римскій, узаконилъ рабамъ, оставленнымъ во время ихъ болѣзней отъ господъ своихъ, быть свободнымъ, когда выздоровѣютъ. Сей законъ утверждалъ рабамъ свободу; но надлежало бы еще утвердить закономъ и сохраненіе ихъ жизни. Когда законъ дозволяетъ господину отнимать жизнь у своего раба или наказывать его жестокимъ образомъ, то сіе долженъ онъ употреблять, какъ судья, а не какъ господинъ.

Надлежитъ, чтобы закономъ предписанъ былъ въ производствѣ дѣла сего порядокъ, по которому бы не оставалось бы никакого подозрѣнія о учиненіи рабу насилія. Когда въ Римѣ запрещено было отдамъ лишать жизни дѣтей своихъ, то правительство дѣлало дѣтямъ наказаніе, какое отецъ хотѣлъ предписать. Благоразумно было бы, есть ли бы въ разсужденіи господина и раба подобное введено было въ употребленіе.

Въ Россійской Финляндіи выбранные семь или восемь крестьянъ во всякомъ погостѣ составляютъ судъ, въ которомъ судятъ о всѣхъ преступленіяхъ. Съ пользою подобный судъ можно бы употребить для уменьшенія домашней суровости многихъ помѣщиковъ, или слугъ, ими посылаемыхъ на управленіе деревень ихъ безпредѣльно, что часто разорительно деревнямъ и народу и вредно государству, когда отъ нихъ удрученные крестьяне принуждены бывають лишиться неволею своего отечества побѣгами...

1) Въ первоначальномъ текстѣ слѣдуютъ ссылки на поводы къ освобожденію рабовъ у грековъ и римлянъ.

2) Въ первоначальномъ текстѣ слѣдуетъ: „Законы Платоновы и многихъ другихъ народовъ отъемлютъ у рабовъ естественное защищеніе: и такъ надлежитъ имъ дать защищеніе гражданское.

3) Въ первоначальномъ текстѣ идетъ указаніе средствъ постепеннаго освобожденія крестьянъ.

4) Въ первоначальномъ текстѣ послѣ указанія на договоры между помѣщиками и крестьянами, которыми могли бы опредѣляться ихъ земельныя отношенія,—говорятся:

„Лифляндскій дворянинъ прозваніемъ Шульцъ недавно показалъ хорошіи примѣры ревности и усердія къ отечеству, котораго похвалить должно: онъ роздалъ всѣмъ своимъ крестьянамъ уговорныя письма на владѣніе земли, которую каждый изъ нихъ обрабатывать долженъ. И лифляндское шляхетство, въ собраніи своемъ, бывшемъ въ мѣсяцъ январѣ 1765 г. согласилось между прочимъ о трехъ примѣчаніяхъ достойныхъ статьякъ, которыя здѣсь прилагаются: 1) чтобъ стѣжаніе крестьянъ, въ ихъ движимомъ имѣніи, особливо въ важномъ ими самими почитать за собственно крестьянамъ принадлежащее, 2) чтобъ работу и дань, отъ нихъ требуемую, какого бы онъ роду ни были, точно опредѣлить, наблюдая при томъ и то, чтобы она были съ силами

263. При чемъ однако весьма же нужно, чтобы предупреждены были тѣ причины, кои столь часто привели въ непослушаніе рабовъ противъ господъ своихъ; не узнавъ же сихъ причинъ, законами упредить подобныхъ случаевъ нельзя, хотя спокойство однихъ и другихъ отъ того зависить¹⁾.

Глава XII. О размноженіи народа въ государствѣ.

270. Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы; и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось больше земледѣліе, и число бы народа въ государствѣ умножилось.

271. А нынѣ иной земледѣлецъ лѣтъ пятнадцать дома своего не видитъ, а всякій годъ платитъ помѣщику свой оброкъ, промышляя въ отдаленныхъ отъ своего дома городахъ, бродя по всему почти государству.

Глава XX²⁾.

480. Слова, совокупленные съ дѣйствіемъ, принимаютъ на себя естество того дѣйствія; такимъ образомъ человекъ, пришедшій на мѣсто народнаго собранія увѣщавать поданныхъ къ возмущенію, будетъ виновенъ въ оскорбленіи Величества по тому, что слова совокуплены съ дѣйствіемъ, и заимствуютъ нѣчто отъ онаго. Въ семъ случаѣ не за слова наказуютъ, но за произведенное дѣйствіе, при которомъ слова были употреблены. Слова не вмѣняются никогда во преступленіе, развѣ оныя приутовляютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію незаконному. Все превращаетъ и опровергаетъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе смертной казни достойное; слова должно почитать за знакъ только преступленія, смертной достойнаго казни.

крестьянина сходственны; 3) чтобъ неумѣренности домашняго наказанія различные положить предѣлы.

Въ сей третьей статьи вошли они въ самыя подробности и предписали не только число прутьевъ или палочекъ, но и ударовъ, котораго преступать никому не надлежитъ. Все сіе весьма будетъ полезно для уменьшенія суровства домашняго.

¹⁾ Въ первоначальномъ текстѣ этой статьи нѣтъ.

²⁾ §§ 480, 482, 484 взяты у Монтескье.

482. И такъ слова не составляютъ вещи подлежащей преступленію; часто они не значать ничего сами по себѣ, но по голосу, какимъ оныя выговариваютъ; часто пересказывая тѣ же самыя слова, не даютъ имъ того же смысла; сей смыслъ зависитъ отъ связи соединяющей оныя съ другими вещьми. Иногда молчаніе выражаетъ больше, нежели всѣ разговоры. Нѣтъ ничего, что бы въ себѣ столько двойного смысла замыкало, какъ все сіе. Такъ какъ же изъ сего дѣлать преступленіе толь великое, каково оскорбленіе Величества, и наказывать за слова такъ, какъ за самое дѣйствіе? Я чрезъ сіе не хочу уменьшить негодованія, которое должно имѣть на желающихъ опорочить славу своего Государя, но могу сказать, что простое исправительное наказаніе приличествуетъ лучше въ сихъ случаяхъ, нежели обвиненіе въ оскорбленіи Величества, всегда страшное и самой невинности.

484. Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень язвительныя; но оныя дѣлаются предлогомъ подлежащимъ градскому чиновленію; а не преступленіемъ; и весьма беречься надобно изысканія о семъ далече распространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнѣтеніе: а сіе ни чего инаго не произведетъ, какъ невѣжество, опровергнетъ дарованія разума человеческого, и охоту писать отниметъ.

Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ МЫ думаемъ и за славу СЕБѢ вмѣняемъ сказать, что МЫ сотворены для НАШЕГО народа, и по сей причинѣ МЫ обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ они быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ, и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ НАШИХЪ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго Я дожить не желаю!

О ВРЕМЯ!

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

Сочинена въ Ярославлѣ во время чумы 1772 года.

Драматическая форма, повидимому, для императрицы Екатерины II была наиболѣе привлекательна. Въ ея авторствѣ драма занимаетъ самое большое мѣсто, всего до 30 пьесъ, многія изъ которыхъ, недавно разысканныя, помѣщены теперь въ академическомъ изданіи

*Слово
не само
по себѣ*

*въ оныхъ
сочиненіяхъ
разумѣнъ
и не имѣетъ
увлекательнаго
характера
и не имѣетъ
цѣли
къ наказанію*

сочиненій императрицы. Въ своихъ пьесахъ Екатерина II частью защищаетъ и объясняетъ задачи своего царствования, нападаетъ на старые нравы, стоявшіе ей поперекъ дороги на пути преобразованій, иногда осмѣиваетъ масонство, котораго не любила; иногда высмѣиваетъ и своихъ политическихъ сосѣдей (опера Горе-богатырь Косометовичъ направлена противъ Густава шведскаго). Въ большинствѣ случаевъ ея пьесы — оперы и комедіи. Большого художественнаго значенія онѣ не имѣютъ, но онѣ интересны по темамъ, которыя выбирала императрица, и мѣстами веселостью сценъ. Комедія „О время“ — первая изъ нихъ не только по времени (1772 г.), но и по достоинствамъ. Сюжетъ комедіи самый обыкновенный: на сценѣ двое любящихъ другъ друга молодыхъ людей (Христина и Молокососовъ), которые находятся въ зависимости отъ невѣжественныхъ и злыхъ старухъ; пьеса заканчивается свадьбой молодыхъ людей, устроенной служанкой Маврой, напоминающей смѣтливыхъ и изящныхъ служанокъ французскихъ пьесъ, и добродѣтельнымъ Непустовымъ. Но значеніе пьесы не въ изображеніи этой интриги. Комедія „О время“ вызвана жалобами той партіи старины, которая роптала на нововведенія Екатерининскаго царствования. Основная мысль комедіи — противопоставить невѣжество, сплетничество, суевѣріе стараго времени новымъ начинаніямъ императрицы, противопоставить тѣ времена, когда женщина ничему не училась и не выходила изъ терема, новымъ формамъ европейской жизни, которымъ сочувствовала императрица.

Обозначеніе, что пьеса сочинена въ Ярославлѣ, сдѣлано только для прикрытія имени автора.

Эта комедія Мзущица
ДѢЙСТВІЕ I.

Явленіе 1.

Непустовъ, Мавра.

МАВРА. Повѣрьте, что я говорю правду. Вы не можете ее видѣть. Она теперь молится, и я сама войти къ ней въ горницу не смѣю.

НЕПУСТОВЪ. Да развѣ она цѣлый день молится? Когда я ни приду, все говорятъ мнѣ: не время; по утру была она у заутрени, а теперь опять на молитвѣ.

МАВРА. И все такъ у насъ время проходить.

НЕПУСТОВЪ. Молиться хорошо: однако есть въ жизни нашей и должности, которыя свято наблюдать мы обязаны. Не ужели она и день и ночь насквозь молится?

МАВРА. Нѣтъ. Упражненія наши переменны; однако все идетъ своимъ порядкомъ; иногда у насъ обыкновенныя службы, иногда чтеніе миней четій, а иногда, покинувъ чтеніе, боярыня наша изволятъ проповѣдовать намъ о молитвѣ, воздержаніи и постѣ.

можетъ быть, вы ея увидите; а прежде етаго времени она не охотно гостей принимаетъ.

непустовъ. Да мнѣ есть много кое о чемъ переговорить съ нею; и для того скажи ей, что я здѣсь; авось либо она и пуститъ меня къ себѣ.

мавра. Нѣтъ, сударь: я ни изъ чего къ ней не пойду. Мнѣ или битой, или по крайней мѣрѣ браненой быть. Она и безъ того часто на меня гнѣвается и называетъ меня бурсурманкою за то, что иногда читаю я ежемѣсячныя сочиненія, а иногда и Клевеланда.

непустовъ. Да ты можешь ей сказать, что я усиленно прошу ея видѣть.

мавра. Кой часъ вечерня отойдетъ, то я и пойду къ ней, а не прежде. Однако далѣе шести часовъ я не совѣтую вамъ оставаться. Въ это время найдетъ къ ней довольное число подобныхъ ей барынь, которыя обыкновенно забавляютъ ея вѣстями, изо всѣхъ угловъ города собранными; переговариваютъ и злословятъ всѣхъ знакомыхъ, перебирая ихъ, по христіанской любви, всѣхъ на перечетъ; увѣдомляютъ о всѣхъ Петербургскихъ новостяхъ, къ нимъ прилыгая, примышляя; одни убавляютъ, другія прибавляютъ. За правду ни кто въ етомъ собраніи не отвѣтствуетъ: до того намъ дѣла нѣтъ, лишь бы все было выговорено, что слышали, и что къ тому примыслили.

непустовъ. Да по крайнѣй мѣрѣ, оставить ли насъ хоть поужинать? Какъ ты думаешь?

мавра. Сомнѣваюсь. Какія у постницъ ужины?

непустовъ. Какъ? Да развѣ отъ скупости вы пости-тесь? Вишь севодни и день не постной.

мавра. Я того точно не говорю, только... только... мы лишнихъ гостей не любимъ.

непустовъ. Говори со мной, Маврушка, откровеннѣе. Какъ тебѣ госпожи своей не знать? Скажи мнѣ правду. Мнѣ кажется, что она наполнена суевѣріемъ и пустосвятствомъ; а при томъ и весьма зла.

мавра. Кто добродѣтелей ищетъ въ долгихъ молитвахъ и въ наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ, тотъ боярыню мою безъ похвалы не оставитъ. Она наблюдаетъ строго дни праздничныя; къ обѣднѣ всякій день ѣздить; свѣчу передъ праздника всегда ставитъ; мяса по постамъ не ѣстъ; ходить въ шерстяномъ платѣ... Да не подумайте, что изъ скупости... и ненавидитъ всѣхъ тѣхъ, кои ея правиламъ не слѣдуютъ.

Нынѣшнихъ обычаевъ и роскоши она терпѣть не можетъ; а любить и хвалить старину, и тѣ времена, когда она пятнадцати лѣтъ была: чему уже теперь, благодатию Божіею, годиковъ пятьдесятъ и съ лишкомъ минуло.

непустовъ. Что касается до нынѣшней роскоши, я и самъ ея не люблю, и въ етомъ съ нею весьма согласенъ, такъ равно, какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы, и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно! Въ етомъ и самъ я одного съ нею мнѣнія. Жаль, по истинѣ жаль, что нынѣ ни чему не стыдятся, и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки дерзко и похабно противъ мужей поступаая, мало отъ чего когда краснѣются.

мавра. Оставимъ ето. Въ платьѣ и головномъ госпожи моей уборѣ найдете вы совершенное изображеніе прародительскаго покроя, въ которомъ она и не малую добродѣтель и чистоту нравовъ поставляетъ.

непустовъ. Да почему ето прародительскіе нравы? Ето не что иное, какъ ничего не значащіе обычаи, коихъ она съ нравами или не различаетъ, или различить не умѣетъ.

мавра. Однакожь по мнѣнію госпожи моей, чѣмъ платьѣ старѣе, тѣмъ болѣе почтенія достойно.

непустовъ. Скажижь мнѣ, пожалуй, что она въ цѣлый день дѣлаетъ?

мавра. Да гдѣ мнѣ ето все упомянуть? А тѣмъ болѣе высказать не можно; вы смѣяться станете. Но пусть такъ; нѣчто вамъ раскажу. Она встаетъ по утру въ шесть часовъ и, слѣдуя древнему похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу: сошедъ оправляетъ предъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утренія молитвы и акафистъ; потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохи и поетъ стихъ: блаженъ, кто и скоты милуетъ! А при семь пѣни и насъ такъ же миловать изволить, иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой, то бранить дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожемъ, то подаетъ попу кадило; то со внучкою, для чего она молода, бранится; то по чоткамъ кладетъ поклоны; то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить, то... А! постойте, сударь, я слышу шумъ; пора мнѣ отсюда убираться. Конечно, госпожа

См. примеч. къ главе 2. Слѣдуетъ читать въ старинномъ изданіи.

Видѣть. Внѣ. че ето ето - в старинѣ, нѣтъ возмѣнать прародительскаго

Ск. Внѣ - резониръ - вѣнчанинъ - внѣшней.

моя идетъ; боюсь, чтобъ насъ вмѣстѣ не застала: вить и Богъ знаетъ, что ей на мысль придетъ.

(Отходитъ.)

Явленіе 2.

Г. Ханжахина, г. Непустовъ.

ХАНЖАХИНА. А! господинъ Непустовъ, я и не знала, что вы здѣсь, сударь.

НЕПУСТОВЪ. Не прогнѣвайтесь, сударыня, что я пришоль отдать вамъ мой поклонъ. Вы изволите знать, какую я до васъ нужду имѣю. Въ вашей волѣ теперь выдать внучку вашу за господина Молокососова и со мною о приданомъ условиться.

ХАНЖАХИНА. Ахъ! Батька мой! Да какъ мнѣ на это рѣшиться севодни: вить, подумай-ко самъ: это дѣло таково, что требуетъ много размышленія. Я должна и того посмотреть, съ чѣмъ бы мнѣ и самой остаться. Человѣкъ я бѣдный; вдовье мое дѣло: откуда мнѣ что взять? Пусть злые люди, хотъ и говорятъ, хотъ и кричатъ о моемъ богатствѣ, да Богъ то вѣдаетъ, что я не могу наградить внучку свою большимъ приданымъ. Къ томужь севодни духъ мой такъ безпокоенъ, что я и съ мыслями не могу собраться. У меня столько печали, столько нужды, что и конца имъ нѣтъ, такъ что и при молитвѣ злой свѣтъ покою мнѣ не даетъ. Разсудите сами, какъ мнѣ бѣдной не горевать: все дорого, да къ томужь люди...

НЕПУСТОВЪ. Правда, сударыня, злыхъ людей много въ свѣтѣ: но намъ ихъ не передѣлать; оставимъ ихъ, и станемъ о своемъ дѣлѣ говорить. Вы знаете, что намъ долго здѣсь жить не можно. Срокъ близокъ: къ командѣ ѣхать надобно. И такъ уже три дни вы изволили меня и Молокососова обнадеживать, что севодни дадите намъ рѣшительный отвѣтъ; пожалуйста исполните свое слово. Жалокъ етотъ молодой человѣкъ будетъ, еслии онъ попусту въ задъ и въ передъ проскакать былъ долженъ!

ХАНЖАХИНА. Я не то, сударь, говорю: изволь самъ разсудить, можно ли спокойному быть духу, еслии съ кѣмъ то случится, что сдѣлалось севодни со мною? Я обѣщалась, чтобъ до вечерни положить пятьдесятъ поклоновъ передъ образомъ, которымъ моя покойная бабушка благословила покойную мою матушку, помяни ихъ, Господи! и лишь только начала, анъ

гляжу, вопель маминъ сынъ¹⁾) и стоитъ, какъ демонъ, въ горнищѣ. Я ему говорю: поди вонъ, не мѣшай мнѣ, проклятой, молиться; а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила: поди ты, сатана, вонъ; а онъ, ничего не говоря, совъ мнѣ въ руки бумашку, да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете? Что въ этой бумашкѣ написано? О! неммысленная тварь! О! демонское навожденіе!.. Онъ осмѣлился просить позволенія жениться. Мнѣ дескать тритцать уже лѣтъ; мать де моя умерла, обшить, обмыть нѣкому, и для того женится! Бкая негодница! И онъ жениться вздумалъ! Етимъ привелъ онъ меня въ такое сердце, въ такое, батька мой, сердце, что я и число поклоновъ позабыла; и не знаю, сколько положила, и сколько еще класть надобно. Однакожь велѣла его высѣчь, и положить женидбу ту на спинъ: позабудеть онъ у меня мѣшать мнѣ класть поклоны.

непустовъ. Да вить и онъ человекъ, сударыня; въ томъ только его неосторожность, что помѣшалъ вамъ считать поклоны: а можетъ быть, онъ и не зналъ, что вы на молитвѣ.

ханжахина. Что за неосторожность. Какъ ему не знать, что я молюсь? Я вить всегда молюся. Зачемъ ему жениться? Я бь его, проклятаго, постригла, но то бѣда, что нынѣ и не... О! Я такъ осердилась, что вся и теперь дрожу!

непустовъ. Такое великое движеніе можетъ повредить ваше здоровье. Оставимъ это; станемъ говорить о нашемъ дѣлѣ и о приданомъ внучки вашей.

ханжахина. Вы не можете повѣрить, какъ много мнѣ досаждаютъ! Я не вѣдаю, какъ я отъ сердца по сю пору еще не умерла. На малаго та я не столько еще сержуся; но поганая дѣвка, которая, прости меня Господи! ему на шею вѣшается, та, та мнѣ досадна! Да дамъ же я ей замужество!

непустовъ. А для чегожь бы ей нейти за мужъ, коли ея лѣта уже такія?

ханжахина. О, какая она скверная тварь!

непустовъ. Вы почитаете, сударыня, молитву должностью, равно какъ и я, но вить и снисхожденіе и любовь къ ближнему, есть такъ же должности, закономъ намъ предписанныя.

ханжахина. Очень хорошо; изрядное показалъ онъ ко мнѣ снисхожденіе и любовь! Мерской малой! помѣшалъ мнѣ въ счетъ поклоновъ.

¹⁾ „Мамой“ въ старину звали обыкновенно няньку.

Характеръ негодный страши -
и зловольный иравоъ, рого Копуа...
Душею кошкой - ¹⁸⁶ вадетъ в тисъ! Билков...

НЕПУСТОВЪ. Дѣвицу выдать за мужъ стоитъ поклоновъ,
сударыня.

ХАНЖАХИНА. Хорошо, батька мой, съ стороны такъ раз-
суждать. А мнѣ вить не бросать же на улицу деньги! Гдѣ
ихъ возьмешь? Вотъ, внучку надобно выдать, и самой такъ же
пожить еще хочется: да еще и етакихъ мерскихъ жени; а
все таки дай что нибудь: только и затвердили, что дай, да
дай: а вить что больше дашь, то больше у самой убудеть.
Надлежало бы правительству та сдѣлать такое учреждение,
чтобъ оно, вмѣсто насъ, людей та бы нашихъ при женидбѣ
снабжало. Правду сказать, вить оно обо всемъ въ государствѣ
та печися должно, да полно что нынѣ ничего не смотрятъ!

НЕПУСТОВЪ. Правительство имѣеть довольно попеченія
и расходовъ и безъ того, чтобъ снабжать нашихъ людей,
которые намъ служатъ, и слѣдовательно на нашихъ рукахъ
быть должны. Но пожалуй, сударыня, забудь ето, и станемъ
говорить о нашей свадьбѣ и приданомъ внучки вашей.
Господинъ Молокососовъ скоро сюда будетъ. и станетъ
просить вашего на то соизволенія.

ХАНЖАХИНА. Онъ молодець изрядный; я его ни чемъ
не хую, я ничего порочнаго въ немъ не вижу. Когдабъ
эти проклятыя меня не разсердили, то можетъ быть, чтобъ
я и подумала, что бы за внучкою та дать... (Мавра входитъ).
Чего ты хочешь, Мавра?

Явленіе 3.

ХАНЖАХИНА, НЕПУСТОВЪ, МАВРА.

МАВРА. Васъ спрашиваютъ, сударыня. Сосѣдка ваша имѣеть
нужду слова два-три съ вами молвить.

ХАНЖАХИНА (Непустову). Не прогнѣвайся пожалуй:
я на часъ выду; бѣдная вдова, жена дворянская, меня спра-
шиваетъ: отказать не могу; люблю бѣднымъ помогать... Мавра,
побудь ты здѣсь; я тотъ часъ назадъ приду.

Явленіе 4.

НЕПУСТОВЪ, МАВРА.

НЕПУСТОВЪ. Чудная женщина!

МАВРА. Знаете-ли, въ чемъ состоитъ помочь, которую она
бѣдной подать хочетъ дворянкѣ? Эта бѣдняшка, отъ крайней
нищеты, заложила ей во стѣ рубляхъ золотую табакерку,

которая въ трое того стоитъ, и платитъ ей по полуполтины на недѣлю росту. Теперь пришелъ срокъ; заплатитъ ей не чѣмъ, такъ боится, чтобъ и вовсе еще табакерка та не пропала.

непустовъ. Возможно ли толь безсовѣстно поступать? По полуполтины со ста на недѣлю!.. Сказываютъ, что госпожа твоя чрезъ мѣру богата; что у ней тысячъ со ста въ росту ходитъ; какъ ей не стыдно брать по полуполтины росту на недѣлю? Да еще съ кого? Съ бѣдной вдовы? Сходно ли это съ ея молитвами и постомъ?

мавра. Какъ бы то ни было, только это такъ... Давича, сударь, я не досказала вамъ, какъ она день провождаетъ; изволишь ли дослушать окончанія?

непустовъ. Изрядно. Я готовъ и любопытенъ дослушать.

мавра. Остановились мы у заутрени, послѣ которой читаетъ она какія то особливныя отъ сильнаго искушенія молитвы.

непустовъ. Какъ? Она искушенія боится? Она отъ искушенія молится? Да вить ей уже семьдесятъ лѣтъ?

мавра. До того нѣтъ нужды... Когда она тѣ молитвы читаетъ, то уже, кромѣ кошки, никто къ ней въ образную войти не смѣетъ... По окончаніи отъ соблазна молитвъ, изволить она пойти въ кладовую, гдѣ обметаетъ пыль и чиститъ вещи, кои у ней въ закладѣ; пересматриваетъ крѣпости и закладныя; считаетъ деньги, и изъ мѣшка въ мѣшокъ пересыпаетъ. Тутъ, кромѣ Бога, какъ она говоритъ, никто свидѣтелемъ быть не долженъ; а мнѣ кажется, кромѣ чорта никто тамъ не бываетъ! Потомъ она одѣнется, то есть чулки на ноги, да шубу на грѣшное тѣло надѣнетъ, и поѣдетъ къ обѣднямъ. Отслушаетъ она по разнымъ церквамъ раннихъ и позднихъ обѣдни двѣ-три и столькожъ отпоетъ молебновъ. Въ церквахъ даетъ она свиданья подобнымъ себѣ старушкамъ, рассказываетъ имъ и отъ нихъ собираетъ вѣсти разныя, и здѣшнія и Петербургскія, словомъ, изо всѣхъ домовъ сплетни, которыя она выправивъ, прибавивъ и украсивъ благочиніемъ, развозитъ послѣ обѣда, и послѣ обыкновеннаго съ часъ времени на каналъ отдыха, изъ дома въ домъ, рассказывая всѣмъ, кто хочетъ и не хочетъ слушать. Потомъ, или мимоѣдомъ гдѣ въ церквѣ, или дома отслушаетъ вечерню, послѣ которой сберутся къ ней любимыя ея гостейки, и навезутъ новыхъ еще вѣстей.

непустовъ. Кто жъ эти любимыя ея гости?

МАВРА. Сестрица ея госпожа Вѣстникова, да госпожа Чудихина. Первая жеманна, все знающа, высокоумна, вѣстовщица, злорѣчлива, и любитъ при старости наряды: а послѣдняя очень забавна; всякій день новыя у ней примѣты; всего она боится; ото всего обмираетъ; суевѣрна до бесконечности; богомольна изъ пышности; мотовка безразсудная, а молебны однакожь поетъ всегда въ долгъ; ссорщица, сплетница, безстыдна и лжива такъ, какъ болѣе никто быть не можетъ. Вотъ ихъ харак... Но ши... ши... Барыня идетъ.

Явленіе 5.

ХАНЖАХИНА, Непустовъ, Мавра:

ХАНЖАХИНА. Жалка бѣдная вдова! Пятеро у нее ребят-шекъ; а пить ѣсть нѣчево. Я не знаю, для чего правитель-ство не запрещаетъ такимъ бѣднымъ жениться. Да полно что? Нынѣче и ни въ чемъ смотрѣнья та нѣтъ; да кому и смотрѣть? А изъ етакихъ свадебъ, кромѣ нищихъ, ничего не выходитъ. Мавра, велитка сварить намъ кофе.

ӨЕДУЛЬ СЪ ДѢТЬМИ.

ОПЕРА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Дѣйствующіе лица:

Өекуль.

Дѣти пятнадцать человѣкъ.

Театръ представляетъ видъ деревенской.

Императрица Екатерина II любила собирать коренныя русскія слова, любила вставлять ихъ въ свой разговоръ, собирала пословицы: ей нравились русскія пѣсни. Она охотно поддержала издание словаря русскаго языка, предпринятое Академіей Наукъ. Это сочувствіе и вкусъ къ народнымъ оборотамъ русской рѣчи, къ народной поэзіи начинали сказываться въ XVIII вѣкѣ не у одной только императрицы. Народное направленіе чувствуется и въ журналахъ XVIII вѣка, и въ нѣкоторыхъ пьесахъ, и Чацкій былъ не первымъ, выразившимъ желаніе,

Чтобъ умный, добрый нашъ народъ

Хотя по языку насъ не считалъ за иѣмцевъ.

Опера „Өекуль съ дѣтьми“ является одной изъ попытокъ дать рядъ народныхъ сценъ, съ подлинными народными пѣснями и пословицами. Сравненіе этой оперы съ ниже помѣщенной пьесой Аблесимова, можетъ дать понятіе объ относительномъ значеніи этой оперы.

Степень авторства императрицы въ этой пьесѣ, какъ и относительно многихъ ея пьесъ, еще недостаточно выяснена. Первые два явленія, какъ возбуждающія наибольшія сомнѣнія, нами опущены.

Послѣдняя пѣсня Дуняши: „Во селѣ, селѣ Покровскомъ“... одна изъ любимыхъ въ XVIII вѣкѣ народныхъ пѣсенъ. Ею заслушивалась императрица Елисавета Петровна.

Явленіе 3.

Федулъ съ дочерьми и съ сыновьями, коихъ числомъ пятнадцать.

Федулъ *говоритъ*.

Всѣ пѣсни перепѣли, одного шершня не допѣли. Да всѣ ли вы налицо?

Щитаесть дѣтей поючи.

Фотяша,
Дуняша,
Ипполить,
Неофить,
Серафина,
Агрипина,
Парамонъ,
Филимонъ,
Катерина,

Акулина.
Двойнички:
Никодимъ,
Анкудимъ.
Тройнички:
Минодора,
Митродора,
Нимфодора.

*Въ Покровскомъ селѣ
Дуняша пѣла
Никодимъ,
Анкудимъ,
Минодора,
Митродора,
Нимфодора.*

дѣти хоромъ поютъ.

Эхъ, эхъ, что, батюшка, нахмурился,
Эхъ, эхъ, что, батюшка, нахмурился?
Ахъ, какъ нашъ Федулъ губы надулъ!
Ахъ, какъ нашъ Федулъ губы надулъ!
Эхъ, эхъ, на ково осердился?
Эхъ, эхъ, на ково вскинулся?
Ахъ! какъ бровями моргаетъ!
Ахъ! усами подергиваетъ!

Федулъ *говоритъ*.

Со мной здѣсь попѣвайте. *Поетъ.*

Дуняша, гдѣ была?

ДУНЯША.

Я блины пекла.

ФЕДУЛЬ.

Да съ двора стекла.

ДУНЯША.

Я блины пекла.

Федуль говоритъ.

Соловья баснями не кормятъ.

дѣти хоромъ поютъ.

Эхъ, эхъ, на Дуню осердился,
Эхъ, эхъ, на Дуню вскинулся!
Ахъ, какъ нашъ Федуль губы надулъ!
Ахъ, какъ нашъ Федуль губы надулъ!

Федуль поетъ.

Фотяша, люди про Дуню говорятъ.

Фотяша.

Дуняшгѣ люди любить не велятъ.

Федуль.

Дуня нынѣ такова.

Фотяша.

Дуня не инакова.

Федуль.

Дуня изподлобья глазкомъ глядитъ.

Фотяша.

Дуня лишь только голоскомъ брянчить.

Федуль говоритъ.

Безъ матки пчелки пропащи дѣтки.

дѣти хоромъ поютъ.

Эхъ, эхъ, что батюшкѣ здѣлалось?
Эхъ, эхъ, что родному рассудилось?
Ахъ, на Дуняшу осердился!
Ахъ, на Фотяшу осердился!

Федуль поетъ.

Ипполить, смотри быстро на меня.

Ипполить.

Изъ всей мочи пялю очи на тебя.

Федуль.

Женидѣба мнѣ бредеть на умъ.

ИПОЛИТЬ.

Такова думушка, раздумъ.

ӨЕДУЛЬ *говоритъ.*

Безъ жены, что безъ кошки.

дѣти *поютъ хоромъ.*

Эхъ, эхъ, что батюшкѣ вздумалось!

Эхъ, эхъ, что батюшкѣ разсудилось!

Ахъ, онъ жениться собирается!

Ахъ, онъ жениться собирается!

ӨЕДУЛЬ *поетъ.*

Неофитъ, шить не кому, мыть не кому!

НЕОФИТЬ.

Восьмеро дѣвицъ не безъ рукъ, есть кому.

ӨЕДУЛЬ.

Недосугъ, поють, скачуть, пляшуть.

НЕОФИТЬ.

Варять, топятъ, и въ печи мѣшають.

ӨЕДУЛЬ *говоритъ.*

Молодинькій умокъ, что вешній ледокъ.

дѣти *поютъ хоромъ.*

Эхъ, эхъ, какъ батюшка былъ тихъ,

Эхъ, эхъ, такъ батюшка сталъ лихъ!

Ахъ, онъ жениться собирается,

Ахъ, онъ же еще притворяется!

ӨЕДУЛЬ *поетъ.*

Серафина, сказать ли тебѣ про диковинку?

СЕРАФИНА.

Ты скажи, Расскажи мнѣ одну лишь сказочку.

ӨЕДУЛЬ.

Я женюсь, у пана на сѣняхъ вдова молода.

СЕРАФИНА.

Да въ полѣ, полѣ трава мурава.

Ө е ду л ь г о в о р и т ь.

Товаръ полюбится, и умъ разступится.

д ь т и п о ю т ь х о р о м ь.

Эхъ, эхъ, что батюшка говорить,
Эхъ, эхъ, что батюшка говорить?
Ахъ, вдова похаживала!
Ахъ, палочкой помахивала!

Ө е ду л ь п о е т ь.

Агрипина, за вдову сватался дворянинъ.

А Г Р И П И Н А.

Да съ Камышенки рѣчки съ ладья мѣщанинъ.

Ө е ду л ь.

Сватался за вдовушку съ Москвы скоморохъ.

А Г Р И П И Н А.

Житье-бытье, волынка да гудокъ, пьянъ и плохъ.

Ө е ду л ь г о в о р и т ь.

Что было, то видѣли; а что будетъ, то увидимъ.

д ь т и п о ю т ь х о р о м ь.

Эхъ, эхъ, батюшка тягается съ дворяниномъ,
Эхъ, эхъ, батюшка тягается съ мѣщаниномъ!
Ахъ, вдова похаживала!
Ахъ, хлыстомъ пограживала!

Ө е ду л ь п о е т ь.

Парамонъ, вдова женихамъ отказывала.

П А Р А М О Н ь.

А тебя, батюшка, она приманивала.

Ө е ду л ь.

Она добраго молодца полюбила.

ПАРАМОНЪ.

Она добраго молодца обманывала.

ФЕДУЛЬ говоритъ.

Не смотри начала, жди конца.

ДЪТИ хоромъ поютъ.

Эхъ, эхъ, она женихамъ отказала,
Эхъ, эхъ, она бабушку приманивала,
Ахъ, она молодца обманывала,
Ахъ, она молодца обманывала!

ФЕДУЛЬ поетъ.

Филимонъ, вариль ли ты пиво?

ФИЛИМОНЪ.

Вариль молодое.

ФЕДУЛЬ.

Безъ солоду, ячменю.

ФИЛИМОНЪ.

Безъ яраго хмелю.

ФЕДУЛЬ говоритъ.

Поетъ хорошо, а перестанетъ, и тово лутче.

ДЪТИ поютъ хоромъ.

Эхъ, эхъ, онъ пиво варить,
Эхъ, эхъ, онъ вино курить:
Ахъ, къ свадьбѣ готовится,
Ахъ, къ свадьбѣ готовится!

ФЕДУЛЬ поетъ.

Катерина, въ слободушкѣ дворикъ,
Во дворикѣ вдовушка.

КАТЕРИНА.

Во дворикѣ вдовушка.
У вдовушки дѣвушка.

ФЕДУЛЬ.

У вдовушки дѣвушка,
Зовутъ ее Аннушка.

КАТЕРИНА.

Сокрушила насъ, изсушила вдовушка.

ӨЕДУЛЬ говоритъ.

Старица Софья о всемъ мірѣ сохнетъ.

ДѢТИ поютъ хоромъ.

Эхъ, эхъ, батюшка рѣчей не принимаетъ,
Эхъ, эхъ, батюшка рѣчамъ не внимаетъ,
Ахъ, онъ насъ крушитъ,
Ахъ, онъ насъ сушитъ.

ӨЕДУЛЬ поетъ.

Акулинушка душа, отворяй ворота.

АКУЛИНА.

Акулинушка бѣжить,
Не шумить, не гремитъ.

ӨЕДУЛЬ.

Трое саночки бѣгутъ,
Акулина, это что?

АКУЛИНА.

Съ кабака бочки везутъ,
А тебѣ, сударь, на что?

ӨЕДУЛЬ говоритъ.

Догадка лутче разума.

ДѢТИ поютъ хоромъ.

Эхъ, эхъ, дѣло идетъ къ пиру,
Эхъ, эхъ, пустимся по міру;
Ахъ, головушки болятъ,
Ахъ, сердечки щемятъ.

ӨЕДУЛЬ поетъ.

Двойнички, двойнички!

НИКОДИМЪ И АНКУДИМЪ *потягиваются, поютъ вмѣстѣ.*

Спать намъ хочется,
Во младыхъ костяхъ ломота.

ӨЕДУЛЬ.

Двойнички, двойнички,
Никодимъ, Анкудимъ!

НИКОДИМЪ И АНКУДИМЪ *поютъ вмѣстѣ.*

Спать намъ хочется,
Въ бѣломъ тѣлѣ потягота.

ӨЕДУЛЬ *говоритъ.*

Всякая птица свои пѣсни поетъ.

ДЪТИ *хоромъ поютъ.*

Эхъ, эхъ, мы всё пѣсню одну поемъ,
Эхъ, эхъ, мы всё пѣсню одну поемъ;
Ахъ, не женись, отецъ нашъ родной,
Ахъ, не женись, отецъ нашъ родной!

ӨЕДУЛЬ *поетъ.*

Тройнишники:
Минодора,
Митродора,
Нимфодора!

МИТРОДОРА, МИНОДОРА И НИМФОДОРА *вмѣстѣ.*

Ахъ ты, батюшка дружекъ,
Сердце, радость, животокъ!
Мачиха насъ ударить въ лобоекъ.

ӨЕДУЛЬ *говоритъ.*

Какъ смола съ новой сосны содрана.

ДЪТИ *поютъ хоромъ.*

Эхъ, эхъ, послушай, батюшка, Дуняшу,
Эхъ, эхъ, послушай, батюшка, Дуняшу:
Ахъ, крушится, печалится,
Ахъ, въ лицѣ измѣняется.

ӨЕДУЛЬ *говоритъ.*

Сказка складка, а пѣсня быль. Послушайте прежде мою
пѣсню, а тамъ Дуняшину.

Поетъ:

Эхъ, эхъ, не ладно!
Ахъ, нескладно!

Щенята сбѣсились,
Съ отцомъ побранились.
Эхъ, эхъ, не ладно!
Ахъ, не складно!
Отцу жениться вздумалось,
Отцу безъ жены скучилось.
Эхъ, эхъ, не ладно!
Ахъ, не складно!
Вдовицу онъ избралъ,
Худушу онъ выбралъ.
Эхъ, эхъ, не ладно!
Ахъ, не складно!
Отъ плѣча до плѣча больше, чѣмъ аршинъ,
Въ личикѣ не примѣтно морщинъ,
Эхъ, эхъ, не ладно!
Ахъ, не складно!
Она дѣтокъ заставитъ скакать,
По своей дуткѣ пѣть и плясать.

е е д у л ь говоритъ.

Ну, Дуняша, что хотѣла?

д у н я ш а поетъ.

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой
Разыгралась, расплясалась
Красна дѣвица душа,
Красна дѣвица душа,
Авдотьюшка хороша.
Разыгравшись говорила:
Вы, подруженьки мои,
Поиграемте со мной,
Поиграемте теперь.
Я со радости, съ веселья,
Поиграть съ вами хочу.
Приѣзжалъ ко мнѣ дѣтинка
Изъ Санктпитера сюда:
Онъ меня, красну дѣвицу,
Подговаривалъ съ собой,
Серебромъ меня дарилъ,
Онъ и золото сулилъ.
Поѣзжай со мной, Дуняша,

Поѣзжай, онъ говорилъ,
Подарю тебя парчою
И на шею жемчугомъ;
Ты въ деревнѣ здѣсь крестьянка,
А тамъ будешь госпожа,
И во всемъ такомъ уборѣ
Будешь вдвое хороша.
Я сказала, что поѣду,
Да опомнилась опять.
Нѣтъ, сударикъ, не поѣду,
Говорила я ему:
Я крестьянкою родилась,
Такъ не лзя быть госпожей;
Я въ деревнѣ жить привыкла,
А тамъ буду привыкать.
И совѣтую тебѣ
Имѣть равную себѣ;
Въ вашемъ городѣ обычай,
Я слыхала ото всѣхъ,
Что всѣхъ любите словами,
А на сердцѣ ни ково;
А у насъ та вить въ деревнѣ
Здѣсь прямая простота.
Вотъ чему я веселюся,
Чему радуюсь теперь,
Что осталась жить въ деревнѣ,
А въ обманъ не отдалась.

е е д у л ь говоритъ.

Да вотъ моя худушa идетъ съ своимъ караводомъ, чево не достааетъ? Какъ пава плыветь! Примитежь ее съ ласкою.

Вдовушка приходитъ съ караводомъ, дѣти къ ней подхоятъ съ поклонами, и начинается балетъ съ разными плясками.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Сестры моеи двояродной мѣсяца іюля 1 седмицы 1783 года.

(Изъ „Былей и Небылицъ“.)

„Были и небылицы“—рядъ сатирическихъ статей, помѣщенныхъ императрицей въ „Собесѣдникѣ любителей російскаго слова“ (1783 г.). Это шуточные очерки, гдѣ авторъ иногда такъ непринужденно относится къ своимъ сочиненіямъ, что напр., въ одномъ мѣстѣ

писать: „Здѣсь муха сѣла мнѣ на носъ и перервала мои мысли, такъ что письмо окончить не могъ; съ другой стороны, признаться должно, что она ко времени присѣла, або страница уже приходила къ концу“.

Нерѣдко статьи ведутся отъ имени *дядушки*, роль котораго нѣсколько сходна съ ролью Стародума у Фонъ-Визина. Эти шутивыя статейки иногда перемежались и серьезными замѣчаніями: здѣсь были помѣщены „вопросы“ Фонъ-Визина и отвѣты на нихъ императрицы.

Приводимый здѣсь отрывокъ изъ „Былей и небылицъ“ даетъ характерное изображеніе тогдашней шеголихи, которыхъ часто осмѣивали журналы XVIII вѣка. Изображеніе шеголихи, данное здѣсь императрицей, показываетъ, что, защищая въ своихъ комедіяхъ новыя формы жизни отъ нападокъ защитниковъ старины, она видѣла и тѣ уродливости, въ которыхъ выражалось тогдашнее увлеченіе всѣмъ новомоднымъ.

Первая страница содержитъ имена тѣхъ, коихъ посѣтить намѣреніе имѣеть, такъ же лавошниковъ, разносчиковъ, продающихъ женскіе уборы. За симъ слѣдуетъ:

Вторникъ.— Я встала съ постели въ первомъ часу по полудни.

НВ. Я встала такъ рано для того, что легла рано, лишь три часа было за полночь...

Парикмахеръ чесалъ мнѣ сегодня волосы такъ порядочно, что я принуждена была болѣе часа разтрепаваться, чтобы въ люди было можно показаться.

Отобѣдала въ 5 часу.

Скучно въ Петербургѣ лѣтомъ, день и ночь равно свѣтлы. Я принуждена сидѣть съ опущенными занавѣсами. Солнечные лучи неблагородно видѣть. Въ комедію я поѣхала, хотѣла видѣть К...

Въ саду его не было.

Случайно свѣдала я, что онъ весь день игралъ въ вискъ у З...

А... Сего дня дурно одѣта была; она похожа на шефирку.

За ужиномъ меня уморить хотѣли, подчивали котлетами.

Среда.— Сего дня удачи мнѣ ни въ чемъ нѣтъ, отъ того, что лѣвой ногой съ постели встала, да и кошку во снѣ видѣла.

Ѣдила на биржу товаровъ покупать; но ничего не нашла по моему вкусу, а что и нашла, того въ долгъ отдать не хотѣли.

Приѣзжала ко М... Ужасно какъ она скучна, непрестанно говорить о дѣтяхъ и ихъ воспитаніи.

Бѣдила къ Д... кого тамъ ни наѣхала, всѣ до крайности несносны.

ЧЕТВЕРГЪ.— Я четвергъ люблю паче другихъ дней, сама не знаю за что.

Ахти! съ недѣлю я у бабушки не была.

Заѣхать было къ Ф... помнится, что по дорогѣ, лишь бы не встрѣтить похоронъ. Смѣшно право! севодни портной, башмашникъ и разносчикъ за долгомъ приходили, я велѣла сказать, что меня дома нѣтъ.

ВВ. Третій день какъ К... не встрѣчаю.

Я домой приѣхала не весела.

СУББОТА.— Дома гостей имѣла.

А... не приѣзжалъ, я для него нарядилась и всѣхъ дѣвокъ перебранила, ни одна угодить не умѣла.

ВОСКРЕСЕНЬЕ.— Б... приѣхала въ половину службы. Всѣ обратились какъ вошла.

ВВ. Впредь надобно стараться попозже приѣзжать.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.— Я встала весела и писать не буду.)

18. Журналы XVIII вѣка.

Періодическая печать у насъ въ XVIII вѣкѣ — явленіе совершенно новое, незнакомое до-Петровской Руси.

Впервые она созидалась правительственною властью: то были сначала первыя „Русскія Вѣдомости“ при Петрѣ Великомъ, а затѣмъ различныя періодическія изданія, выходившія при Академіи наукъ, Московскомъ университетѣ, Кадетскомъ корпусѣ. При Академіи наукъ, подъ редакціей Миллера, издавался журналъ „Ежемѣсячныя Сочиненія“ — первый учено-литературный журналъ въ Россіи. (Вся Россія — говоритъ о немъ митрополитъ Евгеній, съ жадностью и съ удовольствіемъ читала сей первый русскій ежемѣсячникъ, въ которомъ много помѣщено иностранныхъ переводныхъ, а большая половина русскихъ, любопытнѣйшихъ статей историческихъ, географическихъ, коммерческихъ, ученыхъ и др.)

„Трудолюбивая Пчела“ Сумарокова была первымъ журналомъ, издававшимся частнымъ лицомъ, но этотъ журналъ существовалъ всего одинъ годъ (1859 г.), и прекратился, повидимому, вслѣдствіе столкновения Сумарокова съ представителями Академіи, въ типографіи которой печаталъ онъ свой журналъ.

Журналъ Сумарокова былъ довольно пестраго содержанія: здѣсь были и его статьи объ русскомъ языкѣ и разсужденія о добродѣтели и наукахъ, и слабыя сонеты и элегіи, переводные и самостоятельныя,

и нападки на подъячихъ, статьи о мозаикѣ и т. п. Больше всего статей поставлялъ самъ Сумароковъ. Въ числѣ сотрудниковъ были: Козицкий, Аблесимовъ, Тредьяковский.

Въ царствованіе Екатерины II журнальная литература необыкновенно быстро разрастается. Быть можетъ, здѣсь оказалъ вліяніе примѣръ самой императрицы, выступившей въ одномъ изъ первыхъ этихъ журналовъ (Всякая всячина), быть можетъ, одобряло издателей и сотрудниковъ этихъ журналовъ обѣщаніе императрицы не стѣснять свободы мысли и слова, можетъ быть, здѣсь сказывалось и увлеченіе новой литературной формой. Вѣроятно, здѣсь заговорила и нѣкоторая потребность имѣть обзоры текущей жизни. Во всякомъ случаѣ такихъ журналовъ уже въ первую половину царствованія Екатерины выходило около 20. Изъ нихъ обращали на себя вниманіе редактируемая Козицкимъ „Всякая Всячина“ (1769—1770), въ которой принимала участіе сама императрица, „Трутенъ“ (1769—1770) Новикова, „И то и Сіо“ (1769 г.) Чулкова, „Смѣсь“ (1769 г.) неизвѣстнаго издателя, „Адская Почта“ (1769 г.) Эмина, „Живописецъ“ (1772 г.), „Кошелёкъ“ (1774 г.). Позднѣе среди другихъ журналовъ выдѣлялись: „Собесѣдникъ любителей руссійскаго слова“ (1783—1784) подъ редакціей кн. Дашковой, „Почта Духовъ“ (1789) и „Зритель“ (1792 г.) Крылова, „Московский Журналъ“ (1791—1792) Карамзина, „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ (1793—1794) Подшивалова и Сохацкаго и др. Новиковъ, съ поступленіемъ въ масонскую ложу, издавалъ журналы, въ которыхъ проводилъ нѣкоторые масонскіе взгляды: таковы были „Утренній Свѣтъ“ (1777—1780), „Вечерняя Заря“ (1782), а въ 1784—85 г. „Покоющійся Трудолюбецъ“, въ которомъ онъ вернулся къ общественной сатирѣ. Новиковымъ же издавалось (1785—1789 гг.) „Дѣтское Чтеніе для сердца и ума“, первый журналъ для юношества. Все это были столичные журналы, издававшіеся большею частью въ Петербургѣ, частью въ Москвѣ, но уже въ 1786 году въ Ярославлѣ появился и первый въ Россіи провинціальный журналъ „Уединенный Пошехонецъ“, издававшійся Санковскимъ.

Изданія эти были недолговременны, существовали годъ, много—два, иногда нѣсколько мѣсяцевъ и, если на нихъ былъ спросъ, то обыкновенно переиздавались съ дополненіями и измѣненіями и продавались въ магазинахъ, какъ отдѣльныя книги.

Преобладающее направленіе, особенно журналовъ первой половины царствованія, было сатирическое; при этомъ любимой формой сатиры были то аллегорическая повѣсть, то формы вопросовъ и отвѣтовъ, переписки между адскими жителями, волшебниками, то формы словарей, сновъ, сатирическихъ лѣчебниковъ, писемъ въ редакцію и т. п. Въ большинствѣ ходу были псевдонимы, которыми авторы опредѣляли себя и свое направленіе (Добросовѣтовъ, Правомысловъ, Остроперовъ, Аристархъ Примирителейъ, Люборуссовъ, Непускаловъ и т. п.).

Журналы нападали на внѣшнее подражаніе Западу, на русскіе щеголей и щеголихъ, на уродливую постановку воспитанія, на взяточничество въ судѣ, на жестокое обращеніе съ крестьянами. Въ самомъ характерѣ сатиры уже начали опредѣленно обозначаться

два направлення: одно, во главѣ котораго стояла „Всякая Всячина“, опредѣляло себя, какъ сатиру въ „удлибательномъ духѣ“, другое — представленное главнымъ образомъ Новиковымъ—давало бичующую сатиру. Лучшіе журналы („Трутень“, „Живописецъ“) давали яркія и смѣлыя изображенія русскаго общественнаго быта, рѣшались направлять свои стрѣлы противъ могущественнаго тогда дворянскаго сословія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это указывалъ въ свое время и Добролюбовъ, при всей смѣлости изобличеній эти журналы еще очень рѣдко искали коренныхъ причинъ зла и мало задумывались надъ основами строя тогдашней русской жизни. Большею частью это были только нападенія на отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныя общественныя группы.

Эти журналы одно время разсматривались, какъ проявленіе полной самостоятельности русской мысли (Аоанасьевъ), позднѣе замѣтили подражаніе иностраннымъ журналамъ, въ особенности английскому „Зрителю“ Стиля и Адиссона, но подражаніе видѣли только въ формѣ сатиры, содержаніе же ея считали взятымъ изъ русской дѣйствительности (Галаховъ), въ послѣднее время (Пекарскій, Солнцецъ) опредѣленно указано, что не только форма, но нерѣдко и содержаніе сатиры въ этихъ журналахъ заимствовано, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно съ небольшими передѣлками (а иногда и безъ нихъ) подходило къ русскимъ нравамъ, и притомъ заимствовано не изъ первыхъ, а изъ вторыхъ рукъ, напр., изъ французскихъ переводовъ английскихъ журналовъ. Наиболѣе самостоятельными были журналы Новикова.

Помимо сатиры, иногда шуточной и болтливой, иногда горячо негодующей и яркой, эти журналы интересны и другими сторонами: въ нихъ помѣщали стихотворенія, эклоги, сонеты, элегіи, любовныя пѣсни, которыя являются звеньями въ развитіи нашей поэзіи и даютъ почувствовать эволюцію поэтической формы въ нашей литературѣ; въ нихъ помѣщались и тѣ любовныя пѣсенки, бывшія предметомъ общаго увлеченія, тѣ пѣсенки, про которыя Болотовъ говорить, что онѣ тогда „стали получать первое надъ молодыми людьми господствіе“. Въ нѣкоторыхъ журналахъ появлялись переводы изъ древнихъ классиковъ.)Наконецъ, были журналы, не ограничавшіеся негодованіемъ на наше обезьянство передъ Западомъ, а собиравшіе въ противовѣсъ своеобразныя черты національной культуры. Журналъ „И то и Сіо“, напримѣръ, даетъ своимъ читателямъ много русскихъ пословицъ, описаній народныхъ гаданій, обрядовъ и подблюдныхъ народныхъ пѣсень.

Участвовали въ журналахъ нерѣдко выдающіяся лица XVIII вѣка; не говоря уже объ Екатеринѣ II и Новиковѣ, сотрудничали въ журналахъ такіе писатели, какъ Радищевъ, Крыловъ, Аблесимовъ, Поповскій, Державинъ и др.

Въ цѣломъ журналы Екатерининскаго времени даютъ не только сильную картину нравовъ русскаго общества въ XVIII вѣкѣ, но и живо отражаютъ тѣ новые интересы и идеи, которые стали въ то время волновать всѣхъ мыслящихъ людей.

„ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА“.

Журналъ „Всякая Всячина“ — „бабушка“ русскихъ сатирическихъ журналовъ, какъ онъ былъ прозванъ журналистикой XVIII вѣка, выходилъ въ 1769 году подъ редакціей Григ. Вас. Козицкаго, при непосредственномъ участіи и общемъ руководствѣ императрицы Екатерины II. Козицкій, бывший переводчикъ при Академіи наукъ, а впоследствии въ ней же лекторъ философіи и словесныхъ наукъ, былъ во время изданія журнала кабинетъ-секретаремъ императрицы. Журналъ „Всякая Всячина“ не имѣлъ опредѣленнаго плана, но захватывалъ широкую программу; онъ направлялъ свою сатиру на тѣ стороны жизни, которыя, дѣйствительно, заслуживали осмѣянія: старинныя суевѣрія, любовь къ шутамъ и шутловству, жестокое отношеніе къ крѣпостнымъ, мотовство, отсутствіе самаго понятія о цѣляхъ и средствахъ воспитанія, погоня за модами во всемъ, взяточничество — все это проходило передъ читателемъ „Всякой Всячины“. Журналъ при этомъ сочувствовалъ народному въ языкѣ, въ одеждѣ, про театръ говорилъ, что „маркизь на русскомъ театрѣ уши дереть“.

При всемъ томъ журналъ не давалъ дѣйствительно серьезной оцѣнки этихъ явленій. Императрица говорила про свою литературную дѣятельность: „кромѣ развлеченія, я никогда не придавала этому никакой важности“. Задачею этой сатиры было скорѣе разсмѣшить, чѣмъ осмѣять. Девизъ журнала — веселость, и отвращеніе къ „меланхолическому“. Императрица называла такую сатиру, сатирой „въ улыбательномъ духѣ“. Сатирикъ долженъ „не цѣлить на особъ, но единственно на пороки“, при чемъ не смѣшивать слабостей человѣческихъ съ пороками.

Въ настоящее время изслѣдованіями В. О. Солнцева выяснено, что такое опредѣленіе задачъ сатиры не было самостоятельнымъ взглядомъ журнала, а взято изъ знаменитаго англійскаго журнала Стиля и Аддисона — „Spectator'a“, притомъ въ его переводѣ на французскій языкъ. Англійскій журналъ дѣлитъ своихъ читателей на любителей веселыхъ, насмѣшливыхъ статей и на почитателей сухой, строгой морали. О задѣваніи личности въ сатирѣ „Spectator“ говоритъ такъ: „Если я нападаю на порочныхъ, то я обрушиваюсь на все ихъ сословіе, и какъ бы ни дуренъ былъ поступокъ со мною другихъ, я все же не рѣшусь никогда взять примѣромъ одного виновнаго. Я буду разсматривать порокъ такимъ, какимъ онъ кажется, какъ родъ, и не такимъ, какъ онъ проявляется въ отдѣльной личности“.

Самое содержаніе статей „Всякой Всячины“, за исключеніемъ статей о подъячихъ и старомъ воспитаніи, бралось изъ статей англійскаго журнала, иногда даже было дословнымъ переводомъ, тамъ гдѣ въ нравахъ было общее. Источникомъ „Всякой Всячины“ служили и другіе иностранные журналы.

Основной взглядъ на сатиру, усвоенный „Всякой Всячиной“, приводилъ ее иногда къ слишкомъ мало говорящимъ обобщеніямъ, иногда къ недостаточно глубокому отношенію къ какому-нибудь

явленію. Журналъ устанавливалъ опредѣленное направленіе въ дѣлѣ сатиры, и оно вызвало въ другихъ журналахъ, которые называли себя „внучатами“ „Всякой Всячины“, возраженія. Особенно горячо возражалъ журналъ Новикова — „Трутень“. Разногласіе приняло съ обѣихъ сторонъ очень страстныя формы. „Всякую Всячину“ нѣсколько поддерживалъ журналъ „И то, и сію“, мнѣнія „Трутня“ защищали „Смѣсь“ и „Адская Почта“.

Ниже приводимыя статьи изъ „Всякой Всячины“ даютъ характерный образецъ того, въ какомъ духѣ шелъ этотъ знаменитый споръ о направленіи сатиры.

Письмо къ издателю „Трутня“.

„Господинъ издатель! Имѣлъ я терпѣніе до сего дня, но скучно мнѣ становится отъ вашихъ листовъ. Я старъ и много на свѣтѣ видывалъ. Я чаю, вы безъ бороды еще¹⁾: по молодости и вздумали, чаю, что весь свѣтъ перемѣнится, кой часъ еженедѣльно вы начнете писать, и для того выдумали тонкости, кои отъ насъ, стариковъ, право, не скрылися — мы, небось, съ перваго листа узнали, куда цѣлите. Поздравленіе съ новымъ годомъ было сдѣлано, дабы чѣмъ ни на есть начать; предисловіе ваше одна есть рѣзвость; привѣтствіе публикѣ была критика легкомысленныхъ, кои таскаются съ новизнами“...

Статья 35.

Господинъ сочинитель²⁾!

Будучи охотникъ до издаваемыхъ въ нынѣшнемъ году разныхъ сочиненій, и покупая ихъ съ самаго начала, съ великимъ удовольствіемъ читалъ оныя, и могу сказать по справедливости, что находилъ въ нихъ разумъ, вкусъ и полезность; но нынѣ увидѣлъ въ нихъ сверхъ чаянія моего со всѣмъ неприличную такимъ сочиненіямъ междоусобную ссору, которая въ насъ отъ приятнаго чтенія оныхъ великое произвели отвращеніе, и она то самая принудила меня къ вамъ, господинъ сочинитель, писать, чтобъ вы, какъ первый производитель нашего еженедѣльно принятаго удоволь-

¹⁾ Намекъ на молодость Новикова—ему было тогда 24 года.

²⁾ Письмо было, повидимому, отъ редакціи, судя по тому, что примѣчаніе къ нему направлено противъ журнала „Трутень“.

ствія, постарались согласить ихъ, предписавъ имъ за правило хранить между собою ненарушимую дружбу и вѣчное согласіе.

Вашъ почитатель
Аристархъ Аристарховъ сынъ
Примирителевъ.

* * *

Мы должны признаться, что сей выговоръ Всякой Всячинѣ и племени ея весьма справедливъ. И такъ отъ сего дня объявляемъ нашимъ корреспондентамъ добровольно, непри-
нужденно, въ удовольствіе публикѣ, что ни единое такое письмо, ни сочиненіе не будетъ болѣе мѣста имѣть во Всякой Всячинѣ, изъ котораго бы могли родиться ссоры и брани съ прочими издаваемыми листами; совѣтуя притомъ, по праву старшинства, и поколѣнію Всякой Всячины отложить всѣ домашнія распри, и только единственно упражняться удо-
вольствовати читателей приятными и полезными задатками.

М. М. М. 52. 1769 г.

Писатель письма отъ 26 Марта, 1769 года, подписанный нашъ покорнѣйшій и усердный слуга А., узнавъ, что его письмо не будетъ напечатано. Мы совѣтуемъ ему оное беречь до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣланъ лексиконъ всѣхъ слабостей человѣческихъ и всѣхъ недостатковъ разныхъ во свѣтѣ государствъ. Тогда сіе письмо можетъ служить реестромъ ко вспоможенію памяти сочинителю; а до тѣхъ поръ просимъ господина А., сколько возможно упражняться во чтеніи книгъ такихъ, посредствомъ которыхъ могъ бы онъ чело-
вѣколюбіе и кротость присвокупить ко прочимъ своимъ знаніямъ; ибо намъ кажется, что любовь его ко ближнему болѣе простирается на исправленіе, нежели на снисхожденіе и чело-
вѣколюбіе; а кто только видитъ пороки, не имѣвъ любви, тотъ не способенъ подавать наставленія другому. Мы и о томъ умолчать не можемъ, что большая часть матерій, въ его длинномъ писмѣ включенныхъ, не есть нашего департамента. И такъ просимъ господина А. впредь подобными присылками не трудиться; нашъ полетъ по землѣ, а не на воздухъ, еще же менѣе до небеси: сверхъ того мы не любимъ меланхолическихъ писемъ.

Государь мой!

И весьма веселаго нрава и много смѣюсь; признаться должно, что часто смѣюсь и пустому; насмѣшникомъ же никогда не бываю. Я почитаю, что насмѣшки суть степень дурносердечія; я напротивъ того думаю, что имѣю сердце доброе, и люблю родъ человѣческой! И такъ не извольте ошибиться въ моемъ нравѣ, когда говорю, что я смѣшливъ; но выслушайте, чему я намясь смѣялся такъ, что и теперь еще бока болятъ.

Былъ я въ бесѣдѣ, гдѣ нашель человѣка, который для того, что онъ болѣе думаль о своихъ качествахъ, нежели прочіе люди, возмечталъ, что свѣтъ не такъ стоитъ; люди все не такъ дѣлаютъ; его не чтутъ, какъ ему хочется; онъ бы все дѣлать могъ, но его не такъ опредѣляютъ, какъ бы онъ желалъ: сего онъ хотя и не выговариваетъ, но изъ его рѣчей легко то понять можно. Вездѣ онъ видѣлъ тутъ пороки, гдѣ другіе не имѣвъ такихъ, какъ онъ, побудительныхъ причинъ, на силу приглядѣть могли слабости, и слабости весьма обыкновенныя человѣчеству. Ибо всѣ разумные люди признавать должны, что одинъ Богъ только совершенъ; люди же смертныя безъ слабостей никогда не были, не суть и не будутъ. Но ворчливое самолюбіе сего человѣка изливало желчь на все то, что его окружало. Для чего же? Для того, что онъ стыдился выговорить свои собственныя огорченія: и такъ клалъ все на щетъ превратнаго будто свѣта, котораго, онъ сказывалъ, что ненавидитъ: да сіе и примѣтити можно было изъ его рѣчей. Одинъ тутъ случившійся молодецъ удалый, долго слушая, терпѣливо и молча, поношенія смертныхъ, на конецъ потерялъ терпѣніе, и сказалъ ему: Государь мой, вы весьма ненавидите ближняго своего; тиранъ Калигула во своемъ сумасбродствѣ говаривалъ, что ему жаль, что весь родъ человѣческой не имѣть одной головы, дабы ее отрубить разомъ: не того ли и вы мнѣнія? Нашъ рассказъ симъ вопросомъ былъ приведенъ во превеликій стыдъ, и чувствуя, что онъ страстями своими былъ приведенъ къ показанію толикой ненависти къ людямъ, что подаль причину вспомнить Калигулу, вскочилъ со стула, покраснѣлъ, по томъ пальцы грызъ, бѣгая по комнатѣ, на послѣдокъ выбѣжалъ и уѣхалъ, знатно отъ угрызенія совѣсти. А мы во весь вечеръ смѣялися людской слабости. Но послѣ, размышляя

о семь произшествіи съ большимъ примѣчаніемъ, разстались
 общавъ другъ другу: 1) Никогда не называть слабости порокомъ. 2) Хранить во всѣхъ случаяхъ челоѡколюбіе. 3) Не думать, чтобъ людей совершенныхъ найти можно было, и для того 4) Просить Бога, чтобъ намъ далъ духъ кротости и снисхожденія. Я нашель сіе положеніе столь хорошо, что принужденнымъ себя нахожу, васъ просить дать ему мѣсто во Всякой Всячинѣ.

*примечаніе
Вс. Ве.*

Я же есмь
 вашъ покорный слуга
 Аѡиногенъ Перочиновъ.

P. S. Я хочу завтра предложить пятое правило, чтобы впредь о томъ никому не разсуждать, чего кто не смыслить; и шестое, чтобъ никому не думать, что онъ одинъ весь свѣтъ можетъ исправить.

*закуримъ
куримъ*

66.

На ругательства, напечатанныя въ Трутнѣ подь пятымъ отдѣленіемъ, мы отвѣтствовать не хотимъ, уничтожая оныя; а только не скоро дадимъ примѣтить, что господинъ Правдулюбовъ насъ называетъ криводушниками и потаччиками пороковъ для того, что мы сказали, что имѣемъ челоѡколюбіе и снисхожденіе къ челоѡческимъ слабостямъ, и что есть разница между пороками и слабостями.

*караве
переселѣт.*

Господинъ Правдулюбовъ не догадался, что исключая снисхожденіе, онъ истребляетъ милосердіе. Но добросердечіе его не понимаетъ, чтобы гдѣ нинаестъ быть могло снисхожденіе; а можетъ статья, что и умъ его не достизаетъ до подобнаго правоученія. Думать надобно, что ему бы хотѣлось за все да про все кнудомъ сѣчь. Какъ бы то ни было, отдавая его публикѣ на судъ, мы совѣтуемъ ему лѣчиться, дабы черные пары и желчь не оказывались даже и на бумагѣ, до коей онъ дотрогивается. Намъ его меланхолія не досадна; но ему несносно и то, что мы лучше любимъ смѣяться, нежели плакать. Еслибъ онъ писалъ трагедіи, то бы ему нужно было въ людяхъ слезливое разположеніе; но когда его трагедіи еще свѣта не узрѣли, то какая ему нужда заставляти плакать людей или гнѣваться на зубоскаловъ.

*Трутневъ
Добросовѣтовъ
С. П. П.*

Изъ писма, писаннаго къ господину сочинителю Трутня отъ Тихона Добросовѣтова, а къ намъ по несысканіи его

81. С. П. П.

присланнаго для напечатанія чрезъ его пріятеля не подписавшаго имени, мы здѣсь издаемъ только въ свѣтъ правило въ ономъ предписанное всѣмъ сочинителямъ, которое гласить тако: „Добросердечный сочинитель, во всѣхъ намѣреніяхъ, поступкахъ и дѣлахъ котораго блистаетъ красота души добродѣтельнаго и непорочнаго человѣка, изъ рѣдка касается къ порокамъ, чтобы тѣмъ подѣ примѣромъ какимъ не оскорбити челоуѣчества; но располагая свои другимъ наставленія, поставляетъ примѣръ въ лицѣ челоуѣка, украшеннаго различными совершенствами, то есть добронравіемъ и справедливостію, описываетъ твердаго блюстителя вѣры и закона, хвалитъ сына отечества, плающаго любовію и вѣрностію къ Государю и обществу, изображаетъ миролюбиваго гражданина, искренняго друга, вѣрнаго хранителя тайны и даннаго слова; присовокупляетъ къ тому пользы изъ того истекающія, и сладкое сіе удовольствіе, какое чувствуетъ хранящій добродѣтель въ томъ, что ни раскаяніе, ни угрызенеіе совѣсти въ сердцѣ таковаго челоуѣка мѣста не имѣютъ. Вотъ славный способъ исправляти слабости челоуѣческія! При чтеніи таковаго сочиненія каждый чувствуетъ внутреннее восхищеніе, прилѣпляется къ добродѣтели, не имѣя ни къ себѣ, ни къ сочинителю отвращенія; самъ безъ обличителя охуждаетъ пороки, которымъ слѣдовало отъ безразсудности. Злонравнаго же челоуѣка есть предмѣтъ, изъ всего составляти ближнимъ поношеніе, къ порокамъ ихъ присовокупляти свои собственныя, бранити всѣхъ, и усаждать, другихъ уязвляя.

Мы и сами сему правилу будемъ стараться послѣдовать, и другихъ къ тому, почитая оное весьма справедливымъ, приглашаемъ.

Что же касается до остальнаго содержанія того писма, то или писатель онаго или пріятель его могутъ къ господину сочинителю Трутню ити, который, думаемъ, укажетъ, гдѣ его найти можно, и поступить съ онымъ по своему произволению.

„ТРУТЕНЬ“.

Журналъ „Трутенъ“, самымъ названіемъ своимъ противопоставленный „Трудолюбивой Пчелѣ“ Сумарокова, намекаетъ на праздность. Въ предисловіи издатель (Новиковъ) говоритъ, что только праздность заставляеть его взяться за перо. Въ сущности названіе журнала указываетъ, что онъ направленъ противъ тѣхъ, кто празденъ,

*картина
дана*

*смысл
...*

*как
...*

объ этомъ говорить и эпитафья его, взятый изъ „Притчей“ Сумарокова: „они работаютъ, а вы ихъ хлѣбъ ядите“.

Новикову было 24 года, когда онъ подѣ съѣжими впечатлѣніями работы въ комиссіи 1767 года, гдѣ онъ былъ секретаремъ, со всею горячностью молодости взялся за это изданіе. Его журналъ занимался главнымъ образомъ двумя сторонами русской тогдашней жизни; Новиковъ указывалъ: 1) что мы, погнавшись за новинками европейской жизни, взяли не лучшее, а по дорогѣ растеряли много добраго изъ стараго; 2) что крестьянинъ такой же человѣкъ, какъ другіе, что злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ не могутъ быть терпимы.

Источники перваго зла онъ видитъ въ воспитаніи (см. приведенную ниже статью „Изъ Кронштата“). Нѣкоторыя статьи журнала показываютъ, что для Новикова ясна была и причина жестокаго обращенія съ крестьянами, и у него мелькаетъ, правда, еще неясно выраженная мысль о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права. Въ „Трутнѣ“ помѣщались также и мелкія стихотворенія, басни, любовныя пѣсни, которыми тогда зачитывались и которыя твердились наизусть.

Взглядъ на сатиру у Новикова очень отличался отъ пониманія ея задачъ „Всякой Всячиной“, и оба журнала вступили въ горячій споръ. Новиковъ сочувствовалъ бичующей сатирѣ, не щадящей личности. Этотъ споръ оказалъ вліяніе на обѣ спорящія стороны.

Императрица Екатерина, хотя и видѣла въ издателѣ „Трутня“ чело-вѣка съ злымъ сердцемъ, „но мысль Новикова не переставала дѣйствовать въ ея умѣ: уже во „Всякой Всячинѣ“ она признавала своего литературнаго противника остроумнымъ писателемъ и умнымъ чело-вѣкомъ; а черезъ нѣсколько времени она стала сообщать ему историческія рукописи для его изданій и, наконецъ, письменно обѣщала свое сотрудничество въ его новомъ сатирическомъ журналѣ „Живописецъ“ — ясно, что мнѣніе ея о нравственныхъ свойствахъ Новикова измѣнилось, готовъ былъ измѣниться и ея взглядъ на сатиру, и, быть можетъ, вообще ея міросозерпаніе... Но если мысль Новикова такъ подѣйствовала на императрицу, то въ свою очередь и ея мысль повліяла, быть можетъ, на молодого издателя „Трутня“ — я разумѣю мысль о дѣйстви на нравы изображеніемъ добрыхъ примѣровъ. Вскорѣ послѣ „Трутня“ Новиковъ начинаетъ издавать памятники русской исторіи съ цѣлью показать своимъ современникамъ образцы хорошей жизни, доблестныхъ дѣлъ и характеровъ нашихъ предковъ.“ (Незеленовъ.)

„Трутенъ“ 1769 года посвященъ Л. А. Нарышкину, а 1770 года В. А. Всеволодскому. Вторая часть „Трутня“ была слабѣе первой. Въ общемъ „Трутенъ“ заинтересовалъ русскихъ читателей и вышелъ въ августѣ того же 1769 года вторымъ изданіемъ.)

Приводимыя ниже статьи изъ этого журнала знакомятъ съ характеромъ спора между „Трутнемъ“ и „Всякой Всячиной“, съ взглядомъ Новикова на воспитаніе, съ его отношеніемъ къ крѣпостнымъ; присоединено также одно изъ стихотвореній: любовная элегія.

изъ Трутня
Новикова
на 1769
вскорѣ послѣ

Листъ V. Маія 26 дня.

5.

Господинъ Трутень¹⁾.

*не вѣдалъ. Число
сообщеніи
Трутеня.*

Второй вашъ листокъ написанъ не по правиламъ вашей прабабки. Я самъ того мнѣнія, что слабости Человѣческія сожалѣнія достойны; однакожъ не похвалъ, и никогда того не подумаю, чтобъ на сей разъ не покривила своею мыслию и душою госпожа ваша прабабка, давъ знать на своей стр. 340, въ раздѣленіи 52, что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оныя. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ оному челоуѣколюбія. Они говорятъ, что слабости челоуѣкамъ обыкновенны, и что должно оныя прикрывать челоуѣколюбіемъ; слѣдовательно они порокамъ сшили изъ челоуѣколюбія кафтанъ; но такихъ людей челоуѣколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію больше челоуѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ или (сказать по Руски) потакаетъ; и ежели смѣли написать, что учитель, любви къ слабостямъ неимѣющей, оныхъ исправить не можетъ, то и я съ лучшимъ основаніемъ сказать могу, что любовь къ порокамъ имѣющей никогда не исправится. Еще не понравилось мнѣ первое правило упомянутой Госпожи, то есть, чтобъ отнюдь не называть слабости порокомъ, будто Іоанъ и Ивапъ не все одно. О слабости тѣла челоуѣческаго мы разсуждать не станемъ; ибо я не лѣкарь, а она не повивальная бабушка; но душа слабая и гибкая въ каждую сторону покривиться можетъ. Да я и незнаю, что по мнѣнію сей Госпожи значить слабость. Нынѣ обыкновенно слабостью называется, въ кого-нибудь по уши влюбиться, то есть въ чужую жену или дочь; а изъ сей мнимой слабости выходитъ: обезчестить домъ, въ который мы ходимъ, и поссорить мужа съ женой, или отца съ дѣтьми; а ето будто не порокъ? Кои построжее меня о томъ при досугѣ разсуждаютъ, назовутъ по справедливости оный беззаконіемъ. Любить деньги есть также слабость; по чему слабому челоуѣку простиительно брать взятки и набогачаться грабежами. Пьянствовать также слабость, или еще привычка;

*Въ чемъ вы?
Человѣкъ
слабая душа
порокъ, кѣ?*

¹⁾ См. статью 52 „Всякой Всячины“.

однако пьяному можно жену и дѣтей прибить до полусмерти и подратся съ вѣрнымъ своимъ другомъ. Словомъ сказать, я какъ въ слабости, такъ въ пороки не вижу ни добра, ни различія. Слабость и порокъ, по моему все одно; а беззаконіе дѣло иное. На концѣ своего листка ваша Госпожа прабабка похваляетъ тѣхъ писателей, кои только угождать всѣмъ стараются; а вы сему правилу, не повинаясь криводушнымъ приказнымъ и не къ стати умствующему Прокурору, не великое здѣлали угожденіе. Не хочу я васъ побуждать, какъ дѣлаютъ прочіе, къ продолженію сего труда, ниже васъ хвалить; звѣрокъ по кохтямъ видѣнь. То только скажу, что изъ всево поколѣнія вашей прабабки вы первый, къ которому я пишу письмо. Можетъ статься, скажутъ Г. критики, что имѣ какъ Трутню съ Трутнемъ — имѣть дѣло весьма сходно; но для меня разумнѣе и гораздо похвальнѣе быть Трутнемъ, чужія дурныя работы повреждающимъ, нежели такую пчелю, которая по всѣмъ мѣстамъ летаетъ и ничего разобрать и найти не умѣетъ. Я хотѣлъ было сіе письмо послать къ Госпожѣ вашей прабабкѣ; но она меланхолическихъ писемъ читать не любитъ; и въ семъ письмѣ, я думаю, она ничего такого не найдетъ, отъ чего бы у нее отъ смѣха три дня бока болѣть могли.

*И. Мещеряковъ
разобрать
порочныя
слова*

Госпожа прабабка. Мещеряковъ. Мещеряковъ. Мещеряковъ.

Покорный вашъ слуга

Правдулюбовъ.

9 Маія, 1769 года.

Листъ VIII. Іюня 16 дня.

Издатель Трутня, во утѣшеніе Всякой Всячинѣ, своей современницѣ, не хотѣлъ напечатать сего письма: но по справедливости не могъ онъ въ томъ отказать г. Правдулюбову, тѣмъ паче, что онъ отъ Всякія Всячины отданъ на судъ публикѣ; и такъ благоразумныя и безпристрастныя читатели сей судъ по формѣ, или и безъ формы, какъ имъ угодно, окончать могутъ. Оправданіе г. Правдулюбова здѣсь слѣдуетъ¹⁾.

Господинъ издатель!

Госпожа Всякая Всячина на насъ прогнѣвалась, и наши нравоучительныя разсужденія называетъ ругательствами. Но

1) См. статью 66 „Всяк. Всяч.“.

теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думалъ. Вся ея вина состоитъ въ томъ, что на Рускомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ, и Рускихъ писаній обстоятельно разумѣть не можетъ; а сія вина многимъ нашимъ писателямъ свойственна.

*Въ этомъ
смыслѣ*

Изъ словъ, въ раздѣленіи 52 ею означенныхъ, Руской человекъ ничего иного заключить не можетъ, какъ только, что господинъ А. правъ, и что госпожа Всякая Всячина его критиковала криво.

Криво

Въ пятомъ листѣ Трутня ничего не писано, какъ думаетъ госпожа Всякая Всячина, ни противу милосердія, ни противу снисхожденія, и публика, на которую и я ссылаюсь, то разобратъ можетъ. Ежели я написалъ, что больше человекѣлюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, кто онимъ потакаетъ, то не знаю, какъ такимъ изъясненіемъ я могъ тронуть милосердіе? Видно, что госпожа Всякая Всячина такъ похвалами избалована, что теперь и то почитаетъ за преступленіе, естли кто ее не похвалить.

Не знаю, по чему она мое письмо называетъ ругательствомъ? Ругательство есть брань гнусными словами выраженная; но въ моемъ прежнемъ письмѣ, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нѣтъ ни кнутовъ, ни висѣлицъ, ни протчихъ слуху противныхъ рѣчей, которыя въ изданіи ея находятся.

Госпожа Всякая Всячина написала, что пятый листъ Трутня уничтожаетъ. И это какъ то сказано не по Руски; уничтожить, то есть въ ничто превратить, есть слово самовластію свойственное, а такимъ бездѣлицамъ, какъ ея листки, никакая власть не прилична; уничтожаетъ верхняя власть какое нибудь право другимъ. Но съ госпожи Всякой Всячины довольно бы было написать, что презираетъ, а не уничтожаетъ мою критику. Сихъ же листовъ множество носится по рукамъ, и такъ ихъ всѣхъ ей уничтожить не можно.

Она утверждаетъ, что я имѣю дурное сердце по тому, что, по ея мнѣнію, изключая моими разсужденіями снисхожденіе и милосердіе. Кажется, я ясно написалъ, что слабости человекскія сожалѣнія достойны, но что требуютъ исправленія, а не потачки; и такъ думаю, что сіе мое изъясненіе, знающему Россійскій языкъ и правду, не покажется противнымъ ни справедливости, ни милосердію.

Исправленія

Совѣтъ ея, чтобы мнѣ лѣчиться, не знаю, мнѣ ли больше приличенъ или сей госпожѣ. Она сказавъ, что на пятый

листь Трутня отвѣтствовать не хочетъ, отвѣчала на оный всѣмъ сердцемъ и умомъ, и вся ея желчь въ ономъ письмѣ здѣлалась видна. Когдажъ она забывается и такъ мокротлива, что часто не туда плюетъ, куда надлежитъ, то кажется для очищенія ея мыслей и внутренности не бесполезно ей и полѣчиться.

Сія госпожа назвала мой умъ тупымъ по тому, что не понималъ ея правоученій. На то отвѣчаю: что и глаза мои того не видятъ, чего нѣтъ. Я тѣмъ весьма доволенъ, что госпожа Всякая Всячина отдала меня на судъ публикѣ. Увидитъ публика изъ будущихъ нашихъ писемъ, кто изъ насъ правъ.

Покорный вамъ слуга

Правдуюбовъ.

6 Іюня, 1769 года.

⟨ Листъ XVIII. Августа 11 дня.

Въ подтвержденіе имени
Кронштатъ
Изъ Кронштата
прибывъ при ссрѣ.
На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ Бурдо корабль: на немъ кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 Француза, сказывающія о себѣ, что они всѣ Бароны, Шевалье, Маркизы и Графы, и что они будучи несчастливы во своемъ отечествѣ, по разнымъ дѣламъ касавшимся до чести ихъ, приведены были до такой крайности, что для приобрѣтенія золота, вмѣсто Америки, принуждены были ѣхать въ Россію. Они во всѣхъ разсказахъ солгали очень мало: ибо по достовѣрнымъ доказательствамъ они всѣ природныя Французы, упражнявшіеся въ разныхъ ремеслахъ и должностяхъ третьяго рода. Многія изъ нихъ въ превеликой жили ссорѣ съ Парижскою Полиціею, и для того она по ненависти своей къ нимъ здѣлала имъ привѣтствіе, которое имъ не полюбилось. Оное въ томъ состояло, что бы они немедленно выбрались изъ Парижа, буде не хотятъ обѣдать, ужинать и ночевать въ Бастиліи. Такое привѣтствіе хотя было и очень искренно, однакожъ симъ господамъ Французамъ не полюбилось; и ради того пріѣхали они сюда, и намѣрены вступить въ должности учителей и Гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей. Они скоро отсюда пойдутъ въ Петербургъ. Любезныя согражданѣ, спешите нанимать сихъ чужестранцевъ, для воспитанія вашихъ дѣтей! Пору-

чайте немедленно будущую подпору государства симъ побродягамъ, и думайте, что вы исполнили долгъ родительской, когда наняли въ учителя Французовъ, не узнавъ прежде ни знанія ихъ, ни поведѣнія.

Листъ XXIV. Октября 6 дня.

53.

Для Г. Безразсуда.

Безразсудъ болѣе мнѣнїемъ, что крестьяне не суть чело-
вѣчки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о томъ знаетъ
онъ только по тому, что они крепостныя ево рабы. Онъ
съ ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую
дань, называемую оброкъ. Никогда съ ними не только что
не говоритъ ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоне-
нїемъ своей головы, когда они по восточному обыкновенію
предъ нимъ по землѣ разпростираются. Онъ тогда думаетъ:
Я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены,
чтобы претерпѣвая всякія нужды и день и ночь работать
и исполнять мою волю исправнымъ платежомъ оброка: они
памятуя мое и свое состояніе должны трепетать моего взора.
Въ дополненіе къ сему прибавляетъ онъ, что точно о кре-
стьянахъ сказано: въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой.
Бѣдныя крестьяне любятъ ево какъ отца не смѣютъ, но
почитая въ немъ своего тирана, ево трепещутъ. Они рабо-
таютъ день и ночь, но со всѣмъ тѣмъ едва, едва имѣютъ
дневное пропитаніе, за тѣмъ, что на силу могутъ платить
господскія поборы. Они и думать не смѣютъ, что у нихъ
есть что нибудь собственное, но говорятъ: это не мое, но
Божіе и господское. Всевышній благословляетъ ихъ труды
и награждаетъ, а Безразсудъ ихъ обираетъ. Безразсудной!
развѣ забылъ то, что ты сотворенъ челоукомъ, не уже ли
гнушаешься самимъ собою, во образѣ крестьянъ, рабовъ
твоихъ? развѣ не знаешь ты, что между твоими рабами и
челоуками больше сходства, нежели между тобой и чело-
укомъ. Вообрази рабовъ твоихъ состояніе, оно и безъ отя-
гощенія тягостно: когдажъ ты гнушаешься тѣми, которыя
для удовольствованія страстей твоихъ трудятся, почти безъ
отдыхованія: они не смѣютъ и мыслить, что они челоуки:
но почитаютъ себя осужденниками за грѣхи отецъ своихъ,
видя, что прочія ихъ братія у помѣщиковъ отцовъ, насла-

никогда не смѣютъ

Безразсудъ

ждаются вождѣленнымъ спокойствіемъ, не завидуя никакому на свѣтѣ щастію, ради того, что они въ своемъ званіи благополучны: то подумай, какъ должны гнушаться тобой истинныя человѣки, человѣки Господа, Господа, отцы своихъ дѣтей, а не тираны своихъ, какъ ты, рабовъ. Они гнушаются тобой, яко извергомъ человѣчества, преобразующаго нужное подчиненіе въ несносное иго рабства. Но Безразсудъ всегда твердить: я господинъ, они мои рабы; я человѣкъ, они крестьяне. Отъ сей вредной болѣзни

Рецептъ:

Безразсудъ долженъ всякой день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, покуда найдеть онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ.)

Листъ XIII. Марта 30 дня (1770 г.).

41.

ПѢСНЯ.

Куда свой взоръ ни обращаю,
Вездѣ напасти мнѣ грозятъ:
Утѣхъ себѣ не предвѣщаю,
Бѣды несчастнаго разятъ.

* * *

Болѣзни сердце отягчаютъ,
Во мнѣ волнуетъ хладна кровь,
Меня мученія терзаютъ,
Ведеть въ отчаянье любовь.

* * *

Не зрятъ глаза мои любезной,
Увы! я съ нею разлученъ,
Вздохай, терзайся, лей токъ слезной,
Несчастной, ты на вѣкъ плѣненъ.

* * *

Ты тяжкимъ бременемъ жизнь считаешь,
Ты вянешь, твой блѣднѣетъ видъ;
Ты мысля о драгой страдаешь,
И мысль сія какъ громъ разить!

* * *

О вы мѣста, мѣста любезны!
Гдѣ часть души моей живетъ!
Къ вамъ путь являютъ токи слезны,
Что всякой часъ несчастной льетъ.

* *
*

Теперь отъ васъ я удаляюсь,
И стражду продолжая путь,
Любовью пагубной терзаюсь,
Стена тягчу вздыханьемъ грудь.

* *
*

Рази, разгнѣванна судьбина,
О смертной часъ, скорей теки!
Приди желанная кончина,
И жизнь несносну пресѣки!

„Ж И В О П И С Е Ц Ъ“.

„Живописецъ“ лучший изъ журналовъ Новикова. Онъ посвященъ императрицѣ Екатеринѣ II и ея собственное отношеніе къ издателю „Живописца“ въ это время было болѣе благосклонное, какъ это видно изъ приводимаго ниже ея письма, присланнаго въ редакцію журнала въ отвѣтъ на посвященіе. Последнею статью журнала была ода императрицѣ. Журналъ издавался въ 1772 и 1773 годахъ. 2-я часть журнала значительно слабѣе первой; отчасти здѣсь сказалось и то, что въ 1773 году Новиковъ отвлеченъ былъ изданіемъ „Вивлюеики“. „Живописецъ“ вызвалъ въ себѣ большой интересъ въ русскомъ обществѣ и въ XVIII вѣкѣ выдержалъ пять изданій, что было исключительнымъ явленіемъ для журналовъ того времени. Большой спросъ на журналъ самъ Новиковъ въ предисловіи къ третьему изданію объяснялъ тѣмъ, что сіе сочиненіе попало на вкусъ мѣщанъ нашихъ: ибо у насъ тѣ только книги третьими, четвертыми и пятими изданіями печатаются, которыя самъ простосердечнымъ людямъ, по незнанію ихъ чужестранныхъ языковъ, нравятся... Напротивъ того книги, на вкусъ нашихъ мѣщанъ не попавшія, весьма спокойно лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ темницею назначенныхъ“.

По характеру и предмету сатиры „Живописецъ“ продолжаетъ дѣло „Трутня“, но съ еще большимъ талантомъ. Языкъ „Живописца“ такъ обработанъ, выдержанъ, такъ легко читается и такъ искусно беретъ изъ народнаго языка, что кажется почти современнымъ.

Текстъ „Живописца“, приводимый ниже, взятъ по 7-му изданію П. Ефремова 1864 года, повторяющему дословно первое изданіе Новикова.

Кавказ
Холодиль

Неизвѣстному г. сочинителю комедіи „О Время“,
приписаніе¹⁾: *Здравствуйте, сударь мой!*
Государь мой!

приказъ
Талантъ
Биллаетъ
порочн
приказъ
Коллежъ Трапезн

иного
скажетъ

Душе
судь

приказъ
приказъ

Я не знаю кто вы; но вѣдаю только то, что за сочиненіе
ваше достойны почтенія и великія благодарности. Ваша ко-
медія „О Время“ троекратно представлена была на Импера-
торскомъ придворномъ театрѣ, и троекратно постепенно умно-
жала справедливую похвалу своему сочинителю. И какъ не
быть ей хвалимой? Вы первой сочинили комедію точно
въ нашихъ нравахъ; вы первой съ такимъ искусствомъ и
острою, заставили слушать ѣдкость сатиры, съ пріятностію
и удовольствіемъ; вы первой съ такой благородной смѣло-
стію напали на пороки въ Россіи господствовавшія; и вы
первой достойны по справедливости великой похвалы во пред-
ставленіи вашей комедіи оказанной. Продолжайте, сударь
мой, къ славу Россіи, къ чести своего имени, и великому
удовольствію разумныхъ единоплеменцевъ вашихъ; продолжайте,
говору, прославлять себя вашими сочиненіями: перо ваше
достойно равенства съ Молиеровымъ. Слѣдуйте его примѣру:
взгляните безпристрастнымъ взоромъ на пороки наши, зако-
ренѣлыя худыя обычаи, злоупотребленія, и на всѣ разврат-
ныя наши поступки; вы найдете толпы людей достойныхъ
вашего осмѣянія; и вы увидите, какое еще пространное поле
ко прославленію вашему осталось. Изтребите изъ сердца
своего всякое пристрастіе; не взирайте на лица: порочный
человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія.
Низкостепенной порочной человѣкъ, видя осмѣваема себя
купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины
роптать, что пороки въ бѣдности только одной перомъ ва-
шимъ угибтаются. А превосходительство, удрученное поро-
ками, въ первой разъ въ жизни своей возчувствуетъ равен-
ство съ низкостепенными. Вы первой достойны показать, что
дарованная вольность умамъ Россійскимъ употребляется
въ пользу отечества. Но, государь мой, почто укрываете
свое имя; имя всеобщія достойное благодарности: я никакой
не нахожу къ тому причины. Не ужели, оскорбя толь же-
стоко пороки и вооружа противъ себя порочныхъ, опасаетесь
ихъ злословія — нѣтъ, такая слабость никогда не можетъ

¹⁾ Посвященіе: Неизвѣстный сочинитель — императрица Екатерина II.

имѣть мѣста въ вашемъ сердцѣ. И можетъ ли такая благородная смѣлость опасаться угнѣтенія въ то время, когда ко щастію Россіи и ко благоденствію человѣческаго рода, владычествуетъ нами премудрая Екатерина: ея удовольствіе, оказанное во представленіи вашей комедіи, удостовѣряетъ о покровительствѣ Ея такимъ какъ вы писателямъ. Чегожъ осталось вамъ страшиться? Но, можетъ быть, особенныя причины принуждаютъ васъ укрывать свое имя; ежели такъ, то не тшусь проникать оныхъ. И хотя имя ваше навсегда останется неизвѣстнымъ, однакожъ почтеніе къ вамъ мое никогда не умалится. Оно единственнымъ было побужденіемъ приписанію вамъ журнала подь названіемъ „Живописца“. Примите, государь мой, сей знакъ благодарности за ваше полезное сочиненіе отъ единоплеменца вашего. Вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился; вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ, исправлять нравы своихъ единоплеменцевъ; вы поострили меня испытать въ томъ свои силы: и дай Боже, чтобы читатели въ листахъ моихъ находили хотя нѣкоторое подобіе той соли и остроты, которыя оживляютъ ваше сочиненіе. Естьлижъ буду имѣть успѣхъ въ моемъ предпріятіи, и естьли листы мои принесутъ пользу и увеселеніе читателямъ, то за сіе они не мнѣ, но вамъ будутъ одолжены: ибо безъ вашего примѣра, не отважился бы я напасть на пороки; а я остаюсь навсегда

вашимъ почитателемъ

С. „Живописца“.

П. П. Хотѣлъ бы я просить васъ, чтобы вы сдѣлали честь моему журналу, сообщеніемъ какого-либо изъ вашихъ мѣлкихъ сочиненій; но опасаясь отвлечь отъ упражненій вашихъ. Впрочемъ для меня весьма лестно получить вашу отвѣтъ.

Въ Санктпетербургѣ

Апрѣля 12 дня,

1772 года.

ЛИСТЪ 3.

„Что въ наукахъ, говоритъ Наркисъ ¹⁾: Астрономія умножитъ ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ? — Нѣтъ: нечтожъ мнѣ она? Математика прибавитъ ли моихъ доходовъ — нѣтъ: чортъ ли въ ней! Физика изобрѣтетъ ли новыя таин-

¹⁾ Этимъ именемъ въ журналахъ часто называли щеголей.

ства въ природѣ, служащія къ моему украшенію — нѣтъ: куда она годится! Исторія покажетъ ли мнѣ человѣка, который бы былъ прекраснѣе меня — нѣтъ: какая жъ въ ней нужда? Географія сдѣлаетъ ли меня любезнѣе — нѣтъ: такъ она и не достойна моего вниманія. Протчія всѣ науки могутъ ли произвести чудо, чтобы красавицы въ меня не влюблялись — нѣтъ: это невозможно; слѣдовательно для меня всѣ они бесполезны. А о словесныхъ наукахъ и говорить нѣчего. Одна только изъ нихъ заслуживаетъ нѣсколько мое вниманіе: это стихотворство; да и оно нужно мнѣ тогда только, когда захочется написать пѣсенку. Я бы началъ обучаться оному, да то бѣда, что я не знаю Рускова языка. Покойный батюшка ево терпеть не могъ; да и всю Россію ненавидѣлъ: и сожалѣлъ, что онъ въ ней родился; полно, етому дивиться нѣчему; она и подлинно это заслуживаетъ: человѣкъ съ моими достоинствами не можетъ найти щастія! То, что имѣю я, другой почель бы щастіемъ, но для меня етова мало. — О Россія! Россія! Когда научишься ты познавать достоинства людскія!“ Такъ разсуждаетъ Наркисъ: достоинства его слѣдующія: танцуетъ прелестно, одѣвается щегольски, поетъ какъ ангель: красавицы почитаютъ его Адонидомъ, а солубовники Марсомъ, и всѣ его трепещутъ; да есть чего и страшиться: ибо онъ уже принялъ нѣсколько уроковъ отъ Французскаго шпаго бойца. Къ дополненію его достоинствъ играетъ онъ во всѣ карточныя игры совершенно, а притомъ разумѣетъ по Французски. — Не завидной ли это молодець? Не совершенной ли онъ человѣкъ? — Читатель, скажи мнѣ на ухо, каковы будутъ дѣти Наркисовы.

ЛИСТЬ 5.

Отрывокъ путешествія

въ ***

И*** Т*** ¹⁾.

Глава XIV.

..... По выѣздѣ моемъ изъ сего города, я останавливался во всякомъ почти селѣ и деревнѣ: ибо всѣ они

¹⁾ Инициалы И*** Т*** обозначаютъ „Издатель Трутня“. Изображеніе разоренной деревни очень сильно, по языку и лиризму напоминаетъ путешествіе Раднщева. Въ „Запискахъ Охотника“ Тургенева есть аналогичныя изображенія деревни (напр. начало „Пѣвцовъ“).

равно любопытство мое къ себѣ привлекали; но въ три дня сего путешествія, ничего не нашелъ я похвалы достойнаго. Бѣдность и рабство повсюду встрѣчались со мною во образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія, покрытыя соломой хижинны изъ тонкаго заборника, дворы, огороженныя плѣтнями, не большія ядони хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота, подтверждали сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны.

Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами тому были виною. О человѣчество! тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ. О господство! ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками. О блаженная добродѣтель, любовь ко ближнему, ты употребляешься во зло: глупыя помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ человѣкамъ! Съ великимъ содраганіемъ чувствительнаго сердца, начинаю я описывать нѣкоторыя села, деревни и помѣщиковъ ихъ. Удалитесь отъ меня, ласкательство и пристрастіе, низкія свойства подлыхъ душъ: истинна перомъ моимъ руководствуется!

Деревня Раззоренная поселена на самомъ низкомъ и болотномъ мѣстѣ. Дворовъ около дватцати, стѣсненныхъ одинъ подлѣ другаго, огорожены изсохшими плѣтнями, и покрыты отъ одного конца до другаго, сплошь соломой. Какая несчастная жертва, жестокости пламени посвященная нерадивостію ихъ господина! Избы, или лутче сказать бѣдныя развалившіяся хижинны, представляютъ взору путешественника, оставленное человѣками селеніе. Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимнимъ временемъ.

При вѣздѣ моемъ въ сіе обиталище плача, я не видалъ ни одного человѣка. День былъ жаркой; я ѣхалъ въ открытой коляскѣ; пыль и жаръ столько обезспокоивали меня дорогой, что я спѣшилъ войти въ одну изъ сихъ развалившихся хижинъ, дабы нѣсколько успокоиться. Извозчикъ мой остановился у воротъ одного бѣднаго дворишка, сказывая, что это былъ лутчей во всей деревнѣ; и что хозяинъ онаго зажиточнѣе былъ всѣхъ протчихъ, по тому, что имѣлъ онъ корову. Мы стучались у воротъ очень долго; но намъ ихъ

не отпирала. Собака, на дворѣ привязанная, тихимъ и осиплымъ лаяніемъ, казалось давала знать, что ей оберегать было нѣчево. Извощикъ вышелъ изъ терѣнія, перелѣзъ черезъ ворота, и отперъ ихъ. Коляска моя взвезена была на грязной дворѣ, намощенной соломой: ежели оною наместить можно грязное и болотное мѣсто; а я вошелъ въ избу разтворенными на стешь дверями. Заразительной духъ отъ всякой нечистоты, чрезвычайной жаръ, и жужжаніе безчисленнаго множества мухъ, оттуда меня выгоняли; а вопль трехъ оставленныхъ младенцевъ удерживалъ во оной. Я спѣшилъ подать помощь симъ несчастнымъ тварямъ. Пришедъ къ лукошкамъ, прицеплѣннымъ веревками къ шестамъ, въ которыхъ лежали безъ всякаго призрѣнія оставленные младенцы, увидѣлъ я, что у одного упалъ сосокъ съ молокомъ, я его поправилъ и онъ успокоился. Другова нашелъ, обернувшася лицомъ къ подушонкѣ изъ самой толстой холстины, набитой соломой; я тотчасъ его оборотилъ, и увидѣлъ, что безъ скорой помощи, лишился бы онъ жизни: ибо онъ не только что посинѣлъ, но и почернѣвъ, былъ уже въ рукахъ смерти: скоро и етотъ успокоился. Подошедъ къ третьему увидѣлъ, что онъ былъ распеленанъ, множество мухъ покрывали лице его и тѣло и немилосердно мучили сего робенка; солома на которой онъ лежалъ, также его колола, и онъ произносилъ пронзающій крикъ. Я оказалъ и етому услугу, согналъ всѣхъ мухъ, спеленалъ его другими, хотя нечистыми, но однакожъ сухими пеленками, которыя въ избѣ тогда развѣшены были; поправилъ солому, которую онъ, борохтаясь, ногами взбилъ: замолчалъ и етотъ. Смотри на сихъ младенцевъ, и входя въ бѣдность состоянія сихъ людей, вскричалъ я: жестокосердый тиранъ отъемлющій у крестьянъ насущный хлѣбъ и послѣднѣе спокойство! По смотри, чего требуютъ сіи младенцы! У одного связаны руки и ноги: приносить ли онъ о томъ жалобы? — Нѣтъ, онъ, спокойно взираетъ на свои оковы. Чего же требуетъ онъ? — Необходимо нужнаго только пропитанія. Другой произносилъ вопль о томъ, что бы только не отнимали у него жизнь. Третьей вошіялъ къ человѣчеству, чтобы его не мучили. Кричите бѣдныя твари: сказалъ я проливая слезы; произносите жалобы свои! Наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ во младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь. О солнце, лучами щедротъ своихъ *** озаряющее: призири на сихъ несчастныхъ!

клонился въ ноги, и оборотясь кричалъ другимъ: „ступайте сюда ребята; это не нашъ баринъ; этотъ баринъ доброй: онъ даетъ деньги и не дерется,“! Ребятишки тотчасъ всѣ ко мнѣ прибѣжали: я далъ каждому по нѣскольку денегъ и по пирожку, которыя со мной были. Они всѣ кричали: „у меня деньги! у меня пирогъ!“ (Продолженіе будетъ впрѣдъ.)

Сіе сатирическое сочиненіе, подъ названіемъ путешествія въ *** получилъ я отъ г. И. Т. съ прошеніемъ, чтобы оно помѣщено было въ моихъ листахъ. Естьли бы это было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были Французскою націею, то не осмѣлился бы я читателя моего поподчивать съ етого блюда; потому что оно приготовлено очень солоно, и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато. Но нынѣ премудрость, сѣдѣющая на престолѣ, истинну покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ. И такъ я надѣюсь, что сіе сочиненіе заслужитъ вниманіе людей, истинну любящихъ. Въ прочемъ я увѣрю моево читателя, что продолженіе сего путешествія удовольствуетъ его любопытство.

ЛИСТЪ 7.

Письмо къ господину Живописцу ¹⁾.

Государь мой!

Никогда не думалъ я, чтобъ сочиненная мною комедія, „О Время“, таковой имѣла успѣхъ, каковымъ вы меня увѣряете: а тѣмъ паче не воображалъ себѣ той чести, которую вы, приписаніемъ еженедѣльныхъ вашихъ листовъ, мнѣ здѣлали. Комедію мою сочинилъ я живучи во уединеніи во время свирѣпствующей язвы ²⁾; и при сочиненіи оной не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи: слѣдовательно не выходя изъ дому своего нашолъ въ немъ одномъ къ составленію забавнаго позорища, довольно обширное поле, для искуснѣйшаго пера;

¹⁾ Незеленовъ по поводу этого письма императрицы въ журналъ Новикова замѣчаетъ: „Товъ письма Екатерины къ издатею „Живописца“ не похожъ на товъ полемическихъ статей во „Всякой Всячинѣ“, которыя, какъ постъ „Были и Небылицы“, писаны въ улыбательномъ родѣ: письмо писано серьезно, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что императрица смотрѣла въ это время на сатиру почти такъ же, какъ и Новиковъ“.

²⁾ Императрица продолжаетъ сохранять свой псевдонимъ: обозначеніе, что комедія „О Время“ написана въ Ярославлѣ во время чумы, было слѣзано для прикрытія имени автора.

а не для такова, каковымъ я свое почитаю. Что до меня касается; я никакихъ ни требованій, ни желаній не имѣю. Пишу я для собственной своей забавы: и еслили малыя сочиненія мои приобретутъ успѣхъ, и принесутъ удовольствіе разумнымъ людямъ, то я тѣмъ весьма награжденъ буду. На противъ того еслили услышу, что нѣтъ въ нихъ никому увеселенія, то хотя тѣмъ, ненавидя праздность, отъ писанія и не воздержуся; однакожь выдавать ихъ болѣе не стану. Имяни своего я не скрываю: но и не напишу его: дабы въ первой разъ не явилось оно въ свѣтѣ въ заглавіи комедій; что для меня самого было бы комедіею; а прибыли въ томъ ни кому нѣтъ, Карпомъ ли или Сидоромъ меня зовутъ. И такъ оставя сіе позвольте мнѣ включить здѣсь нѣкоторое примѣчаніе на недавно сочиненную мною комедію, названную „Имянины госпожи Ворчалкиной“. Дошло до меня, что нѣкоторыя критики за непристойно поставляютъ, что господинъ Фирлифюшковъ¹⁾, за безстыдное слово недержаніе, наказанъ палкою. Говорятъ они, что, „какъ дескать дворянина за безчестное дѣло бить палкою?“ Я не стану приводить здѣсь бывалоль таковое гдѣ-нибудь дѣйствіе, или нѣтъ; ниже хочу извинять поступокъ господина Геркулова. Онъ дѣйствительно въ обыкновенномъ обществѣ жестокъ. Но себя я легко оправдать могу, сославшись на самое уложеніе. Въ немъ господа критики найдутъ, чему за недержаніе слова и за бездѣльство люди подвергаются. Еще остается мнѣ отвѣтствовать вамъ на вашу прозбу. Вы хотите, чтобъ я присылалъ къ вамъ какія-нибудь мои сочиненія; сіе съ охотою впредь я исполню, и сожалѣю о томъ только, что на сей случай никакихъ у меня готовыхъ не случилось: ибо я цѣлыя пять мѣсяцовъ занятъ былъ сочиненіями комедій, коихъ пять готовыхъ имѣю, и нѣкоторыя изъ нихъ отосланы на Оеатръ, а прочія туда же въ походъ собираются... Я впрочемъ есмь,

государь мой,
вашъ охотный слуга,
сочинитель комедіи: О Время.

Господину сочинителю комедіи „О Время“, за полученное мною письмо, свидѣтельствую мою благодарность. Впрочемъ я имѣю къ нему сообщить многое, и для того оставляю отвѣтствовать особливымъ письмомъ до слѣдующихъ листовъ.

¹⁾ Фирлифюшковъ и Геркуловъ — дѣйствующія лица изъ комедіи императрицы „Имянины г-жи Ворчалкиной“. Фирлифюшковъ свѣтскій, пустой фравтъ. Геркуловъ бьетъ его палкою за неплатежъ долга.

ПИСЬМА КЪ ѲАЛАЛЕЮ.

Господинъ „Живописецъ“! помѣстите пожалуйста слѣдующее письмо въ ваши листы, буде возможно; содержаніе его кажется заслуживаетъ это, чтобы вы исполнили просьбу

Вашего покорнаго слуги

Иванъ Ивановичъ Телова, Волынецъ и сынъ

Письмо узднаго дворянина къ его сыну¹⁾.

Сыну нашему Ѳалалею Трифоновичу, отъ отца твоего Трифона Панкратьевича, и отъ матери твоей Акулины Сидоровны, и отъ сестры твоей Варюшки, низкій поклонъ и великое челобитье.

Пиши къ намъ про свое здоровье: таки такъ ли ты живаешь, ходишь ли въ церковь, молишься ли Богу, и не потерялъ ли ты святцевъ, которыми я тебя благословилъ. Береги ихъ; вить это не шутка: меня ими благословилъ покойникъ дѣдушка, а его отецъ духовной Ильинской батька. Онъ былъ боленъ черною немочью и по обѣщанью ѣздилъ въ Кіевъ: его Богъ помиловалъ и Кіевскіе чудотворцы помогли; и онъ оттуда привезъ етотъ канунникъ и благословилъ дѣдушку, а онъ его возомъ муки, двумя тушами свиными, да стягомъ говьяжьимъ.

Не тѣмъ-то покойникъ свѣтъ будь помянуть! Онъ ничего своего даромъ не давалъ: дѣдушкины та, свѣтъ, грѣхи дорогонько становились. Кабы онъ покойникъ поменьше съ попами водился, такъ бы и намъ побольше оставилъ. Домъ его былъ какъ полная чаша, да и тутъ процѣдили. Вить и нашъ батько Иванъ: кабы да я не таковъ былъ, такъ онъ бы готовъ хоть кожу содрать: тото поповскіе завидливые глаза: прости Господи мое согрѣшеніе! А ты Ѳалалеюшка съ попами знайся, да берегись; ихъ молитва до Бога доходна, да

¹⁾ Письма къ Ѳалалею (всего ихъ помѣщено въ журналѣ четыре) — одни изъ самыхъ яркихъ статей въ Живописцѣ. Онѣ вводятъ въ ту бытовую психологию провинціального дворянства, которая послужила основой для Фонъ-Визина при созданіи Недорося. Въ письмахъ искусно выдержанъ языкъ невѣжественнаго провинціала и грубаго до чувствамъ чловѣка. Въ то же время эти письма очень тонко даютъ почувствовать хорошія стороны начинаій Императрицы. Въ недовольствѣ авторовъ писемъ на новые порядки чувствуется, какъ благодѣтельны мѣропріятія Екатерины II и съ какими грубыми правами упорныхъ невѣждъ ей приходилось бороться. Графъ Орловъ противопоставляется автору письма, какъ примѣръ провинціальному дворянству.

быточна... Какъ отпоешь молебень, такъ можно ему поднести чарка вина, да дать ему шесть денегъ, такъ онъ и доволенъ. Чегожъ ему больше: прости Господи, вить не рожна? Да полно нынче и вино-та въ сапогахъ ходить: екое времечко; вотъ до чего дожили, что и вина своего не лзя привестъ въ городъ; пей де вино государево съ кружала, да дѣлай прибыль откущикамъ. Вотъ какое разсужденіе! А говорятъ, что всю хорошо дѣлають; по етому скоро и изъ своей муки нельзя будетъ печь пирога.

Да што ужъ и говорить, житье то наше дворянское нынѣче стало очень худенько. Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность: да чортъ ли ето слыхаль, прости Господи, какая вольность? Дали вольность, а ничего не можно своею волею сдѣлать; не лзя у сосѣда и земли отнять: въ старину то было намъ больше вольности, бывало отхватишь у сосѣда земли цѣлое поле; такъ ходи же онъ да проси, такъ еще десять полей потеряеть; а вина бывало кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню мѣста. Коли воевода пріятель, такъ кури смѣло въ его голу: тото была воля-та! Нынче и денегъ отдавать въ проценты не лзя: больше шести рублей брать не велять, а бывало, такъ бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нѣтъ ста, кто што ни говори, а старая воля лучше новой. Нынче только и воли, што можно вытить изъ службы, да поѣхать за море, а не слыхать што тамъ дѣлать: хтѣвать мы и здѣсь ѣдимъ, да таково жъ живемъ. А изъ службы тогда хоть и не вольно было вытить, такъ были на ето лѣкари: отнесешь ему барашка въ бумажкѣ, да судьбъ другова, такъ и отставятъ за болѣзнями. Да ужъ бывало какъ пріѣдешь въ деревню-та, такъ ето наверстаешь: былъ бы только умъ, да зналъ бы приказныя дѣла, такъ сосѣди и не куркай. Тото было житье: ты Фалалеюшка не zapomнишь етова.

Сестра твоя Варя посажена за грамоту; батько Иванъ самъ ей началъ азбуку въ ее именины; ей минуло пятнадцать лѣтъ: пора, мой другъ, и объ етомъ подумать; вить ужъ скоро и женихи стануть свататься; а безъ грамоты замужъ ее выдать не годится: и указа самой прочестъ не лзя. Отпиши, Фалалеюшка, что у васъ въ Питерѣ дѣлается: сказываютъ, што великіе затей. Колокольною строятъ, и хотятъ сдѣлать выше Ивана Великаго; статопное ли ето дѣло; то дѣлалось по благословенію Патріаршему, а имъ

какъ ето сдѣлать. Вѣра-та была тогда покрѣпче, во всемъ, другъ мой, надѣялись на Бога, а нынче она пошатнулась, по постамъ ѣдятъ мясо, и хотятъ сами все сдѣлать; а все это проклятая некрестъ дѣлаетъ: отъ Нѣмцовъ житяя нѣтъ! Какъ поводимся съ ними еще, такъ и намъ съ ними быть во адѣ. Пожаласта, Ѡалалеюшка, не погуби себя, не заводи съ ними знакомства: провались они проклятые. Нынче и за море ѣздить не запрещаютъ, а въ Кормчей книгѣ положено за это проклятіе. Нынче все ничего; и коляски пошли съ дышлами, а и за это такъ же положено проклятіе; не лѣзя только взятки брать, да проценты выше указанныхъ: ето имъ пуще пересола; а объ етомъ въ Кормчей книгѣ ничего и не написано: на моей душѣ проклятія не будетъ: я и по сію пору ѣзжу въ зеленой своей коляскѣ съ оглоблями. Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки; процентовъ большихъ не бери, такъ отъ чего же и разбогатѣть: вить не всякому Богъ дастъ кладъ: а съ мужиковъ ты хоть кожу сдери, такъ не много прибыли. Я кажется, таки и такъ не плошаю, да што ты изволишь сдѣлать: пять дней ходятъ они на мою работу, да много ли въ пять дней сдѣлаютъ: сѣку ихъ нещадно, а всіо прибыли нѣтъ; годъ отъ году всіо больше мужики нищаютъ: Господь на насъ прогнѣвался; право, Ѡалалеюшка, и ума не приложу, чтъ съ ними дѣлать.

Пріѣхаль къ намъ сосѣдъ Брюжжаловъ, и привезъ съ собою какіе та печатные листочки, и будучи у меня читаль ихъ. Что ето у васъ, Ѡалалеюшка, дѣлается, никакъ съ ума сошли всѣ дворяне? Чего они смотрять, да я бы ему проклятому и ребра живова не оставилъ. Што за Живописецъ такой у васъ проявился! какой-нибудь Нѣмецъ, а православный етова не написалъ бы. Говорить, что помѣщики мучатъ крестьянъ, и называетъ ихъ тиранами, а того проклятый и не знаетъ, што въ старину тираны бывали не крещеные, и мучили святыхъ: посмотри самъ въ Чети Миннеи; а наши мужики вить не святые: какъ же намъ быть тиранами? Нынѣче же ето и ремесло не въ модѣ: скорѣе въ Воеводы добьешься, нежели во — Да полно, ето не наше дѣло. Изволишь умничать, что мужики бѣдны: едакая бѣда: не ушто хочеть онъ, чтобы мужики богатѣли, а мы бы дворяне скудѣли; да етова и Господь не приказаль: кому нибудь одному богатому быть надобно, либо помѣщику, либо крестьянину: вить не всѣмъ старцамъ въ игумнахъ быть. И во святомъ писаніи сказано: Другъ другу тяготы носите, и тако испол-

*Всему
судитъ
Вѣра-та
ничего
отрѣшилъ
взятки
дарованна*

не саркоу

*нравственный
жизни
мучили*

*руки
руки
руки
руки*

ните законъ Христовъ: они на насъ работаютъ; а мы ихъ сбѣгомъ, ежели стануть лѣниться; такъ мы и равны — да на што они и крестьяне: его такое и дѣло, што работай безъ отдыху. Дайка имъ волю, такъ они и не вѣсть что затѣють. Вотъ те на, до чего дожили: только я на его смотрѣть не буду: ври себѣ онъ што хочеть: а я знаю что съ мужиками дѣлать¹⁾...

О коли бы онъ здѣсь былъ! то то бы потѣшилъ свой животъ: всѣ бы кости у него сдѣлалъ какъ въ мѣшиѣ. Што и говорить, дали волю: тутъ не бось не видятъ, и знатные господа молчатъ; кабы я былъ большимъ бояриномъ, такъ управилъ бы его въ Сибирь. Едакія люди за себя не вступятся! Вить и бояра съ мужиками та своими поступаютъ не по Нѣмецки, а все таки такъ же по Руски, и ихъ крестьяне не богатѣе напихъ. Да што ужъ и говорить, и они свихнулись. Не далеко отъ меня деревня Григорья Григорьевича Орлова; такъ знаешь ли по чему онъ съ нихъ беретъ: стыдно и сказать, по полтара рубли съ души, а угодевъ то сколько! и мужики какіе богатые; живутъ себѣ да и гадки не мають,²⁾ богатѣе инова дворянина; ну, а ты разсуди самъ, што отъ етова прибыли, што мужики богаты; кабы перетаскалъ въ свой карманъ, такъ бы это полутче было: едакой умъ! то то, Фалалеюшка, не къ рукамъ едакое добро досталось. Кабы ета деревня была моя, такъ бы я по тридцати рублей съ нихъ бралъ, да и тутъ бы ихъ въ міръ еще не пустилъ; только што мужиковъ балуютъ. Ехъ! перевелись ста старые наши большіе бояра: то-та были люди, не только что со своихъ, да и съ чужихъ кожи драли. То-то пожили да поцарствовали, какъ сыръ въ маслѣ катались: и Царское, и Дворянское, и купеческое, все было ихъ; у всѣхъ кромѣ Бога отнимали; да и у того чуть тако не отни... А нынѣшніе господа што за люди, и себѣ добра не хотятъ. Што ужъ и говорить: все пошло на Нѣмецкой манерь.

Нутка, Фалалеюшка, вздумай да взгадай, да поди въ отставку: полно другъ мой, вить ты уже послужилъ, лбомъ стѣну не проломишь; а коли не то, такъ хоть въ отпускъ пріѣзжай Скосырь твой живъ и налетка; мать твоя бережетъ ихъ пуще своего глаза; намнясь налетку укусила было бѣше-

¹⁾ Я вѣчто выключилъ изъ сего письма; такія мнѣнія оскорбляютъ челоуѣчество. (Примѣчаніе редакціи журнала.)

²⁾ И заботы не имѣють.

ная собака; да спасибо скоро захватили, ворожея заговорила. Ну да полно и было за его людямъ. Сидоровна твоя всею кожу спустила: то-то проказница; я зато ее и люблю, што ужъ коли примется съчь, такъ отдѣляетъ, перемятъ двенадцать подадутъ: попросить небось воды со льдомъ; да его нѣтъ ничего, лутче смотреть. За симъ писавый кланяюсь. Отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю.

II.

Сыну моему Фалалею.

Такъ-то ты считаешь отца твоего, заслуженнаго и почтеннаго драгунскаго ротмистра? тому ли я тебя проклятаго училъ, и того ли отъ тебя надѣялся, что бы ты на старости отдалъ меня на посмѣшище цѣлому городу? Я писалъ къ тебѣ окаянному въ наставленіе, а ты это письмо отдай напечатать. Погубилъ ты, супостатъ, мою головушку: пришло съ ума сойти! Слыханое ли это дѣло, чтобы дѣти надъ отцами своими такъ ругались! Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтеніе къ родителямъ, въ силу указовъ, велю высѣчь кнудомъ: меня Богъ и Государь тѣмъ пожаловали: я воленъ и надъ животомъ твоимъ; видно что ты это позабылъ! кажется я тебѣ много разъ толковалъ, что ежели отецъ или мать сына своего и до смерти убьетъ, такъ и за его положено только церковное покаяніе. Эй сынокъ, спохватись! не сыграй надъ собой шутки: вѣтъ недалеко великій постъ, попоститься мнѣ немудрено; Петербургъ не за горами, я и самъ могу къ тебѣ пріѣхать. Ну, сынь, я теперь тебя въ послѣдній разъ прощаю, по прозьбѣ твоей матери; ежели бы не она, такъ ужъ бы я далъ тебѣ знать себя. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись: вѣтъ ежели ты окажешь еще какое ко мнѣ непочтеніе, такъ ужъ не жди никакой пощады; я не Сидоровнѣ чета: у меня не одинъ мѣсяць проохаешь, лишь бы мнѣ только до тебя дорваться. Слушай же, сынокъ, коли ты хочешь опять прийти ко мнѣ въ милость, такъ просись въ отставку, да пріѣзжай ко мнѣ въ деревню. Есть кому и безъ тебя служить: пускай кабы не было войны, такъ бы хоть и послужить можно было, это бы свое дѣло; а то вѣдь ты знаешь, что нынча время военное; неровно какъ пошлютъ въ армію, такъ пропадешь ни за копейку. Есть пословица: Богу молись, а самъ не пло-

меня одинъ одинехонекъ, какъ синей порохъ въ глазѣ, какъ мнѣ тебя не любить, кабы у меня было дѣтей много, то бы свое дѣло. Заставай, батка мой, меня живую: я тебя благо-
словлю твоимъ Ангеломъ, да отдамъ тебѣ всѣ мои денжонки, *с. Н. и мнѣ*
которыя украдкою; отъ Понкратьевича накопила: вѣтъ для *къ жене*
тебя же мой свѣтъ отецъ-ать тебѣ нѣсколько¹⁾ даетъ денегъ,
а твое еще дѣло дѣтское, какъ не полакомиться, какъ не
повеселиться: твои, другъ мой, такія еще лѣта, чтобы забавлять-
ся: мы и сами съ молодую таковы же бывали. Веселись, мой
батюшка, веселись: придетъ такая пора, что и веселье на
умъ не поидеть. Послала я къ тебѣ, Фалалеюшка, сто руб-
лей денегъ, только ты объ нихъ къ отцу ничего не пиши;
я это сдѣлала украдкою, кабы онъ свѣдалъ про это, такъ бы
меня, свѣтъ мой, забранилъ. Отцы-та всегда таковы: только что
брюжжать на дѣтей, а никогда не потѣшать. Мое, другъ мой,
не отцовское сердце, материнское, послѣднюю копѣйку изъ за
души отдамъ, лишь бы ты былъ веселъ и здоровъ. *за батюшку*
Батка ты мой, Фалалей Трифоновичъ; дитя мое умное, дитя разумное,
дитя любезное, свѣтъ мой, умникъ, худо мнѣ приходитъ: какъ
мнѣ съ тобою раставаться будетъ? На ково я тебя покину?
Погубить онъ супостать мою головушку! етотъ старый хрычъ
когда нибудь тебя изуродуетъ. Береги, мой свѣтъ, себя, какъ
можно береги: плетью обуха не перебьешь; что ты съ еда-
кимъ чортомъ, прости Господи, сдѣлаешь. *с. Н. и мнѣ*
Пріѣзжай мой батка къ намъ въ деревню, какъ таки можно пріѣзжай: дай
мнѣ на себя насмотрѣться: сердце мое послышало, что при-
ходить мой конецъ. Прости мой батюшка, прости свѣтъ мой:
благословеніе тебѣ посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна,
и нижайшій, мой свѣтъ, поклонъ приношу. Прости голубчикъ
мой: не позабудь меня. *с. Н. и мнѣ*

IV.

Любезному племяннику моему Фалалею Трифоновичу, отъ дяди твоего Ермолая Терентьевича низкой поклонъ и великое челобитье; и при семъ желаю тебѣ многолѣтнаго здравія и всякаго благополучія на множество лѣтъ, отъ Адама и до сего дне.

Было бы тебѣ вѣстно, что мы по отпускъ сего писма всѣ, слава Богу, живы и здоровы; такожь и отецъ твой Трифонъ

¹⁾ Немного.

Панкратьевичъ здравствуетъ же, только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать, больно трудна: што подынешь, то и есть, а сама ни на волосъ не поворохнется. Вчера съ отнялись у нее и руки и ноги, а теперъ чай ужъ и не говорить; и при мнѣ-та такъ ужъ черезъ мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоимъ Ангеломъ, да Фарсульской Богородицею ¹⁾, а меня Неопалимой. Ну братъ племянникъ, мать-то твоя и передъ смертью не тароваге стала! Оставила на поминъ душѣ такой образъ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! у меня образъ-та и своихъ есть сотня мѣста, да не едакихъ, какъ жарь вызолочены; а ета братъ Неопалима, подлинно что не опалить, и окладишко весь почернѣлъ: Богъ съ нему! Спасибо хотъ за то, что она въ полномъ умѣ исповѣдалась и масломъ особоровалась; хотъ и умереть, такъ ужъ по Христіански. Дай Богъ всякому такую кончину! Да и тутъ, Фалалеюшка, кабы не я, такъ бы развѣ глухою исповѣдью ²⁾ исповѣдывать. Ужъ я ей говорилъ: Эй Сидоровна исповѣдайся: вѣтъ уже ты въ гробъ глядишь; такъ нѣтъ-ста на силу прибили. А какъ приспичило, такъ давай, давай попа, да ужъ за то въ одинъ день трижды исповѣдалась. Знать что у нее многонько грѣшковъ-то скопилось. Приводили и ворожей: нечево, спасибо твоему отцу, не поскупился; да ничево не помогли. А послѣ исповѣди привели было еще одного, да ужъ и Сидоровна сама не захотѣла напрасно тратить деньги. Кому жить, Фалалеюшка, такъ будетъ притоманно ³⁾ живѣ, а кому умереть, тому и ворожей не пособать. Животомъ и смертью Богъ владѣть. Аще ежели ему угодно будетъ прекратить дни ея, то пріѣзжай погребсти грѣшное тѣло ея. Да и кромѣ того намъ до тебя есть дѣло.

Ну, Фалалеюшка! вѣтъ матушка твоя скончалась: поминай какъ звали. Я только теперъ получилъ объ етомъ извѣстіе: отецъ твой, сказываютъ, воетъ какъ корова. У насъ всегда такъ: которая корова умерла, такъ та и къ удою была добра. Какъ Сидоровна была жива, такъ отецъ твой бивалъ ее какъ свинью, а какъ умерла, такъ плачетъ, какъ будто по любимой лошади.

Пріѣзжай, другъ мой, Фалалеюшка, пріѣзжай Бога ради

¹⁾ Вмѣсто „Корсунской“.

²⁾ Больнымъ, не владѣющимъ уже рѣчью, священникъ шепчетъ на ухо грѣхъ, а они знакомъ потверждаютъ свое раскаяніе.

³⁾ Непремѣнно.

поскорѣе, хоть не на долго, а буде можно, такъ и вовсе. Ты самъ увидишь, што тебѣ дома жить будетъ веселѣе Петербургскова. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебѣ присовѣтую, сирѣчь къ приказнымъ дѣламъ, да только гдѣ похлѣбнѣе, на прикладъ, въ экономическіе казначей, или въ управители дворцовыхъ волостей, или куда нибудь къ подряднымъ, либо таможеннымъ дѣламъ. Въ такихъ мѣстахъ кому не удалось побыть, такъ всё, Богъ съ ними, сытехоньки стали. Иной уже теперь и въ каменныхъ полатахъ живетъ, а которые ни одной души за собою не имѣли, тѣ уже нажили сотни и по двѣ-три. Не въ пронось сказать ¹⁾ о нашемъ Авдудѣ Еремѣвичѣ: хотя онъ и не долго пожилъ при монастырскихъ крестьянахъ, да уже всѣхъ дочекъ выдалъ за мужъ. За одной, я слышела, чистыми денежками десять тысячъ далъ, да деревню тысячъ въ пять. А не совсѣмъ-таки раззорился: Богъ съ нимъ, про себя еще осталось. А кабы да ево не смѣнили, такъ бы онъ и гораздо понагрѣлъ руки около нынѣшнихъ рекрутскихъ наборовъ. Знать, что тѣхъ молитва дошла до Бога, которые въ ету пору опредѣлились. Не житее имъ, масляница. Я бы ста и самъ непобрезгывалъ пойти въ едакіе управители. Перепало бы кое что и мнѣ въ карманъ: кресты да перстни, всію тѣже деньги, только умѣй концы хоронить. Я и по нынѣ еще всію старинькимъ живу. Кто передъ Богомъ не грѣшенъ? Кто передъ Царемъ не виноватъ? не нами свѣтъ начался, не нами и окончается. Что въ людяхъ ведіотся, то и насъ не миніотся. Лишь только подѣлись, Фалалеюшка, такъ и концы въ воду. Не ужъ-то всѣхъ стануть вѣшать? въ чемъ кто попадется, тотъ тѣмъ и спасіотся. Грѣхъ да бѣда на кого не живіотъ? Я и самъ попался было однажды подъ судъ; однако дѣло-то пошло иною дорогою, и я очистился, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ. Но кабы ты самъ сюда пріѣхалъ, такъ бы мы обо всіомъ поговорили лутче на словахъ; а писать-то страховато, неровно кому попадется въ руки, такъ напляшесся до сыта. При семъ во ожиданіи тебя, остаюсь дядя твой Ермолай.

И ТО И СІО.

Издателемъ журнала „И то, и сіо“ былъ Мих. Дмитр. Чулковъ, онъ, не кончивъ курса въ Московскомъ университетѣ, поступилъ на службу и былъ сенатскимъ секретаремъ.

¹⁾ По секрету, между нами.

Чулковъ былъ любителемъ народной старины, собирателемъ народныхъ сказокъ и пѣсенъ, даровитымъ рассказчикомъ, не безъ юмора, и очень плодовитымъ писателемъ. Его взглядъ на сатиру опредѣляется слѣдующими словами его журнала: „Слогъ ея долженъ быть простъ, воленъ, коротокъ и язвительнъ, и больше всего сочинитель оной долженъ показывать въ ней всю свою кротость, имѣть совершенное познаніе человѣческихъ свойствъ, играть весьма пріятно словами, исправлять человѣческіе нравы и научать ихъ доброду — въ шуткахъ“. (36 нед. стран. 2.)

По направленію журнала былъ близокъ ко „Всякой Всячинѣ“, которую называли „родною сестрою“, и даже отчасти подражалъ ей въ заглавіи. *Ихъ выт. отъ насъ. Журналъ и всякая всячина.*

Наиболѣе интересную сторону журнала представляетъ рядъ стихотвореній, въ которыхъ внимательный читатель можетъ замѣтить предвѣстниковъ поэзіи нашихъ классиковъ XIX вѣка, и попытки собирать народныя гаданія, повѣрья, пѣсни: въ нихъ просвѣчиваетъ стремленіе къ изученію народности и сочувствіе народной поэзіи. Это одна изъ серьезныхъ чертъ литературы Екатерининскаго времени.

СЕДЬМАЯ НЕДѢЛЯ.

Эпиграммы.

Корючка стихотвореніи от саркастич.

Полезенъ ли Театръ, и чиститъ ли онъ нравы,
Иль только что однѣ приноситъ намъ забавы,
Коль спроситъ кто меня о семъ,

скажу,
и докажу
ему о всемъ,
и прямо:
а какъ?
вотъ такъ,

Какъ испытаніе доказываетъ само:

Для умныхъ служить онъ къ познанью вмѣсто вратъ,
Для глупыхъ ягрище, гульбище и развратъ¹⁾.

ВТОРАЯ НАДЕСЯТЬ НЕДѢЛЯ.

Сонетъ.

Ум. и др. стихи

О небо! для чего родился человѣкъ?
Не для товоля, чтобъ весь онъ мучился свой вѣкъ:
Болѣзни, нищету, и зло претерпѣвая,
Гнушался живота, кончину призывая?

¹⁾ Стихотвореніе написано Мих. Вас. Поповымъ. М. В. Поповъ — писатель изъ народа, выведенный въ люди Ѡ. Г. Волковымъ. Онъ учился нѣкоторое время въ Шляхетскомъ корпусѣ, былъ однимъ изъ секретарей въ комиссіи 1767 г. Впослѣдствіи много писалъ въ журналахъ, собиралъ народныя пѣсни, занимался изученіемъ славянской мнѣологии. Послѣдніе его труды но имѣютъ научнаго значенія.

**
*

Ахъ, нѣтъ! конечно намъ всещедро божество,
Не для мученія послало существо;
И разумъ нашъ, его преславное творенье,
Не ко вреду намъ данъ, но въ пользу и спасенье.

**
*

Сей миръ, прекрасный миръ, источникъ нашихъ дней,
Исполненный всѣхъ благъ къ довольствію людей,
Устроенъ намъ творцомъ Едемскимъ райскимъ садомъ;

**
*

Но наши глупости, пороки, суета,
И умствованій злыхъ и гордыхъ пустота,
Преобратили намъ его изъ рая адомъ.

**
*

Эпитафіи *М. В. Поповымъ*

Подъ кучкой здѣсь зарытъ пречестный человекъ:
Онъ обществу служилъ во весь свой долгій вѣкъ;
Отъ зависти самой имѣлъ похвалъ вѣнецъ,
И украшеніемъ природы почитался;
но на конецъ,
За всѣ свои труды, отъ голода скончался.

**
*

Въ гробницѣ сей лежитъ преславнѣйшій купецъ,
И вотъ какихъ онъ былъ товаровъ продавецъ:
Не рыбъ и не скотовъ, не птицъ и не звѣрей;
Да чтожъ онъ продавалъ? людей.

ЧЕТЫРЕДЕСЯТЬШЕСТАЯ НЕДѢЛЯ.

Время еще не приспѣло, и святки отъ насъ еще далеко,
но нетокмо что за шесть недѣль, но за два мѣсяца или
съ лишкомъ начинаютъ грѣзиться сны краснымъ дѣвицамъ,
и святки представляются имъ гораздо прежде, нежели они
настали. Итако угождая сему прекрасному полу начинаю дѣлать

1) Обѣ эпитафіи написаны М. В. Поповымъ.

о немъ предувѣдомленіе. Знающіе дѣвицы всѣ оныя обряды могутъ увеселяться моимъ упоминовеніемъ, а которые совсѣмъ ихъ позабыли, тѣ могутъ припомнить. Куда ни обернись, вездѣ есть польза.

Сверхъ же сего остается уже немного времени продолжать мнѣ мой Еженедѣльникъ, и такъ долженъ я непременно поговорить о такихъ обрядахъ, которыхъ никакъ мнѣ миновать не можно, да еще и не должно; потомъ предложить нѣсколько объ играхъ, а наконецъ сдѣлать заключеніе и съ почтеніемъ выпросивъ извиненіе у читателя, съ нимъ и съ Еженедѣльникомъ проститься.

Во первыхъ долженъ я написать всѣ оныя обряды по порядку, а потомъ изъяснять ихъ каждый порознь, чтобъ лучшее о нихъ понятіе имѣли.

1. Поютъ дѣвушки, такъ называемыя, подблюдныя пѣсни.
2. Сидя въ пустой горницѣ, смотрятся въ зеркало.
3. Ходятъ въ пустую горницу ужинать.
4. Носятъ кожу коровью или коневью къ пролуби и тамо садятся на нее, очертясь кругомъ отъ пролуби¹⁾.
5. Льютъ олово или свинець.
6. Слушаютъ подь окнами.
7. Выходятъ за ворота съ первымъ кускомъ, спрашиваютъ у мимоидущаго объ имени.
8. Полютъ снѣгъ.
9. Берутъ изъ полѣнницы полѣно.
10. Снимаютъ куръ съ насести.
11. Слушаютъ, сидя у окна въ горницѣ.
12. Вывѣшиваютъ бѣлое полотенце изъ окошка ночью.
13. Слушаютъ у церкви.
14. Дѣлаютъ изъ прутиковъ мостикъ, и кладутъ ево подь подушку во время ихъ сна.
15. Ядятъ пересоль въ то время, какъ ложатся спать.
16. Разкладываютъ бобы и тыковныя сѣмена.

¹⁾ Въ томъ же журналѣ помѣщено слѣдующее подробное описаніе этого гаданія: По пропѣваніи подблюдныхъ пѣсень, и по окончаніи другихъ такихъ церемоній, вдувалось хозяину на чертяхъ покаться. А сіе катаніе происходитъ такимъ образомъ. Берутъ дѣвушки воловью кожу, таскаютъ ее къ пролуби, и тамо сѣвши на нее, очерчиваются огаркомъ, нарочно къ тому изготвленнымъ, а оный огарокъ великую имѣетъ силу, повеже горитъ оныи въ такой день, который называется у дѣвушекъ особливимъ для открытія ихъ участи. Изъ пролуби же выходятъ водяные демоны, и возятъ ихъ столько, сколько имъ угодно, и во время оное гадаютъ дѣвушки не о чемъ объ иномъ, какъ только о своихъ женихахъ.

17. Ворожатся въ картахъ.
18. Слушаютъ въ банѣ.
19. Ходятъ въ сарай, гдѣ стоятъ свинные туши.
20. Бросаютъ башмаки со двора черезъ ворота.
21. Ходятъ на перекрестокъ съ зеркаломъ.
22. Садятся на лошадь и завязываютъ ей глаза.
23. Сажаютъ пѣтуха и курицу подъ решето, связавши ихъ хвостами.
24. Слушаютъ у житницы.
25. Вывѣшиваютъ ключи за окошко.
26. Кладутъ подъ головы гребень.
27. Аукаютъ, выбѣгая изъ двора.
28. Ложатся на взничъ въ снѣгъ.
29. Кладутъ подъ столъ три шапки.
30. Сучать нитки и пускаютъ въ воду.

ПЯТИДЕСЯТАЯ НѢДЕЛЯ.

Пріятелю моему показались ¹⁾ подблюдныя пѣсни, и тако въ ево удовольствіе поставлю я ихъ еще нѣсколько, какъ для ево увеселенія, такъ и во удовольствіе читателя.

Ср. 15
Живутъ
У Спаса въ чигасахъ за Яузой — — — Слава.
Живутъ мужики богатые;
Гребутъ золото лопатами,
Чисто серебро лукошками.

2.

Ахъ ты зерно, ты зерно бурмитское, *на богачахъ*
Еще нѣтъ на тя, зерно погибѣли,
Изъ пѣпла — ты, зерно вѣтры вывѣютъ,
Изъ сору-тя, зерно куры выгребутъ.

3.

Соколь летитъ изъ улицы, *любятъ другъ другу*
Соколинка изъ проулочка,
Слетались, цѣловались,
Сизымъ крыльямъ обнимались.

¹⁾ Поправались.

сладкая пьеска

4.

*матери зашептала
отец
дочку
сына*

Ахъ какъ на небѣ у насъ да двѣ радуги,
Ахъ какъ на дворѣ у насъ да двѣ радости,
Отецъ сына женить, дочку замужъ даетъ,
Еще коробки съ двора, сундуки на дворъ.

5.

карты обогот

Стоять сани *(снаряжены, с валами)*
И полсткою подернуты,
Только съѣсти въ нихъ да поѣхати.

6.

сладкая пьеска

Ахъ ты мати, ты мати, порода моя,
Еще выгляни, мати, въ окошечко,
Ахъ ты выкини, мати, опутинку,
Еще чѣмъ мнѣ опутать ясна сокола.

7.

*корова,
тащитъ*

Мышь пищитъ,
Коровой тащитъ,
А еще попищитъ,
И другой утащитъ.

8.

Чарочка поплывущечка,
До чево тебѣ доплавати,
Пора ужъ тебѣ да и вонъ выплывать,
Князьямъ и боярамъ вино подносить.

9.

*завидовати.
люди*

Взойду я, взойду на круту гору,
Ахъ какъ стану я, стану повыше людей,
Еще стануть мнѣ люди завидовати.

10.

На корытѣ сажу,
Я корысти гляжу,
Я еще посижу,
Я еще погляжу,
Ахъ какъ погода маленько корысть на дворъ,
Какъ корысть на дворъ, сто рублей на столъ.

*маленькая
миска - пригосуда
шубы*

11.

Покачу колечко кругомъ города,
Я за тѣмъ ли колечкомъ сама пойду,
Какъ сама пойду, мила ладу найду,

Свѣдѣн. Пѣсн.

12.

Ласточка косатая,
Ты не вѣй гнѣзда въ высокомъ терему,
Вѣтъ не жить тебѣ здѣсь и не лѣтывать.

Свѣдѣн. Пѣсн.

13.

Кузь идетъ на сени
И курка съ нимъ.
Кузь клюетъ пшеницу
И курка съ нимъ.
Кузь пьетъ сытицу
И курка съ нимъ.

*Свѣдѣн. Пѣсн. = мурт.
Свѣдѣн.*

14.

Катилось зерно по бархату,
Прикатилось зерно ко яхонту.
Крупюнь жемчугъ со яхонтомъ,
Хорошъ женихъ съ невѣстою.

Свѣдѣн. Пѣсн.

Припѣвъ къ каждой пѣсни:

Да кому мы спѣли, тому добро,
Кому вынится, скоро збудется.

51 и 52 НЕДѢЛЯ¹⁾.

Удивительно мнѣ очень, что я самъ узнаю свои погрѣшности и теперь вижу ясно, что какъ въ похвалѣ, такъ и въ похуденіи себя я неумѣренъ. Еще довлѣетъ мнѣ сказать нѣчто, за сіе похвалы или хулы я достоенъ, сево уже не знаю, во всемъ моемъ изданіи трудился я одинъ безъ всякой себѣ помощи выѣлочая нѣкоторое весьма малое, которое и по слогу узнаетъ читатель, что оно не мое, а принесено ко мнѣ рокомъ, какъ такую птицею, которая съ земли носитъ въ луну понятія и умы человѣческія, только уже оттуда не сносить къ намъ ни единого.

Свѣдѣн. Пѣсн.

¹⁾ Заключительная глава журнала.

Въ заключеніе всего, господинъ читатель, естли я не принесъ тебѣ увеселенія моимъ журналомъ; а о пользѣ я не говорю; по причинѣ той, что и отовсѣхъ нашихъ выдумокъ не получилъ ты никакой пользы: то покрайнѣи мѣрѣ, нежелаю препятствовать всякому веселитса, кто чемъ позволить, потому что чужое увеселеніе пороку мнѣ неприносить; такъ какъ и мой журналъ не приносилъ, не приноситъ и не принесетъ никому и никакой пользы, по пословицѣ: Есть дѣ что послушать, да нечего покушать. И тако что ни разумѣль, то всю высказалъ и теперъ ничево уже незнаю.

Эпитафія и Тому и Сему.

Не тѣло мертвое сей камень покрываетъ,
Не для того на мѣстѣ семъ лѣжить;
Идущему напоминаетъ,
Что и ему какъ мнѣ умрети надлѣжить.
Прохожій, естли ты съ умомъ,
Вздохни; однако не отомъ,
Что я уже скончался,
Вздохни, что ты еще на свѣтѣ семъ остался.

19. А. О. Аблесимовъ.

Александръ Онисимовичъ Аблесимовъ—извѣстный писатель XVIII вѣка, сынъ небогатаго помѣщика, участникъ „Трудолюбивой Пчелы“, „Всякой Всячины“ и „Трутия“.

На него обратила общее вниманіе его комическая опера „Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и свать, въ 3-хъ дѣйствіяхъ“, представленная на Московскомъ театрѣ въ первый разъ въ 1779 году. Въ „Драматическомъ Словарѣ“ о ней сказано: „Сія пьеса столько возбудила вниманіе отъ публики, что много разъ сряду была играна и завсегда театръ наполнялся: а потомъ въ С.-Петербургѣ была представлена много разъ у Двора и въ случившемся на тогдашнее время вольномъ театрѣ у содержателя Книпера была играна сряду 27 разъ; не только отъ національныхъ слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы любовиествовали довольно; коротко сказать, что едва ли не первая русская опера имѣла столько восхитительныхъ спектаторовъ и плесканія“. Хотя высшіе слои петербургскаго общества въ то время и смотрѣли нѣсколько свысока на комическія оперы, выводившія на сцены простую, народную жизнь, но пьесы этого рода на ряду съ мѣ-

щанской драмой (Евгенія Бомарше) уже завоевывали себѣ тогда положеніе, и „Мельникъ“ пробилъ себѣ дорогу всюду: и въ аристократическіе круги и въ широкіе круги общества. Аблесимовъ, любившій народныя сказки и пѣсни, даетъ въ своей оперѣ много пѣсенъ или народныхъ, или сочиненныхъ въ народномъ вкусѣ. Этой своей стороной пьеса примыкаетъ къ тому народному направленію въ русской литературѣ, которое уже опредѣленно становится замѣтно въ Екатерининское время. Содержаніе пьесы состоитъ въ томъ, что ловкій мельникъ, путемъ якобы колдовства, устраиваетъ свадьбу двухъ любящихъ другъ друга—крестьянской дѣвушки Анюты и парня Филимона—и хитро обходитъ для этого противящихся браку родителей Анюты.

Мельникъ:
Аблесимовъ
народн.
сказки
народн.
сказки
сказки.

Екатерининское
время.

МЕЛЬНИКЪ КОЛДУНЪ, ОБМАНЩИКЪ И СВАТЬ.

Дѣйствующія лица:

Анкудинъ, крестьянинъ.	Филимонъ, женихъ Анютинъ.
Фетинья, жена его.	Оаддей, мельникъ — колдунъ, обманщикъ и свать.
Анюта, дочь ихъ.	Нѣсколько подругъ Анютиныхъ.

Дѣйствіе въ деревнѣ.

Представлено въ первый разъ въ Московскомъ театрѣ 20-го января 1779 года.

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ съ одной стороны лѣсъ, вдали по холмамъ малыя деревеньки, съ другой стороны — мельницу и при ней телѣги съ мѣшками. Напередѣ жъ всего дерево.

Явленіе 1.

МЕЛЬНИКЪ (одинъ. Онъ, стругая доску, поетъ только тонъ пѣсни безъ рѣчей и музыки. Потомъ говоритъ.)

Какая бишь это пѣсня?... Да: „Какъ вечеръ у насъ со полуночи“... такъ... (начинаетъ пѣть на этотъ тонъ пѣсню, продолжая самъ свою работу).

Какъ вечеръ у насъ со полуночи,
Со полуночи до бѣла свѣта...

Какой проливной было пошелъ дождикъ, да пересталъ скоро.
(Также поетъ и продолжаетъ работу.)

На зарѣ-то было да на утренней,
На закатѣ вѣдь свѣтлаго мѣсяца...

Анкудинъ
Фетинья
Анюта
Филимонъ
Оаддей
Нѣсколько подругъ Анютиныхъ

Тамъ:
и мѣнѣе
(привѣтъ)
и мѣнѣе
и мѣнѣе
и мѣнѣе
и мѣнѣе
и мѣнѣе
и мѣнѣе

Ну ужь былъ вѣтеръ! то-то, слышь ты, дулъ сильно, что чуть бола¹⁾ и мельницу-то мою совсѣмъ не спроручилъ; въ пенъ бы я сталъ, да спасибо! хоть исковеркалъ, да немного; а хоть и немного, да надѣлалъ дѣла (*приноравливаетъ доску*). Ну, будетъ ладно, пойдетъ опять заново. (*Подошедъ къ оркестру.*) Смѣшно, право, какъ я вздумая: говорятъ, будто мельница безъ колдуна стоять не можетъ, и уже-де мельникъ всякій не простъ: они-де знаются съ домовыми, и домовые-то у нихъ на мельницахъ какъ черти ворочають... Ха! ха! ха!.. какой сумбуръ мелють? а я, кажется, самъ коренной мельникъ: родился, выросъ и состарился на мельницѣ, а ни одного домовова сроду въ глаза не видывалъ. А коли молвить матку-правду, те кто смышленъ и гораздъ обманывать, такъ вотъ все и колдовство тутъ... Да пускай што хотятъ они, то и бредятъ, а мы наживаемъ этимъ ремесломъ себѣ хлѣбець.

*названіе
молва*

Кто умѣетъ жить обманомъ,
Всѣ зовуть того цыганомъ;
А цыганскою хваткой
Прослывешь колдунъ угадкой.
И колдовки колотовки,
Тѣ же дѣлають уловки.
Много всякаго есть сброду:
Наговаривають воду,
Рѣшетомъ вертятъ мірянамъ
И живутъ такимъ обманомъ.

Какъ и азъ грѣшннй!..

Явленіе 2.

Филимонъ и прежній.

мельникъ (*его увидя*). А!.. это ко мнѣ гость. На сей день будетъ поживка. (*Къ Филимону.*) Путь-дорога доброму молодцу!

Филимонъ. Челомъ бью, старинушка.

мельникъ. Издалеча-ль бредешь, куда путь держишь?..

Филимонъ. Не пуще дальное дѣло.

мельникъ. Да волею или неволею?

Филимонъ. Коней ищю: савраско да гнѣдко вдвоемъ куда-то запропастились; а кони-та, кони-та какіе добрые были.

и т. д. (Особливо.) Это онъ-та ворожейка: попытаюсь у него поколдоваться. (*Къ мельнику.*) Што, старинушка, хочу спросить тебя...

¹⁾ Вм. „было“: попытка передать фонетически народный говоръ.

мельникъ. О чемъ поволншь? изволь-ста, мы ваши работники.

филимонъ. Доброе дѣло... и мы вамъ плательщики... И такъ поворожи мнѣ: найдутся ли мои кони?

мельникъ. Найдутся ли кони?..

филимонъ. Такъ, старинушка; мнѣ объ нихъ очень хочется свѣдать.

мельникъ. А вотъ эдакъ, напримѣръ, какъ будетъ ли отъ тебя што? (*подставляетъ руку*).

филимонъ. Напередъ угадай, дѣдушка, а тамъ мы посмотримъ.

мельникъ (*отворачивается, сердится и зачинаетъ пѣть*).

Угадать,
Не устать;
Да какъ дѣло плоховато,
Такъ и платять торовато.

филимонъ. Да я тебѣ, старинушка, плательщикъ буду...

мельникъ. На посулѣ,
Какъ на стулѣ,
Посидя да не поѣшь,
Такъ животъ не будетъ свѣжъ.

филимонъ. Ни изъ чево не солгу, повѣрь пожалуй...

мельникъ. Въ тотъ чередъ,
Напередъ
Эти басни не подь нужу,
Вынь-ка мошну-та наружу,
И пустава не болтай,
Да намъ денежки считай.

(*Подставляетъ руку, смотря ему въ глаза.*)

филимонъ. Ну, коли такъ, изволь пожалуй: мы вамъ и напередъ дадимъ посильно мѣсто копеекъ.

мельникъ. Это только-та?

филимонъ. Будетъ покамѣсть: чево больше?

мельникъ (*особо*). Ладно, ты безъ полтинки-та отъ меня не отъѣдешь.

филимонъ. Што-жъ ты мнѣ скажешь?..

мельникъ. А какъ теперь на дворѣ — рано?

филимонъ. Не больно еще поздно, и солнце за лѣсъ не сѣло.

мельникъ. Перевернись жа три раза по солнцу.

филимонъ. Што бы такъ?

мельникъ. Што бы такъ!... въ ворожбѣ это нада... Ну, дѣлай што велать!...

Филимонъ. Во твою угоду мы и повернемся. (*Вертится одинъ разъ.*)

мельникъ. Еще противъ солнца.

Филимонъ (*вертятся*). Еще таки и противъ солнца.

мельникъ. Теперь стань вотъ къ этому дереву. (*Филимонъ хочетъ идти, а мельникъ говоритъ.*) Нѣтъ, нѣтъ, стой... есть ли у тебя платъ?

Филимонъ (*вынимаетъ платокъ*). Есть, вотъ.

мельникъ. Зажми-жа глаза плотно... завяжи платомъ крѣпче... еще крѣпче... Ну! ладно... теперь слушай жа: стой да нишкни, съ мѣста не двигайся и никому не аукайся, а я пойду къ старшему...

Филимонъ. (*Исполняя все, что мельникъ ему ни приказывалъ.*) А буде кто безъ тебя ко мнѣ придетъ и станетъ меня спрашивать: зачѣмъ-де ты стоишь такъ, доброй молодецъ, ясныя твои очи завязаны?...

мельникъ. Ни съ кѣмъ ни словечка; а ворчи, коли хочешь, про себя.

Филимонъ. А пѣсню спѣть въ потребу ли будетъ?

мельникъ. Всполошишь всѣхъ; не нада.

Филимонъ (*про себя*). Эдакая причина!

мельникъ. Стой жа плотно.

Филимонъ. Инъ добро, быть такъ.

(*Мельникъ, отходя отъ Филимона, примѣчаетъ его движенія; а онъ покушается глаза немного открыть. Мельникъ, воротясь, подходитъ крадучись и говоритъ съ сердцемъ.*)

мельникъ. Тють!... Тють!... што ты это чудесишь?... этакъ рахманной, вѣдь испужаешься... (*Взявъ его за руку.*) Поди за мною... стой, ухватись вотъ за это дерево (*потомъ очерчиваетъ его мълмъ*). Ну, стой жа, слышь ли ты, плотно, не тропись и за черту ни ногою, а то быть худу... (*Отходитъ.*)

Явленіе 3.

Филимонъ (*одинъ. Онъ, приклоня голову въ ту сторону, куда мельникъ ушелъ, слушаетъ*). Слышится, колдунъ ушелъ... такъ, ушелъ теперь. Што-та онъ мнѣ скажетъ... Ну, да што ни будетъ, то будетъ!... (*открываетъ немного глаза*). Да... нѣтъ... ужъ меня, ничего не видя, отъ страху какъ будто

морозъ по кожѣ подираетъ... Што-жъ мнѣ дѣлать? ничего иного, какъ орать что есть мочи... Нѣтъ! стану курныкать помаленьку, только чтобъ не такъ страшно-то мнѣ было.

Не тронемся, не ворохнемся,
Не кльнемся, не аукнемся;
Спою пѣсню; да какую-жъ я спою?...

А! любиму свою...

(Музыка зачинаетъ, а въ это время, какъ Филимонъ готовится пѣть.)

Явленіе 4.

Мельникъ и прежній.

(Мельникъ выноситъ жернова, ставитъ ихъ у мельницы.)

ФИЛИМОНЪ (продолжаетъ пѣть на голосъ: „Какъ ходилъ, шулялъ молодчикъ“).

Вотъ спою какую пѣсню:
Ходилъ молодець на Прѣсню,
Подъ вечерокъ,
Путь недалекъ.
Ходилъ молодець на Прѣсню
Изъ Сесвяцкова села,
Подъ вечерокъ,
Путь недалекъ.
Изъ Сесвяцкова села,
Красна дѣвка тамъ жила,
Дѣвка душа,
Тамъ хороша.
Красна дѣвка тамъ жила,
Молодца съ ума свела.

(Мельникъ вертитъ жерновомъ и симъ дѣлаетъ шумъ; а Филимонъ, продолжая пѣть, пугается.)

Дѣвка...ду...ша
Тамъ...хо...ро...ша...

(Оканчиваетъ дикимъ голосомъ.)

МЕЛЬНИКЪ. Разступись, вода!... растворись, мельница!... явись ко мнѣ сѣдой демонъ!... (вертитъ опять жерновомъ сильнѣе и производитъ тумъ).

ФИЛИМОНЪ (дрожитъ). Чуръ меня!... чуръ меня!... съ нами невидимая сила...

МЕЛЬНИКЪ (подбѣгая къ Филимону). Ухватись, ухватись за дерево плотнѣя.

ФИЛИМОНЪ (*хватаясь за дерево, самъ дрожитъ*).

МЕЛЬНИКЪ (*обходя его кругомъ*). Будутъ кони?... будутъ кони?.. Таки будутъ?.. (*Сиповатымъ голосомъ*) „Нѣтъ, не будутъ“. (*Обходитъ другой разъ*). Придутъ кони?... Таки придутъ ли кони?... (*Также сиповато*). „Нѣтъ, не придутъ“. Што за дьявольщина! (*Обходитъ третій разъ*). Найдутся ли кони?.. да найдутся ли кони?... (*Притворнымъ голосомъ съ сердцемъ*) „Хоть найдутся, да не скоро.“ .. (*своимъ голосомъ*) Исчезни-жь, окаянной!.. (*Самъ подбѣгаетъ опять къ жернову и вертитъ оный, потомъ, подошедъ къ Филимону*). Теперь поди сюда, развяжи глаза и не бойся ничего.

ФИЛИМОНЪ (*развязавъ глаза*). У!.. (*дрожа поетъ*).

О ты, дѣдушка Фаддей!
И ты сильной ворожица!
Ты могучій чародѣй.

МЕЛЬНИКЪ. Кабы ковшъ теперь пиваща:
Я въ него бы поглядѣлъ,
То надѣлалъ бы ужъ дѣлъ.

ФИЛИМОНЪ. Ты намъ, дѣдушка, помога,
У кого кручины много.

МЕЛЬНИКЪ (*особо*). Я тѣмъ, дѣтушка, помога,
У кого есть денегъ много.

Оба { Филимонъ. Ты намъ, дѣдушка, }
      { мельникъ. Я вамъ, дѣтушки, } } помога.
      { Филимонъ. } У кого { кручины }
      { мельникъ. } } есть денегъ } } много.

ФИЛИМОНЪ. И такъ, дѣдушка, пропали мои кони?..

МЕЛЬНИКЪ (*поетъ*). Я вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

ФИЛИМОНЪ. Што-жь ты мнѣ скажешь?

МЕЛЬНИКЪ (*еще поетъ*). Я вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

ФИЛИМОНЪ. Да вотъ, пожалуй, я и еще дамъ тебѣ денегъ, только отгадай мнѣ (*дастъ ему денегъ*).

МЕЛЬНИКЪ (*заклаясь*). А!.. а кармливаль ты ихъ овсомъ?

ФИЛИМОНЪ. О! нѣтъ, они съ роду зерна не видали.

МЕЛЬНИКЪ. Ну, такъ вѣкъ не найдутся...

ФИЛИМОНЪ. Этакое мое горе!

мельникъ. Постоѣй еще... подай-ка мнѣ свою руку!
(Филимонъ *кажетъ руку, а мельникъ водить по ладони пальцемъ.*)
Такъ, въ твоей рукѣ ихъ нѣту; только корысть будетъ, лихихъ людей переможешь; а на сердце кручина пала...

Филимонъ (*особливо*). Какъ сказали объ немъ, такъ и подлинно, што онъ все подноготное узнаваетъ!

мельникъ. Погляди-ка сюда пряменько!.. што-та есть у тебя на мысли?...

Филимонъ. Охъ! старинушка, есть... да боюсь молвить.

мельникъ. Небось, небось, повѣдай мнѣ свою крѣпкую думу, авось-либо въ чемъ и пособить можно.

Филимонъ. Нѣтъ, дѣдушка, кажется, несбыточное дѣло, и статца-та этому не можно.

мельникъ. Не болтай пустова.

Филимонъ (*поетъ на голосъ: „Западала путь-дороженька моя“*).

Я повѣдаю тоску-печаль ему;
Отчего такъ больно сердцу моему;
Вѣдь онъ сильный ворожища
И мнѣ стался быть дружища,
Такъ я думушку свою
Передъ нимъ не потаю...

мельникъ. Не утай, не утай ничево, а мы посмотримъ, какъ пособить будетъ можно.

Филимонъ. Ну, инъ быть такъ; правду молвить, я прибрель-бола къ тебѣ кручину свою размыкать; придумай, пригадай мнѣ, я задумалъ доброй молодець жениться и пришла мнѣ одна красная дѣвица по обычью; да вотъ бѣда моя! отецъ и мать ее другъ съ другомъ не согласны: старухѣ какъ-то изстари случилось быть дворянскаго отродья; а выдана въ крестьянство по-неволѣ; старикъ-ать вѣдь и хочеть дочку выдать за дѣтину хлѣбопашца, а старуха-хлопотунья за дворянскаго сыночка... и за то-та мужъ съ женою и хлопочуть.

мельникъ. О! о! это плѣвое дѣло; я смекнулъ какъ будетъ этому: дѣвка будетъ наша! Что за работу?

Филимонъ. Четверть доброй ржи старинушкѣ челомъ бью.

мельникъ. Ну-тка по рукамъ... ладно!...

(*Поетъ на голосъ: „Вы рѣченьки, рѣченьки“*.)

Не кручинься, молодець,
Горю сдѣлаемъ конецъ,

Назову тебя я братомъ
И пойду къ невѣстѣ сватомъ,
Ты объ этомъ не тужи,
Припасай лишь четверть ржи.

ФИЛИМОНЪ. О томъ, дѣдушка, ни слова,
Будеть рожь тебѣ готова;
О дарахъ ты не тужи,
Дѣломъ самъ лишь не держи.

МЕЛЬНИКЪ. Я тебѣ жену добуду,
Иль я мельникъ въ вѣкъ не буду!...

ФИЛИМОНЪ. Чудеса ты все творишь,
Какъ рублемъ меня даришь.

МЕЛЬНИКЪ. Мы пойдемъ приготовляться,
Какъ съ невѣстой повидаться...

ФИЛИМОНЪ. Пойдемъ къ дѣлу поспѣшать.

МЕЛЬНИКЪ. Пойдемъ свадьбу затѣвать.

ОБ А. А чтобъ быть намъ посмѣлѣя
И притгить повеселѣя,
Такъ зайдемъ мы въ кабачекъ:
Тяпнемъ тамъ винца кручокъ.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ поле, съ одной стороны вдали мельницу, рѣчку и лѣсъ, а съ другой напередѣ дворъ крестьянскій, потомъ сумерки и восходящій мѣсяцъ.

Явленіе 1.

Анюта и Филимонъ.

(Анюта выходитъ изъ двора, а послѣ Филимонъ изъ лѣсу.)

АНЮТА. У!... да ужъ на дворѣ-та и смеркается! Когда это день прошелъ? Смотри пожалуй, а я работаючи-та и не видала. (Поетъ начало: „Земляничка ягодка“.)

Во своей я младости
Вить не вижу радости,
Вотъ мой
Таланъ какой. (2).
Нѣту мнѣ весела дня;
Все сушить,
Все крушить
Всякой часъ меня.

ФИЛИМОНЪ (*ходя между тѣмъ задумавшись и по голосу узнавъ ее, останавливается*). Это она!... она точнѣхонько...

АНЮТА (*увидя Филимона*). Это онъ?... Точно онъ!...

ФИЛИМОНЪ. Подойду къ ней, што ни будетъ, то будетъ. (*Подходитъ*.)

АНЮТА. Онъ ко мнѣ идетъ?... такъ, ко мнѣ; нѣтъ, я уйду отъ него, а то неровно какъ старики мои меня съ нимъ увидятъ, то пойдеть дымъ коромысломъ! (*Хочетъ уйтить, а послѣ останавливается*.)

ФИЛИМОНЪ (*также останавливается*). Бѣги пожалуй, што нужды? видишь какая, коли такъ упряма, ты чаешь краше тебя и нѣту; анъ лихъ есть много, не тебѣ чета, и я право гоняться-та за тобою не буду.

АНЮТА (*про себя*). Кажется, онъ вздурился, што я уйтить-та хотѣла! этакая напасть моя, што станешь дѣлать? Не уйтить — горе, а уйтить и вдвое... да не кая пропасть, мнѣ и самой хочется повести съ нимъ поговорку.

ФИЛИМОНЪ (*увидя, что она остановилась*). А! а... это ей не по сердцу, што я сказалъ: гоняться-та за ней не буду... этакъ-та лучше съ ними водиться; у насъ вѣдь поселски: какъ любушкѣ своей тулунбаса два-три въ спину влѣпишь, и она стерпитъ, такъ и наша.

АНЮТА. Не знаю сама, штобы это такое со мною стало?... што я ево лишь увижу, такъ сердце мое всё затрепещеть, руки опустятся, ноги подогнутся, и съ мѣста не сдвинешься!.. Што-жъ будешь дѣлать? Хоть побои принять, а съ нимъ перемолвлю. (*Воротясь, подходитъ къ нему тихо*.)

ФИЛИМОНЪ (*также къ ней приближаясь, про себя*). Ты ко мнѣ, и я къ тебѣ. (*Анютъ*.) Дѣвица красная, по добру-ль живешь по-здорову?

АНЮТА. Не пуще такъ, штобы тебѣ сказать, — радостно.

ФИЛИМОНЪ. Да тебя давно ужъ и въ посидѣнгахъ не видно.

АНЮТА. Матушка меня не пущаетъ; говорить: ты, дескать, ужъ дѣвушка-невѣста, такъ женихи осудятъ: и я отъ этого иногда и плачу.

ФИЛИМОНЪ. Не тужи, красная дѣвица, авось-либо дождемся и мы своей воли.

АНЮТА. Кажется, мнѣ не нажить этихъ дней. (*Особо*.) Онъ, видно, хочеть на мнѣ жениться.

ФИЛИМОНЪ (*особо-жъ*). Женился бы не шутѣмъ, кабы было можно.

АНЮТА (*поетъ начало на голосъ: „Кабы знала, кабы вѣдала, мой свѣтъ“*).

Кабы я, млада, увѣрена была,
Что дружку своему хоть чуть-чуть я мила:
Я не въ скукѣ бы жила.

ФИЛИМОНЪ (*особо говоритъ*). Побожусь ей, что я нивѣсть какъ ее люблю.

АНЮТА (*продолжаетъ пѣть на тотъ же тонъ начало*).

Только милый мой не вѣдаетъ того,
Какъ безвременно крушусь я для него:
Онъ во снѣ мнѣ часто снится,
Будто вздумалъ онъ жениться
На иной, а не на мнѣ.

ФИЛИМОНЪ. Нѣтъ, нѣтъ! што пустое затѣвать! этова и въ умѣ не бывало.

Явленіе 2.

Мельникъ и прежніе.

МЕЛЬНИКЪ. Ого! соколъ, ты ужъ и здѣся! Скоренько ты залетѣлъ... а я нечива-таки, тяпнулъ винца мѣрочку, такъ и веселѣя стало. Здорова-ка, Анюта!

АНЮТА. Здравствуй, сосѣдушка.

МЕЛЬНИКЪ. Што-то какъ этакъ вы дѣлаете?

АНЮТА. Пѣли гѣсни.

ФИЛИМОНЪ. (*Мельнику.*) Слышалъ ли ты, какъ она жалобно гѣла?

МЕЛЬНИКЪ. Слышалъ, слышалъ, да это не надолго; скоро запоетъ инымъ голосомъ, ужъ не такъ заунывно.

АНЮТА (*досадуя*). Зачѣмъ его чертъ принесъ?...

ФИЛИМОНЪ. Небось, нѣтъ ничего.

АНЮТА. Да видишь какой, только помѣшалъ намъ!

ФИЛИМОНЪ (*поетъ*). Полно, свѣтикъ мой, стыдиться,
Станемъ мы при немъ дружитья,
Дай мнѣ рученьку свою,
Дай голубушку мою.

АНЮТА. Ничуть это негодится,
Чтобъ такъ при людяхъ рѣзвиться,
Отвяжись и не шути,
Вѣдь не сколько въ томъ пути.

ФИЛИМОНЪ. Его нечива таится;
Старикъ этотъ пригодится,
Распознай сама его,
Онъ пригоденъ для всево.

АНЮТА (*обертываясь назадъ*). Ай! ай!... уйдите, уйдите!
старуха моя сюда идетъ.

МЕЛЬНИКЪ. Уйдемъ, уйдемъ, вѣдь старуха-та великая
хлопотунья.

(*Мельникъ и Филимонъ уходятъ на задъ театра
и прячутся за крестьянскій дворъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Явленіе 5.

Анкудинъ и Фетинья.

АНКУДИНЪ. Старуха!... какъ ты смышляешь? свать-ать
нашъ не дьявольщину-ль какую городить и ужъ не обо-
ротня ли намъ сватаетъ?

ФЕТИНЬЯ. Чево добрава и быть такъ.

АНКУДИНЪ (*поетъ*). Вижу я, колдунъ морочить:
Обмануть насъ всѣхъ трехъ хочетъ;
Только какъ колдунъ ни дюжь,
Да вѣдь я и самъ уклюжь:
Какъ обманъ ево я смѣчу,
То какъ чорта изувѣчу,
Провожу съ двора дубьемъ... (2).

Явленіе послѣднее.

МЕЛЬНИКЪ (*пьяный и съ балалайкой*), ФИЛИМОНЪ
И ПРЕЖНІЕ.

МЕЛЬНИКЪ. Ну-те-тка... (*къ старику*) этова ли я къ тебѣ
приводилъ?

АНКУДИНЪ. Этова, этова, не спорное дѣло, только, братъ...

МЕЛЬНИКЪ (*къ старухѣ*). А ты съ нимъ ли на дорогъ-та
столкнулась?

ФЕТИНЬЯ. Съ нимъ, точнѣхонько.

МЕЛЬНИКЪ. А у невѣсты и спрашивать нечива.

АНЮТА (*подходя къ нимъ, разсматриваетъ Филимона;
онъ ей кланяется и она ему*). Онъ!... точнѣхонько онъ!...
какъ же я рада!

ФЕТИНЬЯ. Да вѣдь онъ дворянинъ, ты сказывалъ?

МЕЛЬНИКЪ. Да еще и природной.

АНКУДИНЪ. Почему-жа мнѣ называлъ его крестьяниномъ?

МЕЛЬНИКЪ. А потому же, что это правда.

АНКУДИНЪ. Што-жъ за чертовщина такая? Дворянинъ и крестьянинъ; нѣтъ! нѣтъ, видно, братъ-свать, ты насъ морочишь.

АНЮТА. Батюшка и матушка, что до того нужды? пускай онъ хоть пастухъ будетъ, да мнѣ полюбился; не думайте, отдавайте скорѣе.

МЕЛЬНИКЪ (*беретъ старика и старуху за руки; сперва къ старику*). Ты за нево отдать думаешь?

АНКУДИНЪ. Съ охотой бы.

МЕЛЬНИКЪ (*къ старухѣ*). А ты, сватьюшка?

ФЕТИНЬЯ. И я бы не упрямилась, коли дворянинъ онъ.

МЕЛЬНИКЪ. Ладно, слушайте-жъ, что я вамъ пѣть буду.

(*Настраиваетъ сперва балалайку, потомъ поетъ.*)

Ужъ какъ шли старикъ съ старухой изъ лѣсочка,

Изъ лѣсочка,

Съ ними дочка,

Пригожайка... (2)

Навстрѣчу имъ попался сосѣдь-мельникъ,

Сосѣдь-мельникъ,

Не бездѣльникъ,

Ворожайка... (2)

Сосѣдь-мельникъ загадаетъ имъ загадку:

Имъ загадку,

Правду-матку

Загадаетъ... (2)

Ещо што да таково,

На Руси у насъ давно:

Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,

Самъ холопъ и самъ бояринъ,

Самъ и пашеть, самъ оретъ

И съ крестьянъ оброкъ беретъ.

Отгадайте!

Толкъ въ томъ дайте.

Не болтайте,

Отгадайте... (2)

АНКУДИНЪ. Чортъ развѣ это отгадаетъ, а не мы грѣшные!

МЕЛЬНИКЪ (*продолжая пѣть*).

Старнки мои догадки не имѣють,

Не имѣють,

Не умѣють

Отгадати... (2)

Такъ инъ мнѣ пришло загадку разгадати,

Разгадати,

Не солгати,

Объявити... (2)

Еще вот да што оно,
 На Руси у насъ давно:
 Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
 Самъ холопъ и самъ бояринъ,
 Самъ и пашеть, и ореть
 И съ крестьянъ оброкъ беретъ.

Это знайте:
 Это знайте,
 Не вступаите
 Больше въ спорецъ.
 Ево знаютъ,
 Называютъ
 Однодворецъ!...¹⁾

рукавникъ съ рѣш.

Слышали-ль?... онъ однодворецъ, а однодворецъ — и дворянинъ, и крестьянинъ — все одинъ.

АНКУДИНЪ. Вотъ-на! а я, хоть бы тѣ треснуть, не домыслился-бъ этого.

МЕЛЬНИКЪ. Ну, теперь спору больше нѣтъ?

АНКУДИНЪ. Нисколько.

ФЕТИНЯ. И я ни словечка. *(Особливо.)* Вить все ужъ дочь-та моя будетъ не за простымъ мужикомъ-охреянномъ, а таки хотя за половиною да дворяниномъ.

АНКУДИНЪ. Пускай, пускай по-твоему.

МЕЛЬНИКЪ. Нечива-жъ и смышлять больше, ну-тка въ добрый часъ веселымъ пиркомъ да за свадебку.

ФЕТИНЯ. Во святой часъ! по рукамъ да и замужъ.

АНКУДИНЪ. Спасибо, братъ-сосѣдушка, правду молвить, удружилъ всѣмъ намъ. *(Начинаютъ пѣть):*

Теперь у насъ, старуха, нѣту спора:
 Приходить наше дѣло до сговора.

Хоръ.

МЕЛЬНИКЪ. Таеъ... я къ
 вамъ, мои други,
 Я не даромъ приходилъ,
 Я вамъ свадьбу снарядилъ,
 Всѣмъ вамъ, всѣмъ вамъ уго-
 дилъ.

ВСЪ. Вотъ... другъ нашъ
 сватъ Гаврилычъ,
 Сватъ не даромъ приходилъ,
 Онъ намъ свадьбу снарядилъ,
 Всѣмъ намъ, всѣмъ намъ уго-
 дилъ.

ФЕТИНЯ. Крушить не буду молодость дѣвичью,
 Сыскала жениха ей по обычю.

¹⁾ Этой пѣсней мельникъ рѣшаетъ дѣло, ему надо убѣдить мать Ашюты, что Филимовъ не простой крестьянинъ, а что-то вродѣ дворянина.

Хоръ.

МЕЛЬНИКЪ. Такъ... я къ | В СЪ. Вотъ... другъ нашъ
вамъ, мои други... | сватъ Гаврилычъ...

ФИЛИМОНЪ. Теперь мое сердечушко на мѣстѣ:
По праву я пришолъ моей невѣстѣ.

Хоръ.

МЕЛЬНИКЪ. Такъ... я къ | В СЪ. Вотъ... другъ нашъ
вамъ, мои други... | сватъ Гаврилычъ...

АНЮТА. Не грезилось младенькѣ и не снилось;
Замужство чтобъ такое мнѣ случилось.

Хоръ.

МЕЛЬНИКЪ. Такъ... я къ | В СЪ. Вотъ... другъ нашъ
вамъ, мои други... | сватъ Гаврилычъ...

МЕЛЬНИКЪ. Какъ женится на дѣвочкѣ дѣтинка,
То придетъ мнѣ въ карманъ отъ нихъ полтинка.

Хоръ.

МЕЛЬНИКЪ. Такъ... я къ вамъ, мои други, Я не даромъ приходилъ, Я вамъ свадьбу снарядилъ, Всѣмъ вамъ, всѣмъ вамъ уго- дилъ.		В СЪ. Вотъ... другъ нашъ сватъ Гаврилычъ, Сватъ не даромъ приходилъ, Онъ намъ свадьбу снарядилъ, Всѣмъ намъ, всѣмъ намъ уго- дилъ.
---	--	---

В СЪ. Зачинать пора пирушку намъ смекать,
И въ веселости затѣмъ куликать.

МЕЛЬНИКЪ (*поетъ къ Анкудину*).

Поведи-ка ты къ себѣ насъ, добрый тесть:
У тебя вина и пива много есть.

В СЪ. Поведи-ка ты къ себѣ насъ, добрый тесть:
У тебя вина и пива много есть.

(*Всѣ отходятъ.*)

20. А. Н. Радищевъ.

Александръ Николаевичъ Радищевъ — какъ въ своихъ сочиненіяхъ, такъ и въ своей личной жизни далъ примѣръ замѣчательной цѣльности, глубины убѣжденій, которыя онъ выразилъ въ своей знаменитой книгѣ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, изданной въ годы французской революціи въ Петербургѣ. Сочиненіе закончено въ 1789 году, а напечатано въ собственной типографіи Радищева и поступило въ продажу въ 1790 году. Сочиненіе представляетъ бичующую сатиру: предметъ этой сатиры обозначенъ стихомъ изъ Телемахиды, который Радищевъ взялъ какъ эпиграфъ для своей книги: „Чудище обло (грубо), озорно, огромно, стозѣбно, и лаяѣ“. *Сочиненіе Радищевъ*

Какое это было чудовище, противъ котораго горячо вооружился Радищевъ, и почему онъ не могъ помириться съ его существованіемъ, это выясняется какъ изъ свойствъ его благородной личности, такъ изъ условій его развитія.

Радищевъ можетъ-быть, больше, чѣмъ кто-либо другой изъ его современниковъ, былъ представителемъ той части мыслящаго русскаго общества, для которой идеи эпохи просвѣщенія XVIII вѣка, не были только предметомъ моды и щегольства; Радищевъ, посланный императрицей Екатериной II, вмѣстѣ съ другими молодыми людьми за границу для пополненія образованія, и усердно работая въ Лейпцигскомъ университетѣ (1766 — 1771 г.), жадно вчитывался въ европейскую, преимущественно французскую литературу того времени, и стремился осмыслить для себя вычитанное въ цѣльное міросозерцаніе. Это не было простое усвоеніе чужихъ теорій. Новыя идеи въ ихъ товарищескомъ кругу глубоко переживались, подвергались внимательному обсужденію, были предметомъ горячихъ споровъ, и въ переработанномъ уже видѣ становились дѣйствительными убѣжденіями.

Радищевъ и его товарищи изучали лекціи своего учителя Эрнста Платнера, послѣдователя идеалистической философіи Лейбница, съ увлеченіемъ читали и подвергали критикѣ сочиненія французскихъ матеріалистовъ Гельвеція, Гольбаха, вырабатывали свои нравственные и политическіе взгляды подъ вліяніемъ ученія Руссо объ естественныхъ правахъ человѣка и сочиненій Мабли, который давалъ имъ теорію народнаго представительства и въ которомъ они, однако, уже примѣчали и утопическія желанія. Въ этой работѣ, въ этихъ спорахъ окрѣпли собственные взгляды Радищева, которымъ онъ остался вѣренъ до конца, какъ въ своей личной жизни, такъ и на государственной службѣ, такъ и въ общественной дѣятельности и которые выразилъ въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“. По религіознымъ убѣжденіямъ онъ не пошелъ вслѣдъ за матеріалистами, и остался деистомъ (см. гл. Бронницы), по политическимъ взглядамъ онъ былъ конституціоналистомъ (см. гл. Спаская Полѣсть), и основывалъ необходимость народнаго представительства на ученіи объ естественныхъ правахъ человѣка; въ воспитаніи онъ защищаетъ естественную простоту въ развитіи че-

ловѣка (см. гл. Крестцы); все сочиненіе проникнуто глубокимъ уваженіемъ къ чловѣческой личности и законности. По опредѣленію П. Милюкова „основная мысль публицистической критики Радищева одна...: Послѣ „добродѣтели“ больше всего нужно руководствоваться „закономъ“. — „Законъ какъ ни худъ, есть связь обществу“. Поэтому повиновеніе закону и защита его отъ произвола есть первѣйшая обязанность гражданина“.

Въ отличіе отъ многихъ своихъ современниковъ Радищевъ приступилъ къ оцѣнкѣ русской жизни во всеоружіи основательныхъ знаній и сложившихся убѣжденій. Очень естественно, что всю силу своей сатиры онъ долженъ былъ направить на то, что, какъ черное бѣлому, было противоположно его натурѣ — на рабство. И, дѣйствительно, развивая въ своемъ сочиненіи разныя стороны своего міросозерцанія, онъ, въ центрѣ своей книги разсматриваетъ, какъ вопіющее зло, крѣпостную неволю. Она-то и есть „чудище, обло, озорно“ и т. д., какъ это видно изъ главы Хотиловъ, гдѣ онъ называетъ крѣпостное право „стоглавнымъ зломъ“, „стоглавнымъ чудовищемъ“.

По характеру своего сочиненія Радищевъ примыкаетъ къ той журнальной сатирѣ XVIII вѣка, во главѣ которой былъ Новиковъ, но въ то же время и существенно отличается отъ нея: несмотря на кажущуюся разбросанность и случайность впечатлѣній, Радищевъ даетъ въ „Путешествіи“ очень цѣльную картину русской жизни, освѣщенную не только съ моральной и соціальной точки зрѣнія, но и съ политической. Какъ сатирикъ, онъ выдается глубиной настроенія, силой лиризма и еще большею смѣлостью въ опредѣленіи зла. При этомъ онъ не только нападаетъ, онъ указываетъ и пути улучшенія: въ главѣ Хотиловъ онъ набрасываетъ проектъ освобожденія крестьянъ.

Всѣми своими воззрѣніями Радищевъ, подобно Новикову, настолько шелъ въ разрѣзъ съ начинавшеюся тогда реакціею, что за свою книгу онъ былъ сосланъ въ Сибирь, откуда возвращенъ съ воцареніемъ императора Павла I.

Языкъ его книги очень характеренъ. Радищевъ, желая усвоить себѣ настоящій литературный языкъ и слѣдуя совѣту Ломоносова, изучалъ церковныя книги. Языкъ его иногда тяжеловатъ, нерѣдко онъ напоминаетъ торжественный языкъ библіи, а въ цѣломъ своеобразенъ, силенъ и временами проникнутъ глубокимъ лиризмомъ.

Радищевъ для своей книги избралъ форму путешествія, именно только какъ форму, дающую возможность свободно высказывать, какъ бы по дорогѣ, самыя разнообразныя впечатлѣнія и взгляды. Описанія мѣстностей, по которымъ онъ проѣзжаетъ, почти отсутствуютъ. Зато книга богата выраженіемъ его личнаго настроенія. Такой типъ сочиненія, по его собственнымъ словамъ, былъ ему подсказанъ „Сентиментальнымъ путешествіемъ“ Стерна.

Радищевъ посвятилъ книгу своему пріятелю Кутузову, о которомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Александръ Михайловичъ Кутузовъ учился сначала въ Московскомъ университетѣ, а затѣмъ въ Лейпцигскомъ, гдѣ и сблизился тѣсною дружбой съ Радищевымъ. Кутузовъ былъ масонъ-мистикъ,

*милый,
Ульяна*

дѣятельный членъ Дружескаго общества. Одному изъ членовъ Новиковскаго кружка, кн. Н. И. Трубецкому онъ писалъ: Вы знаете мои правила: извѣстно вамъ, что я великій врагъ всякаго возмущенія и что я не перестану никогда твердить, что критика настоящаго правленія есть непопозволенное дѣло и нимало не принадлежитъ къ литературѣ". Терпимость Кутузова и Радицева была такъ велика, что разность взглядовъ не ослабляла ихъ глубокой и тѣсной дружбы и не помѣшала Радицеву посвятить другу свой трудъ, въ которомъ выражены его завѣтныя убѣжденія и взгляды. Отчасти это было слѣдствіемъ того, что, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ П. Милоковъ, Радицевъ „не разрывалъ принципиально съ тѣми понятіями о предѣлахъ дозволеннаго въ литературной и общественной дѣятельности, которыя приняты были въ кругу его друзей“. Нужно сказать также, что и Кутузовъ иногда высказывалъ такія мысли, которыя были близки идеямъ Радицева. Таково, на примѣръ, одно его письмо къ масону Лопухину, напоминающее идею главы „Путешествія“, „Спасская Полѣсть“: „Ежели бы монархія наша“, писалъ Кутузовъ, „могла видѣть все то, что опредѣленные ею дѣлають, вострепетало бы ея нѣжное и челоуѣколюбивое сердце; гнѣвъ ея, справедливый гнѣвъ, постигъ бы сихъ нечелоуѣковъ, злоупотребляющихъ ея довѣренность. Я всегда скажу, безъ всякаго лицемерія: не монархія причиною нашего притѣсненія, но одовѣренные частицею ея власти. Скажу и то, что частію мы сами причиною сего. Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ. Для чего не прибѣгаемъ къ самой ней и не стараемся пробиться сквозъ лицемеріе, ласкательство и ложь, окружающія ея престолъ?“

ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

А. М. Карамзинъ

Любезнѣйшему другу.

*Вотъ такъ милый
Александръ Мушкетеръ
Видѣть
въ Писемъ
Жаль
Лично*

Что бы разумъ и сердце произвести ни захотѣли, тебѣ, оно, О! сочувственникъ мой, посвящено да будетъ. Хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно — и ты мой другъ.

*Будто
Вещь
Твое
Всѣ
Твое
Вещь
Твое
Вещь
Твое
Вещь
Твое
Вещь
Твое*

Я взглянулъ окрѣсть меня — душа моя, страданіями челоуѣчества узвлекена стада. Обратилъ взоры мои во внутренность мою — и узрѣлъ, что бѣдствія челоуѣка происходятъ отъ челоуѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ непрямо на окружающіе его предмѣты. Уже ли, вѣщаль я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно, сокрыла истинну на вѣки? Уже ли сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я челоуѣку нашель утѣшителя въ немъ самомъ.

Всё освещает разум

мысль... то есть...

„Отъими завѣсу съ очей природнаго чувствованія — и блаженъ буду“. Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергли меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, что бы противиться заблужденію; и — веселіе неизреченное! я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть въ благодѣйствіи себѣ подобныхъ. — Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорилъ я самъ себѣ, я найду кого-либо, кто намѣреніе мое одобрить; кто ради благой цѣли, неопорочить неудачное изображеніе мысли; кто состраждетъ со мною надъ бѣдствіями собратіи своей; кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ; не сугубой ли плодъ произойдетъ отъ подъятаго мною труда?... Почто, почто мнѣ искать далеко кого-либо? Мой другъ! ты близъ моего сердца живешь — и имя твое да озаритъ сіе начало.

мысль... то есть... что можно... удачно

ЛЮБАНИ.

Зимою ли я ѣхалъ или лѣтомъ, для васъ думаю равно. Можетъ быть, и зимою и лѣтомъ. Не рѣдко то бываетъ съ путешественниками, поѣдутъ на саняхъ, а возвращаются на тѣлегахъ. — Лѣтомъ. — Бревешками вымощенная дорога замучила мой бока; я вылезъ изъ кибитки и пошелъ пешкомъ. Лежа въ кибиткѣ, мысли мои обращены были въ неизмѣримую міра. Отдѣляясь душевно отъ земли, казалось мнѣ, что удары кибиточные были для меня легче. — Но упражненія духовныя не всегда насъ отъ тѣлесности отвлекаютъ: и для сохраненія боковъ моихъ пошелъ я пешкомъ. — Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги увидѣлъ я папущаго ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрѣлъ я на часы. — Перваго сорокъ минутъ. — Я выѣхалъ въ субботу. — Сего дня праздникъ. — Папущей крестьянинъ принадлежитъ, конечно, помѣщику, которой оброку съ него не беретъ. — Крестьянинъ пашетъ съ великимъ тщаніемъ. — Нива, конечно не господская. — Соху поворачиваетъ съ удивительною легкостью. — Богъ въ помощь, сказалъ я, подошедъ къ пахарю, которой не останавливаясь доканчивалъ зачатую борозду. — Богъ въ помощь, повторилъ я. — Спасибо, баринъ, говорилъ мнѣ пахарь, стряхая сошникъ и переноса соху на новую борозду. — Ты, конечно, раскольникъ, что пашешь по воскресеньямъ? — Нѣтъ, баринъ, я прямымъ крестомъ крещусь, ска-

мысль... то есть... что можно... удачно

заль онъ; показывая мнѣ сложенный три перста. А Богъ милостивъ, съ голоду умирать не велитъ, когда есть силы и семья. — Развѣ тебѣ во всю недѣлю нѣтъ времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь да еще и въ самой жаръ? — Въ недѣлѣ то, баринъ, шесть дней, а мы шесть разъ въ недѣлю ходимъ на барщину; да подъ вечерокъ возимъ оставшее въ лѣсу сѣно на господской дворъ, коли погода хороша; а бабы и дѣвки, для прогулки ходятъ по праздникамъ въ лѣсъ по грибы да по ягоды. — Дай Богъ, (крестясь) чтобы подъ вечеръ сего дня дождикъ пошелъ. Баринъ, коли есть у тебя свои мужики, такъ они того же у Господа молятъ. — У меня, мой другъ, мужиковъ нѣтъ и для того ниго меня не кленеть. — Велика ли у тебя семья? Три сына и три дочки. Первинькому то десятый годокъ. — Какъ же ты успѣваешь доставать хлѣбъ, коли только праздникъ имѣешь свободнымъ? — Не одни праздники, и ночь наша. Не гнѣись нашъ братъ, то съ голоду не умереть. Видишь ли, одна лошадь отдыхаетъ: а какъ ея устанетъ, возмусь за другую; дѣло то и споро. Между тѣмъ пахарь запретъ другую лошадь въ соху и начавъ новую борозду со мною простился.

Разговоръ сего земледѣльца возбудилъ во мнѣ множество мыслей. Первое представилось мнѣ не равенство крестьянскаго состоянія. Сравнилъ я крестьянъ казенныхъ съ крестьянами помѣщичьими. Тѣ и другіе живутъ въ деревняхъ; но одни платятъ извѣстное, а другіе должны быть готовы платить то, что господинъ хочетъ. Одни судятся своими равными; а другіе въ законѣ мертвы, развѣ по дѣламъ уголовнымъ. — Членъ общества становится только тогда извѣстенъ правительству его охраняющему, когда нарушаетъ союзъ общественный, когда становится злодѣй! Сія мысль всю кровь во мнѣ воспалила.

Страшись, помѣщикъ жестокосердый, на челѣ каждого изъ твоихъ крестьянъ вижу я твое осужденіе. — Углубленный въ сихъ размышленіяхъ, я нечаянно обратилъ взоръ мой на моего слугу, который сидя на кибиткѣ передо мной, качался изъ стороны въ сторону. Вдругъ почувствовалъ я быстрый мразъ протекающій кровь мою, и прогоняя жаръ къ вершинамъ нудилъ его разпростираться по лицу. Мнѣ такъ стало во внутренности моей стыдно, что я едва не заплакалъ. Ты во гнѣвѣ твоемъ, говорилъ я самъ себѣ, устремляешь на гордаго Господина, изнуряющаго крестьянина своего на нивѣ своей; а самъ не то же ли или еще хуже того дѣлаешь.

Кому же свѣдѣть о грѣшности твоей?
 о грѣшности твоей?
 о грѣшности твоей?
 о грѣшности твоей?
 о грѣшности твоей?

Какое преступленіе сдѣлалъ бѣдный твой Петрушка, что ты ему воспрещаетъ пользоваться ^{усладителемъ} напихъ бѣдствій, величайшимъ даромъ природы несчастному, сномъ. — Онъ получаетъ плату, сытъ, одѣтъ, ни когда я его не сѣку ни плетью, ни батожемъ. (О умѣренной человѣкъ!) — и ты думаешь, что кусокъ хлѣба, и доскутъ сукна тебѣ дадутъ право поступать съ подобнымъ тебѣ существомъ, какъ съ кубаремъ, и темъ ты только хвастаешь, что не часто подеваешь его въ его вертѣни. Вѣдаешь ли, что въ первенствѣнномъ уложеніи, въ сердцѣ каждого написано? Если я кого ударю, тотъ и меня ударить можетъ. — Вспомни тотъ день, какъ Петрушка пьянъ былъ и не поспѣлъ тебя одѣтъ. Вспомни о его пощечинѣ. О есть ли бы онъ тогда, хотя пьяной опомнился, и тебѣ отвѣчалъ бы соразмѣрно твоему вопросу! — А кто тебѣ далъ власть надъ нимъ? — Законъ. — Законъ? И ты смѣешь поносить сіе священное имя? Несчастный... Слезы потекли изъ глазъ моихъ; и въ такомъ положеніи почтовые клячи дотащили меня до слѣдующаго стана.

СПАСКАЯ ПОЛѢСТЬ.

...Мнѣ представилось, что я Царь, Шахъ, Ханъ, Король, Бей, Набабъ, Султанъ, или какое то сихъ названій нѣчто, сѣдящее во власти на Престолахъ. Мѣсто моего возсѣденія было изъ чистаго злата, и хитро изкладенными драгими разнаго цвѣта каменьями, блистало лучезарно. Ничто сравниться немогло съ блескомъ моихъ одеждъ. Глава моя украшалася вѣнцемъ лавровымъ. Вокругъ меня лежали знаки власть мою изъясляющіе... Съ робкимъ подобострастіемъ, и взоры мои ловящи стояли вокругъ престола моего чины Государственныя. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ престола моего, толшилося безчисленное множество народа, коего разныя одежды, черты лица, осанка, видъ и станъ, различіе ихъ племени возвѣщали. Трепетное ихъ молчаніе увѣряло меня, что они всѣ воли моей подвластны...

Глубочайшее въ собраніи семъ присудствовало молчаніе; казалось, что всѣ въ ожиданіи были важнаго какого происшествія, отъ коего спокойствіе и блаженство всего общества зависѣли. Обращенный самъ въ себя и чувствуя глубоко вкорѣнившуюся скуку въ душѣ моей, отъ насыщающаго скоро единообразія происходящую, я долгъ отдалъ естеству

продвинувшись вперед, ²⁶⁰ — поспрашиваю.

и ротъ разинувъ до ушей, зѣвнулъ въ всю мочь. Всѣ вняли чувствованію души моей. Внезапу смятеніе распростерло мрачной покровъ свой по чертамъ веселія, улыбка улѣтала со устъ нѣжности, и блескъ радованія съ ланидъ удовольствія. Искаженные взгляды и озираніе, являли нечаянное нашествіе ужаса и предстоящія бѣды. Слышны были вздохи, колющіе предтечи скорби; и уже начинало раздаваться задерживаемое присутствіемъ страха стенаніе. Уже скорыми въ сердца всѣхъ стопами шествовало отчаяніе и смертныя содраганія, самыя кончины мучительнѣе. Тронутый до внутренности сердца толико печальнымъ зрѣлищемъ, ланидныя мышцы нечувствительно стянулись ко ушамъ моимъ, и растягивая губы, произвели въ чертахъ лица моего кривленіе, улыбка подобное, за коимъ я чхнулъ весьма звонко. Подобно какъ въ мрачную атмосферу густымъ туманомъ отягченную, проникаетъ полуденный солнца лучь...

Такъ при улыбкѣ моей развѣялся видъ печали на лицахъ всего собранія посѣлившейся; радость проникла сердца всѣхъ быстро, и неосталось косаго вида неудовольствія нигдѣ. Всѣ начали восклицать: да здравствуетъ нашъ великій Государь, да здравствуетъ на вѣки. Подобно тихому полуденному вѣтру, помавающему листья деревъ, и любострастное производящему въ дубравѣ шумленіе, такъ во всемъ собраніи радостное шептаніе раздавалось. Иной въ полголоса говорилъ: онъ усмирилъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, расширилъ предѣлы отечества, покорилъ тысячи разныхъ народовъ своей державѣ. Другой восклицалъ: онъ обогатилъ государство, расширилъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю, онъ любитъ науки и художества, поощряетъ земледѣліе и рукодѣліе. Женщины съ нѣжностью вѣщали: онъ недалъ погибнуть тысячамъ полезныхъ согражданъ избавя ихъ до сосца еще гибельныя кончины. Иной съ важнымъ видомъ возглашалъ: онъ умножилъ государственные доходы, народъ облегчилъ отъ податей, доставилъ ему надежное пропитаніе. Юношество, съ восторгомъ руки на Небо простирая рѣкло: онъ милосердъ, правдивъ, законъ его для всѣхъ равенъ, онъ почитаетъ себя первымъ его служителемъ. Онъ законодатель мудрый, судія правдивый, исполнитель ревностный, онъ паче всѣхъ Царей великъ, онъ вольность даруетъ всѣмъ.

Рѣчи таковыя, ударя въ тимпанъ моего уха, громко раздавались въ душѣ моей. Похвалы сіи истинными въ разумѣ моемъ изображались, ибо сопутствуемы были искренности

наружными чертами. Таковыми ихъ приѣмля душа моя возвышалася надъ обыкновеннымъ зрѣнію кругомъ; въ существѣ своемъ разширялась и вся объемля, касалася степеней Божественной премудрости. Но ничто не сравнилось съ удовольствіемъ самоодобренія при раздаваніи моихъ приказаній. Первому военачальнику повелѣвалъ я ити съ многочисленнымъ войскомъ на завоеваніе земли, цѣлымъ небеснымъ поясомъ отъ меня отдѣленной.

Государь, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, слава единая имени твоего, побѣдитъ народы оную землю населяющіе. Страхъ предшествовать будетъ оружію твоему, и возвращу приносяй дань Царей сильныхъ. — Учредителю плаванія я рекъ; да корабли мои разсѣются по всѣмъ морямъ, да узрятъ ихъ невѣдомые народы; флагъ мой да извѣстенъ будетъ на Севѣрѣ, Востокѣ, Югѣ и Западѣ.

Исполню Государь. — И полѣтъль на исполненіе яко вѣтръ опредѣленный надувать вѣтрила корабельные. — Возвѣсти до дальнѣйшихъ предѣловъ моя области, рекъ я хранителю законовъ, се день рожденія моего, да ознаменится онъ въ лѣтописяхъ на вѣки отпущеніемъ повсемѣстнымъ. Да отверзутся темницы, да изыдутъ преступники, и да возвратятся въ дома свои, яко заблудшіе отъ истиннаго пути. — Милосердіе твое, Государь! есть образъ всещедрого существа. Бѣгу возвѣстити радость скорбящимъ отцамъ по чадѣхъ ихъ, супругамъ по супругамъ ихъ. — Да воздвигнутся, рекъ я первому зодчію, великолѣпнѣйшія зданія для убѣжища муссъ, да украсятся подражаніями природы разнообразными; и да будутъ онѣ ненарушима, яко небесныя жительницы, для нихъ же онѣ уготовляются. — О премудрый, отвѣчалъ онъ мнѣ, егда веленіямъ твоего гласа стихіи повиновалися, и совокупя силы свои учреждали въ пустыняхъ и на дебряхъ обширные грады, превосходящіе великолѣпнѣмъ славнѣйшіе въ древности; колико маловаженъ будетъ сей трудъ для ревностныхъ исполнителей твоихъ вѣднѣй. Ты рекъ, и грубые строенія припасы уже гласу твоему внемлютъ. — Да отверзется нынѣ, рекъ я, рука щедроты, да изліются остатки избытка на немощствующихихъ, сокровища ненужныя да возвратятся къ ихъ источнику. — О всещедрый Владыко, всевышнимъ намъ дарованный, отецъ своихъ чадъ, обогатитель нищаго, да будетъ твоя воля. — При всякомъ моемъ изреченіи всѣ предстоящіе восклицали радостно и плесканіе рукъ нетокмо сопровождало мое слово, но даже предъупреждало мысль.

На царя

Всаканство
забаву о
мисер. и
и скар...

и скар...

Ты познаешь вѣрныхъ своихъ подданныхъ, которые вѣ дали отъ тебя, не тебя любятъ, но любятъ отечество; которые готовы всегда на твое поражение, если оно отмститъ порабощеніе челоуѣка. Но невозмутятъ они гражданскаго покоя безвременно, и безъ пользы. Ихъ призиви себѣ въ друзей. Измени сию гордую чернь, тебѣ предстоящую и прикрывшую срамоту души своей позлащенными одеждами. Они то истинные твои злодѣи, затмѣвающіе очи твои, и входъ мнѣ въ твои чертоги воспрещающе. Единъ разъ являюся я Царямъ во все время ихъ царствования, да познають меня въ истинномъ моемъ видѣ; но я никогда не оставляю жилища смертныхъ. Пребываніе мое неестъ въ чертогахъ царскихъ...

Но я вѣщаю тебѣ, поживу въ предѣлахъ твоего обладанія. Егда восхождешь меня видѣти, егда осажденная козьями ласкательства душа твоя, взалкаетъ моего взора, воззови меня изъ твоея отдаленности; гдѣ слышенъ будетъ твердый мой гласъ, тамъ меня и обрящешь. Неубойся гласа моего николи. Если изъ среды народныя возникнетъ мужъ порицающій дѣла твоя, вѣдай, что той есть твой другъ искренній. Чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета, онъ твердымъ гласомъ возвѣститъ меня тебѣ. Блюдись и не дерзай его казнити, яко общаго возмутителя. Призови его, угости его яко странника. Ибо всякъ, порицающій Царя въ самовластіи его, есть странникъ земли, гдѣ все предъ нимъ трепещетъ. Угости его, вѣщаю, почти его, да возвратившися возможетъ онъ паче и паче глаголати недѣливо. Но таковыя твердыя сердца бываютъ рѣдки; едва единъ въ цѣломъ столѣтіи явится на свѣтскомъ ристалищѣ. А дабы бдѣтельность твоя не усыплялася нѣгою власти, се кольцо дарую тебѣ, да возвѣститъ оно тебѣ твою неправду, когда на нее дерзать будешь...

Но обрати теперь взоры свои на себя и на предстоящихъ тебѣ, возри на исполненіе твоихъ велѣній, и если душа твоя несодрогнется отъ ужаса при взорѣ таковомъ, то отъиду отъ тебя и чертогъ твой заглядится навсегда въ памяти моей".

Изреченія странницы лице казалось веселымъ и вещественнымъ сіяющее блескомъ. Возрѣніе на нее вливало въ душу мою радость.

Взглянувъ вокругъ себя просвѣтленными глазами, властитель увидалъ все въ новомъ видѣ и содрогнулся. Вельможи, пользовавшіеся его довѣріемъ и управлявшіе различными важными дѣлами государства, были не достойны этого довѣрія. Самыя лучшія намѣре-

ня властителя на дѣлѣ искажались и шли мимо цѣли, его добротой пользовались не тѣ, на кого онъ ее направлялъ, а тѣ, кто стоялъ къ нему близко и умѣлъ его обмануть.

Едва, едва досязали слабые источники моей щедроты за стѣнчиваго достоинства и стыдливыя заслуги. Слезы пролились изъ очей моихъ и сокрыли отъ меня толь бѣдственные представленія безразсудной моей щедроты... Возревѣлъ я яростію гнѣва. Недостойные преступники, злодѣи! вѣщайте, почто во зло употребили довѣренность Господа вашего? предстаньте нынѣ предъ судію вашего. Возтрепещите въ окаменѣлости злодѣянія вашего. Чѣмъ можете оправдать дѣла ваши? Что скажете во извиненіе ваше? Се онъ, его же призову изъ хижины уничиженія. Приди, вѣщаль я старцу, коего созерцалъ въ краѣ обширныхъ моея области, кроющагося подъ заросшею мхомъ хижиною, приди облегчить мое бремя; приди и возврати покой томящемуся сердцу и востревоженному уму.

Изрекши сіе, обратилъ я взоръ мой на мой санъ, позналъ обширность моея обязанности, позналъ, откуда протекаетъ мое право и власть. Возтрепеталъ во внутренности моей, убоаяся служенія моего. Кровь моя пришла въ жестокое волненіе, и я пробудился. — Еще неопомнившись, схватилъ я себя за палець, но тернового кольца на немъ небыло. О если бы оно пребывало хотя на мизинцѣ Царей!

Властитель міра, если читая сонъ мой, ты улыбнешся съ насмѣшкою, или нахмуришь чело, вѣдай, что видѣнная мною странница отлетѣла отъ тебя далеко и чертоговъ твоихъ гнушается.

БРОННИЦЫ.

Рѣчь идетъ о селѣ Бронницы, около Новгорода. Тамъ была гора, „на которой“ — пишетъ Радищевъ — „сказывають, въ древнія времена, до пришествія, думаю, Славянъ, стоялъ храмъ, славившійся тогда издаваемыми въ ономъ проріцаніями... Нынѣ же на мѣстѣ славнаго древняго капища построена малая церковь“.

...— Я опомнился, достигъ вершины горы, и узрѣвъ церковь возвелъ я руки на небо. Господи, возопилъ я, се храмъ твой, се храмъ, вѣщаютъ, истиннаго, единого Бога. На мѣстѣ семъ, на мѣстѣ твоего нынѣ пребыванія, повѣствуютъ, стоялъ храмъ заблужденія. Но немогу повѣрить, о Всесильный! что бы человекъ мольбу сердца своего воз-

сылать ко другому какому-либо существу, а не къ тебѣ. Мощная дѣснаца твоя, невидимо всюду простертая, и самага отрицателя всемогущія воли твоя нудить признавати природы строителя и содержателя. Если смертный въ заблужденіи своемъ, странными, непристойными и звѣрскими нарицаеть тебя именованиями, почитаніе его однако же стремится къ тебѣ, предвѣчному, и онъ трепещеть предъ твоимъ могуществомъ. Егова, Юпитерь, Брама; Богъ Авраама, Богъ Моисея, Богъ Конфуція, Богъ Зороастра, Богъ Сократа, Богъ Марка Аврелія, Богъ Христіанъ, о Богъ мой! Ты единъ повсюду. Если въ заблужденіи своемъ смертные, казалося, не тебя чтили одинаго; но боготворили они твои несравненныя силы, твои неуподобляемыя дѣла. Могущество твое, вездѣ и во всемъ ощущаемое, было вездѣ и во всемъ покланяемо. Безбожникъ, тебя отрицающій, признавая природы законъ непремѣнный, тебѣ же приноситъ тѣмъ хвалу, хваля тебя паче нашего пѣсногнѣя. Ибо проникнутый до глубины своея изящностію твоего творенія, ему предстоитъ трепѣтень. — Ты ищешь, отецъ всещедрый, искренняго сердца и души непорочнои; они отверсты вездѣ на твое пришествіе. Сиди Господи и воцарися въ нихъ. — И пребылъ я нѣсколько мгновеній отриновень окрестныхъ мнѣ предмѣтовъ, низшедъ во внутренность мою глубоко.

КРЕСТЫЦЫ.

На станціи Крестыцы авторъ встрѣтилъ пожилого дворянина, который разставался съ двумя юношами, своими сыновьями, отпуская ихъ въ военную службу. На прощанье отецъ подробно объяснилъ дѣтямъ, какихъ правилъ держался онъ съ женой при ихъ воспитаніи. Эти убѣжденія родителей должны были служить дѣтямъ опорой въ самостоятельной жизни. Въ уста Крестецкаго дворянина авторъ вложилъ собственный идеалъ воспитанія.

... Но если я исполнилъ должность мою въ воспитаніи вашемъ, обязанъ сказать нынѣ вамъ вину, почто васъ такъ, а не иначе воспитывалъ и для чего сему, а не другому васъ научилъ; и для того услышите повѣсть о воспитаніи вашемъ, и познайте вину всѣхъ моихъ надъ вами дѣяній.

Со младенчества вашего принужденія вы не чувствовали. Хотя въ дѣяніяхъ вашихъ вождаемы были рукою моею, не ощущали однакоже николи ея направленія. Дѣянія ваши были предъзнаты и предваряемы; нехотѣлъ я, что бы ро-

бость или послушаніе повиновенія, малѣйшею чертою ознаменовала на васъ тяжесть своего перста. И для того духъ вашъ нетерпящъ велѣнія безразсуднаго, кротовъ къ совѣту дружества. Но если младенцамъ вамъ сущимъ, находить я, что уклонялися отъ пути мною назначеннаго, устремляемы случайнымъ удареніемъ, тогда остановлялъ я ваше шествіе, или лучше сказать, непримѣтно вводилъ въ нрежній путь, яко потокъ оплоты прорывающій, искусною рукою обращается въ свои берега.

Робкая нѣжность неprisудствовала во мнѣ, когда казалось, нерачилъ объ охраненіи васъ отъ непріязненности стихій и погоды. Желалъ лучше, что бы на мгновение тѣло ваше оскорбилось преходящею болью, нежели дебели пребудете въ возрастъ совершенномъ! И для того почаству ходили вы босы непокровенную имѣя главу; въ пыли, въ грязи, возлѣжали на отдохновеніе, на скаміи или на камени. Неменьше старался я, удалить васъ отъ убійственной пищи и питія. Труды наши лучшая была приправа въ обѣдѣ нашемъ. Воспомните, съ какимъ удовольствіемъ обѣдали мы въ деревнѣ намъ неизвѣстной, ненашедъ дороги къ дому. Сколь вкусенъ намъ казался тогда хлѣбъ ржаной и квасъ деревенскій! Неробщите на меня, если будете иногда осмѣяны, что неимѣете казистаго возшествія, что стоите, какъ тѣлу вашему покойнѣе, а не какъ обычай или мода велить; что одѣваетея не со вкусомъ, что волосы ваши вудрятя рукою природы, а не чесателя. Неробщите, если будете небрежны въ собраніяхъ, а особливо отъ женщинъ, для того что не умѣете хвалить ихъ красоту; но вспомните, что вы бѣгаете быстро, что плаваете неутомляясь, что подымаете тяжести безъ натуги, что умѣете водить соху, вскопать гряду, владѣете косою и топоромъ, стругомъ и долотомъ; умѣете ѣздить верхомъ, стрѣлять. Неопечальтесь, что вы скакать не умѣете какъ скоморохи...

Но вы умѣете изображать животныхъ и неодушевленныхъ, изображать черты Царя природы, человѣка. Въ живописи найдете вы истинное услажденіе нетокмо чувствъ, но и разума. — Я васъ научилъ музыкѣ, дабы дрожащая струна согласно вашимъ нервамъ, возбуждала дремлющее сердце; ибо музыка приводя внутренность въ движеніе, дѣлаеть мягкосердіе въ насъ привычкою. — Научилъ я васъ и варварскому искусству сражаться мечемъ. Но сіе искусство да пребудеть въ васъ мертво, доколѣ собственная сохраннысть

Кан самозвеще...

того не востребуеть. Оно, уповаю, не сдѣлаеть васъ наглými; ибо вы твердой имѣете духъ, и обиду не сочтете, если оселъ васъ улягнуть, или свинья смраднымъ до васъ коснется рыломъ. Не бойтесь сказать никому, что вы корову доить умѣете, что шти и кашу сварите, или зажаренной вами кусокъ мяса будетъ вкусенъ. Тотъ, кто самъ умѣеть что сдѣлать, умѣеть заставить сдѣлать, и будетъ на погрѣшности снисходителенъ, зная всѣ въ исполненіи трудности. Во младенчествѣ и отрочествѣ, неотягощаль я разсудка вашего готовыми размышлениями, или мыслями чуждыми, неотягощаль памяти вашей излишними предметами. Но предложивъ вамъ пути къ познаниямъ, съ тѣхъ поръ, какъ начали разума своего ощущати силы, сами шествуете къ отверстой вамъ стезѣ. Познания ваши тѣмъ основательнѣе, что вы ихъ приобрѣли нетвердя, какъ то говорятъ по пословицѣ, какъ сорока якова. Слѣдуя сему правилу, доколѣ силы разума не были въ васъ дѣйствующи, не предлагаль я вамъ донятія о всевышнемъ существѣ, и еще менѣе объ откровеніи. Ибо то, что бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы въ васъ предразудокъ и разсужденію бы мѣшало. Когда же я узрѣль, что вы въ сужденіяхъ вашихъ вождаетесь разсудкомъ, то предложилъ вамъ связь понятій, ведущихъ къ познанію Бога; увѣренъ во внутренности сердца моего, что всещедрому Отцу пріятнѣе зрѣти двѣ непорочныя души, въ коихъ свѣтильникъ познаній, не предразудкомъ возжигается, но что они сами возносятся къ начальному огню на возгорѣніе. Предложилъ я вамъ тогда о законѣ откровенномъ, не сокрывая отъ васъ все то, что въ опроверженіе онаго сказано многими. Ибо желалъ, что бы вы могли сами избирать между млеко́мъ и желчію, и съ радостію видѣль, что воспріяли вы сосудъ утѣшенія неробко...

ХОТИЛОВЪ.

(Проектъ уничтоженія крѣпостного права.)

Извѣстно вамъ изъ дѣяній отцевъ вашихъ, извѣстно всѣмъ изъ нашихъ лѣтописей, что мудрые правители нашего народа, истиннымъ подвизаемы человеколюбіемъ, дознавъ естественную связь общественнаго союза, старались положить предѣль стоглавному сему зду. Но державныя ихъ подвиги утщетилися, извѣстнымъ тогда, гордыми своими преимуще-

ствами въ государствѣ нашемъ, чиновосостояніемъ, но нынѣ обветшалымъ и въ презрѣніе впадшимъ, дворянствомъ наслѣдственнымъ. Державные предки наши, среди могущества силъ скипетра своего, немощны были на разрушеніе оковъ гражданскія неволи. Нетокмо они немогли исполнить своихъ благихъ намѣреній, но ухищреніемъ помянутаго въ государствѣ чиновосостоянія, подвигнуты стали на противныя разсудку ихъ и сердцу правила. Отцы наши зрѣли губителей сихъ, со слезами можетъ быть сердечными, сожимающихъ узы и отягчающихъ оковы, наиполезнѣйшихъ въ обществѣ сочленовъ.

Земледѣльцы и доднесъ между нами рабы; мы въ нихъ непознаемъ согражданъ намъ равныхъ, забыли въ нихъ человѣка. О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны отечества! возрите окрестъ васъ, и познайте заблужденіе ваше.

Но нѣтъ ничего вреднѣе, какъ всегдашнее на предметы рабства возрѣніе. Съ одной стороны родится надмѣнность, а съ другой робость. Тутъ никакой неможно быть связи, развѣ насиліе. И сіе, собираясь въ малую среду, властно-державное свое дѣйствіе простираетъ всюду тяжко. Но поборники неволи, власть и остріе въ рукахъ имѣющіе, сами ключимые во узахъ, наияростнѣйшіе оныя бываютъ проповѣдники. Кажется, что духъ свободы толико въ рабахъ изсякаетъ, что нетокмо нежелаютъ скончать своего страданія, но тягостно имъ зрѣти, что другіе свободствуютъ. Оковы свои возлюбляютъ, если возможно человѣку любить свою пагубу. Мнѣ мнится въ нихъ зрѣти змію, совершившую паденіе перваго человѣка. — Примѣры властвованія суть разительны. Мы сами, признаться должно, мы ополченные палицею мужества и природы на сокрушеніе столбнаго чудовища, иссасающаго пищу общественную, уготованную на прокормленіе гражданъ, мы поползнулися, можетъ быть, на дѣйствія самовласти, и хотя намѣренія наши были всегда благи и къ блаженству цѣлаго стремились; но поступокъ нашъ державный полезностию своею оправдаться не можетъ. И такъ нынѣ молимъ васъ, отпущенія нашего неумышленнаго дерзновенія.

Невѣдаете ли, любезные наши сограждане, коликая намъ предстоитъ гибель, въ коликой мы возвращаемся опасности. Загрубѣлыя всѣ чувства рабовъ, и благимъ свободы мановеніемъ въ движеніе неприходящія. тѣмъ укрѣпять и усовер-

шенствуют внутреннее чувствованіе. Потокъ, загражденный въ стремленіи своемъ, тѣмъ сильнѣе становится, чемъ тверже находить противостояніе. Прорвавъ оплотъ единожды, ни что уже въ разлитіи его противиться ему невозможно. Таковы суть братія наши, въ узахъ нами содержимые. Ждутъ случая и часа. Колоколъ ударяетъ. И се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечъ и отраву. Смерть и пожиганіе намъ будетъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе.

И чѣмъ медлительнѣе и упорнѣе мы были въ разрѣшеніи ихъ узъ, тѣмъ стремительнѣе они будутъ во мщеніи своемъ. Приведите себѣ на память прежнія повѣствованія. Даже обольщеніе, колико яростныхъ сотворило рабовъ на погубленіе господъ своихъ! Прельщенные грубымъ самозванцемъ текутъ ему во слѣдъ, и ничего толико нежелаютъ, какъ освободиться отъ ига своихъ властителей; въ невѣжествѣ своемъ другаго средства къ тому неумыслили, какъ ихъ умерщвленіе. Не щадили они ни пола, ни возраста. Они искали паче веселію мщенія, нежели пользу сотрясенія узъ.

Вотъ что намъ предстоитъ, вотъ чего намъ ожидать должно. Гибель возносится горѣ постепенно, и опасность уже вращается надъ главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждетъ часа удобности, и первый льстецъ, или любитель человѣчества, возникши на пробужденіе несчастныхъ, ускорить его махъ. Блюдитесь.

Но если ужасъ гибели, и опасность потрясенія стяжаній, подвигнуть можетъ слабого изъ васъ, не ужели небудемъ мы толико мужественны въ побѣжденіи нашихъ предразсужденій, въ поправленіи нашего корыстолюбія и не освободимъ братію нашу изъ оковъ рабства, и невозстановимъ природное всѣхъ равенство? Вѣдая сердецъ вашихъ расположеніе, пріятнѣе имъ убѣдиться доводами, въ человѣческомъ сердцѣ почерпнутыми, нежели въ изчисленіяхъ корыстолюбиваго благоразумія, а менѣе еще въ опасности. Идите, возлюбленные мои, идите въ жилища братіи вашей, возвѣстите о премѣнѣ ихъ жребія. Вѣщайте съ ощущеніемъ сердечнымъ: подвигнутые на жалость вашего участію, соблѣзнуя о подобныхъ намъ, дознавъ ваше равенство съ нами, и убѣжденные общою пользою, пришли мы да лобзаемъ братію нашу. Оставили мы гордое различіе, насъ толико времени отъ васъ отдѣлавшее, забыли мы существовавшее между нами неравенство, возторжествуемъ нынѣ о побѣдѣ

нашей, и сей день, въ онъ же сокрушаются оковы согражданъ намъ любѣзныхъ, да будетъ знаменитѣйшій въ лѣтописяхъ нашихъ. Забудьте наше прежнее злодѣйство на васъ, и да возлюбимъ другъ друга искренно.

Се будетъ глаголь вашъ; се слышится онъ уже во внутренности сердецъ вашихъ. Немѣдите, возлюбленные мои. Время лѣтить, дни наши переходятъ въ недѣйствіи. Да не скончаемъ жизни нашея, возъмѣвъ только мысль благую, и невозможши ее исполнить. Да не воспользуется тѣмъ потомство наше, да не пожнетъ вѣнца нашего, и съ презрѣніемъ о насъ да не скажетъ: они были.

Вотъ что я прочелъ въ замаранной грязью бумагѣ, которую поднялъ я передъ почтовымъ избою, выгѣзая изъ кибитки моей...

Между тѣмъ, какъ лошадей моихъ перепрягали, я любопытствовалъ, разсматривая доставшія мнѣ бумаги. Множество нашелъ я подобныхъ той, которую читалъ. Вездѣ я обрѣталъ разположенія челоуѣколюбиваго сердца, вездѣ видѣлъ гражданина будущихъ временъ. Болѣе всего видно было, что другъ мой пораженъ былъ несообразностію гражданскихъ чиновосостояній. Пѣлая связка бумагъ и начертаній законоположеній относилася къ уничтоженію рабства въ Россіи. Но другъ мой, вѣдая, что вышшая власть недостаточна въ силахъ своихъ, на претвореніе мнѣній мгновенно, начерталъ путь повременнымъ законоположеніямъ, къ постепенному освобожденію земледѣльцовъ въ Россіи. Я здѣсь покажу шестіе его мыслей. Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго. Сіе послѣднее уничтожается прежде всего, и запрещается поселянъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи написанныхъ брать въ дома. Буде помѣщикъ возьметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ. Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія своего господина. Запретить брать выводныя деньги. Второе положеніе относится къ собственности и защитѣ земледѣльцовъ. Удѣлъ въ землѣ ими обрабатываемой, должны они имѣть собственностію; ибо платятъ сами пѣдущую подать. Приобретенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно. Возстановленіе земледѣльца во званіе гражданина. Надлежитъ ему судиму быть ему равными, то есть въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Доз-

волить крестьянину приобретать недвижимое имѣніе, то есть покупать землю. Дозволить невозбранное приобретение вольности, платя господину за отпускную, известную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда. Изчезни, варварское обыкновеніе, разрушья власть тигровъ! вѣщаетъ нашъ законодатель... За симъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства... Но теперь дуга коренной лошади звенить уже въ колокольчикъ и зоветъ меня къ отъѣзду; и для того я за благо положилъ, лучше разсуждать о томъ, что выгоднѣе для ѣдущаго на почтѣ, что бы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднѣе для почтовой клячи, быть иноходцемъ или скакуномъ? нежели заниматься тѣмъ, что не существуетъ.

наказаніе
поп. клячи
до не
увлеклася
ведетъ
и нар. раб.
въ сумою
происъ въ
и сѣмъ. и уа
и сѣмъ
и сѣмъ
и сѣмъ

ГОРОДНЯ.

Сибирь
и сѣмъ
и сѣмъ
и сѣмъ

Здѣсь авторъ засталъ рекрутскій наборъ со всѣми тогдашними его ужасами, слезами и отчаяньемъ. Въ толпѣ рекрутовъ вниманіе его обратилъ на себя одинъ уже не первой молодости человекъ, который шелъ на службу съ радостью. Спрошенный авторомъ о причинѣ его радости, онъ разсказалъ ему свою исторію.

и сѣмъ
и сѣмъ

Если вы непоскучаете слышать моей повѣсти, то я вамъ скажу, что я родился въ рабствѣ; сынъ дядьки моего бывшаго господина. Сколь восхищаюсь я, что неназовутъ уже меня Ванькою, ни поносительнымъ именованіемъ, ни позыва недѣлаютъ свистомъ. Старой мой баринъ, человекъ добросердечной, разумной и добродѣтельной, нерѣдко рыдавшій надъ участію своихъ рабовъ, хотѣлъ за долговременныя заслуги отца моего, отличить и меня, давъ мнѣ воспитаніе наравнѣ съ своимъ сыномъ. Различія между нами почти не было, развѣ только то, что онъ на кафтанѣ носилъ сукно моего потонѣ. Чему учили молодого боярина, тому учили и меня; наставленія намъ во всемъ были одинаковы, и безъ хвастовства скажу, что во многомъ я лучше успѣлъ своего молодого господина.

и сѣмъ
и сѣмъ

Ванюша, говорилъ мнѣ старой баринъ, щастіе твое зависитъ совсемъ отъ тебя. Ты болѣе къ учености и нравственности имѣешь побужденій, нежели мой сынъ. Онъ по мнѣ будетъ богатъ, и нужды не узнаетъ, а ты съ рожденія съ нею познакомился. И такъ старайся быть достоинъ моего о тебѣ попеченія. — На семнадцатомъ году возраста молодого моего барина отправленъ былъ онъ и я въ чужіе край съ надзи-

и сѣмъ
и сѣмъ
и сѣмъ

рателемъ, коему предписано было, меня почитать сопутникомъ, а не слугою. Отправляя меня старой мой баринъ сказалъ мнѣ: надѣюсь, что ты возвратишься къ утѣшенію моему и своихъ родителей. Рабъ ты въ предѣлахъ сего государства, но внѣ оныхъ ты свободенъ. Возвратясь же въ оное, узъ рожденіемъ твоимъ на тебя положенныхъ, ты не обрящешь. Мы отсутственны были пять лѣтъ, и возвращались въ Россію; молодой мой баринъ въ радости видѣть своего родителя, а я признаюсь, ласкаясь пользоваться сдѣланнымъ мнѣ обѣщаніемъ. Сердце трепетало, вступая опять въ предѣлы моего отечества. И по истинѣ предчувствіе его было неложно. Въ Ригѣ молодой мой господинъ получилъ извѣстіе о смерти своего отца. Онъ былъ оною тронутъ, я приведенъ въ отчаяніе. Ибо всѣ мои старанія, приобрѣсти дружбу и довѣренность молодого моего барина, всегда были тщетны. Онъ не только меня не любилъ, изъ зависти можетъ быть, тѣснымъ душамъ свойственной, но ненавидѣлъ.

Примѣтивъ мое смятеніе, извѣстіемъ о смерти его отца произведенное, онъ мнѣ сказалъ, что сдѣланное мнѣ обѣщаніе не позабудетъ, если я того буду достоинъ. Въ первый разъ, онъ осмѣлился мнѣ сіе сказать, ибо получивъ свободу смертію своего отца, онъ въ Ригѣ же отпустилъ своего надзирателя, заплативъ ему за труды его щедро. Справедливость надлежитъ отдать бывшему моему господину, что онъ много имѣетъ хорошихъ качествъ, но робость духа и легкомысліе оныя помрачаютъ.

Черезъ недѣлю послѣ нашего въ Москву приѣзда, бывшей мой господинъ влюбился въ изрядную лицомъ дѣвицу, которая съ красотою тѣлесною соединяла скареднѣйшую душу, и сердце жестокое и суровое. Воспитанная въ надмѣнности своего происхожденія, отличностію почитала только внѣшность, знатность, богатство. Черезъ два мѣсяца она стала супругою моего барина, и моя повелительница. До того времени я нечувствовалъ переменъ въ моемъ состояніи, жилъ въ домѣ господина моего, какъ его сотоварищъ. Хотя онъ мнѣ ничего не приказывалъ, но я предъупреждалъ его иногда желаніи, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порогъ дому, въ которомъ она опредѣлялась начальствовать, какъ я почувствовалъ тягость моего жребія. Первой вечеръ по свадьбѣ и слѣдующій день, въ которой я ей представленъ супругомъ ея какъ его сотоварищъ, она занята была обыкновенными заботами новаго супружества; но въ вечеру когда

при довольно многолюдномъ собраніи, пришли всѣ къ столу, и сѣли за первой ужинъ у новобрачныхъ, и я по обыкновенію моему, сѣлъ на моемъ мѣстѣ на нижнемъ концѣ, то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу, если онъ хочетъ, чтобъ она сидѣла за столомъ съ гостями, то бы холопей за оной несажалъ. Онъ, взглянувъ на меня и движимъ уже ею, прислалъ ко мнѣ сказать, что бы я изъ за стола вышелъ; и ужиналъ бы въ своей горницѣ. Вообразите, koliko чувствительно мнѣ было сіе уничиженіе. Я, скрывъ однако же изступающія изъ глазъ моихъ слезы, удалился. На другой день несмѣлъ я показаться. Ненавѣдываясь обо мнѣ, принесли мнѣ обѣдъ мой и ужинъ. То же было и въ слѣдующіе дни. Черезъ недѣлю послѣ свадьбы, въ одинъ день, послѣ обѣда, новая госпожа, осматривая домъ и разпредѣляя всѣмъ служителямъ должности и жилище, зашла въ мои комнаты. Онѣ для меня уготованы были старымъ моимъ бариномъ. Меня небыло дома. Неповторю того, что она говорила, будучи въ оныхъ, мнѣ въ посмѣяніе, но возвратясь домой мнѣ сказали ея приказъ, что мнѣ отведенъ уголъ въ нижнемъ этажѣ, съ холостыми офиціантами; гдѣ моя постеля, сундукъ съ платьемъ и бѣльемъ уже были поставлены; все прочее она оставила въ прежнихъ моихъ комнатахъ, въ коихъ помѣстила своихъ дѣвокъ.

Что въ душѣ моей происходило слыша сіе, удобнѣе чувствовать, если кто можетъ, нежели описать. Но дабы не занимать васъ излишнимъ можетъ быть повѣствованіемъ, госпожа моя, вступивъ въ управленіе дома, и не находя во мнѣ способности къ услугѣ, поверстала меня въ лакеи, и надѣла на меня ливрѣю. Малѣйшее мнимое упущеніе сея должности влекло за собою пощечины, батожье, кошки. О, государь мой, лучше бы мнѣ переродиться! Кoliko кратъ негодовалъ я на умершаго моего благодѣтеля, что далъ мнѣ душу на чувствованіе. Лучше бы мнѣ было возрасти въ невѣжествѣ, недумавъ никогда, что есмь человекъ всѣмъ другимъ равный.

Наконецъ онъ отданъ былъ въ солдаты, послѣ того какъ рѣшительно отказался жениться на провинившейся горничной своей госпожи, не смотря на всѣ жестокия принужденія. Онъ считалъ это послѣднее наказаніе истиннымъ избавленіемъ.

21. М. М. Херасковъ.

Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ былъ писателемъ посредственнаго таланта, но имѣлъ въ XVIII в. очень высокую репутацію. Современники цѣнили его за то, что онъ далъ русской литературѣ эпическую поэмъ, не имѣть которой въ ложноклассическѣй вѣкъ считалось какъ-то неприличнымъ для большого и сильнаго народа. Но была и другая причина, поднимавшая значеніе Хераскова даже выше размѣровъ его таланта. Онъ былъ развитой человекъ, искренній и благородный по натурѣ, горячо привязанный къ интересамъ литературы, просвѣщенія и гуманности. Его имя связано съ дѣятельностью Новикова, стремленія и взгляды котораго онъ раздѣлялъ и которому именно онъ помогъ начать свою просвѣтительную работу въ Москвѣ. Одинъ изъ историковъ той эпохи (М. Лонгиновъ) такъ изображаетъ общественную роль Хераскова: „Въ исторіи литературы онъ занимаетъ почетное мѣсто, какъ образованный, честный дѣятель, и какъ пріятный стихотворецъ, въ которомъ видны иногда проблески истинной поэзіи. Домъ Херасковыхъ всегда былъ открытъ для всякаго, кто имѣлъ стремленіе къ предметамъ этого рода (просвѣщенію и литературѣ), и всѣ молодые люди, преданные этимъ высокимъ интересамъ, составляли какъ бы семейство ихъ. Херасковъ видѣлъ и одобрялъ первыя попытки Богдановича и Фонъ-Визина, потомъ Державина, впоследствии—Карамзина и Дмитріева, наконецъ поддерживалъ первые шаги Жуковского, Тургеневыхъ и ихъ товарищей. Онъ — свидѣтель и участникъ всего лучшаго въ литературѣ XVIII вѣка... Жизнь Хераскова—одна изъ лучшихъ страницъ въ исторіи нашего общества и его просвѣщенія“. Пыпинъ прибавляетъ къ этой оцѣнкѣ: „можно не придавать большой цѣны его поэтическому дарованію; творенія его остаются тяжелы по манерѣ и языку,—но должно отмѣтить, что онъ отличается вообще большой серьезностью тона: его мысли всегда направлены на важные вопросы нравственности и просвѣщенія. И въ этомъ отношеніи любопытна его связь съ масонскими тенденціями“.

Херасковъ былъ плодовитъ и писалъ въ самыхъ различныхъ родахъ, начиная съ одъ, поэмъ и трагедій въ чистомъ ложно-классическомъ духѣ, который лежалъ въ основѣ его литературнаго развитія, кончая моральными аллегорическими повѣстями и разнообразными лирическими вещами. Къ концу жизни развитіе нашей поэзіи, начавшееся ея сближеніе съ жизнью и выработка новыхъ поэтическихъ формъ подъ перомъ Державина, Богдановича и Дмитріева оказали извѣстное вліяніе на творчество Хераскова, побудивъ его смягчить важную торжественность строгихъ ложно-классическихъ формъ; онъ пробовалъ прилагать „языкъ боговъ“ и къ болѣ легкимъ, шутивымъ сюжетамъ. Мы приводимъ здѣсь отрывки изъ его торжественной „Россіады“ и изъ сказочной поэмъ „Бахаріана“.

„Россіада“ описываетъ покореніе Грознымъ Казани, Вопреки исторіи Херасковъ видитъ въ этомъ событіи центральный пунктъ всей борьбы Руси съ татарами и отсюда ведетъ освобожденіе ея отъ татарскаго ига. Исторической вѣрности ни въ фактахъ, ни

въ духѣ эпохи здѣсь вообще нельзя найти, и къ ней вовсе не стремился никогда ложно-классическій поэтъ. Поэтическихъ достоинствъ въ поэмѣ тоже немного; она написана стихотворцемъ вполне вѣтростепеннымъ, по шаблонамъ теоріи, съ многочисленными заимствованіями и подражаніями; образцами и примѣрами, ему служили *Calliope* все предшественники, начиная съ Гомера и *Virgil* *Calliope* и *Virgil* и кончая Торквато Тассо, Аріосто и Вольтеромъ съ его „Генріадой“. Но поэма написана въ очень выдержанномъ серьезномъ тонѣ, гладкимъ, обработаннымъ стихомъ и не лишена въ отдѣльныхъ мѣстахъ болѣе или менѣе удачныхъ, живыхъ и легкихъ оборотовъ, образовъ и картинъ. (Изъ „Россіады“ учебныя хрестоматіи обыкновенно берутъ описанія волшебнаго Казанскаго лѣса и царства зима въ Кавказскихъ горахъ. Мы выбрали три не менѣе удавшихся автору мѣста, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе типичны для эпической поэмы. Это — отправленіе русскаго войска въ походъ, затѣмъ — страданія его отъ зноя и наконецъ картину сраженія подъ стѣнами Казани.)

„Бахаріана или Незвѣстный. Волшебная повѣсть, почерпнутая изъ русскихъ сказокъ“ была написана Херасковымъ въ послѣдніе годы жизни. Она издана была отдѣльно отъ собранія его сочиненій въ 1803 г. и безъ имени автора; (многіе учебники литературы даже не упоминаютъ объ этой поэмѣ. Между тѣмъ) она для исторіи нашей поэзіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ важнѣе „Россіады“. „Россіада“ была отжившей вещью уже въ моментъ созданія; современники могли восторгаться ею, но она не вела ни къ чему дальнѣйшему и не открывала никакихъ путей; она была пышнымъ памятникомъ на пустой могилѣ, которымъ любовались проходящіе мимо, пока не замѣчали искусственной и безвкусной его архитектуры. „Бахаріана“ входила въ составъ цѣлаго литературнаго теченія, въ которомъ были новые элементы и который прямо приводить насъ къ Пушкину. — Отъ подлинныхъ русскихъ народныхъ сказокъ „Бахаріана“ стояла очень далеко; она была близка къ такимъ „русскимъ“ сказкамъ, которыя писали въ XVIII вѣкѣ Чулковъ и Поповъ. Это были свободныя импровизаціи на русскія, а чаще на западноевропейскія темы волшебныхъ, рыцарскихъ романовъ и поэмъ. Эта литература на Западѣ была громадна; у насъ ее въ концѣ XVIII в. много переводили, ей охотно подражали въ прозѣ и стихахъ, Вкусъ къ ней совпалъ съ первыми проблесками романтизма на Руси, который эта литература подготовляла и развивала. Десять частей „Русскихъ сказокъ“ Чулкова, вышедшихъ въ 1783 г. и усердно читавшихся и въ началѣ XIX в., содержащія въ себѣ огромный матеріалъ волшебнорыцарскихъ приключеній, излагавшихся въ шутовскомъ, или назидательномъ духѣ, съ многими сказочными подробностями, взятыми изъ западно-европейскаго или русскаго эпическаго запаса, но обыкновенно лишенными простоты и искренности народной сказки, Подобныя, разукрашенная фантазіей, произведенія съ легкимъ налетомъ народности у насъ писали тогда въ прозѣ и стихахъ кромѣ Чулкова еще М. Поповъ („Славянскія древности“), Радищевъ („Бова“), Державинъ („Царь-дѣвица“), Карамзинъ („Илья Муромецъ“). Сюда примыкаетъ и Херасковъ

съ своей „Бахаріаной“, сюда же слѣдуетъ включить и „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ Жуковскаго. Длинный рядъ этихъ произведеній замыкается „Русланомъ и Людмилой“ Пушкина. Во многихъ изъ нихъ, начиная съ Чулкова, основой служить варьируемая на бѣзчисленное количество ладовъ сказочно-рыцарская схема о приключеніяхъ героя, который отправляется искать и освободить красавицу, похищенную злымъ волшебникомъ и заключенную въ его замкъ, гдѣ она окружена чудесами и роскошью. Пока чародѣй напрасно старается склонить къ себѣ сердце героини всѣми соблазнами, ея возлюбленный терпять множество бѣдъ: встрѣчи съ противникомъ или соперникомъ, очарованные замки съ коварными красавицами, битвы, смерть и оживленіе, превращенія и заточенія — все выносить онъ и изъ всего выходитъ побѣдителемъ, благодаря своей храбрости и вѣрности, а также помощи добраго и мудраго волшебника или феи. Въ концѣ всегда зло и коварство терпять поражение, а любяшія и вѣрныя сердца награждаются счастливымъ соединеніемъ. Поэма Пушкина опиралась какъ разъ на весь этотъ, хорошо знакомый публикѣ матеріалъ; ея успѣхъ зависѣлъ именно отъ того, что она, взявъ извѣстное, придала ему новый видъ и цѣну, далеко оставивъ за собой всѣ предшествовавшія обработки легкой непринужденностью и изяществомъ.

Помѣщенные два отрывка изъ „Бахаріаны“ даютъ понятіе объ одной изъ обработокъ этого матеріала до Пушкина и позволяютъ судить о томъ, что „Русланъ и Людмила“, по дѣйствующимъ лицамъ, ихъ ролямъ и положеніямъ, во многомъ идетъ по старымъ слѣдамъ. Первый отрывокъ даетъ параллель къ пребыванію Людмилы въ замкъ Черномора, а второй соответствуетъ встрѣчѣ Руслана съ Финномъ.

Изображеніе — царевича Ивана Ивановича Финнова.

РОССИАДА.

1.

Уже кипящая подъ веслами вода
 Носила по Окѣ россійскія суда;
 Надеждѣ, ревности и щастію врученны
 Плывутъ, снарядами и пищей отягченны.
 Приемлютъ Волжскія шумящія струи
 На влажные свои хребты суда сіи;
 И гласы трубные далеко раздаются;
 Въ рѣкахъ брони звучать, въ Коломнѣ слезы льются.
 Другую войска часть со стѣнъ сей городъ зрять,
 Которыя на брань, какъ стадо птицъ, парить.
 Стонаетъ тучный брегъ подъ ратными полками,
 И пылъ густыми ихъ объемлетъ облаками.
 Скрываются они за крутизною горь;
 Слухъ внемлетъ пѣсни ихъ, но войскъ не видитъ взоръ.
 И будто на своихъ дѣтей еще взираютъ,

*Аннотация къ
 русскому переводу
 Финнова
 А. — Иванъ
 Ивановичъ
 Финновъ
 и ратники
 Коломны*

Отъ стѣнъ родители къ нимъ руки простирають,
И теплыя мольбы возносятся къ небесамъ:
Да слава двинется во слѣдъ по ихъ стопамъ!
Какъ туча, молніи въ груди своей несуща,
Перунамъ пламеннымъ свободы не дающа,
Высокимъ зданіямъ и хижинамъ грозить,
Но, въ нѣдрахъ кроя смерть, идетъ и не разить:
Толикій гнѣвъ несетъ и молніи такіа
Къ Казани съ пламенемъ парящая Россія;
Отважность, кроясь среди ея полковъ,
Ведеть къ сраженью ихъ внизъ Волжскихъ береговъ.

Начало похода было труднымъ. Враги волшебными чарами и волхвованіями навели на русское войско сперва палящій зной, потомъ лютую зиму. Слѣдующій отрывокъ изображаетъ страданія русскихъ отъ зноя и жажды.

2.

На высочайшую восходитъ зло степень:
Мракъ вечеромъ томить, томить поутру тѣнь;
Натура съ воздуха сняла свои покровы;
Ни тонки облака, ни вѣтвисты дубровы,
Ни вѣтры тихіе, ни горы, ни лѣса,
Не могутъ прохладать палящи небеса;
И смерти ратники тоскливой ожидаютъ;
Непобѣдимыхъ гладъ и жажда побѣждаютъ;
Гортань изсякла ихъ, огонь горѣлъ въ устахъ,
Дыханье огненно во рту сгущало прахъ...
Два воина пошли для промысла въ ночи:
Въ ракивовомъ кусту имъ слышатся ключи,
Которы будто бы внутри земли журчали.
Се кладъ, безцѣнный кладъ! идущіе вскричали;
И съ корнемъ вмигъ они ракивникъ извлекли,
Потоки чистые мгновенно потекли.
Насытились они; но ключъ, что имъ явился,
Какъ тонкая змія, между травой извился,
Бѣжалъ и внутрь земли себѣ находить путь.
Но ратники воды успѣли почерпнуть;
Ушелъ потокъ отъ нихъ. Водой наполнивъ шлемы,
Несли ее къ Царю, усердны, скромны, нѣмы;
Дабы, гдѣ равная снѣдается жажда всѣхъ,
Отъ нужды, ревности не сдѣлалъ кто помѣхъ,
Печальнаго Царя отъ сѣни отторгаютъ,

И воду свѣжую во шлемахъ предлагаютъ.
Сей подвигъ тяжкій вздохъ у ихъ Царя извлекъ;
О, други! ихъ обнявъ, Монархъ печальный рекъ:
Или вы чаете, что въ семъ пространномъ полѣ
Вашъ Царь слабѣе всѣхъ и всѣхъ томится болѣ?
Томлюся больше всѣхъ, въ несчастливой судьбѣ,
О страждущихъ со мной, томлюсь не о себѣ:
Пойдемъ и принесемъ напитокъ сей скорбящимъ,
Несчастнымъ ратникамъ, почти въ гробахъ лежащимъ.
Подарокъ сей для нихъ, не для меня мнѣ милъ...
Пошелъ и воиновъ скорбящихъ напоилъ.

Слѣдующій отрывокъ изображаетъ битву подъ стѣнами Казани. Татары храбро кинулись въ средину русскаго войска и привели его сперва въ смятеніе. Особенное опустошеніе въ нашихъ рядахъ производили два непріятельскихъ витязя. Одинъ изъ нихъ, Озмаръ, добрался до русскаго полководца, князя Троекурова.

3.

Воитель, въ подвигахъ неукротимый, злобный,
Закинувъ на хребетъ свой щитъ, лунѣ подобный,
Въ уста вложивъ кинжалъ и въ руки взявъ мечи,
Которы у него сверкали какъ лучи,
Бѣжить; но встрѣтилъ князь мечемъ сего злодѣя;
Текуща кровь съ броней на землю каплетъ рдѣя;
Наводитъ ужасъ онъ, какъ близкая гроза;
Сверкають подъ челою у варвара глаза;
Героя поразить мечами покушался,
Подвигся, отступилъ, во всѣ страны метался;
Хотѣлъ со двухъ сторонъ мечи свои вонзить,
Но князь успѣлъ его сквозь сердце поразить;
Злодѣй, заскрежетавъ, сомкнулъ кровавы очи,
И гордый духъ его ушелъ во мраки ночи.
Повержена врага увидѣвъ своего,
Герой Россійскій снятъ спѣшить броню съ него;
Удары злобныхъ Ордъ щитомъ своимъ отводитъ,
Ихъ нудить отступить, съ коня на землю сходить,
Поникъ,— но храбрость ту другой злодѣй пресѣкъ.
Съ копьемъ въ одной рукѣ, въ другой съ чеканомъ текъ;
Шумить какъ древній дубъ, великъ тяжелымъ станомъ,
И Троекурова ударилъ въ тылъ чеканомъ:
Свалился шлемъ съ него, какъ камень, на траву;

Злодѣй, алкающій разсѣчь его главу,
Направилъ копіе рукою въ саму выю,
И скоро бы лишилъ поборника Россію;
Уже броню его и кольца сокрушилъ,
Но Пронскій на конѣ къ сей битвѣ поспѣшилъ.
Узнавъ, что его сподвижникъ погибаетъ,
Какъ молнія рады смѣшанны пролетаетъ;
Разить, и руку прочь успѣлъ онъ отдѣлать,
Которой врагъ хотѣлъ геройску кровь пролить.
Свирѣпый витязь палъ. Ордынцы встрепетали;
Воскрикнули, щиты и шлемы разметали,
Смѣшались, дрогнули и обратились въ бѣгъ.
Съ полками Пронскій князь на ихъ хребты налегъ.
Какъ волны предъ собой Борей въ пучинѣ гонить,
Или къ лицу земли древа на сушѣ клонить,
Такъ гонять Россы ихъ, въ толпу соединясь.
Рубите, бодрствуйте! имъ вопить Пронскій князь.
Весь воздухъ огустѣлъ шумящими стрѣлами,
И долъ наполнился кровавыми тѣлами.
Звукъ мечный слышится и ржаніе коней;
Летаетъ грозна смерть съ косою межъ огней;
Катятся тамъ главы, ліются крови рѣки,
И челоуѣчество забыли челоуѣки!
Что было бѣ варварствомъ въ другія времена,
То въ полѣ сдѣлала достоинствомъ война.

БАХАРИАНА.

1.

На груди цвѣты имѣя
И вѣнки на головахъ,
Нимфы пляшутъ по долинамъ,
Въ рошицахъ любовь поютъ;
Эхо пѣсни ихъ разноситъ
По пещерамъ и горамъ.
Пробуждается Фелана
Рѣзвостью и пляской Нимфъ,
Лилии она подобна
Окропленную росой;
Слезы, кои проливала,

Слезы видны на щекахъ,
Какъ изсохшіе потоки,
Какъ протекши ручейки;
Выступила изъ пещеры, —
Усмѣхнулись луга;
Птички громче засвистали,
Ясный день — яснѣе сталь;
Солнце, солнце веселилось
Освѣщая царску дочь;
Небеса сіяли чище;
Любовались поля;
Нимфы розы ей подносятъ,
Знакъ румяности ея;
Лилии дарятъ Феланѣ
Бѣлизны ея примѣръ;
Входитъ въ миртовую рощу,
Въ честь ей соловьи поютъ;
Съ нѣжностью пріосѣняетъ
Посѣтительницу лѣсъ;
Подъ зелеными древами
Учреждаются пиры,
Роскошь тамъ столы готовить,
Смаку придаетъ имъ вкусъ;
Тамо финики и смоквы;
Тамо сладкій виноградъ;
Все, что жажду утоляетъ,
Все, что можетъ услаждать,
Все въ златыхъ сосудахъ видно
Во прозрачномъ хрусталѣ.
Чуть Фелана прикасалась
Къ очарованнымъ столамъ;
Нимфы пищей наслаждались,
Шумомъ, играми, виномъ;
На цвѣтушіе луга
Кои, разпестрѣясь цвѣтами,
Радужный имѣли видъ,
Рѣзвятся, въ лугу играютъ,
Бѣгають по муравѣ,
Падаютъ, встають, хохочуть,
Бьютъ въ ладоши и поютъ, —
Не участвуетъ Фелана
Въ ихъ забавахъ, въ ихъ играхъ...

2.

Видитъ онъ дубовый лѣсъ вдали.
Тѣнь струится по густой травѣ,
Подъѣзжаетъ къ черной тѣни онъ,
Ѣдетъ межъ деревьевъ развѣсистыхъ,
Шествуя дорожкой узкою.
Неизвѣстный призадумался;
Вѣтви за него цѣпляются;
Витязь ничего не чувствуетъ,
Только чувствуетъ въ душѣ тоску,
Разлученіе съ Феланою;
Подъ зеленымъ сводомъ идетъ конь;
Вдругъ орлиный раздается крикъ,
На дубу въ гнѣздѣ орелъ сидѣлъ,
Слыша конскій топотъ встрепеталь;
По дубравѣ громкой крикъ орла
Раздается въ тишинѣ глухой.
Неизвѣстный пробуждается,
Всюду, — всюду озирается;
Видитъ за лѣсомъ зеленый лугъ,
Слабымъ свѣтомъ озаряемый,
Тѣни въ даль кругомъ простерлися,
Солнце къ западу катилось,
На небѣ заря вечерняя
Алой краскою малюется;
Среди луга хижина стоитъ,
Вкругъ ея серебристый ручеекъ
По песочку извивается,
Между камышковъ играетъ онъ,
И цвѣтками вкругъ любитъся.
Старецъ выступилъ изъ хижины,
Борода его, какъ новый снѣгъ,
Простиралася до пояса;
Къ ручейку онъ наклоняется,
Раковиной воду черпаетъ;
Но, услыша топотъ отъ коня,
Приподнялъ чело почтенное;
Не погасъ еще въ глазахъ его,
Не погасъ огонь цвѣтущихъ лѣтъ;
Голосомъ сказалъ привѣтливымъ,
Приглашая Незвѣстнаго;

Добрый вечеръ! — говоритъ ему:
Ты пусти коня въ лугу пасть,
Самъ пройди ко мнѣ черезъ ручей
Въ хижину уединенную!...
Руку, простираетъ къ Витязю,
Витязь сходитъ съ борзаго коня;
Переходитъ онъ черезъ ручей
Съ осторожностью по камышкамъ,
Онъ ко старцу приближается;
Шлемъ оставилъ между вѣтвями.
Важень старцевъ былъ почтенный видъ,
Онъ осанку, кажется, имѣлъ
И наружность Патриаршеску,
Ввѣрся! — сердце говоритъ ему;
Разумъ сумнѣваться не велитъ;
Откровенность дружество сулитъ.
Входитъ Неизвѣстный въ хижину;
Хижина была прибориста,
Нѣтъ излишества, — ни роскоши;
Добрый вкусъ съ пріятной простотой
Представляютъ свойства старцовы.
Простота милѣе пышности!
Старецъ странника привѣтствуетъ
Угощеніемъ пустынничьимъ,
На ковры сажаетъ мягкіе;
Поставляетъ онъ передъ него
Сладкій сотъ, — какъ будто бѣлый снѣгъ,
Вкусные плоды сушеные,
Сыръ, — млеко, — вино восточное.
Укрѣпился прежде пищею,
Добрый старецъ говоритъ ему,
Мы потомъ начнемъ бесѣдовать.
Неизвѣстный ближе сѣлъ къ огню;
Красота лица явилася,
Красота не женовидная;
Мужественная, пріятная;
На глазахъ его написаны
Храбрость, важность и — задумчивость.
Пищу онъ вкушалъ умѣренно,
Но глаза подъемля на небо,
Вздохомъ часто пищу прерывалъ.
Старецъ, угощая Неизвѣстнаго,

Кроткимъ голосомъ сказалъ ему:
Вижу, что въ цвѣтущей юности
Чашу горести ты пилъ,—мой сынъ!...
Ахъ! Я самъ несчастѣнъ въ жизни былъ;
Послѣ я о томъ повѣдаю!
Но скажи мнѣ, другъ мой, кто ты есть?
Потупляя взоры смутные,
Неизвѣстный старцу отвѣчалъ:
Я несчастливъ въ мѣрѣ всѣхъ людей!...

22. Д. И. фонъ-Визинъ.

Школьное знакомство съ Фонъ-Визинымъ обыкновенно ограничивается „Недорослемъ“ или, въ лучшемъ случаѣ, еще „Бригадиромъ“. Между тѣмъ формы проявленія его сатирическаго таланта вовсе не исчерпываются областью комедій; этотъ талантъ былъ довольно разнообразенъ и, не читая „Вопросовъ“, матеріаловъ для журнала „Стародумъ“ и стихотворныхъ опытовъ, трудно составить себѣ правильное понятіе о средствахъ сатирическаго дарованія Фонъ-Визина. Съ другой стороны изученіе однихъ его комедій не даетъ достаточно опредѣленнаго представленія о личности самого сатирика, о его воззрѣніяхъ. Врагъ невѣжества и грубости выступаетъ ясно въ авторѣ „Бригадира“ и „Недоросля“, виденъ и далеко не безусловный поклонникъ европейской жизни и западнаго просвѣщенія, но очень многіе важные вопросы остаются безъ отвѣта у читателя, внимательно прослѣдившаго за разсужденіями „Стародума“ и другихъ носителей идеаловъ автора. Какъ смотрѣлъ Фонъ-Визинъ въ концѣ-концовъ на просвѣтительное движеніе въ Европѣ его времени и не мѣнялся ли его взглядъ? Представлялъ ли онъ себѣ какой-либо исходъ изъ того заколдованнаго круга, въ которомъ въ сущности вращается Стародумъ, когда жалуется на „нынѣшнихъ мудрецовъ“: „они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтель“? Какъ оцѣнивалъ онъ существовавшій въ Россіи порядокъ вещей, который онъ имѣлъ возможность сравнить съ положеніемъ дѣлъ на Западѣ, особенно во Франціи? Глубоко ли всматривался онъ въ условія жизни русскаго общества и какъ далеко шелъ въ анализѣ даже тѣхъ золь родной дѣйствительности, которыхъ прямо касается его „Недоросль“? Напримѣръ, въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ, гдѣ мѣсто Фонъ-Визина среди другихъ писателей его вѣка, которые почти всѣ, вѣдь, зарогивали помѣщичьи отншенія,—и Екатерина, и Сумароковъ, и сатирическіе журналы, и Новиковъ, и Радищевъ?

Это все — вопросы, на которые важно получить сколько-нибудь опредѣленные отвѣты, а ихъ не даетъ знакомство лишь съ двумя главными произведеніями Фонъ-Визина. Съ цѣлью дать матеріалъ

для болѣе полнаго и обстоятельнаго сужденія о писателѣ, наиболѣе выдающемся по силѣ таланта среди всѣхъ нашихъ литераторовъ XVIII вѣка, мы помѣщаемъ ниже выдержки изъ заграничныхъ писемъ и другихъ произведеній Фонъ-Визина, обычно не входящихъ въ учебныя хрестоматіи. Примѣчанія къ отдѣльнымъ вещамъ помогутъ разобратъся въ данномъ матеріалѣ.

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ ВЪ ДѢЛАХЪ МОИХЪ И ПОМЫШЛЕНІЯХЪ.

„Признанія“ писаны Фонъ-Визинымъ въ самомъ концѣ жизни и остались неоконченными: изъ четырехъ „книгъ“, на которыя онъ задумалъ раздѣлить ихъ, написано двѣ и начало третьей. Въ ихъ тонѣ и взглядахъ часто отражается тяжелое состояніе автора, который доживалъ свой вѣкъ разбитый параличемъ и предавшійся религиозно-покаянному настроенію.

1. РОДИТЕЛИ. ВОСПИТАНІЕ. Отецъ мой былъ человѣкъ большого здраваго разсудка, но не имѣлъ случая, по тогдашнему образу воспитанія, просвѣтить себя ученіемъ. По крайней мѣрѣ читалъ онъ всѣ русскія книги, изъ коихъ любилъ отмѣнно древнюю и римскую исторію, мнѣнія Цицеронова и прочіе хорошіе переводы правоучительныхъ книгъ. Онъ былъ человѣкъ добродѣтельный и истинный христіанинъ, любилъ правду и такъ не терпѣлъ лжи, что всегда краснѣлъ, когда кто лгалъ при немъ не устыжался. Въ переднихъ знатныхъ вельможъ никто его не видывалъ, но онъ не пропускалъ ни одного праздника, чтобъ не быть съ почтеніемъ у своихъ начальниковъ. Ненавидѣлъ лихоимства и бывъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ люди наживаются, никакихъ никогда подарковъ не принималъ. „Государь мой!“ говаривалъ онъ приносителю: „сахарная голова не есть резонъ для обвиненія вашего соперника: извольте ее отнести назадъ, а принесите законное доказательство вашего права“. Послѣ сего болѣе уже не разговаривалъ съ приносителемъ.

Отецъ мой жилъ слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ. Причиною сему было воздержное христіанское житіе. Онъ горячихъ напитковъ не пилъ, пищу употреблялъ здоровую, но не объѣдался... За картами ни одной ночи не просиживалъ, и словомъ, никакой страсти, возмущающей человѣческое спокойствіе, онъ не чувствовалъ. О, если бы дѣти его ему были подобны въ тѣхъ качествахъ, кои составляли главныя души его свойства и кои въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли сохранить можно!

Отецъ мой былъ характера весьма вспыльчиваго, но не злопамятнаго; съ людьми своими обходился съ кротостію; но не смотря на сіе, въ домѣ нашемъ дурныхъ людей не было. Сіе доказываетъ, что поборъ не есть средство къ исправленію людей. Не смотря на свою вспыльчивость, я не слыхалъ, чтобъ онъ съ кѣмъ нибудь поссорился; а вызовъ на дуэль считалъ онъ дѣломъ противу совѣсти. „Мы живемъ подъ законами“, говаривалъ онъ: „и стыдно, имѣя таковыхъ священныхъ защитниковъ, каковы законы, разбираться самимъ на кулакахъ. Ибо шпаги и кулаки суть одно. И вызовъ на дуэль есть не что иное, какъ дѣйствіе буйственной молодости“. Наконецъ долженъ я сказать къ чести отца моего, что онъ, имѣя не болѣе пятисотъ душъ, живучи въ обществѣ съ хорошими дворянами, воспитывая восьмерыхъ дѣтей, умѣлъ жить и умереть безъ долга. Сіе искусство въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли кому извѣстно. По крайней мѣрѣ намъ, дѣтямъ его, кажется непостижимо. Но ничто не доказываетъ такъ великодушнаго чувствованія отца моего, какъ поступокъ его съ роднымъ братомъ его. Сей послѣдній вошелъ въ долги, по состоянію своему неоплатные. Не было уже никакой надежды къ извлеченію его изъ погибели. Отецъ мой былъ тогда въ цвѣтущей своей юности. Одна вдова, старуха близъ семидесяти лѣтъ, влюбилась въ него и общалась, ежели на ней женится, искупить имѣніемъ своимъ брата его. Отецъ мой, по единому подвигу братской любви, не поколебался жертвовать ему собою: женился на той старухѣ будучи самъ осьмнадцать лѣтъ. Она жила съ нимъ еще двѣнадцать лѣтъ. И отецъ мой старался объ успокоеніи ея старости, какъ должно христіанину. Надлежитъ признаться, что въ нашъ вѣкъ не встрѣчаются уже такіе примѣры братолюбія, чтобъ молодой человекъ пожертвовалъ собою, какъ отецъ мой, благосостоянію своего брата.

Вторая супруга отца моего, а моя мать, имѣла разумъ тонкій и душевными очами видѣла далеко. Сердце ея было сострадательно и никакой злобы въ себѣ не вмѣщало: жена была добродѣтельная, мать чадолюбивая, хозяйка благоразумная и госпожа великодушная. Можно сказать, что домъ моихъ родителей былъ тотъ, отъ котораго за добродѣтели ихъ благодать Божія никогда не отнималась.

Чувствительность моя была безпримѣрна. Однажды отецъ мой, собравъ всѣхъ своихъ младенцевъ, сталъ рассказывать намъ исторію Іосифа Прекраснаго. Въ рассказываніи его

не было никакого украшенія: но какъ повѣсть сама собою есть весьма трогательная, то весьма скоро навернулись слезы на глаза мои; потомъ началъ я рыдать неутѣшно. Іосифъ, проданный своими братьями, растерзалъ мое сердце, и я, не могши остановить рыданія моего, оробѣлъ, думая, что слезы мои почтены будутъ знакомъ моей глупости. Отецъ мой спросилъ меня, о чемъ я такъ рыдаю; „у меня разболѣлся зубъ“, отвѣчалъ я. И такъ, отвели меня въ мою комнату и начали лѣчить здоровый мой зубъ. „Батюшка“, говорилъ я: „я всклепалъ на себя зубную болѣзнь: а плакалъ я этого, что мнѣ жаль стало бѣднаго Іосифа“. Отецъ мой похвалилъ мою чувствительность и хотѣлъ знать, для чего я тотчасъ не сказалъ ему правду. „Я постыдился“, отвѣчалъ я; „да и побоялся, чтобы вы не перестали рассказывать исторію“.—Я ее, конечно, доскажу тебѣ, говорилъ отецъ мой. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней онъ сдержалъ свое слово и видѣлъ новый опытъ моей чувствительности.

Странно, что сія повѣсть, тронувшая столько мое младенчество, послужила мнѣ самому къ извлеченію слезъ у людей чувствительныхъ. Ибо я знаю многихъ, кои, читая, Іосифа, мною переведеннаго, проливали слезы ¹⁾.

Не утаю и того, что пріѣзжавшій изъ Дмитріевской нашей деревни мужикъ, Ѳеодоръ Суратовъ, сказывалъ намъ сказки и такъ настраивалъ меня мертвецами и темнотою, что я до сихъ поръ неохотно одинъ остаюсь въ потемкахъ. А къ мертвецамъ привыкъ я уже въ теченіе жизни моей, теряя людей, сердцу моему любезныхъ.

Родители мои были люди набожные, но какъ въ младенчествѣ нашемъ не будили насъ къ заутренямъ, то въ каждый церковный праздникъ отправляемо было въ домъ всенощное служеніе, равно какъ на первой и послѣдней недѣляхъ великаго поста дома же моленіе отправлялось. Какъ скоро я выучился читать, такъ отецъ мой у крестовъ заставлялъ меня читать ²⁾. Сему обязанъ я, если имѣю въ російскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе. Ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего російскаго языка и знать невозможно. Я долженъ благодарить родителя моего за то, что онъ весьма примѣчалъ мое чтеніе, и бы-

¹⁾ Фонъ-Визинъ говоритъ о своемъ переводѣ поэмы Бятоба „Іосифъ“.

²⁾ Очевидно, Фонъ-Визинъ мальчикомъ читалъ вслухъ Псалтирь и Часословъ у образовъ во время ежедневной молитвы, а также во время отправлявшихся на дому службъ исполнялъ обязанности причетника. Это было обычное дѣло тогда; см. напр., рассказъ маіора Данилова (стр. 155).

вало, когда я стану читать бѣгло: „перестань молоты!“ кричалъ онъ мнѣ: „или ты думаешь, что Богу пріятно твое бормотанье“. Сего недоволено: отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ, казалось ему, читая я неразумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснять мнѣ онья; словомъ, попеченія его о моемъ наученіи были безмѣрны. Онъ не въ состояніи будучи нанимать для меня учителей для иностранныхъ языковъ, не мѣшкалъ, можно сказать, ни сутокъ отдачею меня и брата моего въ университетъ, какъ скоро онъ учрежденъ сталъ ¹⁾).

Остается мнѣ теперь сказать объ образѣ нашего университетскаго ученія; но самая справедливость велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учители и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ ²⁾....

Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностью вспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучаясь по латыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего, въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Склонность моя къ писанію являлась еще въ младенчествѣ и я, упражняясь въ переводахъ на російскій языкъ, достигъ до юношескаго возраста.

2. АВТОХАРАКТЕРИСТИКА. ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. Теперь настало время сказать нѣчто о моемъ характерѣ и познакомить читателя съ умомъ моимъ и сердцемъ. Я наслѣдовалъ отъ отца моего какъ вспыльчивость, такъ и непамятозлобіе; отъ матери моей головную боль, которою она во всю жизнь страдала и которая, промучивъ меня все время моего младенчества, юношества и ббльшую часть совершен-

¹⁾ Собственно, въ университетскую гимназію, въ 1755 г.

²⁾ Далѣе Фовъ-Визинъ рассказываетъ извѣстныя анекдоты объ экзаменѣ латинскаго языка при помощи пуговицъ преподавателя и о медали, которую получилъ самъ авторъ за успѣхи въ географіи, хотя не зналъ, куда впадаетъ Волга. Въ другомъ мѣстѣ записокъ онъ добавляетъ еще такіа подробности: „Въ бытность мою въ университетѣ учились мы весьма безпорядочно. Ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой нерадѣніе и пьянство учителей. Ариметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ, но голову имѣлъ преострую и какъ латинскій, такъ и російскій языкъ зналъ очень хорошо“.—Послѣ такихъ уничтожающихъ отзывовъ тѣмъ интереснѣе идущій дальше въ текстѣ записокъ общій итогъ автора относительно пребыванія въ университетѣ.

ныхъ лѣтъ, лишила меня многихъ способовъ къ счастью, на примѣръ: въ университетѣ пропускалъ я многія важныя лекціи за головную болью; въ юношествѣ головная боль мѣшала мнѣ часто показать мою исправность въ отправленіи службы, чрезъ что и заслужилъ я отъ одного начальника имя лѣнивца. Но со всѣмъ тѣмъ признаюсь, что головная боль послужила мнѣ и къ доброму, а именно не допустила меня сдѣлаться пьяницею, къ чему имѣлъ я великій случай и склонность.

Природа дала мнѣ умъ острый, но не дала мнѣ здраваго разсудка. Весьма рано появилась во мнѣ склонность къ сатирѣ. Острыя слова мои носились по Москвѣ; а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же тѣ, коихъ острыя слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ приятнымъ. Вида, что вездѣ принимаютъ меня за умнаго человѣка, заботился я мало о томъ, что разумъ мой похваляется на счетъ сердца и я прежде нажилъ непріятелей, нежели друзей. Молодые люди! не думайте, чтобъ острыя слова ваши составили вашу истинную славу; остановите дерзость ума вашего и знайте, что похвала, вамъ приписываемая, есть для васъ суцая отравка; а особливо, если чувствуете склонность къ сатирѣ, укрощайте ее всѣми силами вашими: ибо и вы безъ сомнѣнія подвержены будете одинаковой судьбѣ со мною. Меня стали скоро бояться, потомъ ненавидѣть; и я вмѣсто того, чтобы привлечь къ себѣ людей, отгонялъ ихъ отъ себя и словами и перомъ. Сочиненія мои были острыя ругательства: много было въ нихъ сатирической соли, но разсудка, такъ сказать, ни капли.

Сердце мое, не похвалясь скажу, предоброе. Я ничего такъ не боялся, какъ сдѣлать какую-нибудь несправедливость, и для того ни передъ кѣмъ такъ не трусилъ, какъ передъ тѣми, кои отъ меня зависѣли и кои отомстить мнѣ были не въ состояніи. Я, можетъ быть, истребилъ бы и склонность мою къ сатирѣ, если бы одинъ изъ соучениковъ моихъ, упражнявшійся въ стихахъ, мнѣ въ томъ не воспрепятствовалъ. Я прослылъ великимъ критикомъ и мой соученикъ весьма боялся, чтобъ я не сталъ смѣяться стихамъ его; а дабы вѣрнѣе имѣть меня на своей сторонѣ, то сталъ онъ хвалить мои стихи; каждая строка его восхищала; но какъ тогда разсудокъ во мнѣ не дѣйствовалъ, то я со всею

острою не могъ проникнуть, для чего онъ такъ меня хвалилъ, и думалъ, что я похвалу его заслуживалъ. Такъ-то вертять головы молодымъ писателямъ!

Около 1758 г. Фонъ-Визинъ въ числѣ десяти избранныхъ школьниковъ былъ привезенъ въ Петербургъ напоказъ основателю и покровителю Московскаго университета, Шувалову. Онъ рассказываетъ о своемъ восхищеніи передъ блескомъ Екатерининскаго двора, гдѣ ему пришлось быть на куртагѣ. Кромѣ того его очаровалъ театръ.

Но ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду. Играли русскую комедію, какъ теперь помню, Генрихъ и Пернилла ¹⁾. Тутъ видѣлъ я Шумскаго ²⁾, который шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я, потерявъ благопристойность, хохоталъ изо всей силы. Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ — великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіанты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ. И дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время познакомился я тутъ съ покойнымъ Федоромъ Григорьевичемъ Волковымъ ³⁾, мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ. Тутъ познакомился я съ славнымъ нашимъ актеромъ, Иваномъ Аванасьевичемъ Дмитревскимъ, человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ и съ которымъ дружба моя до сихъ поръ продолжается. Стоя въ партерахъ, свелъ я знакомство съ сыномъ одного знатнаго господина, которому фizioномія моя понравилась; но какъ скоро спросилъ онъ меня, знаю ли я по французски, и услышалъ отъ меня, что не знаю, то онъ вдругъ перемѣнился и ко мнѣ похолодѣлъ: онъ счелъ меня невѣждою и худо воспитаннымъ, началъ надо мною шпынять, а я, примѣтя изъ оборота рѣчей его, что онъ кромѣ французскаго, коимъ говорилъ также плохо, не смыслить болѣе ничего, сталъ отъѣдаться и моими эпиграммами загонять его такъ, что онъ унялся отъ насмѣшки и сталъ звать меня въ гости; я отвѣчалъ учтиво и мы разошлись прия-

¹⁾ Комедія Гольберга, переводъ Нартова.

²⁾ Комическій актеръ, особенно отличавшійся въ роли слугъ.

³⁾ Основатель русскаго театра (1729—1763).

тельски. Но тутъ узналъ я, сколько нуженъ молодому чело-
вѣку французскій языкъ, и для того твердо предпринялъ и
началъ учиться оному, а между тѣмъ продолжалъ латинскій,
на коемъ слушалъ логику у профессора Шадена ¹⁾, бывшаго
тогда ректоромъ. Сей ученый мужъ имѣеть отмѣнное даро-
ваніе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи
наши были очевидны, и мы съ братомъ скоро потомъ про-
изведены были въ студенты. Въ самое же сіе время не
оставлялъ я упражняться въ переводахъ на русскій языкъ
съ нѣмецкаго: перевелъ „Сива, царя египетскаго“ ²⁾, но
не весьма удачно. Знаніе мое въ латинскомъ языкѣ пособило
мнѣ весьма къ обученію французскаго. Черезъ два года я
могъ разумѣть Вольтера и началъ переводить стихами его
„Альзиру“. Сей переводъ есть не что иное, какъ грѣхъ юности
моея, но совѣмъ тѣмъ встрѣчаются и въ немъ хорошіе стихи.

3. ЧТЕНІЕ „БРИГАДИРА“ ПРИ ДВОРѢ (1766 г.). Я при-
ѣхалъ въ Петербургъ и привезъ съ собою „Бригадира“
и „Юсифа“. Надобно примѣтить, что я обѣ сіи книги читалъ
мастерски. Чтеніе мое заслужило вниманіе покойнаго Але-
ксандра Ильича Бибикова и графа Григорья Григорьевича
Орлова, который не приминулъ донести о томъ государынѣ.
Въ самый Петровъ день графъ прислалъ ко мнѣ спросить:
ѣду ли я въ Петергофъ, и если ѣду, то взялъ бы съ собою
мою комедію „Бригадира“. Я отвѣчалъ, что исполню его по-
велѣніе. Въ Петергофѣ на балѣ графъ, подошедъ ко мнѣ,
сказалъ: „Ея величество приказала послѣ бала вамъ быть
къ себѣ, и вы съ комедіею извольте идти въ Эрмитажъ“.
И дѣйствительно, я нашелъ ея величество готовую слушать
мое чтеніе. Никогда не бывъ столь близко государя, при-
знаюсь, что я началъ было нѣсколько робѣть, но взоръ
русскій благотворительницы и гласъ ея, идущій къ сердцу,
ободрилъ меня; нѣсколько словъ, произнесенныхъ монар-
шими устами, привели меня въ состояніе читать мою коме-
дію предъ нею съ обыкновеннымъ моимъ искусствомъ.
Во время же чтенія, похвалы ея давали мнѣ новую смѣ-
лость, такъ что послѣ чтенія былъ я завлеченъ къ нѣкото-
рымъ шуткамъ и потомъ, облобызавъ ея десницу, выпелъ,
имѣя отъ нея всемилостивѣйшее привѣтствіе за мое чтеніе...

¹⁾ Иоганъ Маттіасъ Шадеъ, докторъ философіи и профессоръ Московскаго
университета, р. въ Пресбургѣ, ум. въ Москвѣ въ 1797 г.

²⁾ Вѣроятно 1-ю часть, ибо она вышла въ 1762 г., но оканчивалъ переводъ
Фонъ-Винишъ въ Петербургѣ и 2 ч. явилась только въ 1763 г., а 4-я уже
въ 1768 г.

По возвращеніи моемъ въ городъ, узналъ я на другой день, что его высочество возвратился. Я немедленно пошелъ во дворецъ къ графу Никитѣ Ивановичу. Мнѣ сказали, что онъ въ антресоляхъ; я просилъ, чтобы ему обо мнѣ доложили. Въ ту минуту позванъ былъ я къ графу; онъ принялъ меня очень милостиво. „Я тотчасъ одѣнусь“, сказалъ онъ мнѣ, „а ты посиди со мною“. Я примѣтилъ, что онъ въ разговорахъ своихъ со мною старался узнать не только то, какія я имѣю знанія, но и какія мои моральныя правила. Одѣвшись, повелъ меня къ великому князю, и представилъ ему меня, какъ молодого человѣка отличныхъ качествъ и рѣдкихъ дарованій. Его высочество изъявилъ мнѣ въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ, сколько желаетъ онъ слышать мою комедію. „Да вотъ послѣ обѣда“, сказалъ графъ, „ваше высочество ее услышите“. Потомъ подошелъ ко мнѣ: „Вы“, сказалъ, „извольте остаться при столѣ его высочества“. Какъ скоро столъ отошелъ, то послѣ кофе посадили меня, и его высочество съ графомъ и съ нѣкоторыми двора своего сѣли около меня. Черезъ нѣсколько минутъ тономъ чтенія моего произвелъ я во всѣхъ слушателяхъ прегромкое хохотанье. Паче всего вниманіе графа Никиты Ивановича возбудила Бригадирша. „Я вижу“, сказалъ онъ мнѣ, „что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимофеевну не имѣеть или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу“. По окончаніи чтенія, Никита Ивановичъ дѣлалъ свое разсужденіе на мою комедію. „Это въ нашихъ нравахъ первая комедія“, говорилъ онъ, „и я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставя говорить такую дурицу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однако роль ея столько интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь, если сія комедія столь много имѣеть успѣха; совѣтую вамъ не оставлять вашего дарованія“.

ЛИСИЦА — КАЗНОДѢЙ ¹⁾.

БАСНЯ.

Въ Ливійской сторонѣ правдивый слухъ промчался,
Что Левъ, звѣриный царь, въ большомъ лѣсу скончался.

¹⁾ Одно изъ самыхъ раннихъ произведеній Фонъ-Визина. Его относятъ къ 1762 г. Казнодѣй — проповѣдникъ.

Стекалися туда скоты со всѣхъ сторонъ
Свидѣтелями быть огромныхъ похоронъ.
Лисица-казнодѣй, при мрачномъ семь обрядѣ,
Съ смиренной харею, въ монашескомъ нарядѣ,
Взмостясь на кафедру, съ восторгомъ вопіеть:
„О рокъ, лютейшій рокъ! Кого лишился свѣтъ!
Кончиной кроткаго владыки пораженный,
Восплачь и возрыдай, звѣрей соборъ почтенный!
Се царь, премудрейшій изъ всѣхъ лѣсныхъ царей,
Достойный вѣчныхъ слезъ, достойный алтарей,
Своимъ рабамъ отецъ, своимъ врагамъ ужасенъ,
Предъ нами распростертъ, безчувственъ и безгласенъ!
Чей умъ постигнуть могъ число его добротъ,
Пучину благости, величія, щедротъ?
Въ его правленіе невинность не страдала,
И правда на судѣ безстрашно предсѣдала;
Онъ скотолюбіе въ душѣ своей питаль,
Въ немъ трона своего подпору почиталь;
Быль въ области своей порядка насадитель,
Художествъ и наукъ быль другъ и покровитель“.
— „О, лестъ подлѣйшая!“ шепнулъ Собакъ Кротъ:
„Я зналъ Льва коротко: онъ быль пресущій скотъ,
И золь, и безтолковъ, и силой вышней власти
Онъ только насыщаль свои тирански страсти.
Тронъ кроткаго царя, достойна алтарей,
Быль сплоченъ изъ костей растерзанныхъ звѣрей!
Въ его правленіе любимицы и вельможи
Сдирали безъ чиновъ съ звѣрей невинныхъ кожи;
И словомъ, такъ была юстиція строга,
Что кто кого смогъ, такъ тотъ того въ рога.
Благоразумный Слонь изъ лѣса въ степь сокрылся,
Домостроитель Бобръ отъ пошлинъ разорился,
И Пинокъ ¹⁾ слабоумъ, писатель звѣрскихъ лицъ,
Служившій у Двора честиѣ всѣхъ Лисицъ,
Который, посвятя работъ дни и ночи,
Искусной кистию прельщая звѣрски очи,
Портретовъ написалъ съ царя звѣрей лѣсныхъ
Пятнадцать въ цѣлый ростъ и двадцать поясныхъ,
Да сверхъ того еще, по новому манеру,
Альфреско расписаль монаршую пещеру:—

¹⁾ Обезьяна.

За то, что въ жизнь свою трудился, сколько могъ, —
Съ тоски и съ голоду третьяго дня издохъ.
Вотъ мудраго царя правленіе похвально!
Возможно-ль ложь сплетать столь явно и нахально! —
Собака молвила: „Чему дивишься ты,
Что знатному скоту лъстятъ подлые скоты?
Когда же то тебя такъ сильно изумляетъ,
Что низка тварь корысть всему предпочитаетъ
И къ счастью бредетъ презрѣнными путями;
Такъ, видно, никогда ты не жилъ межъ людьми“.

ПИСЬМА ИЗЪ ЗА ГРАНИЦЫ.

КЪ ГР. П. И. ПАНИНУ.

Здѣсь приведены выдержки изъ заграничныхъ писемъ Ф.-Визина къ гр. Петру Иван. Панину, брату извѣстнаго Никиты Ивановича Панина, въ 1777—78 гг., когда Ф.-Визинъ провелъ цѣлый годъ на югѣ Франціи и въ Парижѣ. Письма его (къ Панину и къ сестрѣ), написанныя очень живо и ярко, по большей части въ сатирическомъ тонѣ, содержатъ много наблюденій не только надъ бытомъ и нравами, но и надъ общей политической жизнью Франціи. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что нерѣдко онъ заимствовалъ сужденія и выводы цѣликомъ изъ иностранныхъ писателей. Отношеніе его почти ко всему во Франціи рѣзко отрицательное, даже прямо недружелюбное. Франція, доживавшая тогда послѣдніе годы стараго, разрушавшагося режима, давала очень много поводовъ къ самой суровой критикѣ, и Ф.-Визинъ во многихъ своихъ рѣзкихъ приговорахъ былъ правъ, особенно въ томъ, что касалось общественныхъ порядковъ и правительственнаго устройства. Но онъ обнаружилъ мало умѣнья разбираться въ сложныхъ вопросахъ общественной жизни, и главное, мало спокойствія и безпристрастія. Его заключенія напр. о французскомъ національномъ характерѣ, о нравахъ и обычаяхъ, о писателяхъ и ученыхъ часто легкомысленны, даже грубы; съ какимъ-то злорадствомъ подчеркиваетъ онъ и высмѣиваетъ все дурное, что удалось ему замѣтить, не всегда вѣрно притомъ понимая и оцѣнивая отдѣльные факты. Это чувство имѣетъ свое объясненіе. Привыкши постоянно встрѣчать кругомъ себя въ Россіи восторженное преклоненіе передъ всѣмъ французскимъ, Ф.-Визинъ, какъ самъ говоритъ, ѣхалъ во Францію, ожидая встрѣтить земной рай. Природный умъ показалъ ему тамъ много несовершенствъ, но недостатокъ глубины и серьезности мысли помѣшалъ сдѣлать правильные выводы изъ видѣннаго, и онъ сразу перескочилъ въ противоположное настроеніе: сатирическая жилка взяла свое, воспрянуло уязвленное самолюбіе патріота, и въ переловой европейской странѣ почти ничего не уцѣлѣло отъ торже-

ствующей, влорадной насмѣшки. Естественно, что этому смѣху не разъ суждено возвращаться на голову насмѣшника.

Но даже тамъ, гдѣ блестящій и желчный умъ Ф.-Визина вскрываетъ передъ нами дѣйствительно возмутительныя вещи или дикія несообразности, видно, что нашъ сатирикъ подходилъ къ жизни безъ правильной, продуманной мѣрки. Найдя и жестоко высмѣявъ какую-нибудь слабую сторону французскихъ порядковъ, онъ часто не прочь вспомнить тутъ же о родной странѣ, но при этомъ обыкновенно ограничивается „утѣшительнымъ“ соображеніемъ, что здѣшнее безобразіе не уступитъ нашему.

Вотъ общій итогъ, который подводитъ онъ своимъ наблюденіямъ: „Я увидѣлъ, что во всякой землѣ худаго больше, нежели добраго, что люди вездѣ люди, что умные люди вездѣ рѣдки, что дураковъ вездѣ изобильно, и словомъ, что наша нація не хуже некоторой, и что мы дома можемъ наслаждаться истиннымъ счастьемъ, за которымъ нѣтъ нужды шататься въ чужихъ краяхъ“. Выводъ поражаетъ своей ничтожностью и отсутствіемъ истинной просвѣщенности. Наряду съ этимъ въ письмахъ разсыпанъ рядъ живыхъ и мѣткихъ наблюденій. Письма важны для характеристики Ф.-Визина и при чтеніи требуютъ постоянно критическаго къ себѣ отношенія.

I.

Монпелье. Созывъ земскихъ чиновъ. Въ сужденіи общества теперь здѣсь самое наилучшее время. Les Etats de Languedoc собрались сюда, по обыкновенію, на два мѣсяца. Они состоятъ изъ уполномоченныхъ отъ короля, правителей, духовенства и дворянства. Собраніе сего земскаго суда имѣетъ предметомъ своимъ распоряженіе дѣлъ Лангедокской провинціи и сборъ для короля подати, называемой *don gratuit*...

Позвольте, милостивый государь, включить здѣсь описаніе бывшей здѣсь на сихъ дняхъ церемоніи, называемой *l'ouverture des Etats*. Сіе зрѣлище заслуживало любопытство чужестранцевъ, какъ по великолѣпію, съ коимъ сей обрядъ отправлялся, такъ и по странности древнихъ обычаевъ, наблюдаемыхъ при семъ случаѣ. Собраніе было весьма многолюдное, въ залѣ стариннаго дома, называемаго *Gouvernement des Etats*. Пришедъ въ уреченный часъ и взявъ свои мѣста, ожидали прибытія графа Перигора, какъ представляющаго особу королевскую. Какъ скоро оное возвѣщено было, то все дворянство вышло къ нему на встрѣчу, и онъ, въ кавалерскомъ платьѣ и шляпѣ, взошедъ на сдѣланное нарочно возвышенное мѣсто, сѣлъ въ кресла подъ балдахиномъ; по правую сторону архіепископъ Нарбонскій и двѣнадцать епископовъ, а по лѣвую дворянство въ древнихъ рыцарскихъ

платяхъ и шляпахъ. Засѣданіе началось чрезъ одного синдика чтеніемъ историческаго описанія древняго Монпельевскаго королевства. Прошедъ времена древнихъ королей и упомянувъ, какъ оно перешло во владѣніе французскихъ государей, сказано въ заключеніе всего, что нынѣ благополучно владѣющему монарху¹⁾ надлежитъ платить деньги. Графъ Перигоръ читалъ потомъ рѣчь, весьма трогашую, въ которой изобразилъ долгъ вѣрноподанныхъ платить исправно подати. Многіе прослезились отъ сего краснорѣчія. Интендантъ²⁾ читалъ, съ своей стороны, также рѣчь, въ которой, говоря весьма много о дѣйствіяхъ природы и искусства, выхвалялъ здѣшній климатъ и трудолюбивый характеръ жителей. По его мнѣнію самая ясность небесъ здѣшняго края должна способствовать къ исправному платежу подати. Послѣ сего архіепископъ Нарбонскій говорилъ поучительное слово. Проходя всю исторію коммерціи, весьма краснорѣчиво изобразилъ онъ всѣ ея выгоды и сокровища и заключилъ тѣмъ, что съ помощію коммерціи, къ которой онъ слушателей сильно поощрялъ, Господь наградитъ со вторичею ту сумму, которую они согласятся заплатить нынѣ своему государю. Каждая изъ сихъ рѣчей сопровождается была комплиментомъ къ знатнѣйшимъ сочленамъ. Интендантъ превозносилъ похвалами архіепископа, архіепископъ интенданта; оба они выхваляли Перигора, а Перигоръ выхвалялъ ихъ обоихъ. Потомъ всѣ пошли въ соборную церковь, гдѣ пѣтъ былъ благодарный молебенъ Всевышнему за сохраненіе въ жителяхъ единодушія къ добровольному платежу того, что въ противномъ случаѣ взяли бы съ нихъ насильно. — Le don gratuit съ капитаціею³⁾ состоитъ въ сборѣ съ Лангедокской провинціи на наши деньги 920,000 рублей.

Проникнутое злой насмѣшкой описаніе Ф. Визина вполне оправдывается жалкимъ положеніемъ, въ какое были поставлены передъ революціей провинціальныя états. Въ слѣдующемъ письмѣ изъ Монпелье, черезъ два мѣсяца, Ф. Визинъ пишетъ: „Les États, или земскій судъ здѣшней провинціи уже кончился. Всѣ разъѣхались изъ Монпелье, знатные и богатые въ Парижъ, а мелкіе и бѣдные по деревнямъ своимъ. Первые пріѣзжали сюда дѣлать то, что хотятъ, или, справедливѣе сказать, дѣлать то, чѣмъ у двора насчетъ послѣднихъ выслужиться можно; а послѣдніе собраны были для формы, дабы соблюдена была въ точности наружность земскаго

¹⁾ Людовикъ XVI.

²⁾ Губернаторъ.

³⁾ Capitation (taxe par têtes) подушный окладъ.

суда; — я называю наружность, для того что въ самомъ существѣ она не значить ничего. Всѣ трактуемыя тутъ дѣла ограничиваются въ одномъ, то есть, въ собраніи подати. Окончивъ сіе, за прочія и не принимаются. Первый государственный чинъ, духовенство, препоручаетъ провинцію въ одно покровительство царя небеснаго, дабы самому не поссориться съ земнымъ, если вступится за жителей и облегчить утѣсенное ихъ состояніе. Знатнѣйшія свѣтскія особы считаютъ бытіе свое на свѣтѣ постольку, поскольку у двора пріятно на нихъ смотреть, и конечно не промѣняютъ одного милостиваго взгляда на все блаженство управляемой ими области. Словомъ, по окончаніи сего земскаго суда, провинція обыкновенно отдается въ добычу безсовѣстнымъ людямъ, которые тѣмъ жестоко грабятъ, чѣмъ дороже имъ самимъ становится привилегія разорять своихъ согражданъ“.

II.

Парижъ. Впечатлѣнія отъ южной Франціи.

Я видѣлъ Лангедокъ, Провансъ, Дофине, Лионъ, Бургонъ, Шампань. Первые двѣ провинціи считаются во всемъ здѣшнемъ государствѣ хлѣбороднѣйшими и изобильнѣйшими. Сравнивая нашихъ крестьянъ въ лучшихъ мѣстахъ съ тамошними, нахожу, безпристрастно судя, состояніе нашихъ несравненно счастливѣйшимъ. Я имѣлъ честь вашему сіятельству описывать частію причины оному въ прежнихъ моихъ письмахъ; но главною поставляю ту, что подать въ казну платится неограниченная и слѣдственно собственность имѣнія есть только въ одномъ воображеніи. Въ семь плодоноснѣйшемъ краю на каждой почтѣ карета моя была всегда окружена нищими, которые весьма часто, вмѣсто денегъ, именно спрашивали, нѣтъ ли съ нами куска хлѣба. Сіе доказываетъ неоспоримо, что и посреди изобилія можно умереть съ голода.

Осмотрѣвъ все то, что заслуживало любопытство въ сихъ провинціяхъ, пріѣхаль я въ Парижъ, въ сей мнимый центръ человѣческихъ знаній и вкуса. Не имѣлъ я еще довольно времени въ немъ осмотрѣться; но могу увѣрить ваше сіятельство, что стараюсь употребить каждый часъ въ пользу, примѣчая все то, что можетъ мнѣ подать справедливѣйшее понятіе о національномъ характерѣ. Неприлично изъясняться объ ономъ откровенно отсюда; ибо могутъ здѣсь почитать меня или льстецомъ, или осуждателемъ; но не могу же не отдать и той справедливости, что надобно отрещись вовсе отъ общаго смысла и истины, если сказать, что нѣтъ здѣсь

весьма много чрезвычайно хорошаго и подражанія достойнаго. Все сіе однакожь не ослѣпляетъ меня до того, чтобъ не видѣть здѣсь столько же, или и больше, совершенно дурнаго и такого, отъ чего насъ Боже избави. Словомъ, сравнивая и то и другое, осмѣлюсь вашему сіятельству чисто-сердечно признаться, что если кто изъ молодыхъ моихъ согражданъ, имѣющій здравый разумъ, вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и нестройства, и начнетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то для обращенія его на должную любовь къ отечеству, нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его во Францію. Здѣсь конечно узнаетъ онъ самымъ опытомъ очень скоро, что всѣ рассказы о здѣшнемъ совершенствѣ ложь, что люди вездѣ люди, что прямо умный и достойный человѣкъ вездѣ рѣдокъ и что въ нашемъ отечествѣ, какъ ни плохо иногда въ немъ бываетъ, можно однако быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой землѣ, если совѣсть спокойна и разумъ править воображеніемъ, а не воображеніе разумомъ.

III.

Парижъ. Общая картина Французской жизни.

Я оставилъ Францію. Пребываніе мое въ семь государствъ убавило сильно цѣну его въ моемъ мнѣніи. Я нашелъ доброе гораздо въ меньшей мѣрѣ, нежели воображалъ; а худое въ самой большой степени, которой и вообразить не могъ. Я разсматривалъ съ всевозможнымъ вниманіемъ все то, что могло способствовать мнѣ къ приобрѣтенію точнѣйшаго понятія о характерѣ французовъ и о настоящемъ ихъ положеніи относительно разныхъ частей правительства. Позвольте, милостивый государь, примѣчанія мои на оное представить вашему сіятельству и добавьте своимъ проищаніемъ то, къ чему мои разсужденія недостаточны будутъ.

Достойные люди, какой бы націи ни были, составляютъ между собой одну націю. Выключа ихъ изъ французской, примѣчалъ я вообще ея свойство. Надлежитъ отдать справедливость, что при неизъяснимомъ развращеніи нравовъ есть во французахъ доброта сердечная. Весьма рѣдкій изъ нихъ злопамятенъ — добродѣтель конечно непрочная, и полагаться на нее нельзя; по крайней мѣрѣ и пороки въ нихъ не глубоко вкоренены. Непостоянство и вѣтренность не до-

пускають ни пороку, ни добродѣтели въ сердца ихъ поселиться. Къ нимъ совершенно приличенъ стихъ Кребильоновъ:

Criminel sans penchant, vertueux sans dessein.

Разсудка французъ не имѣть и имѣть его почель бы несчастьемъ своей жизни; ибо онъ заставилъ бы его размышлять, когда онъ можетъ веселиться. Забава есть одинъ предметъ его желаній. А какъ на забавы потребны деньги, то для пріобрѣтенія ихъ употребляетъ всю остроту, которою его природа одарила. Острота, неуправляемая разсудкомъ, не можетъ быть способна ни на что, кромѣ мелочей, въ которыхъ и дѣйствительно французы берутъ верхъ предъ цѣлымъ свѣтомъ¹⁾.

По всеобщему ихъ образу мыслей обмануть не стыдно; но не обмануть — глупо. Смѣло скажу, что французъ самъ себя не проститъ, если пропустить случай обмануть, хотя въ самой бездѣлицѣ. Божество его — деньги. Изъ денегъ нѣтъ труда, котораго онъ не подыалъ, и нѣтъ подлости, которой бы не сдѣлалъ. Къ большимъ злодѣяніямъ неспособенъ. Самые убійцы становятся таковыми тогда только, когда умираютъ съ голоду, какъ же скоро французъ имѣть пропитаніе, то людей не рѣжетъ, а довольствуется обманывать. Корыстолюбіе несказанно заразило всѣ состоянія, не исключая самыхъ философовъ нынѣшняго вѣка. Въ разсужденіи денегъ не гнушаются и они человѣческою слабостію. Д'Аламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я на всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присокупляетъ безпримѣрное тщеславіе²⁾....

Одно тщеславіе ихъ простирается до того, что сами науки сдѣлались источникомъ непримиримой вражды между семьями. Братъ гонитъ брата за то, что одинъ любитъ Расина,

¹⁾ Этому смѣлому обвиненію всего французскаго общества въ пустотѣ и легкомысліи обыкновенно противопоставляютъ отзывъ англійскаго ученаго, извѣстнаго историка Гиббона, бывшаго во Франціи на нѣсколько лѣтъ раньше Ф.-Визина. Гиббонъ писалъ: „Говорите, что вамъ угодно, о легкомысліи французовъ; но я увѣрю васъ, что за двѣ недѣли моего пребыванія въ Парижѣ я слышалъ больше дѣльныхъ разговоровъ, достойныхъ памяти, и видѣлъ больше образованныхъ писателей изъ порядочнаго круга, чѣмъ въ Лондонѣ за двѣ — три зимы“.

²⁾ Въ этой грубой, даже прямо невѣжественной выходкѣ авторъ очень неудачно упоминаетъ Даламбера и Дидро, какъ разъ отличавшихся нравственнымъ достоинствомъ. Видимо, онъ бросалъ слова наобумъ.

а другой Корнеля; ибо острога французскаго разума велить одному брату, любя Расина, ругать язвительно Корнеля и влястися предъ свѣтомъ, что Расинъ предъ Корнелемъ, а братъ его передъ нимъ, гроша не стоятъ. Вообще ни одинъ писатель не можетъ терпѣть другаго и почитаетъ праздникомъ всякій случай уязвить своего совмѣстника. При всей ихъ премудрости нѣтъ въ нихъ и столько разсудка, чтобъ осмотрѣться, какъ безчестять себя сами, ругая другъ друга, и въ какое посмѣяніе приводить себя у тѣхъ, въ коихъ хотятъ вселить къ себѣ почтеніе....

Обращусь теперь къ начатому описанію характера національнаго. Господа философы отвели меня нѣсколько отъ моей главной матеріи; но я, остановясь на нихъ, хотѣлъ показать, что со стороны практическаго нравоученія перенимать у французовъ, кажется, нечего. Примѣтилъ я вообще, что французъ всегда молодъ, а изъ молодости переваливается вдругъ въ дряхлую старость: слѣдственно въ совершенномъ возрастѣ никогда не бываетъ¹⁾. Пока можетъ, утопаетъ онъ въ презрительныхъ забавахъ и сей родъ жизни дѣлаетъ всѣ состоянія такъ равными, что послѣдній повѣса живетъ въ пріятельской связи съ знатнѣйшею особою. Равенство есть благо, когда оно, какъ въ Англіи, основано на духѣ правленія; но во Франціи равенство есть зло, потому что происходитъ оно отъ развращенія нравовъ²⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ сіи злоупотребленія имѣютъ свой источникъ въ воспитаніи, которое у французовъ пренебрежено до невѣроятности. Первые особы въ государствѣ не могутъ никогда много разниться отъ безсловесныхъ, ибо воспитываютъ ихъ такъ, чтобъ они на людей не походили. Какъ скоро начинаютъ понимать, то попы вселяютъ въ нихъ предразсудки, подавляющіе смыслъ младенческой, и они вырастаютъ обыкновенно съ однимъ чувствомъ подобострастія къ духовенству. Нынѣшній король трудолюбивъ и добросердеченъ; но оба сіи качества управляются чужими головами. Одинъ изъ принцевъ имѣетъ великую претензію на царство небесное и о земныхъ вещахъ мало помышляетъ. Попы увѣрили его, что не отречьсися вовсе отъ здраваго ума, нельзя никакъ понравиться Богу, и онъ дѣлаетъ все

¹⁾ Вся эта мысль дѣликомъ заимствована изъ соч. Дюкло: „*Considerations sur les moeurs de ce siècle*, 1752. Очень характерно поэтому, что Ф.-Визинъ начинаетъ фразу словами: „Примѣтилъ я вообще“.

²⁾ Снова фраза, переведенная изъ Дюкло. См. примѣч. 2-е на стр. 323.

возможное, чтобъ стать угодникомъ Божиимъ. Другой — побѣдилъ силу вѣры силою вина: мало людей перепить его могутъ. Сверхъ того почитается онъ первымъ петиметромъ и всѣ молодые люди подражаютъ его тону, который состоитъ въ томъ, чтобъ говорить грубо, произнося слова отрывисто; ходить переваливаясь, разинувъ ротъ, не смотря ни на кого; толкнуть всякаго, съ кѣмъ встрѣтится; смѣяться безъ малѣйшей причины, сколько силъ есть громче; словомъ, дѣлать все то, что дурачество и пьянство въ голову вложить могутъ. Таковы всѣ нынѣшніе французскіе петиметры.

Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученіемъ. Нѣтъ генеральнаго плана воспитанія и все юношество учится, а не воспитывается. Главное стараніе прилагаютъ, чтобъ одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столярномъ; но чтобъ каждый изъ нихъ былъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ¹⁾. Итакъ относительно воспитанія Франція ни въ чемъ не имѣетъ преимущества предъ прочими государствами. Въ сей части столько же и у нихъ недостатковъ, сколько и вездѣ; но въ тысячу разъ больше шарлатанства. Рѣдкій отецъ не изобрѣтаетъ новаго плана для воспитанія дѣтей своихъ. Часто новый его планъ хуже стараго; но сей поступокъ доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что сами они чувствуютъ недостатки общаго у себя воспитанія, не смысла разобрать, въ чемъ состоятъ они дѣйствительно.

Дворянство французское по бѣльшей части въ крайней бѣдности и невѣжестве его ни съ чѣмъ несравненно. Ни званіе дворянина, ни орденъ Св. Людовика не мѣшаютъ во Франціи ходить по міру. Исключая знатныхъ и богатыхъ, каждый французскій дворянинъ, при всей своей глупой гордости, почтетъ за великое себѣ счастье быть принятымъ гувернеромъ къ сыну нашего знатнаго господина. Множество изъ нихъ мучили меня неотступными просьбами достать имъ такія мѣста въ Россіи; но какъ исполненіе ихъ просьбъ было бы убійственно для невинныхъ, доставшихся въ ихъ руки, то уклонился я отъ сего злодѣянія и почитаю долгомъ совѣсти не способствовать тому злу, которое въ отечествѣ нашемъ уже довольно вкореняется.

Причина бѣдности дворянства есть та же самая, которая

---

¹⁾ Слегка перефразированная мысль Дюкло, какъ и дальше, о планахъ въ воспитаніи.

столько утвердила богатство и силу ихъ духовенства, и именно: право большаго сына наследовать въ родительскомъ имѣніи. Для меньшихъ братьевъ два пути отверзты: военная служба и чинъ духовный. Въ первомъ предстоятъ труды, оканчивающіеся почти всегда бѣдностію, а въ послѣднемъ священная праздность и изобиліе. Обыкновенно фамилія изъ сроднической горячности преклоняетъ меньшихъ братьевъ къ послѣднему; но часто французская живость велитъ имъ сопротивляться сему благому совѣту и, принявъ военную службу, поссориться со всею своею роднею. Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ ни одной дворянской фамиліи, гдѣ бѣ не было изъ меньшихъ братьевъ человѣка благоразумнаго, предпочтившаго состояніе пастыря состоянію овцы. Всѣ архіепископы и епископы суть братья знатнѣйшихъ особъ, подкрѣпляемые у двора своею роднею и подкрѣпляющіе себя въ народѣ содержаніемъ его въ крайнемъ суевѣріи. Ваше сіятельство изъ сего усмотрѣть изволите, сколь тверда во Франціи сила духовенства, когда въ сохраненіи его самъ дворъ видитъ свою пользу. Суевѣріе народное простирается тамъ до невѣроятности. Я опишу вамъ, милостивый государь, одинъ изъ духовныхъ обрядовъ, который сію истину неоспоримо докажетъ.

Городъ Э (Aix) есть главный въ Провансѣ. Парламентъ и всѣ лучшіе люди сей провинціи имѣютъ въ немъ свое пребываніе; слѣдственно должно быть въ немъ и просвѣщенія больше, нежели въ другихъ городахъ низшаго класса. Не взирая на сіе, вотъ какимъ образомъ ежегодно отправляется въ Э праздникъ, называемый Fête Dieu. Торжество состоитъ въ процессіи, въ которой Святыя тайны носимы бывають по городу въ препровожденіи всего народа. Знатнѣйшія особы наряжены всѣ въ маскарадное платье. Одинъ представляетъ Пилата, другой Каиафу, и такъ далѣе. Дамы и дѣвицы благородныя наряжены Мучоносицами и прочими святыми, а прекраснѣйшая представляетъ Богородицу. Мѣщанство все наряжено чертами: почтеннѣйшій Вельзевуломъ, а прочіе по степенямъ своихъ достоинствъ. Всѣ сии черти идутъ предъ Тѣломъ Христовымъ съ превеликимъ ревомъ и пятятся назадъ, будто бы сила Святыхъ Тайнъ отъ себя ихъ отгоняетъ. За нѣсколько дней предъ церемоніею раздѣленіе ролей производитъ многія тяжбы, особливо между мѣщанствомъ. Часто приходитъ предъ судъ тотъ, у кого роль отнимають, и доказываетъ свою претензію тѣмъ, что отецъ его былъ дьяволъ, дѣдъ дьяволъ

и что онъ безвинно теряетъ званіе своихъ предковъ. Во всѣхъ прочихъ французскихъ городахъ, не исключая самаго Парижа, есть множество подобныхъ сему дурачествъ, служащихъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что народъ ихъ пресмыкается во мракѣ глубочайшаго невѣжества.

Въ разсужденіи злоупотребленія духовной власти я увѣренъ, что Франція несравненно несчастнѣе всѣхъ прочихъ государствъ. Правда, что невѣжество поповъ дѣлаетъ часто поношеніе всей націи; но изъ сихъ двухъ крайностей я лучше видѣть хочу поповъ-невѣждъ, нежели тирановъ. Сила духовенства во Франціи такова, что знатнѣйшіе не боятся потерять ее никакимъ соблазномъ... Нѣтъ позорнѣе той жизни, какую ведутъ французскіе аббаты.

Разсматривая состояніе французской націи, научился я различать вольность по праву отъ дѣйствительной вольности. Нашъ народъ не имѣетъ первой, но послѣднею во многомъ наслаждается. Напротивъ того французы, имѣя право вольности, живутъ въ сущемъ рабствѣ. Король, будучи ограниченъ законами, имѣетъ въ рукахъ всю силу попирать законы. *Les lettres de cachet* суть именныя указы, которыми король посылаетъ въ ссылки и сажаетъ въ тюрьму, которымъ никто не смѣетъ спросить причины и которые весьма легко достаются у государя обманомъ, что доказываютъ тысячи примѣровъ. Каждый министръ есть деспотъ въ своемъ департаментѣ. Фавориты его дѣлятъ съ нимъ самовластіе и своимъ фаворитамъ удѣляютъ. Что видѣлъ я въ другихъ мѣстахъ, видѣлъ и во Франціи. Кажется, будто всѣ люди на то сотворены, чтобъ каждый былъ или тиранъ, или жертва. Неправосудіе во Франціи тѣмъ жесточе, что происходитъ оно непосредственно отъ самого правительства и на всѣхъ простирается. Налоги, частые и тажкіе, служатъ къ одному обогащенію ненасытимыхъ начальниковъ; никто, не подвергаясь бѣдѣ, не смѣетъ слова молвить противъ сихъ утѣсненій. Надобно тотчасъ выбрать одно изъ двухъ: или платить, или быть брошену въ тюрьму. *C'est l'affaire du goût*. Всякій дѣлаетъ, что хочетъ.

Народъ въ провинціяхъ еще несчастнѣе, нежели въ столицѣ. Судьба его зависитъ главнѣйше отъ интенданта; но что есть интендантъ? Воръ, имѣющій полномочіе грабить провинцію безотчетно. Чѣмъ дороже стала ему у двора сія привиллегія, тѣмъ для народа тягостнѣе. Каждый изъ нихъ начинаетъ ремесло свое тѣмъ, что захватываетъ откупъ

хлѣба, нужнѣйшаго для жизни произрастенія, и принуждаетъ черезъ то жителей покупать у него жизнь за ту цѣну, которую опредѣлить заблагоразсуждаетъ.

Франція вся на откупъ. Невозможно выѣхать на нѣсколько шаговъ изъ Парижа, чтобъ, воротясь, не быть остановлену таможеню. Почти за все ввозимое въ городъ платится столько пошрины, сколько сама вещь стоитъ. Изъ уваженія къ особѣ государя узаконено не собирать пошрины въ томъ одномъ мѣстѣ, гдѣ его присутствіе; слѣдственно въ тотъ день, въ который король пріѣхалъ бы въ Парижъ, пошрина не должна собираться съ народа. Сіе причиною, что король, будучи нерѣдко у рѣшетки Парижа, въ него не въѣзжаетъ; онъ уже нѣсколько лѣтъ не былъ въ Парижѣ для того, что по контракту отдалъ его грабить государственнымъ ворамъ. Можно по всей справедливости сказать, что Версаль есть мѣсто, куда французскаго короля посылаютъ откупщики въ вѣчную ссылку.

Другой источникъ казенныхъ доходовъ во Франціи есть продажа чиновъ и должностей — зло безмѣрное, вымышленное въ несчастныя времена, когда не было откуда взять денегъ на нужнѣйшіе государственные расходы. Сіе изобрѣтеніе, доставивъ на то время большую подмогу, понравилось правительству. Время протекло; чины благополучно продавались; иной не могъ, другой не хотѣлъ, третій не смѣлъ предупредить того зла, которое со временемъ необходимо должно было родиться отъ торговли сего рода. Мало-по-малу доходы отъ продажи чиновъ стали присвояться не къ своимъ назначеніямъ. Надлежало вымышлять вседневно на продажу новыя чины, новыя должности; но и того не доставало. Надлежало усугубить налоги и нація напалась въ положеніи бѣдственнѣйшемъ прежняго. Множество подлыхъ людей душею и происхожденіемъ покупали себѣ права и способы быть орудіями народныхъ угѣсненій. Довѣренность къ начальникамъ уступила мѣсто душевному къ нимъ презрѣнію; ибо къ пріобрѣтенію начальства однѣ деньги потребны стали. Нынѣ всѣ зловредныя слѣдствія продажи чиновъ терзаютъ государство и нѣтъ средства къ избавленію. Король не въ состояніи возвратитъ денегъ, взятыхъ за продажу, а не возврата денегъ, нельзя отнять проданнаго. При послѣднемъ засѣданіи парламента сдѣланъ былъ планъ уничтоженію сей торговли; но тотъ планъ, изобрѣтенный впрочемъ коварствомъ и злобою, не

могъ быть произведенъ въ дѣйство безъ потрясенія всего государства и опыты доказаль, что продажа чиновъ во Франціи есть зло нужное и ничѣмъ неотвратимое.

Не бывъ военнымъ человѣкомъ, не могу о французскихъ войскахъ подать вашему сіятельству идеи другимъ образомъ, какъ сообщивъ слышанныя мною разсужденія отъ безпристрастныхъ чужестранцевъ. Вообще говорить, что нѣтъ въ ихъ войскѣ души военной. Всякій солдатъ умству-етъ, слѣдственно плохо повинуется. При мнѣ король смо-трѣлъ свой полкъ. Всѣ чужестранные, между коими были изъ нашихъ генераль-маіоръ князь Долгорукій, полковники Бибииковъ и Неранчичъ, не могли отъ смѣха удержаться, смотря на маневры. Я, не смысла ничего въ семь искусствѣ, могъ примѣтить, что солдаты командировъ своихъ нимало не уважаютъ. Нѣсколько разъ полковникъ Marquis de Châ-teleet, подъѣзжая къ фрунту, кричалъ: *paix, messieurs! paix! je vous en prie*; ибо солдаты, разговаривая одинъ съ дру-гимъ о своихъ дѣлахъ, изо всей силы хохотали. Офицеры, по общему признанію, ниже понятія о должностяхъ своихъ не имѣютъ. Осмѣлюсь разсказать вашему сіятельству ви-дѣнное мною въ Монпелье, чтобъ представить вамъ при-мѣръ ихъ военной дисциплины. Губернаторъ тамошній, графъ Перигоръ, имѣетъ въ театрѣ свою ложу. У дверей оной обыкновенно ставится часовой съ ружьемъ, изъ ува-женія къ его особѣ. Въ одинъ разъ, когда ложа наполнена была лучшими людьми города, часовой, соскучивъ стоять на своемъ мѣстѣ, отошелъ отъ дверей, взялъ стулъ и, по-ставя его рядомъ со всѣми сидящими знатными особами, сѣлъ тутъ же смотрѣть комедію, держа въ рукахъ свое ружье. Подлѣ него сидѣлъ маіоръ его полка и кавалеръ Св. Людовика. Удивила меня дерзость солдата и молчаніе его командира, котораго взялъ я вольность спросить: для чего часовой такъ къ нему присоединился? *C'est qu'il est curieux de voir la comédie*, отвѣчалъ онъ съ такимъ видомъ, что ничего страннаго тутъ и не примѣчаетъ.

Тяжебныя дѣла во Франціи такъ же несчастны, какъ и у насъ, съ тою только разницею, что въ нашемъ отечествѣ издержки тяжущихся не столь безмѣрны. Правда, что у насъ и у нихъ чаще обвинена бываетъ сторона беспомощ-ная; но во Франціи, прежде нежели у праваго отнять, над-лежитъ еще много сдѣлать церемоній, которыя обѣимъ сто-ронамъ весьма убыточны. У насъ же по крайней мѣрѣ

въ томъ преимущество, что дѣйствуютъ гораздо проворнѣе, и какъ скоро вступился какой нибудь полубояринъ, сродни фавориту, то въ самой тотъ часъ дѣло беретъ уже совсѣмъ другой оборотъ и приближается къ концу. Скажутъ мнѣ, что французы превосходятъ насъ въ гражданскихъ дѣлахъ краснорѣчіемъ и что ихъ стряпчіе великіе витицъ, а наши безграмотны. Правда; но все сіе весьма хорошо для французскаго языка, а не для праваго дѣла. При безсовѣстныхъ судьяхъ Цицеронъ и Вахтинъ равные ораторы.

Полиція парижская славна въ Европѣ. Говорятъ, что полиціймейстеръ ихъ всевѣдущъ; что онъ, какъ невидимый духъ, присутствуетъ вездѣ, слышитъ всѣхъ бесѣды, видитъ всѣхъ дѣянія, и кромѣ однихъ помышленийъ человѣческихъ ничто отъ него не скрыто. Поздравляю его съ такимъ преестественнымъ прониканіемъ; но при семъ небесномъ дарѣ желалъ бы я ему лучшаго обонянія; ибо на скотномъ дворѣ у нашего добраго помѣщика чистоты гораздо больше, нежели предъ самыми дворцами французскихъ королей. Въ разсужденіи дешевизны я инаго сказать не могу, какъ что въ весьма рѣдкихъ европейскихъ городахъ жизнь такъ безмѣрно дорога, какъ въ Парижѣ; за то и бѣдность въ немъ неслезанная; и хотя нищимъ шататься запрещено, однако я нигдѣ столько ихъ не видывалъ. Впрочемъ, парижскіе купцы, какъ и вездѣ, стараются свой товаръ продавать сколько можно дороже. Разница только та, что французы обманываютъ несравненно съ большимъ искусствомъ и не знаютъ въ обманахъ ни мѣры, ни стыда. Что же касается до безопасности въ Парижѣ, то я внутренно увѣренъ, что всевѣдніе полиціймейстера не весьма дѣйствительно и польза отъ полицейскихъ шпионовъ отнюдь не соответствуетъ той ужасной суммѣ, которую полиція на нихъ употребляетъ. Грабятъ по улицамъ и рѣжутъ въ домахъ нерѣдко. Строгость законовъ не останавливаетъ злодѣяній, рождающихся во Франціи почти всегда отъ бѣдности; ибо, какъ я выше изъяснилъ, французы, по собственному побужденію сердець своихъ, нимаго къ злодѣяніямъ неспособны и одна нищета влагаетъ у нихъ ножъ въ руку убійцы. Число мошенниковъ въ Парижѣ неисчетно. Сколько кавалеровъ Св. Людовика, которымъ, если не укравъ ничего выходить изъ дому, кажется, будто нѣчто свое въ домѣ томъ забыли! Словомъ, въ разсужденіи всѣхъ полицейскихъ предметовъ, парижская полиція кажется отъ возможнаго совершенства

весьма еще далека. Напротивъ того вижу, что развращеніе ихъ нравовъ отнимаетъ почти всю силу у законовъ и самую ихъ строгость дѣлаетъ недействительною.

Если что во Франціи нашель я въ цвѣтущемъ состояніи, то конечно ихъ фабрики и мануфактуры. Нѣтъ въ свѣтѣ наши, которая бѣ имѣла такой изобрѣтательный умъ, какъ французы въ художествахъ и ремеслахъ, до вкуса касающихся. Я хаживаль въ *marchandes des modes*, какъ къ артистамъ, и смотрѣль на уборы и наряды, какъ на прекрасныя картины. Сіе дарованіе природы послужило много къ поврежденію ихъ нравовъ. Моды вседневно перемѣняются: всякая женщина хочетъ наряжена быть по послѣдней модѣ; мужья пришли въ несостояніе давать довольно денегъ женамъ на уборы; жены стали промышлять деньги, не безпокоя мужей своихъ, и Франція сдѣлалась въ одно время моделью вкуса и соблазномъ нравовъ для всей Европы. Нынѣшняя королева¹⁾ страстно любитъ наряжаться. Прошлаго года послала она свой портретъ къ матери, въ которомъ велѣла написать себя наряженною по самой послѣдней модѣ. Императрица²⁾ возвратила сей портретъ при письмѣ, въ которомъ между прочимъ сіи строчки находились: „*Vos ordres ont été mal exécutés; au lieu de la Reine de France que je m'attendais à admirer dans votre envoi je n'ai trouvé que la ressemblance et les entours d'une actrice d'Opéra. Il faut, qu'on se soit trompé*“³⁾.

Королева смутилась было симъ отвѣтомъ, но придворные скоро ей растолковали, что гнѣвъ ея матери происходитъ не отъ чего другого, какъ отъ ея старости, отъ ея набожности и отъ худаго вкуса вѣнскаго двора.

ЧЕЛОБИТНАЯ РОССІЙСКОЙ МИНЕРВѢ

ОТЪ РОССІЙСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

„Челобитная“ написана въ одно время съ „Вопросами“, въ началѣ 1783 г. (оба произведенія помѣщены въ сосѣднихъ книжкахъ „Собесѣдника“) и проникнуты однимъ настроеніемъ. Въ нихъ дрожить негодованіе челоуѣка, который видитъ, какъ мало, и въ обществѣ и въ правительственномъ кругу, цѣнятся истинныя заслуги, умъ и дарованія, а пустота и безсовѣстность легко и свободно за-

¹⁾ Марія Антуанета.

²⁾ Марія Терезія.

³⁾ Ваше приказаніе худо исполнено: вмѣсто французской королевы, которую я надѣялась увидѣть на присланномъ портретѣ, я нашла въ немъ сходство съ оперною актрисою. Должно быть, тутъ вышла ошибка.

нимають первыя мѣста. Въ частности здѣсь видно еще горькое сознание того, что писателю, даже даровитому и выдающемуся, въ этомъ обществѣ не добиться уваженія и признанія важности его работы — однимъ словомъ, Ф. Визина оскорбляла та же черта русской жизни, отъ которой терпѣлъ и Пушкинъ. Въ „Челобитной“ это общественное признаніе, котораго желалъ Фонъ-Визинъ, понимается еще довольно примитивно: авторъ какъ бы соглашается, что истинныя права на общественное уваженіе приобретаются лишь государственной службой, и проситъ только, чтобы писателямъ не мѣшали получить эти права, не загораживали имъ дороги къ службѣ, которую они по своей образованности способны нести съ большей честью, чѣмъ чиновные и знатные невѣжды. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ „Отвѣтъ Стародума“ онъ уже не требуетъ для писателя службы, а признаетъ, что „человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣтодателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества“.

Замѣтная въ обоихъ произведеніяхъ 1783 г. желчность и рѣзкость тона, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что толчкомъ къ раздумыванью этихъ вопросовъ для Фонъ-Визина послужили нѣкоторыя особенности его личнаго положенія въ это время. Въ началѣ 1783 г. умеръ гр. Никита Ив. Панинъ, съ которымъ Фонъ-Визинъ давно и крѣпко связалъ свою служебную карьеру; со смертью Панина передъ сатирикомъ вставалъ вопросъ дальнѣйшаго личнаго устройства, затрудненный тѣмъ, что его покровитель не пользовался милостями двора и знати. Фонъ-Визинъ былъ тогда уже извѣстнымъ писателемъ, которому успѣхъ „Недоросля“ только что далъ славу и признаніе своего таланта, онъ чувствовалъ себя по уму, опытности и знаніямъ способнымъ занять видное служебное положеніе; идти къ тому обычной дорогой — искать себѣ „милостивца“ — было не въ его характерѣ (Панина онъ глубоко уважалъ какъ личность), а прямые пути отсутствовали. Онъ долженъ былъ видѣть, что ему грозитъ опасность остаться не у дѣлъ, и не могъ этого желать по своей живой, дѣятельной натурѣ и находясь въ цвѣтѣ силъ. И вотъ онъ вылилъ въ „Вопросахъ“ и „Челобитной“ все, что пережилъ въ этотъ переходный моментъ жизни, все, что оскорбляло и задѣвало его какъ писателя и какъ личность, вылилъ желчно и колюче, именно, какъ человѣкъ, на себѣ лично почувствовавшій одну изъ общихъ ненормальностей. Быть можетъ, онъ при этомъ рассчитывалъ отчасти возбудить вниманіе царственной писательницы („Челобитная“ обращена прямо къ ней); она не разъ оказывала это вниманіе и литературнымъ произведеніямъ и самимъ писателямъ; примѣръ Державина съ его „Фелицей“, напечатанной въ томъ же „Собесѣдникѣ“ на двѣ книжки раньше „Вопросовъ“ и „Челобитной“, былъ очень свѣжъ и могъ оказывать свое дѣйствіе. Но въ „Фелицѣ“ было очень много искренняго восхищенія и очень мало сатиры, притомъ легкой и веселой, а статьи Фонъ-Визина содержали каплю обычныхъ, нѣсколько официальныхъ похвалъ и рядъ желчныхъ, „кусательныхъ“ указаній въ серіозномъ, „меланхолическомъ“ тонѣ, котораго такъ не любила еще „Всякая Всячина“. Челобитчикъ-писатель, стремившійся къ службѣ, навлекъ на себя не-

удовольствіе и въ томъ же году долженъ былъ выйти окончательно въ отставку.

Бьютчеломъ Россійскіе Писатели; а о чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

Подъ владѣніемъ Вашего Божественнаго Величества находимся слишкомъ двадцать лѣтъ, въ теченіе коихъ никакихъ обидъ и притѣсненій отъ лица Вашего намъ именованнымъ не учинено; напротивъ же того, всякое одобреніе и покровительство отъ священныя Особы Вашея намъ изъясляемо было.

2.

Но какъ Ваше Божественное Величество правите своей землею своимъ умомъ, то и не удивительно, что часто предстоитъ Вамъ трудъ поправлять своимъ просвѣщеніемъ людское невѣжество и своей мудростію людскую глупость. Сею высочайшею милостію пользовались, и нынѣ пользуются, всѣ тѣ вѣрнопопданные Вашего Божественнаго Величества, кои достигли до знаменитости, не будучи сами умомъ и знаніемъ весьма знамениты.

3.

Сии самые знаменитые невѣжды, заемля свѣтъ отъ лучей Вашего Величества, возмечтали о себѣ, что сіяніе дѣль, Вами руководуемыхъ, происходитъ яко бы отъ искръ ихъ собственной мудрости; ибо, возвышаяся на степени, забыли они совершенно, что умы ихъ суть умы жалованные, а не родовые и что по статнымъ спискамъ всегда справиться можно, кто изъ нихъ и въ какой торжественный день пожалованъ въ умные люди.

4.

Отъ сего возмечтанія родилось въ душахъ реченныхъ невѣждъ внутреннее удостовѣреніе, что къ отправленію дѣлъ ни въ какихъ знаніяхъ нужды нѣтъ, ибо де мы сами въ дѣлахъ, безъ малѣйшаго въ нихъ знанія. Мы, именованные, приѣмля сіе ихъ признаніе за справедливое, понеже и въ силу закона собственное признаніе есть наилучшее всѣхъ доказательствъ, дерзаемъ представить Вашему Божественному Ве-

личеству, что помянутые невѣжды, произносящія съ крайнимъ безстыдствомъ и въ похвальбу себѣ таковое признаніе, употребляютъ во зло знаменитость своего положенія, къ тяжкому предосудженію словесныхъ наукъ и къ нестерпимому притѣсненію насъ именованныхъ. Они, исповѣдуя другъ другу невѣдѣніе свое въ вещахъ, которыхъ не вѣдать стыдно во всякомъ состояніи, постановили между собою условіе: всякое знаніе, а особливо словесныя науки, почитать не иначе какъ уголовнымъ дѣломъ. Въ слѣдствіе чего учинили они между собою опредѣленіе, которое, въ противность высочайшихъ учреждений, намъ именованнымъ при открытыхъ дверяхъ не прочитали и безъ всякихъ обрядовъ къ дѣйствительному онаго исполненію нагло приступили. Сіе незаконное опредѣленіе ихъ состоитъ, какъ мы стороною узнали, въ нижеслѣдующихъ пунктахъ: 1. Всѣхъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ къ дѣламъ не употреблять. 2. Всѣхъ таковыхъ, при дѣлахъ уже находящихся, отъ дѣлъ отрѣшати.

И дабы Вашего Божественнаго Величества указомъ повелѣно было сіе наше прошеніе принять и таковое незаконное и вѣкъ нашъ ругающее опредѣленіе отмѣнить; насъ же, яко грамотныхъ людей, повелѣть по способностямъ къ дѣламъ употреблять, дабы мы, именованные, служа Россійскимъ музамъ на досугѣ, могли главное жизни нашей время посвящать на дѣло для службы Вашего Величества.

Великая Богиня! просимъ Ваше Божественное Величество о семъ нашемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Къ поданію надлежитъ въ Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова. Прошеніе писалъ Россійскихъ музъ служитель Иванъ Нельстцовъ.

ВОПРОСЫ Ф.-ВИЗИНА

И ОТВѢТЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ.

Въ 1783 г. Ф.-Визинъ прислалъ безъ подписи въ журналъ „Собесѣдникъ Любителей Россійскаго слова“ статью, въ формѣ вопроса, гдѣ затрогивались нѣкоторые важные общественные и государственные порядки въ довольно колкомъ тонѣ. Журналъ издавался при Академіи, редакторомъ была кн. Дашкова и всѣмъ было извѣстно, что тамъ сотрудничала сама Екатерина, наполняя часть журнала „Былями и Небылицами“ и „Записками касательно Россійской исторіи. „Вопросы“ не понравились Екатеринѣ; одни изъ нихъ задѣвали больныя мѣста нашихъ порядковъ

и такимъ образомъ косвенно критиковали ее, какъ правительницу, другіе обличали преимущественно высшій кругъ знатнаго и вельможнаго дворянства, который она не позволяла трогать еще раньше, напр., Новикову (полемика „Всякой Всячины“ съ „Трутнемъ“). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ вопросахъ она увидала прикосновеніе къ ея личной жизни, къ близкому кругу ея общества. (Вопросъ о шпьяняхъ и балагурахъ явно мѣтилъ на оберъ-штаб-мейстера Л. А. Нарышкина, остроуміе и буфонство котораго Екатерина слушала ежедневно и любила.) Въ вопросахъ послѣдняго рода она прочитала недоброжелательство лично къ себѣ и сперва приписала статью оберъ-камергеру Шувалову, котораго не любила. Екатерина рѣшила напечатать анонимную сатиру, обезвредивъ ее своими отвѣтами. Она писала по этому поводу кн. Дашковой: „Если бы можно напечатать вмѣстѣ съ отвѣтами, то сатира будетъ безвредна, если только поводъ къ сравненіямъ не придастъ большей дерзости“. Вопросы такъ и были напечатаны параллельно съ отвѣтами Екатерины; изъ этихъ отвѣтовъ, въ общемъ намѣренно уклончивыхъ и неискреннихъ, а мѣстами строгихъ и недовольныхъ, видно, что она не даромъ опасалась „повода къ сравненію“: результаты сравненія не въ ея пользу. Какъ бы то ни было, она достигла цѣли; Ф.-Визинъ понялъ, что чуть было не попалъ въ бѣду и прислалъ „покаянное“ объясненіе въ „Собесѣдникъ“, которое и было напечатано вмѣстѣ съ новымъ отвѣтомъ „сочинителя Былей и Небылицъ“. Въ этомъ отвѣтѣ Екатерина съ снисходительнымъ пренебреженіемъ прощала кающагося. Дашковой она писала при этомъ: „Такъ какъ я возвращаю жалкое произведеніе, которое очевидно вышло изъ подъ пера автора вопросовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь приложить готовый къ напечатанію листъ“.

Всѣ эти матеріалы помѣщены ниже.

Собесѣдникъ Любителей Россійскаго слова, подъ надзоромъ почтенныхъ Наукъ Покровительницы, есть и долженъ быть хранилищемъ тѣхъ произведеній разума, кои приносить могутъ столько увеселенія, сколько и дѣйствительной пользы. Издатели онаго не боятся отверзать двери истиннѣ; по чему и беру вольность представить имъ для напечатанія нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ особенное вниманіе. Буде оныя напечатаны, то продолженіе послѣдуетъ впредь и немедленно.

Публика заключить тогда по справедливости, что естими можно вопрошать прямодушно; то можно и отвѣчать чисто-сердечно. Отвѣты и рѣшенія наполнять будутъ Собесѣдника и составлять неизсыхаемый источникъ размышленій, извлекающихъ со дна истинну, толь возлюбленную Монархинѣ нашей.

ВОПРОСЫ.

ОТВѢТЫ.

1. Отъ чего у насъ спорять сильно въ такихъ истиннахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сумнѣнія?

2. Отъ чего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ?

3. Отъ чего всѣ въ долгахъ?

4. Естьли дворянствомъ награждаются заслуги, а въ слугамъ отверзто поле для всякаго гражданина, отъ чего же никогда не достигаютъ дворянства купцы, а всегда или заводчики или откупщики?

5. Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства?

6. Отъ чего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ перевелися общества между благородными?

7. Отъ чего главное стараніе большой части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобъ поскорѣй сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобъ поскорѣе сдѣлать ихъ не служба гвардіи унтеръ-офицерами?

8. Отъ чего въ нашихъ бесѣдахъ слушать нечего?

9. Отъ чего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ честными людьми?

На 1. У насъ, какъ и вездѣ, всякій спорить о томъ, что ему не нравится или непонятно.

На 2. Многіе добрые люди вышли изъ службы вѣроятно для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ.

На 3. Отъ того въ долгахъ, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.

На 4. Одни, бывъ богатѣе другихъ, имѣютъ случай оказать какую нинаестъ такую заслугу, по которой получаютъ отличіе.

На 5. Для того, что вольныхъ типографій до 1782 г. не было.

На 6. Отъ размножившихся клябовъ.

На 7. Одно легче другаго.

На 8. Отъ того, что говорятъ небылицу.

На 9. Отъ того, что на судѣ не изобличены.

10. Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

11. Отъ чего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ по большей части къ носящимъ ихъ, ни малѣйшаго душевнаго почтенія?

12. Отъ чего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?

13. Чѣмъ можно возвысить упавшія души дворянства? Какимъ образомъ выгнать изъ сердець нечувственность къ достоинству благороднаго званія? Какъ здѣлать, чтобъ почтенное титуло дворянина было несумнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства?

14. Имѣя Монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ, удостоиваться Ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ?

15. Отъ чего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли; а нынче имѣютъ, и весьма большіе?

16. Отъ чего многіе пріѣзжіе изъ чужихъ краевъ, почтавшіеся тамо умными людьми, у насъ почитаются дураками,

На 10. Отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго.

На 11. Отъ того, что всякой любить и почитаетъ лишь себѣ подобнаго, а не общественныя и особенныя добродѣтели.

На 12. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурно, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

На 13. Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несумнѣнно, koliko души ободрены либо упали, самая наружность, походка и проч. то уже оказываетъ.

На 14. Для того, что вездѣ во всякой землѣ и во всякое время родъ человѣческой совершеннымъ не родится.

На 15. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. НВ. Сей вопросъ родился отъ *свободыязычій*, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десяти прежде бывшихъ.

На 16. Отъ того, что вкусы разные, и что всякой народъ имѣетъ свой смыслъ.

и на оборотъ, отъ чего здѣш-
ніе умницы въ чужихъ краяхъ
часто дураки?

17. Гордость большой части
бояръ гдѣ обитаетъ, въ душѣ
или въ головѣ?

18. Отъ чего въ Европѣ
весьма ограниченный чело-
вѣкъ въ состояніи написать
письмо вразумительное, и отъ
чего у насъ часто преострые
люди пишутъ такъ безтол-
ково?

19. Отъ чего у насъ на-
чинаются дѣла съ великимъ
жаромъ и пылкостью, по
томъ же оставляются, а не
рѣдко и совсѣмъ забываются?

20. Какъ истребить два
сопротивные и два вреднѣй-
шіе предрасудки: первый,
будто у насъ все дурно, а
въ чужихъ краяхъ все хо-
рошо; второй, будто въ чу-
жихъ краяхъ все дурно, а у
насъ все хорошо?

21. Въ чемъ состоитъ
нашъ національный харак-
теръ?

На 17. Тамо же, гдѣ не-
рѣшимость.

На 18. Отъ того, что тамо
учась слогу одинако пишутъ;
у насъ же всякъ мысли свои
не учась на бумагу кладеть.

19. По той же причинѣ,
по которой человѣкъ ста-
рѣется.

20. Временемъ и знаніемъ.

На 21. Въ остромъ и ско-
ромъ понятіи всего, въ об-
разцовомъ послушаніи и въ
корени всѣхъ добродѣтелей,
отъ Творца человѣку дан-
ныхъ.

Къ г. сочинителю Былей и Небылицъ отъ
сочинителя вопросовъ.

По отвѣтамъ вашимъ вижу, что я нѣкоторые вопросы
не умѣлъ написать внятно, и для того покорно васъ прошу
принять здѣсь мое объясненіе. Въ разсужденіи вопроса о
нечувственности къ достоинству благороднаго званія, поз-
вольте мнѣ сказать вамъ, государь мой, что разумъ онаго
со всѣмъ другой, нежели, въ какомъ по видимому вы его

принимаете. Если вы мой согражданинъ, то кто бы вы ни были, можете быть увѣрены, что я ни вамъ и ни кому изъ моихъ согражданъ не уступлю въ душевномъ чувствованіи всѣхъ неизсчитанныхъ благъ, которыя въ теченіе съ лишкомъ двадцати лѣтъ изливаются на благородное общество. Надобно быть извергу, чтобъ не признавать, какое ободреніе душамъ подается. Мой вопросъ точно отъ того и произошелъ, что я пораженъ былъ тою нечувственностію, которую къ сему самому ободренію изъясняютъ многіе злонаправленные и невоспитанные члены сего почтеннаго общества.

Мнѣ случилось по своей землѣ поѣздить. Я видѣлъ, въ чемъ большая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе. Я видѣлъ множество такихъ, которые служатъ, или паче занимаютъ мѣста въ службѣ для того только, что ѣздить на парѣ. Я видѣлъ множество другихъ, которые пошли тотчасъ въ отставку, какъ скоро добились права впрягать четверню. Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ. Словомъ: я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ. Я дворянинъ, и вотъ что разтерзало мое сердце. Вотъ что подвигло меня сдѣлать сей вопросъ. Легко станется, что я не умѣю положить ево на бумагу, какъ думалъ: но я думалъ честно, и имѣю сердце, пронзенное благодарностію и благоговѣніемъ къ великимъ дѣяніямъ всеобщія нашей благотворительницы. Ласкаюсь, что всѣ тѣ честные люди, отъ коихъ имѣю щастіе быть знаемъ, отдадутъ мнѣ справедливость, что перо мое никогда не было и не будетъ омочено ни ядомъ лести, ни желчью злобы.

Вседушевно благодарю васъ за отвѣтъ на мой вопросъ: „отъ чего тяжущіяся не печатаютъ тяжбы своихъ и рѣшеній правительства?“ Отвѣтъ вашъ подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ но и къ подкрѣпленію правосудія. Да облобызаемъ мысленно съ душевною благодарностію десницу правосуднѣйшія и премудрыя Монархини. Она, отверзая новыя врата просвѣщенію, въ тоже время и тѣмъ же самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству. Она и въ семъ случаѣ слѣдуетъ своему всегдашнему обычаю; ибо разсѣчь однимъ разомъ камень претыканія, и вдругъ източить изъ него два цѣлебные потока, есть образъ чудодѣйствія, Екатеринѣ II весьма обычный. Способомъ печатанія тяжбъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то,

чево дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; воздастся достойная хвала праведнымъ судьямъ; возгнушаются честные сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ. О естлибъ я имѣлъ талантъ вашъ, г. сочинитель Былей и Небылицъ! съ радостію начерталъ бы я портретъ судьи, которой, считая всѣ свои бездѣльства погребенными въ архивѣ своего мѣста, беретъ въ руки печатную тетрадь, и вдругъ видитъ въ ней свои скрытыя плутни, объявленныя во всенародное извѣстіе. Естлибъ я имѣлъ перо ваше, съ какою бы живостію изобразилъ я, какъ пораженный симъ нечаяннымъ ударомъ безсовѣстный судья блѣднѣетъ, какъ трясутся его руки, какъ при чтеніи каждой строки языкъ его нѣмѣетъ, и по всѣмъ чертамъ его лица разливается стыдъ, проникнувшій въ мрачную его душу, можетъ быть, въ первый разъ отъ рожденія. Вотъ г. сочинитель Былей и Небылицъ, вотъ портретъ, достойный забавной, но сильной вашей кисти.

Черезъ вопросъ: „отъ чего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?“ разумѣлъ я, отъ чего празднымъ людямъ нестыдно быть праздными?

Статьею о шпыняхъ и балагурахъ хотѣлъ я показать только несообразность балагурства съ большимъ чиномъ. Вы, можетъ быть, спросите меня, для чего же вопроса моего не умѣлъ я такъ написать, какъ теперь говорю. На сіе буду вамъ отвѣчать вашимъ же отвѣтомъ на мой вопросъ, хотя со всѣмъ другога рода. „Для того, что вездѣ во всякой землѣ и во всякое время родъ человѣческой совершеннымъ не родится“.

Признаюсь, что благоразумные ваши отвѣты убѣдили меня внутренне, что я самага добраго намѣренія исполнить не умѣлъ, и что не могъ я дать моимъ вопросамъ приличнаго оборота. Сіе внутреннее мое убѣжденіе рѣшило меня заготовленные еще вопросы отмѣтить, не столько для того, чтобъ невиннымъ образомъ не быть обвиняему въ *свободо-язычїи*, ибо у меня совѣсть спокойна, сколько для того, чтобъ не подать повода другимъ къ дерзкому *свободоязычїю*, котораго всей душею ненавижу.

Видя, что вы, государь мой, въ числѣ издателей Собесѣдника, покорно прошу помѣстить въ него сіе письмо. Напечатаніе онаго будетъ для меня весьма лестнымъ знакомъ,

что вы моимъ объясненіемъ довольны. Доброе мнѣніе творца, вмѣщающаго, какъ вы, въ твореніи свои пользу и забаву, въ степени возможнаго совершенства, должно быть для меня неопредѣленно: напротивъ же того всякое ваше неудовольствіе, мною въ совѣсти моей ничѣмъ незаслуженное, естьли какимъ нибудь образомъ буду имѣть нещастіе примѣтить, приму я съ огорченіемъ за твердое основаніе непреложнаго себѣ правила: во всю жизнь мою за перо не приниматься.

* * *

Послѣ сей добровольной исповѣди, напечатанной по собственному прошенію кающагося, сочинителю Былей и Небылицъ не остается что либо сказать, тѣмъ паче, что онъ въ душѣ своей увѣренъ, что сей поступокъ господина сочинителя вопросовъ сходствуетъ съ обычаемъ достойнымъ похвалы, православнаго христіанина, по которому за грѣхомъ вскорѣ слѣдуетъ раскаяніе и покаяніе; но въ семъ случаѣ разрѣшеніе зависитъ ни отъ кого иного, какъ отъ многоголовной публики; мое же дѣло тутъ постороннее¹⁾.

Примѣчаніе.

Чтожь касается до даннаго мнѣ совѣта, чтобъ я описаніе ябѣдника и мздоимца на себя взялъ, на то въ отвѣтъ скажу, возблагодаривъ напередъ за похвалы, въ конхъ себя ни мало не узнаю, что въ Былѣ и Небылицѣ гнусности и отвращеніе за собою влекущее не вмѣщаемо; изъ оныхъ строго исключается все то, что не въ улыбательномъ духѣ, и не по вкусу прародителя моего, либо скуку возбудитъ могущее и наипаче горестъ и плачь разогрѣвающія драмы. Ябедниками и мздоимцами заниматься, не есть наше дѣло; мы и грамматику худо знаемъ, гдѣ намъ проповѣди писать.

---

¹⁾ Этотъ отвѣтъ былъ исправленъ и нѣсколько измѣненъ, можетъ-быть, Дашковой; въ рукописи Екатерины конецъ его имѣлъ такой видъ (приводимъ, сохраняя подлинную орфографію): „Но въ семъ случаѣ разрѣшенію зависитъ ни отъ кого иного какъ отъ многоголовной публики, ей одной принадлежитъ сказать Богъ проститъ я же вамъ всепокорный слуга по слову евангельскому всегда радуюсь о возвращеніе на пути истинны всякой заблудшей овцы“.

ДРУГЪ ЧЕСТНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

или

СТАРОДУМЪ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНІЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ИСТИНѢ.

Подъ этимъ заглавіемъ Ф.-Визинъ задумалъ въ 1788 г. издавать журналъ. Но времена уже измѣнились: теперь на сатирическіе журналы смотрѣли далеко не такъ благосклонно, какъ раньше, да и самъ Ф.-Визинъ внушалъ мало довѣрія. Его прочная привязанность къ Панинымъ, которыхъ Екатерина только терпѣла, его неловкіе „Вопросы“ заставляли императрицу держаться насторожѣ; наконецъ, кое-что во взглядахъ подлиннаго Стародума, Софьинаго дядюшки, могло ей не очень нравиться, журналъ же обѣщаль быть дальнѣйшимъ развитіемъ того же направленія. Журналъ не былъ разрѣшенъ Ф.-Визину. Мы печатаемъ выдержки изъ матеріаловъ, приготовленныхъ для этого изданія.

Оно должно было открыться обращеніемъ „сочинителя Недоросля“ къ Стародуму и отвѣтомъ послѣдняго. Въ обращеніи своемъ Ф.-Визинъ пишетъ, что онъ обязанъ роли Стародума успѣхомъ Недоросля въ публикѣ, поэтому онъ рѣшилъ назвать журналъ его именемъ и просить его сотрудничества. „Не страшусь я“, продолжаетъ авторъ, „строгости цензуры, ибо вы конечно не напишите ничего такого, чего бы напечатать было невозможно. Вѣкъ Екатерины Вторыя ознаменованъ дарованіемъ Россіянамъ свободы мыслить и изъясняться. „Недоросль“ мой между прочимъ служить тому доказательствомъ, ибо назадъ тому лѣтъ за тридцать ваша собственная роль могла ли бы быть представлена и напечатана? Правда, что есть и нынѣ особы, стремящіяся угнетать дарованія и препятствующія выходить всему тому, что невѣжество и порокъ ихъ обличаетъ; но таковое немощной злобы усиліе, кромѣ смѣха, ничего другого нынѣ произвести не можетъ“. Событія показали, что „смѣхъ“ былъ преждевремененъ и надежда на „дарованіе свободы мыслить и изъясняться“ была напрасна.

Отвѣтъ Стародума помѣщенъ ниже. Въ немъ важенъ конецъ, гдѣ высказывается взглядъ на значеніе писателя въ обществѣ. Сравненіе этого взгляда съ мыслью „Челобитной“ показываетъ, что у Ф.-Визина не было яснаго, устойчиваго пониманія общественной роли писателя: въ его время мы найдемъ это пониманіе едва ли не у двухъ только лицъ — у Новикова и у Радищева.

1. Отвѣтъ Стародума.

Москва, Января 1788 г.

Съ удовольствіемъ соглашаюсь принять участіе въ вашемъ періодическомъ сочиненіи. Я буду сообщать мысли мои по мѣрѣ, какъ онѣ мнѣ въ голову приходятъ будутъ. Красно-

рѣчя отъ меня не ожидайте, ибо вы сами знаете, что я не писатель, а буду говорить полезныя истины для того только, что мы, Богу благодареніе, живемъ въ томъ вѣкѣ, въ которомъ честный человѣкъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно.

Я самъ жилъ большею частію тогда, когда каждый, слушавъ двоихъ такъ бесѣдующихъ, какъ я говорилъ съ Правдинымъ, бѣжалъ прочь отъ нихъ стремглавъ, трепеща, чтобъ не сдѣлали его свидѣтелемъ вольныхъ разсужденій о Дворѣ и о дурныхъ вельможахъ; но чтобъ мой сей разговоръ приведенъ былъ въ театральное сочиненіе, о томъ и помышлять было невозможно; ибо погибель сочинителя была бы наградою за сочиненіе.

Екатерина расторгла сіи узы. Она, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателя оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія.

И такъ, Россійскіе Писатели! какое обширное поле предстоитъ вашимъ дарованіямъ! Если какая рабская душа, обитающая въ тѣлѣ знатнаго вельможи, устремится на васъ отъ страха, чтобъ не терпѣтъ униженія отъ вашихъ обличеній; если какой-нибудь безсовѣстный лихоимецъ дерзнетъ, подкапываясь подъ законы, простирать хищную руку на грабежъ отечества и своихъ согражданъ: то перо ваше можетъ смѣло обличать ихъ предъ трономъ, предъ отечествомъ, предъ свѣтомъ.

Я думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предрасудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣтодателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества. Дабы обѣщаніе мое о принятіи участія въ вашемъ сочиненіи было не на словахъ, а на дѣлѣ, сообщаю вамъ теперь же нѣсколько писемъ съ моими отвѣтами. Вы можете помѣстить ихъ въ вашу книгу, если разсудите за благо; а я навсегда пребываю, и проч.

Стародумъ.

2. Письмо къ Стародуму

отъ Дѣдиловскаго помѣщика Дурыкина ¹⁾.

Имѣя честь быть вашимъ сосѣдомъ, прошу не прогнѣваться, что я, безъ всякихъ моихъ заслугъ, утруждаю васъ симъ письмомъ. Я знаю, что вы въ Москвѣ много знакомцевъ имѣете и любите людей ученыхъ, а мои обстоятельства вотъ каковы:

Я имѣю шестерыхъ дѣтей: трехъ мужескаго и столько жъ женскаго пола. Для дѣвочекъ переманили мы отъ сосѣда мадаму, которая за ними смотритъ и за которою мы смотримъ; она называется мадамъ Лудо; неизвѣстно какой націи. Большой мой сынъ Оединька, по семнадцатому году, читать и писать умѣетъ, а Митюшка и Павлинъка еще не начинали грамотѣ. Митюшка матушкинъ сынокъ; съ нимъ надобно обходиться нѣжно, ибо онъ слабаго здоровья. Я хотѣлъ бы выписать изъ Москвы учителя, но только не нѣмца, ибо боюсь взять Вральмана. Не худо было бы, еслибъ вы сдѣлали милость посмотрѣли изъ университетскихъ студентовъ, а кондиціи мои при семъ прилагаю, пребывая впрочемъ...

Дурыкинъ.

Кондиціи для учителя дому Дурыкина.

1. Учитель долженъ быть изъ русскихъ, умѣть по французскому, по нѣмецкому, сочинять стихи, сколько потребно для домашняго обихода. Не худо, чтобы онъ зналъ и ариеметику.

2. На годъ дамъ ему двѣсти рублей, а онъ долженъ учить дѣтей моихъ со всею кротостію.

3. Жить онъ будетъ у меня въ домѣ, обѣдать съ камердинеромъ.

4. А какъ я, по милости Божіей, имѣю чинъ генеральскій, будучи отставленъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, то я именно требую, чтобъ онъ въ разговорахъ со мною и съ женою давалъ намъ чаще титулъ превосходительства.

5. При гостяхъ въ наше присутствіе онъ садиться не долженъ.

¹⁾ Переписка Дурыкина со Стародумомъ заимствована Ф. Визиннымъ изъ соч. нѣмецкаго сатирика 18 в. Рабенера.

6. При мнѣ и при женѣ моей ни шляпы, ни колпака отнюдь не надѣвать; но изъ челоуѣколюбія въ зимнее время позволяю накрыться, и то когда метель большая.

7. Въ сутки будетъ онъ получать по три бутылки русскаго пива домашняго варенья.

8. Не худо, еслибъ онъ взялъ на себя вести мои приходныя и расходныя книги, а притомъ бы умѣлъ причесать ребятамъ моимъ волосы, также и парикъ бы мой взялъ подъ свой присмотръ.

9. Онъ долженъ исполнять все сіе условіе, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, быть выгнату по шеѣ изъ дому; ибо я признаюсь, что нравъ у меня бѣшеный, да и будучи въ генеральскомъ чинѣ, можетъ быть, не могу воздержать себя противу студента, въ службѣ моей находящагося, хотя бы онъ и офицерскаго былъ чина.

3. Отвѣтъ Стародума Дурькину.

Письмо ваше, государь мой, казалъ я одному университетскому профессору, который на просьбу мою о пріисканіи въ домъ вашъ студента отвѣчалъ мнѣ письменно. Вотъ и письмо его.

Стародумъ.

4. Письмо университетскаго профессора къ Стародуму.

Я говорилъ нѣкоторымъ нашимъ студентамъ о предлагаемомъ имъ мѣстѣ въ домѣ Его Превосходительства Дурькина. Охотники есть, но правду сказать, большая часть ставятъ учительское званіе ниже себя, а хотятъ чиновъ, одинъ однакожь объявилъ мнѣ свое желаніе быть учителемъ. Онъ изъ малороссіянь, называется господинъ Срамченко — филологъ и философъ, а иные увѣряютъ, что и мартинистъ, но просить въ годъ не меньше трехъ сотъ рублей, хотя живетъ по духу, а не по плоти. Знаетъ пофранцузски, а больше полатыни, ариметику до тройнаго правила; отъ стиховъ однакожь просить увольненія; обѣщаетъ воздавать Его Превосходительству должное почтеніе, но обѣдать съ камердинеромъ не соглашается. Предложеніе о чесаніи волосовъ и о надзираніи надъ его парикомъ почитаетъ себѣ обиду, ибо сіе называетъ онъ руководѣлемъ. Расходныя и приходныя книги вести не берется.

Представился мнѣ еще молодой человѣкъ 22 лѣтъ; поучень изрядно. Я оставилъ его у себя обѣдать и нахожу, что жретъ безъ милосердія. Онъ требуетъ кромѣ обѣда и ужина, чтобъ дань былъ ему добрый завтракъ, а не меньше и полдникъ, также чтобъ и предлагаемая порція пива была удвоена.

Господинъ Кераксинъ желаетъ также быть учителемъ, просить 250 рублей на годъ. Онъ знаетъ погречески, поеврейски, но не знаетъ порусски, что, кажется, для дѣтей Его Превосходительства и не нужно. Нынѣ, къ сожалѣнію, многіе изъ русскихъ дворянъ хотятъ дѣтей своихъ учить порусски, но по истинѣ, охота сія есть одна пустая затѣя; ибо самъ г-нъ Дурькинъ грамотою ли дослужился до титула Превосходительства?

Цезуркинъ, ремесломъ пѣнта, желаетъ также имѣть мѣсто у господина Дурькина. Онъ обѣщаетъ каждый разъ, для именинъ Его Превосходительства и каждаго изъ чадъ его, сводить въ стихахъ своихъ всѣхъ боговъ съ Олимпа, просить по копѣйкѣ за стихъ, да къ святкамъ кафтана съ плеча Его Превосходительства, хотя довольно поношеннаго. Онъ весьма забавнаго нрава и шутитъ такъ умно, что въ домѣ дурака не надо; ни на кого не сердится, развѣ только кто стихи его похулить.

Красоткинъ, студентъ весьма щеголеватый, убирается какъ кукла, да и думаетъ не иначе. Онъ съ удовольствіемъ беретъ причесывать волосы дѣтямъ Его Превосходительства, умѣетъ выводить изъ платья пятна и вырѣзывать изъ бумаги разныя фигуры.

5. Письмо Дурькина къ Стародуму.

Предлагаемые господиномъ профессоромъ въ домъ мой студенты кажутся мнѣ всѣ ребята достойные быть учителями у дѣтей благородныхъ, и для того я боюсь выбрать одного безъ обиды другому. Покорно прошу уговорить господина профессора, чтобъ онъ всѣхъ сихъ господъ созвалъ къ себѣ въ домъ и сдѣлалъ родъ аукціона: кто возьметъ дешевле, того я и беру, и съ тѣмъ можетъ онъ заключить контрактъ на шесть лѣтъ. Впрочемъ пребываю.

Дурькинъ.

ВЫБОРЪ ГУВЕРНЕРА.

КОМЕДІА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Эта очень небольшая комедія написана Ф.-Визинимъ въ концѣ жизни, около 1790 г. Тема ея только намѣчена и мало развита. Живущіе въ своемъ имѣніи князя Слабоумовы ищутъ гувернера къ десятилѣтнему сыну. Предводитель дворянства Сеумъ по ихъ просьбѣ рекомендуетъ и привозитъ къ нимъ штабъ-офицера Нельстецова, умнаго и честнаго человѣка, но уже первое знакомство выясняетъ, что Нельстецовъ не хочетъ брать на себя воспитаніе избалованнаго мальчика, которому родители набили голову только его княжествомъ; съ другой стороны Слабоумовымъ не подходитъ гувернеръ — русскій офицеръ, выше чина, чѣмъ самъ князь, и притомъ человѣкъ прямой и серьезный. Родители берутъ француза Пеликана, ловкаго, угодливаго кавалера и отличнаго мозольнаго оператора.

Ни сама тема, быстро утратившая свѣжесть еще въ XVIII в., ни ея спѣшная и схематическая разработка не дадутъ комедіи права считаться значительнымъ произведеніемъ Ф.-Визина, но она писана въ разгаръ Французской революціи и въ ней есть одна сцена, важная для политическихъ взглядовъ автора, который очевидно вкладываетъ въ уста Нельстецова свои воззрѣнія: недаромъ онъ отдалъ честному штабъ-офицеру свой литературный псевдонимъ, которымъ въ 1783 г. подписалъ свою „Челобитную Россійской Минервѣ“.

Эту сцену мы и приводимъ ниже.

ДѢЙСТВІЕ III.

Явленіе 5.

Князь, Княгиня, Сеумъ и Нельстецовъ.

княгиня (*Сеуму*).

Я хотѣла васъ спросить, почитаете ли вы за полезное, если мы сына отправимъ во Францію лѣтъ черезъ десятокъ?

СЕУМЪ.

Вы далеко видите, сударыня; лѣтъ черезъ десятокъ неизвѣстно еще, будетъ ли кого и будетъ ли кому отправлять.

НЕЛЬСТЕЦОВЪ.

А я въ прибавокъ скажу, что и того еще предвидѣть нельзя, что лѣтъ черезъ десятокъ будетъ и съ самою Франціею, ежели господа французы колобродить нескоро перестанутъ.

СЕУМЪ.

Вотъ до чего дошло то государство, которому цѣлая Европа столько лѣтъ во всемъ подражать хотѣла! Читая въ газетахъ описанія гибельнаго состоянія Франціи, желалъ бы я знать, противъ какого политическаго правила грѣшатъ французы, заводя равенство состояній¹⁾?

КНЯЗЬ.

Я этого не понимаю.

СЕУМЪ (къ Нельстецову).

Мнѣ не случалось съ вами объ этомъ говорить; а, право, желалъ бы знать ваше о томъ мнѣніе.

НЕЛЬСТЕЦОВЪ.

Я никакъ не беру на себя рѣшить вашу вопросъ; однако готовъ отдать на судъ вашъ мое о томъ мнѣніе; вотъ оно: нигдѣ и никогда не бывали и быть не могутъ такіе законы, кои бы каждаго частнаго человѣка счастливымъ дѣлали. Необходимо надобно, чтобъ одна часть подданныхъ для блага цѣлаго государства чѣмъ нибудь жертвовала; слѣдственно, равенство состояній и быть не можетъ. Оно есть вымыселъ ложныхъ философовъ, кои краснорѣчивыми своими умствованіями довели французовъ до настоящаго ихъ положенія.

Они, желая отвратить злоупотребленіе власти, стараются истребить тотъ образъ правленія, коимъ Франція всей славы своей достигла. Со всѣмъ тѣмъ, сколько имъ покушеніе сіе ни много стоитъ и стоять будетъ, но равенства состояній никогда достигнуть не могутъ, какіе бы законы они ни сдѣлали; ибо всегда одна часть подданныхъ будетъ принесена на жертву другой. Вотъ что я думаю о нынѣшнемъ законодательствѣ французовъ²⁾.

¹⁾ Въ это время во Франціи состоялось уничтоженіе всѣхъ титуловъ и привилегій дворянства.

²⁾ Событія Франц. революціи въ связи съ общей нетвердостью мысли на одну Екатерину заставили измѣнить взгляды и принимать другія политическія теоріи. Ф.-Визинъ 12 лѣтъ назадъ излагалъ отъ своего имени мысли Дюкло о томъ, что „равенство есть благо, когда оно, какъ въ Англіи, основано на духѣ правленія“; теперь у него на готовѣ теорія немислимости равенства и необходимости жертвы одной части „подданныхъ“ для другой. И въ эту пору подъ его взглядами легко прощупать иностраннѣйшій фундаментъ. (См. слѣдующее примѣчаніе.)

СЕУМЪ.

Но когда не могутъ быть законы, кои бы всякаго частнаго челоуѣка дѣлали благополучнымъ, то что [же] [остается] дѣлать законодателю?

НЕЛЬСТЕЦОВЪ.

Остается расчислить такъ, чтобъ число жертвуемыхъ со-размѣрно было числу тѣхъ, для благополучія которыхъ жертвуется.

СЕУМЪ.

Такъ законодателю надобно быть великому исчислителю.

НЕЛЬСТЕЦОВЪ.

Но сіе политическое расчисленіе требуетъ [ума] гораздо превосходнѣйшаго, нежели надобно для вычисленія математическаго. Можно полагать сто Эйлеровъ на одного Кольберта и тысячу Кольбертовъ на одного Монтескье¹⁾.

СЕУМЪ.

Для чего же?

НЕЛЬСТЕЦОВЪ.

Для того, что въ математикѣ отъ одной извѣстности идутъ къ другой, такъ сказать, машинально, и математикъ имѣетъ передъ собою всѣ откровенія предшественниковъ своихъ; ему надобно имѣть только терпѣніе и умѣть ими пользоваться, но политика прежнія откровенія не поведутъ вѣрною доро-гой. Математикъ исчисляетъ числа, политикъ страсти²⁾; словомъ умъ политической есть и долженъ быть несравненно больше и гораздо рѣже встрѣчается, нежели математическій.

СЕУМЪ.

О, сколь блаженна та страна, гдѣ таковой рѣдкій законодательный умъ сидитъ на престолѣ³⁾!

НЕЛЬСТЕЦОВЪ.

И сколь счастливы тѣ, кои такую страну отечествомъ имѣютъ! (*Къ Князю.*) Вы, князь, о чемъ задумались?

¹⁾ Все мѣсто буквально заимствовано изъ соч. Лябомеля—Мез пензѣес.

²⁾ Продолжается заимствование изъ Лябомеля.

³⁾ Обычный у тогдашнихъ писателей „тонкій“ намекъ на Екатерину.

КНЯЗЬ.

Что вы оба ни говорили, я ничего не понимаю.

СЕУМЪ.

Да слышали ль вы, что во Франціи уже князей нѣтъ?

КНЯГИНЯ.

Это почти невѣроятно; я что-то и сама слышала, да не могу вѣрить.

СЕУМЪ.

Неужели вы не имѣете понятія о французскихъ замѣшательствахъ?

КНЯЗЬ.

Я вѣрю, что они велики, когда и князей поставили на одну доску со всѣми.

НЕЛЬСТЕЦОВЪ.

Вашъ сынъ, пріѣхавъ во Францію, не будетъ уже князь.

КНЯГИНЯ.

Такъ я его не пошлю не изъ чего.

---

23. И. А. Крыловъ.

Крыловъ у насъ наиболѣе извѣстенъ своими баснями, которыя онъ писалъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, и которыя относятся къ XIX вѣку. Онъ заслужилъ Крылову эпитетъ *опдушки Крылова*, на котораго привыкли смотрѣть, какъ на спокойнаго созерцателя нравовъ, мѣтко ихъ опредѣлявшаго. Между тѣмъ Крыловъ XVIII вѣка, Крыловъ—внучекъ, сильно разнится отъ дѣдушки Крылова. Это живой, страстный и подвижной человѣкъ, съ увлеченіемъ отдающійся сатирѣ, смѣло нападающій на пороки даже и сильныхъ міра и не дающій себя въ обиду. Въ сатирѣ XVIII вѣка Крыловъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Ниже приводимые образцы сочиненій Крылова имѣютъ цѣлью познакомить съ нимъ, какъ писателемъ и человѣкомъ, какимъ онъ былъ въ XVIII вѣкѣ. Поэтому здѣсь помѣщены лирическія стихотворенія Крылова, нѣсколько сценъ изъ его двухъ пьесъ, статьи изъ сатирическихъ журналовъ, и одно характерное письмо къ его пятнадцатилѣтней ученицѣ.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ

„КЪ ДРУГУ МОЕМУ А. И. К.“¹⁾

Нерѣдко милымъ быть желая,
Я передъ зеркаломъ верчусь.
И, женской вкусъ къ ужимкамъ зная,
Ужимкамъ ловкимъ ихъ учусь;
Лицомъ различны строю маски,
Кривляю носикъ, губки, глазки
И, испужавшись самъ себя,
Ворчу, что вялая природа
Не доработала меня,
И такъ пустила, какъ урода.
Досада сильная беретъ,
Почто я выпущенъ на свѣтъ.
Съ такою грубой головою—
Забывшись, рокъ я поношу,
И головы другой прошу,
Не зная, чѣмъ и той я стою,
Которую теперь ношу.

. . . . .

СТИХИ, НАЗНАЧЕННЫЕ ПОСЛАТЬ КЪ...²⁾ ПРИ ПОРТРЕТЪ ЕКАТЕРИНЫ II,

писанномъ перомъ на образецъ гравировки. (1808 г.)

Махнувъ рукой, перекрестясь,
Къ тебѣ свой трудъ я посылаю
И только лишь того желаю,
Чтобъ это было въ добрый часъ.
Не думай, чтобъ мечталъ я гордо,
Что съ образцомъ мой схожъ портретъ!
Я очень это знаю твердо,
Что мастера на свѣтѣ нѣтъ,

¹⁾ Александру Ивановичу Клушину, вмѣстѣ съ которымъ Крыловъ издавалъ журналы „Зритель“ и „С.-Пб. Меркурій“. Приводимый отрывокъ изъ этого посланія рисуется Крылова съ необычной стороны.

²⁾ Къ Елиз. Иван. Бенкендорфу, женѣ Ив. Ив. Бенкендорфа, дяди известнаго шефа жандармовъ. Стихи напечатаны въ „Драматич. Вѣстникѣ“ 1808 г.

Ктобъ могъ изобразить въ картинѣ
Все то, чему дивится свѣтъ
Въ божественной Екатеринѣ.
Повѣрить ли разсудокъ мой,
Чтобъ былъ искусникъ гдѣ такой,
Кто бъ живо хитрою рукой
Представилъ солнце на холстинѣ?
Не думай также, чтобъ тебя
Я легкимъ почиталъ судьбою
И, слабый вкусъ и глазъ любя,
Къ тебѣ съ работой шелъ моею.
Нѣтъ, нѣтъ, не столь я близорукъ!
Твои считая дарованья,
Браню себя я за желанье
Работу выпустить изъ рукъ.
Передъ твоимъ умомъ и вкусомъ,
Скажи, кто можетъ быть не трусомъ?
Въ тебѣ блестятъ дары ума,
Знакома съ кистью ты сама;
Тобой, какъ утро солнцемъ краснымъ,
Одушевлялось полотно,
И становилося оно
Природы зеркаломъ прекраснымъ;
Нерѣдко, кажется, цвѣты
Брала изъ рукъ Ирисы ты:
Все это очень мнѣ извѣстно.
Но несмотря на все, что есть,
Тебѣ свой слабый трудъ поднести
Пріятно мыслямъ, сердцу лестно.
Прими его почтенья въ знакъ,
И, не цѣня ни такъ, ни сякъ,
Чего никакъ онъ не достоинъ,
Поставь смиренно въ уголку,
И я счастливымъ нареку
Свой трудъ — и буду самъ спокоенъ.
Пусть видятъ недостатки въ немъ,
Но, критику оставя строгу,
Пусть вспомнить то, что часто къ Богу
Мы съ свѣчкой денежной идемъ.

КЪ СПЯЩЕМУ ДИТЯТИ ¹⁾.

Спи, любезное дитя,
Въ нѣдрахъ мира и покою;
Спи, мой другъ, поколь стрѣлю
Время быстрое, летя
Въ бездну вѣчности ужасной,
Не промчить зари твоей
Тихихъ и прекрасныхъ дней.
Спи, доколѣ взоръ твой ясной
Не встрѣчалъ тоски и бѣды,
И доколѣ путей къ веселью
Ты не ставишь трудной цѣлю:
Сердце съ жадностью не ждетъ
Славы, почестей, побѣды.
Спи, доколѣ весь твой свѣтъ
Ограниченъ колыбелью.
Спи, дитя: твой сладкій сонъ
Вспоминаетъ человѣка,
Какъ сыпалъ спокойно онъ
Въ нѣдрахъ золотого вѣка.
Какъ твои пріятны дни!
Какъ завидны мнѣ они!

.....
Ты заснулъ — и весь твой дворъ
Прикорнулъ вокругъ колыбели:
У головъ сны милы сѣли;
Задремалъ желаній рой,
Рѣзвымъ утомясь порханьемъ;
Самъ зефиръ заснулъ съ тобой,
И едва своимъ дыханьемъ
Онъ колеблетъ пологъ твой.
Все съ тобою утихаетъ,
Все какъ будто въ пеленахъ;
Лишь улыбка на устахъ

---

¹⁾ Три стихотворенія: *Къ спящему дитяти*, „Ночь“ и *Отъездъ изъ деревни* предположительно относятся къ XVIII вѣку. Даты ихъ пока не установлены. Всѣ три стихотворенія приведены въ извлеченіяхъ. Первые два характеризуютъ Крылова, какъ увлекающагося и страстнаго молодого человѣка, которому знакомы и бессонныя ночи; послѣднее указываетъ на любовь Крылова къ деревнѣ и даетъ реальную картину Петербурга тѣмъ и времяпровожденія въ немъ Крылова. Послѣднее даетъ нѣкоторое основаніе предположить, что стихотвореніе могло быть написано и позднѣе.

У тебя не засыпаетъ
И вѣщаетъ ясно мнѣ,
Что счастливъ ты и во снѣ.
Спи, дитя, другъ милый мой!
Спи, доколь твой вѣкъ такъ нѣженъ.
Придетъ время, что сонъ твой
Такъ не будетъ безмятеженъ.
Золотой твой вѣкъ пройдетъ:
Вѣкъ тебя желѣзный ждетъ;
Ждутъ тебя сердца жестоки,
Ложна дружба, ложна честь;
Ждутъ развраты и пороки,
Чтобъ тебѣ погибель сплестъ.
Вѣкъ наступитъ тотъ унылый;
Ты въ пространный свѣтъ войдешь —
Тьмы въ немъ горестей найдешь;
И тогда ужь, другъ мой милый,
Такъ спокойно не заснешь.

Н О Ч Ь.

Уже на западѣ остыломъ
Зари румяный слѣдъ угасъ,
И звономъ колоколь унылымъ
Давно пробилъ полночный часъ;
Природу сладкій сонъ объемлетъ;
Зефиръ на свѣжихъ розахъ дремлетъ,
Не вьетъ онъ кудрей ручейка;
Вода, какъ зеркало, гладка;
Листокъ отъ вѣтра не трясется;
И Филомела¹⁾ не поетъ.
Нигдѣ, ни въ чемъ движенья нѣтъ.
Мое лишь сердце крѣпко бьется
И мнѣ покоя не даетъ,
Отъ глазъ моихъ сонъ сладкій гонитъ,
Уснули страсти у людей —
А тотъ, кто убѣгалъ страстей,
Изъ глазъ слезу горячу ронитъ,
Ихъ чувствуя въ груди своей.
Мои лишь вздохи нарушаютъ

¹⁾ Соловей.

Угрюмой ночи тишину
И другу злополучныхъ — сну
Закрѣть глаза мои мѣшаютъ.
Дыханьемъ хладнымъ грудь тѣсня,
Послѣднія отъемля силы,
Изохши, блѣдны и унылы
Стоять печали вокругъ меня.

Приди, приди, о сонъ любезный,
И легкою своей рукой
Ихъ видъ страдающій и слезный
Хотя на часъ отъ глазъ закрой.
Но ты словамъ моимъ не внемлешь:
Иль отъ несчастныхъ ты бѣжишь,
Счастливецъ маками даришь
И съ ними на диванахъ дремлешь...

ОТБѢЗДЪ ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Прости, любезное село,
Столица мира дорогого;
Прости, ключъ чистый, какъ стекло,
И ты, тѣнистая дуброва,
Въ которой часто день бывалъ
Мнѣ такъ коротокъ, какъ минута,
Гдѣ часто соловей пѣвалъ
Такъ чисто, нѣжно, какъ Анюта.
Простите вы, мои друзья.
Изъ нѣдръ спокойства и свободы
Я ѣду въ мрачный гробъ природы —
Простите, въ городъ ѣду я.
Не воздухъ легкій, ароматный
Мнѣ будетъ грудь тамъ оживлять:
Я ѣду въ миръ пустой, развратный
Сѣдую, знойну пыль глотать.
Когда зарей здѣсь развернутся
Цвѣты на бархатныхъ лугахъ,
И хоры птичекъ раздадутся
Въ тѣнистыхъ и густыхъ лѣсахъ;
Какъ соловьи начнутъ согласно
Будить и кликать солнце красно —
Тогда меня разбудить стукъ
Кареть, по мостовой гремящихъ,

Иль съ грузами телѣгъ скрипящихъ,
Иль колокольный, скучной звукъ.
Какъ солнце здѣсь взойдетъ высоко,
И разгорится ясный день,
Вы, птички, скроетесь далеко,
Густыхъ деревъ въ прохладну тѣнь,
Гдѣ жаръ и вѣтръ васъ не гоняють,
Гдѣ вамъ утѣхи сохраняють
Любови нѣжной алтари,
И гдѣ листочка два иль три
Чертоги царски замѣняютъ.
А я, когда наступитъ день,
Какъ мнѣ ни больно и ни лѣнь,
И какъ не бесполезно свѣту,
Тащусь зѣвать по этикету
Иль ползать въ суетахъ мірскихъ
Промежду глупостей людскихъ,
Гдѣ языки одни рѣчисты,
Гдѣ все добро на языкѣ,
Гдѣ дружба — почеркъ на пескѣ,
Гдѣ клятва — соколъ въ высотѣ,
Гдѣ нравъ и сердце такъ же чисты
(Не въ гнѣвъ то буди городскихъ),
Какъ чистъ и легокъ воздухъ ихъ...

ПРОКАЗНИКИ.

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Эта комедія, написанная въ 1787—88 гг., была поставлена на петербургской сценѣ въ первый разъ только въ 1793 году. Препятствіемъ было то, что она направлена на вліятельнаго тогда писателя Княжнина (въ пьесѣ Риомокрадъ) и его домашнюю жизнь. Поводомъ къ сочиненію пьесы, повидямому, послужило то, что Княжнинъ воспользовался для своихъ сочиненій однимъ изъ сюжетовъ Крылова. Когда Княжнинъ не безъ основанія указывалъ, что пьеса написана на него, и обратился съ жалобой на это къ Соймонову, члену Театральнаго комитета, Крыловъ написалъ Княжнину очень ѣдкое письмо, въ которомъ просилъ назвать тѣ сцены своей комедіи, въ которыхъ Княжнинъ видитъ изображеннымъ себя, для того, писалъ Крыловъ, чтобы ихъ исключить изъ своей пьесы.

Пьеса интересна главнымъ образомъ по тѣмъ сценамъ, гдѣ Крыловъ выпукло рисуешь смѣшныя и слабыя стороны тогдашнихъ

нашихъ ложноклассиковъ и погоню за литературной славой. Сюжетъ комедіи незначителенъ: это обычная встрѣча двухъ любящихъ другъ друга молодыхъ людей (Пріята и Милонъ), которымъ препятствія мѣшаютъ вступить въ бракъ, но благодаря продѣлкамъ служанки Пріята, Плутаны, переодѣвшейся въ мужское платье, все заканчивается благополучно. Азбукинъ нѣчто въ родѣ Стародума, но только болѣе провинціаленъ и менѣе образованъ.

Тянисловъ — одописецъ. Таратора — жена Риенокрада.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе десятое.

Азбукинъ и Милонъ.

МИЛОНЪ.

Получа отъ васъ, дядюшка, позволеніе жениться на Пріятѣ...

АЗБУКИНЪ.

На дочери Риенокрада? — Пустяки, ты никогда ея не получишь!

МИЛОНЪ.

Что вы мнѣ сказываете? Какъ?

АЗБУКИНЪ.

Для того, что отецъ ея воръ.

МИЛОНЪ.

Опомнитесь, какія названія даете вы ему!

АЗБУКИНЪ.

А чего мнѣ трусить? Онъ воръ приличенной. На, читай: по-французски и по-итальянски напечатано, что онъ воръ.

МИЛОНЪ.

Вы, конечно, не въ ту сторону приняли сказанныя вамъ слова.

АЗБУКИНЪ.

Нѣтъ, въ ту: мнѣ по-русски сказано. Да и можно ли спорить, когда есть на то письменныя доказательства? Да вотъ и имена, кого онъ обокралъ — Вольтера, Расина...

МИЛОНЪ.

Какъ вы худо растолковали, сударь! Онъ подражалъ симъ великимъ людямъ.

АЗБУКИНЪ.

И тѣмъ не менѣе виновать: въ воровствѣ подражать никогда не надобно.

МИЛОНЪ.

Вы и меня не понимаете...

АЗБУКИНЪ.

Нѣтъ, ты меня не понимаешь! Прощай. Я чрезъ часъ сюда буду съ тѣмъ, чтобъ взять свое условіе. А ты и не думай имѣть женою Пріятю. Ну, ежели она вздумаетъ подражать своему батюшкѣ, такъ это будетъ очень худой щелчокъ моей экономіи, а у насъ давнешняя пословица: отъ домашняго вора не убережешься!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе седьмое.

ТАРАТОРА, РИМОКРАДЪ и ПЛУТАНА (*въ мужскомъ платьѣ*).

ПЛУТАНА.

Pardonnez moi, monsieur, что, не имѣя чести васъ знать, я рискую своими знаніями къ вамъ адресоваться. Ваше познаніе, monsieur, и ваша слава, мадамъ, такъ фрапировала мои уши, что я самъ, интересуясь Парнасомъ, должностью почель сдѣлать съ вами connoissance.

РИМОКРАДЪ.

Я, сударь, ищу пріятелей, и вамъ очень радъ...

ТАРАТОРА.

Прошу почаще жаловать, сударь: такіе гости очень мнѣ пріятны. (*Особо*). Какой любезный мужчина!

РИМОКРАДЪ.

Въ какомъ родѣ сочиненій изволите упражняться, сударь?

ПЛУТАНА.

Я все пишу, что мнѣ вѣдуется, сударь, и пишу безподобно. Sans vanité сказать: я довольно уменъ; иные говорятъ, что я невѣжа, но прошу васъ имъ не вѣрить, потому что я самъ анонсирую, что я уменъ, а мнѣ, вѣдь, самому себя знать гораздо легче можно.

РИМОКРАДЪ.

Съ вами грѣшно объ этомъ спорить.

ТАРАТОРА.

Я бы, сударь, желала видѣть ваши сочиненія, и думаю, что они такъ же прекрасны, какъ и вы.

ПЛУТАНА.

О, сударыня, вы имъ много чести дѣлаете! Mais diable m'ep roge, я и самъ объ нихъ хорошаго мнѣнія; напимѣрь: вотъ стихи, которые я сдѣлалъ вашей красотѣ... Но эти стихи до такой степени чувствительны, что и французской мой парикмахеръ смѣялся, какъ русской толстой откупщикъ, когда я ихъ ему читалъ.

ТАРАТОРА.

И, сударь, будто моя красота такъ совершенна?

ПЛУТАНА.

Ваша красота, сударыня... чортъ меня возьми, если ей можно быть совершеннѣе. И у рыси не могутъ быть такъ остры глаза, какъ у васъ, а ваши зубы, сударыня, не уступаютъ слоновымъ, и словомъ, если вы еще триста и пятьдесятъ лѣтъ проживете, то, божусь вамъ, что вы прекраснѣе не будете, и я всѣмъ парирую за эту истину.

РИМОКРАДЪ.

Позвольте мнѣ удивляться вашимъ стихамъ!

ПЛУТАНА.

Извольте, сударь!

Сколько пчель ни налетаетъ
Красоту твою сосать...

Пчелами разумѣю я время, дни, часы, то есть, что на нее находить время, или находятъ часы, которые будто борются съ ея красотою... Но это ясно, кажется!

Сколько пчель ни налетаетъ
Красоту твою сосать,
Но она не увядаетъ,
А изволить процвѣтаетъ;
Залпомъ ты по всѣмъ стрѣляешь
Изъ твоихъ прелестныхъ глазъ;
Ты плѣнишь и разрѣшаешь
Всякой день и всякой часъ.

Тутъ, кажется, и безъ изъясненія не темно... Вотъ и все.
Какъ вамъ кажется?

РИМОКРАДЪ.

Прекрасны, сударь, можете ли вы въ томъ сомнѣваться?

ПЛУТАНА.

Я? Чортъ меня возьми, сударь, если я о томъ сомнѣваюсь;
по крайней мѣрѣ, за всякими двумя стихами я сгрызъ три пера. Я вамъ, сударыня, ихъ дарю (*въ полмолося*) и съ такимъ сердцемъ.

ТАРАТОРА (*въ полмолося*).

Я тебѣ дарю свое! (*Взявъ стихи, обертываетъ на другую сторону и говоритъ тихо*). Ба! это письмо ко мнѣ, и вѣрно, любовное. Прощайте, сударь! Я пойду любоваться вашими стихами и твоей красотой.

ПЛУТАНА.

Но скоро ли я буду любоваться твоей?

ТАРАТОРА.

Черезъ минуту, пою соеиг. Какъ ты нетерпѣливъ!

Явленіе восьмое.

ПЛУТАНА И РИМОКРАДЪ.

ПЛУТАНА.

Позвольте, сударь, прибѣгнуть подъ ваше покровительство несчастной дѣвкѣ.

РИМОКРАДЪ.

Что я слышу! Вы шутите?

ПЛУТАНА.

Ахъ, нѣтъ, сударь, мои несчастія докажутъ вамъ истину моихъ словъ.

РИМОКРАДЪ.

Я нетерпѣливо желаю слышать вашу исторію и, чѣмъ могу, вамъ помочь... сядемте, сударыня!

ПЛУТАНА.

Я, сударь, дочь дворянина города Захолустья, въ которомъ учился Тянисловъ. Мы полюбили другъ друга; онъ общался мнѣ вѣчную вѣрность; уже я думала скоро увѣнчать бракомъ съ нимъ мою любовь, какъ вдругъ онъ скрылся изъ школы. Я увѣдомилась, что онъ здѣсь; писала къ нему, но не получала отъ него отвѣтовъ. Думая, что мои письма къ нему не доходятъ, переодѣлась я въ мужское платье и ушла тайно отъ моихъ родителей. Приѣзжаю сюда, увѣдомляю, что онъ у васъ, и... ахъ! что еще несноснѣе, что онъ женится на Пріятѣ, вашей племянницѣ¹⁾, тогда... Простите моимъ слезамъ, мнѣ нѣтъ силъ болѣе продолжать!

РИМОКРАДЪ.

Боже мой! ваши несчастія достойны быть изданы четырьмя тисненіями... *(вз сторону)*. Какъ она прекрасна!

ПЛУТАНА.

И такъ, я принуждена была взять совсѣмъ мнѣ несвойственный характеръ молодого вѣтреника, чтобы войти въ вашъ домъ, и чтобы онъ меня тѣмъ болѣе не узналъ. Теперь, сударь, избираю васъ судьей между невѣрнымъ Тянисловомъ.

РИМОКРАДЪ *(вз сторону)*.

Она меня восхищаетъ! *(Вз слухъ.)* Чего же вы желаете, сударыня?

ПЛУТАНА. *(Смотря на него нѣжно.)*

Я уже не чувствую къ нему любви, но вы знаете, что мщеніе всегда занимаетъ въ нашемъ сердцѣ мѣсто, если насъ принудятъ изгнать изъ него любовь: такъ могу ли я видѣть Тянислова счастливымъ, бывши сама такъ несчастлива?

¹⁾ Въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ она названа дочерью.

РИМОКРАДЪ.

Разумѣю, сударыня: вы хотите, чтобы я отказалъ ему въ племянницѣ?

ПЛУТАНА.

Могу ли я желать чего другого?

РИМОКРАДЪ.

Но моя жена уже дала ему слово; я бы хотѣлъ...

ПЛУТАНА.

Ахъ, сударь! Я всѣмъ рада пожертвовать, лишь бы отмстить сему измѣннику... Позвольте мнѣ у ногъ вашихъ просить сей милости.

РИМОКРАДЪ.

Что вы дѣлаете, сударыня!

ПЛУТАНА.

Но ахъ, я чувствую, что моя слабость умножается: мнѣ не дожить до моихъ счастливыхъ минутъ! Прощайте, сударь! *(Падаетъ въ обморокъ.)*

РИМОКРАДЪ.

Ахъ, что мнѣ дѣлать... Она безъ чувствъ! *(Сажаетъ ее на кресло.)* Боюсь глядѣть на эту полумертвую красавицу, и надобно ей помочь!

Явленіе девятое.

ПЛУТАНА *(въ обморокъ)*, РИМОКРАДЪ и ТЯНИСЛОВЪ.

ТЯНИСЛОВЪ.

Гдѣ жъ моя невѣста, любезной Риенокрадъ?..

РИМОКРАДЪ.

Ахъ, вы все со стихами!

ТЯНИСЛОВЪ.

Нѣтъ, я ей еще ничего не сдѣлалъ, но уже купилъ двѣ дести бумаги, и хочу приготовить для нея мадригалъ. Но это что значитъ? Не стихами ли ты его усыпилъ?

РИМОКРАДЪ.

Ахъ, это господинъ, котораго схватилъ обморокъ! Я бѣгу послать въ аптеку и сказать женѣ...

ТЯНИСЛОВЪ.

Хорошо! Такъ чтобы привести кровь въ движеніе посредствомъ жара, я прочту ему свою оду.

РИМОКРАДЪ.

Ахъ, нѣтъ, вы его простудите... Не читайте ничего, только побудьте съ нимъ.

Явленіе десятое.

Тянисловъ и Плутана (*въ обморокъ*).

ТЯНИСЛОВЪ.

Такъ, мнѣ надобно доказать, что мои стихи могутъ воскресить изъ мертвыхъ, и сдѣлать себѣ вѣчную славу. (*Вынимаетъ стихи и читаетъ надъ Плутою.*)

Въ полночь ноши мракъ возсталъ,
Вихрь въ твердь вдругъ дхнулъ и твердь тряхнулась,
Марсъ бодръ вмигъ одръ свой оставлялъ,
Утроба гнѣвомъ въ немъ раздулась.

Посмотримъ, что произвели мои стихи! (*щупая рукою голову Плутоны*). Ахъ, какой въ немъ жаръ появился! Не уморить бы мнѣ его первою строфою; но посмотрю, если отъ жару легче ему не будетъ, такъ распахну ему грудь.

Цвѣтки листки, клубясь, свивали.

ПЛУТАНА.

Ахъ, какое мученіе!

ТЯНИСЛОВЪ.

Онъ оживаетъ: я не на шутку авторъ!

„ПОЧТА ДУХОВЪ“.

Крыловъ, какъ журналистъ, въ XVIII вѣкѣ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. По направленію сатиры онъ примыкаетъ къ Новикову; въ его обличеніяхъ неправды много смѣлости, благороднаго воодушевленія и таланта; въ своихъ журнальныхъ статьяхъ, тогда еще молодой человѣкъ, онъ гораздо прямѣе и горячѣе, чѣмъ въ своихъ басняхъ, въ которыхъ рѣшался уже говорить

истину лишь въ „подъоткрыта“. Связи Крылова въ это, время опредѣляютъ его склонности и стремленія. Журналъ „Почту Духовъ“ (1789 г.) онъ издавалъ вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ, извѣстнымъ вольтерьянцемъ, капитаномъ гвардіи И. Г. Рахманиновымъ; есть основанія думать, что онъ былъ друженъ и съ Радищевымъ. Онъ былъ душою журнала „Почта Духовъ“; предметы сатиры этого журнала очень разнообразны и серьезны: здѣсь развертывается передъ глазами читателя яркая и полная картина русской общественной жизни въ XVIII вѣкѣ. Несмотря на это, журналъ не пошелъ и скоро прекратилъ свое существованіе за недостаткомъ подписчиковъ. Для историка литературы это, обстоятельство не умаляетъ значенія журнала, и остроумныя и мѣткія изображенія жизни въ немъ до сихъ поръ свѣжи. Самая форма статей—обмѣнъ писемъ между „духами“—была одной изъ распространенныхъ тогда.

Приводимое ниже письмо гнома Зора осмѣиваетъ шеголихъ, а въ нихъ нелѣпую погоню за европейской модой, ту погоню, которая по выраженію Грибоѣдова дѣлала насъ „чужими между своими“.

ПИСЬМО I.

Отъ Гнома Зора къ Волшебнику Маликульмульку.

Вотъ первое письмо, любезный и премудрый Маликульмулькъ, которое я къ тебѣ пишу послѣ нашей разлуки. Я было хотѣлъ тебя поздравить съ новымъ годомъ, но не знаю, которому ты вѣришь календарю: Юліанскому ли, или древнему Римскому; а, можетъ-быть, ты и того мнѣшия, что годъ со всякаго новаго дня начинается. Я бы желалъ увѣрить тебя о моемъ къ тебѣ дружествѣ, но мы съ тобою столько знакомы, что можемъ оставить для другихъ такія учтивости, которыми нынѣ почти всѣ письма наполняются. Итакъ, лучше скажу тебѣ новость, и какая ужасная перемѣна дѣлается въ адѣ!

Вчера съ минулъ срокъ полугодовому отсутствію Прозерпину. Плутонъ съ нетерпѣливостію ожидалъ ея возвращенія; вдругъ предстала предъ него одна тѣнь, одѣтая въ скороходское платье, и докладывала, что Прозерпина прибыть изволила. Минуту спустя богиня сама входитъ въ нынѣшнемъ французскомъ платьѣ, въ шляпкѣ съ перьями, и въ прекрасныхъ башмачкахъ, которыхъ тоненькіе каблучки придавали ей вершка три росту. Бѣдной Плутонъ оледенѣлъ, увидя ее въ семъ нарядѣ. Мы сами нѣсколько оторопѣли. Нѣкоторые изъ насъ говорили очень тихо: „конечно, она сошла съ ума“, а другіе кричали во все горло: „богиня еще прекраснѣе“. Но всѣ съ нетерпѣливостію ожидали, чѣмъ все это кончится.

— Здравствуй, мой ангель! — сказала, подошедъ къ своему мужу, Прозерпина и присѣла передъ нимъ два раза. Признайся, — продолжала она, — что я не безъ пользы возвратилась къ тебѣ съ того свѣта! каково тебѣ кажется это платье, эта чоска, эта шляпка, эти высокенькіе башмачки? Знаешь ли, что все это послѣдней моды и взято изъ французскихъ лавокъ?

Другъ мой! говорилъ, почти всхлипывая, бѣдной Плутонъ, — что тебѣ сдѣлалось?... Здорова ли ты? Ахъ! я вѣдь говорилъ, что частая перемѣна воздуха можетъ повредить мозговую перепонку. Любезная Прозерпина! опомнись, что ты! Ахъ, зачѣмъ ты ѣздила на тотъ проклятой свѣтъ! Я предчувствовала... — Какъ зачѣмъ? — перехватила рѣчь его Прозерпина, — знаешь ли ты, что я тамъ въ нынѣшнюю поѣздку выучилась пѣть и танцевать: посмотри, какъ чисто дѣлаю я аглинскія па въ контрдансѣ.

Въ минуту подхватила она близъ ея стоящаго Сократа и принудила его пропрыгать съ собою аглинскія прогулки ¹⁾. Диогенъ хохоталъ во все горло и говорилъ, что это прекрасная пара, а Плутонъ бѣсился и не зналъ, что дѣлать. Онъ шепнулъ тихонько Цицерону, не можетъ ли онъ уговорить жену его отстать отъ такихъ дурачествъ. Цицеронъ подошелъ къ ней со всею важностію, достойною римскаго оратора и сенатора.

А! здравствуй, дѣдушка, — сказала она ему, — послушай, мнѣ есть до тебя маленькая просьба, и мнѣ ужестъ хочется, чтобъ ты ее исполнилъ: напиши, пожалуй, похвальную рѣчь французскимъ торговкамъ, ты не повѣришь, какъ я и онѣ будемъ тебя благодарить: твои филиппическія рѣчи стоили тебя головы, а за эту рѣчь, о которой красотѣ я увѣрена, подарю я тебя послѣдней моды фракомъ и аглинскимъ гарнитуромъ ²⁾ пряжекъ. Признайся, что это очень щедрая плата.

— Богиня! — сказалъ Цицеронъ, — могу ли я вѣрить глазамъ, чтобъ ты, будучи безсмертна, плѣнилась дурачествами существъ, которыя едва живыми назваться могутъ?

— О! ты скучишь своими нравоученіями, жизнь моя, — отвѣчала Прозерпина, — оставь ихъ. Знаешь ли, что ты былъ бы нестерпимъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ, и развѣ одними твоими острыми словами могъ бы сыскать благосклонность у женщинъ, которыя нынѣ рѣшаютъ судьбу ученыхъ людей.

¹⁾ Тянецъ.

²⁾ Подборомъ.

— Богиня, — говорилъ Цицеронъ, сія вредная язва не разорила ли и мое отечество? Ахъ! я бы лучше желалъ еще шесть разъ быть изъ него изгнанъ и двадцать разъ быть удуленъ, по приказанію новыхъ Антоніевъ¹⁾, нежели видѣть такую странную перемѣну.

„З Р И Т Е Л Ъ“.

(1792 г.).

Журналъ издавался Крыловымъ съ товарищами. Это были молодые люди, задумавшіе создать разнообразный по содержанію, веселый и изящный журналъ, способный соперничать съ „Московскимъ Журналомъ“ Карамзина. Названіе журнала очевидно создано подъ вліяніемъ знаменитаго „Англинскаго зрителя“ (Spectator'a) Стиля и Аддисона, заглавіе котораго переведено здѣсь гораздо точнѣе. Въ журналѣ были и стихи, и беллетристика, и литературная критика, и публицистика, и сатира. „Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ“—одна изъ самыхъ талантливыхъ статей Крылова, направленная на крѣпостное право и жизнь тогдашнихъ помѣщиковъ.

ПОХВАЛЬНАЯ РѢЧЬ ВЪ ПАМЯТЬ МОЕМУ ДѢДУШКѢ, ГОВОРЕННАЯ ЕВО ДРУГОМЪ ВЪ ПРИСУТСТВІИ ЕВО ПРІЯТЕ- ЛЕЙ ЗА ЧАШЕЮ ПУНШУ.

Любезные слушатели!

Въ сей день проходитъ точно годъ, какъ собаки всево свѣта лишились лучшаго своего друга, а здѣшній округъ разумнѣйшаго помѣщика: годъ тому назадъ, въ сей точно день, съ неустрашимостію гонясь за зайцемъ, свернулся онъ въ ровъ и раздѣлилъ смертную чашу съ гнѣдой своею лошадейю прямо по-братски. Судьба, уважая взаимную ихъ привязанность, не хотѣла, чтобъ изъ нихъ одинъ пережилъ другога, а міръ между тѣмъ потерялъ лучшаго дворянина и статнѣйшую лошадь. О комъ изъ нихъ болѣе должно намъ сожалѣть? Ково болѣе восхвалять? Оба они не уступали другъ другу въ достоинствахъ, оба были равно полезны обществу, оба вели равную жизнь и наконецъ, умерли одинаково славною смертью.

¹⁾ Цицеронъ былъ казненъ по приказанію Антонія.

Со всѣмъ тѣмъ дружество мое къ покойнику склоняеть меня на ево сторону и обязываетъ прославить память ево, ибо хотя многіе говорятъ, что сердце ево было, такъ сказать, стойломъ ево гнѣдой лошади, но я могу похвалиться, что послѣ нея покойникъ любилъ меня болѣе всево на свѣтѣ. Но хотя бы и не былъ онъ мнѣ другомъ, то одни достоинства ево не заслуживаютъ ли похвалы и не должно ли возвеличить память ево, какъ память дворянина, который служить примѣромъ всему нашему окольному дворянству?

Не думайте, любезные слушатели, чтобъ я выставлялъ ево примѣромъ въ одной охотѣ; нѣтъ, это было одно изъ послѣднихъ ево дарованій, кромѣ сево имѣлъ онъ тысячу другихъ приличныхъ и необходимыхъ нашему брату дворянину. Онъ показалъ намъ, какъ должно проживать въ недѣлю благородному то, что двѣ тысячи подвластныхъ ему простолюдиновъ вырабатываютъ въ годъ.

Онъ знаменитые подавалъ примѣры, какъ эти двѣ тысячи человѣкъ можно перестѣчь въ годъ раза два-три съ пользою. Онъ имѣлъ дарованіе обѣдать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда казалось, что въ нихъ наблюдался величайшій постъ, и такимъ искусствомъ дѣлалъ гостямъ своимъ пріятныя нечаянности. Такъ, государи мои, часто бывало, когда пріѣдемъ мы къ нему въ деревню обѣдать, то, видя всѣхъ крестьянъ ево блѣдныхъ, умирающихъ съ голоду, страшимся сами умереть за ево столомъ голодною смертью; глядя на всякова изъ нихъ, заключали мы, что на сто верстъ вокругъ ево деревень нѣтъ ни корки хлѣба, ни чахотной курицы. Но какое пріятное удивленіе! Садясь за столъ, находили мы богатство, которое, казалось, тамъ было неизвѣстно, и изобиліе, котораго тѣни не было въ ево владѣніяхъ.

Искуснѣйшіе изъ насъ не постигали, что еще могъ онъ содрать съ своихъ крестьянъ, и мы принуждены были думать, что онъ изъ ничего созидалъ великолѣпные свои пиры. Но я не примѣчаю, что восторгъ мой отвлекаеть меня отъ порядку, которой я себѣ назначилъ. Обратимся же къ началу жизни нашего героя: симъ средствомъ не потеряемъ мы ни одной черты изъ ево похвальныхъ дѣлъ, коимъ многіе изъ васъ, любезные слушатели, подражаютъ съ великимъ успѣхомъ. Начнемъ ево происхожденіемъ.

Сколько ни бредятъ философы, что по родословной всево свѣта мы братья и сколько ни твердятъ, что всѣ мы дѣти одново Адама, но благородной человѣкъ долженъ стыдиться

такой философіи, и если уже необходимо надобно, чтобъ наши слуги происходили отъ Адама, то мы лучше согласимся признать нашимъ праотцомъ осла, нежели быть равнаго съ ними происхожденія. Ничто столь человѣка не возвышаетъ, какъ благородное происхожденіе: это первое ево достоинство.

Пусть кричатъ ученые, что вельможа и нищей имѣютъ подобное тѣло, душу, страсти, слабости и добродѣтели. Если это правда, то это не вина благородныхъ, но вина природы, что она производитъ ихъ на свѣтъ такъ же, какъ и подлѣйшихъ простолюдимовъ, и что никакими выгодами не отличается нашего брата дворянина: это знакъ ея лѣности и нераченія. Такъ, государи мои, и еслибы эта природа была существо, то бы ей очень было стыдно, что тогда какъ самому послѣднему червяку удѣляетъ она выгоды, свойственныя ево состоянію, когда самое мелкое насѣкомое получаетъ отъ нея свой цвѣтъ и свои способности, когда, смотря на всѣхъ животныхъ, кажется намъ, что она неисчерпаема въ разновидности и въ изобрѣтеніи, тогда, къ стыду ея и къ сожалѣнію нашему, не выдумала она ничего, чѣмъ бы отличился нашъ братъ отъ мужика, и не прибавила намъ ни одново пальца въ знакъ нашего преимущества передъ крестьяниномъ. Неужели же она болѣе печется о бабочкахъ, нежели о дворянахъ? И мы должны привѣшивать шпагу, съ которою бы, кажется, надлежало намъ родиться. Но какъ бы то ни было, благодаря нашей догадкѣ мы нашли средство поправлять ея недостатки и избавились отъ опасности быть признанными за животныхъ одново роду съ крестьянами.

Имѣть предка разумнаго, добродѣтельнаго и принесшаго пользу отечеству — вотъ что дѣлаетъ дворянина, вотъ что отличаетъ ево отъ черни, и отъ простого народа, котораго предки не были ни разумны, ни добродѣтельны и не приносили пользы отечеству. Чѣмъ древнѣе и далѣе отъ насъ сей предокъ, тѣмъ блистательнѣе наше благородство, а симъ то и отличается герой, которому дерзаю я соплетать достойныя похвалы, ибо болѣе трехсотъ лѣтъ прошло, какъ въ родѣ ево появился добродѣтельной и разумной человѣкъ, которой надѣлалъ столь много прекрасныхъ дѣлъ, что въ поколѣніи ево не были уже болѣе нужны такія явленія, и оно до нынѣшняго времени пробавлялось безъ умныхъ и добродѣтельныхъ людей, не теряя нимало своего достоинства.

Наконецъ появился нашъ герой Звениголовъ. Онъ еще

не зналъ, что онъ такое, но уже благородная ево душа чувствовала выгоды своего рожденія, и онъ на второмъ году началъ царапать глаза и кусать уши своей кормилицѣ. „Въ этомъ ребенкѣ будетъ путь“, сказалъ нѣкогда восхищаясь ево отецъ: „онъ еще не знаетъ толкомъ приказывать, но учится уже наказывать; можно отгадать, что онъ благородной крови“. И старикъ сей часто плакалъ отъ радости, когда видѣлъ, съ какою благородною осанкою отродье его щипало свою кормилицу или слугъ. Не проходило ни одново дня, чтобы маленькой нашъ герой кого-нибудь не оцарапалъ. На пятомъ еще году своего возраста примѣтилъ онъ, что окруженъ такою толпою, которую можетъ перекусать и перещипать, когда ему будетъ угодно. Премудрый ево родитель тотчасъ смекнулъ, что сыну ево нуженъ товарищъ. Хотя и много было въ околоткѣ бѣдныхъ дворянъ, но онъ не хотѣлъ себя унизить до того, чтобы ево однородный сынъ раздѣлялъ съ ними время, а холопскаго сына дать ему въ товарищи казалось еще несноснѣе. Иной бы не зналъ, что дѣлать, но родитель нашего героя тотчасъ помогъ такому горю и далъ сыну своему въ товарищи прекрасную болонскую собачку. Вотъ, можетъ быть, первая причина, отчего герой нашъ во всю свою жизнь любилъ болѣе собакъ, нежели людей, и съ первыми провождалъ время веселѣе, нежели съ послѣдними.

Звениголовъ, привыкшій повелѣвать, принявъ новаго своего товарища довольно грубо и на первыхъ часахъ вцѣпилъ ему въ уши, но Задорка (такъ звали маленькую собачку) доказала ему, какъ вредно иногда шутить, надѣясь слишкомъ много на свою силу: она укусила ево за руку до крови. Герой нашъ остолбенѣлъ, увидя въ первый разъ такой суровой отвѣтъ на обыкновенныя свои обхожденія: это былъ первой щипокъ, за которой ево наказали. Сколь сердце въ немъ ни кипѣло, со всѣмъ тѣмъ боялся отвѣдать сразиться съ Задоркою и бросился къ отцу своему жаловаться на смертельную обиду, причиненную ему новымъ ево товарищемъ. „Другъ мой“! сказалъ безпримѣрной ево родитель: „развѣ мало вокругъ тебя холопей, ково тебѣ щипать? На что было трогать тебѣ Задорку? Собака вѣдь не слуга: съ нею надобно осторожниѣе обходиться, если не хочешь быть укушенъ. Она глупа: ее нельзя унять и принудить терпѣть, не развѣвая рта, какъ разумную тварь“.

Такое наставленіе сильно тронуло сердце молодого героя

и не выходило у него изъ памяти. Возрастая, часто занимался онъ глубокими разсужденіями, къ коимъ подавало оно ему поводъ; изыскивалъ способы бить домашнихъ своихъ животныхъ, не подвергаясь опасности, и сдѣлать ихъ столь же безмолвными, какъ своихъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ искалъ причинъ, отчево первые имѣютъ дерзость болѣе огрызаться, нежели послѣдніе, и заключилъ, что ево крестьяне ниже ево дворовыхъ животныхъ.

Чадолубивый отецъ, примѣтя, что дитя ево начинаетъ думать, заключилъ, что время начать ево воспитаніе и самъ посадилъ ево за грамоту. Въ пять мѣсяцевъ ученикъ сдѣлался сильнѣе учителя и съ нимъ взапуски складывалъ гражданскую печать. Такіе успѣхи утрашили ево родителя. Онъ боялся, чтобы сынъ ево не выучился бѣгло читать по толкамъ и не вздумалъ бы сдѣлаться когда-нибудь академикомъ, а потому то послѣднею страницю букваря кончилъ ево курсъ словесныхъ наукъ. „Этой грамоты для тебя полно“, говорилъ онъ ему: „стыдись знать болѣе; ты у меня будешь баринъ знатной, такъ непристойно тебѣ читать книги“.

Герой нашъ пользовался такимъ прекраснымъ разсужденіемъ и привыкъ всѣ книги любить, какъ моровую язву. Ни одна книга не имѣла до него доступа. Я не включаю тутъ расужденія Руссо о вредности наукъ. Вотъ одно твореніе, которое снискало ево благосклонность, по своей привлекательной надписи. Правда, онъ и ево не читалъ, но никогда не спускалъ съ своего камина. „Прочти только это“, говорилъ онъ, когда кто вздумаетъ хвалить передъ нимъ науки: „прочти это, и ты будешь каяться, что въ тебѣ болѣе ума, нежели въ моей гнѣдой лошади!“ „О, Руссо — великой человѣкъ!“ продолжалъ онъ и послѣ этого принимался съ подобострастіемъ считать листы въ ево сочиненіи. Это было величайшее ево снисхожденіе къ учености, которое оказывалъ онъ одному только сочинителю „Новой Элоизы“.

Время наконецъ наступило записывать ево въ службу, и рѣдкой родитель ево, отпуская, далъ сыну своему послѣднее наставленіе. „Помни, любезной сынъ“, говорилъ онъ ему, „что у тебя двѣ тысячи душъ, помни, что ты старинной дворянинъ и остался одинъ въ своемъ родѣ. Итакъ, береги себя, не подражай бѣднымъ людямъ, которые не имѣя куса хлѣба, принуждены на службу тратить здоровье. Служи такъ, чтобы не быть разжаловану, а о достальномъ не пекись.

Пусть бѣдные ищутъ чиновъ, а нашу братью, богатыхъ,

чины сами должны искать. Будь только порядочнаго поведенія, т.-е. не выходи изъ передней знатныхъ, болѣе всево берегись досадить женщинѣ, сколь бы низкаго состоянія она тебѣ ни казалась: наружное состояніе женщины бываетъ сходно съ молодымъ деревомъ, которое сколь ни кажется слабо и презрѣнно, но часто корень ево глубоко подъ землею сплетенъ съ корнемъ великаго дуба, который можетъ задавить тебя своею тяжестію. Короче, вотъ тебѣ въ двухъ словахъ мое завѣщаніе: я не требую, чтобы ты возвратился заслуженнымъ, но чиновнымъ“. И послѣ сего наградила онъ его своимъ родительскимъ благословеніемъ и двумя тысячами рублей на дорогу. Спустя же три дня послѣ ево отъѣзду кончилъ свою знаменитую жизнь.

Сколь ни жаденъ былъ нашъ герой пользоваться наставленіями, со всѣмъ тѣмъ благородная его душа не охотно приняла сіи послѣднія или, лучше сказать, онъ изъ нихъ одобрилъ половину, т.-е. послѣдуя отцу своему не хотѣлъ онъ служить, но не хотѣлъ также состариться въ переднихъ. Эти два правила поссорили ево съ двумя ево дядюшками, со службою и сдѣлали филозофомъ. Суеты большева свѣта скоро ему наскучили. Онъ видѣлъ, что куда онъ ни приходилъ, то или онъ зѣвалъ, или надъ нимъ зѣвали, и взялъ миролюбивое намѣреніе разстаться со свѣтомъ, видя по всему, что они другъ другу не надобны.

Рѣдкое великодушіе, неподражаемая скромность, — сіи два любимыя качества видны въ немъ были съ самага пріѣзду ево въ столицу. Честолюбивой на ево мѣстѣ, имѣя столь знатную родню, какъ онъ, не отсталъ бы отъ большихъ обществъ и искалъ бы вѣзду въ первые дома, но герой нашъ просиживалъ цѣлыя ночи въ трактирахъ. Онъ убѣгалъ пышности и часто подъ вечерокъ изъ толпы завидливыхъ игроковъ возвращался домой смиренно безъ кафтана. Онъ не былъ злопамятенъ и очень спокойно обѣдалъ тамъ, гдѣ наканунѣ били ево за ужиномъ! Терпеливъ былъ до крайности. Я самъ, государи мои, былъ свидѣтелемъ, съ какою умильною кротостію принималъ онъ побои отъ своихъ пріятелей и послѣ съ ними вмѣстѣ запивалъ свое горе. Иной бы честолюбивый, на ево мѣстѣ, повторяю я, былъ соблазненъ примѣрами большого свѣта и увлеченъ ево суетами, но онъ равнодушно слушалъ вѣсти, что такой то ево сверстникъ пожалованъ, что тому дано мѣсто, другому награжденіе. Всѣмъ этимъ не тронута была великая ево душа, и онъ, зѣвая,

стойчески слушалъ такія новости. „Можетъ быть, половину этихъ чиновниковъ мнѣ же кормить достанется“, говаривалъ онъ; „полно“¹⁾ и тово, что у меня есть двѣ тысячи душъ: это такой чинъ, съ которымъ въ моемъ околоткѣ вездѣ дадутъ мнѣ первое мѣсто“.

„Все суета суетъ“, такъ заключалъ онъ обыкновенно свои разсужденія и послѣ тово, оставаясь кругомъ дюжиною бутылокъ портеру, садился метать банкъ.

По сему можете вы заключить, милостивые государи, что общества ево были хотя не пышныя, но весьма веселыя. Правда, замѣшивались иногда въ нихъ люди чиновные, но обыкновенно первыя двѣ дюжины бутылокъ возставляли во всей бесѣдѣ совершенное равенство и дружество. Но это не было скучное дружество, заведенное лѣтъ на пять: нѣтъ, это было вольное и благородное дружество — такое, что часто, не конча взаимныхъ о немъ увѣреній, вцѣплялись другъ другу въ виски, но безъ всякой злобы и нерѣдко для одного препровожденія времени.

Вотъ, государи мои, образъ городской ево жизни. Онъ, не гоняясь за счастьемъ, искалъ однихъ удовольствій. Онъ не ѣздилъ по этикету зѣвать въ большіе дома, но, любя вольность, часто въ своихъ дружескихъ бесѣдахъ засыпалъ подъ столomъ; онъ не занимался тѣмъ, чтобъ когда-нибудь привлечь на себя вниманіе всево свѣта: ему довольно было и тово, что имя ево знали наизусть во всѣхъ трактирахъ и кофейныхъ домахъ. Онъ никогда не намѣревался быть политикомъ, но не для тово, чтобъ не доставало ему ума: нѣтъ, государи мои, онъ былъ слишкомъ уменъ и нерѣдко даже былъ за это битъ отъ своихъ пріятелей за картами, гдѣ болѣе всего щеголялъ онъ остроуміемъ. Но какъ умъ гонимъ въ цѣломъ свѣтѣ, то очень скоро паскучилъ онъ быть умнымъ и зачалъ играть въ карты съ филозофскою простотою и благородною довѣренностью: друзья ево вмѣсто тово, чтобы удивляться симъ любезнымъ качествамъ, въ два мѣсяца очистили все ево имѣніе и оставили нашего филозофа полунагимъ, несмотря на то, что сѣверной климатъ совѣмъ не удобенъ къ цинической филозофій.

Всякой бы другой изнемогъ духомъ въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; всякой бы пришелъ въ отчаяніе, но онъ не поколебался нимало и сидя дома, съ крайнимъ уми-

¹⁾ Довольно.

лениемъ сердца ожидалъ, какъ займодавцы поведутъ ево въ тюрьму. Какъ Юлій, не бѣжалъ онъ отъ своего несчастія и даже не выходилъ за ворота, хотя тогдашними темными вечерами могъ онъ прогуливаться по улицѣ въ одномъ камзолѣ и туфляхъ, не нарушая городской благопристойности. Онъ не искалъ даже помочь своему несчастію: „что будетъ, то будетъ“, говорилъ онъ, зѣвая неустрашимо. И судьба наградила ево къ ней довѣренность. Тогда, какъ казалось, что онъ оставленъ отъ всево свѣта; когда всѣ ворота были для него заперты, выключая ворота городской тюрьмы; когда въ кухнѣ ево, какъ въ Римѣ, не осталось ни тѣни древней славы и, что всево бѣдственнѣе, когда послѣднюю бутылку портеру у него разбила испостившаяся кошка, искавъ съ такимъ же усердіемъ чорствой корки, съ какимъ Колумбъ искалъ новой земли; когда, говоря я, всѣ сѣи несчастія собрались вокругъ него, тогда родной ево дядя, славный своею экономіею, которую храня, двадцать лѣтъ уже онъ не ужиналъ, вздумалъ наконецъ и не обѣдать, оставя въ наслѣдство герою нашему пять тысячъ душъ и сто тысячъ денегъ.

Можетъ быть, подумаете вы, что это сдѣлало ево надменнымъ? Нимало! Въ тотъ же день пошелъ онъ къ знакомому винному погребщику, напился съ немъ вмѣстѣ и очень смиренно провель у него ночь на голомъ кирпичномъ полу.

Но уже страсти въ немъ начали угасать и онъ, пользуясь прошедшими своими несчастіями, не захотѣлъ болѣе ни въ которой масти искать счастья, получилъ чинъ, пошелъ въ отставку и намѣрился удалиться въ свои деревни, дабы украсить собою нашъ уѣздъ; имѣя же къ шумнымъ прощаньямъ отвращеніе, уѣхалъ изъ города, не увѣдомя ни одново своево займодавца. Можетъ быть, по скромности ево, правился ему также французской обычай уходить не простясь, ибо, свидѣтельствуютъ достовѣрнѣйшіе маркеры, что, когда только могъ, уходилъ онъ по-французски изъ трактировъ, сколь ни убѣдительно они ему за то пеняли.

Наконецъ, удалился онъ отъ городского шума и вступилъ въ новое поприще для испытанія своихъ дарованій, и вы, государи мои, сами были свидѣтели, какъ сильно умѣлъ онъ ими блистать.

Едва появился онъ здѣсь, какъ объявилъ открытую войну зайцамъ и набралъ многочисленную армію псовъ; наблюдая пользу поселянъ, хотѣлъ онъ истребить весь заячій родъ и сдержалъ свое слово. Правда, многіе изъ строптивыхъ ево

крестьянъ кричали, что они бы лучше хотѣли кормить зайцовъ, нежели безчисленное множество псовъ и тунеядливую шайку охотниковъ; что имъ милѣе было въ хлѣбѣ своемъ встрѣтить зайца, нежели полсотни лошадей и вдвое болѣе тово собакъ. Но герой нашъ, умѣя кстатѣ и къ мѣсту пересѣчь сихъ рассказчиковъ, укротилъ ихъ роптанія и продолжалъ непримиримую ненависть къ зайцамъ, какъ Аннибалъ къ римлянамъ, а чтобы вѣрнѣе ихъ выжить, то вырубилъ и продалъ свои лѣса, а крестьянъ привелъ въ такое состояніе, что имъ нечѣмъ было засѣвать поля.

Съ какимъ внутреннимъ удовольствіемъ герой нашъ выѣзжалъ тогда въ поля и находилъ ихъ такъ чистыми, какъ скатерть, не тревожась сомнѣніемъ, чтобы гдѣ могъ скрыться заяецъ. Въ три года обрлъ онъ чисто свои земли, что неустрашимѣйшіе зайцы могли въ нихъ искать одной только голодной смерти. „Скажи“, спрашивалъ у него однажды нѣкто, „не лучше ли на земляхъ своихъ видѣть тысячу сытыхъ зайцовъ, нежели пять тысячъ голодныхъ крестьянъ, и не смѣшенъ ли тотъ, кто зажжетъ свой домъ, желая выжить изъ него таракановъ“?

„Молчи только“, отвѣчалъ нашъ герой: „я самъ знаю, что моимъ крестьянамъ ѣсть нечево, но еще лѣтъ пять, и зайцы позабудутъ мои земли: они будутъ бѣгать ихъ, какъ песчаной степи. А тутъ то я и обману весь этотъ родъ трусливыхъ грабителей, возстановя прежній порядокъ и изобиліе“.

Какой рѣдкой умъ, милостивые государи! имѣлъ ли кто когда-нибудь такое великое и смѣлое предпріятіе? Неронъ зажегъ великолѣпной Римъ, чтобы истребить небольшую кучку христіанъ. Іюлій побилъ множество согражданъ своихъ, желая уронить вредную для нихъ власть Помпея. Александръ прошелъ съ мечомъ чрезъ многія государства, побилъ и раззорилъ тысячи народовъ, кажется, для того, чтобы вымочить свои сапоги въ приливѣ океана и послѣ пощеголять этимъ дома.

— Но всѣ эти намѣренія и труды не входятъ въ сравненіе съ подвигами нашего героя. Тѣ морили людей, дабы приобрѣсти славу, а онъ морилъ ихъ для тово, чтобы истребить зайцевъ. Но судьба, завидующая великимъ дѣламъ, не дала совершить ему своего намѣренія, подобно, какъ множеству другихъ героевъ, которые, захвата себѣ дѣль тысячи на двѣ лѣтъ, умирали на первомъ или на второмъ голу своего предпріятія.

Вотъ государи мои, подвиги героя, которые.... Но что я вижу!

Любезные мои слушатели заснули со умилениемъ, почтенныя головы ихъ лежать, какъ прекрасныя бухарскія дыни, вокругъ пуншевой чаши.

Торжествуй, покойной мой другъ! Твои друзья, любя тебя, наслѣдовали твои нравы. Такъ точно нѣкогда засыпалъ ты на своихъ веселыхъ вечеринкахъ съ половиною окунутымъ въ ендову¹⁾ носомъ. Увернись, если можешь, на одну минуту отъ Плутона, взгляни изъ-подъ пола на твоихъ друзей, потому что рассказы торжественно адскимъ жителямъ, какое пріятное дѣйствіе произвела похвала твоей памяти, и покосятся на тебя завидливые наши писатели, которые думаютъ, что они одни выправили отъ Апполона привиллегію усыплять здѣшній свѣтъ своими твореніями.

ТРУМФЪ (ИЛИ ПОДЩИПА).

(1800).

ШУТО-ТРАГЕДІЯ ВЪ 2-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

Это пьеса, направленная противъ напыщенностей и фальши ложноклассическихъ пріемовъ въ драмѣ, написана Крыловымъ въ усальбѣ кн. С. Ѳ. Голицына, въ с. Казацкомъ. Одинъ изъ гостей кн. Голицына, Лобановъ оставилъ объ этомъ слѣдующее воспоминаніе. „По приглашенію хозяина, чтобъ молодые люди, находившіеся тогда въ его домѣ, выдумывали бы какія-нибудь забавы и веселились, Крыловъ, будучи въ самомъ юмористическомъ расположеніи духа, написалъ „Трумфа“. При чтеніи его всѣ помирали со смѣху... Это шалость, это проказа таланта. Но разсыпать въ шутовской пьесѣ столько веселости, столько остроты и сатирическаго духа — могъ одинъ Крыловъ! И въ этомъ родѣ, каковъ онъ ни есть, въ русской словесности нѣтъ ничего подобнаго. Созданія характеровъ Вакулы, Подщипы и Слюняя суть созданія каррикатурно-гениальныя“. Пьеса Трумфъ первое время была извѣстна, подобно „Горю отъ ума“, только въ спискахъ, и въ первый разъ была издана въ Берлинѣ. Были лица (Макаровъ) которые ее знали тогда наизусть. Картавый языкъ Слюняя и нѣмецкое произношеніе русскихъ словъ Трумфомъ выдержаны съ замѣчательнымъ мастерствомъ. Содержаніе пьесы слѣдующес. Трумфъ, нѣмецкій принцъ, вступилъ съ войсками въ царство Вакулы, и хочетъ жениться на дочери Вакулы, Подщипѣ или разорить царство. (Въ Трумфѣ даны черты гатчинскихъ нѣмцевъ въ царствованіе Павла). У Подщипы есть женихъ, князь Слюняй, отъявленный трусь. Въ пьесѣ множество

¹⁾ Большая чаша для питья.

смѣхотворныхъ сценъ между Подщиной, призывающей Слюняя къ самопожертвованію, и между Трумфомъ и Слюняемъ: Трумфъ угрожаетъ Слюняю; Слюняй не знаетъ, куда дѣваться отъ страха. Но Трумфъ всетаки проигрываетъ партію: цыганка даетъ его солдатамъ такого дѣкарства, что они не въ состояніи дѣйствовать. Все кончается благополучно для Слюняя и Вакулова царства.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе второе.

Подщина, Чернавка и Дурдуранъ (*съ каплуномъ въ рукахъ*).

ДУРДУРАНЪ (*кланяясь низко*).

Княжна, родительскій узнай къ себѣ приказъ,
И будь готова ты вѣнчаться черезъ часъ.
Сейчасъ лишь каплуна я самъ купилъ на рынкѣ,
И нанялъ на вечеръ гудокъ да двѣ волынки.

ПОДЩИНА.

Что слышу!.. Ой умру!.. ой тошно!.. ой животъ!.. (*упа-
даетъ въ кресла*).

ЧЕРНАВКА.

Страшусь — она себя съ печали надорветъ.

ДУРДУРАНЪ.

Я знаю всю ея великой жертвы цѣну! (*къ Чернавкѣ*).
Понюхать бы дала царевнѣ ты хоть хрѣну!

ЧЕРНАВКА.

О бѣдная княжна! злосчастная любовь!
Хотя бъ рожечную ¹⁾ скорѣй пустить ей кровь!

ДУРДУРАНЪ (*ощупывая княжну*).

Смотри: кошна кошной! не можно съ мѣста сдвинуть!
Не лучше ль на животъ горшка ей два накинуть?

ПОДЩИНА (*нѣсколько опаматовавшись*).

Гдѣ я?.. Скажите мнѣ: теперя ночь иль день?

¹⁾ Разрѣзную.

ЧЕРНАВКА (*щупая ей голову*).

Царевна! что у вась?

ПОДЩИПА.

Ваперы и миндрень ¹⁾.

ДУРДУРАНЪ.

Скрѣпись, о княжна, и дай ты Трумфу руку...

ПОДЩИПА.

О, нѣтъ! не вытерплю такую злую муку,
Зарѣжусь, утоплюсь...

ЧЕРНАВКА.

Опомнитесь, княжна! (*Дурдурани.*)

Ну, что какъ сауру то утопится она?

ДУРДУРАНЪ.

Нашъ царь предвидѣлъ все, и, отчимъ страхомъ движимъ,
Велѣлъ ей пузыри носить на мѣсто фижемъ,
Чтобъ, если кинется въ рѣку, наверхъ ей всплыть,
А за столомъ велѣлъ лишь жеванымъ кормить,
И чтобъ, спустя чулки, ходила безъ подвязокъ...
Ну, пропадайте вы! мнѣ, право не до сказокъ!
Мнѣ нынѣ случай есть явить весь разумъ мой:
Кухарка, чай, давно въ стряпущей ждетъ за мной,
А что бъ гофмаршальской мой чинъ достойно справить,
На кухню каплуна я самъ бѣгу доставить! (*Уходитъ.*)

ПОДЩИПА.

Не сонъ ли это все?.. Не брежу ль я?

ЧЕРНАВКА.

Ахъ, нѣтъ!

Но укрѣпись, княжна! се, твой женихъ грядеть!

ПОДЩИПА.

О царскій санъ! ты мнѣ противнѣй горькой рѣдки.
Почто, увы! не дочь конюшаго я Федьки!

Мигрень, varicels — ипохондрическіе припадки.

Явленіе третье.

Тъ же и Трумфъ.

ТРУМФЪ.

Старофа ль, анкель мой, прелёсна мой княшонъ?
Для плапалушна шасъ, какта мой пудешъ шонъ,
Мой ноши весь не спить, и серса польна пьотся;
Прелесна тфой фигуръ на мой туша шифется.
Куришь ли трупка мой — изъ трупка тфой пихтишь;
Или мой кафе пиль — тфой въ шашечка сидишь.
Фезтъ мой фитить тфой, на полъ и на пушка...

ПОДЩИПА.

Конечно, государь, мнѣ много бѣ было славы;
Но вспомни, что у насъ совсѣмъ различны нравы:
Ты любишь устрицы, а я ихъ не терплю;
Противны сочни ¹⁾ вамъ, а я ихъ смерть люблю.
Привыкъ ты на войнахъ терпѣть и жаръ и холодъ,
И къ пицѣ всякой тамъ тебя приводитъ голодъ;
А я лишь выборной люблю вездѣ кусокъ....
Ты радъ дрянъ всяку ѣсть, находишь вкусъ въ лягушкахъ,
А я у матушки выросла лишь на ватрушкахъ.
Ты храбръ; но съ нѣжностью и вкусомъ не знакомъ,
И за версту, о князь, воняешь табакомъ!
Помысли жъ, каково твоей мнѣ быть женою!
Подумай, государь, и сжался надо мною!

ТРУМФЪ.

Фу, што тутъ шалиться: намъ будетъ шить утѣшна,
Кохта на цѣпки насъ амуръ сафяшетъ фѣшна.
Изъ крушешка одна мы путемъ пифа пиль,
Изъ трупошка одна тапакъ съ тапой куриль;
Не будетъ мала твой ни томикъ, ни палатка,
Ни платьиса пахатъ, ни санка, ни лошатка:
Все это путить таль! Не тушь, мейнъ герцъ, не тушь,
Шестна пароль тебѣ: мой путеть топра мушь.

ПОДЩИПА.

Нѣтъ, нѣтъ, о государь! не льсти себя напрасно!
Боюсь, съ тобою мнѣ супружество ужасно!

¹⁾ Мучныя лепешки, намазанныя съ одной стороны творогомъ, или кашею, затѣмъ согнутыя пополамъ и зажаренныя въ маслѣ.

ТРУМФЪ.

Паисъ, со мной? Кафо? на всѣхъ стрѣляй фелить!
Не пось! не тамъ тепѣ, красафисъ мой, фѣ опить.

ПОДЩИПА.

Я музыку люблю.

ТРУМФЪ.

О мусикъ слафна нашъ!
На кларинеть тепѣ всекта катофа маршь;
Тва тонка флейтошка, та тольста тва тимпана,
Симфонья на опѣтъ намъ стѣлай съ парапана!

ПОДЩИПА.

До танцевъ страдна я.

ТРУМФЪ.

Мой путеть палъ тафалъ,
И станеть пиль тафо, кто не булъ тансоваль.
Мой любить фесель шить, скакать, плясать, рѣсьфиться,
И палькой на дворца сканяить феселиться.
Фикляра, покуса тебѣ, на кашта шасъ,
Каметья, кукла, фсе, фсе путеть пиль у насъ!

ПОДЩИПА.

Я не люблю тебя, мнѣ видѣ противень твой!

ТРУМФЪ.

Не люпишь?... Этафа стерпѣль не мошна мой!
Протифна Трумфѣ?... Фай! фй! такая поруканья
Тастойна саслушить тяшела накасання.
Некотна тѣфка! Твой протифень мой фикуръ,
Кахта сфѣтлѣйша ей принсеса стѣлай куръ!
Мой снаеть фсе: Слюняй тфон такъ мысли латить.
Но мерска сей рифаль¹⁾ мой вмикъ на коль посатить.
Смотри, я не шути, кахта пуфай сертить.
Люпи менѣ, коль пиль не хошешъ польна пить!
Рукаться на мене не тамъ тепѣ поташка,
Коль пиль не хошешъ шонѣ, такъ мой ты путешъ прашк! !

---

¹⁾ Соперникъ.

ПОДЩИПА.

Тиранъ! не устрашишь ты сердце тѣмъ мое:
Въ моемъ несчастіи сноснѣй мнѣ муть бѣлье,
Когда бы только князь Слюняй носилъ мнѣ воду,
Чѣмъ быть супругою столь скверному уроду.

ТРУМФЪ.

Дерь тейфель! мой уротъ? Сносить нѣтъ польша мошь,
Ну, фотъ саплатъ са фея моя люповь!... карошь!
Мольши! на кородъ стѣсь не путеть шифъ ни мушка,
Сей шасъ папозль фелѣтъ на фсѣхъ стрѣлай изъ пушка.
(уходитъ).

ПОДЩИПА.

Ступай, тиранъ! твоихъ я ядеръ не боюсь,
О князѣ бѣдномъ лишь своимъ слезами лбюсь.

Явленіе пятое.

Подщипа и Слюняй.

ПОДЩИПА.

Такъ, такъ! напрасно все! и я то вижу ясно.
Но есть еще одно прибѣжище у насъ,
И смерть отъ хищника спасетъ насъ сей же часъ.
Скажи, мой князь, въ любви ты мнѣ не лицемѣришь?

СЛЮНЯЙ.

Хоть писягнуть готовъ! узы ты мнѣ не вѣсь?

ПОДЩИПА.

Готовъ ли вмѣстѣ ты со мною умереть?

СЛЮНЯЙ.

Позаяю.

ПОДЩИПА.

Вмѣстѣ намъ пріятна будетъ смерть.
Пойдемъ же, кинемся сей часъ стремглавъ въ окошко,
И слошимъ головы. *(Тащитъ его за руку.)*

слюняй.

Постой, постой немносько!

Отсѣй вить высоко: поэюй, бесюсь я,
Да тойко, знаись сто: изъ низняго зійя.

подщипа.

Я вижу, смерти родъ такой тебѣ ужасенъ;
Но менѣ ль, скажи, злодѣй для насъ опасенъ?
Вить умереть же намъ, а, можетъ насъ убьютъ:
Пойдемъ же, бросимся съ тобою вмѣстѣ въ прудъ,
И Трумфу нашему тѣмъ досадимъ злодѣю.

слюняй.

Поэюй... тойко я вить пьывать не умѣю!

подщипа.

Жестокій! Робостью ты бѣдъ моихъ не множь:
Ну, хочешь ли... вотъ я украла въ кухнѣ ножъ:
Зарѣжемся!... мы тѣмъ отъ бѣдъ себя избавимъ,
И наши имена навѣкъ съ тобою прославимъ.

слюняй.

Извой.

подщипа (*подавая ему ножъ*).

Начни жъ.

слюняй.

Гьяди.

подщипа.

Увы, я вся дрожу.

слюняй.

Князна! заѣсса ты, я пьездѣ погьязю.

подщипа.

О варваръ! такъ то ты въ любви своей мнѣ клялся!
Гдѣ нѣжность вся твоя, гдѣ пламень твой дѣвался?
Прочь, прочь! Я болѣе тебя ужъ не люблю,
И вида твоего, слюнявый, не терплю!
Прости... Любимымъ быть ввѣкъ счастья ты не вкусишь!
Прямой Слюняй, когда зарѣзаться ты трусишь. (*Уходитъ*.)

Явленіе осьмое.

ЦАРЬ ВАКУЛА, ДУРДУРАНЪ И ВЕЛЬМОЖИ.

ВАКУЛА.

Ну, что жь придумалъ ты, мой дорогой совѣтъ? (*Встаетъ и подходитъ къ одному изъ вельможъ.*)

А слышь ты, въ помощи намъ недостатка нѣтъ! (*Подаетъ бумагу.*)

Прочти, какую намъ сосѣдъ даетъ помощь!

Не безъ кумовъ то вить и я здѣсь, слава Богу!

Ну что жь, прочель ли ты?

ДУРДУРАНЪ (*привстаетъ.*)

Онъ слышь, о Государь!

ВАКУЛА.

Такъ, слышь ты, не прочтеть?

ПАЖЪ.

Прикажете ль кубарь?

ВАКУЛА.

Тотчасъ, слышь! (*Подходя къ другому.*) Ну такъ ты скажи свое, слышь, мнѣнье.

И докажи свое и знанье и умѣнье:

Съ чего бы заговоръ намъ лучше свой начать,

Умненько произвестъ и славно окончать?

Ну, что же думаешь? Скажи хотя ты слово.

ДУРДУРАНЪ (*привстаетъ.*)

Онъ нѣмъ, о Государь!

ВАКУЛА.

Ну, вотъ тебѣ здорово! (*Подходя къ третьему.*)

Скажи же ты хотя, какъ горю пособить,

А я, ну, право, слышь, не знаю, какъ и быть!

Эхъ, слышь, ну что жь ты сталь? (*Толкаетъ его въ бокъ.*)

ДУРДУРАНЪ (*привстаетъ.*)

Онъ, Государь, не слышитъ.

ВАКУЛА (*бросаясь къ четвертому*).

Хоть ты!

ДУРДУРАНЪ.

За старостью, о царь, едва онъ дышитъ.

ВАКУЛА.

Ну, братъ, слышь...

ПАЖЪ.

А кубарь-то вить готовъ совсѣмъ!

ВАКУЛА.

Ну, ладно же, такъ мы въ столовую пойдѣмъ.

А вы (*къ совету*), слышь, думайте, да не сходя со стула,

А я, слышь, подмахну вамъ тотчасъ: царь Вакула (*уходитъ*).

ДУРДУРАНЪ.

Молчите жъ, ни гу-гу! и думать мы начнемъ;

А что придумаемъ, царю то донесемъ.

(*Одинъ послѣ другого начинаютъ звать и дремать. Всѣ засыпаютъ и храпятъ; занавѣсъ опускается.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе седьмое.

Трумфъ и Слюняй.

Слюняй (*вбѣгая и не видя Трумфа*).

Ну вотъ и я пьсой.

Трумфъ (*схватя его за воротъ*).

Пати-ка, прать, скота!

Слюняй.

Ай, смейтъ!

Трумфъ.

Мнѣ ната ти!

Слюняй.

Пьсья моя бѣда!

Помиюй, дядюська!

ТРУМФЪ.

Нѣтъ, милуй мой не мошна!

Смерть тфой!

СЛЮНЯЙ.

Пьяпай!

ТРУМФЪ.

Отъ тфой пришла мнѣ польно тошно.

СЛЮНЯЙ.

Отець!

ТРУМФЪ.

Фай!

СЛЮНЯЙ.

Гьяфцикъ!

ТРУМФЪ.

Фсторъ!

СЛЮНЯЙ.

Сокъевисце мое!

Сіайтейный!

ТРУМФЪ.

Мольшать!

СЛЮНЯЙ.

Свѣтъѣйсій!

ТРУМФЪ.

Не кришать!

СЛЮНЯЙ.

Мусье, помиюй!

ТРУМФЪ.

Нѣтъ, съ топой мой кочеть траки.

СЛЮНЯЙ.

Ай, батюски! пьяпай на мѣсто я собаки!

ТРУМФЪ (*вынимая шпагу*).

Катофся умирай.

слюняй.

Ой, смейтуска моя!
Помикуй, цѣмъ тебя пьнгнѣвай стойко я?

трумфъ.

Не путеть польше тфой Подщипа тѣлай куръ,
Я коншу сей минутъ тфой именъ и амуръ.

слюняй.

Ой, ой!...

трумфъ.

Но нѣтъ, хотъ твой нефѣша и уротъ,
Я кочеть пошитай въ тепѣ твой княша рогъ.
(Вкладываетъ шапу.)

слюняй.

И въ пьяду, я витъ князь, не тойко бягоѣднѣй;
А ты со мной ссутій поступокъ стой негоднѣй.
(Особо.) Авось онъ стѣюситъ!

трумфъ

(вынимаетъ нару пистолетовъ).

Такъ фыпирай люпой.

слюняй.

(Особо.) Смотыи-ка, усь даить! *(Трумфу.)* Спасибо, гѣяфцикъ
мой!

Да не заязенъ и?

трумфъ.

Та, та! онъ сарешона;
Тафай сейшасъ стрѣлай, княшна пѣя будетъ шона.

слюняй.

(Особо.) Ой егце! *(Трумфу.)* Дядюска, я съ—ѣду не стѣеяй.

трумфъ.

Ну, ну! не то сейшасъ я пуля посылай.
Стой тамъ!

слюняй.

Съ умомъ и ты? Застѣвись витъ до смейти!
(Особо.) Князну, юбовъ, тебя — стобъ всѣ побѣяи цейти!

ТРУМФЪ.

Фай, фай! Какой твой князь? твой потла, мерска трусь!

СЛЮНЯЙ *(кланяясь низко)*.

Сто хочесь! виновать! а смеити я боюсь.

ТРУМФЪ.

Стрѣляй.

СЛЮНЯЙ.

Ой, нѣтъ!

ТРУМФЪ.

Такъ тѣой со мной не кочеть питься?

СЛЮНЯЙ.

Ну самъ ты посуди, гдѣ мнѣ съ тобой возиться?

ТРУМЪ.

Я люпитъ тѣой княшонъ.

СЛЮНЯЙ.

Ись тойко не убей!

Я отступьюсь совсѣмъ, вьядѣй, позяюй, ей!

ТРУМФЪ.

Такъ слюшай ше, Слюняй! коль смерти тѣой поится,
Такъ пить рифалемъ мнѣ тепѣ стѣсь не гатится.
Смотри ше, вишло я княшонъ къ тепѣ въ минуту,
Но пуля въ лопъ тотъ шасъ, какда тѣой путеть плють.
Княшна укафари сейшасъ со мной шениться;
Или на шпага мой котофа быть сатиться...
Но фотъ княшонъ идетъ, красависъ мила мой!
Смотри шъ: тотшасъ вѣншать, иль прошъ калофка тѣой!
(Уходитъ).

Явленіе осьмое.

Слюняй *(одинъ)*.

СЛЮНЯЙ.

Когда бъ она еше со мной не поминаясь,
Или хотя бъ опять тепей вновь побѣняняясь,
А то бѣда пьисья!

Явленіе девятое.

Слюняй и Подщипа.

ПОДЩИПА (*вбѣгая*).

Миръ, миръ! любезной князь,
Прости, коль дерзко я сказала разсердись!

СЛЮНЯЙ (*особо*).

Ахти! она меня еше сийнѣе любить!

ПОДЩИПА.

Слюняюшка, мой другъ!

СЛЮНЯЙ.

Ну, ну, совсѣмъ погубить!

ПОДЩИПА.

Жестокій, ты молчишь! того ль достойна я,
Когда сильнѣй огня къ тебѣ любовь моя!

СЛЮНЯЙ (*особо*).

Того-то и боюсь!

ПОДЩИПА (*плачетъ*).

Тронись же хоть слезами!
Взгляни ты на меня умильными глазами!

СЛЮНЯЙ.

Князьна! Когда ко мнѣ ты истинно нѣзъна,
Такъ Тьюмфу юку дать севодни зѣ ты дойзна.

ПОДЩИПА.

Ты ль это мнѣ сказалъ?... Душа летить изъ тѣла!

СЛЮНЯЙ.

Но мнѣ вить гоѣва моя не надоѣя!
Тьюмфъ именно скажай: кой сдѣяисъ отказъ,
И не пойдесъ къ вѣнцу съ нимъ сей зе самый цасъ,
Такъ онъ... ну, видисъ и... все это мнѣ отпѣятить,
И гоѣву съ меня, какъ коценську, схватить.
Такъ язсуди сама...

подщипа.

Умри жъ, любезной мой,
И понеси во гробъ любовь мою съ собой!

слюняй

Такъ ты намѣнена?...

подщипа.

Тебя хоть мертвымъ видѣть,
И мертваго любить, а Трумфа ненавидѣть!

слюняй.

Ахъ! онъ убьетъ меня!

подщипа.

Мой князь, спокоенъ будь:
Душа твоя ко мнѣ переселится въ грудь;
Ты въ мысляхъ у меня и въ сердцѣ будешь вѣчно!
Я буду вспоминать...

слюняй..

Бягодаю сейдецно!
Князна, позяюста, кой юбись ты меня,
Такъ выдь ты за него...

подщипа.

Какъ, какъ? чтобы вышла я?
Ахъ, нѣжности моей ты мѣры всей не знаешь,
Когда поступокъ мнѣ столь гнусный предлагаешь!

слюняй.

(Особо.) Ну вотъ тебѣ любовь! (Подщипать.) Пьесная, увы!
За вѣйность эдаку мнѣ быть безъ гоёвы:
Застѣвить онъ меня, отказъ его твой взбѣситъ.

подщипа.

Пусть онъ тебя убьетъ, застрѣлитъ иль повѣситъ,
Но нѣжности къ тебѣ не перемѣнитъ моей.

слюняй (особо).

Стобы ты тьесная и съ нѣзностью своей!

ПОДЩИПА.

Чтобъ я оставила тебя,—избави Боже!
Люблю, люблю тебя,—ты мнѣ всего дороже!

СЛЮНЯЙ.

Ахти, бѣда моя! хоть тисе говои.
Онъ быско. Стыастью ты меня не умои.
Задусить онъ меня.

ПОДЩИПА.

Пусть онъ тебя задушить,
Но вѣрности моей ни мало не нарушить;
Чѣмъ я горжусь, о томъ чтобъ стала я молчать!
Люблю, люблю тебя, и буду то кричать!

СЛЮНЯЙ.

Ей-ей, конецъ пьисой, надезды бойсе нѣту!

ПОДЩИПА (*громче*).

Люблю, люблю тебя! Будь то извѣстно свѣту!

Явленіе десятое.

ПРЕЖНІЕ И ПАЖЪ.

ПАЖЪ.

Княжна! немедленно ступай ко алтарю!
Ужъ велѣно звонить къ вечернѣ звонарю;
А если вздумаешь хоть мало куралесить,
Такъ есть приказъ за то Слюняя вмигъ повѣсить.

СЛЮНЯЙ.

Гоюбуска, поди! къясавица моя!

ПОДЩИПА.

Скажи, что никогда!

СЛЮНЯЙ (*зажимая ей ротъ*).

Опомнись... умеи я...

(*Пажу.*) Скажи: идетъ.

ПОДЩИПА.

Нѣтъ, нѣтъ! поди, скажи тирану...

слюняй (*зажимая ей ротъ*).

Помоюй!

подщипа.

Что любить Слюняя не престану,
Что можетъ онъ его повѣсить сей же часъ;
Но не ослабить тѣмъ любви взаимной въ насъ

слюняй.

Пъестная юбовь!

подщипа.

Скажи, что имъ пылаю!

слюняй.

Я эдакой юбви зыдѣю не зею!...

Явленіе одиннадцатое.

Тъ же и Трумфъ.

трумфъ (*вбѣгая въ бѣшенствѣ*).

Нѣтъ моши польше шдять. Скажи, коль тѣой нейтеть,
Въ минуту сей Слюняй отъ рукъ моя умреть!

подщипа:

Нейду, нейду, нейду! ты бѣсишься напрасно:
(*Обнимая Слюняя.*) Имъ вся пылаю я, имъ сердце нѣжно
страстно.

трумфъ.

(*Вырывая изъ рукъ ея Слюняя и вынимая шпагу.*)

Умри ше!

слюняй.

Каяуй! изъ тѣя идетъ духъ!

.....

Явленіе тринадцатое.

Тъ же, Чернавка, Цыганка и Дурдуранъ.

цыганка.

Вотъ, на моемъ сбылося!

дурдуранъ.

Все войско Трумфово, о царь, вамъ поддалося.

ВАКУЛА (*цыганскѣ*).

А слышь, будь фрейлиной у дочери моей.

ЧЕРНАВКА.

Княжна, васъ въ церковь ждуть — спѣшите поскорѣй.

ТРУМФЪ.

Что путеть съ мой?...

ВАКУЛА.

А слышь, развѣдаюсъ со тобою:

(*Дурдурану*) Чтобъ парикмахеръ, слышь, гребенкою большою
Сейчасъ, ты знашь, его въ пять пучоль причесаль;
Одѣль бы франтомъ, слышь, жабо бы подвязаль,
Чтобъ прыгать казачка Трумфъ къ вечеру явился.

ТРУМФЪ.

О, пѣтна мой колофъ! (*Дурдуранъ его уводитъ.*)

СЛЮНЯЙ.

Езонъ! за то, сто зыйся.

ПИСЬМО М. П. СУМАРОКОВОЙ ¹⁾.

(1801 г.)

Простите мнѣ, сударыня Марья Павловна, что такъ долго не отвѣчалъ я на прелестное письмо ваше, которое мнѣ чрезвычайно много принесло удовольствія. Нѣсколько разъ

---

¹⁾ Изъ оставшихся послѣ Крылова писемъ пока, по свидѣтельству редактора послѣдняго изданія его сочиненій, В. Каллаша, найдено только 25. Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе письма къ Соймонову и Княжину, — ядовитымъ сарказмомъ, и письма къ М. П. Сумароковой и къ Оленинымъ, обрисовывающія Крылова съ очень привлекательной стороны. Соймоновъ былъ членомъ театральнаго комитета, сановникомъ и недавнимъ начальникомъ Крылова. Когда Соймоновъ препятствовалъ постановкѣ на сцену пьесы Крылова „Бѣшеная Семья“ и лишилъ его права бесплатнаго пользованія тѣми мѣстами партера театра, на которыя Крыловъ имѣлъ право, молодой писатель (ему тогда было 21 годъ) написалъ Соймонову очень смѣлое письмо въ свою защиту. Въ немъ онъ очень тонко смѣется надъ Соймоновымъ, пересыпая свою рѣчь ироническими комплиментами и титуломъ: „Ваше превосходительство“. Вотъ, напримѣръ, что писалъ Крыловъ въ этомъ письмѣ: „На театрѣ даются „Двѣ невѣсты“ и „Дезертеръ“, которыя имѣютъ только то счастье, что одобрены вашимъ превосходительствомъ, и которыя, какъ я слышу, публика бранить и, признаваясь, имѣетъ справедливыя причины, такъ какъ и въ разсужденіи нѣкоторыхъ другихъ пьесъ, во время представленія коихъ многие зрители просыпаются только отъ музыки въ антрактахъ... Правда, я нерѣдко смѣюсь въ тра-

перечитывалъ я ево и на всякой строгѣ видѣлъ и ваше доброе сердце и вашу чувствительность: сохраняйте ихъ, и вы будете любезны и почтенны для всѣхъ честныхъ людей; умножайте свои познанія, и вы далеко назади оставите тѣхъ пригоженькихъ куколокъ, которыя тогда только и живутъ, когда онѣ вальсируютъ.

Вы видите, что я постаринному не щажу нравоученій, но еслибъ я меньше желалъ вамъ добра и меньше бы зналъ васъ, то бы, конечно, за неучтивость почелъ говорить нравоученія пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ; но вы никогда ими не сучали. Счастливы будете, если, и вступя въ свѣтъ, станете предпочитать добрые совѣты глупымъ ласкательствамъ и если охотнѣе станете слушать замѣчанія на ваши недостатки, нежели похвалы вашимъ совершенствамъ. Наконецъ, и вы оставили прелестное Казацкое! Угадать ли, съ кѣмъ вамъ болѣе всего жаль было расстаться? Съ вашимъ воробьемъ — неправда ли? Божусь, что и я не безъ жалости воображалъ эту разлуку. Бѣдная птичка! Она, вѣрно, еще долго послѣ вашего отъѣзда будетъ прилетать къ вашему окну. Съ какимъ удовольствіемъ читалъ я объ ней. Еслибъ это попало мнѣ гдѣ-нибудь въ книгѣ, то бы меня ни въ половину такъ не тронуло, для того, что я бы почелъ это за сказку. Но въ вашемъ письмѣ меня чрезвычайно это растрогало. Видите ли, что я вамъ болѣе печатнаго вѣрю. Канарейки ваши такъ же очень милы, и я бы любопытенъ знать, гдѣ онѣ остались, когда вы поѣхали изъ Казацкова. Читалъ я у папеньки вашего вашъ журналъ французской. Приятно мнѣ было знать, что вы меня въ немъ вспоминаете, и я васъ тысячу разъ за то благодарю. Но видите ли, что вы меня этимъ журналомъ оправдали; вспомните, какіе у насъ бывали споры, когда совѣтовалъ я вамъ письма писать журналомъ, а вы спорили, что этого сдѣлать никакъ нельзя, однако же на моемъ сбылося.

Журналъ вашъ довольно любопытенъ. Мы нашли въ немъ много мыслей такихъ, которыя вамъ честь дѣлаютъ, а, сверхъ

гедяхъ и зѣваю иногда въ комедіяхъ; но видя глупое, ваше превосходительство, можно ли не смѣяться или не зѣвнуть“.

Письмо къ Марьѣ Павловнѣ Сумароковой рисуетъ Крылова съ другой стороны. Это письмо къ пятнадцатилѣтней ученицѣ писателя, дальней родственницѣ кн. С. Ѡ. Голицына, у котораго въ усадьбѣ Зубриловкѣ (Саратовской губ., Балашовскаго уѣзда) одно время жилъ Крыловъ. Названная въ этомъ письмѣ Прасковья Андревна—дочь Зубриловскаго управляющаго. Все письмо показываетъ, какъ тепло способенъ былъ относиться Крыловъ къ молодости и ея интересамъ.

того, написанъ онъ очень хорошо: стало, я правъ, и вамъ нужно было только не полѣниться.

Посылаю вамъ съ Прасковьей Андреевной гостинцу по книжкѣ. Желаю, чтобъ онѣ вамъ понравились, а прочія покупки по вашей комиссіи самъ вамъ буду имѣть удовольствіе отдать, когда прїѣду въ Москву.

Если вы не перемѣнили намѣренія учиться рисовать, то я вамъ купилъ здѣсь прекрасной гостинецъ, а именно рисовальную школу прекраснѣйшую, а если отдумали, то я, какъ бесполезную для васъ вещь, у себя оставлю.

Прощайте, будьте здоровы. Видите, что и я не мало исписалъ бумаги и перемогъ свою лѣнь — въ благодарность за то, что вы не забываете вашего покорнѣйшаго слугу.

И. Крылова.

Поклонитесь отъ меня вашей нянѣ Кузьминишнѣ.

24. Г. Р. Державинъ.

Поэтическая дѣятельность Гавріила Романовича Державина простирается отъ 1770 г. до 1816 года. Это первый крупный лирический талантъ въ русской литературѣ XVIII в. Начавъ писать въ то время, когда наша поэзія еще только зарождалась, на первыхъ шагахъ своихъ учась тоническому стихосложению у Тредьяковскаго и Ломоносова, онъ наклонѣ дней уже слышалъ, какъ юноша Пушкинъ декламировалъ свои лицейскіе стихи; Пушкинъ вспомнилъ этотъ моментъ въ Евгеніи Онѣгинѣ словами:

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

Примѣромъ того, насколько Державинъ слѣдовалъ въ своихъ первыхъ опытахъ Ломоносову, можетъ служить, напр., его стихотвореніе:

„Науки смертныхъ просвѣщаютъ,
Питаютъ, облегчаютъ трудъ;
Художества ихъ украшаютъ
И къ вѣчной славѣ ихъ ведутъ...“

Постепенно развиваясь самоучкой, Державинъ расширилъ свой матеріалъ въ изученіи поэтическихъ формъ, познакомился съ нѣмецкими поэтами, и постепенно вышелъ на собственную дорогу. Онъ былъ не только одописцемъ, не только „пѣвцомъ Екатерины“, какъ въ большинствѣ случаевъ его себѣ представляютъ, — талантъ его разнообразнѣе: кромѣ одъ, у него не мало лирическихъ стихо-

твореній на обычныя явленія жизни, не мало картинъ природы, и въ нѣкоторыхъ его стихахъ чувствуется уже сила будущей свободной и искренней русской лирики. Правда, языкъ его еще не ровень, и слова Пушкина о Державинѣ: „читая Державина, точно читаешь дурной переводъ съ великолѣпнаго подлинника“, остаются вѣрными; правда и то, что Державинъ въ одахъ былъ искреннѣе въ молодыхъ годахъ, чѣмъ когда сталъ уже пожилымъ человѣкомъ, но при всемъ этомъ онъ выдѣляется своимъ дарованіемъ среди поэтовъ XVIII вѣка.

Державина окрылило время, въ которое ему довелось жить — лучшіе годы царствованія императрицы Екатерины II. Поднося императрицѣ рукопись своихъ сочиненій, онъ эпиграфомъ выбралъ слѣдующія слова Тацита: „О время благополучное и рѣдкое, когда мыслить и говорить не воспрещалось; когда соединены были вещи несомнѣстныя, владычество и свобода; когда при самомъ легкомъ правленіи общественная безопасность состояла не изъ одной надежды и желанія, но изъ достовѣрнаго полученія, прочнымъ образомъ, желаемаго“.

Эти слова Державинъ поставилъ и какъ эпиграфъ для своихъ сочиненій изданія 1808 года.

НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРЪ ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА ¹⁾).

(1779.)

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ иней пушисты
И метели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихаго старика;
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ;
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,
Пчелы прятались въ дуплахъ;
Засыпали нимфы съ скуки,

¹⁾ В. Кн. Александра Павловича 12 дек. 1777 года. Въ своихъ „объясненіяхъ“ Державинъ называетъ эту оду „аллегорическимъ сочиненіемъ“. По своему стиху ода даетъ примѣръ уже умѣлаго и свободнаго пользованія хореемъ.

Средь пещеръ и камышей;
Согрѣвать Сатиры руки
Собирались вокругъ огней.
Въ это время столь холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Отроча порфирородно
Въ царствѣ сѣверномъ рожденъ.
Родился — и въ ту минуту
Пересталь ревѣть Борей;
Онъ дѣхнулъ — и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъ возвратилъ — и солнце красно
Обратилося къ веснѣ;
Онъ вскричалъ — и лиръ согласно
Звукъ разнесся въ сей странѣ;
Онъ простеръ лишь дѣтски руки,
Ужъ порфиру въ руки бралъ;
Раздалися громовы звуки —
И весь Сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньи:
Растворенъ судебъ чертогъ;
И подумалъ въ изумленьи:
Знать, родился нѣкій богъ.
Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ;
Каждый Геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ художества, науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ обиліе, богатство,
Тотъ сіяніе порфиръ;
Тотъ утѣхи и пріятство,
Тотъ спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ, всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,

Составляючи царя;
Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ:
„Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!“¹⁾
Всѣ крылами восплескали;
Каждый Геній восклицалъ:
„Се божественный“, вѣщали,
„Даръ младенцу онъ избралъ!
Даръ, всему полезный міру!
Даръ, добротамъ всѣмъ вѣнецъ!
Кто пріемлетъ съ нимъ порфиру,
Будетъ подданнымъ отецъ!“
„Будетъ“ — и судьбы гласили —
„Онъ монархамъ образецъ!“
Лѣсъ и горы повторили:
„Утѣшеніемъ сердець!“
Симъ Россія восхищенна
Токи слезны пролила,
На колѣни преклоненна
Въ руки отрока взяла,
Воспріявъ его, лобзаеть
Въ перси, очи и уста.
Въ немъ геройство возрастаетъ,
Возрастаетъ красота.
Всѣ его ужъ любятъ страстно,
Всѣхъ сердца ужъ онъ возжегъ.
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, нашъ полубогъ!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителямъ во всемъ;
Съ ихъ ты матерью равняйся,
Соравняйся съ Божествомъ!

ВЛАСТИТЕЛЯМЪ и СУДІЯМЪ.

(1780.)

Содержаніе этой оды заимствовано изъ 81 псалма (82-го по библии западныхъ христіанъ). Напечатанная въ 1780 году (С. Петербургскій Вѣст. VI кн.), она была озаглавлена: „Ода. Преложеніе

¹⁾ Мысль о добродѣтельномъ человѣкѣ — одна изъ любимыхъ мыслей Державина: вмѣстѣ съ этимъ эта одна изъ любимѣйшихъ идей XVIII вѣка. Впоследствии Жуковский воспользовался этимъ стихомъ Державина для оды на рожденіе в. кн. Александра Николаевича (1818 г.), своего будущаго воспитанника.

81-го псалма“. Когда въ 1795-году Державинъ поднесъ эту оду, въ числѣ другихъ стихотвореній, императрицѣ Еватеринѣ II, то враги его постарались намекнуть, что эта ода явно революціонная, что содержаніе этого псалма пѣли якобинцы на парижскихъ улицахъ. Булгаковъ, бывшій Константинопольскій посланникъ, далъ это понятъ Державину. Державинъ отвѣтилъ: „Царь Давидъ не былъ якобинецъ: слѣдовательно, пѣсни его не могутъ быть никому противны“. Возвратясь домой, онъ написалъ объяснительную записку, подъ заглавіемъ „Анекдотъ“ и распространилъ ее при дворѣ. Въ ней онъ между прочимъ писалъ: „Такъ и мои стихи, ежели кому кажутся крѣпкими, какъ полынное вино, то они однако такъ же здоровы и спасительны. Сверхъ того, ничто столько не дѣлаетъ государей и вельможъ любезными народу и не прославляетъ ихъ въ потомствѣ, какъ то, когда они позволяютъ говорить себѣ правду и принимаютъ ону великодушно. Сплетеніе пріятныхъ только реченій, безъ аттической соли и нравоученія, бываетъ вяло, подозрительно и непрочно. Похвала укрѣпляетъ, а лесть искореняетъ добродѣтель. Истина одна только творитъ героевъ безсмертными, а зеркало красавицъ не можетъ быть противно“.

Записка произвела благопріятное впечатлѣніе при дворѣ и вернула Державину расположеніе императрицы. Державинъ не первый перелагалъ 81 псаломъ: идеи этого псалма есть и въ стихахъ Ломоносова.

Возсталъ всевышній Богъ, да судить
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
„Доколь“, рекъ: „доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?
„Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.
Вашъ долгъ:— спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.“
Не внемлютъ!— видятъ и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.
Цари!— я мнилъ: вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно страстны
И такъ же смертны, какъ и я.
И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листь падеть

И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умреть!
Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь Единъ царемъ земли!

Ф Е Л И Ц А.

(1782.)

Императрица Екатерина II въ 1781 году напечатала: „Сказку о царевичѣ Хлорѣ“, написанную ею для своего пятилѣтняго внука, великаго князя Александра Павловича. Въ ней киргизскій ханъ посылаетъ, въ видѣ испытанія, плѣннаго кievскаго царевича Хлора отыскать розу безъ шиповъ. Царевичу помогаетъ дочь хана Фелица, и даетъ ему въ руководители своего сына „Разсудокъ“. Преодолевъ разныя препятствія и не прельстившись искушеніями мурзы Лѣнтыги, царевичъ на вершинѣ крутой каменистой горы находитъ „розу безъ шиповъ“. Эта „роза безъ шиповъ“ — одинъ изъ девизовъ XVIII вѣка — добродѣтель.

Сказка о царевичѣ Хлорѣ и дала поводъ къ одѣ Державина. Фелица, по его объясненію, богиня блаженства: подъ ней онъ подразумѣваетъ императрицу. Сохраняя аллегорію оды, онъ себя называетъ Мурзою, намекая тѣмъ самымъ и на своихъ предковъ— татарь.

Ода Фелица—одно изъ самыхъ искреннихъ произведеній Державина: она написана въ періодъ общаго увлеченія начинающими императрицы. Державинъ не предназначалъ ея для печати, опасаясь сатирическаго ея отдѣла, направленного противъ вельможъ. Ода стала извѣстна, благодаря нескромности О. П. Козодавлева, который, живя въ одномъ домѣ съ Державинымъ, случайно ее увидаль, выпросилъ у Державина на короткое время, и вскорѣ ода была прочитана на одномъ сановномъ обѣдѣ, гдѣ и вызвала восхищеніе.

Кн. Е. Р. Дашкова, предпринимая изданіе журнала „Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова“, въ первой книжкѣ этого журнала, не спрашивая Державина, помѣстила оду подъ заглавіемъ: „Ода къ премудрой киргизъ-кайсацкой царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ Мурзою, издавна поселившимся въ Москвѣ, а живущимъ по дѣламъ своимъ въ Санктпетербургѣ. Переведена съ арабскаго языка 1782 года“. Къ словамъ: *съ арабскаго языка* редакция сдѣлала примѣчаніе: „хотя имя сочинителя намъ неизвѣстно, но извѣстно намъ то, что сія ода точно сочинена на Россійскомъ языкѣ“.

Державинъ былъ вызванъ въ Зимній дворецъ, представлялся императрицѣ и былъ пожалованъ золотою табакеркой съ 500 червонцами. Императрица разсылала оду тѣмъ вельможамъ, на которыхъ направлялась сатира оды, подчеркивая тѣ строки, въ которыхъ заключался намекъ.

Ода Фелица надѣлала много шума и создала Державину извѣстность.

Богоподобная царевна
Киргизъ - кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоко гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растеть,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай найти ее совѣтъ!

Подай, Фелица, наставленье,
Какъ дышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье,
И счастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ наломъ
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.

Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клобъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкихотствуешь собой;
Коня парнаסקа не сѣдлаешь¹⁾,
Къ духамъ въ собранье не вѣзжаешь,
Не ходишь съ трона на Востокъ²⁾;

¹⁾ Стихотворство не давалось императрицѣ.

²⁾ Упоминаніе о духахъ и Востокѣ — намекъ на масонство, котораго не любила императрица. Она называла масонскія ложи „сектою духовъ“. Масонскія ложи назывались Востоками: войдя въ общество масоновъ, императрица должна была *сойти съ трона*, т. е. отказаться отъ своихъ царственныхъ правъ, такъ-какъ масонство требовало равенства всѣхъ членовъ.

Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезныхъ дней проводишь токъ.

А я¹⁾, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преображая въ праздниѣ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнь отъ Персовъ покищаю,
То стрѣлы къ туркамъ обращаю;
То возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ.

Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздниѣ для меня дають,
Гдѣ блещетъ столъ серебромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ:
Тамъ славный окорокъ вестфальской,
Тамъ звеня рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ, —
Шампанскимъ вафли запиваю
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей и ароматъ.

Или средь рощицы прекрасной,
Въ бесѣдкѣ, гдѣ фонтанъ шумить,
При звонѣ арфы сладкогласной,
Гдѣ вѣтерокъ едва дышитъ,
Гдѣ все мнѣ роскошь представляетъ,
Къ утѣхамъ мысли уловляетъ,
Томить и оживляетъ кровь, —
На бархатномъ диванѣ лежа,
Младой дѣвицы чувства нѣжа,
Вливаю въ сердце ей любовь.

Или великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ
Или съ красавицей какой
Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю;

---

¹⁾ Эта строфа и слѣдующія три относятся къ знаменитому временнику Потемкину, мечтавшему о завоеваніяхъ, любившему роскошь и отличавшемуся прихотливымъ нравомъ. Потемкинъ не былъ раздраженъ на шутки Державина.

Или, какъ то наскучить мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ¹⁾.

Или музыкой, и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ²⁾;
Или о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ³⁾,
Или надъ Невскими берегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ⁴⁾.

Иль сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой,
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову читаю,
За Библией, зѣвая, сплю⁵⁾.

Таковъ, Фелица, я развратенъ;
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложъ.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюзгой⁶⁾,
Между тщеславья и порокомъ

¹⁾ Эта строфа отчасти имѣетъ въ виду того же Потемкина, а главнымъ образомъ графа А. Г. Орлова, охотника до конскихъ бѣговъ и скачекъ.

²⁾ Тотъ же графъ А. Г. Орловъ.

³⁾ Графъ П. И. Панинъ.

⁴⁾ Семень Кирилловичъ Нарышкинъ, бывший тогда оберъ-егермейстеромъ, первый завелъ роговую музыку. (Объясн. Державина.)

⁵⁾ Князь Вяземскій былъ охотникъ до романовъ; Державинъ читалъ ихъ ему вслухъ. Случалось, что оба они начинали при этомъ дремать. Упоминаніе о Бовѣ и Полканѣ интересно еще, какъ указаніе на то, что не одинъ средній классъ общества читалъ повѣсть о Бовѣ королевичѣ (см. 1 т. хрестоматіи), даже и въ концѣ XVIII вѣка.

⁶⁾ Лѣнтягъ и Брюзга — дѣйствующія лица въ сказкѣ о царевичѣ Хлорѣ. Сколько извѣстно, императрица подъ Лѣнтягомъ подразумѣвала Потемкина, подъ Брюзгой — Вяземскаго. (Объясненіе Державина.)

Нашель кто развѣ пенарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

Нашель; но лязяль не заблуждаться
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семь пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ вслѣдъ страстямъ идти?
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмять вѣжды¹⁾?
Вездѣ соблазнъ и лестъ живетъ;
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпныхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понть плывущій,
Лова подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь, —
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риомы можетъ плестъ.
А что сія ума забава —
Калифовъ добрыхъ честь и слава,

¹⁾ Взглядъ, совпадавшій съ мнѣніемъ Екатерины II; она говорила Сегюру во время крымскаго путешествія: „Можно болѣе узнать, разговаривая съ невѣждами объ ихъ собственныхъ дѣлахъ, нежели обращаясь къ ученымъ, у которыхъ одиѣ теоріи... Какъ жаль мнѣ этихъ бѣдныхъ ученыхъ! они никогда не смѣютъ произнести двухъ самыхъ простыхъ словъ: не знаю...“

Снисходишь ты на лирный ладъ;
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ ¹⁾).

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ нанастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть ²⁾).

Еще же говорить не ложно,
Что будто всегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь
И былъ и небыль говорить,
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ объѣдахъ
За здравіе царей не пить.
Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,

¹⁾ На упрекъ въ недостаточномъ уваженіи къ поэзии сравненіемъ ея съ лимонадомъ Державинъ отвѣчалъ: „кажется, въ шуточномъ смыслѣ удовольствіе, происходящее отъ нея, не непристойно сравнено съ тѣмъ, которое получается лѣтнею порою отъ лимонада“...

²⁾ Намекъ на отказъ императрицы отъ наименованій Великой, Премудрой, Матери отечества, которыя въ 1767 г. были поднесены ей севатомъ и депутатами, собранными въ извѣстную комиссію.

Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить ¹⁾.
Тамъ свадебъ шутовскихъ не дарятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ ²⁾,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князя насѣдками не клохчутъ ³⁾,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожь.

Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь правы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
„Не дѣлай ничего худаго —
И самага сатира злаго
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь“.

Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтиса могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?

Фелицы слава — слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;

¹⁾ Въ царствованіе Анны Иоанновны за неосушенный бокалъ за царское здоровье вызывали въ Тайную канцелярію; считалось за великое преступленіе, если въ императорскомъ титулѣ было что-нибудь подскоблено. Только съ время Екаторины II было разрѣшено переносить титулъ изъ одной строки въ другую; до тѣхъ поръ провинившихся въ этомъ писцовъ наказывали плетью; оброненіе монеты съ изображеніемъ особы императора считалось оскорбленіемъ Величества.

²⁾ Намекъ на шутовскую свадьбу кн. Голицына, для которой былъ построенъ ледяной домъ на Невѣ.

³⁾ Шутовство въ половинѣ XVIII в. было въ большомъ распространеніи; когда императрица Анна возвращалась отъ обѣдни въ свой покой, то въ комнатѣ, черезъ которую ей надобно было проходить, шуты, посаженные въ лукошки, кудахтали насѣдками; во дворцѣ долго сохранялось лукошко, въ которомъ сживалъ кн. Вяземскій.

Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ дарить,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоить, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творить;

Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать¹⁾;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ²⁾;
Велитъ и ткать и прядь и шить;
Развязываетъ умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить;

Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находить?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего!

Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ — Смирнѣ — Кашемирѣ?
Послушай: гдѣ ты ни живешь, —
Хвалы мои тебя примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметы³⁾
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

¹⁾ Намекъ на дозволеніе свободно ѣздить за границу и разрѣшеніе безплатно добывать драгоценные металлы на кабинетскихъ земляхъ. Екатерина II подтвердила оба разрѣшенія, данныя дворянству Петромъ III.

Императрица разрѣшила свободное плаваніе по водамъ имперіи и предоставила землевладѣльцамъ рубить лѣса, растущіе на ихъ земляхъ, что прежде воспрещалось закономъ.

³⁾ Бешметъ — стеганное татарское полукафтанье. Державинъ выдерживаетъ аллегорію — на Востокѣ ордена и ленты замѣняются шапками и бешметами.

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслажусь.
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранять
Отъ всѣхъ болѣзней, золь и скуки,
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

ВИДѢНІЕ МУРЗЫ¹⁾.

(1783.)

На темноглубомъ эфирѣ
Златая плавала луна:
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучомъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны рассыпаль;
Кропя забвенія росю,
Моихъ домашнихъ усыпляль.
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкаль.
Природа въ тишину глубоко
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку
На высотѣ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ и, со звономъ лиры
Мой тихій голосъ соглася,

¹⁾ Ода „Фелица“ задѣла самолюбіе очень многихъ и возбудила зависть къ Державину. „Видѣніе Мурзы“ есть самозащита поэта отъ разныхъ обвиненій, вызванныхъ „Фелицей“. Вслѣдствіе рѣзкостей противъ отдѣльныхъ лицъ эта ода не могла быть напечатана въ „Собесѣдникѣ“ и только въ 1791 году Карамзинъ напечаталъ ее въ „Московскомъ Журналѣ“.

„Блаженъ“, воспѣлъ я, „кто доволенъ
Въ семь свѣтъ жребіемъ своимъ,
Обилень, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранить въ свой вѣкъ
И всю свою въ томъ ставить славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ;
Что карлой онъ и великаномъ
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ
И оныхъ чтить не принужденъ;
Что всѣ сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семьѣ своей;
Что нѣжная его Пльнира
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Дѣлить и скуку и труды.
Блаженъ и тотъ, кому царевны
Какой бы ни было орды
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ
И сребророзовыхъ свѣтлицъ¹⁾,
Какъ будто изъ улусовъ дальнихъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ
За розказни, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь
Исподтишка драгіе дары
И въ досканцахъ червонцы шлютъ²⁾
„Блаженъ“!... Но съ рѣчью сей незапно
Мое все зданье потряслось:
Раздвиглись стѣны, и стократно
Ярчѣ молній пролилось
Сіянье вокругъ меня небесно;
Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
Сошла со облаковъ жена,
Сошла — и жрицей очутилась

¹⁾ Въ царскосельскомъ дворцѣ есть комната, вся убранныя янтаремъ; тамъ была также комната изъ розовой фольги съ серебряной рѣзью.

²⁾ Намекъ на подарокъ, полученный за *Фелицу*. „Въ старину, когда въ Россіи табуку еще не нюхали и табакерокъ не знали, употреблялись ящички другого рода или *досканцы*, въ которыхъ сохраняли мушки, булавки и тому подобныя принадлежности женскаго туалета“. (Объясненіе Державина.)

Или богиней предо мной¹⁾.
Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной,
Градская²⁾ на главѣ корона,
Сіяль при персяхъ поясъ златъ;
Изъ черноогненна виссона,
Подобный радугѣ, нарядъ³⁾
Съ плеча деснаго полосою
Висѣль на лѣвую бедру;
Простертой на алтарь рукою
На жертвенномъ она жару
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.
Орель полуночный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;
Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держалъ, какъ будто бы уснувъ:
Сафиросвѣтлыми очами,
Какъ въ гнѣвѣ иль въ жару, блеснувъ,
Богиня на меня воззрѣла.
Пребудетъ образъ вѣкъ во мнѣ,
Она которой впечатлѣла! —
„Мурза!“ она вѣщала мнѣ:
„Ты быть себя счастливымъ чаешь,
Когда по днямъ и по ночамъ
На лирѣ ты своей играешь

¹⁾ Здѣсь Державинъ описываетъ Екатерину II, какъ она изображена на портретѣ, написанномъ извѣстнымъ художникомъ Левицкимъ для графа Безбородко. Этотъ портретъ находится теперь въ Императорской Публичной библиотекѣ. Вотъ какъ самъ Левицкій описываетъ этотъ портретъ. „Среди картинъ представляетъ внутренность храма богини правосудія, передъ которою, въ видѣ законодательницы, Ея Императорское Величество, сжигая на алтарѣ маковые цвѣты, жертвуетъ своимъ покоемъ для общаго покоя. Вмѣстѣ обыкновенной императорской короны, увѣнчана она лавровымъ вѣнкомъ, украшающимъ гражданскую корону, возложенную на главу ея. Знаки ордена св. Владимира изображаютъ отличность знаменитую за понесенные для пользы отечества труды, коихъ лежащія у ногъ законодательницы книги свидѣлствуютъ истину. Побѣдоносный орель покоится на законахъ и, вооруженный перуномъ стражъ, речитъ о цѣлости оныхъ. Вдали видно открытое море и на развѣвающимся російскомъ флагѣ изображенный на военномъ щитѣ Меркуриевъ жезлъ означаетъ защищенную торговлю“. (Собесѣдникъ 1783 г. VI ч. стр. 18).

²⁾ Гражданская; см. объясненіе Левицкаго.

³⁾ Лента ордена св. Владимира.

И пѣсни лишь поешь царямъ.
Вострепещи, мурза несчастный,
И страшны истины внемли,
Которымъ стихотворцы страстны
Едва ли вѣрятъ на земли;
Одно къ тебѣ лишь доброхотство
Мнѣ ихъ открыть велить. Когда
Поэзія не сумасбродство
Но вышній даръ боговъ, тогда
Сей даръ боговъ лишь къ чести
И къ поученю ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта — люди тѣ же;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести ихъ вредить не рѣже,
А гдѣ поэты не льстецы¹⁾?
И ты Сирень, поющихъ грому,
Въ вредъ добродѣтели не строй;
Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
Хранящій мужъ честные нравы,
Творяй свой долгъ, свои дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ пѣнцовъ похвала.
Оставь нектаромъ наполненну
Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ“.
— „Кого я зрю, столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?
Кто ты? богиня или жрица?“
Мечту стоящу я спросилъ.
Она рекла мнѣ: „Я—Фелица“!
Рекла — и свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ, и мѣсто то цвѣты
Покрыли, гдѣ она явилась,
Мой Богъ, мой ангелъ во плоти!...
Душа моя за ней стремилась,

¹⁾ Черта времени: придворная ложноклассическая поэзія была льстива.

Но я за ней не могъ идти.
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безсиленъ былъ;
Но, токомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
„Возможно ль, кроткая царевна,
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту
За каждую мысль, за каждый стихъ
Отвѣтствовать лихому свѣту
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно Кадіевъ, Факировъ,¹⁾
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не деруть его усовъ;
Иному показалось больно
Что онъ насѣдкой не сидить²⁾,
Иному — очень своевольно
Съ тобой мурза твой говорить;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищенъ
И слилъ въ восторгъ токи слезъ;
И словомъ, тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ³⁾).

¹⁾ Кадій (кади) — духовное лицо на востокѣ, занимающее высокое положеніе судьбы; факиръ — бродячій релігіозный нищій магометанинъ въ Индіи, родъ странствующаго монаха. Державинъ хочеть этими терминами выдержать восточный колоритъ аллегоріи, но едвали удачно.

²⁾ См. примѣчанія въ одѣ „Фелица“.

³⁾ Намекъ на Потемкина, который только тогда былъ доволенъ, когда чего дожидался, а когда получалъ, то опять предавался скукѣ. Онъ посылалъ по имперіи нарочныхъ за арбузами и т. п. (Объясн. Держав.)

Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю
И что не изъ чужихъ анбаровъ
Тебѣ наряды я крою.
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ“!

БОГЪ ¹⁾.

(1784.)

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеніи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ, всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все Собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждитъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ — Богъ!
Измѣрить океанъ глубокой,
Сочестъ пески, лучи планетъ,

---

¹⁾ Ода „Богъ“ нѣсколько напоминаетъ подобныя стихотворенія, существовавшія тогда въ иностранной, особенно въ нѣмецкой литературѣ, но, по мнѣнію Я. Грота, можетъ быть названа вполне оригинальнымъ созданіемъ Державина. Ни одно изъ стихотвореній подобнаго рода не прославилось такъ, какъ ода Державина. Его ода „Богъ“ получила всемірную извѣстность и была переведена на языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, испанскій, польскій, чешскій, латинскій и японскій. Державинъ началъ писать эту оду еще въ 1780 году, по возвращеніи отъ заутрени Свѣтлаго Христова Воскресенія. Весною 1784 года онъ оставилъ службу, по неприяностямъ съ кн. Вяземскимъ, уѣхалъ въ Нарву и тамъ дописалъ это стихотвореніе.

Хотя и могъ бы умъ высокій,
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ;
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Хаоса бытность довременну
Изъ безднѣ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ Себѣ Самомъ Ты основалъ.
Себя Собою составляя,
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты еси, Ты будешь ввѣкъ!

Ты цѣпь существъ въ Себя вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнца отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ тобой.

Свѣтилъ возженныхъ миллионы
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампы,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ золотыхъ кипящій сонмъ,
Или горячіе эфиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры —
Передъ Тобой, какъ ночь предъ днемъ.

Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія;
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?

Въ воздушномъ океанѣ ономъ
Міры умножа миллиономъ
Стократъ другихъ міровъ, и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ Тобой — ничто.

Ничто! — но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ,
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водѣ.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаеъ,
Вникаеъ, мыслить, разсуждаеъ:
Я есмь — конечно есь и Ты.

Ты есь! — Природы чинъ вѣщаеъ,
Гласить мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряеъ:
Ты есь — и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнитсѧ мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ по всюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь, — я рабъ, я червь — я Богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ произошелъ? — безвѣстенъ,
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь!
Источникъ жизни, благъ Податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило

Мое бессмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ бессмертіе Твое!

Неизъяснимый! Непостижный!

Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почитать,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ бессмертной разности теряться
И благодарны слезы лить.

ВЕЛЬМОЖА¹⁾.

(1794 г.).

Не украшеніе одеждъ
Моя днесъ Муза прославляетъ,
Которое въ очахъ невѣждъ
Шутовъ въ вельможи наряжаетъ;
Не пышности я пѣснь пою,
Не истуканы²⁾ за кристаломъ,
Въ кивотахъ блестящи металломъ,
Услышать похвалу мою.

Хочу достоинства я чтить,
Которыя собою сами
Умѣли титла заслужить
Похвальными себѣ дѣлами;
Кого ни знатный родъ, ни санъ,
Ни счастье не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себѣ почтенье отъ гражданъ.

---

¹⁾ Ода написана по случаю назначенія гр. Румянцева послѣ долгой опалы главноначальствующимъ надъ войсками, которыя должны были дѣйствовать противъ Польши. Та часть оды, которая рисуеъ идеалъ вельможи, относится къ гр. Румянцеву. Изъ объясненій Державина видно, что въ отрицательной характеристикѣ вельможи онъ имѣлъ въ виду Потемкина (А ты, второй Сарда-напагъ... и т. д.).

²⁾ Изваянія.

Кумиръ, поставленный въ позоръ.
Несмысленную чернь прельщаетъ,
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ ль, вельможи, таковы?

Не перлы персскія на васъ
И не бразильски звѣзды ясны;
Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны:
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла.

Осель останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаешь ушами.
О! тщетно счастья рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядить въ господина
Или въ шумиху дурака.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться, —
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ, супостатовъ:
Всякъ думаетъ, что я — Чупятовъ¹⁾
Въ марокскихъ лентахъ и звѣздахъ.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій Богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ:
Почтенъ и въ рубищѣ герой.
Екатерина въ низкой долѣ

---

¹⁾ Въ то время извѣстный гжатскій купецъ. Разорившись вслѣдствіе пожара, онъ лишился разсудка, вообразилъ, что въ него влюблена марокская принцесса, и ходилъ по улицамъ, украсивъ себя разноцвѣтными лентами и медалями, какъ бы присланными принцессой.

И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла бь умъ надменный:
Что наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я князь — коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ — коль страстьми владѣю;
Боляринъ — коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщено;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священо,
Что онъ орудье власти есть,
Подпора царственнаго зданья.
Вся мысль его, слова, дѣянья
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапаль!
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ?

На то ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ явствъ приносить дани,
Токай густое льетъ вино,
Левантъ — съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣвають,
На толь, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣваль?

Орель, по высотѣ паря,
Ужъ солнце зреть въ лучахъ полдневныхъ;
Но твой чертогъ едва заря
Румянить сквозь завѣсъ червленныхъ;
И ты покойно спишь... а тамъ? —

А тамъ израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровою главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ!

А тамъ — вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принести.

А тамъ — на лѣстничный восходъ
Прибрель на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куса.

А тамъ — гдѣ жирный пестъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами, —
Займодавецъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
Проснися, сибарить! — Ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь?
Несчастныхъ голосу не внимлешь
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:

„Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторіи вѣки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радости умѣть пить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть, гнестъ чернь ярмомъ;

Стыдъ, совѣсть — слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!
Злодѣй!.. увы!... и грянулъ громъ.

Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой вѣры къ Богу,
Хранить царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу,
Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей,
Въ единодушii — блаженство,
Во правосудii — равенство,
Свободу — во уздѣ страстей!

Блаженъ народъ, гдѣ царь главой,
Вельможи — здравы члены тѣла,
Прилежно домъ всѣ правятъ свой,
Чужаго не касаясь дѣла;
Глава не ждетъ отъ ногъ ума
И силъ у рукъ не отнимаетъ;
Ей взоръ и ухо предлагаетъ,
Повелѣваетъ же сама:

Симъ твердымъ узломъ естества
Коль царство лишь живетъ счастливымъ, —
Вельможи! славы, торжества
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правдивымъ,
Какъ блюсть народъ, Царя любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться,
Змѣей предъ трономъ не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

О российский бодрственный народъ,
Отечески хранящii нравы!
Когда разслабъ весь смертныхъ родъ,
Какой ты не причастенъ славы?
Какихъ въ тебѣ вельможей нѣтъ? —
Тотъ храбрымъ былъ средъ бранныхъ звуковъ,
Здѣсь далъ безстрашный Долгоруковъ
Монарху грозному отвѣтъ.

И въ наши вижу времена
Того я славнаго Камилла ¹⁾,
Котораго труды, война
И старость духъ не утомила.
Отъ грома звучныхъ онъ побѣдъ
Сошелъ въ шалашъ свой равнодушно

¹⁾ Гр. Румянцева.

И отъ сохи опять послушно
Онъ въ полѣ Марсовомъ живетъ.
Тебѣ, герой, желаній мужъ,
Не роскошью вельможа славный,
Кумиръ сердець, плѣнитель душъ,
Вождь, лавромъ, маслиной вѣнчанный,
Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ!
Ты, ею славься, утѣшайся,
Борись вновь съ бурями, мужайся,
Какъ юный возносись орель;
Пари — и съ высоты твоей
По мракамъ смутнаго зѣира
Громовой пролети струей,
И, опочивъ на лонѣ мира,
Возвесели еще царя;
Простри твой поздній блескъ въ народъ,
Какъ отдастъ свой долгъ природѣ
Румяна ¹⁾ вечера заря!

ПАМЯТНИКЪ ²⁾.

(1796.)

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный;
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Такъ! — весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.
Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Ураль;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,

¹⁾ Намекъ на фамилію графа.

²⁾ Здѣсь Державинъ подражаетъ одѣ Горация „Къ Мельпоменѣ“; онъ и озаглавилъ сперва свою оду „Къ Музѣ“. Ода представляетъ очень большой интересъ, какъ выраженіе взгляда Державина на свое значеніе. Въ этомъ стихотвореніи Державинъ особенно ставитъ своей заслугой высказываніе правды подъ видомъ шутки. Здѣсь уже замѣтно въ послѣдней строкѣ стремленіе поэта защитить положеніе поэта въ обществѣ, отстоять свободу творчества. Эта ода является возраженіемъ на мнѣніе, что поэзія для Державина была дѣйствительно „лимонадомъ“ (см. примѣч. къ „Фелицѣ“): Пушкинъ въ своемъ „Памятникѣ“ подражалъ не Горацию, а Державину.

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слоgѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.
О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрять кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЕСНЫ ¹⁾

1797.

Возвращается весна,
И Хариты вокругъ блистають,
Взоры смертныхъ привлекають.
Гдѣ стоитъ, грядетъ она, —
Воздухъ дышитъ ароматомъ
Усмѣхается заря,
Чешутся рѣки златомъ;
Рощи, въ зеркала смотря,
На вѣтвяхъ своихъ качають
Теплы, легки вѣтерки;
Сильфы рѣзвятся, порхають,
Зелень всюду и цвѣтки
Стелють по землѣ коврами;
Рыбы мечутся изъ водъ;
Журавли, вѣясь кругами
Сквозь небесный, синій сводъ,
Какъ валторны, возглашають;
Соловей гремитъ въ кустахъ;
Звѣри прыгають, играютъ,
Гласъ ихъ вторится въ лѣсахъ.
Горстью пахарь дождь па нивы
Сѣетъ вокругъ себя златой;
Бѣлы парусы игривы
Вздулись на морѣ горой.
Вся природа торжествуетъ,
Празднуетъ весны приходъ,
Все играетъ, все ликуетъ.
Нимфы! станьте въ хороводъ,

¹⁾ Образчикъ того, какъ Державинъ писалъ въ духѣ древнихъ; это не переводъ изъ Анакреона, но передача его темы.

И, въ бѣлѣйши снѣга ткани
Облеченны, изо льну,
Простирайте нѣжны длани,
Принимайте вы весну.
А въ цвѣтахъ ея щедроты,
А въ зефирахъ огонь сердцамъ;
Съ нею къ вамъ летать Эроты:
Безъ любви нельзя жить вамъ.

ХРАПОВИЦКОМУ.

(1797.)

Храповицкій! Дружбы знаки
Вижу я въ тебѣ свои:
Ты ошибки, лесть и враки
Кажешь праведно мои;
Но съ тобой не соглашуся
Я лишь въ томъ, что я — орель.

А по твоему коль станеть,
Ты мнѣ путы развяжи;
Гдѣ свободно громъ мой грянетъ,
Ты мнѣ небо покажи;
Гдѣ я въ поприще пушуся
И препонъ бы не имѣлъ?

Гдѣ чертогъ найду я правды?
Гдѣ увижу солнце въ тьмѣ?
Покажи мнѣ тѣ ограды,
Хоть близъ трона въ вышинѣ,
Чтобъ гдѣ правду допущали
И любили бы ее.

Страха связаннымъ цѣпями
И рожденнымъ подъ жезломъ,
Можно ль орлими крылами
Къ солнцу намъ парить умомъ?
А хотя бъ и возлетали, —
Чувствуемъ ярмо свое.

Должны мы всегда стараться
Чтобы сильнымъ угождать,
Ихъ любимцамъ поклоняться,
Словомъ, взглядомъ ихъ ласкать.

Рабъ и похвалить не можетъ,
Онъ лишь можетъ только льстить.

Извини жъ, мой другъ, коль лестно
Я кого гдѣ воспѣвалъ;
Днесъ скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
Разъ кого я похвалялъ.

За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла — сатирикъ чтить¹⁾.

СНИГИРЬ.²⁾

(1800.)

Что ты заводишь пѣсню военну,
Флейтѣ подобно, милый Снигирь?
Съ кѣмъ мы пойдемъ войной на гѣну?
Кто теперь вождь нашъ? Кто богатырь?
Сильный гдѣ, храбрый, быстрый Суворовъ?
Сѣверны громы въ гробѣ лежать.

¹⁾ Стихотвореніе показываетъ, что Державинъ иногда могъ довольно глубоко всмотрѣться въ вопросъ о положеніи писателя среди тогдашняго общества. Последнія строки его приводилъ еще Гоголь въ доказательство неправильнаго пониманія Державинимъ роли поэта: „Слова поэта суть его дѣла“, разъяснял Гоголь. Но онъ не обратилъ вниманія на мысль пѣлаго стихотворенія. Державинъ вовсе не защищалъ мысли о томъ, что необходимо отдѣлять творчество отъ жизни и прилагать къ нимъ разныя мѣрки; онъ говоритъ здѣсь, что независимость творчества невозможна, что свободное слово не въ силахъ вылетать изъ устъ „страха связанныхъ пѣльями и рожденныхъ подъ жезломъ“; что даже искренняя похвала въ устахъ раба кажется или дѣйствительно легко становится лестью; поэтому трудно искать смѣлой откровенности въ писателѣ-рабѣ. На его долю можетъ достаться лишь безупречность личной жизни. Выводъ Державина можно оспаривать, но стихотвореніе не даетъ повода обвинять поэта въ легкомысленной постановкѣ важнаго вопроса.

²⁾ Суворовъ скончался 6-го мая 1800 г. Онъ въ первый разъ узналъ Державина во время дѣйствій противъ Пугачева. Державинъ обратилъ на себя его вниманіе распорядительностью и храбростью. Впослѣдствіи между ними установились дружескія отношенія. За нѣсколько дней до смерти Суворовъ спросилъ Державина: „Какую ты мнѣ напишешь эпитафію?“ — По моему, много словъ не нужно, сказалъ Державинъ, довольно сказать: *здесь лежитъ Суворовъ*. „Помилуй Богъ, какъ хорошо!“ произнесъ герой съ живостью, хотя и слабымъ голосомъ, пожимая руку поэта. На гробницѣ Суворова дѣйствительно находится эта простая надпись.

6-го мая 1800 г. Державинъ, вернувшись послѣ кончины Суворова домой, вдругъ услышалъ, что жившій у него снигирь насвистываетъ заученный имъ военный маршъ. Стихотвореніе вызвано этимъ впечатлѣніемъ и дышетъ искренностью.

Кто передъ ратью будетъ пылая,
Вздитъ на клячѣ, ѣсть сухари;
Въ стужѣ и въ зноѣ мечъ закаляя,
Спать на соломѣ, бдѣть до зари;
Тысячи воинствъ, стѣнь и затворовъ,
Съ горстью Россіянъ все побѣждать?
Быть вездѣ первымъ въ мужествѣ строгомъ;
Шутками зависть, злобу штыкомъ,
Рокъ низлагать молитвой и Богомъ;
Скиптры давая, зваться рабомъ;
Доблестей бывъ страдалецъ единыхъ,
Жить для царей, себя изнурять?
Нѣтъ теперъ мужа въ свѣтѣ столь славна:
Полно пѣть пѣсню военну, Сигирь!
Бранна музыка днесъ незабавна:
Слышенъ отвсюду томный вой лиръ;
Львинаго сердца, крыльевъ орлиныхъ
Нѣтъ уже съ нами! Что воевать?

ЕВГЕНІЮ, ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ.

(1807 г.).

Званка — имѣніе Державина, въ Новгородской губерніи (того же уѣзда). Стихотвореніе даетъ интересную картину помѣщичьей жизни того времени.

Здѣсь на сценѣ и хозяйство съ неграмотнымъ старостой, считающимъ по биркамъ (палочкамъ съ отмѣтками), и совѣтъ съ домашнимъ врачомъ, и охота, и катанье на лодкѣ, и гоньба голубей и т. п. Гротъ такъ описываетъ усадьбу Державина: „Берега Волхова отъ Новгорода вообще низки и ровны; но на мѣстѣ Званки земля подымается довольно круто длиннымъ овальнымъ холмомъ. Посрединѣ его возвышалась усадьба; фасадъ ея къ рѣкѣ былъ украшенъ балкономъ на столбахъ и каменною лѣстницей, передъ которою билъ фонтанъ; снизу по уступамъ холма былъ устроенъ покойный всходъ. Теперъ уже ничего нѣтъ“.

Стихотвореніе: „Жизнь Званская“ посвящено извѣстному своими литературными трудами Евгенію Болховитинову, который состоялъ тогда епископомъ Старорусскимъ и викаріемъ Новгородскимъ. Живя въ 60-ти верстахъ другъ отъ друга, Державинъ и Болховитиновъ познакомились, бывали другъ у друга и сблизились.

Обращеніе къ жизни города и двора въ началѣ стихотворенія, его тонъ, и размѣръ заключаютъ много сходнаго съ позднѣйшимъ стихотвореніемъ Пушкина „Деревня“. Не повліяла ли „Жизнь Званская“ своей формой на поэта, съ силой вложившаго въ это построеніе новую и глубокую идею?

Мы приводимъ здѣсь это стихотвореніе съ пропусками нѣкоторыхъ длиннотъ.

Блаженъ, кто менѣе зависитъ отъ людей,
Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ,
Не ищетъ при дворѣ ни злата, ни честей,

И чуждъ суетъ разнообразныхъ!

Зачѣмъ же въ Петрополь на вольну ѣхать страсть,
Съ пространства въ тѣсноту, съ свободы за затворы,
Подъ бремя роскоши, богатствъ, сиренъ подъ власть

И предъ вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что съ вольностью златой,
Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?

Довольство, здравіе, согласіе съ женой,

Покой мнѣ нуженъ дней въ останкѣ.

Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ:

Мой утренюетъ духъ Правителю вселенной,
Благодарю, что вновь чудесъ, красоть позоръ¹⁾

Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши въ ней,

Чтобъ черная змѣя мнѣ сердце угрызала,

О! коль доволенъ я, оставилъ что людей

И честолюбія избѣгъ отъ жала!

Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу росъ,

Зрю на багрянецъ зорь, на солнце восходяще;

Ищу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,

Средь сада храмъ жезломъ чертяще.

Иль накормя моихъ пшеницей голубей,

Смотрю надъ чашей водъ, какъ выютъ подъ небомъ круги²⁾;

На разноперыхъ птицъ, поющихъ средь сѣтей,

На кроющихъ какъ снѣгомъ, луги;

Пастушьего вблизи внимаю рога зовъ,

Вдали тетеревей глухое токованье,

Барашковъ³⁾ въ воздухѣ, въ кустахъ свистъ соловьевъ,

Ревъ кравъ, громъ желнъ и коней ржанье.

На кровлѣ жъ зазвенить какъ ласточка, — и паръ

¹⁾ Зрѣлище.

²⁾ Гоньба голубей была тогда любимымъ и распространеннымъ развлеченіемъ. Полетомъ голубей любовались, глядя въ тазъ съ водой, въ которой летающіе голуби отражались. Сравни въ „Запискахъ Охотника“ Тургенева рассказъ дворянина Овсянникова про графа Орлова.

³⁾ Бекасовъ народъ называетъ барашками, такъ-какъ весною на тягѣ, они при быстромъ полетѣ, играя въ воздухѣ, издаютъ крыльями звукъ въ родѣ бляенія молодого барашка.

Повѣтъ съ дома мнѣ манжурской и левантской¹⁾,
Иду за круглый столъ: и тутъ то растобарь

О снахъ, молвъ градской, крестьянской,
О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ мужей,
Чи въ рамахъ по стѣнамъ златыхъ блистають лица,
Для вспоминая ихъ дѣяній, славныхъ дней,

И для прикрасъ моей свѣтлицы, —
Въ которой поутру, иль къ вечеру, порой
Дивлюся въ Вѣстникъ, въ газетахъ, иль журналахъ
Россіянъ храбрости, какъ всякъ изъ нихъ герой,

Гдѣ есть Суворовъ въ генералахъ;
Въ которой къ госпожѣ, для похвалы гостей,
Приносятъ разныя полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфетокъ, скатертей,

Ковровъ и кружевъ и вязани;
Гдѣ съ скотенъ, пчельниковъ и птичниковъ, прудовъ,
То въ маслѣ, то въ сотахъ зрю золото подъ вѣтвями.
То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ — пухъ грибовъ,

Сребро, трепещуще лещами;
Въ которой обозрѣвъ больныхъ въ больницахъ, врачъ
Приходитъ доносить о ихъ вредѣ, здоровьѣ,
Прося на пищу имъ: тѣмъ съ поливкой калачъ,

А тѣмъ лѣкарствица въ подспорье;
Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ,
Усастый староста иль скопидомъ брюхатый
Даютъ отчетъ казнѣ и хлѣбу и вещамъ,

Съ улыбкой часто плутоватой; —
И гдѣ, случается, художники млады
Работы кажутъ ихъ на древѣ, на холстинѣ,
И получаютъ въ даръ подачи за труды

А въ часъ и денегъ по полтинѣ; —
И гдѣ до ужина, чтобы прогнать какъ сонъ,
Въ задорѣ иногда въ игры зѣло горячи
Играемъ въ карты мы, въ ерошки, въ фараонъ²⁾,

По грошу въ долгъ и безъ отдачи.
Оттуда прихожу въ святилище я Музъ,
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ возсѣдши въ пирѣ,
Къ царямъ, къ друзьямъ моимъ иль къ небу возношусь,

¹⁾ Манжурскій — чайный; Левантскій — кофейный.

²⁾ Ерошки, карточная шутовская игра, въ которой картами въ глаза фыркають, приговаривая: тумана бы тебѣ въ глаза, — чего хочешь, того просишь — и въ сіе время должно назвать какую-нибудь, съ которой бы стороны колоды, карту, и кто скоро не отгадаетъ, у того за простую карту волосы ерошать, въ другую тумака даютъ. Фараонъ — шуточное названіе карточной игры банку (объясн. Держ.).

Иль славлю сельску жизнь на лирѣ...
Дворовыхъ, между тѣмъ, крестьянскихъ рой дѣтей
Сбираются ко мнѣ, не для какой науки,
А взять по нѣскольку баранокъ, кренделей,
Чтобы во мнѣ не зрѣли буки...
Бьетъ полдня часъ, рабы служить къ столу бѣгутъ;
Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ.
Я озрѣваю столъ — и вижу разныхъ блюдъ
Цвѣтникъ поставленный узоромъ:
Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и съ голубымъ перомъ
Тамъ шука пестрая — прекрасны!...
Тутъ кофе два глотка, всхрапну минутъ пятокъ;
Тамъ въ шахматы, въ шары иль изъ лука стрѣлами,
Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ
И тѣшусь разными играми...
Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по берегу пѣшъ, верхомъ,
Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей;
То рыбу удами, то дичь громимъ свинцомъ,
То зайцевъ ловимъ псовъ станицей¹⁾...
Иль смотримъ, какъ бѣжитъ подъ черной тучей тѣнь
По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желтозеленымъ,
И сходить солнышко на нижнюю ступень
Къ холмамъ и рощамъ сине-темнымъ.
Иль, утомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подъ тѣнь;
На брегѣ Волхова разводимъ огонь дымистый;
Глядимъ, какъ на воду ложится красный день,
И пьемъ подъ небомъ чай душистый...
Но скучить какъ сія забава сельска намъ,
Внутрь дома тѣшимся столицъ увеселеньемъ,
Велимъ талантами роднымъ своимъ дѣтямъ
Блистать, музыкой, пляской, пѣньемъ...
Тамъ съ арфы звучныя порывный въ души громъ,
Здѣсь тихогрома²⁾ съ струнъ смягченны, плавны тоны
Бѣгутъ и въ естествѣ согласія во всемъ
Даютъ намъ чувствовать законы.
Но нѣтъ какъ праздника, и въ будни я одинъ, —

---

¹⁾ Весь этотъ куплетъ представляетъ хорошій примѣръ нерѣдкихъ у Державина неправильностей рѣчи.

²⁾ Т.-е. фортепіано.

На возвышеніи сидя столповъ перильныхъ,
При гусляхъ подѣ вечерь, челомъ моихъ сѣдинъ
Склонясь, ношусь въ мечтахъ умильныхъ:
Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ?
Мимолетящи суть всѣ времени мечтанья:
Проходятъ годы, дни, ревъ морь и бурей шумъ,
И всѣхъ зефировъ повѣванья.
Ахъ! гдѣ жь, ищу я вкругъ, минувшій красный день?
Побѣды, слава гдѣ, лучи Екатерины?
Гдѣ Павловы дѣла? — Сокрылось солнце, — тѣнь!...
Кто вѣсть и впредь полеть орлиный?
Видѣ лѣта краснаго намъ Александровъ вѣкъ:
Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобенъ двигать струны;
Блаженствовалъ подѣ нимъ въ спокойствіи челоуѣкъ,
Но мечеть днесъ и онъ перуны.
Умолкнуть ли они, сіе лишь знаетъ Тотъ,
Который къ одному концу всѣ править сферы;
Онъ перстомъ ихъ своимъ, какъ строй какой, ведетъ,
Ко благу общему склоняя мѣры...

ПРИЗНАНИЕ¹⁾.

(1807 г.)

Не умѣлъ я притворяться,
На святого походить,
Важнымъ саномъ надуваться
И философа брать видъ;
Я любилъ чистосердечье,
Думалъ нравиться лишь имъ:
Умъ и сердце челоуѣчье
Были гениемъ моимъ.
Если я блисталъ восторгомъ,
Съ струнъ моихъ огонь летѣлъ, —
Не собой блисталъ я, Богомъ:
Внѣ себя я Бога пѣлъ.
Если звуки посвящались

---

¹⁾ Самъ Державинъ называлъ эти стихи объясненіемъ всѣхъ своихъ сочиненій. Стихотвореніе это еще разъ подтверждаетъ, что поэзія въ глазахъ Державина была серьезнымъ дѣломъ. Тонъ „Признанія“ очень искрененъ и простъ.

Лиры моя царямъ, —
Добродѣтелями казались
Мнѣ они равны богамъ.
Если за побѣды громки
Я вѣнцы сплеталъ вождямъ, —
Думалъ перелить въ потомки
Души ихъ и ихъ дѣтямъ.
Если гдѣ вельможамъ властнымъ
Смѣлъ я правду брякнуть въ слухъ, —
Мнилъ быть сердцемъ безпристрастнымъ
Имъ, царю, отчизнѣ другъ.
Если жъ я и суетою
Самъ былъ свѣта обольщенъ, —
Признаюся, красотою
Бывъ плѣненнымъ, пѣлъ и женъ.
Словомъ: жегъ любви колъ пламень,
Падалъ я, вставалъ въ мой вѣкъ, —
Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
Если ты не человѣкъ.

ЦАРЬ ДѢВИЦА¹⁾

(1812 г.)

Царь жила-была Дѣвица,
Шепчетъ русска старина.
Будто солнце, свѣтлолица,
Будто тихая весна.
Очи свѣтло голубья,
Брови черныя дугой,

---

¹⁾ Это произведеніе Державина даетъ представленіе о томъ, какъ онъ относился къ народной поэзіи. Ему не нравились народныя былинны, въ этомъ онъ расходился съ Евгениемъ Болховитиновымъ, убѣждавшимъ его, что былинны „драгоцѣнны для насъ, хотя и испорченные остатки древности“. „Царь-дѣвица“ была написана уже послѣ Людмилы (1808 г.) и Свѣтланы (1811) Жуковскаго, во время начинавшагося увлеченія балладами. Державинъ раздѣлялъ баллады на веселыя, которыя называлъ *романсами*, и мрачныя, которыя собственно и называлъ *балладами*. Первоначальный набросокъ Царь-Дѣвицы онъ называлъ романсомъ. Источникомъ для этого сочиненія, повидимому, послужила *Повѣсть объ Алевтѣ Поповичѣ* изъ сборника Чулкова. Державину не удалось, а м. б. онъ и не хотѣлъ, выдержать народный колоритъ своего *романса*. У него здѣсь, рядомъ съ чисто народными выраженіями и эпизодами народной сказки, встрѣчаются нимфы, лани влатороги и т. п. Я. Гротъ дѣлаетъ предположеніе, что, рисуя Царь-Дѣвицу, Державинъ имѣлъ въ виду императрицу Елисавету Петровну.

Огнь -- уста, власы — златые,
Грудь — какъ лебедь бѣлизной.
Въ жилкахъ рукъ ея пуховыхъ,
Какъ эфиръ, струилась кровь;
Между розъ, зубовъ перловыхъ
Усмѣхалася любовь.
Родилась она въ сорочкѣ
Самой счастливой порой,
Ни въ полудни, ни въ полночкѣ, —
Алой, утренней зарей.
Кочеть хлопалъ на нашестѣ
Крыльями, крича сто разъ:
Сѣверной звѣзды на свѣтѣ
Нѣтъ прекраснѣй, какъ у насъ.
Маковка злата церковна
Какъ горитъ средь красныхъ дней,
Такъ священная корона
Мило теплилась на ней,
И вливала чувство тайно
Съ страхомъ чтить ее — дивясь:
Къ ней прійти необычайно
Было, не перекрестясь.
На нее смотрѣть не смѣли
И великіе цари;
За рѣшеткою сидѣли
На часахъ богатыри.
И Полканы всюду чудны
Домъ стрегли ея и тронъ;
Съ колоколенъ самогудный
Слышался и ночью звонъ.
Теремъ былъ ея украшенъ
Въ солнцахъ, мѣсяцахъ, звѣздахъ;
Отливались блески съ башенъ
Во осьми ея моряхъ.
Въ рощахъ злачныхъ, въ лукоморьѣ
Вьявь гуляла и въ саду,
Лѣтомъ въ лодочкѣ на взморьѣ,
На санкахъ зимой по льду.
Конь подъ ней, какъ вихрь, крутился,
Чувъ дѣвницу — ѣздока;
Полкъ за нею нимфѣ тащился
По слѣдамъ издалека.

Козъ и зайцевъ быстроногихъ
Страсть была ея гонять,
Гладить ланей златорогихъ
И деревъ подь тѣню спать.
Ей ни мошки не мѣшали,
Ни кузнечики дремать;
Тихо вѣтерки порхали,
Чтобъ ее лишь обвѣвать.
И по вѣткамъ птички райски,
Скакивалъ заморскій котъ,
Дѣли соловьи китайски,
И жужукалъ водомеръ.
Статно стоя, няньки, мамки
Одаль смѣли чуть дышать,
И бояръ къ ней спозаранки
Въ спальню съ дѣломъ допускать.
Съ ними такъ она вѣщала,
Какъ изъ облакъ божество;
Лежа царствомъ управляла,
Ихъ журия за шаловство.
Иногда же и тазала
Не однимъ ужъ язычкомъ:
Если больно разсерчала,
То—по кудрямъ башмачкомъ.
Всѣ они Царя-дѣвицы
Такъ боялись, какъ огня,
Крыли, прятали ихъ лица
Отъ малѣйшаго пятна.
И безъ памяти любили,
Что безхитростна была;
Ей неправдѣ не говорили,
Что сама имъ не лгала.
Шила ризы золотыя,
Сплошь низала жемчугомъ,
Маслила брады сѣдыя
И не ссорилась съ умомъ.
Жить давала всѣмъ въ раздольѣ,
Плавали, какъ въ маслѣ сырѣ;
Ѣдила на богомолье, —
Божествомъ ее всякъ чтить.
Всѣ поля ея златились
И шумѣли подь серпомъ,

Тучныя стада водились,
Горы капали серебромъ.
Слава добраго правленья
Разливалась всюду въ свѣтъ;
Всѣ кричали съ восхищенья,
Что ея мудрѣе нѣтъ.
Стиходѣи тужь бряцали
И на гусяхъ милу ложь;
Въ царствахъ иныхъ повторяли
О Царь-дѣвицѣ тожь...

ЖУКОВСКОМУ.

(1812.)

Тебѣ въ наслѣдіе, Жуковскій,
Я ветху лиру отдаю;
А я надъ бездной гроба скользкой
Ужъ, преклоня чело, стою.

ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ ДЕРЖАВИНА ¹⁾

(1816.)

Рѣка время въ своемъ стремленьи
Уносить всѣ дѣла людей
И топить въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Черезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы!

---

¹⁾ Въ „Сынѣ Отечества“ (1816 г. ч. 31), гдѣ вскорѣ послѣ смерти поэта были напечатаны эти стихи, приложена была замѣтка, въ которой говорилось: „За три дни до кончины своей, глядя на висѣвшую въ кабинетѣ его известную историческую карту: *Рѣка время* (Эмблематическое изображеніе всеобщ. исторіи), началъ онъ стихотвореніе *На тѣмноту* и успѣлъ написать первый куплетъ. Сія строка написана имъ были не на бумагѣ, а еще на *аспидной доскѣ* (какъ онъ всегда писывалъ начерно), и уже послѣ смерти его положены на бумагу однимъ родственникомъ“.

Эта доска до сихъ поръ хранится въ Императорской Публичной Библиотекѣ, но отъ набросанныхъ Державинимъ строкъ уже почти ничего не осталось.

25. Н. М. Карамзинъ.

Если дѣлить писателей на такихъ, которые выражаютъ настроеніе своего времени, и на такихъ, которые углубляются въ вѣчныя стороны жизни, имѣющія постоянное значеніе, то Н. М. Карамзинъ принадлежитъ къ числу первыхъ. Даже къ числу такихъ, которые м.-б. слишкомъ легко подчиняются духу времени. Въ этомъ причина большой популярности этихъ писателей среди современниковъ, въ этомъ причина большого и иногда плодотворнаго ихъ вліянія въ свое время, и здѣсь же основанія, почему для послѣдующихъ поколѣній они получаютъ интересъ главнымъ образомъ историческій. Карамзинъ представляетъ въ настоящее время очень большой интересъ съ исторической точки зрѣнія, какъ выразитель вкусовъ XVIII вѣка, а въ XIX в. вкусовъ той части общества, которая по своимъ взглядамъ больше примыкала къ XVIII в., чѣмъ къ XIX столѣтію. Первымъ, обратившимъ на себя общее вниманіе, сочиненіемъ Карамзина были „Письма русскаго путешественника“, напечатанныя имъ въ „Московскомъ Журналѣ“ (1791—1792), который онъ началъ издавать, вернувшись изъ заграницы. Карамзинъ провелъ за границей около двухъ лѣтъ (1789—1790), побывалъ въ Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи и моремъ вернулся въ Россію. Хотя самъ Карамзинъ говоритъ, что письма его писаны, „какъ случилось дорогою, на лоскуткахъ карандашемъ“, но, вѣроятно, дорогою набрасывались только эскизы будущихъ писемъ. По крайней мѣрѣ въ томъ текстѣ писемъ, который напечатанъ въ „Московскомъ Журналѣ“, указывали (Тихонравовъ, Сиповскій) литературныя заимствованія и такую обработку, которая можетъ быть достигнута только кабинетнымъ трудомъ.

„Письма русскаго путешественника“ есть литературное произведеніе, написанное отчасти подъ вліяніемъ „Сентиментальнаго путешествія“ англійскаго писателя Стерна. Языкъ „Писемъ“, необыкновенный для своего времени и сейчасъ неустарѣвшій, богатство ихъ содержанія, и новое (сентиментальное) литературное направленіе, которое чувствуется въ этомъ сочиненіи повсюду,—все это сразу сдѣлало книгу Карамзина одной изъ самыхъ популярныхъ, и вліяніе этой книги въ общемъ было благотворно. По замѣчанію Буслаева, „многочисленные читатели ихъ нечувствительно воспитывались въ идеяхъ европейской цивилизаціи, какъ бы созрѣвали вмѣстѣ съ созрѣваніемъ молодого русскаго путешественника, учась чувствовать его благородными чувствами, мечтать его прекрасными мечтами“. Эпиграфомъ изданія 1797 года было взято двустипіе:

„Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ“.

Для большого удобства пользованія приводимыми ниже письмами мы указываемъ въ заголовкахъ ихъ содержаніе. Заголовки, принадлежащіе Карамзину, оговорены въ примѣчаніяхъ.

ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

1. ВЫѢЗДЪ ИЗЪ РОССІИ.

Тверь, 18 Маія 1789.

Разстался я съ вами, милые ¹⁾, разстался! Сердце мое приязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? — Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но — когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ — на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои, — на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце, — на готическій домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные, — однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоценнымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я, какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, растроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ, и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать! — Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплатятъ.

¹⁾ Письма адресовались Алексѣю Александровичу Плещееву и женѣ его Настасѣ Ивановѣ. На сестрѣ ея, Елизаветѣ Ивановѣ, Карамзинъ впоследствии женился.

Милой Птрв.¹⁾ провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его; — тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: прости! Колокольчикъ зазвѣнѣлъ, лошади помчались... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мѣрѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь: ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые? — Если бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ!...

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что, я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ каррикатурами Королевы Французской и Римскаго Императора, хотѣлъ бы, какъ говорить Шекспиръ, выплакать сердце свое. Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ. — Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. — Простите! Дай Богъ вамъ утѣшеній! — Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!

2. БАЗЕЛЬ.

Августа 9.

Въ каретъ дорогою²⁾.

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновение вѣтерка проникаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Щастливые Швейцары! всякой ли день, всякой ли часъ благодарите вы Небо за свое щастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной Натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и

---

¹⁾ Александръ Андреевичъ Петровъ — талантливый, образованный и рано умершій сотрудникъ Новиковскаго кружка. Карамзинъ былъ съ нимъ очень близокъ.

²⁾ Заголовокъ Карамзина.

служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу¹⁾, не возмущаемую свирѣпыми страстями! — Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей Природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! есть ли бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно Природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому щастію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой — когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ Природы — чувствую я то же, и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Благостію, если бы Она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей — и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими! — Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, если я когда нибудь, какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, ропталъ на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызая невидимую руку Твою, меня ведущую! —

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ стремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; тамъ покойный селянинъ, насвистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увитыя гибкимъ винограднымъ стеблемъ — смотреть на проѣзжихъ, и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня. — Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибаетъ за ними хребетъ свой, отбрасываящій синюю тѣнь на долины. — Нѣтъ, я не могу писать; красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

---

¹⁾ Читатель, можетъ быть, вспомнить о стрѣлахъ Аполлоновыхъ, которыя кротко умерщвляли смертныхъ. Греки въ мѣтахъ своихъ передали намъ памятники вѣчнаго своего чувства. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ вѣжнѣе сего вымысла, приписывающаго разрушеніе наше дѣйствию вѣчно юнаго Аполлона, въ которомъ Древніе воображали себѣ совершенство красоты и стройности? (Прим. Карамзина.)

3. ПОСЪЩЕНИЕ ЛАФАТЕРА¹⁾.

Цюрихъ.

Съ отмѣннымъ удовольствіемъ подъѣзжалъ я къ Цюриху; съ отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на его пріятное мѣстоположеніе, на ясное небо, на веселыя окрестности, на свѣтлое, зеркальное озеро, и на красивые его берега, гдѣ нѣжный Геснеръ рвалъ цвѣты для украшенія пастуховъ и пастушекъ своихъ; гдѣ душа безсмертнаго Клопштока наполнялась великими идеями о священной любви къ отечеству, которыя послѣ съ дикимъ величіемъ излились въ его Германъ; гдѣ Бодмеръ собиралъ черты для картинъ Ноахиды, и питался духомъ временъ Патріаршихъ; гдѣ Виландъ и Гете въ сладостномъ упоеніи обнимались съ Музами, и мечтали для потомства; гдѣ Фридрихъ Штолбергъ, сквозь туманъ двадцати девяти вѣковъ, видѣлъ въ духѣ своемъ древнѣйшаго изъ творцевъ Греческихъ, пѣвца боговъ и Героевъ, сѣдаго старца Гомера, лаврами увѣнчаннаго, и пѣснями своими восхищающаго Грецкое юношество — видѣлъ, внималъ, и въ вѣрномъ отзывѣ повторялъ пѣсни его на языкѣ Тевтоновъ²⁾; гдѣ нашъ Л* бродилъ съ любовною своею грустію, и всякій цвѣточикъ со вздохомъ посвящалъ Веймарской своей богинѣ³⁾. —

Мы пріѣхали сюда въ 10 часовъ утра. Въ трактирѣ, подъ вывѣскою Ворона, отвели намъ большую, свѣтлую комнату. Обширное Цюрихское озеро разливается у насъ передъ глазами, и почти подъ самыми нашими окнами вытекаетъ изъ него рѣка Лиммата, которой шумное и быстрое стремленіе пріятнымъ образомъ отличается отъ тихой зыби водъ его; прямо противъ насъ, за озеромъ, стоятъ высокія горы въ утесъ; далѣе, въ сторону, видны Швицкія, Унтервальденскія и другія высочайшія и снѣгомъ покрытыя горы, составляющія для меня совершенно новое зрѣлище; и все это могу я видѣть вдругъ, сидя подъ окномъ въ своей комнатѣ. — Намъ принесли кушанье. Послѣ обѣда пойду — нужно ли сказывать, къ кому?

¹⁾ Лафатеръ (Johann Kaspar Lafater (1741—1801) — извѣстный писатель мистикъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Онъ былъ пасторомъ и занимался фیزیономікой — ученіемъ о томъ, какъ по чертамъ лица распознавать способности и склонности человѣка. Передъ путешествіемъ Карамзинъ обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими письмами.

²⁾ Т.-е, Нѣмцовъ, — Штолбергъ перевелъ Иліаду. (Прим. Карамзина.)

³⁾ Карамзинъ говоритъ о нѣмецкомъ поэтѣ Ленцѣ, который провелъ послѣдніе годы жизни въ Москвѣ и былъ знакомъ съ Карамзинымъ.

Въ 9 часовъ вечера. Вошедши въ сѣни, я позвонилъ въ колокольчикъ, и черезъ минуту показался сухой, высокой, блѣдный человекъ, въ которомъ мнѣ не трудно было узнать— Лафатера. Онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ. Услышавъ, что я тотъ Москвитянинъ, который выманилъ у него нѣсколько писемъ, Лафатеръ поцѣловался со мною — поздравилъ меня съ приѣздомъ въ Цирихъ — сдѣлалъ мнѣ два или три вопроса о моемъ путешествіи — и сказалъ: „Приходите ко мнѣ въ шесть часовъ; теперь я еще не кончилъ своего дѣла. Или останьтесь въ моемъ кабинетѣ, гдѣ можно читать и разсматривать, что вамъ угодно. Будьте здѣсь какъ дома“. — Тутъ онъ показалъ мнѣ въ своемъ шкапѣ нѣсколько фоліантовъ, съ надписью: Физиогномическій Кабинетъ, и ушелъ. Я постоялъ, подумалъ, сѣлъ и началъ разбирать физиогномическіе рисунки. Между тѣмъ признаюсь вамъ, друзья мои, что сдѣланный мнѣ приѣмъ оставилъ во мнѣ не совсѣмъ пріятныя впечатлѣнія. Уже ли я надѣялся, что со мною обойдутся дружелюбнѣе и, услышавъ мое имя, окажутъ болѣе ласковаго удивленія? Но на чемъ же основывалась такая надежда? Друзья мои! не требуйте отъ меня отвѣта, или вы приведете меня въ краску. Улыбайтесь про себя на счетъ вѣтреннаго, безразсуднаго самолюбія человѣческаго, и предайте забвенію слабость вашего друга. — Лафатеръ раза три приходилъ опять въ кабинетъ, запрещалъ мнѣ вставать со стула¹⁾, бралъ книгу или бумагу, и опять уходилъ назадъ. Наконецъ вошелъ онъ съ веселымъ видомъ, взялъ меня за руку и повелъ — въ собраніе Цирихскихъ Ученыхъ, къ Профессору Брейтингеру, гдѣ рекомендовалъ меня хозяину и гостямъ, какъ своего пріятеля. Небольшой человекъ съ пронизательнымъ взоромъ, — у котораго Лафатеръ пожалъ руку сильнѣе, нежели у другихъ, — обратилъ на себя мое вниманіе. Это былъ Пфенингеръ, издатель Христіанскаго Магазина, и Лафатеровъ другъ. При первомъ взглядѣ показалось мнѣ, что онъ очень похожъ на С. И. Г²⁾., и хотя, разсматривая лице его по частямъ, увидѣлъ я, что глаза у него другіе, лобъ другой, и все, все другое; однакожъ первое впечатлѣніе осталось, и мнѣ никакъ не можно было разувѣрить себя въ сходствѣ. Наконецъ я положилъ, что хотя и нѣтъ между ими сходства въ наружной формѣ ча-

¹⁾ Эти слова показываютъ, съ какимъ уваженіемъ относился молодой человекъ къ Лафатеру.

²⁾ Семенъ Ивановичъ Гамалія, другъ Новикова и Шварца.

стей лица, однакожь оно должно быть во внутренней структурѣ мускуловъ!! Вы знаете, друзья мои, что я еще и въ Москвѣ любилъ заниматься разсматриваніемъ лицъ человѣческихъ, искать сходства тамъ, гдѣ другіе его не находили, и проч. и проч., а теперь, будучи обвѣянъ воздухомъ того города, который можно назвать колыбелію новой Физиогномики, Метопоскопіи, Хиромантіи, Подоскопіи¹⁾ — теперь и вы бойтесь мнѣ на глаза показаться! — Честные Швейцары курили табакъ и пили чай, а Лафатеръ рассказывалъ имъ о свиданіи своемъ съ Неккеромъ. Послушаемъ, что онъ говоритъ объ немъ. „Естьли бы хотѣлъ я вообразить совершеннаго Министра, то представлялъ бы себѣ Неккера. Лице, голосъ и движенія не измѣняютъ у него сердцу. Вѣчное спокойствіе есть его стихія. Однакожь онъ не рожденъ великимъ, такъ какъ Невтонъ, Вольтеръ, и проч. Великость его есть приобрѣтеніе; онъ сдѣлалъ изъ себя все возможное“. Лафатеръ видѣлъ его въ самый тотъ часъ, какъ онъ рѣшился повиноваться волѣ Короля и Національнаго Собранія, и посвятивъ сердечный вздохъ спокойному пристанищу, ожидавшему его при подошвѣ горы Юры²⁾, возвратиться въ бурный Парижъ. — Я былъ слушателемъ въ бесѣдѣ Цирихскихъ Ученыхъ, и къ великому своему сожалѣнію не понималъ всего, что говорено было; потому что здѣсь говорятъ самымъ нечистымъ Нѣмецкимъ языкомъ. Черезъ часъ Лафатеръ взялъ шляпу, и я дошелъ съ нимъ вмѣстѣ. Онъ проводилъ меня до трактира, и простился со мною до завтрашняго дня.

Пришедши въ свою комнату, почувствовалъ я великую грусть; и чтобы не дать ей усилиться въ моемъ сердцѣ, сѣлъ писать къ вамъ, любезные, милые друзья мои! Для того, чтобы узнать всю привязанность нашу къ отечеству, надобно

¹⁾ Метопоскопія — угадываніе характера по чертамъ лица; Хиромантія — по рукамъ; Подоскопія — по ногамъ.

²⁾ Гдѣ онъ теперь провождаетъ тихіе дни свои; но можетъ ли единообразная, непрерывная, праздная тишина быть счастьемъ для того, кто привыкъ уже къ дѣятельной жизни государственнаго человѣка? Сія жизнь, при всѣхъ своихъ безпокойствахъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто весьма пріятное, и Неккеръ, при шумѣ горныхъ вѣтровъ, потрясающихъ уединенное жилище его, томится въ уныніи. Размышляя о протекшихъ часахъ, посвященныхъ вамъ благу Французовъ, онъ внутренно укоряетъ сей народъ неблагодарностію и зываетъ съ Царемъ Леаромъ: Blow winds, rage, blow! I tax not you, you elements, with unkindness; I called not you my children; I never gave you kingdom! („Шумите, свирѣпыя вѣтры; шумите! я не жалуюсь на свирѣпость вашу, раздраженные стихіи! вы не дѣти мои: вамъ не отдавалъ я царства“). Читая сіе мѣсто въ новой книгѣ его, sur l'Administration de M. Nekker, par lui-même, я готовъ былъ заплакать. Французы! вы кричали нѣкогда: „да здравствуетъ Нація, Король и Неккеръ!“ а теперь кто изъ васъ думаетъ о Неккерѣ? (Примѣч. Карамзина.)

изъ него вы́хаты; чтобы узнать всю любовь нашу къ друзьямъ, надобно съ ними разстаться.

Какая пріятная, тихая мелодія нѣжно потрясаетъ нервы моего слуха! Я слышу пѣніе; оно несется изъ оконъ со-сѣдняго дома. Это голосъ юноши — и вотъ слова пѣсни:

„Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя: для пользы твоя готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Отечество мое! ты все въ себѣ вмѣщаешь, чѣмъ смертный можетъ наслаждаться въ невинности своей. Въ тебѣ прекрасенъ видъ Природы; въ тебѣ цѣлителенъ и ясенъ воздухъ; въ тебѣ земныя блага рѣкою полною лютя.

Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоя готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Мы всѣ живемъ въ союзѣ братскомъ; другъ друга любимъ, не боимся, и чтимъ того, кто добръ и мудръ. Не знаемъ роскоши, которая свободныхъ въ рабовъ, въ тирановъ превращаетъ. На что намъ блескъ искусства, когда Природа здѣсь сіяетъ во всей своей красѣ—когда мы изъ груди ея шлемъ блаженство и восторгъ?

Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоя готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ“.

Голосъ умолкъ; тишина ночи царствуетъ въ городѣ. Простите, друзья мои¹⁾!

4. ПАСТУШЬИ ХИЖИНЫ НА АЛЬПІЙСКИХЪ ГОРАХЪ²⁾.

Въ 9 часовъ утра.

Въ четыре часа разбудилъ меня проводникъ мой. Я вооружился Геркулесовскою палицею — пошелъ — съ благоговѣніемъ ступилъ первый шагъ на Альпійскую гору, и съ бодростію началъ взбираться на крутизны. Утро было холодно; но скоро почувствовалъ я жаръ, и скинулъ съ себя теплый скюртукъ. Черезъ четверть часа усталость подкосила ноги мои — и потомъ каждую минуту надлежало мнѣ отдыхать. Кровь моя волновалась такъ сильно, что мнѣ можно было слышать біеніе своего пульса. Я прошелъ мимо громады большихъ камней, которые за десять лѣтъ передъ симъ свалились съ вершины горы, и могли бы превратить въ пыль цѣлый городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухой шумъ, происходящій отъ катящагося съ горъ снѣга. Горе тому несчастному страннику, который встрѣтится симъ падающимъ

¹⁾ Все письмо носитъ слѣды позднѣйшей литературной обработки.

²⁾ Заглавіе Карамзина.

снѣжнымъ кучамъ! Смерть его неизбежна. — Болѣе четырехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой каменной дорожкѣ, которая иногда совсѣмъ пропадала; наконецъ достигъ до цѣли своихъ пламенныхъ желаній, и ступилъ на вершину горы, гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная перемена. Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣна, устремилъ взоръ свой на небо, и принесъ жертву сердечнаго моленія — Тому, Кто въ сихъ гранитахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ столь явственно Свое всемогущество, Свое величіе, Свою вѣчность!.. Друзья мои! я стоялъ на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могутъ для поклоненія Всевышнему... Языкъ мой не могъ произнести ни слова; но я никогда такъ усердно не молился, какъ въ сію минуту.

Такимъ образомъ на самомъ себѣ испыталъ я справедливость того, что Руссо говоритъ о дѣйствиі горнаго воздуха. Всѣ земныя попеченія, всѣ заботы, всѣ мысли и чувства, унижающія благородное существо человѣка, остаются въ долинѣ — и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ я внизъ на жителей Лаутербруннена, не завидуя имъ въ томъ, что они въ самую сію минуту увеселялись зрѣлищемъ серебрянаго Штаубаха, освѣщаемаго солнечными лучами. Здѣсь смертный чувствуетъ свое высокое опредѣленіе, забываетъ земное отечество и дѣлается гражданиномъ вселенной¹⁾; здѣсь смотря на хребты каменныхъ твердынь, ледяными цѣпями скованныхъ и осыпанныхъ снѣгомъ, на которомъ столѣтія оставляютъ едва примѣтные слѣды²⁾, забываетъ онъ время, и мыслию своею въ вѣчность углубляется; здѣсь въ благоговѣнномъ ужасѣ трепещетъ сердце его, когда онъ помышляетъ о той всемогущей Рукѣ, которая вознесла къ небесамъ сіи громады, и повергнетъ ихъ нѣкогда въ бездну морскую. —

Съ бодростію и съ удовольствіемъ продолжалъ я путь свой по горѣ, называемой Венгенальпомъ, мимо вершинъ Юнгферы и Эйгера, которыя возвышаются на хребтѣ ея какъ на фундаментѣ. Тутъ нашель я нѣсколько хижинъ, въ кото-

---

1) Одно изъ впечатлѣній, создававшее во время путешествія космополитическое настроеніе въ Карамзинѣ.

2) Всякое лѣто таетъ на горахъ снѣгъ, и всякую зиму прибавляются на нихъ новые снѣжные слои. Если бы можно было прочесть сіи послѣдніе, то мы узнали бы тогда древность міра, или, по крайней мѣрѣ, древность сихъ горъ. (Примѣчаніе Карамзина.)

рыхъ пастухи живутъ только лѣтомъ. Сіи простодушные люди зазвали меня къ себѣ въ гости, и принесли мнѣ сливокъ, творогу и сыру. Хлѣба у нихъ нѣтъ; но проводникъ мой взялъ его съ собою. Такимъ образомъ я обѣдалъ у нихъ, сидя на бревнѣ — потому что въ ихъ хижинахъ нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ. Двѣ молодыя веселыя пастушки, смотря на меня, безпрестанно смѣялись. Я говорилъ имъ, что простая и безпечная жизнь ихъ мнѣ весьма нравится, и что я хочу остаться у нихъ вмѣстѣ съ ними доить коровъ. Онѣ отвѣчали мнѣ однимъ смѣхомъ. — Теперь лежу на хижинѣ, на которую стоило мнѣ только шагнуть, и пишу карандашемъ въ своей дорожной книжкѣ. Какъ въ сію минуту низки передо мною всѣ Великаны земнаго шара! — Черезъ полчаса пойду далѣе.

5. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

Парижъ, Апрелья. . . . 1790.

Говорить ли о Французской Революціи? Вы читаете газеты: слѣдственно происшествія вамъ извѣстны. Можно ли было ожидать такихъ сценъ въ наше время, отъ зефирныхъ Французовъ, которые славились своею любезностію, и пѣли съ восторгомъ отъ Кале до Марсели, отъ Перпиньяна до Стразбурга:

Pour un peuple aimable et sensible
Le premier bien est un bon Roi...
Для любезнаго народа
Счастье добрый Государь...

Не думайте однакожь, чтобы вся нація участвовала въ трагедіи, которая играется нынѣ во Франціи. Едва ли сотая часть дѣйствуетъ; всѣ другіе смотрять, судять, спорять, плачутъ или смѣются, бьютъ въ ладоши или освистываютъ, какъ въ театрѣ. Тѣ, которымъ потерять нечего, дерзки какъ хищные волки; тѣ, которые всего могутъ лишиться, робки какъ зайцы; одни хотять все отнять, другіе хотять спасти что нибудь. Оборонительная война съ наглымъ непріателемъ рѣдко бываетъ щастлива. Исторія не кончилась; но по сіе время Французское дворянство и духовенство кажутся худами защитниками Трона.

Съ 14 іюля всѣ твердятъ во Франціи объ Аристократахъ и Демократахъ; хвалятъ и бранятъ другъ друга сими име-

нами, по большей части не зная ихъ смысла. Судите о народномъ невѣжествѣ по слѣдующему анекдоту:

Въ одной деревенькѣ близъ Парижа крестьяне остановили молодого, хорошо одѣтаго человѣка, и требовали, чтобы онъ кричалъ съ ними; *vive la nation!* да здравствуетъ нація! Молодой человѣкъ исполнилъ ихъ волю; махалъ шляпою и кричалъ: *vive la nation!* Хорошо! хорошо! сказали они: мы довольны. Ты добрый Французъ; ступай куда хочешь. Нѣтъ, постой: изъясни намъ прежде, что такое... нація? —

Разсказываютъ, что маленькій Дофинъ, играя съ своею бѣлкою, щелкаетъ ее по носу и говоритъ: ты Аристократъ, великой Аристократъ, бѣлка! Любезный младенецъ, безпрестанно слыша это слово, затвердилъ его.

Одинъ Маркизь, который былъ нѣкогда осынанъ Королевскими милостями, играетъ теперь не послѣднюю ролю между непріятелями Двора. Нѣкоторые изъ прежнихъ его друзей изъявили ему свое негодованіе. Онъ пожалъ плечами, и съ холоднымъ видомъ отвѣчалъ имъ: *que faire? j'aime les te-te-troubles!* что дѣлать? я люблю мя те-те-тежи! Маркизь заика.

Но читалъ ли Маркизь исторію Греціи и Рима? помнить ли цикуту и скалу Тарпейскую? Народъ есть острое желѣзо, которымъ играть опасно, а революція отверстыи гробъ для добродѣтели и — самага злодѣйства.

Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надобно удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку. Утопія¹⁾ будетъ всегда мечтою добраго сердца, или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ счастья добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственныя потрясенія губельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ. Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно конечно имѣетъ Свой планъ; въ Его рукѣ сердца Государей — и довольно.

¹⁾ Или царство счастья, сочиненія Моруса. (Прим. Карамз.)

Утопія Томаса Мора (1478—1535) — романъ, представляющій соціальный строй будущаго. (Прим. сост.)

Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой переменѣ, и живутъ тихо. Французская Монархія производила великихъ Государей, великихъ Министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ; подъ ея мирною сѣнью возрастали науки и искусства; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей; бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ... Но дерзкіе подняли сѣкиру на священное дерево, говоря: мы лучше сдѣлаемъ!

Новые Республиканцы съ порочными сердцами: разверните Плутарха, и вы услышите отъ древняго, величайшаго добродѣтельнаго Республиканца, Катона, что безначаліе хуже всякой власти! —

Въ заключеніе сообщу вамъ нѣсколько стиховъ изъ Рабеле, въ которыхъ знакомецъ мой, Аббать Н*, находитъ предсказаніе нынѣшней революціи...¹⁾

Французской старинный языкъ, можетъ быть, для васъ темень. Я переведу:

„Объявляю всѣмъ, кто хочетъ знать, что не далѣе, какъ въ слѣдующую зиму, увидимъ во Франціи злодѣевъ, которые явно будутъ развращать людей всякаго состоянія, и поссорятъ друзей съ друзьями, родныхъ съ родными. Дерзкой сынъ не побоятся возстать противъ отца своего, и рабъ противъ господина, такъ что въ самой чудесной Исторіи не найдемъ примѣровъ подобнаго раздора, волненія и мятежа. Тогда нечестивые, вѣроломные сравняются властію съ добрыми; тогда глупая чернь будетъ давать законы, и бессмысленные сядутъ на мѣсто судей. О страшный, гибельный потопъ! потопъ, говорю: ибо земля освободится отъ своего бѣдствія не иначе, какъ упившись кровію“²⁾.

6. РУССКАЯ ИСТОРИЯ ЛЕВЕКА³⁾.

Парижъ, Маія. . . . 1790.

...Тутъ же узналъ я Левека, Автора „Россійской Исторіи“, которая хотя имѣетъ много недостатковъ, однакожь лучше

¹⁾ Карамзинъ приводитъ въ подлинникѣ стихотвореніе изъ LVIII главы романа Рабля „Гаргантва“, сопровождая его далѣе нѣсколько сокращеннымъ переводомъ.

²⁾ Литературныя ссылки этого письма свидѣтельствуютъ о позднѣйшей обработкѣ его.

³⁾ Письмо представляетъ интересъ, съ одной стороны какъ выраженіе взглядовъ Карамзина на задачи историка, которыхъ онъ держался и впоследствии, съ другой стороны, здѣсь Карамзинъ выразилъ свое отношеніе къ національному и къ дѣятельности Петра I, которое впоследствии кореннымъ образомъ измѣнилось.

всѣхъ другихъ. Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей Россійской Исторіи, то есть писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ — вотъ образцы! Говорятъ, что наша Исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло вытти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословная Князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги Половцевъ, не очень любопытны: соглашаюсь; но за чѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ Англійской Исторіи; но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа Русскаго, характеръ древнихъ нашихъ Героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя описать живо, разительно У насъ былъ свой Карлъ Великій: Владиміръ — свой Лудовикъ XI: Царь Іоаннъ — свой Кромвель: Годуновъ — и еще такой Государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей Исторіи, и даже въ Исторіи человѣчества; его-то надобно представить въ живописи; а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель Анджело. — Левекъ, какъ Писатель, не безъ дарованія, не безъ достоинствъ, соображаетъ довольно хорошо; рассказываетъ довольно складно, судить довольно справедливо; но кисть его слаба, краски не живы; слогъ правильный, логическій, но не быстрый. Къ тому же Россія не мать ему; не наша кровь течетъ въ его жилахъ: можетъ ли онъ говорить о Русскихъ съ такимъ чувствомъ, какъ Русской? Всего же болѣе не люблю его за то, что онъ унижаетъ Петра Великаго (если посредственный Французскій Писатель можетъ унижить нашего славнаго Монарха) говоря: *on lui a peut-être refusé avec raison le titre d'homme de Génie, puisque en voulant former sa nation, il n'a su qu'imiter les autres peuples*¹⁾. Я слыхалъ такое мнѣніе даже отъ Русскихъ, и никогда не могъ слышать безъ досады. Путь образованія или просвѣщенія одинъ для народовъ;

¹⁾ То есть: „Его, можетъ быть, по справедливости не хотятъ назвать великимъ умомъ, ибо онъ, желая образовывать народъ свой, только что подражалъ другимъ народамъ“.

всѣ они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣ Русскихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше ли бѣ было Русскимъ не строить кораблей, не образовать регулярнаго войска, не заводить Академій, фабрикъ, для того, что все это не Русскими выдумано? Какой народъ не перенималъ у другаго? и не должно ли сравняться, чтобы превзойти? „Однакожь говорятъ, начто подражать рабски? начто перенимать вещи, совсѣмъ ненужныя?“ Какія же? Рѣчь идетъ, думаю, о платьѣ и бородѣ. Петръ Великій одѣлъ насъ по-Нѣмецки для того, что такъ удобнѣе; обрилъ намъ бороды для того, что такъ и покойнѣе и прятнѣе. Длинное платье не ловко, мѣшаетъ ходить... „Но въ немъ теплѣе!“... У насъ есть шубы... „За чѣмъ же имѣть два платья?“... За тѣмъ, что нѣтъ способа быть въ одномъ на улицѣ, гдѣ 20 градусовъ мороза, и въ комнатѣ, гдѣ 20 градусовъ тепла. Борода же принадлежитъ къ состоянію дикаго человѣка; не брить ее то же, что не стричь ногтей. Она закрываетъ отъ холоду только малую часть лица: сколько же неудобности лѣтомъ, въ сильной жарѣ! сколько неудобности и зимою, носить на лицѣ иней, снѣгъ и сосульки! Не лучше ли имѣть муфту, которая грѣетъ не одну бороду, но все лицо? Избирать во всемъ лучшее, есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ во первыхъ для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому Русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. Если бы Петръ родился Государемъ какогонибудь острова, удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами, то онъ въ природномъ великомъ умѣ своемъ нашель бы источникъ полезныхъ изобрѣтеній и новостей для блага подданныхъ; но рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже Искусства и Науки во всѣхъ земляхъ, кромѣ Русской, онъ долженъ былъ только разорвать завѣсу, которая скрывала отъ насъ успѣхи разума человѣческаго, и сказать намъ: „смотрите; сравняйтесь съ ними, и потомъ, если можете, превзойдите ихъ!“ Нѣмцы, Французы, Англичане, были впе-

реди Русскихъ по крайней мѣрѣ шестью вѣками: Петръ двинулъ насъ своею мощною рукою, и мы въ нѣсколько лѣтъ почти догнали ихъ. Всѣ жалкія Гереміады объ измѣненіи Русскаго характера, о потерѣ Русской нравственной физиогноміи, или не что иное какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ; и что Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ! Еще другое странное мнѣніе. Il est probable, говоритъ Левекъ, que si Pierre, n'avoit pas régné, les Russes seroient aujourd'hui ce qu'ils sont; то есть: хотя бы Петръ Великій и не училъ насъ, мы бы выучились! Какимъ же образомъ? сами собою? но сколько трудовъ стоило Монарху побѣдить наше упорство въ невѣжествѣ! Слѣдственно Русскіе не расположены, не готовы были просвѣщаться. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ жили многіе иностранцы въ Москвѣ, но не имѣли никакого вліянія на Русскихъ, не имѣвъ съ ними почти никакого обхожденія. Молодые люди, тогдашніе франты, катались иногда въ саняхъ по Нѣмецкой слободѣ, и за то считались вольнодумцами. Одна только ревностная, дѣятельная воля и безпредѣльная власть Царя Русскаго могла произвести такую внезапную, быструю перемену. Сообщение наше съ другими Европейскими землями было очень не свободно и затруднительно; ихъ просвѣщеніе могло дѣйствовать на Россію только слабо; и въ два вѣка по естественному, непринужденному ходу вещей, едва ли сдѣлалось бы то, что Государь нашъ сдѣлалъ въ 20 лѣтъ. Какъ Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться.

7. СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

Лондонъ, іюля 1790.

Такъ называемый мирный судья есть въ Англій пер-
вый разбиратель всѣхъ доносовъ; онъ призываетъ къ себѣ
обвиняемаго, даетъ очную ставку, и возглашаетъ ему сво-

боду, если доносъ оказывается неосновательнымъ; въ противномъ же случаѣ обязываетъ его явиться въ судъ, или, когда преступленіе важно, отсылаетъ въ темницу. Потомъ другой судья, именуемый Шерифомъ, избираетъ отъ 12 до 24 присяжныхъ (всякаго состоянія людей, извѣстныхъ по своему доброму поведенію), которые снова должны разсмотрѣть обстоятельства доноса; и если 12 изъ нихъ не признаютъ доказательствъ вѣроятными, то обвиняемый выпускается; а если признаютъ, то начинается формальное дѣло — такимъ образомъ:

Въ день рѣшительнаго засѣданія преступникъ является въ судъ, выслушивается на себя доносъ, и на вопросъ: „какъ хочешь быть судимъ“? отвѣчаетъ: „по совѣсти и закону моего отечества“. Шерифъ избираетъ тогда другихъ присяжныхъ ровно 12 и судимый имѣетъ право уничтожить ихъ выборъ, доказывая, что они по чему нибудь могутъ быть пристрастны; и даже безъ всякихъ причинъ можетъ отвергнуть по закону 20 человекъ. Когда же присяжные выбраны, тогда, давъ клятву быть вѣрными совѣсти, садятся на свои кресла, и вмѣстѣ съ судьями выслушиваютъ дѣло, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Доносчикъ обвиняетъ, судимый оправдывается, самъ или черезъ своего адвоката; представляютъ свидѣтелей — и наконецъ, по разобраніи всѣхъ обстоятельствъ, одинъ изъ судей снова предлагаетъ ихъ въ ясномъ сокращеніи. Присяжные идутъ въ другую комнату, запираются и судятъ единственно по гласу совѣсти; законъ не велитъ имъ ни пить, ни ѣсть, пока они на что нибудь единодушно не согласятся. Вышедши оттуда, говорятъ только одно слово: виноватъ или не виноватъ, и дѣло рѣшено безъ всякой апелляціи. Если скажутъ: виноватъ, то судьи прибираютъ только законъ на вину, держась его точнаго смысла, и не входя ни въ какія произвольныя изъясненія, такъ что въ Англіи не будетъ наказано и самое важное преступленіе, если законъ именно не опредѣляетъ его. Слѣдственно здѣсь нѣтъ человека, отъ котораго зависѣла бы жизнь другаго! Не только осудить, но даже и судить нельзя никого безъ согласія 12 знаменитыхъ гражданъ. За то Англичане и хвалятся своими уголовными законами болѣе, нежели чѣмъ нибудь, называя установленіе присяжныхъ священнымъ и божественнымъ. Рассказываютъ много удивительныхъ случаевъ, въ которыхъ темное чувство истины спасало невинныхъ вопреки всѣмъ вѣроятностямъ. На примѣръ: не-

давно одинъ ремесленникъ былъ судимъ въ убійствѣ; разные улики обвиняли его; 11 присяжныхъ согласились произнести рѣшительное слово: виноватъ! двѣнадцатой не хотѣлъ. Товарищи требовали отъ него причинъ. „Не знаю, отвѣтилъ онъ: но видъ этого человѣка говоритъ моему сердцу въ его пользу; и я скорѣе умру съ голода, нежели обвиню.“ Прошелъ цѣлый день въ спорѣ; и наконецъ присяжные, изнуренные усталостію, рѣшились оправдать судимаго. Черезъ нѣсколько дней нашелся другой убійца: ремесленникъ былъ невиненъ.

8. СЕМЕЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ¹⁾.

Лондонъ, іюля 1790.

Берега Темзы прекрасны; ихъ можно назвать цвѣтниками — и вопреки Англійскимъ туманамъ, здѣсь царствуетъ Флора. Какъ милы сельскіе домики, оплетенные розами снизу до самой кровли²⁾, или густо осѣненные деревьями, такъ что ни одинъ яркій лучъ солнца не можетъ въ нихъ проникнуть!

Но картина добрыхъ нравовъ и семейственнаго щастія всего болѣе восхищаетъ меня въ деревняхъ Англійскихъ, въ которыхъ живутъ теперь многіе достаточные Лондонскіе граждане, дѣлаясь на лѣто поселянами. Всякое Воскресенье хожу въ какуюнибудь загородную церковь слушать нравственную, ясную проповѣдь во вкусѣ Йориковыхъ³⁾, и смотрѣть на спокойныя лица отцовъ и супруговъ, которые всѣ усердно молятся Всевышнему и просятъ, кажется, единственно о сохраненіи того, что уже имѣютъ. Въ церквахъ сдѣланы ложи — и каждая занимается особливимъ семействомъ. Матери окружены дѣтьми — и я нигдѣ не видалъ такихъ прекрасныхъ малютокъ, какъ здѣсь: совершенно кровь съ молокомъ, какъ говорятъ Русскіе: одушевленные цвѣточки, любезные Зефиру; все маленькіе Эмили, все маленькія Софіи. Изъ церкви каждая семья идетъ въ свой садикъ, который разгоряченному воображенію кажется по крайней мѣрѣ уголькомъ Мильтонова Эдема; но, къ щастію, тутъ нѣтъ змѣя искусителя: миловидная хозяйка гуляетъ рука въ руку съ мужемъ своимъ, а не съ прелестникомъ, не

¹⁾ Заглавіе Карамзина.

²⁾ Видъ прекрасной. Вѣтки съ цвѣтами, нарочно поднятыя вверхъ, перешатаются, и достаютъ до кровли низенькихъ домиковъ. (Примѣч. Карамзина.)

³⁾ Отъ лица Йорика ведется разсказъ въ Сентиментальномъ путешествіи Стерна.

съ Чичисбеемъ... однимъ словомъ, здѣсь рѣдкой холостой человѣкъ не вздохнетъ, видя красоту и щастіе дѣтей, скромность и благоправіе женщинъ. Такъ, друзья мои, здѣсь женщины скромны и благоправны, слѣдовательно мужья щастливы; здѣсь супруги живутъ для себя, а не для свѣта. Я говорю о среднемъ состояніи людей; впрочемъ и самыя Англійскія Лорды, и самыя Англійскія Герцоги не знаютъ того всегдашняго разсѣянія, которое можно назвать стихіею нашего, такъ называемаго хорошаго общества. Здѣсь балъ или концертъ есть важное происшествіе: объ немъ пишутъ въ газетахъ. У насъ правило: вѣчно быть въ гостяхъ, или принимать гостей. Англичанинъ говоритъ: я хочу быть щастливымъ дома, и только изрѣдка имѣть свидѣтелей моему щастію. Какія же слѣдствія? Свѣтскія дамы, будучи всегда на сценѣ, привыкають думать единственно о театральныхъ добродѣтеляхъ. Со вкусомъ одѣться, хорошо войти, пріятно взглянуть, есть важное достоинство для женщины, которая живетъ въ гостяхъ, а дома только спитъ или сидитъ за туалетомъ. Нынѣ большой ужинъ, завтра балъ: красавица танцуетъ до пяти часовъ утра; и на другой день до того ли ей, чтобы заниматься своими нравственными должностями? Напротивъ того Англичанка, воспитываемая для домашней жизни, пріобрѣтаетъ качества доброй супруги и матери, украшая душу свою тѣми склонностями и навыками, которые предохраняють насъ отъ скуки въ уединеніи и дѣлають одного человѣка сокровищемъ для другаго. Войдите здѣсь по утру въ домъ: хозяйка всегда за руководльемъ, за книгою, за клавесиномъ, или рисуешь, или пишешь, или учитъ дѣтей, въ пріятномъ ожиданіи той минуты, когда мужъ, отправивъ свои дѣла, возвратится съ биржи, выдетъ изъ кабинета и скажетъ: теперь я твой! теперь я вашъ! Пусть назовутъ меня, чѣмъ кому угодно; но признаюсь, что я безъ какой-то внутренней досады не могу видѣть молодыхъ супруговъ въ свѣтѣ и говорю мысленно: „Нещастные! что вы здѣсь дѣлаете? развѣ дома среди вашего семейства, въ объятіяхъ любви и дружбы, вамъ не сто разъ пріятнѣе, нежели въ этомъ пусто-блестящемъ кругу“.

9. ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Кронитатъ.

Берегъ! отечество! благословляю васъ! Я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мои!... Всѣхъ

останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-Русски, слышать Русскихъ людей. Вы знаете, что трудно найти городъ хуже Кронштата; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній трактиръ можно назвать гостинницею нищихъ: но мнѣ въ немъ весело!

Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища; записки, счеты, книги, камешки, сухія травки и вѣтки, напоминающіе мнѣ или сокрытіе Роны, la perte de Rhône, или могилу отца Лоренза, или густую иву, подъ которою Англичанинъ Пошъ сочинялъ лучшіе стихи свои! Согласитесь, что всѣ на свѣтѣ Крезы бѣдны передо мною!

Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моей въ теченіе осьмнадцати мѣсяцовъ! Оно черезъ 20 лѣтъ (если столько проживу на свѣтѣ) будетъ для меня еще пріятно — пусть для меня одного! Загляну, и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ; а что чело-вѣку (между нами будь сказано) занимательнѣе самого себя?... По чему знать? можетъ быть, и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ эскизахъ; можетъ быть и другіе... но это ихъ, а не мое дѣло. А вы, любезные, скорѣе, скорѣе приготовьте мнѣ опрятную хижинку, въ которой я могъ бы на свободѣ веселиться Китайскими тѣнями моего во-ображенія, грустить съ моимъ сердцемъ и утѣшаться съ друзьями!

ЧТО НУЖНО АВТОРУ ¹⁾?

1793.

Говорятъ, что Автору нужны таланты и знанія: острой, пронизательный разумъ, живое воображеніе и проч. Справедливо; но сего не довольно. Ему надобно имѣть и доброе, нѣжное сердце, если онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей; если хочетъ, чтобы дарованія его сіяли свѣтомъ немерцающимъ; если хочетъ писать для вѣчности и собирать благословенія народовъ. Творецъ всегда изображается въ твореніи, и часто противъ воли своей. Тщетно думаетъ лицемеръ обмануть читателей и подъ златою одеждою пышныхъ словъ сокрыть желѣзное сердце; тщетно гово-

---

¹⁾ Статья излагаетъ основные взгляды Карамзина на задачи художественнаго творчества и вмѣстѣ съ этимъ заключаетъ данныя, показывающія, что на сентиментализмъ Карамзина влияли не только англійская литература, но нѣмецкая поэзія и французская, а въ особенности Руссо.

рять намъ о милосердіи, состраданіи, добродѣтели! Всѣ восклицанія его холодны, безъ души, безъ жизни; и никогда питательное, эфирное пламя не полетѣтъ изъ его твореній въ нѣжную душу читателя.

Естьли бы Небо надѣлило какого нибудь изверга великими дарованіями славнаго Аруэта ¹⁾, то, вмѣсто прекрасной Заиры, написалъ бы онъ — каррикутуру Заиры. ²⁾ Чистѣйшій, цѣлебный Нектаръ въ нечистомъ сосудѣ дѣлается противнымъ, ядовитымъ питьемъ.

Когда ты хочешь писать портретъ свой, то посмотришь прежде въ вѣрное зеркало: можетъ ли быть лицо твое предметомъ искусства, которое должно заниматься однимъ изъ изящнымъ, изображать красоту, гармонію, и распространять въ области чувствительнаго пріятныя впечатлѣнія? Естьли творческая Натура произвела тебя въ часъ набреженія, или въ минуту раздора своего съ Красотою: то будь благоразуменъ, не безобразъ художниковой кисти, — оставь свое намѣреніе. Ты берешься за перо, и хочешь быть Авторомъ: спроси же у самого себя, наединѣ, безъ свидѣтелей, искренно: каковъ я? ибо ты хочешь писать портретъ души и сердца своего.

Уже ли думаете вы, что Геснеръ ³⁾ могъ бы столь прелестно изображать невинность и добродушіе пастуховъ и пастушекъ, естьли бы сіи любезныя черты были чужды собственному его сердцу?

Ты хочешь быть Авторомъ: читай исторію несчастій рода человѣческаго — и естьли сердце твое не обольется кровію, оставь перо, — или оно изобразитъ намъ холодную мрачность души твоей.

Но естьли всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открытъ путь въ чувствительную грудь твою; естьли душа твоя можетъ возвыситься до страсти къ добру; можетъ питать въ себѣ святое, никакими сферами не ограниченное желаніе всеобщаго блага: тогда смѣло

---

¹⁾ Защитникъ и покровитель невинныхъ, благодѣтель Каласовой фамиліи, благодѣтель всѣхъ Фернейскихъ жителей, имѣлъ конечно не злое сердце. Прим. Карамзина. — Аруэтъ — Вольтеръ (Франсуа Марія Аруэ — первоначальное имя Вольтера). Карамзинъ въ своемъ примѣчаніи имѣетъ въ виду знаменитый процессъ, который былъ начатъ, упорно веденъ и выигранъ Вольтеромъ для восстановления добраго имени Каласа, который былъ казненъ, какъ жертва религіознаго фанатизма.

²⁾ „Заира“ — трагедія Вольтера. — Трагедіи Вольтера заключали много декламатій, эффектныхъ сценъ и холодной риторики. „Заира“ — между ними одна изъ лучшихъ.

³⁾ Нѣмецкій идиллическій поэтъ (1730—1787 г.).

призывай богинь Парнассскихъ — онѣ пройдутъ мимо великолѣпныхъ чертоговъ, и посѣтятъ твою смиренную хижину — ты не будешь бесполезнымъ Писателемъ — и никто изъ добрыхъ не взглянетъ сухими глазами на твою могилу.

Слогъ, фигуры, метафоры, образы, выраженія — все сіе трогаеть и плѣняетъ тогда, когда одушевляется чувствомъ; естли не оно разгорячаетъ воображеніе Писателя, то никогда слеза моя, никогда улыбка моя не будетъ его наградою.

Отъ чего Жакъ-Жакъ Руссо нравится намъ со всѣми своими слабостями и заблужденіями? Отъ чего любимъ мы читать его и тогда, когда онъ мечтаетъ или запутывается въ противорѣчія? — Отъ того, что въ самыхъ его заблужденіяхъ сверкаютъ искры страстнаго человѣколюбія; отъ того, что самыя слабости его показываютъ нѣкоторое милое добродушіе.

Напротивъ того многіе другіе Авторы, не смотря на свою ученость и знанія, возмущаютъ духъ мой и тогда, когда говорятъ истину: — ибо сія истина мертва въ устахъ ихъ; ибо сія истина изливается не изъ добродѣтельнаго сердца; ибо дыханіе любви не согрѣваетъ ее.

Однимъ словомъ: я увѣренъ, что дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ Авторомъ.

ПОЭЗИЯ ¹⁾).

1787.

Die Lieder der göttlichen Harfenspieler
schallen mit Macht, wie beseelend ²⁾.

Klopstock.

Едва былъ созданъ міръ огромный, велелѣпный,
Явился человѣкъ, прекраснѣйшая тварь,
Предметъ любви Творца, любовію рожденный;
Явился — весь сей міръ привѣтствуетъ его,
Въ восторгъ и любви, единою улыбкой.
Узрѣвъ соборъ красотъ, и чувствуя себя,
Сей гордый Царь почувствовалъ и Бога,
Причину бытія — толь живо ощутилъ

¹⁾ Это одно изъ раннихъ произведеній Карамзина; оно уже свидѣтельствуетъ, что даръ языка ставилъ его и здѣсь на одно изъ первыхъ мѣстъ въ русской литературѣ. Приводимъ начало стихотворенія.

²⁾ Пѣсни божественныхъ арфистовъ звучатъ мощно, какъ одушевленные.
Клопштокъ.

Величіе Творца, Его премудрость, благость,
Что сердце у него въ гимнъ нѣжный излилось,
Стремясь летѣть къ Отцу... Поэзія святая!
Се ты въ устахъ его, въ источникъ своемъ,
Въ высокой простотѣ! Поэзія святая!
Благословляю я рожденіе твое!

Когда ты, человекъ, въ невинности сердечной,
Какъ роза, цвѣлъ въ раю, Поэзія тебѣ
Утѣхою была. Ты пѣлъ свое блаженство,
Ты пѣлъ Творца его. Самъ Богъ тебѣ внималъ,
Внималъ, благословлялъ твои святые гимны:
Гармонія была душею гимновъ сихъ —
И часто Ангелы въ небесныхъ мелодіяхъ,
На лирахъ золотыхъ, хвалили пѣснь твою...

БѢДНАЯ ЛИЗА ¹⁾.

Повѣсть.

(1792 г.)

Можетъ быть, никто изъ живущихъ въ Москвѣ не знаетъ такъ хорошо окрестностей города сего, какъ я, потому что никто чаще моего не бываетъ въ полѣ, никто болѣе моего не бродитъ пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли — куда глаза глядятъ — по лугамъ и рощамъ, по холмамъ и равнинамъ. Всякое лѣто нахожу новыя пріятныя мѣста, или въ старыхъ новыя красоты.

Но всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на которомъ возвышаются мрачныя, готическія башни Симонова монастыря. Стоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву, сію ужасную громаду домовъ и церквей, которая представляется глазамъ въ образѣ величественнаго амфитеатра: великолѣпная картина, особливо когда свѣтитъ

¹⁾ Одна изъ самыхъ любимыхъ повѣстей въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв. Ею зачитывался юноша Бѣлинскій. Печальная судьба героини вызвала цѣлое паломничество къ Симонову монастырю, гдѣ былъ знаменитый Лизинъ прухъ. Повѣсть дѣйствительно занимаетъ важное мѣсто въ исторіи нашей литературы; несмотря на цѣлый рядъ сентиментальныхъ условностей и неправдоподобное изображеніе крестьянъ, она интересна выборомъ простаго сюжета, изображеніемъ чувства, живымъ языкомъ и въ общемъ гуманнымъ направленіемъ. Она вызываетъ сочувствіе къ крестьянамъ, хотя и не глубокое, а замѣчаніе Карамзина „ибо и крестьянки любятъ умѣютъ“ призываетъ общее вниманіе къ чувству крестьянъ. Интересны въ повѣсти и нѣкоторыя картинки Москвы и ея окрестностей, написанныя съ натуры.

Напечатана повѣсть въ „Московскомъ Журналѣ“.

на нее солнце; когда вечерніе лучи его пылають на безчисленныхъ золотыхъ куполахъ, на безчисленныхъ крестахъ, къ небу возносящихся! Внизу разстилаются тучные, густозеленые, цвѣтушіе луга; а за ними, по желтымъ пескамъ, течетъ свѣтлая рѣка, волнуемая легкими веслами рыбацкихъ лодокъ, или шумящая подъ рулемъ грузныхъ струговъ, которые плывутъ отъ плодоноснѣйшихъ странъ Россійской Имперіи и надѣляютъ алчную Москву хлѣбомъ. На другой сторонѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ которой пасутся многочисленныя стада; тамъ молодые пастухи, сидя подъ тѣнію деревъ, поютъ простыя, унылыя пѣсни и сокращають тѣмъ лѣтніе дни, столь для нихъ единообразные. Подалѣе, въ густой зелени древнихъ вязовъ, блистаетъ златоглавый Даниловъ монастырь; еще далѣе, почти на краю горизонта, сияютъ Воробьевы горы. На лѣвой же сторонѣ видны обширныя, хлѣбомъ покрытыя поля, лѣсочки, три или четыре деревеньки, и вдали село Коломенское съ высокимъ Дворцомъ своимъ.

Часто прихожу на сіе мѣсто, и почти всегда встрѣчаю тамъ весну; туда же прихожу и въ мрачныя дни осени, горевать вмѣстѣ съ Природою. Страшно воютъ вѣтры въ стѣнахъ опустѣвшаго монастыря, между гробовъ, заросшихъ высокою травою, и въ темныхъ переходахъ келлій. Тамъ, опершись на развалины грозныхъ камней, внимаю глухому стону времянь, бездною минувшаго поглощенныхъ — стону, отъ котораго сердце мое содрогается и трепещетъ. Иногда вхожу въ келліи, и представляю себѣ тѣхъ, которые въ нихъ жили — печальныя картины! Здѣсь вижу сѣдого старца, преклонившаго колѣна передъ Распятіемъ, и молящагося о скоромъ разрѣшеніи земныхъ оковъ своихъ: ибо всѣ удовольствія исчезли для него въ жизни, всѣ чувства его умерли, кромѣ чувства болѣзни и слабости. Тамъ юный монахъ — съ блѣднымъ лицомъ, съ томнымъ взоромъ, — смотритъ въ поле сквозь рѣшетку окна, видитъ веселыхъ птичекъ, свободно плавающихъ въ морѣ воздуха — видитъ, и проливаетъ горькія слезы изъ глазъ своихъ. Онъ томится, вянетъ, сохнетъ — и унылый звонъ колокола возвѣщаетъ мнѣ безвременную смерть его. Иногда на вратахъ храма разсматриваю изображеніе чудесь, въ семъ монастырѣ случившихся — тамъ рыбы падаютъ съ неба для насыщенія жителей монастыря, осажденнаго многочисленными врагами; тутъ образъ Богоматери обращаетъ непріятелей въ бѣгство. Все

сіе обновляетъ въ моей памяти исторію нашего отечества — печальную исторію тѣхъ временъ, когда свирѣпые Татары и Литовцы огнемъ и мечемъ опустошали окрестности Россійской столицы, и когда несчастная Москва, какъ беззащитная вдовица, отъ одного Бога ожидала помощи въ лютыхъ своихъ бѣдствіяхъ.

Но всего чаще привлекаетъ меня къ стѣнамъ Симонова монастыря — воспоминаніе о плачевной судьбѣ Лизы, бѣдной Лизы. Ахъ! я люблю тѣ предметы, которые трогаютъ мое сердце и заставляютъ меня проливать слезы нѣжной скорби!

Саженьяхъ въ семидесяти отъ монастырской стѣны, подлѣ березовой рощицы, среди зеленаго луга, стоитъ пустая хижина, безъ дверей, безъ окончинъ, безъ полу; кровля давно сгнила и обвалилась. Въ сей хижинѣ, лѣтъ за тридцать передъ симъ, жила прекрасная, любезная Лиза съ старушкою, матерью своею.

Отецъ Лизинъ былъ довольно зажиточный поселянинъ, потому что онъ любилъ работу, пахалъ хорошо землю и велъ всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обѣдняли. Лѣнивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлѣбъ пересталъ хорошо родиться. Онѣ принуждены были отдать свою землю въ наемъ, и за весьма небольшія деньги. Къ тому же бѣдная вдова, почти безпрестанно проливая слезы о смерти мужа своего — ибо и крестьянки любить умѣютъ! — день ото дня становилась слабѣе, и совсѣмъ не могла работать. Одна Лиза, — которая осталась послѣ отца пятнадцати лѣтъ — одна Лиза, не щадя своей нѣжной молодости, не щадя рѣдкой красоты своей, трудилась день и ночь — ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цвѣты, а лѣтомъ брала ягоды — и продавала ихъ въ Москвѣ. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала ее къ слабо бьющемуся сердцу, называла Божескою милостію, кормилицею, отрадою старости своей, и молила Бога, чтобы Онъ наградилъ ее за все то, что она дѣлаетъ для матери. „Богъ далъ мнѣ руки, чтобы работать (говорила Лиза): ты кормила меня своею грудью и ходила за мной, когда я была ребенкомъ: теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживятъ батюшки“. Но часто нѣжная Лиза не могла удержать собственныхъ слезъ своихъ — ахъ! она помнила, что у нее былъ отецъ, и что его не стало; но для успокоенія матери старалась таить пе-

чаль сердца своего, и казаться покойною и веселою. — „На томъ свѣтѣ, любезная Лиза (отвѣчала горестная старушка), на томъ свѣтѣ перестану я плакать. Тамъ, сказываютъ, будутъ всѣ веселыя; я вѣрно весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть — что съ тобою безъ меня будетъ? На кого тебя покинуть? Нѣтъ, дай Богъ прежде пристроить тебя къ мѣсту! Можетъ быть, скоро сыщется доброй человѣкъ. Тогда, благословя васъ, милыхъ дѣтей моихъ, перекрещусь, и спокойно лягу въ сырую землю.“

Прошло года два послѣ смерти отца Лизина. Луга покрылись цвѣтами, и Лиза пришла въ Москву съ ландышами. Молодой, хорошо одѣтый человѣкъ, пріятнаго вида, встрѣтился ей на улицѣ. Она показала ему цвѣты — и покраснѣлась. „Ты продаешь ихъ, дѣвушка?“ спросилъ онъ съ улыбкою. — Продаю, отвѣчала она. „А что тебѣ надобно?“ — Пять копѣекъ. „Это слишкомъ дешево. Вотъ тебѣ рубль.“ Лиза удивилась, осмѣлилась взглянуть на молодого человѣка, — еще болѣе покраснѣлась, и потупивъ глаза въ землю, сказала ему, что она не возьметъ рубля. „Для чего же? — Мнѣ не надобно лишняго. „Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной дѣвушки, стоятъ рубля. Когда же ты не берешь его, вотъ тебѣ пять копѣекъ. Я хотѣлъ бы всегда покупать у тебя цвѣты; хотѣлъ бы, чтобъ ты рвала ихъ только для меня.“ Лиза отдала цвѣты, взяла пять копѣекъ, поклонилась и хотѣла итти; но незнакомецъ остановилъ ее за руку. „Куда же ты пойдешь, дѣвушка? — Домой. „А гдѣ домъ твой?“ Лиза сказала, гдѣ она живетъ; сказала и пошла. Молодой человѣкъ не хотѣлъ удерживать ее, можетъ быть для того, что мимоходящіе начали останавливаться, и смотря на нихъ, коварно усмѣхались.

Лиза, пришедши домой, рассказала матери, что съ нею случилось. „Ты хорошо сдѣлала, что не взяла рубля. Можетъ быть, это былъ какой нибудь дурной человѣкъ“... А хъ нѣтъ, матушка! я этаго не думаю. У него такое доброе лице, такой голосъ. — „Однакожь, Лиза, лучше кормиться трудами своими, и ничего не брать даромъ. Ты еще не знаешь, другъ мой, какъ злые люди могутъ обидѣть бѣдную дѣвушку! У меня всегда сердце бываетъ не на своемъ мѣстѣ, когда ты ходишь въ городъ; я всегда ставлю свѣчу передъ образомъ, и молю Господа Бога, чтобы Онъ сохранилъ тебя отъ всякой бѣды и напасти.“ — У Лизы навернулись на глазахъ слезы; она поцѣловала мать свою...

Незнакомецъ приходитъ въ гости къ Лизѣ, знакомится съ ея матерью, прозводитъ на нее выгодное впечатлѣніе, а Лиза влюбляется въ него. Его зовутъ Эрастомъ.

Теперь читатель долженъ знать, что сей молодой человекъ, сей Эрастъ былъ довольно богатый дворянинъ, съ изряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ, добрымъ отъ природы, но слабымъ и вѣтреннымъ. Онъ велъ разсыянную жизнь, думалъ только о своемъ удовольствіи, искалъ его въ свѣтскихъ забавахъ, но часто не находилъ: скучалъ и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрѣчѣ сдѣлала впечатлѣніе въ его сердцѣ. Онъ читывалъ романы, идилліи; имѣлъ живое воображеніе, и часто переселялся мысленно въ тѣ времена (бывшія или не бывшія), въ которыя, если вѣрить Стихотворцамъ, всѣ люди безопасно гуляли по лугамъ, купались въ чистыхъ источникахъ, цѣловались какъ горлицы, отдыхали подъ розами и миртами, и въ щастливой праздности всѣ дни свои проводжали. Ему казалось, что онъ нашелъ въ Лизѣ то, чего сердце его давно искало. „Натура призываетъ меня въ свои объятія, къ чистымъ своимъ радостямъ“ — думалъ онъ, и рѣшился — по крайней мѣрѣ на время — оставить большой свѣтъ.

Обратимся къ Лизѣ. Наступила ночь — мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткаго сна; но на сей разъ желаніе ея не исполнилось: Лиза спала очень худо. Новый гость души ея, образъ Эрастовъ столь живо ей представлялся, что она почти всякую минуту просыпалась, просыпалась и вздыхала. Еще до восхожденія солнечнаго Лиза встала, сошла на берегъ Москвы рѣки, сѣла на травѣ, и подгорюнившись смотрѣла на бѣлые туманы, которые волновались въ воздухѣ, и подымаясь вверхъ, оставляли блестящія капли на зеленомъ покровѣ Натуры. Вездѣ царствовала тишина. Но скоро восходящее свѣтило дня пробудило все твореніе: рощи, кусточки оживились; птички вспорхнули и запѣли; цвѣты подняли свои головки, чтобы напитаться животворными лучами свѣта. Но Лиза все еще сидѣла подгорюнившись. Ахъ, Лиза, Лиза! что съ тобою сдѣлалось? До сего времени, просыпаясь вмѣстѣ съ птичками, ты вмѣстѣ съ ними веселилась утромъ, и чистая, радостная душа свѣтилась въ глазахъ твоихъ, подобно какъ солнце свѣтитъ въ капляхъ росы небесной; но теперь ты задумчива и общая радость Природы чужда твоему сердцу. — Между тѣмъ молодой пастухъ по берегу рѣки гналъ стадо,

играя на свирѣли. Лиза устремила на него взоръ свой и думала: „Естьли бы тотъ, кто занимаетъ теперь мысли мои, рожденъ былъ простымъ крестьяниномъ, пастухомъ, — и естьли бы онъ теперь мимо меня гналъ стадо свое: ахъ! я поклонилась бы ему съ улыбкою, и сказала бы привѣтливо: Здравствуй, любезный пастушокъ! куда гонишь ты стадо свое? И здѣсь растеть зеленая трава для овецъ твоихъ; и здѣсь алѣють цвѣты, изъ которыхъ можно сплести вѣнокъ для шляпы твоей. Онъ взглянулъ бы на меня съ видомъ ласковымъ — взялъ бы, можетъ быть, руку мою... Мечта!“ Пастухъ, играя на свирѣли, пошелъ мимо, и съ пестрымъ стадомъ своимъ скрылся за ближнимъ холмомъ...

Эрасть видится съ Лизой и объясняется ей въ любви.

Лиза возвратилась въ хижину свою совсѣмъ не въ такомъ расположеніи, въ какомъ изъ нее вышла. На лицѣ и во всѣхъ ея движеніяхъ обнаруживалась сердечная радость. Онъ меня любитъ! думала она, и восхищалась сею мыслию. „Ахъ матушка!“ сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась. „Ахъ матушка! какое прекрасное утро! Какъ все весело въ полѣ! Никогда жаворонки такъ хорошо не пѣвали; никогда солнце такъ свѣтло не сіяло; никогда цвѣты такъ пріятно не пахли!“ — Старушка, подпираясь клюкою, вышла на лугъ, чтобы насладиться утромъ, которое Лиза такими прелестными красками описывала. Оно въ самомъ дѣлѣ показалось ей отменно пріятнымъ; любезная дочь весельемъ своимъ развеселяла для нее всю Натуру. „Ахъ Лиза!“ говорила она: „какъ все хорошо у Господа Бога! Шестой десятокъ доживаю на свѣтѣ, а все еще не могу наглядѣться на дѣла Господни; не могу наглядѣться на чистое небо, похожее на высокой шатеръ, и на землю, которая всякой годъ новою травою и новыми цвѣтами покрывается. Надобно, чтобы Царь небесный очень любилъ человѣка, когда онъ такъ хорошо убралъ для него здѣшній свѣтъ. Ахъ, Лиза! кто бы захотѣлъ умереть, естьли бы иногда не было намъ горя?... Видно такъ надобно. Можетъ быть, мы забыли бы душу свою, если бы изъ глазъ нашихъ никогда слезы не капали.“ А Лиза думала: ахъ! я скорѣе забуду душу свою, нежели моего друга!...

У Лизы и Эраста происходятъ свиданія, пока однажды онъ не сообщаетъ Лизѣ, что они должны разстаться, такъ какъ онъ ѣдетъ на войну. Вотъ сцена ихъ прощанія.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эрасть, обнявъ ее въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ прижавъ къ своему сердцу, сказалъ: прости, Лиза!... Какая трогательная картина! Утренняя заря, какъ алое море, разливалась по восточному небу. Эрасть стоялъ подъ вѣтвями высокаго дуба, держа въ объятіяхъ своихъ блѣдную, томную, горестную подругу, которая, прощаясь съ нимъ, прощалась съ душою своею. Вся Натура пребывала въ молчаніи.

Лиза рыдала — Эрасть плакалъ — оставилъ ее — она упала — стала на колѣни, подняла руки къ небу и смотрѣла на Эраста, который удалялся — далѣе — далѣе и наконецъ скрылся — возсіяло солнце, и Лиза, оставленная, бѣдная, лишилась чувствъ и памяти.

Она пришла въ себя — и свѣтъ показался ей унылъ и печаленъ. Всѣ пріятности Натуры сокрылись для нее вмѣстѣ съ любезнымъ ея сердцу. „Ахъ! (думала она) для чего я осталась въ этой пустынѣ? Что удерживаетъ меня летѣть въ слѣдъ за милымъ Эрастомъ? Война не страшна для меня; страшно тамъ, гдѣ нѣтъ моего друга. Съ нимъ жить, съ нимъ умереть хочу, или смертію своею спасти его драгоцѣнную жизнь. Постой, постой, любезный! я лечу къ тебѣ!“ — Уже хотѣла она бѣжать за Эрастомъ; но мысль: у меня есть мать! остановила ее. Лиза вздохнула, и преклонивъ голову, тихими шагами пошла къ своей хижинѣ. — Съ сего часа дни ея были днями тоски и горести, которую надлежало скрывать отъ нѣжной матери: тѣмъ болѣе страдало сердце ея! Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединясь въ густоту лѣса, могла свободно проливать слезы и стенать о разлукѣ съ милымъ. Часто печальная горлица соединяла жалобный голосъ свой съ ея стenanіемъ. Но иногда — хотя весьма рѣдко — златой лучъ надежды, лучъ утѣшенія, освѣщаль мракъ ея скорби. Когда онъ возвратится ко мнѣ, какъ я буду счастлива! какъ все переимѣнится! отъ сей мысли прояснялся взоръ ея, розы на щекахъ освѣжались, и Лиза улыбалась, какъ Майское утро послѣ бурной ночи. — Такимъ образомъ прошло около двухъ мѣсяцевъ.

Въ одинъ день Лиза должна была итти въ Москву, за тѣмъ, чтобы купить розовой воды, которою мать ея лечила глаза свои. На одной изъ большихъ улицъ встрѣтилась ей великолѣпная карета, и въ сей каретѣ увидѣла она — Эраста. А хъ! закричала Лиза, и бросилась къ нему; но карета про-

ѣхала мимо и поворотила на дворъ. Эрастъ вышелъ, и хотѣлъ уже итти на крыльцо огромнаго дома, какъ вдругъ почувствовалъ себя въ Лизиныхъ объятіяхъ. Онъ поблѣднѣлъ — потомъ, не отвѣчая ни слова на ея восклицанія, взялъ ее за руку, привелъ въ свой кабинетъ, заперъ дверь, и сказалъ ей: Лиза! обстоятельства перемѣнились; я помолвилъ жениться; ты должна оставить меня въ покоѣ, и для собственнаго своего спокойствія забыть меня. Я любилъ тебя, и теперь люблю, то есть, желаю тебѣ всякаго добра. Вотъ сто рублей — возьми ихъ (онъ положилъ ей деньги въ карманъ) — позволь мнѣ поцѣловать тебя въ послѣдній разъ — и поди домой. — Прежде нежели Лиза могла опомниться, онъ вывелъ ее изъ кабинета и сказалъ слугѣ: проводи эту дѣвушку со двора.

Сердце мое обливается кровію въ сію минуту. Я забываю челоѣка въ Эрастъ — готовъ проклинать его — но языкъ мой не движется — смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ахъ! для чего пишу не романъ, а печальную быль?

И такъ Эрастъ обманулъ Лизу, сказавъ ей, что онъ ѣдетъ въ армію? — Нѣтъ, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ арміи, но вмѣсто того, чтобы сражаться съ непріятелемъ, игралъ въ карты и проигралъ почти все свое имѣніе. Скоро заключили миръ, и Эрастъ возвратился въ Москву, отягченный долгами. Ему оставался одинъ способъ поправить свои обстоятельства — жениться на пожилой, богатой вдовѣ, которая давно была влюблена въ него. Онъ рѣшился на то, и переѣхалъ жить къ ней въ домъ, посвятивъ искренній вздохъ Лизѣ своей. Но все сіе можетъ ли оправдать его?

Лиза очутилась на улицѣ, и въ такомъ положеніи, котораго никакое перо описать не можетъ. Онъ, онъ выгналъ меня? Онъ любитъ другую? я погибла! вотъ ея мысли, ея чувства! Жестокой обморокъ перервалъ ихъ на время. Одна добрая женщина, которая шла по улицѣ, остановилась надъ Лизою, лежавшею на землѣ, и старалась привести ее въ память. Нещастная открыла глаза — встала съ помощію сей доброй женщины, — благодарила ее, и пошла, сама не зная, куда. „Мнѣ нельзя жить (думала Лиза) нельзя!... О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бѣдную!... Нѣтъ! небо не падаетъ; земля не колеблется! Горе мнѣ!“ — Она вышла изъ города, и вдругъ увидѣла себя на берегу глубокаго пруда, подъ тѣнію

древнихъ дубовъ, которые за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были безмолвными свидѣтелями ея восторговъ. Сіе воспоминаніе потрясло ея душу; страшнѣйшее сердечное мученіе изобразилось на лицѣ ея. Но черезъ нѣсколько минутъ погрузилась она въ нѣкоторую задумчивость — осмотрѣлась вокругъ себя, увидѣла дочь своего сосѣда (пятнадцатилѣтнюю дѣвушку), идущую по дорогѣ, — кликнула ее, вынула изъ кармана десять имперіаловъ, и, подавая ей, сказала: „Любезная Анюта, любезная подружка! отнеси эти деньги къ матушкѣ — онѣ не краденныя — скажи ей, что Лиза противъ нее виновата; что я тайла отъ нее любовь свою къ одному жестокому человѣку, — къ Э... На что знать его имя? — Скажи, что онѣ измѣнилъ мнѣ — попроси, чтобы она меня простила — Богъ будетъ ея помощникомъ — поцѣлуй у нее руку такъ, какъ я теперь твою цѣлую — скажи, что бѣдная Лиза велѣла поцѣловать ее — скажи, что я...“ Тутъ она бросилась въ воду. Анюта закричала, заплакала, но не могла спасти ее; побѣжала въ деревню — собрались люди, и вытащили Лизу; но она была уже мертвая.

Такимъ образомъ скончала жизнь свою прекрасная душою и тѣломъ. Когда мы тамъ, въ новой жизни увидимся, я узнаю тебя, нѣжная Лиза!

Ее погребли близъ пруда, подъ мрачнымъ дубомъ, и поставили деревянный крестъ на ея могилѣ. Тутъ часто сижу въ задумчивости, опершись на вмѣстилище Лизина праха; въ глазахъ моихъ струится прудъ; надо мною шумятъ листья.

Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ея отъ ужаса охладѣла — глаза на вѣкъ закрылись. — Хижина опустѣла. Въ ней воеетъ вѣтеръ, и суевѣрные поселяне, слыша по ночамъ сей шумъ, говорятъ: тамъ стонетъ мертвецъ; тамъ стонетъ бѣдная Лиза!

Эрасть былъ до конца жизни своей несчастливъ. Узнавъ о судьбѣ Лизиной, онѣ не могъ утѣшиться и почиталъ себя убійцею. Я познакомился съ нимъ за годъ до его смерти. Онѣ самъ разсказалъ мнѣ сію исторію и привелъ меня къ Лизиной могилѣ. — Теперь, можетъ быть, они уже прижились!

НАТАЛЬЯ БОЯРСКАЯ ДОЧЬ.

1792 г.

Повѣсть „Наталья боярская дочь“ очень типична для пониманія нашими художниками XVIII вѣка тѣхъ способовъ, которыми

можно передавать прошлое въ искусствѣ. Карамзинъ, какъ Сумароковъ въ своихъ трагедіяхъ, не стремился въ своей повѣсти вѣрно передать старину. Если „Бѣдная Лиза“ есть сентиментальная идеализація крестьянской жизни, то повѣсть „Наталья боярская дочь“ есть сентиментальная риторика въ изображеніи прошлаго. Такія сочиненія даютъ особенно почувствовать, какой громадный шагъ впередъ сдѣлалъ Пушкинъ своими „Борисомъ Годуновымъ“ и „Капитанскою дочкой“, поставивъ себѣ новую задачу: „угадать языкъ и образъ мысли того времени“. Событія повѣсти очень неправдоподобны для русской старины. — Благовоспитанная Наталья, любящая отца, бѣжитъ изъ родительскаго дома съ однимъ опальнымъ бояриномъ... Но ни гнѣвъ родительскій, ни опала царская надъ ними не раздражаются. Наталья съ мужемъ отправляются на войну, при чемъ Наталья сражается въ панцырѣ и съ „легкимъ оружіемъ“. Оба оказываютъ чудеса храбрости. Царь призываетъ ихъ къ себѣ, прощаетъ мужа Натальи; отецъ Натальи благословляетъ ихъ бракъ, и они живутъ въ счастіи до глубокой старости.

Изъ повѣсти приведено начало.

Въ престольномъ градѣ славнаго Русскаго царства, въ Москвѣ бѣлокаменной, жилъ Бояринъ Матвѣй Андреевъ, человекъ богатой, умной, вѣрной слуга Царской, и, по обычаю Русскихъ, великой хлѣбосоль. Онъ владѣлъ многими помѣстьями, и былъ не обидчикомъ, а покровителемъ и заступникомъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей, — чему въ наши просвѣщенные времена, можетъ быть, не всякой повѣритъ, но что въ старину совсѣмъ не почиталось рѣдкостію. Царь называлъ его правымъ глазомъ своимъ, и правой глазъ никогда Царя не обманывалъ. Когда ему надлежало разбирать важную тяжбу, онъ призывалъ себѣ въ помощь Боярина Матвѣя, и Бояринъ Матвѣй, кладя чистую руку на чистое сердце, говорилъ: сей правъ (не по такому-то указу, состоявшемуся въ такомъ-то году, но) по моей совѣсти, сей виноватъ по моей совѣсти — и совѣсть его была всегда согласна съ правдою и съ совѣстію Царскою. Дѣло рѣшилось безъ замедленія: правый подымалъ на небо слезящее око благодарности, указывая рукою на добраго Государя и добраго Боярина; а виноватый бѣжалъ въ густые лѣса сокрыть стыдъ свой отъ человеквъ.

Еще не можемъ мы умолчать объ одномъ похвальномъ обыкновеніи Боярина Матвѣя, обыкновеніи, которое достойно подражанія во всякомъ вѣкѣ и во всякомъ царствѣ; а именно, въ каждый двенадесятой праздникъ поставлялись длинныя столы въ его горницахъ, чистыми скатертьми накрытые, и Бояринъ, сидя на лавкѣ подлѣ высокихъ воротъ своихъ,

звалъ къ себѣ обѣдать всѣхъ мимоходящихъ бѣдныхъ¹⁾ людей, сколько ихъ могло помѣститься въ жилищѣ боярскомъ; потомъ, собравъ полное число, возвращался въ домъ, и указавъ мѣсто каждому гостю, садился самъ между ими. Тутъ въ одну минуту являлись на столахъ чаши и блюда, и ароматической паръ горячаго кушанья, какъ бѣлое тонкое облако, вился надъ головами обѣдающихъ. Между тѣмъ хозяинъ ласково бесѣдовалъ съ гостями, узнавалъ ихъ нужды, подавалъ имъ хорошіе совѣты, предлагалъ свои услуги, и наконецъ веселился съ ними какъ съ друзьями. Такъ въ древнія Патриархальныя времена, когда вѣкъ человѣческой былъ не столь кратокъ, почтенными сѣдинами украшенный старецъ насыщался земными благами со многочисленнымъ своимъ семействомъ — смотрѣлъ вокругъ себя, и видя на всякомъ лицѣ, во всякомъ взорѣ живое изображеніе любви и радости, восхищался въ душѣ своей. — Послѣ обѣда, всѣ немущіе братья, наполнивъ виномъ свои чарки, восклицали въ одинъ голосъ: Доброй, доброй Бояринъ и отецъ нашъ! мы пьемъ за твое здоровье! Сколько капель въ нашихъ чаркахъ, столько лѣтъ живи благополучно! Они пили, и благодарныя слезы ихъ капали на бѣлую скатерть.

Таковъ былъ Бояринъ Матвѣй, вѣрной слуга Царской, вѣрной другъ человѣчества. Уже минуло ему шестьдесятъ лѣтъ; уже кровь медленнѣе обращалась въ жилахъ его; уже тихое трепетаніе сердца возвѣщало наступленіе жизненнаго вечера и приближеніе ночи — но доброму ли бояться сего густаго непроницаемаго мрака, въ которомъ теряются дни человѣческіе? Ему ли страшиться сего тѣнистаго пути, когда съ нимъ доброе сердце его, когда съ нимъ добрыя дѣла его. Онъ идетъ впередъ безтрепетно, наслаждается послѣдними лучами заходящаго свѣтила, обращаетъ покойной взоръ на прошедшее, и съ радостнымъ — хотя темнымъ, но не менѣе того радостнымъ предчувствіемъ заноситъ ногу въ оную неизвѣстность. — Любовь народная, милость Царская были наградою добродѣтелей стараго Боярина; но вѣнцемъ его щастія и радостей была любезная Наталья, единственная дочь его. Уже давно оплакалъ онъ мать ея, которая заснула вѣчнымъ сномъ въ его объятіяхъ; но кипарисы супружеской любви покрылись цвѣтами любви родительской — въ юной Натальѣ

¹⁾ Въ истинѣ сего увѣрялъ меня не одинъ старой человѣкъ. *Прим. авт.*

увидѣлъ онъ новой образъ умершей, и, вмѣсто горькихъ слезъ печали, возсіяли въ глазахъ его сладкія слезы нѣжности. Много цвѣтовъ въ полѣ, въ рощахъ и на лугахъ зеленыхъ; но нѣтъ подобнаго розѣ, роза всѣхъ прекраснѣе: много было красавицъ въ Москвѣ бѣлокаменной, ибо царство Русское искони почиталось жилищемъ красоты и пріятностей; но никакая красавица не могла сравниться съ Натальею — Наталья была всѣхъ прелестнѣе. Пусть читатель вообразить себѣ бѣлизну Италіанскаго мрамора и Кавказскаго снѣга: онъ все еще не вообразить бѣлизны лица ея — и представя себѣ цвѣтъ Зефировой любовницы, все еще не будетъ имѣть совершеннаго понятія объ алости щекъ Натальиныхъ. Я боюсь продолжать сравненіе, чтобы не наскучить читателю повтореніемъ извѣстнаго, ибо въ наше роскошное время весьма истощился магазинъ пѣтическихъ уподобленій красоты, и не одинъ писатель съ досады кусаетъ перо свое, ища и не находя новыхъ. Довольно знать и того, что самые богомольные старики, видя Боярскую дочь у обѣдни, забывали класть земные поклоны, и самыя пристрастныя матери отдавали ей преимущество передъ своими дочерями. Сократъ говорилъ, что красота тѣлесная бываетъ всегда изображеніемъ душевной. Намъ должно повѣрить Сократу, ибо онъ былъ, во первыхъ, искуснымъ ваятелемъ (слѣдственно зналъ принадлежности красоты тѣлесной), а во вторыхъ, мудрецомъ или любителемъ мудрости (слѣдственно зналъ хорошо красоту душевную). По крайней мѣрѣ наша прелестная Наталья имѣла прелестную душу, была нѣжна какъ горлица, невинна какъ агнецъ, мила какъ Май мѣсяцъ; однимъ словомъ, имѣла всѣ свойства благовоспитанной дѣвушки, хотя Русскіе не читали тогда ни Локка о воспитаніи, ни Руссова Эмиля — во первыхъ, для того, что сихъ Авторовъ еще и на свѣтѣ не было, а во вторыхъ и потому, что худо знали грамотѣ — не читали и воспитывали дѣтей своихъ, какъ Натура воспитываетъ травки и цвѣточки, то есть, поили и кормили ихъ, оставляя все прочее на произволь Судьбы; но сія Судьба была къ нимъ милостива, и за довѣренность, которую имѣли они къ ея всемогуществу, награждала ихъ почти всегда добрыми дѣтьми, утѣшеніемъ и подпорою ихъ старыхъ дней.

Одинъ великой Психологъ, котораго имени я право не упомяну, сказалъ, что описаніе дневныхъ упражненій человѣка есть вѣрнѣйшее изобразеніе его сердца. По крайней мѣрѣ

я такъ думаю, и съ дозволенія моихъ любезныхъ читателей опишу, какъ Наталья, Боярская дочь, проводила время свое отъ восхода до заката краснаго солнца. Лишь только первые лучи сего великолѣпнаго свѣтила показывались изъ-за утреннаго облака, изливая на тихую землю жидкое, неосязаемое золото: красавица наша пробуждалась, открывала черные глаза свои, и перекрестившись бѣлою атласною, до нѣжнаго локтя обнаженною рукою, вставала, надѣвала на себя тонкое шелковое платье, камчатную тѣлогрѣю, и съ распущенными темнорусыми волосами подходила къ круглому окну высокаго своего терема, чтобы взглянуть на прекрасную картину оживляемой Натуры — взглянуть на златоглавую Москву, съ которой лучезарной день снималъ туманный покровъ ночи, и которая, подобно какой нибудь огромной птицѣ, пробужденной гласомъ утра, въ вѣяніи вѣтерка стряхивала съ себя блестящую росу — взглянуть на Московскія окрестности, на мрачную, густую, необозримую Марьину рошу, которая какъ сизый, кудрявый дымъ терялась отъ глазъ въ неизмѣримомъ отдаленіи, и гдѣ жили тогда всѣ дикіе звѣри съ-вера; гдѣ страшной ревъ ихъ заглушала мелодіи птицъ поющихъ. Съ другой стороны, являлись Натальину взору сверкающіе изгибы Москвы-рѣчки, цвѣтуція поля и дымящіяся деревни, откуда съ веселыми пѣснями выѣзжали трудолюбивые поселяне на работы свои — поселяне, которые и по сіе время ни въ чемъ не перемѣнились, такъ же одѣваются, такъ же живутъ и работаютъ, какъ прежде жили и работали, и среди всѣхъ измѣненій и личинъ представляютъ намъ еще истинную Русскую физиогномію. Наталья смотрѣла, опершись на окно, и чувствовала въ сердцѣ своемъ тихую радость; не умѣла краснорѣчиво хвалить Натуры, но умѣла ею наслаждаться; молчала и думала: какъ хороша Москва бѣлокаменная! какъ хороши ея окружности! Но того не думала Наталья, что сама она въ утреннемъ своемъ нарядѣ была всего прекраснѣе... Она будила свою няню, вѣрную служанку ея покойной матери. Вставай, мама! говорила Наталья: скоро за благовѣстятъ къ обѣднѣ. Мама вставала, одѣвалась, называла свою боярышнюю раннюю птичку, умывала ее ключевою водою, чесала ея длинные волосы бѣлымъ костянымъ гребнемъ, заплетала ихъ въ косу, и украшала голову нашей прелестницы жемчужною повязкою. Такимъ образомъ снарядившись, дожидались онѣ благовѣста, и заперевъ замкомъ свѣтлицу свою (чтобы въ отсут-

ствіе ихъ не закрался въ нее какой нибудь не доброй чело-
вѣкъ), отправлялись къ обѣднѣ. „Всякой день?“ спросить
читатель. Конечно — таковъ былъ въ старину обычай — и
развѣ зимою одна жестокая вьюга, а лѣтомъ проливной
дождь съ грозою могли удержать красную дѣвицу отъ испол-
ненія сей набожной должности. Становясь всегда въ уголкѣ
трапезы, Наталья молилась Богу съ усердіемъ, и между
тѣмъ изъ подлобья посматривала на право и на лѣво. Въ ста-
рину не было ни клубовъ, ни маскарадовъ, куда нынѣ ѣздить
себя казать и другихъ смотрѣть: и такъ гдѣ же, какъ
въ церкви, могла тогда любопытная дѣвушка поглядѣть на лю-
дей? Послѣ обѣдни Наталья раздавала всегда нѣсколько ко-
пѣекъ бѣднымъ людямъ, и приходила къ своему родителю
съ нѣжною любовію цѣловать его руку. Старецъ плакалъ
отъ радости, видя, что дочь его день ото дня становилась
лучше и милѣе, и не зналъ, какъ благодарить Бога за такой
неоцѣненный даръ, за такое сокровище...

КЪ МИЛОСТИ ¹⁾.

(1792.)

Что можетъ быть тебя святѣе,
О Милость, дщерь благихъ Небесъ?
Что краше въ мірѣ, что милѣе?
Кто можетъ безъ сердечныхъ слезъ,
Безъ радости и восхищенья,
Безъ сладкаго въ крови волненья,
Взирать на прелести Твои?
Какая ночь не озарится
Отъ солнечныхъ Твоихъ очей?
Какой мятежъ не укротится
Одной улыбкою Твоей?
Речешь, и громы онѣмѣють;
Гдѣ ступишь, тамъ цвѣты алѣють,
И съ неба льется благодать.

---

¹⁾ Эта ода написана во время суда надъ Новиковымъ и обращалась къ императрицѣ Екатеринѣ.

Любовь Твои стопы лобзаетъ,
И нѣжной Матерю зоветъ;
Любовь Тебя на тронъ вѣнчаетъ,
И скиптръ въ десницу подаетъ.
Текутъ, текутъ земные роды,
Какъ съ горъ высокихъ быстры воды,
Подъ сѣнь державы Твоя.

Блаженъ, блаженъ народъ, живущій
Въ пространной области Твоей!
Блаженъ Пѣвецъ, Тебя поющій
Въ жару, въ огнѣ души своей! —
Доколѣ Милостію будешь,
Доколѣ права не забудешь,
Съ которымъ человекъ рожденъ;

Доколѣ гражданинъ довольный
Безъ страха можетъ засыпать,
И дѣти-поданные вольны
По мыслямъ жизнь располагать,
Вездѣ природой наслаждаться,
Вездѣ наукой украшаться
И славить прелести Твои;

Доколѣ злоба, дщерь Тифона,
Пребудетъ въ мракъ удалена
Отъ свѣтлозолотаго трона;
Доколѣ правда не страшна,
И чистый сердцемъ не боится
Въ своихъ желаніяхъ открыться
Тебѣ, Владычицѣ души;

Доколѣ всѣмъ даешь свободу,
И свѣта не темнишь въ умахъ;
Пока довѣренность къ народу
Видна во всѣхъ Твоихъ дѣлахъ:
Дотолѣ будешь свято чтима,
Отъ поданныхъ боготворима
И славима изъ рода въ родъ.

Спокойствія Твоей Державы
Ничто не можетъ возмутить;
Для чадъ Твоихъ нѣтъ большей славы,
Какъ вѣрность къ Матери хранить.
Тамъ тронъ вовѣкъ не потрясется,
Гдѣ онъ любовію брежется,
И гдѣ на тронѣ — Ты сидишь.

ПЬЧТО О НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И ПРОСВѢ-
ЩЕННІ').

(1793.)

Que les Muses, les arts et la philosophie
Passent d'un peuple à l'autre et consolent la vie! *)

St. Lambert.

Такъ! просвѣщеніе есть Палладіумъ благонравія — и когда вы, вы, которымъ вышняя Власть поручила судьбу чело-
вѣ-ковъ, желаете распространить на землѣ область добродѣтели,
то любите Науки, и не думайте, чтобы онѣ могли быть
вредны; чтобы какое нибудь состояніе въ гражданскомъ
обществѣ должно было пресмыкаться въ грубомъ невѣже-
ствѣ — нѣтъ! сіе золотое солнце сіяетъ для всѣхъ на голу-
бомъ сводѣ, и все живущее согрѣвается его лучами; сей
текущій кристалль утоляетъ жажду и властелина и неволь-
ника; сей столѣтній дубъ обширною своею тѣнію прохлаж-
даетъ и пастуха и Героя. Всѣ люди имѣютъ душу, имѣютъ
сердце, слѣдственно всѣ могутъ наслаждаться плодами Искус-
ства и Науки — и кто наслаждается ими, тотъ дѣлается
лучшимъ чело-вѣкомъ и спокойнѣйшимъ гражданиномъ — спо-
койнѣйшимъ, говорю: ибо находя вездѣ и во всемъ тысячу
удовольствій и пріятностей, не имѣетъ онъ причины роптать
на Судьбу и жаловаться на свою участь. — Цвѣты Грацій
украшаютъ всякое состояніе — просвѣщенный земледѣлецъ,
сидя послѣ трудовъ и работы на мягкой зелени съ нѣжною
своею подругою, не позавидуетъ щастію роскошнѣйшаго
Сатрапа.

Просвѣщенный земледѣлецъ! — Я слышу тысячу
возраженій, но не слышу ни одного справедливаго. Быть про-
свѣщеннымъ есть быть здоровомыслящимъ, не ученымъ, не поли-
глотомъ, не недантомъ. Можно судить справедливо и по пра-
виламъ строжайшей Логикѣ, не читавъ никогда схоластическихъ
бредней о сей Наукѣ; не думая о томъ, кто лучше опре-
дѣляетъ ее: Томазіи или Тширнгаузъ, Меланхтонъ или Ра-

---

*) Сочиненіе это составляетъ опроверженіе разсужденія Жанъ-Жака-Руссо,
написаннаго на предложенную Дижонской академіей тему: „Способствовало-ли
возстановленіе наукъ исправленію нравовъ или способствовало ихъ порчѣ?“
Руссо доказывалъ, что культура портитъ естественную чистую природу чело-
вѣка. Здѣсь данъ конецъ статьи Карамзина.

*) Пусть Музы, искусство и философія переходятъ отъ одного народа къ
другому и стануть угѣшеніемъ жизни.

мусь, Клерикусь или Будеусь; не зная, что такое энонимата, барбара, целарентъ, феріо, ¹⁾ и проч. Для сего конечно не достааетъ земледѣльцу времени — ибо онъ долженъ обрабатывать поля свои; но для того, чтобы мыслить здраво, нужно только впечатлѣть въ душу нѣкоторыя правила, нѣкоторыя вѣчныя истины, которыя составляютъ основаніе и существо Логики — для сего же найдетъ онъ въ жизни своей довольно свободныхъ часовъ, равно какъ и для того, чтобы узнать премудрость, благость и красоту Натуры, которая всегда предъ глазами его, — узнать, любить ее и быть щастливѣе.

Я поставлю въ примѣръ многихъ Швейцарскихъ, Англійскихъ и Нѣмецкихъ поселянъ, которые пахутъ землю и собираютъ библіотеки; пахутъ землю и читаютъ Гомера, и живутъ такъ чисто, такъ хорошо, что Музамъ и Граціямъ не стыдно посѣщать ихъ. Кто не слышалъ о славномъ Цирихскомъ крестьянинѣ Клейнъ-йокѣ, у котораго Философы могли учиться Философіи, съ которымъ Бодмеръ, Геснеръ, Лафатеръ, любили говорить о красотахъ Природы, о величествѣ Творца ея, о санѣ и должностяхъ человѣка? ²⁾ — Не далеко отъ Мангейма живетъ и теперь такой поселянинъ, который читалъ всѣхъ лучшихъ Нѣмецкихъ и даже иностранныхъ Авторовъ, и самъ пишетъ прекрасные стихи ³⁾. Сии упражненія не мѣшаютъ ему быть трудолюбивѣйшимъ работникомъ въ своей деревнѣ и прославлять долю свою. „Всякой день“, говоритъ онъ ⁴⁾“, благодарю я Бога за то, что онъ опредѣлилъ мнѣ быть поселяниномъ, котораго состояніе есть самое ближайшее къ Naturѣ, и слѣдственно самое щастливѣйшее.“

Законодатель и другъ человѣчества! ты хочешь общественнаго блага: да будетъ же первымъ закономъ твоимъ — просвѣщеніе! Гласомъ онаго благодѣтельнаго грома, который не умерщвляетъ живущаго, а напаяетъ землю и воздухъ питательными и плодотворными силами, вѣщай человѣкамъ: созерцайте Природу, и наслаждайтесь

1) Христианъ Томазіусъ (1655—1729) — нѣмецкій философъ. — Меланхтонъ (1497—1560) — сотрудникъ Лютера въ дѣлѣ реформации. — Петръ Рамусъ или Раме (1515—1571) — предшественникъ новой философіи, державшій возражать Аристотелю и подвергшійся за это гоненіямъ. — Х. Ф. Будеусъ (1634 — 1729) — нѣмецкій ученый. — Далѣе слѣдуютъ названія разныхъ формъ силлогизмовъ въ схоластической логикѣ.

2) Г. Я. Бодмеръ (1698—1786) — швейцарскій писатель.

3) Многие изъ нихъ читалъ и въ Нѣмецкомъ Музеумѣ. (Прим. Кар.)

4) Одинъ изъ моихъ знакомыхъ былъ у него въ гостяхъ. (Прим. Кар.)

ея красотами; познавайте свое сердце, свою душу; дѣйствуйте всѣми силами, Творческою рукою вамъ данными, — и вы будете любезнѣйшими чадами Неба!

Когда свѣтъ ученія, свѣтъ истины озаритъ всю землю и проникнетъ въ самыя темнѣйшія пещеры невѣжества: тогда можетъ быть, исчезнуть всѣ нравственныя Гарпіи, доселѣ осквернявшія человѣчество, — исчезнуть, подобно какъ привидѣнія ночи на разсвѣтѣ дня исчезаютъ; тогда, можетъ быть настанетъ златый вѣкъ Поэтовъ, вѣкъ благонаравія — и тамъ, гдѣ возвышаются теперь кровавые эшафоты, тамъ сядетъ добродѣтель на свѣтломъ тронѣ.

Между тѣмъ вы составляете мое утѣшеніе, вы, нѣжныя чада ума, чувства и воображенія! Съ вами я богатъ безъ богатства, съ вами я не одинъ въ уединеніи, съ вами не знаю ни скуки, ни тяжелой праздности. Хотя живу на краю Сѣвера, въ отечествѣ грозныхъ Аквилоновъ, но съ вами, любезныя Музы! съ вами вездѣ долина Темпейская — коснетесь рукою, и печальная сосна въ лаврѣ Аполлоновъ превращается, дохнете божественными устами, и на желтыхъ хладныхъ пескахъ цвѣты Олимпійскіе расцвѣтаютъ. Осыпанный благами, дерзаю презирать блескъ тщеславія и суетности. Вы и Природа, Природа и любовь добрыхъ душъ — вотъ мое счастье, моя отрада въ горестяхъ!... Ахъ! я иногда проливаю слезы, и не стыжусь ихъ!

Меня не будетъ — но память моя не совсѣмъ охладѣетъ въ мірѣ; любезный, нѣжно-образованный юноша, читая нѣкоторыя мысли, нѣкоторыя чувства мои, скажетъ: онъ имѣлъ душу, имѣлъ сердце!

О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ

ВЪ ЕЯ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ И ГРАЖДАНСКОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

Записка О древней и новой Россіи была подана Карамзинымъ императору Александру I черезъ великую княгиню Екатерину Павловну въ 1810 году въ Твери. Записка представляетъ большой интересъ для выясненія, повидимому, искреннихъ взглядовъ Карамзина на русскую жизнь того времени. Эпиграфомъ записки онъ взялъ слова 138 псалма: „Нѣсть лъсти въ языкѣ моемъ“, и дѣйствительно, она заключаетъ въ себѣ нѣсколько мѣтій, которыхъ не могъ раздѣлить Александръ. Правда, записка подана въ то время, когда въ государѣ уже начинали закрадываться сомнѣнія въ пра-

вильности пути преобразования, по которому онъ смѣло пошелъ, когда государь уже разстался съ своими любимыми совѣтниками Новосильцевымъ и Чарторыйскимъ, когда довѣріе его къ Сперанскому стало ослабѣвать, но многое въ прежнихъ планахъ продолжало ему быть дорогимъ, и Карамзину нужно было имѣть нѣкоторое мужество, чтобъ высказать свои мнѣнія. Эти мнѣнія Карамзина тѣмъ болѣе интересны, что они представляли взгляды не одного его, а значительной части консервативно настроеннаго общества.

Въ началѣ записки Карамзинъ рисуетъ картину русской исторіи, какъ онъ развилъ ее потомъ въ своей „Исторіи государства Россійскаго“, затѣмъ даетъ оцѣнку отдѣльныхъ царствованій и при этомъ значительно отстываетъ отъ своихъ прежнихъ взглядовъ на Петра I и Екатерину II: осуждаетъ Петра I за то, что онъ не считался съ національными обычаями, считаетъ его ошибкой основаніе столицы на сѣверѣ Россіи, видитъ въ немъ виновника отчужденія высшихъ сословій отъ крестьянства; въ царствованіи Екатерины II онъ видитъ больше внѣшности, чѣмъ внутренняго преуспѣянія. Отъ прошлаго Карамзинъ переходитъ къ оцѣнкѣ своего времени и здѣсь указываетъ, что большинство недовольно преобразованиями Александра I: онъ высказывается противъ учрежденія министерствъ, противъ конституціонныхъ проектовъ Сперанскаго, осуждаетъ внѣшнюю политику Россіи, говоритъ о недостаткахъ финансовыхъ мѣропріятій, не сочувствуетъ увеличенію числа университетовъ, предпочитая умноженіе числа стипендій въ гимназіяхъ, и не совѣтуетъ государю рѣшиться на освобожденіе крестьянъ, изъ опасенія осложненій въ государственной жизни. Онъ видитъ спасеніе Россіи не въ реформѣ учреждений, а въ умѣломъ выборѣ исполнителей и въ умѣломъ обхожденіи съ людьми; особое значеніе придаетъ онъ дворянству.

Всѣ эти взгляды не были чѣмъ нибудь новымъ въ Карамзинѣ; какъ человекъ очень впечатлительный, онъ быстро схватывалъ настроеніе среды, въ которой вращался, и увлекался ея взглядами: западная литература и „Дружеское общество“ Новикова придали его сочиненіямъ либеральный характеръ, но эта сторона воззрѣній Карамзина никогда не принимала формы опредѣленнаго убѣжденія. Внимательно читая даже „Письма Русскаго путешественника“, можно замѣтить и эту неопредѣленность, и склонность къ противоположнымъ убѣжденіямъ. Н. И. Тургеневъ, горячій поборникъ уничтоженія крѣпостного права, говорилъ про Карамзина, что онъ скользитъ по крестьянскому вопросу. — Даемъ выдержки.

Мы, Россіяне, имѣя предъ глазами свою Исторію, подтвердимъ ли мнѣніе несвѣдущихъ иноземцевъ и скажемъ ли, что Петръ есть творецъ нашего величія государственнаго ¹⁾? Забудемъ ли князей Московскихъ: Іоанна I, Іоанна III, которые, можно сказать, изъ ничего воздвигли державу сильную и, что не менѣе важно, учредили въ ней твердое пра-

¹⁾ Ср. выше взгляды Карамзина на Петра I и значеніе національности въ письмѣ изъ Парижа, стр. 418.

вление единовластное? Петръ нашель средство дѣлать великое, князья Московскіе приготовляли оное, и, славя славное въ семь монархѣ, оставимъ ли безъ замѣчанія вредную сторону его блестящаго царствованія? Умолчимъ о порокахъ личныхъ; но сія страсть къ новымъ для насъ обычаямъ преступила въ немъ границы благоразумія. Петръ не хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ; онъ есть не что иное, какъ привязанность къ нашему особенному, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Искоренія древніе навыки, представляя ихъ смѣшными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь Россіи унижалъ Россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ. Презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ? Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Просвѣщеніе достохвально, но въ чемъ состоитъ оно? Въ знаніи нужнаго для благоденствія. Художества, искусства, науки не имѣютъ иной цѣны. Русская одежда, пища, борода не мѣшали заведенію школъ. Два государства могутъ стоять на одной степени гражданскаго просвѣщенія, имѣя нравы различныя. Государство можетъ заимствовать отъ другаго полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сія обычай естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе незаконное и для монарха самодержавнаго. Народъ ¹⁾, въ первоначальномъ завѣтѣ съ вѣнценосцами, сказалъ имъ: „Блюдите нашу безопасность внѣ и внутри, наказывайте злодѣевъ, жертвуйте частію для спасенія цѣлаго“, но не сказалъ: „противоборствуйте нашимъ невиннымъ склонностямъ и вкусамъ въ домашней жизни“. Въ семь отношеніи государь, по справедливости, можетъ дѣйствовать только примѣромъ, а не указомъ... Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи, — виною Петръ!

Но великій мужъ самыми ошибками доказываетъ свое величіе; ихъ трудно или невозможно изгладить; какъ хорошее, такъ и дурное дѣлаетъ онъ на вѣки; сильною рукою дано новое движеніе Россіи; мы уже не возвратимся къ старинѣ!...

¹⁾ Здѣсь Карамзинъ слѣдуетъ теоріи договорнаго происхожденія государства, созданной просвѣтительной литературой XVIII вѣка (Руссо).

Многія вредныя слѣдствія Петровой системы также яснѣ открылись при сей государынѣ¹⁾: чужеземцы овладѣли у насъ воспитаніемъ; Дворъ забылъ языкъ Русскій; отъ излишнихъ успѣховъ Европейской роскоши дворянство одолжало; дѣла безчестныя, внушаемыя корыстолюбіемъ для удовлетворенія прихотямъ, стали обыкновеннѣ; сыновья бояръ нашихъ разсыпались по чужимъ землямъ тратить деньги и время для пріобрѣтенія Французской или Англійской наружности. У насъ были Академіи, высшія училища, народныя школы, умные министры, пріятные свѣтскіе люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флотъ и великая Монархиня, — не было хорошаго воспитанія, твердыхъ правилъ и нравственности въ гражданской жизни²⁾.

Всѣ Россіяне были согласны въ добромъ мнѣніи о качествѣ юнаго монарха³⁾. Онъ царствуетъ 10 лѣтъ, и никто не перемѣнилъ о немъ своихъ мыслей; скажу еще болѣе, всѣ согласны, что едва ли кто-нибудь изъ государей превосходилъ Александра въ любви, въ ревности къ общему благу; едвали кто-нибудь столь мало ослѣплялся блескомъ вѣнца и столь умѣлъ быть человѣкомъ на тронѣ, какъ онъ... но здѣсь имѣю нужду твердости духа, чтобы сказать истину: Россія наполнена недовольными, жалуются въ палатахъ и хижинахъ; не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правленію; строго осуждаютъ его цѣли и мѣры. — Удивительный госу-

¹⁾ Екатерина II.

²⁾ Въ „Историческомъ похвальномъ словѣ Екатерины Второй,“ написанномъ Карамзинымъ за 8 лѣтъ до этого, онъ говорилъ другое. Самый тонъ „Слова“ интересенъ, какъ образецъ ложноклассической формы въ прозѣ. Тогда Карамзинъ писалъ:

И *Екатерина* на тронѣ!.. Уже на безсмертномъ мраморѣ Исторія изображенъ сей незабвенный день для Россіи: удерживаю порывъ моего сердца описать его величіе... Красота въ образѣ воинственной Паллады!.. вокругъ блестящіе ряды героевъ; пламя усердія въ груди ихъ!.. Предъ Нею священный ужасъ и Гений Россіи!.. Опираясь на Мужество, Богиня шествуетъ — и слава, гремя въ облакахъ трубою, опускаетъ на главу Ея вѣнокъ лавровый!..

Съ Екатериною возсѣли на тронѣ кроткая мудрость, божественная любовь ко славѣ (источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ) неутомимая дѣятельность, знаніе человеческого сердца, знаніе вѣка, ревностное желаніе довершить начатое Петромъ, просвѣтить народъ, образовать Россію, утвердить ея счастье на столпахъ невыблемыхъ, согласить всѣ части правленія, и купить безсмертіе дѣлами Матери Отечества. Сей объѣтъ произнесла Монархиня въ глубинѣ души Своей и небесный Сердцевидѣцъ даровалъ Ей силу для испытанія.

Сограждане! *Екатерина* безсмертна Своими *побѣдами, мудрыми законами и благотѣльными учрежденіями*; взоръ нашъ слѣдуетъ за Нею на сихъ *трехъ* путяхъ славы.

Въ заключеніи онъ говоритъ:

„И я клянусь именемъ вашимъ, о сограждане! именемъ всего нашего потомства, что память Екатерины Великой будетъ во вѣки вѣковъ благословляема въ Россіи“.

Императоръ Александръ I.

дарственный феноменъ! Обыкновенно бываетъ, что преемникъ монарха жестокаго легко снискиваетъ всеобщее одобрение, смягчая правила власти: успокоенные кротостью Александра, безвинно не страпась ни тайной канцеляріи, ни Сибири, и свободно наслаждаясь всѣми дозволенными въ гражданскихъ обществахъ удовольствіями, — какимъ образомъ изъяснить сіе горестное расположеніе умовъ! Несчастливыми обстоятельствами Европы и важными, какъ думаю, ошибками правительства: ибо къ сожалѣнію можно съ добрымъ намѣреніемъ ошибаться въ средствахъ добра.

Скажемъ ли, повторимъ ли, что одна изъ главныхъ причинъ неудовольствія Россіянъ на нынѣшнее правительство есть излишняя любовь его къ государственнымъ преобразованіямъ, которыя потрясаютъ основу Имперіи и коихъ благотворность остается доселѣ сомнительною...

Всѣ намѣренія Александровы клонятся къ общему благу. Гнушаясь бессмысленнымъ правиломъ держать умы въ невѣжествѣ, чтобы властвовать тѣмъ спокойнѣе, онъ употребилъ милліоны для основанія университетовъ, гимназій, школъ; къ сожалѣнію видимъ болѣе убытка для казны, нежели выгоды для отечества. Выписали профессоровъ, не подготовивъ учениковъ; между первыми много достойныхъ людей, но мало полезныхъ; ученики не разумѣютъ иноземныхъ учителей, ибо худо знаютъ языкъ Латинскій, и число ихъ такъ не велико, что профессеры теряютъ охоту ходить въ классы.

Вся бѣда отъ того, что мы образовали свои университеты по Нѣмецкимъ, не разсудивъ, что здѣсь иныя обстоятельства. Въ Лейпцигѣ, Геттингенѣ, надобно профессору только стать на кафедрѣ, залъ наполнится слушателями. У насъ нѣтъ охотниковъ для высшихъ наукъ. Дворяне служатъ, а купцы желаютъ знать существенно ариметику или языки иностранные для выгоды своей торговли. Въ Германіи сколько молодыхъ людей учатся въ университетахъ для того, чтобы сдѣлаться адвокатами, судьями, пасторами, профессорами! Наши стряпчіе и судьи не имѣютъ нужды въ знаніи Римскихъ правъ; наши священники образуются кое-какъ въ семинаріяхъ и далѣе не идутъ; а выгоды ученаго состоянія въ Россіи такъ еще новы, что отцы не вдругъ еще рѣшатся готовить дѣтей своихъ для онаго. Въмѣсто 60 профессоровъ, пріѣхавшихъ изъ Германіи въ Москву и въ другіе города, я вызвалъ бы не болѣе 20 и не пожалѣлъ бы денегъ для умноженія числа казенныхъ питомцевъ въ гимназіяхъ; сбуд-

ные родители, отдавая туда сыновей, благословляли бы милость государя, и призрѣнная бѣдность, черезъ 10 или 15 лѣтъ, произвела бы въ Россіи ученое состояніе. Смѣю сказать, что нѣтъ инаго дѣйствительнѣйшаго средства для успѣха въ семъ намѣреніи¹⁾. Строить, покупать дома для университетовъ, заводить бібліотеки, кабинеты, ученія общества, призывать знаменитыхъ иноземныхъ астрономовъ, филологовъ, есть — пускать въ глаза пыль. Чего не преподаютъ нынѣ даже въ Харьковѣ и въ Казани? А въ Москвѣ съ величайшимъ трудомъ можно найти учителя для языка Русскаго, а въ цѣломъ государствѣ едва ли найдешь человекъ сто, которые совершенно знаютъ правописаніе, а мы не имѣемъ хорошей грамматики, а въ имянныхъ указахъ употребляются слова не въ ихъ смыслѣ²⁾....

Законодатель долженъ смотрѣть на вещи съ разныхъ сторонъ, а не съ одной: иначе, пресѣкая зло, можетъ сдѣлать еще больше зла. Такъ нынѣшнее правительство имѣло, какъ увѣряютъ, намѣреніе дать господскимъ людямъ свободу...

Не вступая въ дальнѣйшій споръ, скажемъ только, что въ государственномъ общежитіи право естественное уступаетъ праву гражданскому и что благоразумный самодержецъ отмѣняетъ единственно тѣ уставы, которые дѣлаются вредными или недостаточными и могутъ быть замѣнены лучшими.

Что значить освободить у насъ крестьянъ? Дать имъ волю жить гдѣ угодно, отнять у господъ всю власть надъ ними, подчинить ихъ одной власти правительства. Хорошо; но сіи земледѣльцы не будутъ имѣть земли, которая (въ чемъ не можетъ быть и спора) есть собственность дворянская. Они или

1) По вопросу, на что лучше затрачивать деньги въ Россіи — на высшія или низшія школы, Карамзинъ послѣдовательно защищаетъ здѣсь мысль, аналогичную которой онъ высказалъ въ 1803 году въ Вѣстникѣ Европы № 5:

„Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ народнымъ учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть важнѣйшій въ глазахъ философа. Между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми метафизиками въ свѣтѣ“.

2) Въ 1802 году значеніе Московскаго университета Карамзину представлялось въ другомъ свѣтѣ. Онъ писалъ въ „Похвальн. словѣ Екатерины Второй“:

„Многіе Ученые были имъ (Шуваловымъ) призваны изъ Германіи участвовать въ трудахъ его, наставлять юношество, питать въ немъ охоту къ наукамъ, и воспалить благородное соревнованіе въ Россійскихъ профессорахъ... И естли мы видимъ нынѣ столь многихъ достойныхъ судей въ столицахъ и въ самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ; естли ли слогъ приказный уже не всегда устрашаетъ насъ своимъ варварствомъ; естли необходимыя правила Логики и языка соблюдаются нѣрѣдко въ опредѣленіяхъ судилищъ... то государство обязано сею пользою Московскому Университету.“

останутся у помѣщиковъ, съ условіемъ платить имъ оброкъ, обрабатывать господскія поля, доставлять хлѣбъ куда надобно, — однимъ словомъ, для нихъ работать, какъ и прежде, или, недовольные условіями, пойдутъ къ другому, умѣреннѣйшему въ требованіяхъ владѣльцу. Въ первомъ случаѣ, надѣясь на естественную любовь челоѣка къ родинѣ, господа не предпишутъ ли имъ самыхъ тягостныхъ условій? Дотолѣ падали они въ крестьянахъ свою собственность, — тогда корыстолюбивые владѣльцы захотятъ взять съ нихъ все возможное для силъ физическихъ. Напишутъ контрактъ, и земледѣльцы не исполнятъ его: тяжбы, вѣчныя тяжбы! Во второмъ случаѣ, буде крестьянинъ нынѣ здѣсь, а завтра тамъ, казна не потерпитъ ли убытка въ сборѣ подушныхъ денегъ и другихъ податей, не потерпитъ ли и земледѣліе? Не останутся ли многія поля не обработанными, многія житницы пустыми? Не вольные земледѣльцы, а дворяне наиболѣе снабжаютъ у насъ рынки хлѣбомъ.

Иное зло: уже не завися отъ суда помѣщиковъ, рѣшительнаго, безденежнаго, крестьяне начнутъ ссориться между собою и судиться въ городѣ, — какое раззореніе! Освобожденные отъ надзора господъ, имѣвшихъ собственную земскую исправу или полицію, гораздо дѣятельнѣйшую всѣхъ земскихъ судовъ, станутъ пьянствовать, злодѣйствовать, — какая богатая жатва для кабаковъ и мздоимныхъ исправниковъ, но какъ худо для нравовъ и государственной безопасности! Однимъ словомъ, теперь дворяне, разсѣянные по всему государству, содѣйствуютъ монарху въ храненіи тишины и благоустройства; отнявъ у нихъ сію власть блюстительную, онъ, какъ Атласъ, возьметъ себѣ Россію на рамена... Удержитъ ли? Паденіе страшно!! Первая обязанность государя есть блюсти внутреннюю и внѣшнюю цѣлость государства; благотворить состояніямъ и лицамъ — есть уже вторая. Онъ желаетъ сдѣлать земледѣльцевъ счастливѣе свободою; но ежели сія свобода вредна для государства? И будутъ ли земледѣльцы счастливы, освобожденные отъ власти господской, но преданные въ жертву ихъ собственнымъ порокамъ, откупщикамъ и судьямъ безсовѣстнымъ?

Мнѣ кажется, что для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить людей, нежели дать имъ не во-время свободу, къ которой надобно готовить челоѣка исправленіемъ нравственнымъ; а система нашихъ винныхъ откуповъ и страшные успѣхи пьянства служатъ ли къ тому спаситель-

нымъ приготовленіемъ? Въ заключеніе скажемъ доброму монарху: „Государь! Исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало, (положимъ, что неволя крестьянъ и есть рѣшительное зло), но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ“.

Любя отечество, любя монарха, я говорилъ искренно. Возвращаясь къ безмолвію вѣрнопопданнаго съ сердцемъ чистымъ, моля Всевышняго: „да блюдетъ царя и царство Россійское“.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО

(1803—1824).

„Исторія“ Карамзина произвела большое впечатлѣніе на современниковъ и оказала значительное вліяніе на русскую литературу.

Въ 25 дней разошлись всѣ 3000 экземпляровъ первыхъ восьми томовъ, выпущенныхъ въ 1816 г. Исторіей восхищались не только современники, но не такъ далеко еще и отъ нашего времени господствовало мнѣніе, что Карамзинъ съ громадной быстротой умѣлъ собрать русскіе историческіе памятники, овладѣлъ матеріаломъ, и открылъ русскимъ читателямъ отечественную исторію, какъ Колумбъ открылъ Америку. Но рядомъ съ такимъ распространеннымъ мнѣніемъ, уже во время Карамзина находились люди, указывавшіе недостатки его исторіи. Полевой предпочиталъ имѣть не „Исторію Государства Россійскаго“ а исторію русскаго народа. Гр. Румянцевъ, хорошо знавшій памятники, бывшіе подъ руками у Карамзина, находилъ, что онъ использовалъ ихъ неглубоко. Критически отнеслись къ исторіи во время ея изданія и Арцыбашевъ, Муравьевъ, Каченовскій и, тогда еще молодой, Погодинъ. Изслѣдованіями недавняго времени (П. Н. Милоковъ. Главн. теч. р. ист. мысли) выяснено, что Карамзинъ, дѣйствительно, не всегда умѣло и вообще неглубоко, даже для своего времени, пользовался источниками, что историческіе памятники, разысканіе которыхъ приписывалось Карамзину, нерѣдко разыскивались для него Н. М. Бантышъ-Каменскимъ, А. Ф. Малиновскимъ (директоромъ архива) и его помощниками, Строевымъ и Калайдовичемъ, которые разыскавъ памятники, присылали ихъ Карамзину на домъ. Помогалъ ему въ полученіи документовъ и А. И. Тургеневъ. Самъ Карамзинъ нашелъ „Южную лѣтопись“. Самая быстрота исполненія исторіи объясняется отчасти такимъ важнымъ содѣйствіемъ упомянутыхъ лицъ и удобствами работы по памятникамъ у себя дома, отчасти и тѣмъ, что значительная доля работы была произведена до Карамзина -- Шлецеромъ, Татищевымъ, Щербатовымъ, „Бивлюеикой“ Новикова и другими изслѣдователями, но оставалась мало извѣстной читающей публикѣ, а Карамзинъ часто не оговаривалъ въ своихъ трудахъ этихъ послѣднихъ своихъ источниковъ. Люди, трудившіеся надъ русской исторіей, находили тогда, что еще не на-

стало время въ Россіи писать научную русскую исторію, и что для подобной задачи нужно еще много предварительной научной работы. Карамзинъ потому и могъ дать большой историческій очеркъ, что не ставилъ передъ собою такихъ строгихъ требованій къ труду историка, какъ нѣкоторые изъ его современниковъ.

Въ самыхъ своихъ взглядахъ на задачи историка, Карамзинъ былъ представителемъ XVIII, а не XIX вѣка, въ которомъ появилась его „Исторія“. Ему хотѣлось „выбрать, воодушевить, раскрасить“ (см. письмо изъ Парижа); онъ сохранялъ еще вкусъ къ ложноклассической манерѣ напыщенной оды. „Вмѣсто сознательнаго творца новой эпохи“ (во взглядѣ на исторію), по выраженію Милюкова, „мы должны представлять себѣ Карамзина невольной жертвой устарѣвшей рутины, и этого положенія историографа въ исторіи науки не могутъ измѣнить никакія заслуги его въ исторіи учености и въ исторіи просвѣщенія“.

Между тѣмъ успѣхъ „Исторіи“ въ свое время былъ громаденъ: ее читали на расхватъ, читали даже дамы, хотя по замѣчанію Пушкина судили въ обществѣ объ ней такъ вкривь и вкосъ, что лучше было бы, если бы и вовсе не читали. Причины, вызвавшія такое увлеченіе, довольно ясны: 1) Эпизодичность исторіи, ея ненаучность, были совершенно по плечу читателю того времени. Это была популярно изложенная исторія. 2) Проникнутая патриотическимъ настроеніемъ, исторія вышла въ свѣтъ, когда послѣ нашихъ европейскихъ походовъ общество было настроено приподнято, патриотически, и „Исторія“ вторила этому настроенію. 3) „Исторія Государства Россійскаго“ представляла литературно-художественное произведеніе, написанное замѣчательнымъ, не для одного только того времени, хотя и условно прекраснымъ языкомъ.

Благодаря такому сильному впечатлѣнію, приведенному на общество, „Исторія“ Карамзина проложила слѣдъ и въ литературѣ: она вызвала цѣлый рядъ историческихъ драмъ и романовъ, проникнутыхъ приподнятымъ и нерѣдко узкимъ патриотизмомъ. (Загоскинъ, Лажечниковъ, Кукольникъ), она давала толчекъ творчеству и такихъ людей, какъ Пушкинъ (Борисъ Годуновъ). На писателей-художниковъ она производила особенное впечатлѣніе своей красотой.

Батюшковъ свое стихотвореніе „Карамзину“ заканчиваетъ такими словами:

И я такъ плакалъ въ восхищеньи,
Когда скрижаль твою читалъ,
И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ сладкомъ умиленьи.
Пускай талантъ не мой удѣлъ,
Но я для Музъ дышалъ не даромъ,
Любилъ прекрасное, и съ жаромъ
Твой геній чувствовать умѣлъ.

Приводимая ниже часть предисловія къ „Исторіи“ даетъ характерный примѣръ историческихъ взглядовъ Карамзина и его языка.

ИЗЪ „ПРЕДИСЛОВІЯ“.

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ, главная, необходимая; зеркало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна! Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастье.

Но и простой гражданинъ долженъ читать исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Вотъ польза: сколько же удовольствій для разума и сердца. Любопытство сродно человѣку, и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмолвствовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ исторію: старецъ указываетъ юношамъ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ грамоты были посвящены вѣрѣ и дѣписанію; омраченный густою сѣнью невѣжества народъ съ жадностью внималъ сказаніямъ лѣтописцевъ. II вымыслы нравятся: но для полного удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердце и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая царства и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ; видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже насла-

ждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

Если всякая исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиніи: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный восполнить есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить о немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане — въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и Абиссиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ; любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть Греки, Римляне плѣняются воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славъ и бѣдствіямъ; но имя русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Эмистокла или Сципіона. Всемирная исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума; а російская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило. Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной державы: мысль цѣпенѣть! Никогда Римъ въ своемъ величій не могъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земля, раздѣленная вѣчными преградами естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами; какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія могли составить одну державу съ Москвой? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ и разнообразныхъ и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? Подобно Америкѣ, Россія имѣетъ своихъ дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы, являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостію и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частію міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему географіи, исторіи и просвѣтилъ божест-

венною вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Фукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не-Русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей; ибо Греція и Римъ были народными державами и просвѣщеннѣе Россіи; однакожь смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе Россіянъ при Донскомъ, паденіе Новгорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время междоусобія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько; другъ отечества, благолюбивый Мономахъ; Мстиславы храбрые, ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверской, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно мужественный Александръ Невскій; герой — юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Одно государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю монарха, достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилицѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Петра — и между сими двумя самодержцами удивительный Іоаннъ IV, Годуновъ, достойный своего счастья и несчастья, странный же — Димитрій и, за сонмомъ доблестныхъ патриотовъ, бояръ и гражданъ, наставникъ трона, первосвятитель Филаретъ съ державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во тьмѣ нашихъ государственныхъ бѣдствій, и царь Алексій, мудрый отецъ императора, коего назвала Великимъ Европа. Или вся новая исторія должна безмолвствовать, или Россійская имѣетъ право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолка въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца; но исторія не романъ, и миръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный миръ. Видимъ на землѣ величественныя горы и водопады, цвѣтушіе луга и долины; но сколько песковъ бесплодныхъ и степей унылыхъ? Однакожь путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ: въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестныя.

